

**Иона
андронов**

***Под огнем от
Афгана до Москвы
Мемуары***

Иона андронов

Под огнем от Афгана до Москвы. Мемуары

Москва 1999-2012

*«Кто знает, может быть, еще
Бог умилосердится и обратит
от нас пылающий гнев Свой, и мы
не погибнем»*

**Библия, Ветхий Завет,
Книга пророка Ионы.**

© И. И. Андронов

ООО «ДЕЛОВОЙ МИР 2000»

Лицензия: ЛР №066693 от 23 июня 1999 г.
ISBN 5-93681-001-1

Художник А. Костриков

Типография № 9. Волочаевская 40.

Формат 60х90/16

26 усл. печ. л. Вкладка – 0,5 усл. печ. л.

Тираж 10000 экз.

Заказ № 1151

ПОМИНКИ У «БЕЛОГО ДОМА»

Современной

Если вы живете в ~~сегодняшней~~ России и тем не менее сберегли душевную добросердечность, то запомнили тот кровавый день, который до сих пор слишком тягостно вспоминать. А тогда вы видели на вашем телеэкране как горит белокаменный многоэтажный дворец и как алое пламя исторгает в высь тучи черной копоти. Вы видели палящие по дворцу танки. Вы видели у стен дворца людские трупы. Это же видел и я. Но без телевизора. Я был там внутри.

Бронетанковый расстрел длился почти весь день и закончился к вечеру 4 октября 1993 года. Солдаты захватили догорающий дворец парламентского «Белого дома» и вывели меня с толпою пленников наружу. Вечерние сумерки затенили серое небо. Но у меня рябило в глазах от ослепительного пожарища над головой и огненных вспышек трассирующих пуль.

Рядом со мной теснились остальные депутаты разгромленного Верховного Совета России. А вокруг нас стояли с автоматами хмурые конвоиры в шаровидных касках, боевом камуфляже и пулезащитных жилетах.

Нас, безоружных и истомленных двухнедельной осадой «Белого дома», вытолкали на лестничный спуск от фасада парламента к набережной Москвы-реки. Тут скопилось множество броневиков и пехотинцев десантных войск. А позади них за неширокой речкой я увидел на другом берегу тысячи москвичей. Они запрудили и примыкающий к боку «Белого дома» конец проспекта Нового Арбата.

Сотни горожан взобрались даже на крыши всех окрестных домов. Но отовсюду они созерцали агонию парламента совершенно безмолвно, неподвижно, как бы безучастно. Вот что поразило меня в тот вечер и незабываемо поныне.

- За кого они здесь? – спросил я одного *(из)* моих конвоиров. – За Верховный Совет или за Ельцина?

- Ни за кого, - буркнул конвоир. – Просто сбежались поглазеть.

И впрямь, не было нигде среди несметных тысяч зрителей ни каких-либо флагов, ни митинговых плакатов, ни единого признака протеста. Зато немало зевак запаслось биноклями и фотоаппаратами. Их привлекло сюда лишь обывательское любопытство к смертельной схватке за власть над нашей страной.

Такое же холопское безразличие подметил у нас с давних царских времен великий Пушкин: «Народ безмолвствует». Так было в Москве че-

тыреста лет назад при самодержце Борисе Годунове, так повторилось при пушечном воцарении Бориса Ельцина.

Близ «Белого дома» у речного моста высится большое жилое здание, чья крыша в тот вечер тоже была усеяна десятками фанатов кошмарных зрелищ. Вскрабкался на ту же крышу и британский журналист Джонатан Стил, корреспондент лондонской газеты «Гардиан». Об этом я узнал год спустя из мемуарной книги Стила «Вечная Россия», изданной в Англии и США.

Хотя почти вся западная пресса одобрила Ельцина за танковый расстрел российского парламента, Стил поступил иначе. Мнение этого британца кажется мне и по сей день актуальным для моих апатичных соотечественников:

«В бурной истории России ее правительство 4 октября 1993 года использовало в третий раз грубую силу против избранного народом парламента. Впервые это произошло 9 июня 1906 года, когда царь Николай II послал войска захватить здание Государственной Думы и провозгласил указ о ее роспуске. Вслед за крахом монархии и спустя три недели после взятия власти большевиками в ноябре 1917 года русские избрали новый парламент — Учредительное Собрание. Однако в день открытия Учредительного Собрания 6 января 1918 года начальник стражи парламента — матрос и популярный анархист — приказал председателю законодательной ассамблеи прекратить заседания, ибо «караул устал». Солдаты большевиков вступили в зал Учредительного Собрания. Его упразднили навсегда. А недавнее решение Ельцина ликвидировать Верховный Совет и съезды народных депутатов копирует прежние антипарламентские акции российских властей в XX веке. России еще предстоит долголетний путь к истинной демократии, если эта цель вообще достижима там когда-нибудь в будущем».

Наше ближайшее будущее на редкость созвучно предсказал еще осенью 1993 года русский философ и опальный патриот — академик Игорь Шафаревич:

- Произошедшее 4 октября как будто копирует основные вехи событий начала 1918 года: разгон парламента, расстрел оппозиции, сотни жертв. Из крови убитых родилось теперь новое поколение русских, которые будут мыслить по-новому. Всплывший моральный беспредел — расстрелы, пытки, избиения, мародерство, вымогательство — долго не исчезнут из жизни страны.

Как тут не вспомнить вдобавок изречение уже почившего писателя-диссидента Андрея Синявского:

- Война в Чечне — это прямое продолжение расстрела «Белого дома». И продолжение того же — традиционный, увы, в истории России производ властей, дикое казнокрадство и мздоимство любых чинуш, вакханалия «заказных убийств», наглое обогащение криминальных дельцов за

счет обнищания безгласного народа. Его смутное будущее все чаще выглядит как возврат к нашему беспросветному извечно прошлому.

Мои надежды престарелого человека дожить до светлого будущего уже похоронены на тихой заурядной московской улочке. Там есть необычное место – две братские могилы, где никто не погребен. И все-таки установлены самодельные кресты. Под ними круглый год – букеты цветов, церковные свечи и фанерные дощечки с иконками безвестных кустарей. Все это – скорбная память о загубленных жертвах октября 1993 года.

Поблизости от символических могил – громада отремонтированного «Белого дома». А почти вплотную к могилам примыкает забор небольшого стадиона, ставшего при разгроме парламента аренной казни многих его защитников.

Живя неподалеку, я частенько прихожу на Дружниковскую улицу к ее хлипким по-бедняцки могильным крестам. И воскрешаю в памяти людей, встреченных мною здесь на уличной баррикаде, а потом расстрелянных тут же или за оградой стадиона. Сколько погибло их тогда – неизвестно наверняка даже сейчас, хотя минуло уже ~~десять~~ ^(ИИИ) лет. Так почему же эта тайна существует до сих пор? ^(НЕМАЛО)

Ответа нет в собранных мною книжках мемуаров былых вождей обороны «Белого дома» и прежних моих парламентских сотоварищей. Наиболее приметные среди них – нынешние депутаты и руководители Государственной Думы, губернаторы, сенаторы, крупные госчиновники. И никто из столь влиятельных политиков почему-то не расследовал всерьез самый главный вопрос на их совести – сколько их защитников стигнуло бесследно. Ведь официальный подсчет убитых в октябре 1993 года признан московскими газетами заниженным в десять раз.

Мартирологи газет были, впрочем, разночисленными и небезупречными. Это случайно коснулось и меня. Вскоре после погрома парламента раздался однажды в моей квартире телефонный звонок и прозвучал незнакомый мужской голос:

- Это квартира депутата Андропова?

- Да.

- А вы его родственник?

- Нет, я депутат Андронов.

- Правда?

- Да, правда.

- Так это действительно вы сами, Иона Ионович?

- Это я. А в чем дело?

- Значит, вы живы?

- Жив пока и здоров.

- Но ведь говорят, что вас будто бы расстреляли при штурме «Белого дома»! Разве вы этого не знаете?

- Знаю. И об этом слышу уже не впервые.

- С вами говорит корреспондент газеты «Мегаполис-экспресс» Вадим Трухачев. Как же вы спаслись?

- По телефону не даю сейчас никаких интервью.

- Почему?

- Чтобы избежать очередных вымыслов обо мне.

- Неужели вам не интересно узнать от меня о том, где вас вроде бы расстреляли?

- Где же?

- По соседству с «Белым домом» на стадионе «Красная Пресня». Как говорят, казнили вас якобы за то, что незадолго до разгона парламента вы, выступая по телевидению в программе «Парламентский час», показали толстую пачку неких зарубежных документов на английском языке с загадочной информацией о медицинском состоянии нашего президента. Где теперь эти документы?

- Вопрос, извините, сейчас рискованный. Прощайте ...

Через три дня еженедельник «Мегаполис-экспресс» тиснул заметку под заголовком «Слух: Андронов расстрелял ОМОН»:

«В ночь с 4 на 5 октября на стадионе «Красная Пресня», недалеко от «Белого дома», омским ОМОНОм был расстрелян нардеп Иона Андронов. Расстрелян за то, что обладал информацией, смертельно опасной для президентского окружения. Все это обозревателю «М-Э» рассказал бывший офицер спецсвязи, служивший в Афганистане и лично встречавшийся там с расстрелянным. На девятый день после штурма побывал бывший «афганец» на уличных поминках у «Белого дома», где пришедшие выпили за упокой и нардепа Андропова. Однако проверка показала: Андронов и теперь живее всех живых...».

Хотя черный юмор газеты развеял вымысел обо мне «бывшего офицера спецсвязи», но с ним действительно повстречался я роковым вечером 4 октября. Офицер прорвался в «Белый дом» вместе со штурмовым отрядом «Альфа», чьи стрелки пленили поверженных защитников парламента.

Офицер из «Альфы», бывшего спецназа КГБ, поздоровался со мной вполголоса и напомнил столь же негромко о нашем давнишнем знакомстве в далеком Кабуле во времена моих журналистских командировок на афганскую войну. Ветеран КГБ заговорил с подконвойным депутатом из явного сочувствия и жалости. Ночью «Альфа» отдала своих пленников на растерзание пьяным головорезам милицейского ОМОНа. Знал ли наперед тот офицер «Альфы» о предстоящем расстреле пленных на стадионе? Но туда я не угодил, сбежав в потемках от хмельной солдатни ОМОНа.

Много позже мой студенческий однокашник — отставной шеф КГБ Леонид Шебаршин — мрачно-уто усмехнулся при нашей встрече:

- Как же они упустили тебя целым 4 октября?

На исходе того проклятого октября меня навел в столичные высшие сферы профессор-международник Владлен Сироткин — эле-

гантный седой политолог всесторонней информированности. Ею одарил он и меня вполне по-дружески:

- Насколько мне известно, вам, Иона, нечего опасаться ареста или иного публичного преследования. Ведь верхи понимают, что на открытом суде вы способны разгласить слишком взрывчатые сведения. Вместо этого рационально было покончить с вами вглухую, но сей удобный шанс 4 октября уже упущен...

Ну, и слава Богу. Спасибо за его милосердие. Об этом вспоминаю теперь каждый раз у крестов мемориальных могил возле краснопресненского стадиона. Был там на сороковой день православных поминок и выслушал в толпе москвичей много поздравлений с чудесным возрождением. А потом один протиснулся в щель незапертых железных ворот безлюдного стадиона, испытывая трепет выходца с того света.

Передо мной лежало в комьях грязи перепаханное бронемашинами футбольное поле. Слева от него сгрудились переломанные деревянные скамеек для зрителей. Справа горбатился жестяной домик, изрешеченный дырками от выстрелов крупнокалиберного пулемета. И будто неведомая сила подтолкнула меня пройти вперед по кромке поля стадиона к его противоположной ограде из вертикальных бетонных плит. Четыре из них были сплошь исколоты кружками пулевых вмятин и зияли дюжиной сквозных пробоин мощного пулемета — от земли до высоты человеческого роста. Так я увидел с внезапной дрожью стену массового расстрела.

Очнулся от шороха за спиной чьих-то шагов. Оглянувшись, узрел, словно привидение, миниатюрную хрупкую блондинку. Она мелькала повсюду в «Белом доме» с первых часов его сентябрьской осады кремлевской ратью и вплоть до октябрьской бойни. Имя этой отважной крохотули было хорошо известно в Москве — Надежда Гарифулина из редакции «Советской России».

Свидание заново с Надей у места убийства наших товарищей получилось поневоле безрадостным. А тут еще к нам подошел пожилой сторож стадиона, спросил, кто мы такие, пособолезновал и принес из прострелянного пулеметом жестяного домика ворох измятых бумажек, перепачканных чем-то буро-желтым. Сторож сказал:

- Это я подобрал здесь после расстрела. Возьмите и сберегите.

Траурный презент состоял в основном из листовок, предсмертных прокламаций распятого парламента и голубых талончиков на скудное пропитание в его блокадной столовой. Осталось от покойников, очевидно, только то, чем не прельстились палачи-мародеры...

Вдвоем с Надей мы вернулись со стадиона к скопищу людей на уличных поминках. Там журналистка принялась записывать на свой магнитофон надрывные рассказы жительниц примыкающих к стадиону домов. Оттуда видели с верхних этажей казни на стадионе.

Расстрелы начались, оказывается, еще засветло ранним вечером 4 октября: первую группу обреченных заступников парламента пригнали на

стадион к бетонному забору автоматчики в пятнистом камуфляже. За ними въехал через ворота зеленый бронетранспортер и располосовал пленников пулеметным огнем. Там же в сумерках учинили второе побоище. А далее ночью стадион неоднократно изрыгал гром бешеной пальбы и истошные вопли. К рассвету стихло.

Стадион был оцеплен милицией и войсками. Они пропускали только военные грузовики-фургоны для потайного увоза отсюда безжизненных тел.

Спустя двое суток лояльные Кремлю столичные газеты хладнокровно опубликовали цифру загнанных на стадион пленных – 600 человек. Не все они, однако, погибли. Нескольких уцелевших узников стадиона впоследствии разыскал московский журналист Валерий Рогов. Опрошенные им очевидцы ночного расстрела рассказали, что убийцы-омоновцы, распалившись бутылками водки, сперва «фильтровали» свои жертвы и затем убивали всех, «кто им не нравился или отказывался держать руки на затылке, и тех, кто говорил им в лицо — «сволочи»!

Знаю лично двух бесспорно достоверных очевидцев финала стадионной экзекуции. Первый — москвич Юрий Евгеньевич Петухов. Его дочь — 19-летняя студентка Наташа — помогала добровольно обороне «Белого дома» и была 4 октября доставлена полуживой от пулевых ранений в городскую милицию, искалечена изуверски и добита выстрелом в затылок. Несчастный отец в тщетной надежде на правосудие составил письменное показание:

«4 октября я узнал от друзей Наташи о ее гибели, но где это произошло, они толком не знали. Рано утром 5 октября, еще затемно, я подъехал в горевшему «Белому дому». Рядом лежало несколько расстрелянных молодых ребят без обуви и ремней. Я подошел к оцеплению молодых танкистов с фотографией Наташи, и они сказали мне, что много трупов на стадионе, есть еще в здании и подвале «Белого дома». У танкистов спросил, куда отвезли раненых и погибших, но они не знали об этом ничего... Я зашел на стадион. На стадионе было очень много расстрелянных людей. Часть из них была без обуви и ремней, некоторые раздавлены. Я искал дочь и обошел всех расстрелянных и истерзанных... Я опознал Наташу в морге 7 октября...».

Еще одно показание довелось выслушать устно, неофициально и даже вроде бы невзначай, но зато произошло это в московском посольстве Соединенных Штатов. Туда приглашали меня прежде на приемы как зампредседателя Комитета по международным делам Верховного Совета России. А последний раз позвал по старой памяти в гости советник-министр посольства Луис Сел накануне первой полугодовщины октябрьской трагедии — 30 марта 1994 года.

В тот день американский дипломат и его супруга Кэти устроили семейный обед на четверых для меня и моей жены Валентины. И перед обедом предложили, как у них принято, пригубить по рюмке в гостиной.

Ее большущее окно во всю стену обрамляло широкоэкранно на редкость дьявольскую городскую сцену: прямо через улицу высилась бетонная ограда стадиона «Красная Пресня» с дырками насквозь от пулеметного расстрела.

Глядя на побледневшую мою жену, Кэти Сел промолвила:

- Боже мой, представляю, как тогда вы тревожились за своего мужа.

- Когда по телевизору показывали у «Белого дома» лежащих раненых и убитых, - ответила Валя, - я содрогалась в ожидании разглядеть серо-красную куртку мужа.

- А у наших посольских соседей окна квартиры были разбиты пулями, - сказала миссис Сел. - Я пряталась с женщинами в подвальном гимнастическом зале. Когда утром 5 октября Луис вошел в нашу квартиру, то увидел на стадионе груды трупов.

- Хм, примерно так, - отозвался неохотно дипломат, смущенный, вероятно, эмоциональным прямодушием супруги.

- Но ты же, Луис, видел эти груды трупов! - воскликнула она. - Ведь ты видел трупы на стадионе!

- Да, видел, - признал он угрюмо.

По его виду было ясно, что он обеспокоен: вдруг я начну возмущаться поведением вашингтонской дипломатии в ту пору. Но я, будучи в гостях, не стал бесполезно царапать зачехленную накрепко совесть бывшего дипломата. А совесть у него все же есть, о чем поведаю, кстати, в дальнейшем...

Следующей весной 4 апреля исполнилось полтора года со дня гибели парламента, и я снова пошел туда к уличным могилам зажечь поминальную свечку. «Белый дом» заняло ельцинское правительство и наняло турецких строителей счистить молчком брызги русской крови в залах, коридорах, на лестницах парламентского дворца. Туркам доверили сменить окровавленные настенные панели и паркет, залатать орудийные пробоины внешних стен, отмыть их от копоты пожарища и набело загримировать.

Запятнанные трупами ковры и мебель заменили сверхдорогим импортом из Италии и Швейцарии. Вокруг «Белого дома» воздвигли на мраморных постаментах неприступный чугунный частокол высоченных шестов с острыми наконечниками. Облицевали ценным мрамором даже крепостные будки полицейской стражи. В итоге угрохали миллиарды рублей из скудной государственной казны. Министр финансов Александр Лившиц, вселившись в «Белый дом», сперва сам обалдел от роскоши своей новой резиденции:

- Стены в золоте, а страна в дерьме!

Народных денег не пожалели власти и на маскировочную косметику расстрельного стадиона: его бетонное ограждение исчезло, уступив место забору трехметрового роста из металлических прутьев. У такой конструкции особый хитрый резон. Полтора года бетонные плиты стадиона пе-

стрели рукописными проклятиями кремлевским убийцам и президенту персонально. Эти надписи замалевывали чуть ли не каждую педелью по директиве свыше, но они возникали там же опять и опять. Однако наши душегубы иногда находчивые ловкачи: сейчас уже не напишешь им стенового лозунга анафемы на железной решетке.

И все-таки на подходе к устоявшим пока могильным крестам я заметил на прутьях новой ограды стадиона привязанную маленькую табличку: «Здесь 4 октября 1993 года расстрелян Роман Веревкин 17-ти лет». А подалее — вторую: «Все прощается. Пролитым невинную кровь не простится никогда».

Шел мокрый снег. Зябкий ветер порывисто метался по пасмурной улице. Вечерело. У двух братских крестов было малоллюдно: всего лишь десятка три нахохленных горожан в непритязательной одежде. Большинство — немолодые женщины. Одна в слезах раскладывала алые цветы. Наверное, мать убитого. Увидев меня, женщины окружили и запричитали:

— Спасибо, Иона Ионович, что хоть вы пришли. Сегодня мы не дождались тут никого из вождей обороны «Белого дома». Так обидно!

Они рассказали, как месяц назад старались всячески помешать бульдозерам мэрии снести бетонку стадиона, как стыдили разрушителей и ругали их, отпихивали от стены октябрьского расстрела и даже пытались прикрыть ее своими телами. И жаловались, что никто из главных предводителей антиельцинской оппозиции не удосужился появиться.

Потом мы с ними поднялись по кривому переулку на пригорок к церкви Святого Иоанна Предтечи, где семьи погибших в складчину заказали поминальный молебен. На паперти расставили десятки картонных фотопортретов в черных рамках. Внутри храма священник и дьяконы нараспев провозглашали длинные перечни русских имен «невинно убиенных за Веру и Отечество».

Небольшой церковный зал был наполовину пуст. Перед алтарем жались друг к другу родичи убиенных. Не пришли ни вожаки парламентского сопротивления, ни мои бывшие коллеги-депутаты. Среди молящихся я приметил лишь одного давнего друга — изгнанного с военной службы за вольнодумство офицера Виктора Мовчана, который год за годом никак не может собрать достаточно подаваний на достойный памятник нашим мертвым соратникам.

Ко мне подошел осиротевший отец Наташи Петуховой, пожал руку и высказал приветствие, прозвучавшее вежливым укором:

— Благодарю, что хотя бы вы смогли прийти.

Разгадка грустного казуса простая: полуторагодичные поминки у «Белого дома» состоялись самостийно без предварительного приглашения главных политиков оппозиции. И без оповещения загодя телевидения. А без него нелегко созвать на улицу столичные знаменитости.

Но зато ежегодно 4 октября волшебный магнит телекамер привлекает к уличным поминкам блестящее созвездие разнопартийных кандидатов

в кремлевские президенты, их поклонников и конкурентов, фрондеров и крикунов, жаждущих возглавлять толпы рядовых сторонников оппозиции. Реют многоцветные флаги, орут мегафоны, звенят подкованные сапоги марширующих бравых казаков, вздымаются на палках гневные транспаранты. На забитой публикой Дружковской улице вещают наперебой самые шустрые ораторы оппозиции, заимевшие персональные громкоговорители.

Помню, как на первом траурном митинге раньше всех дорвался до громкоговорителя тогдашний депутат Госдумы жириновец Вячеслав Мамрычев — общеизвестный скандалист и телевизионный клоун, пристрастившийся одевать шутовские наряды и женские парики. От выкриков этого скомороха у крестов «Белого дома» становилось тошно.

Впоследствии на октябрьских поминках стал заглавным оратором Геннадий Зюганов, председатель Центрального комитета компартии Российской Федерации. Он обычно возвышается над головами манифестантов, стоя на платформе грузовика с мощным звукоусилителем.

С обоих флангов автотрибуны развешаны на подставках репродукторы и красные стиги. На широкой груди лидера КПРФ приколот к лацкану пиджака депутатский значок уничтоженного Верховного Совета. Но это маскарад: Зюганов не был народным депутатом России и никак не причастен к обороне парламента.

В пору военной блокады «Белого дома» председатель компартии несколько раз посещал осажденный парламент, но ретировался оттуда накануне штурма. Поздним вечером 2 октября кремлевские власти позволили Зюганову выступить по телевидению с призывом к народу «сохранять спокойствие и сдержанность, не участвовать в митингах и забастовках».

Глава разгромленного парламента Руслан Хасбулатов сказал потом журналистам:

- Не могу расценить выступление Зюганова иначе, как предательство защитников Конституции. Это было, знаете, как нож в спину.

Моя приятельница Надя Гарифуллина, коммунистка из «Советской России», осмелилась тоже упрекнуть Зюганова за его телевыступление 2 октября. Вслед за тем он добился изгнания Нади из ее газеты.

А мне опротивели горлопаны на барабанно шумных поминках у «Белого дома». Прежде я не один раз на крупных слетах оппозиции уговаривал ее командиров: исполните прежде всего ваш духовный долг — проясните полностью все трагические судьбы сгинувших безымянно подопечных вам защитников «Белого дома». Этому воззванию лишь слегка аплодировали, но всерьез ничего на деле не получилось.

Безуспешны были и робкие попытки малой кучки родственников погибших наладить заодно со мною общественное расследование неведомой участи застреленных в «Белом доме» сограждан. Тут, каюсь, и мой грех, и стыд, и боль.

Так сколько же жизней оборвал штурм российского парламента?

За первые полчаса боя я видел своими глазами с третьего этажа примерно полсотни мертвецов под окнами тыльной стороны «Белого дома». Потом и внутри него шквал атаки достиг третьего этажа, откуда пришлось мне пробираться по коридору под прикрытием завала из столов и кресел, где отстреливались трое наших бойцов. А рядом на полу лежал убитый парень. Вдгонку мне прокричали: «Скорее скажи нашим – кончаются патроны!».

Но когда к ним на выручку бросились чуть позже, то их павшая коридорная застава огрызнулась огнем и матом победоносных штурмовиков. Они за редким исключением добивали обезоруженных противников. И усеяли трупами нижние шесть этажей «Белого дома».

А выше танковые снаряды рвали людей в клочья. Никто среди выживших никак не мог тогда подсчитать все трупы в лабиринтах 19-ти этажей колоссального дворца, в его обширных подвалах и подземных туннелях. Захватчики этим воспользовались. Пленный ими и едва не убитый парламентарий Сергей Бабурин, популярный оппозиционер, предрек после штурма:

- Убежден, что подлинная цифра погибших не станет известна никогда.

Тайна неизбежно обрастает разнотолками. «Белый дом» еще был оккупирован гарнизоном войск МВД, когда 30 октября московская «Независимая газета» напечатала удивительно смелое письмо офицера этих войск:

«Я офицер внутренних войск и для меня вопрос чести сообщить вам, что я знаю. В «Белом доме» было обнаружено 1500 трупов, среди них женщины и дети. Все они были тайком вывезены оттуда через подземный туннель, ведущий от «Белого дома» к станции метро «Краснопресненская» и далее за город, где были сожжены. Об идентификации и речи не было. Где жгли — не знаю».

Затем другие газеты, споря о численности октябрьских жертв, рассекретили негласный подсчет властями собранных трупов — всего якобы 948.

Но относительно «Белого дома» любая гробовая статистика сперва вообще отрицалась официально. Через двое суток после штурма пресс-секретарь Главного медицинского управления столицы Игорь Надеждин объявил невероятный результат десятичасового побоища в здании парламента:

- Внутри этого объекта не обнаружено ни одного трупа.

Изумление удвоили здешние журналисты, обошедшие все московские морги, где не было задокументировано ни единого тела из «Белого дома». Запоздалое объяснение прозвучало затем из уст тогдашнего Генерального прокурора Валентина Степанкова вслед за его отставкой после московского кровопролития:

- 5 октября в «Белом доме» мы не обнаружили ни одного трупа. Ни одного! Поэтому следствие лишено возможности в полном объеме установить причины смерти каждого из тех людей, которых до нас увезли из этого здания.

Заявление генпрокурора Степанкова уточнил по моей просьбе его коллега Леонид Прошкин, который руководил в Генеральной прокуратуре расследованием всех обстоятельств октябрьской трагедии 1993 года. Прошкин утверждает:

- После штурма «Белого дома» военное командирование допустило туда наших следователей Генеральной прокуратуры не 5 октября, как сказал ошибочно Степанков, а только 7 октября.

Стало быть, тайной вывоз трупов из здания парламента производился не одну ночь с 4 на 5 октября, а три ночи подряд. Хотя возможно, что и дольше.

Как увезли трупы и куда – тоже кремлевский секрет. И тоже источник всяких слухов. Самая распространенная версия такова: убитых в «Белом доме» тайком свалили после штурма в автофургоны и поспешно запрятали бранные останки на нескольких подмосковных кладбищах.

В первую ночь после штурма городским пожарным не дали загасить факельный костер верхней части дворца, где сожгли, как потом говорили, многих погибших, а их кости уничтожили какой-то кислотой. Да еще рассказывают, будто некоторые трупы замурованы в тупиковых закоулках подвалов.

Спустя три недели после засекреченных погребений промелькнуло в прессе и осталось безответным письменное заявление москвички-пенсионера П.Артеменко:

«Я отставной майор МВД. А моя дочь живет напротив здания парламента через Москву-реку. Три ночи – с 5 на 6 октября, с 6 на 7 октября и с 7 на 8 – моя дочь видела ночами на реке суда с широким остовом, возможно, баржи, в которые из здания парламента военные перегружали что-то, переносили в мешках и на широких полотнищах. Дочь наблюдала все это в театральный бинокль. Но выйти из дома и рассмотреть поближе даже думать не приходилось: комендантский час, строго. Я допускаю, что это вывозились останки погибших в расстрелянном здании и не спасенных раненных».

Так возник еще один упорный слух: баржи с трупами из «Белого дома» и полуживыми от ран людьми уплыли подальше от столицы и были где-то навечно утоплены на глубоком дне.

Все эти зловещие догадки на протяжении трех месяцев настолько раскалили общественную атмосферу, что ради ее охлаждения правительство все же объявило (будто нарочно на Рождество) свою официальную вариацию бухгалтерии октябрьских убийств:

«3 и 4 октября в городе Москве погибло всего – 145 чел. Погибших и умерших от ран доставлено из районов «Белого дома» и мэрии – 97 чел.».

В тот же день власти пополнили свой бездушный список «челов» еще одним раненым в октябре москвичом, который скончался на больничной койке.

Мало кто поверил, конечно, десятикратному снижению первоначальных цифр московского расстрела. Его трупный урожай в «Белом доме» и вовсе поныне неизвестен. Расплывчатая формулировка — «доставлено из районов «Белого дома» и мэрии 97 чел.» — географически охватывает подвергнутые штурму на трех улицах защитные баррикады парламента, проезд между ним и соседней мэрией, тыльную площадку парламента и примыкающий к ней стадион. Оттуда весь день 4 октября телевидение напрямую демонстрировало, как вокруг «Белого дома» валяются на земле мертвецы и как их оттаскивают прочь санитары и сострадательные горожане. К ночи войска, словно по команде, стали гнать от «Белого дома» всех штатских, бить журналистов, отнимать фотоаппаратуру, отпугивать стрельбой.

Честное расследование октябрьских убийств попытался поначалу предпринять один храбрец-прокурор, прозванный в Москве «Инопланетянином» за его наивное правдоискательство. Он жил раньше в сибирском городе Омске и преподавал юриспруденцию в местном университете.

Провинциальный профессор по имени Алексей Казанник впервые прославился в 1989 году, когда был избран депутатом Верховного Совета СССР, но уступил неожиданно свое почетное место лишенному этого статуса Борису Ельцину, новоявленному кумиру российских демократов. А далее романтик-демократ исчез на четыре года с политической авансцены и вернулся домой в свой университет.

Как вдруг 5 октября 1993 года, сразу после расправы с парламентом, кремлевский триумфатор, помня беззаветного сибирского друга, вызвал по телефону Казанника экстренно в Москву заменить недостаточно удобного президенту Генерального прокурора Степанкова.

В столице Казаннику моментально подарили шикарную квартиру в президентском доме, где обитал сам Ельцин с домочадцами. И сходу Ельцин предложил ошастливленному новоселу и генпрокурору возложить на арестованных вожаков обороны «Белого дома» всю вину за массовые убийства москвичей.

Помимо устной инструкции президента Казанник получил, по его словам, письменную директиву из Кремля аналогичного содержания:

- В письме из администрации Президента было написано: предлагаем не устраивать никаких политических процессов. В течение 10 дней расследовать уголовное дело и предъявить всем обвинение по статье 102 Уголовного кодекса и статье 17 — соучастие в убийстве. Передать дело в Военную коллегия по уголовным делам Верховного суда, а самому выступить обвинителем и потребовать для всех смертной казни.

Кроме смертных приговоров военного трибунала Казаннику заказали осуществить инициативу приверженцев Ельцина:

- Мне принесли из «Демвыбора России» огромнейший список тех людей, которых якобы надо было арестовать в первую очередь.

Однако ельцинский фаворит, оказавшись подлинным законником, подвел своего верховного покровителя. «Инопланетянин» отверг все адресованные ему предписания:

- Порвал, выбросил в урну и сказал: «Я сижу в кабинете, в котором работал Вышинский. Но я никогда не буду возрождать дух Вышинского».

Сибирский Дон-Кихот аргументировал свое поведение верностью государственным законам:

- События 4 октября образуют самостоятельный состав преступления, точнее целый набор составов, но также и со стороны исполнительной власти. Это – превышение власти со стороны высших должностных лиц. Убийства – со стороны исполнителей, нанесение тяжких телесных повреждений, уничтожение государственного имущества путем поджога и тому подобное. Все эти преступления совершены по низменным мотивам, на почве мести.

Казанник пренебрег столичной пропиской, затянул следствие почти на четыре месяца вместо запланированных Ельциным десяти дней и даже вознамерился учинить допросы штурмовавшим «Белый дом» сподвижникам президента:

- Министр обороны Грачев не предоставлял следствию ни документов из тех воинских подразделений, которые участвовали в штурме «Белого дома», ни сведений о вооружении и боеприпасах. Он препятствовал допросам военнослужащих. Из-за этого я направил министру Грачеву письменный запрос. Немедленно позвонил президент Ельцин. «Вы против кого копаете? – раздраженно спросил он меня. – Немедленно отзовите свой запрос».

Грозный окрик был усилен конфиденциальными уговорами, которые Казанник пересказал московскому корреспонденту газеты «Лос-Анджелес таймс»:

«Казанник рассказал, как некоторые люди предупреждали его о том, что в случае, если он попытается выдвинуть обвинения против высших должностных лиц, «они устроят вас физически».

Угрозы, гнев президента, бойкот столичной знатью честного генпрокурора-одиночки увенчались тем, что никто из октябрьских палачей не был избран под конец следствия.

Между тем девятка тюремных узников из «Белого дома» – Руцкой, Хасбулатов, Ачалов, Макашов, Терехов, Баранников, Дунаев, Константинов, Анпилов – пополнилась еще тридцатью арестантами из числа защитников парламента. Допросам генпрокуратуры подверглись все пережившие штурм «Белого дома» депутаты и парламентские служащие. Ко мне сначала на квартиру нагрянула 21 октября инспекционная команда – прокурор, охранник и двое понятых, а на допрос вызвали утром 1 ноября и подержали до вечера без малейшего интервала.

В помещении следственной группы генпрокуратуры меня завели в просторный кабинет, где располагались за столами трое следователей. Один из них – Анатолий Башмаков – выпытывал очень настойчиво: кто в «Белом доме» был вооружен во время штурма? Кто раздавал оружие? Какие приказы исходили от Хасбулатова и Руцкого?

Я отвечал одно и то же: «Не знаю, не видел, не слышал, не помню». А следователь опять повторял свои вопросы и советовал не отнекиваться ради моего же блага. Устав от препирательства, я сорвался:

- Прошу записать в протокол моего допроса, что я не являюсь Павлом Морозовым.

- Тогда вполне возможно, что вас вызовут сюда заново! – парировал следователь.

Прекратив, наконец, допрос и отпуская меня, Башмаков к моему недоумению вышел со мной из кабинета, подхватил любезно под локоть, вывел на безлюдную лестницу и сказал с улыбкой:

- Я с удовольствием читал раньше ваши газетные очерки. Чем занимаетесь сейчас?

- Надеюсь написать нечто вроде мемуаров.

- Пожалуйста, – попросил он, – известите меня о выпуске вашей книги. Вот записка с моим домашним адресом и номером квартирного телефона. Желаю вам удачи!

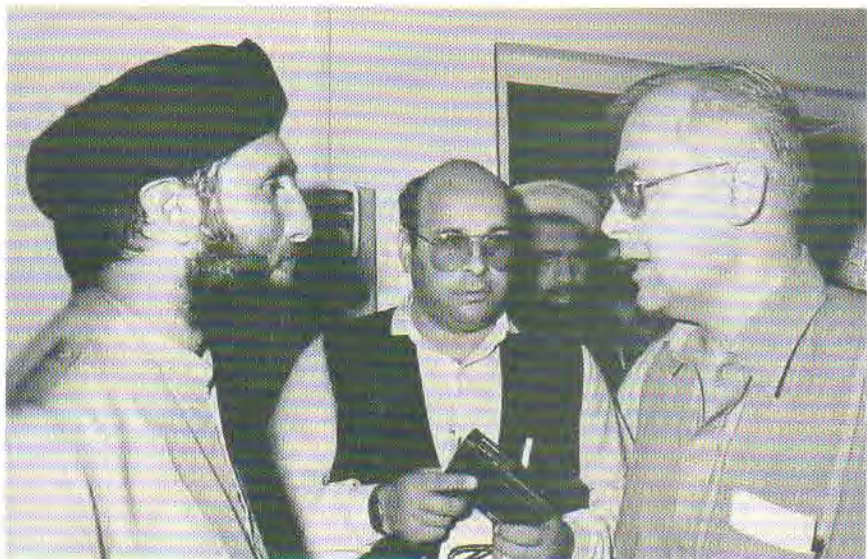
Секретно добрый инквизитор Башмаков был, наверное, подстать его начальнику, затравленному угрозами и президентскими попреками. Но ослабевший отпор Казанника и его метания между законностью и кремлевским самодуром уже утратили первоначальную значимость на пороге 1994 года. Ибо ситуация в стране менялась отнюдь не в пользу октябрьских погромщиков. Декабрьские выборы в Государственную Думу принесли успех оппозиции.

У ворот бывшей спецтюрьмы КГБ «Лефортово», куда упекли лидеров парламентского сопротивления, дежурили посменно пикетчики с плакатными лозунгами за освобождение узников. Воспрянувшие духом арестанты на допросах вместо покаяний обличали своих врагов и готовились к тому же на суде. Из проигравших политиков они превратились благодаря народному сочувствию в безвинных страдальцев. Казнить их было уже поздно. А позволить им на суде разоблачать организаторов сотен убийств – катастрофично для правительства.

И вот все это заставило Кремль спроектировать спасительно-компромиссную комбинацию. На сей счет заместитель Казанника – прокурор Владимир Кравцев – запомнил малоизвестный эпизод в январе 1994 года:

- Казанник сообщил нам, своим заместителям, что есть черновой вариант, поступивший из аппарата президента, где поставлен вопрос о возможном применении амнистии в отношении лиц, связанных с событиями августа 1991 года, 1 мая 93-го года и, возможно, октября 93-го года.

Вожак афганских моджахедов Гульбеддин Хекматъяр обсуждает с Ионой Андроновым условия освобождения советских военнопленных в Афганистане.

Июль 1989 года, Пешавар.

Солдаты Валерий Прокопчук (слева) и Андрей Лопух освобождены из афганского плена с помощью Ионы Андронova и доставлены в Москву.

Ноябрь 1989 года, аэропорт Домодедово.

Освобожденный из афганского плена полковник советских ВВС Александр Руцкой доставлен в столицу Пакистана для передачи посольству СССР. Рядом с Руцким — дипломатический представитель ООН Бенон Севан.

Август 1988 года, Исламабад.

Пленники моджахедов — афганский президент Наджибулла и его брат — убиты после зверских пыток и повешены на центральной площади Кабула.

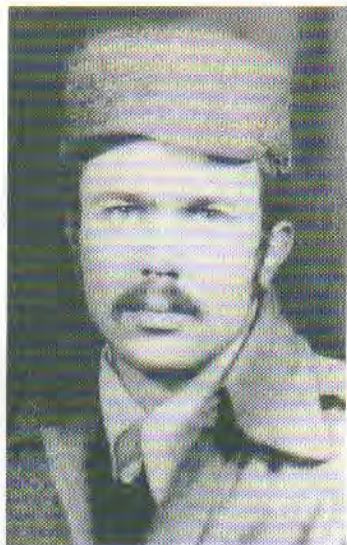
Сентябрь 1996 года.

Советский солдат Носирджан Рустамов, освобожденный из афганского плена с помощью Андропова, пытался ранее дважды сбежать от моджахедов, но был пойман, избит и заклеен двумя татуировками на груди, что обрекло бы его на казнь за третью попытку побега.

Февраль 1992 года, Исламабад.

Погибший в плену у афганских моджахедов лейтенант Виктор Лосев, фронтовой друг Ионы Андропова.

Апрель 1981 года, погранзаства Джаджи.

Московский финал освобождения из тюрьмы в Латвии капитана милиции Сергея Парфенова, бывшего заместителя командира рижского ОМОНа.

Август 1993 года.

Самый скандальный соучастник «битвы компроматов» в Москве летом 1993 года — Дмитрий Якубовский по прозвищу «генерал Дима».

Наставник «генерала Димы» — гражданин Израиля миллионер Борис Бирштейн, распознанный московскими газетами «двойной агент израильской разведки и КГБ».

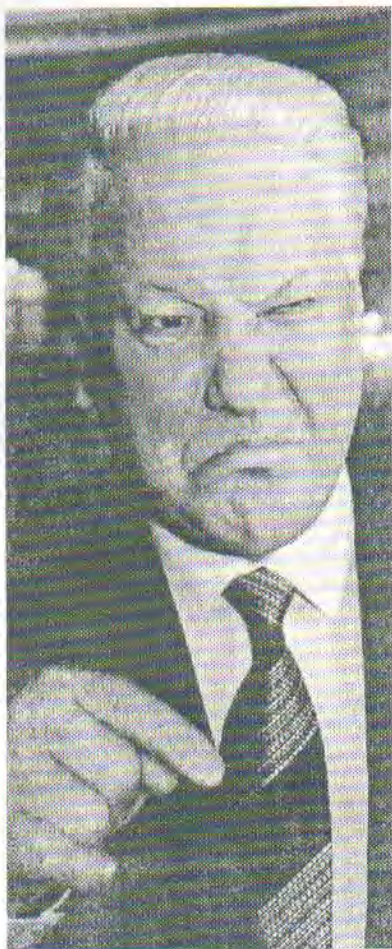

Опекун Бирштейна и давний знакомый «генерала Димы» — Рафи Эйтан, знаменитый супершпион израильской разведслужбы Моссад.

Провозглашенный указом Ельцина лауреат Государственной премии России художник Михаил Шемякин развлекается в Нью-Йорке.

(Фото из альбома «Chemiakin, Mosaic Press, Canada»)

Борис Ельцин 3 октября 1993 года:
«Принимая решение,
я бросаюсь как в воду.
Я не хочу анализировать.
Я принял решение. Больше такого
парламента у России не будет!»

3 октября 1993 года после захвата мэрии генерал Макашов прокричал в мегафон: «Больше не будет ни мэров, ни пэров, ни херов!»

Спецгруппа антитеррора «Альфа» 4 октября 1993 года получила приказ Ельцина штурмовать защитников парламента «на поражение огнем».

Вопреки приказу Ельцина истребить внутри «Белого дома» всех уцелевших там после десятичасового штурма офицеры «Альфы» отложили их оружие, подняли миротворчески белый флаг и призвали защитников парламента прекратить самоубийственное сопротивление.

4 октября на исходе штурма и бронетанкового расстрела «Белого дома» в его полутемном зале с тусклыми свечами офицеры «Альфы» и Андронов убеждают депутатов и служащих парламента избежать гибели — закончить вооруженное сопротивление кремлевским войскам.

Эти слова разрушают полностью исторически общепринятый лжефакт: якобы наперекор воле Ельцина в феврале 1994 года Государственная Дума бесстрашно провозгласила амнистию подсудимых по делу ГКЧП в 1991 году и московских политзаключенных 1993 года. Такой фальсификацией обманули прессу и общественность, так как в Кремле не желали озлоблять против себя поддерживавших октябрьское избиение рядовых ельцинистов. Вместе с тем опасались разъяснить им вслух неизбежность скандального краха судебного процесса над узниками «Лефортово».

Амнистия по январскому «черновому варианту» аппаратчиков президента предусматривала исчезновение ореола народных мучеников вокруг Ручко, Константинова, Терехова, Анпилова и остальных задолго до следующих парламентских и президентских выборов. А затем программировалось столкновение предвыборных амбиций освобожденных политиков для раскола оппозиции. Кроме того, амнистия означала унижительное признание виновности согласных на нее. И тем самым способствовала их дискредитации. Коварный прогноз осуществился целиком.

Разработчики «чернового варианта» амнистии в середине января подбросили Государственной Думе свою приманку – предложение президента ознаменовать декабрьское принятие новой Конституции России амнистией 20 тысяч уголовных преступников пенсионного возраста, женщин, подростков, инвалидов. Как и предвидели в Кремле, оппозиционеры Госдумы тут же призвали приплюсовать к амнистии арестованных политиков в 1991 и 1993 годах.

Такой совмещенный законопроект об амнистии застопорился в Думе при голосовании 17 февраля из-за недостатка 23 голосов. Но был одобрен 23 февраля, причем ключевую роль сыграла сенсационная поддержка амнистии верным издавна Ельцину министром-депутатом Сергеем Шахраем и его думской фракцией, включавшей еще несколько ельцинских министров.

Второй акт трагикомедии сам президент инсценировал 25 февраля: позвонил Казаннику и распорядился приостановить амнистию. Но высказал это устно! То есть возложил ответственность за последствия на генпрокурора, заподозрившего какой-то трюк. Казанник встревожился:

- Где же выход из положения?

- Ищите выход, - уклончиво ответил категоричный всегда Ельцин.

Выкручивайся, мол, как сумеешь, а моя хата с краю.

И тогда генпрокурор написал заявление об отставке. А своему заместителю Кравцову, ставшему по закону его преемником, поручил завизировать предписание освободить узников «Лефортово». Об этом уведомили 26 февраля помощников президента. Он мог в тот день приказать напрямую начальнику тюрьмы не отпускать никого оттуда, но предпочел молча бездействовать. Амнистированные вышли на волю.

Через двое суток Казанник, став ярким антиельцинистом, улетел опять в свой Омск.

Одновременно амнистия поразила вторую мишень кремлевских стратегов. 9 февраля Госдума по предложению избранного в нее депутата Бабурина проголосовала за создание Парламентской комиссии по расследованию причин и обстоятельств событий сентября-октября 1993 года. Одинадцать членов комиссии запланировали 15 февраля начать расследование с опросов причастных к штурму «Белого дома» высших чиновников, в том числе и президента. Но спустя десять дней комиссия умерла. Ее распустило руководство Госдумы в обмен на негласные гарантии из Кремля не препятствовать амнистии.

Итог сомнительной сделки: истинная численность жертв штурма «Белого дома» и места братских могил все еще неведомы.

Семеро из девяти амнистированных вожakov оппозиции уже несколько лет энергично занимаются политической деятельностью. Устраивают митинги. Возглавляют уличные марши. Организуют съезды своих приверженцев. Публикуют воспоминания о боевом и тюремном прошлом. Агитируют голосовать за них на очередных выборах в Госдуму. Что же, прекрасно! Только негоже, по-моему, забывчиво мириться с утайкой безвестных имен и похищенного праха наших павших товарищей.

Ущербность совести — разве это среди нас редкая случайность? Нет. И тем более неслучайны в большой политике черствый эгоизм, беспринципность, пренебрежение людскими потерями ради вождельных властолюбцев.

Но превыше всего был особый политический интерес Кремля и части его оппонентов провести амнистию в обмен на обоюдный отказ расследовать октябрьские преступления. С ними знакомый вплотную главный прокурор столицы Геннадий Пономарев после амнистии раскрыл ее подоплеку:

- Убежден: в амнистии были заинтересованы все, в том числе и те, кто очень бурно ею возмущался, кто принимал решение об амнистии, а также те, кого она касалась, и те, кто так или иначе был связан с событиями сентября-октября 1993 года.

Все перечисленные политики безошибочно предчувствовали: коли найдутся тайники с костями из «Белого дома», то рано или поздно обнаружатся и другие захороненные секреты — прошлые связи заклятых с виду соперников, закулисные интриги, подкупы, заговоры, провокации, клевета, предательство и прочая нечисть. Этого насмотрелся я изрядно в кулуарах Кремля и парламента.

Мне знаком только один москвич, который без каких-либо политических мотивов разыскивал в 1993 году на свой страх и риск места секретных захоронений убитых в «Белом доме».

Школьный преподаватель математики Евгений Юрченко, самодеятельный правозащитник, не поверил официальному извещению столичных властей о том, что во время штурма парламента, когда вокруг него пристрелили 97 человек, никто больше якобы не погиб внутри здания, где шел многочасовой бой и взрывались десятки снарядов. Там стены и полы были забрызганы кровью, но куда же исчезли все мертвецы? Выясняя это,

Юрченко и четверо друзей обошли осенью 1993 года морги, крематории и кладбища в столице и Подмосковье.

За восточный окраиной Москвы есть красивая старая церковь в бывшем поместье князей Долгоруких. А рядом – загородное Николо-Архангельское кладбище. Тут же выстроен крематорий. Его работники доверительно рассказали Юрченко, как после расстрела «Белого дома» три ночи подряд приезжали сюда автофургоны, загруженные трупами в пластиковые мешках.

- Кремация производилась, - констатировал Юрченко, - без обычного оформления документов. По репликам тех, кто привозил трупы, рабочие крематория смогли понять, что это были тела убитых в «Белом доме».

Со слов крематорщиков подсчет безымянных покойников получился приблизительным – около 400.

Еще сотню таких же безвестных жертв расстрела сожгли, как узнала группа Юрченко, в крематории Хованского кладбища на западных подступах к Москве.

Третий крематорий, в чьих печах тоже испепелили, как предполагал Юрченко, останки защитников «Белого дома», находится на пригородном Митинском кладбище. Однако там расследователь ничего не выведal:

- Уже установили слежку за нашими розысками и подвергли сильному давлению работников посещаемых нами крематориев. Служащие Митинского кладбища сказали нам: «Начальство строжайше запретило с вами разговаривать». Так наше расследование оказалось незавершенным...

Прерванная акция пятерки благородных подвижников примечательна, по-моему, тем, что все они состояли в правозащитном центре «Мемориал». А руководство этой общественной организации, созданной бывшими политзаключенными советских концлагерей, одобрило разгон Ельциным всех народных Советов, начиная с Верховного Совета. Сам Юрченко и помогавший его расследованию Виктор Коган-Ясный входили в руководство «Мемориала». Юрченко поведал мне о возникшей коллизии:

- Лидеры «Мемориала» смотрели косо на наш обход крематориев и ничем не способствовали нам. Но вместе с тем и не препятствовали.

Столь же неоднозначны, на мой взгляд, и прочие события октября 1993 года. Они не были лишь черно-белыми. Их политическая окраска намного сложнее. Между тем ведущие участники и очевидцы тех событий издали уже три десятка мемуаров, сборников коллективных воспоминаний, исторических хроник, в которых бранят друг друга, изображая себя безгрешными праведниками, а своих противников – кровожадными выродками. Каждый соответственно подтасовывает или скрывает немаловажные факты.

В этих сочинениях то и дело мелькает мое имя. И ругают, и хвалят, и привирают. Спорить не стану. Мои дальнейшие записки – попытка исповеди. И заодно эпизоды автобиографии вашего современника, которому под конец опостылела политика.

ПРЕДАНЫ И ЗАБЫТЫ

Уже много лет живу я у Поклонной горы рядом с Триумфальной аркой, откуда проехать к центру столицы любым городским транспортом можно ~~мимо~~ мимо снежно-мраморного айсберга «Белого дома». Он теперь - мое ежедневное наваждение. Его как будто нарочитая белизна чудится мне сродни похоронному савану. А по вечерам прожектора зловеще иллюминируют на фоне черного неба белокаменный крематорий сгинувших бесследно мертвецов.

До сих пор среди москвичей еще бродят слухи о ночных привидениях в «Белом доме». Минувя его, я иногда отворачиваюсь или смыкаю веки, но это плохо помогает. Ни спрятаться от него, ни позабыть его огненной агонии не удастся до конца жизни. И потому спасаюсь ныне исповедью о том, что запомнилось там внутри и как попал туда вроде бы нежданно по воле роковых обстоятельств.

Совсем случайно стал я депутатом парламента и пробыл им недолго - три с половиной года. До этого тридцать лет работал журналистом. Изъездил полсвета, был корреспондентом на фронтах нескольких войн - во Вьетнаме, Лаосе, Камбодже, Никарагуа, Афганистане. И даже в благополучных Соединенных Штатах побывал среди восставших с оружием в руках американских индейцев в 1973 году.

А вообще военные артобстрелы, бомбежки, гибель близких мне людей я пережил еще семилетним мальчуганом в блокадном Ленинграде. И посему, быть может, предначертано было моей судьбой за полгода до пенсионного возраста - снова бой, опять артобстрел и людская кровь в горящем «Белом доме».

Да вдобавок все годы моей журналистики шла долголетняя «холодная война». И в ней, защищая свою страну за рубежом, я смолodu репортерствовал задиристо, азартно, хлестко, за что давали мне сдачи и поругивали иноземные газеты. А чаще всего - американская радиостанция «Свобода», созданная, как общеизвестно, Центральным разведывательным управлением США. Там у них в пору «холодной войны» рутинно практиковалась единообразная брань по адресу советских оппонентов - «агент КГБ».

Но обижаться на это было глупо. В Москве тоже настырных американских журналистов нередко клеймили в прессе «агентами ЦРУ». И выгоняли. А меня в Штатах терпели свыше одиннадцати лет, выдворяя те^м временем настоящих агентов.

Недавний отголосок тех суровых времен - напечатанный у нас по-русски в 1994 году после издания на западноевропейских и азиатских языках увесистый справочник «Кто есть кто в бывшем СССР: выдающиеся личности бывшего Советского Союза, России и эмиграции». Эта книга составлена, судя по преамбуле, на основании биографических досье американской «Свободы» и британской радиостанции Би-би-си. На странице 22 сего справочника суммировано вкратце и мое грешное житие:

«Андронов Иона Ионович /1934 - .../Журналист, деятель КПСС. Окончил МГУ, Институт восточных языков, 1958. Член КПСС с 1961. Корреспондент «Нового времени» и «Литературной газеты»; работал в США при Хрущеве и Брежневе. Связи с КГБ. Был с какими-то миссиями, кроме журнализма, в Афганистане в течение 12 лет, 1976-88. Член Верховного Совета СССР, ярый противник Ельцина. Остался твердокаменным коммунистом и показал себя политическим экстремистом».

Не стану отрицать, что я «твердокаменный» антипод сочинителей заграничного справочника. Но подскажу им на будущее некоторые поправки: не был я в составе Верховного Совета СССР, не был в США «при Хрущеве», не был в Афганистане в 70-х годах, не был я вовсе «выдающейся личностью», не был и «деятелем КПСС», ибо никогда не занимал даже самых малых партийных должностей в низовых партиячках. А некие «связи с КГБ» полагалось бы в солидном издании доказательно конкретизировать или прекратить наконец злопахательство «холодной войны».

Вместе с тем сказанное обо мне в справочнике частично верно: «Был с какими-то миссиями, кроме журнализма, в Афганистане». Однако первая из тех «миссий» была чисто журналистской, хотя позже ее последствия нежданно разлучили меня с профессией газетчика.

Это началось солнечным апрельским утром 1981 года, когда я, специальный корреспондент «Литературной газеты», вылетел с аэродрома Кабула армейским вертолетом на границу с Пакистаном. Тот авиарейд настолько переначил мою дальнейшую жизнь, что потом много раз довелось летать тем же афганским маршрутом и в итоге десять лет спустя приземлиться как бы чудом в московском «Белом доме». Туда же забросило после Афганистана не одного меня - депутатов Александра Руцкого, Сергея Бабурина, Юрия Литвинова и еще нескольких ветеранов последней войны советского государства.

Моя причастность к афганской войне растянулась с 1981 года на двенадцать лет, а все испытанное за это время, увиденное и осознанное тревожит поныне и ничуть, по-моему, не устарело: ведь у нас до сих пор лишь немногие поняли, что афганская война нанесла смертельную рану Советскому Союзу и ее метастазы по сей день гложут Россию изнутри.

Вот, например, когда с лета 1988 года телевидение повсюду демонстрировало, как несокрушимая прежде Советская Армия принялась отступать из непокорной ей слабосильной мусульманской страны, то это

небывалое телезрелище бесславного марша обратно в СССР его неодолимой некогда армады могучих танков, пушек, броневинов вызвало бурный антимосковский ажиотаж в столицах Польши, Чехословакии, Венгрии, Восточной Германии, в советской Прибалтике, на Западной Украине. Там быстро исчезли опасения былой кремлевской кары стальным кулаком за чрезмерное своеволие.

И вскоре восточноевропейские страны бросились наутек из Варшавского пакта в объятия НАТО. Советские республики заразились националистическим сепаратизмом. Эпилог афганской войны оказался гораздо катастрофичней для России социалистической, чем для царской русско-японская война, проигранная тоже на чужбине.

Когда-нибудь летописцы XX века, надеюсь, вдумчиво проанализируют одновременность двух исторических событий - афганского провала Советского Союза и его поражения в сорокалетней «холодной войне». Совпадение обоих факторов по времени и единому результату - индикатор их явной взаимосвязи. На афганском плацдарме СССР проиграл не только чужеземную войну, но и свой прежний статус супермощной державы наравне с Соединенными Штатами.

Вскоре великое советское государство и вовсе рухнуло. А его американские соперники победно отпраздновали завершение «холодной войны», хотя и сегодня коммунистические власти продолжают управлять сотнями миллионов людей в Китае, Вьетнаме, Северной Корее, на Кубе. Это означает, что вражда идеологий капиталистического Запада и социалистического Востока была лишь словесной оболочкой «холодной войны». А ее сердцевиной - глобальное противоборство двух имперски непримиримых цивилизаций. Наша обессилила себя девятилетней афганской войной.

После распада СССР афганский призрак продолжает витать над нами. 3 октября 1993 года воевавший в Афганистане отважный Герой Советского Союза генерал Рущкой бесшабашно призвал из осажденного «Белого дома» всех защитников парламента захватить московский телецентр «Останкино», где заседавшие правительственные войска убили десятки пришедших туда безоружных москвичей. Спустя сутки другой Герой Советского Союза из Афганистана - министр обороны генерал Павел Грачев - лично командовал бронетанковым расстрелом и поджогом «Белого дома».

Первыми на штурм парламента были посланы закаленные в афганских батальях сто наиболее отпетых карателей-боевиков из «Союза ветеранов Афганистана». Под конец штурма почти всех пленников из «Белого дома» арестовывали, били и многих прикончили янычары милицейского ОМОНа под руководством участника афганской войны генерала Виктора Ерина, министра внутренних дел. Его вознаградил Ельцин за особую жестокость лаврами Героя Российской Федерации.

Через год кровавый герой афганских и московских сражений генерал Грачев скомандовал испепелить до тла бомбами и снарядами город Грозный. Оттуда сбежало загодя большинство местных чеченцев, а погибли при штурме тысячи русских жителей. Да еще несколько тысяч солдатских гробов, именуемых в нашей армии по традициям афганской войны анонимным «грузом 200», развезли опять по российским городам и селам несчастным материям и родственникам...

Тем временем битва в Чечне трансформировалась на афганский манер: вспыхнули повсеместно очаги партизанской войны под исламским зеленым стягом «джихада». Вооруженные банды повстанцев обосновались в лесистых горах, совершали набеги на армейские гарнизоны и даже на близлежащие русские районы. А наши войска на их разрозненных базах и постах бесконечно отражали огнем ночные атаки чеченцев. Так мы попали заново в афганский тупик. Точнее – капкан. И вырвались из него опять по-афгански: самая большая в Европе армия ретировалась с поля боя вновь без победы и без славы, оставив позади незнамо ради чего груды руин и трупов. *А потом была Вторая чеченская война.*

Что сотворят дальше с Россией выходы с афганской войны? Они долго были очень активными подручными Ельцина – его кремлевский опричник Александр Коржаков, первый помощник президента Виктор Илюшин, министры обороны Павел Грачев и Игорь Родионов. Правящая элита кишит и нынче генералами и бывшими московскими политсоветниками из Кабула.

Высшее офицерство афганской войны ^{(ранее) до} ~~сегодня~~ играет заглавные роли и среди политической верхушки оппозиции – Александр Лебедь, Борис Громов, Валентин Варенников. У них ⁸⁰⁻⁹⁰ немало разнообразных сторонников, армейских и гражданских, меж которых основной костяк – около миллиона обстрелянных мужчин, вернувшихся из Афганистана с войны и сформированных ею духовно. Это целое поколение в расцвете жизненных сил способно завтра с одним из их генералов навести новые порядки то ли во вред России, то ли наоборот. ~~ни за благо. Нам не везет~~

А между тем уже пройден мною путь с афганской войны в российскую политику и вспять к моему старому письменному столу. Пришла пора составить по памяти и дневникам мемуарные эскизы нашего смутного времени.

В зарисовках известных мне личностей и происшествий не будет ничего назидательного и философского. Я был и остался репортером. Поэтому лишь хочу привычно поведать своим читателям о таких делах и событиях, которые вряд ли правдиво перескажут когда-нибудь их инициаторы – знакомые мне генералы, министры и дипломаты, профессиональные шпионы, скандально знаменитые художники и писатели, политики и допущенные к власти аферисты. Со всеми ними мне, вероятно, не пришлось бы общаться, если бы не было это будто запрограммировано тем, что случилось со мной на афганской войне.

Когда весной 1981 года меня командировали из «Литгазеты» впервые в Афганистан, там уже второй год шли карательные операции советских войск против исламских повстанцев. У нас тогда называли начатую войну «интернациональной помощью братскому народу».

А правительство США называло «помощью борцам за свободу» доставку американского оружия боевым отрядам афганцев для истребления советских солдат. Беспощадные «борцы за свободу» именовали себя честнее, чем американцы: «воины за веру» — моджахеды. Они принудительно требовали от всех без разбора афганцев «жить только по Корану» — отменить светские законы и равноправие женщин, запретить раздачу земли неимущим крестьянам, прекратить обучение школьников гуманитарным западным наукам.

Тройственное афгано-советско-американское столкновение я увидел с его окровавленной изнанки: везде вокруг Кабула люди уничтожали друг друга, причем даже афганцы не щадили афганцев, а все порознь были убеждены в своей безусловной правоте.

Многоопытные журналисты, как правило, закоренелые скептики, но все же тогда я полагал, что наша легендарно непобедимая армия так или иначе сокрушит ее мусульманских супостатов.

Выветев из Кабула к пакистанской границе, я рассчитывая привезти оттуда фронтовой репортаж из лекла жарких боев в горных ущельях. Там моджахеды протаскивали из Пакистана к их опорным базам бесчисленные караваны с американским оружием. Полет туда был бреющим на предельно малой высоте ради спасения от прицельного огня наземных засад вражеских зениток и дальнобойных пулеметов. Наш вертолет тоже изготовился отгрызаться градом пуль и «нурсов» — бортовых ракет.

В такой переделке я уже побывал под городом Джелалабадом во время вертолетной атаки и десанта на позиции моджахедов. Испытать сумасшествие встречного боя с палящими отовсюду пушками, пулеметами, гранатомерами, автоматами — это пострашнее, по-моему, безумной игры со смертью в револьверной «русской рулетке». Кроме невольного страха мои вертолетные рейды на афганской войне запомнились вдобавок смутным беспокойством от оживших воспоминаний войны в Индокитае: там я вместе с вьетнамцами и лаосцами прятался в блиндажах и горных пещерах от бомб и ракет американских летчиков, а вот теперь сам превращался в налетчика на чужую страну...

Через пару часов полета без опасных приключений я увидел из стального чрева зеленой стрекозы пограничный городок Гардез. Он маленький, одноэтажный, неказистый и выглядит с высоты горстью серых кубиков посредине пустынного плоскогорья, обрамленного крутолобыми сопками. Сквозь Гардез змется с северо-востока на юг коричневая нитка древнего тракта, протоптанного здесь с незапамятных времен «Великого шелкового пути» к сказочному некогда Индостану.

Тут же встарь маршировали полчища Александра Македонского, шли в разбойный набег орды Тамерлана, неслась узбекская конница завоевателя Индии падишаха Бабур. А на закате XX столетия этот плацдарм заняли два бронетанковых батальона наших войск — самый южный русский авангард на подступах к побережью Индийского океана, маящего миража имперских мечтаний о всемирном величии России.

С городского аэродрома, поросшего пыльной травой, меня отвезли на «газике» к приземистым кирпичным казармам местного гарнизона. Над ним маячила тонкая радиомачта. На плацу стояли танки и часовые. В штабной комнате полтора десятка офицеров сосредоточенно сповали между столами с расстеленными картами и телефонными аппаратами.

Одетый в афганскую униформу высоченный здоровяк, оказавшийся советским генералом, распорядился десантировать меня еще южнее прямо на границу в сопровождении политрука-подполковника и второго боевого вертолета. А предоставленный мне вертолет загрузили снарядами, пятью мешками картошки, мешком репчатого лука и тремя коровьими тушами. Это предназначалось бойцам погранзаставы. Там, как мне сказали, находятся солдаты войск кабульского правительства во главе с афганским полковником и четырьмя советскими офицерами в роли военных советников.

Вскоре взлетев опять, я увидел спустя сорок минут конечную цель путешествия - зеленую чашу речной долины, сдвинутой со всех сторон горами с куполами снега. Долина имела форму треугольника. В его сердцевине сходились три дороги — ключевой перекресток маршрутов оружейных караванов моджахедов.

Одна из дорог вела на восток, а на ней невдалеке виднелся квадратный коробок будки на вертикальных столбах - наблюдательная вышка пакистанского погранпоста. Другая дорога вилась горным серпантиником к северу в направлении Кабула. Третья ныряла из долины в ущелье и уходила на запад. А скрещение трех дорог перегораживала древняя цитадель - каменный форт с бойницами в сторожевом кольце крепостных стен, бастioned, ровов.

Старинный замок и его округа имеют единое имя - Джаджи. Туда занесло меня вовсе не случайно. И не с подсказки военачальников в Кабуле или Москве. Еще полгода назад в Нью-Йорке я узнал про битвы моджахедов в Джаджи из газеты «Нью-Йорк таймс».

Приземление иностранного репортера ознаменовалось оглушительной пальбой. Она не была салютной. Пока мой вертолет опускался на внутренний двор крепости вторая боевая машина зависла сверху и поливала пулеметным огнем окрестные скалы гор ради предотвращения стрельбы оттуда моджахедов.

Между тем мой вертолет, присев на щебенку двора, продолжал вращать лопасти, а из его открытой дверцы никто не опустил к земле лестничную стремянку. Мой проводник - политрук скомандовал: «Мигом

прыгаем отсюда!». Одновременно экипаж торопливо выгрузил продовольственные мешки, снаряжные ящики и коровьи туши.

Через минуту меня оттеснили от вертолета подбежавшие афганские солдаты. Что-то крича и пихаясь, они пытались запрыгнуть в дверь геликоптера. Но в ее проеме возник вооруженный автоматом один из пилотов. Он сбил сапогами с дверного порога пальцы передовых прыгунов. А его напарник мгновенно произвел взлет. Солдаты понуро сникли и начали расходиться, не обратив на гостей никакого внимания. Ничего не понимая, я застыл в изумлении.

Потом услышал русскую речь подходивших ко мне офицеров. Впереди грузно шагала пожилой смуглолицый толстяк с погонами афганского полковника. Он приветственно протянул руку и представился - Абдель Халик. У остальных тоже были афганские мундиры, но без знаков различия, что восполнялось, однако, их светлоскожими славянскими физиономиями. После рукопожатия они повели меня в штаб угостить чаем и плодом, а заодно рассказать о ситуации на погранзаставе.

Так я узнал, что здесь числится по штабным бумагам вроде бы целый кабульский полк, а на деле осталось не более батальона, который блокирован в крепости тысячами моджахедов. И посему совершенно деморализован. Немало солдат порывалось дезертировать, что едва не случилось при моем прилете. А просто разбежаться подневольные вояки тоже не могли, ибо погранзаставу сплошь окружали минные поля, чья карта скрывалась от рядовых в строжайшем секрете.

Стало ясно, что мой будущий репортаж из Дзаджи лишился наперед победного «хэппи энд». И мог даже перевоплотиться без меня в московский некролог неосторожного спецкора «Литгазеты». Но все же осмотр крепости меня поначалу приободрил. Показались неприступными ее охранные овальные башни и промежуточные мощные стены из сцементированных глиной неотесанных каменных глыб.

Бревенчатые ворота форта были окованы железом и обтянуты чугунными цепями. Двор порос травой и мхом, а сквозь них проступали кое-где исцарапанные бруски мраморных плит. По ним когда-то въезжали сюда конные колесницы и вступали боевые слоны, оседланные копьеносцами и лучниками. Теперь же здесь разместили полдюжины бронетранспортеров и грузовиков, а на башнях - пулеметы. Однако нерадивые солдаты заполняли двор лишь для совместной молитвы на коленях по громкому призыву к намазу пять раз с утра до ночи.

Для почлега отвели меня и моего чичероне-политрука в отдельный домик советских военсоветников. У них там было три комнаты с земляным полом: столовая, кухня и общая спальня. Укладываясь спать, они разложили у изголовья косяк свои заряженные автоматы, резервные обоймы и гранаты. На сон грядущий мне сообщили, что среди афганских солдат назревает мятеж, а потому надо быть начеку и приготовиться к обороне до последнего патрона.

Моих патронов было двенадцать: шесть в «Макарове» и столько же в запасной обойме. Пистолет мне вручил еще в Кабуле командир охраны советского посольства. Так оснащали в Афганистане наших журналистов. И я, не желая никого убивать, не расставался нигде с «Макаровым» по единственной причине: вынужденное самоубийство считал лучшей смертью, чем возможный плен у моджахедов, зверские пытки и ужас замедленной казни.

После боев под Джелалабадом мне показали в руинах пригородного кишлака изуверченные трупы двух советских солдат, плененных моджахедами. Вспоротые кинжалами тела выглядели тошнотворно-кровавым месивом. Про такое изуверство слышал я затем много раз: живолеры отрезали пленникам уши и носы, рассекали животы и вырывали кишки наружу, отрубали головы и запихивали внутрь распотрошенной брюшины. А если захватывали нескольких пленников, то измывались над ними поочередно на глазах следующих мучеников.

В афганском плену мало кому посчастливилось уцелеть за первые два года нашего участия в этой воистину грязной войне. К ее третьему году вожди моджахедов начали, однако, приказывать своим бойцам сохранять живьем некоторых советских пленников. Их обращали в ислам, выставляли напоказ западным журналистам и понуждали публично каяться в содеянном нашей армией.

Среди выживших пленных, как выяснилось десятилетие спустя, не оказалось ни одного советского офицера, ни единого члена компартии. А таких тоже захватывали моджахедаы. И попади я в плен вместе с пятеркой сограждан-офицеров, наш шанс уцелеть был бы равен нулю.

Это подтвердилось позже со слов английского журналиста Джона Фуллертонa, корреспондента Би-би-си, «Голоса Америки» и ведущих британских газет. Одновременно со мной он побывал на афгано-пакистанской границе, но его друзьями и соратниками стали моджахедаы. Им он посвятил сборник репортажей «Советская оккупация Афганистана», где на титульной странице напечатаны крупно две строки: «Эта книга посвящена памяти об афганцах, которые умерли в боях за их веру и страну». Однако далее почитатель моджахедов описал достоверно страшную участь их узников:

«Смерть - это обычный конец тех советских пленных, которые являются коммунистами или выражают лояльность к их родине. Первые годы войны участь советских пленников была зачастую ужасной. Одну группу убитых пленных, с которых содрали кожу, повесили на крюках в лавке мясника. Другой пленный стал центральной игрушкой аттракциона под названием «бузкаши» - жестокого и дикарского конного поло афганцев, скачущих на лошадях, выхватывая друг у друга вместе мяча обезглавленную овцу. Взамен нее они использовали пленника. Живого! И он был разодран буквально на куски».

Такие расправы с военнопленными учинялись многократно не только на афганском юге. К северу от Кабула воевал атаман моджахедов Шер Али, хвалившийся посетившему его корреспонденту газеты «Вашингтон пост», как он несколько раз устраивал конные игрища «бузкаши» для растерзания захваченных пленников. пытки и казни моджахедами их невольников были документально перечислены и зафиксированы в 1988 году правозащитной организацией американской общественности в поддержку международных Хельсинкских соглашений.

Вместе с тем должен признать: в наших войсках тоже не церемонились на поле боя с пленными моджахедами. Их нещадно били. Иногда расстреливали. Даже будто бы, как говорили мне, сбрасывали с вертолетов на большой высоте. Сам такого не видел. Но не исключаю. Зато удалось наблюдать, как после сражений передавали пойманных моджахедов афганским офицерам службы госбезопасности ХАД - кабульского побратима КГБ. пытки в застенках ХАД были общеизвестны. Но об этом рассказывали предпочтительно шепотом. Тогдашний шеф ХАД - профессор медицины и генерал Наджибулла, будущий президент, - имел впечатляющее прозвище «кабульский мясник».

Моя первая ночь в Джаджи, вопреки плохим предчувствиям, прошла бестревожно. Только сперва мешал уснуть зычный храп офицеров. И я вышел на крыльцо их домика выкурить сигарету. Ко мне присоединился самый младший из военнослужащих - лейтенант Виктор Лосев. Мы устроились рядом на ступеньке крыльца под черным шатром неба с бриллиантовой россыпью ярких по-южному звезд.

Перекур располагал к беседе. Лейтенант был вдвое моложе меня, но мы с ним оказались почти коллегами: я выучил в университете пакистанский язык урду, а Лосев на курсах военных переводчиков - афганский язык дари. И школу окончили оба в провинции: я в Орле, он в Белгороде.

Виктор понравился мне неармейским интересом к азиатским чарам искусства Востока. Он вспоминал, как на побывке в Кабуле бродил по императорскому парку падишаха Бабура, любовался белокаменной иглой минарета мечети Масджид Пулехеси, осматривал дворцовый мавзолей шаха Амира, восхищался в городском музее храмовой мозаикой мусульманских орнаментов и античными скульптурами эпохи Александра Македонского. В осажденной крепости Джаджи он умудрился раздобыть книжки афганской поэзии, переводил отобранные стихи на русский язык и сам пристрастился в свободное время к попыткам стихосложения.

Но все это удавалось ему лишь урывками в ночные часы, так как с утра до вечера лейтенант-переводчик был неотлучно в штабе с полковником Халиком, его подчиненными и советскими офицерами, неспособными говорить по-афгански.

Утром меня позвали в штаб. Там уже собрались афганские и советские офицеры. Полковник Халик выглядел озабоченным. Он известил, что получил радиогранму командования из Гардеза о продвижении туда

свыше тысячи моджахедов по захваченной ими дороге между городом и заставой Джаджи. Поэтому полковнику предписали подготовиться к вылазке из крепости и удару с тыла по наступающим на Гардез моджахедам. Халик добавил:

- Ожидаю сегодня окончательный приказ сделать вылазку завтра на рассвете. Немедленно приведите гарнизон в полную боеготовность. Но солдатам надо сообщить ложный маршрут нашего броска, чтобы не предупредили противника на трассе к Гардезу.

Вслед за тем на крепостном дворе афганские солдаты закопошились у БТРов и грузовиков. Водители проверяли моторы машин. В казармах по команде офицеров принялись драить начисто автоматы. Но никакого энтузиазма нигде не замечалось. Все молча сознавали, что приказанная из Гардеза вылазка - это неминуемый разгром небоеспособного морально воинства погранзаставы.

Однако приказ есть приказ. И я с моим неразлучным «Макаровым» за поясным ремнем побрел бесцельно в домик военсоветников, чертыхаясь, что не сберег ни одной из трех прихваченных из Москвы бутылок коньяка - проверенного на других фронтах безотказного лекарства от приступов слабодушия. А в мусульманском Афганистане не положены в армии перед атакой даже солдатские сто граммов. Их заменяют тайком гашишем. Но и его у меня не было, хотя немало встреченных на афганской войне наших солдат отведало наркотиков. И из-за них угодили некоторые в плен. Что же оставалось предпринять? Помолиться аллаху?

Мое мрачное безделье прервал вошедший Лосев:

- Сейчас получена из Гардеза новая радиограмма. Противник заминировал дорогу к городу и рассредоточивается в ближайших горах. Этот маневр пока неясен. До выяснения его замысла наша вылазка отсрочена на неопределенное время.

В Джаджи я провел еще сутки, после чего прислали за мной вертолет. Перед отлетом обнялся сердечно с нашими военсоветниками и полковником Халиком. Договорился с Лосевым переписываться и сказал ему перед разлукой: «Обязательно увидимся в Москве».

В Гардезе пересадили меня в вертолет, улетавший в Кабул с четырьмя убитыми солдатами и тремя ранеными. Незабываем поныне приторно сладкий запах трупов в тесной кабине. Покойников ждали в Кабуле цинковые гробы и перегрузка в «черный тюльпан» — авиалайнер рейсом до Ташкента.

А я перелетел из афганской столицы к северу в район Баграма. По возвращении узнал в штабе кабульского командования, что на погранзаставе Джаджи отсроченная вылазка все-таки состоялась через десять дней после моего отъезда.

...Когда полковник Халик вывел из крепости своих солдат ударить в тыл неприятелю на горной дороге, то он, быть может, еще не знал, что там его поджидали опытные стрелки в засадах меж камней и кустов на

откосах узкого ущелья. И стоило мотоколонне пограничников достичь горловины ущелья, как сразу их головной бронетранспортер подорвался на mine, а хвостовая машина запылала от меткого выстрела гранатометчика. Попавших в западню доконали кинжальным огнем пулеметов. Халик был убит.

В панике афганские солдаты принялись бросать оружие и сдаваться моджахедам. Однако некоторые еще отстреливались, а командовать ими на их языке бросился русский лейтенант Лосев. Выпрыгнув на дорогу из люка БМП военсоветников, Виктор под пулями попытался возглавить круговую оборону кучки не разбежавшихся солдат. Видели, как их собирая, он упал, приподнялся с обагренным кровью плечом и снова рухнул на дорогу.

Военсоветники в БМП, не отважась подобрать Лосева из-за ураганного огня моджахедов, лишь сумели прорваться из ущелья назад к погранзаставе. Там отсиживалась комендантская рота. Один из спасшихся офицеров свихнулся разумом. Их вскоре эвакуировали вертолетом из обреченной крепости.

Еще я узнал, что после боя армейское начальство в Кабуле смогло через афганских посредников выкупить за немалые деньги у моджахедов трупы Лосева и Халика. Отданное нашим тело советского офицера подверглось такому надругательству, что это описывать я до сих пор не решаюсь. И не знаю: погиб ли он от боевого ранения или раненый замучен насмерть в плену чудовишной пыткой. Изрубленные останки Виктора в запаянном наглухо цинке унес домой «черный тюльпан».

Спустя месяц в Москве после афганской командировки ко мне пришли без предупреждения двое незнакомцев. Заплаканная женщина в черном платке страдальчески опиралась на руку седого мужчины с воспаленными глазами. От мгновенной догадки екнуло сердце. Посетители назвали свои имена: Екатерина Григорьевна и Семен Иванович Лосевы из Белгорода.

Их усадил я поуютней, сбегал за чаем. Семен Иванович показал мне полученную из министерства обороны лаконичную справку о том, что их сын «геройски погиб в Афганистане при исполнении интернационального долга». А как погиб, по какой причине, в каком сражении - ни слова. Когда я прочел чиновничью похоронку, несчастный отец протянул мне второй листок:

- Вот от Вити последнее его письмо, по которому мы вас разыскали.

«Здравствуйте, мои дорогие папа и мама! У меня все хорошо, все нормально. Жив, здоров, не болею. Служба идет обычным образом, а вместе с нею бежит время. Несколько дней я провел с приехавшим сюда корреспондентом «Литературной газеты». Его интересовали здешние места. По его словам, он напишет, наверное, о нас статью. Фамилия корреспондента Андронов. Когда появится его статья, то вышлите, по возмож-

ности, ее мне. Таковы все мои новости. Пишите о том, что нового. Крепко обнимаю и целую. Витя».

Мать Вити сказала, что почта доставляла от него всегда успокоительные весточки, где он ни разу не обмолвился о фронтовых опасностях. То ли не желал тревожить родителей, то ли хотел наверняка избежать задержки его писем бдительной военной цензурой. Она в ту пору запрещала даже нашим журналистам сообщать из Афганистана о боевых операциях советских войск. Предсмертное письмо молодого лейтенанта, духовного воспитанника школьной пионерии, комсомола и офицерской среды, зеркально отразило всеобщее молчание тех лет у нас о страшной правде афганской войны.

- Расскажите нам все, что помните о Вите, - просила навзрыд его мать. - Как он выглядел? Чем занимался? Что обсуждал с вами? Как его убили? Даже мертвым я не видела сыночка, когда хоронили его в запечатанном ящике.

Мой рассказ о Викторе был полуправдой, шадящей сраженных горем мать и отца. Они пригласили меня к ним в Белгород. Но сперва мне предстояло завершить публикацию в газете афганских репортажей. А это потребовало сверхмастерства журналистского хитроумия: так описать мясорубку нашей необъявленной войны с ее повседневными боями, смертями, бомбежками, десантами и злодейскими казнями, чтобы советские читатели лишь незримо разгадали между строк теневой подтекст о сопричастности их солдат к закордонной трагедии.

Все мои рукописи инспектировались сначала боязливymi редакторами, а затем въедливым цензором. В те дни «Литгазета», к счастью, имела по монаршей прихоти ЦК КПСС более мягкий режим цензуры, чем прочая пресса.

В начале июня на конечной остановке железнодорожного экспресса «Белгород» я вышел с перрона на просторную привокзальную площадь. Посреди нее стояла монументальная фигура генерала в шинели нараспашку. Генерал Апанасенко удостоился памятника за то, что освободил белгородцев от фашистских оккупантов. И погиб здесь в уличном бою 5 августа 1943 года, когда уже полыхал над Москвой праздничный фейерверк первого победного салюта Отечественной войны.

Теперь на белгородской улице Победы осиротевшая семья Лосевых жила в стандартной многоэтажке. И я живу в Москве тоже на площади Победы. Ее многоликих мемориалов у нас не счесть. Как будто и не было преданных забвению поражений.

В квартире Лосевых хозяева расцеловали меня и пригласили к хлебосольному столу. Семен Иванович налил по чарке в поминовение сына. О нем говорила Екатерина Григорьевна уже без слез, так как все их, видно, выплакала. На стене висел фотопортрет Виктора. Поверху серванта-бордовый футляр с посмертным орденом Красной Звезды. На вешалке -

лейтенантский мундир, на книжной полке - словари языка дари и стопка витинных тетрадок.

Разговоры затянулись до поздней ночи, а когда Лосевы, наговорившись о наболевшем, ушли в спальню, то оставили меня в столовой полистать наедине тетрадки Виктора. Там было полно стихов. И афганских, и его юношеских, и выписок из поэзии любимого им Есенина:

*О, Русь - малиновое поле
И синь, упавшая в реку, -
Люблю до радости, до боли
Твою озерную тоску.*

Но более всего поразило меня в записях Виктора загадочно точное предсказание будущей мести ему афганских головорезов. Вот что наводорожили переписанные им строфы Мусы Джалиля:

*Нет, вришь плач, не встану на колени,
Хоть брось в застенок, хоть продай в рабы.
Умру я стоя, не прося прощенья,
Хоть голову мне топором руби!*

Эх, бедная головушка, добыча дикарей, как же ты напророчил сам себе так доподлинно свой конец? Да еще сочинил под вещими стихами вроде бы надгробную эпитафию: «Главное не надо ничего бояться. Идти на подвиг не ради славы. Необязательно, чтобы после смерти человека прогремела о нем слава. Главное - внести крупицу своего труда в общее дело».

Однако общее дело, оплаченное короткой жизнью Виктора, никак не упомянули на его могильном камне. Это было свыше запрещено всем «цинковым мальчикам». Им разрешались на кладбищах только красноармейские звезды и даты рождения и гибели «при исполнении интернационального долга». Безымянного и безвозвратного. А свидетелям сотен смертей полагалось помалкивать. Особенно языкастым журналистам. Ослушникам грозило наказание. И они отлично знали, что все равно власть пресечет любую попытку разгласить в прессе наши людские потери в Афганистане.

Вернувшись в Москву, я все же написал заведомо недопустимый газетный очерк - историю гибели на афгано-пакистанской границе лейтенанта Лосева. На такое своеволие я решился впервые за годы успешной карьеры журналиста-международника и лояльного члена КПСС. В этом качестве, как мне казалось, я нисколько не изменился, но уже просто-напросто не мог отныне бессовестно молчать о безвестной гибели на чужбине моих соотечественников.

И надеялся, что найду как-либо неизведанный доселе способ поведать хотя бы об одной фронтовой смерти русского парня. Это была надежда «всем чертям на зло», как заклинал судьбу окопными стихами на другой войне молодой тогда Константин Симонов.

Заручиться помощью я постарался поначалу у военного сподвижника Симонова из числа бывших армейских газетчиков Отечественной войны - писателя Александра Чаковского. Он стал, подобно Симонову, главным редактором «Литературной газеты». И был моим начальником.

На фоне симоновского таланта и литературной славы писательство Чаковского выглядело посредственной серятиной, но зато он сделал свою газету небывало популярной. И так она процветала вплоть до его пенсионной отставки, завершившейся обвальным крушением шестимиллионного тиража «Литгазеты». Плохонький прозаик Чаковский был одаренным и весьма бойким новатором в газетном деле. Это позволялось ему в ограниченных дозах олимпийцами правящего Политбюро, чью благосклонность он заслужил в амплуа верноподданного и безропотного царедворца. Приобретенный кремлевский цинизм у него причудливо сочетался с творческим интеллектом.

Испросив приема у главного редактора и войдя к нему в кабинет, я заметил в пытливых глазах шефа легкое удивление. Никогда раньше я не досаждал ему личными просьбами, жалобами или кляузами во времена редакционных склок. Всем этим докучали ему бесконечно. Ведь его принадлежность к власти простиралась далеко вне «Литгазеты». Он был влиятельным членом ЦК КПСС, депутатом Верховного Совета СССР, всесильным секретарем Союза писателей, Героем социалистического труда и кавалером множества орденов, почетным лауреатом высших государственных премий. Зримый атрибут его державной значимости красовался сбоку кабинетного стола - кремлевские и цековские спецтелефоны с бронзовыми гербами.

Сквозь кольчугу вельможных доспехов моего начальника я попытался вкрадчиво нащупать наугад еще живые клавиши его замороженной реглациями души:

- Александр Борисович, мне помнится с детства замечательный фильм «Парень из нашего города», созданный с вашим участием. Главный киногерой, сыгранный молодым Крючковым, покорила сердца наших мальчишек. Вы не могли, конечно, позабыть, как он из уличного шалопапа сделался бравым танкистом, отправился воевать за испанскую республику, был ранен, отважно выдержал фашистский плен. Я пришел к вам в обход других редакторов и цензоров с просьбой поддержать репортаж о таком же примерно парне.

- Чем же он вас вдохновил? - усмехнулся Чаковский.

- В Афганистане попал в плен и погиб.

- Этой темы, как вам известно, не существует в советской печати.

- Но вы же сами осуществили похожую тему в «Парне из нашего города»!

- Вот вы помните это кино, но позабыли, что оно появилось лишь спустя пять лет после испанской войны и только в начале нашей войны

против германских фашистов. Уразумели очень важную политическую разницу?

- Да, понял. Но зачем сегодня нам скрывать то, что повсюду общеизвестно? В западной прессе много статей о гибели и пленении советских солдат в Афганистане. Об этом у нас постоянно вешают по-русски, несмотря на радиоглушилки, «Голос Америки», «Свобода», Би-би-си и прочие западные голоса. Гробы из Афганистана развозят везде по нашим городам. Об этом говорят повсеместно и возмущенно. Вина отчасти наша пресса, так как ее странное молчание по сути означает, что мы будто бы стыдимся своих действий в Афганистане и считаем гибель там наших людей позорной тайной. Разве не лучше для нас воздать им публичные почести?

- Послушайте, Иона, - проворчал Чаковский. - Я ценю ваш профессионализм газетчика и добросовестную работу. Прежде вы ни разу не причинили мне служебных неприятностей. Но теперь не будете в обиде, если скажу, кто вы такой?

- Нет. Говорите.

И он добродушно ухмыльнулся:

- Вы поц.

- Ну и что?

- Обиделись?

- Нисколько.

Не подав виду, я смекнул, что он обозвал меня каким-то хулиганским словечком еврейского жаргона. Чаковский, достигнув высокого положения, иногда бравировал своим происхождением. Кроме него не позволял себе такого в редакции больше никто, печатаясь под русскими псевдонимами. А он, осыпанный орденами и номенклатурными должностями, демонстративно опровергал собственной персоной всякие кривотолки о кремлевском антисемитизме. Это меня не касалось и не волновало. Обложи он меня хоть русским матерком, я бы стерпел, коли он напечатал бы очерк о погибшем лейтенанте. И я сказал:

- Прочтите все-таки, Александр Борисович, этот репортаж. Мне верится, что вы поможете публикации.

- Прочту, но ничего не гарантирую.

Через неделю его секретарь вызвал меня к нему. Главный редактор был отчужденно суров:

- Закройте плотно дверь.

Потом протянул мне машинописную рукопись очерка:

- Ваш опус категорически отвергнут.

- Кем?

- На самом верху.

- Почему?

- Потому что так надо. А мне из-за вас пришлось выслушать нотацию.

- Неужели от Леонида Ильича?

- Нет.

- Стало быть, еще не все потеряно?

- Наоборот. Потеряно.

- Если это так, то чей же окончательный приговор? Клянусь, что никому не скажу.

- Черненко.

- Да, самый близкий к Брежневу...

- Хватит, Иона, дурить. Идите нормально работать. Все!

В тот мерзкий день вечером я дома основательно наклюкался. Очутившись, начал трезво размышлять - смириться ли с безоговорочной капитуляцией? Достал из папки подаренную мне в Белгороде одну из витинных тетрадок в потрепанном дермантиновом переплете. Под ним лежали два снимка. Внутри квартиры Лосевых стоял усыпанный поверху цветами цинковый гроб, а над ним сгорбилась в черной накидке безутешная женщина.

На втором фото из Джаджи сероглазый лейтенант с устало безрадостным лицом смотрел на меня пристально и печально, будто предощущая скорую кончину. И мое равнодушие? Нет, обозлился я, рано вывешивать белый флаг.

Следующий маневр тихого поиска какой-нибудь брешки в монолите иерархии Политбюро вывел меня в паутине длинных коридоров сомкнутых зданий ЦК КПСС на тесный кабинетик скромного партаппаратчика Владимира Светозарова. Он, как и я, получил институтское образование востоковеда, не маскировал свою интеллигентность, а самое ценное - повидал воочию афганскую войну. Моложавый и неуспевший очерстветь «цековец» сочувственно выслушал мои аргументы за допуск в прессу первого рассказа о честной жертвенности посланных за рубеж наших армейцев.

Светозаров работал в отделе международной информации ЦК, чьи наивысшие кураторы закулисно соперничали с крайне консервативным Константином Черненко, членом Политбюро и правой рукой немощного генсека. Но кроме правой была не только левая рука: на вершине пирамиды ЦК за спиной дряхлого вождя возникло в Политбюро, как у бога индусов Шивы, еще несколько равносильных рук, дирижировавших страной иногда вразнобой и наперекор друг другу. А среди тех директивных рук была самостоятельная от мышц Черненко и скрепленная аппаратной нитью с партотделом Светозарова. Вот зачем я сделал на него новую ставку.

Томительно прошли три месяца, прежде чем Светозаров позвонил мне по телефону:

- Не возражаете против решения напечатать ваш очерк не в «Литгазете», а в «Красной звезде»?

- Согласен. Огромное вам спасибо!

- Отправляйтесь в редакцию «Красной звезды» вычитать готовые гранки. Там сделана необходимая правка. Есть купюры. Однако не советую перечить. Договорились?

- Хорошо. Еще раз благодарю.

- А я вас поздравляю. До свидания.

Весть из телефона ЦК, оснащенного секретными ушами, исключала неразумные расспросы - кто именно в Политбюро санкционировал публикацию очерка. Он появился в «Красной звезде» 30 сентября 1981 года.

Затем было много звонков от побывавших в Афганистане коллег, которые приветствовали раскрепощение их законсервированных блокнотных записок о погибших рядом с ними солдатах и офицерах. Некоторые, как Лосев, были посмертно награждены без огласки орденами вплоть до золотой звезды Героя Советского Союза. Для павших людей воинского долга наконец-то, казалось бы, восторжествовало запоздавшее уважение.

Однако наш «праздник со слезами на глазах» был недолгим. Вскоре я узнал, что разгневанный Черненко пересилил партоппонентов. Их протеже Светозаров получил служебную нахлобучку за якобы порочную афганскую инициативу, а ее повторение в прессе впредь строгойше запретили. Меня не отчихвостили, сочтя, вероятно, лишь мелким безответственным писакой. В общем я проиграл третий раунд с неодолимым Политбюро, как ни ловчил, в сокрушительном нокдауне.

Еще семь долгих лет тянулась для нас афганская война, пожирая тысячи юных новобранцев, отрывая выжившим руки и ноги, заражая смолоту наркодурью, тяжкими психозами, пристрастием запросто убивать кого угодно без малейших угрызений совести.

Совесь, впрочем, растеряли и генералы: из Кабула в Москву я летел однажды военно-грузовым спецрейсом огромного ИЛ-76, где почти все нутро занимали тюки с барахлом, шикарный автолимузин и принесенная сюда широкая байская тахта для обладателя всей поклажи - важного штабиста, увозившего домой богатые трофеи, включая грациозного пса ценной породы «афган».

Стяжательство на иноземной войне становилось укоренившейся привычкой. В Москве горожане зимой шеголяли афганскими дубленками, комиссионные лавки перепродавали афганские ковры и меховые шапки, спекулянты торговали подпольно кабульской контрабандой - наркотиками, бирюзой и лазуритом, пистолетами и патронами. Война без победы привела к беспросветному бесчестию под покровом круговой поруки молчания Кремля и дрессированной прессы.

Девятый последний год нашего фиаско в Афганистане я наблюдал издалека в нью-йоркском корпункте «Литгазеты». На страницах местных газет среди международных сенсаций теперь преобладали московские - «перестройка», «гласность», «новое мышление», фотоснимки речистого реформатора-генсека. В начале 1988 года меня разволновало сообщение из Москвы в газете «Бостон глоб» о том, что политические цензоры в ус-

тупку модным веяниям либерализма дозволили показ в столице документального 20-минутного кинофильма о наших солдатах в Афганистане с прозвучавшим «впервые открыто» признанием: «Там умирают 19-летние ребята. И никто не знает - почему и зачем».

Памятным утром 9 февраля я увидел на первой странице «Нью-Йорк таймс» кричащий заголовок: «Советы намерены 15 мая начать свой уход из Афганистана». Ниже был напечатан полный текст облетевшего планеты заявления Михаила Горбачева о нашем отступлении поэтапно за десять месяцев из безнадёжного тупика зарубежной войны. Итак, свершилось неизбежное!

Мысленно благодаря прозревшего генсека, я растроганно перечитывал его отеческие слова о «наших ребятах, наших воинах в Афганистане»: «Память о тех, кто погиб в Афганистане смертью храбрых, для нас священна». Ответный отклик вдали от дома напрашивался спонтанно - спасибо вам, Михаил Сергеевич...

На верхотуре нью-йоркского небоскреба в кабинете корпункта «Литгазеты» были у меня две настенные карты - Соединенных Штатов и Афганистана. На афганской помечал отвоеванные моджахедами населенные пункты, среди которых уже числился Джаджи. Сбоку от карты боев стояла на полочке предсмертная фотография Вити Лосева. К ней я складывал месяц за месяцем архивной стопкой вырезки из американских газет со снимками советских солдат, захваченных моджахедами, но не убитых и обращенных в ислам.

Портретная коллекция пленников включала фото сидевшего сутуло на кучке камней изможденного парня с закатившимися к надбровьям зрачками опустошенных глаз. Подпись под снимком из газеты «Вашингтон Таймс» гласила: «Назра Дулла, бывший советский солдат». Это был, как выяснилось впоследствии, Николай Выродов из Харькова.

Подписи некоторых снимков, почерпнутых из «Нью-Йорк таймс», не требовали расшифровки мусульманских кличек пленных, одетых по-афгански: «Ахмед, чье бывшее имя Александр Юрьевич Левенец... Рахматулла, который был Алексеем Ивановичем Олениным... Фаиз Мохаммед, который был Владимиром Семеновичем Семеновым.... Нанк Мохаммед, чье советское имя Геннадий Анатольевич Цевма». И так далее.

Всего попавших в афганский плен насчитывалось более трехсот. Как вызволить их из неволи? Об этом в заявлении Горбачева почему-то не говорилось ничего.

Вчитываясь тщательно в пространную прокламацию генсека, я убедился в том, что он гуманно позаботился о послевоенном возвращении афганских беженцев в их разоренные края. Обещал помочь всем афганцам обрести общенациональное примирение. Высказал дружелюбие к Пакистану и прочим соучастникам афганской бойни. Посулил моджахедам равноправное вступление в кабульское правительство. Все это полагалось бы столь же благородно компенсировать хоть отчасти освобожде-

нием из плена советских граждан. Но про них престолонаследник Черненко как бы позабыл по давней традиции. Либо не успел еще завершить окончательно межгосударственные переговоры? На сей счет сначала обнаддеживало словцо «почти» в заявлении Горбачева:

«К настоящему времени на переговорах в Женеве почти завершена разработка документов, охватывающих все стороны урегулирования».

В нью-йоркской штаб-квартире ООН расспросы осведомленных дипломатов позволили установить, что не позже апреля 1988 года министры иностранных дел США, СССР, Афганистана и Пакистана под председательством генерального секретаря ООН торжественно подпишут в Женевском Дворце наций четыре договора о политическом урегулировании афганского конфликта. Все четыре документа уже были всесторонне согласованы и не подлежали ревизии во избежание срыва комплекса соглашений. Их копии удалось мне заполучить под честное слово держать в секрете до официальной публикации.

Но чтение подготовленных договоров нашего правительства с афганцами, американцами, пакистанцами и ООН повергло меня в уныние и породило первые сомнения в добросердечности Горбачева: с его ведома ни одно соглашение не упоминало плененных в Афганистане советских людей. Их бросили там, значит, на произвол судьбы! А точнее, быть может, предали?

За это винить только Горбачева, однако, все-таки несправедливо. Ведь он поступил так, как было всегда принято у кремлевских вождей за долго до его появления на божьем свете.

Еще в 1920 году революционная Красная Армия, отразив нападение польских легионеров генерала Пилсудского, прорвалась затем к Варшаве, но была отпущена и обращена в бегство, оставив в плену у белополяков сто тысяч красноармейцев. Их дальнейшая участь не установлена достоверно по сей день. Лишь сейчас в России и Польше начали изредка публиковать разрозненную документацию 20-х годов о массовых расстрелах пленных красноармейцев, пыточных казнях штыками, преднамеренном умерщвлении холерой и зимними морозами полуживых узников концлагерей.

Цифры смертей в польском плену пока дискуссионно предположительны - от 40 до 60 тысяч. Не уточнять ничего и забыть об этом навсегда распорядился красный главнокомандующий Лев Троцкий. Его бесчеловечный завет не преодолен целиком даже сегодня. Кто же ныне виноват? Да все мы, по-моему, мои дорогие беспамятные сограждане.

Покойная моя мать Александра Михайловна Авдеева носила фамилию моего отца - фронтового офицера Отечественной войны, пропавшего без вести в бою. Что с ним стряслось - осталось неизвестно и после войны. А это считалось властями равнозначным пребыванию в гитлеровском плену. И отягощалось подозрением в послевоенном побеге на капиталистический Запад. Такое заочное и огульное проклятие всех жертв

вражеского плена обосновал самолично Сталин своим историческим указом № 270 о причислении военнопленных к изменникам Родины.

Каждый освободившийся из германского плена классифицировался в НКВД как «агент немецких спецслужб». Репатриированные в СССР из Западной Европы бывшие пленники фашистов получали особое клеймо — «пособник западных спецслужб». Почти всех ждал арест, фильтрационный концлагерь, допросы, побои, тюремный приговор, годы каторжного труда.

Любой житель нашей страны при поступлении после школы в учебные заведения или на службу обязан был исповедаться письменно в проверочной анкете: «Были вы или ваши родственники в плену либо на оккупированной территории?». Я отвечал «нет» долгие годы, как ни странно, безнаказанно. И помалкивал. Так мне ли осуждать Горбачева — сверстника и тоже выпускника московского университета?

5 миллионов 300 тысяч возвращенных на советскую землю рабов коричневого рейха — вот сколько у нас безвинно очернили, лишили права на образование, выбора местожительства и профессии, оскорбляли и притесняли до глубокой старости и смерти.

А когда из всех бывших военнопленных еще не померло лишь двадцать тысяч старцев, то их за все муки вознаградили к полувековому юбилею Победы кремлевским указом ~~теперешнего~~ президента: выдать беднякам картонные удостоверения ветеранов Отечественной войны при условии сдачи властям «учетных карточек о пребывании в плену и окружении, архивных справок о прохождении проверок и фильтрации».

То есть погнали замордованное старичье на поклон за тюремными справками опять к чекистам! Разве это не издевательство в особо изощренной форме? Выходит, наши вожди, перефразируя литературного классика, во многом так и не вышли из сталинской шинели.

После Сталина при всех вождях — Хрущеве, Брежневе, Андропове, Черненко, Горбачеве, Ельцине — тянулась сорокалетняя эпопея плена на Тайване матросов советского танкера «Туапсе». Его захватили гоминдановцы пиратски на abordаж ночью 23 июня 1954 года. Экипаж танкера отконвоировали в береговые казармы, разъединили, допрашивали порознь, избивали, грозили расстрелом, принуждали подписать текстовки о согласии на политическое убежище. Тем временем наше правительство уклонилось от переговоров и каких-либо контактов с тайваньскими главарями, чтобы не раздражать пекинского друга Мао, отплатившего нам вскоре по-черному серией антимосковских интриг и провокаций.

Одиннадцать месяцев на китайском острове 49 пленников «Туапсе» прозябали за колючей проволокой, оказавшись разменными пешками больших фигур международной политики. Двадцать впадших в отчаяние матросов подписали навязанные им апелляции политического убежища. Перед этим их так истязали, что двое умерли от побоев. Еще один совершил самоубийство.

3 мая 1955 года дипломатическое воздействие на власти США, опекавшие тайваньцев, выручило наполовину «туапсинцев»: вернулись домой 29 не поддавшихся на тюремную приманку освобождения без отечественных паспортов. За образцовую стойкость всем дали ордена и патетически восславили художественным фильмом «Чрезвычайное происшествие», в котором геройски матросил неотразимый красавец Вячеслав Тихонов, он же грядущий Штирлиц. Благодаря его шарму кинокартина имела успех, но была весьма торопливо изъята с экранов, дабы не напоминать опрометчиво нашей сентиментальной публике о неспасенных солдатах в логове желтоликих флибустьеров. Их людскую добычу вместе с похищенным танкером полагалось ритуально позабыть.

Списанные в небытие тайваньские пленники позже на свой страх и риск возвращались уже без всякой помпы на родину окольными заморскими путями. Пятеро через Соединенные Штаты. Четверо через Бразилию. Прямоком с Тайваня лишь в 1988 году прилетели в Москву трое состарившихся мореходов.

Последний тайваньский возвращенец - парализованный после инсульта Всеволод Лопатюк - был доставлен его родне в 1994 году. И когда ему понадобилось оформить паспорт и пенсию, то чиновники возразили: нужно сперва предоставить им справку о пребывании сорок лет в иностранном плену. Но как инвалиду добыть справку от чанкайшистов с их далекого острова? А без такой справки другой обездоленный пенсионер — бывший бортэлектрик «Туапсе» Владимир Саблин - бедствовал в нищете и был замытарен чинушами настолько, что умер от разрыва сердца.

Больные, безденежные, склеротичные пенсионеры, жалкие прототипы экранных героев киносказки умерли еще живыми в подконтрольной властям куцей памяти советского общества. Между тем на протяжении 80-х годов появились заново десятки подлежащих забвению без упоминаний в прессе: это были оказавшиеся в иноземном плену наши военнослужащие и гражданские специалисты, командированные в Эфиопию, Анголу, Мозамбик, Афганистан.

После восьми лет молчания о советских людях в афганском плену и даже после объявления нашего выхода из афганской войны московские правители, отрекшись от Сталина, упорно продолжали игнорировать военнопленных совершенно по-сталински. И продолжали ежегодно на военных праздниках появляться нарстенно в сквере возле Кремля у могилы Неизвестному солдату с патриотической эпитафией: «Никто не забыт, ничто не забыто». Эта нарушенная клятва повторялась стократно огромной страной на мраморе, граните, чугуне, железобетоне парадных мемориалов посреди главных площадей всех больших городов.

И повсюду знали, что заповедь воинских памятников: «Никто не забыт» - это утешительная ложь. И я знал. И тоже молчал. Не из страха. Нет. Так почему? Сей вопрос, пожалуй, сам по себе подсказывает, что

Иосиф Виссарионович еще жив и усмехается в усы злобеше и презрительно, поглядывая откуда-то на нас.

На пороге весны 1988 года, когда я навещал нью-йоркскую резиденцию Объединенных Наций и кулуарно выпрашивал дипломатов о неясном будущем наших пленных в Афганистане, перед центральным подъездом небоскреба ООН на Первой авеню толпились пикетчики с фанерными и матерчатыми транспарантами: «Военнопленные и пропавшие без вести - вы не забыты нами!». Лозунги на английском языке не имели, увы, никакого отношения к невольникам моджахедов. Демонстранты требовали от ООН поддержки розысков в Лаосе и Вьетнаме пропавших там на войне пятнадцать лет назад американских солдат и офицеров.

Митинговало не менее трех сотен: дамы среднего возраста из «Национальной лиги семей военнопленных» и крепкие пожилые мужчины из организации бывших армейцев «Американский легион». Ветеран вьетнамской войны Джерри Кили, с которым я разговорился, сказал, что пикетчики намерены передать их письмо представителю СССР в ООН с просьбой убедить из Москвы правительство Ханоя позволить на его территории поиски американцами их пропавших бойцов.

Не знаю окончания затей с письмом. Позже, как известно, американцы подвергли Ханой экономическому и политическому давлению столь мощно, что вьетнамцы принялись активно помогать у себя поисковым экспедициям Соединенных Штатов. То же повторилось в Лаосе. И недавно в России. Американцы везде, где побывали их солдаты, ищут годами и десятилетиями останки своих погибших людей и сведения о безвестно пропавших. А спасение военнопленных считается в США долгом чести всего общества и государственной системы. Вот чему нам не зазорно позавидовать!

142 тысячи американцев, переживших плен на войнах этого века, начиная с первой мировой, награждены необычной для иных стран медалью «За достойное служение во время заточения в плену». Исчезнувших бесследно в бою или плену не считают в США погибшими и потому отмечают каждый год 16 сентября с флагами, цветами и почетными караулами «День всеобщей памяти военнопленных и пропавших без вести».

Такие уличные сборища я видел дважды в Нью-Йорке и Вашингтоне. Оба раза в толпе общительных американцев я ни с кем словом не перемолвился, ибо стыдливо опасался, что они могут поинтересоваться у русского - как его страна освобождает и чествует пострадавших в зарубежном плену?

В начале марта 1988 года прилетевший в Нью-Йорк из Москвы знакомый мне дипломат сказал, что подписание афганских соглашений в Женеве спланировано на середину апреля. Поставить подпись от правительства СССР уполномочили члена Политбюро ЦК КПСС и министра иностранных дел Эдуарда Шеварднадзе. Его заместитель Юлий Воронцов координировал подготовку к встрече министров четырех держав под эги-

дой ООН. В Женеве уже завершал всю предварительную работу советский посол по особым поручениям Николай Козырев, однофамилец по чистой случайности будущего ельцинского министра.

Воронцова и Козырева я знал неплохо. Еще в середине 70-х годов встречался в Вашингтоне с нашим советником-посланныком Юлием Воронцовым, который тогда деликатно замая поступивший к нему вздорный донос на меня от посольских осведомителей КГБ. А в студенческой молодости я учился вместе с Колей Козыревым, потом мы дружили семьями в Москве и переписывались, когда он длительно служил на дипломатических постах в Кабуле и Тегеране.

Оба посла - Воронцов и Козырев - под руководством Шеварднадзе оказались соавторами женевских соглашений по Афганистану. И пренебрегли нашими военнопленными вовсе не по злему умыслу, как я уверен, а по карьерной привычке угождать начальству исполнением его директив без отсрочек на улаживание неприятных проблем.

Если бы удалось как-либо дополнить афганские соглашения обязательством освободить всех пленных, то это могло притормозить апрельскую церемонию в Женеве и повредить карьерам Шеварднадзе, Воронцова, Козырева, ответственных за непростительный промах. Поэтому упрощать частным образом любого из них защитит в Женеве забытых военнопленных было, по-моему, уже слишком поздно.

Находясь далеко от дома, я не мог предпринять заново попытку кабинетного подкупа под московскую цензуру. Но она уже зияла многими пробоинами со страниц долетавших до Нью-Йорка авиапочтой газетных бомбометчиков горбачевской «гласности» - «Огонька» и «Московских новостей». Одна за другой запретные темы советской журналистики взрывались искрометными фонтанами пороховых слов. И отголоски нового московского вольноречия побуждали меня начать действовать тоже дерзко и влобовую. 17 марта я телеграфировал редколлегии «Литгазеты» служебную депешу:

«Еще в июле прошлого года газета «Нью-Йорк сити трибюн» сообщила, что афганские моджахеды по рекомендации их опекунов из Вашингтона не уничтожили пока около 300 плененных ими советских солдат. Эта проблема - мучительная для нас, злободневная и неоднозначная, как и прочее, связанное с Афганистаном. Однако разве разумно политически и морально повторять сталинские ошибки по части публичного игнорирования наших несчастных соотечественников в чужеземном плену? Постыдно было бы забыть прежде всего тех, кто в плену не капитулировали духовно и живы еще, но вскоре будут, наверное, убиты втихую, если не попытаться хоть чем-то помешать их гибели.

Равнодушное бездействие по отношению к военнопленным рано или поздно запятнало бы опять часть нашей отечественной истории. Ее так называемые белые пятна мы нынче ликвидируем. Тем более

надлежит избежать еще одного худого пятна. Ни одна по-настоящему цивилизованная нация не бросает в беде своих граждан, особенно ее детей, какими являются по сути наши мальчишки, ставшие солдатами в Афганистане. Так пора заступиться вслух за самых измученных среди них пока еще, быть может, не поздно.

С чего начать? В Москве, конечно, виднее. Отсюда я готов подготовить репортаж для «Литгазеты». Можно также напечатать интервью с каким-нибудь афганцем из МИД СССР. А еще лучше - интервью с представителем Главного политуправления министерства обороны. Пуст наш народ убедится, что у нас и впрямь никто не забыт и ничто не забыто. Только сделайте это, пожалуйста, без обычной нашей редакционной волюнки. Не затягивайте святое и срочное дело».

Эта телеграмма, как я предвидел, быстро перекочет в нескольких копиях из редакции «Литгазеты» на Старую площадь в ЦК КПСС, в сталинский небоскреб МИДа и на Лубянку. Там везде наверняка раздражено насупятся: ведь служебная депеша, отправленная мной нарочно по телеграфу нашей дипмиссии в Нью-Йорке, была, однако, не зашифрована. А поэтому прочтена затем очень многими бесконтрольно и тем самым чревата риском скандальной огласки в случае отказа настырному корреспонденту. При такой ситуации, по моим догадкам, вряд ли кто из сановных цензоров захочет оказаться козлом отпущения в разгар московской «гласности».

Так сперва и получилось: ответной отповеди мне из высших инстанций не последовало. И тогда я, ободренный отсутствием запрета, четыре дня спустя вновь телеграфировал тем же способом в свою газету написанную давно статью о всех бедствиях наших узников афганского плена с призывом к их незамедлительному спасению.

Вслед за тем была опять доказана наивность журналистских ухищрений против косности матерого московского начальства: оно загадочно отмалчивалось. Так продолжалось неделю, две недели, три. У меня начали сдавать нервы, возникла бессонница. Принялся телефонировать в «Литгазету» с надеждой прекратить странную немоту шефов редколлегий. Но они уклонялись от разговора со мной.

Вместо них выходили на связь лишь низшие литсотрудники, сообщая о своей якобы неосведомленности насчет полученной статьи об афганских пленниках. Под конец унять мою назойливость поручили самому младшему и вместе с тем наглому по-хамски работнику международного отдела. Сергей Вашурин, ленивый бездарь и невежда, был любимцем редакционных боссов за его лакейский подхалимаж к ним.

Вашурин пресек мои телефонные расспросы брезгливым грубиянством:

- Больше не звоните сюда по пустякам.

А я, потеряв самообладание, посулил ему при грядущей встрече надавать уши. За что он гарантировал мне теперь же возмездие его опекунов и вдобавок партийное взыскание.

И быть бы тому, да только вскоре Вашурина вознаградили за холуйство первой краткой заграникомандировкой, из которой он не вернулся. Потом подвизался недолго на радиостанции «Свобода». Но там чем-то не угодил и затем невесть куда запропастился.

Между тем 14 апреля 1988 года в Женеве советский министр иностранных дел Шеварднадзе и министры-дипломаты Пакистана, Соединенных Штатов, Афганистана при участии Генерального секретаря ООН церемониально завизировали совместное соглашение о мирном урегулировании в Афганистане. Его покинуть предписывалось нашим войскам не позже февраля следующего года. Освобождение там наших пленных солдат не предусматривалось, так как не упоминалось никак документально. В итоге по сей день правительства женевских миротворцев абсолютно ничем не обязаны разыскивать и вызволять из афганского плена бывших советских солдат.

Спустя неделю после ущербного пакта афганского примирения советская пресса запоздало разродилась 20 апреля со страниц «Литгазеты» публикацией о наших забытых на чужбине военнопленных. Их игнорировали вплоть до женевского шоу 14 апреля и еще неделю, конечно, преднамеренно. Опасались подпортить международную рекламу новой компромиссности Кремля.

Решимость избавить как можно быстрее наш народ от кровопролития в афганской войне была воистину благородна, но все же не оправдывала побочного предательства по причине дипломатической спешки.

Утешало меня с 20 апреля лишь одно достижение: отныне у нас отомрет, как верилось, долголетний негласный остракизм сограждан-военнопленных, достойных всеобщего сострадания.

«ГОЛУБЧИК, БУДЬТЕ СПАСИТЕЛЕМ!»

Вскоре «Литературная газета» начала печатать массовые отклики ее читателей на призыв выручить наших солдат из плена. И на сей счет почти все советские газеты, а также многие американские, процитировали заявления генсека Горбачева и президента США Рейгана 1 июня 1988 года. Это был предпоследний день их последней встречи в Москве на высшем уровне. На заключительной пресс-конференции Горбачева задали ему такой вопрос:

- В «Литературной газете» опубликована статья корреспондента в США Ионы Андропова относительно 300 советских военнослужащих в Афганистане, которые были переброшены на территорию Пакистана насильно. Следом за этим сейчас же пошли письма в редакцию об их судьбе. Говоря о региональных конфликтах, не поднимался ли этот вопрос во время вашей беседы с президентом Рейганом?

Горбачев ответил:

- Я тоже получил письма от некоторых матерей этих солдат. Мы вступили в контакт с американской стороной, чтобы в практическом плане рассмотреть вопрос. И такие обсуждения состоялись. Конкретно с президентом Рейганом мы этот вопрос не обсуждали. Но он начал прорабатываться на рабочем уровне, на уровне экспертов. Добавлю, что эта проблема поставлена и перед Пакистаном. Мы будем делать все для того, чтобы наши люди вернулись на Родину.

Рядом с обещанием Горбачева газета «Известия» напечатала репортаж о посещении Рейганом московского университета:

«Спрашивает студент факультета журналистики Игорь Шорожкин:

- Меня беспокоит судьба трехсот десяти советских солдат, пропавших без вести в Афганистане. Не смогут ли США оказать посильную помощь в их розыске и возвращении на Родину?

- Разумеется, - сказал президент, - Мы были бы очень рады содействовать этому».

В ту пору несколько недель подряд никто в Нью-Йорке, кроме меня, не получал из Москвы столь бесподобной авиапочты – тяжелых пакетов из сотен спрессованных писем со всех краев СССР. Это был взрыв изумления, боли, шока в ответ на первое у нас воззвание подцензурной прессы спасти из иноземной неволи наших людей.

Выручить их срочно любым способом наказывали простодушно коллективные письма с тысячами подписей учеников и преподавателей различных институтов, техникумов и школ, рабочих заводов, строитрестов и

шахт, служащих госучреждений, больниц, агрохозяйств, военкоматов, библиотек. Такого ураганного резонанса не порождал я прежде и никогда впоследствии за 40 лет репортерства.

До сих пор, после всех моих странствий, я берегу дома, словно антикварную диковину, пачки писем десятилетней давности. Тогда в нашей стране повсеместно еще было полным-полно людей добрых безоглядно, щедрых бескорыстно на сочувствие словом и делом чужому горю. Нет уже сегодня былого братства, как нет и той страны.

«Дорогой товарищ Андронов! — писала мне из Куйбышева читательница «Литгазеты» Вера Григорьевна Дроздова. — Мне 70 лет. Ваша статья в газете от 20 апреля буквально убивает меня: неужели так безнадежна судьба в афганском плену наших мальчишек? Я в ужасе от нынешних передач по радио и телевидению: ведь там и сегодня — ни слова о наших несчастных пленных, погибающих в муках, голодных и больных, а главное убитых морально тем, что никто о них не хлопочет. Я говорила с парнем, который вернулся оттуда без одной руки. Я ухватила его около пивного киоска, он был слегка пьян и сказал мне: «Там рука моя осталась». Не знаю, правду ли он сказал в ответ на мои расспросы о пленных: «Для их пересылки домой надо платить валютой Международному Красному Кресту, но раньше Сталин не платил никогда, и сейчас чиновники в Москве тоже не хотят платить».

Из-за этого нельзя выкупить военнопленных? Неужели нельзя нам собрать деньги и внести в Международный Красный Крест? Я бы не только пенсию, я бы себя отдала в обмен за какого-либо несчастного, кто плачет от горя, страдает от пыток, голодает и зовет маму. Неужто Родина бросила их?

Голубчик! Вы везде можете пройти, сходите на прием к Михаилу Сергеевичу Горбачеву, к министру обороны Язову. Надо заплатить, надо выкупить их всех. Кажется, мы, живя в тепле и сытости, предаем самое дорогое — наших детей. Миленький, будьте спасителем для этих несчастных! Помогите им хоть как-нибудь!».

Столь же надрывно-горькими были и прочие письма моих соотечественников. Вместе с тем многие высказывали деловые предложения, как, например, Лариса Львовна Кутник из Норильска:

«Надо создать фонд для сбора средств на выкуп наших солдат. Я обязуюсь внести в этот фонд свою месячную зарплату. Уверена, что все наши люди откликнутся на это. Понимаю, что советские рубли там не пойдут, но проделать операцию по обмену советских денег на валюту должна какая-то наша внешнеторговая организация. Не знаю, как это можно сделать, но знаю, что это нужно сделать. Прошу Вас, не оставляйте этот вопрос нерешенным. Он не терпит ни дня промедления».

«Может нужно сдать золото? — спрашивала Раиса Ивановна Андрюхина из Владивостока. — Буду ждать ответа через газету».

«Если нужны деньги на возвращение наших ребят из плена, - писал Борис Сергеевич Горохов из Кургана, - то пусть газета объявит сбор средств, а мы отдадим все и отдадим столько, сколько запросят душманы. Только бы вернуть ребят. Только скорее, скорее».

Некоторые советовали экстренно учредить в Сбербанке СССР и всех его отделениях всесоюзный счет для денежной выручки узников афганского плена.

Наряду с таким практическим милосердием были, впрочем, и агрессивно-силовые рекомендации. Москвич А.Максимов, старший сержант запаса, выразил «с болью и горечью» свое особое мнение:

«Разве одиночной газетной статьи Андропова ждут наши ребята, отправленные на чужую войну и брошенные в чужеземных застенках? Не спешат им на выручку отцы-командиры. Дипломаты спокойно ведут их переговоры. А ребята там мучаются и гибнут. И потому собраться бы нам, бывшим солдатам, в многотысячное соединение и, не дожидаясь «голоса советской и американской общественности», снести вместе с душманскими гнездами пол-Пакистана. В науку тем, кто не дорожит честью советского солдата. Давно ждут нас там наши ребята. Кто-то же должен спасти их».

Ни одно из процитированных здесь писем моя «Литературная газета», публикуя читательские отклики, не напечатала. Негласно горбачевская «гласность» исключала какие-либо отклонения в прессе от ортодоксальных догм ЦК КПСС и подчиненных ему министерств обороны и иностранных дел. А критика в их адрес тем более не подлежала, как прежде, общественной огласке.

И посему лишь я да еще кто-то в отделе писем «Литгазеты» прочитали весной 1988 года коллективное письмо С.Чигриновой, В.Петровой, А.Неталиева и семнадцати их земляков из Алма-Аты:

«Статью Ионы Андропова в «ЛГ» о военнопленных нельзя читать без слез, но потом берут верх гнев и возмущение. Кто виноват в том, что наши ребята оказались в такой беде без чьей-либо поддержки? Почему о наших мальчиках, попавших в плен, заговорили только сейчас? Разве за годы войны в Афганистане попали в плен эти 300 солдат совсем недавно? Какую же помощь они получили от тех, кто послал их на войну в мирное время? У нас очень много говорят об интернациональном долге, который наши парни выполняют в Афганистане. А что же говорят у нас о долге перед ними тех, по чьим приказам солдаты угодили в плен? Почему за ошибки людей, которые ничем не рискуют – ни здоровьем, ни благополучием, расплачиваются своими жизнями наши дети?».

«Что сделало советское правительство, чтобы добиться освобождения наших ребят? – допытывался Ю.В.Качановский из Хабаровска. – Почему в соответствии с Женевскими соглашениями мы взяли на себя обязательство вывести войска из Афганистана, но США и Пакистан не взяли

на себя обязательств помочь освобождению из плена наших солдат и офицеров?».

«Если бы власть имущие в ЦК КПСС, Политбюро, Верховном Совете представили, - рассуждала З.Е.Ефимова из Старого Оскола, - что их дети находятся в плену у душманов! Наверное, эти деятели повели бы себя совсем по-другому. Интересно, служил ли кто из детей наших руководителей рядовым солдатом в Афганистане? Есть ли среди таких убитые и раненые? Очень сомневаюсь».

«Почему только сейчас, - вопрошал москвич А.Степанов, - мы узнаем о предательстве, творящемся, видимо, не один год? Вель бросив наших солдат в плену, их фактически предали».

«Неужели наше правительство не может в высших сферах, - удивлялась Элла Константинова из Ростова-на-Дону, - решить вопрос об освобождении наших ребят? Почему к их спасению призывает сейчас в одиночку Иона Андронов?».

Несколько адресованных мне писем содержали наказания. Из заполярного города Апатиты Е.Н.Ветров просил: «Уважаемый товарищ Андронов, не бросайте начатую Вами тему. Подняв ее, Вы просто не имеете права бросить этот вопрос неразрешенным».

«Здравствуй, уважаемый товарищ Андронов, - писал Марат Ибрагимов из приволжского поселка Балашейка. - Меня просто трясет от бесилия чем-либо помочь нашим парням. Умоляю Вас, не забрасывайте эту тему, коли начали. Давайте сообща вырвем их из неволи».

Но как это было выполнить, наивный добряк Марат? Как нам «сообща» из Нью-Йорка и с Волги спасти далеких невольников афганского плена? Несуразная мечта?

Моя жена, просмотрев читательскую почту, сказала:

- Ты должен попытаться сделать то, о чем тебя просят. До сих пор ты всю жизнь занимался репортерским словотворчеством, а теперь на деле можешь принести большую пользу очень многим людям. Не упускай уникального шанса. Возьмись за благое дело. Надеюсь, что ты справишься.

...Однажды в конце 70-х годов мне впервые удалось претворить журналистику в нечто иное и фундаментально-долговечное - бетонный мост через горную бурную речку по имени Таг вдоль границы американских штатов Западная Вирджиния и Кентукки. Там на вирджинском берегу есть крохотный поселок Вулкан, прижатый к речке полукольцом скалистых сопков. Из этого ущелья двести местных жителей имели помимо горных троп лишь один выход во внешний мир - канатный подвесной мост через речную стремнину. Сей старый и ветхий мост смело в середине 70-х годов буйным наводнением, после чего мэр захолустного поселка - некий Джон Робинет - упрасивал год за годом безуспешно тамошние власти восстановить транспортную связь его общины с остальной великой и богатейшей державой.

Об этом просил мэр тщетно и губернатора Западной Вирджинии миллионера Джея Рокфеллера IV-го, и вашингтонское правительство, и даже тогдашнего президента Джимми Картера. И наконец в крайнем отчаянии решился бедолага-мэр на сенсационную выходку: послал телеграмму с просьбой напрямую Леониду Ильичу Брежневу!

Однако в Кремле молча отмахнулись от заокеанского чудака. Об этом поведала с издевкой газета «Вашингтон пост», которую я проглядывал в те дни каждое утро. И затем отправился в гости к мэру Робинету сперва авиапассажиром, потом в провинциальном автобусе, далее на попутном авто и в завершение пешком.

Одновременно к сиротскому поселку ринулась орава американских журналистов на вертолетах и джипах-вездеходах: меня приняли за посланца Кремля и тем самым превратили анекдотический казус в политический скандал.

Телевидение, газеты, радиостанции Соединенных Штатов наперебой требовали от нас с мэром ответа: построят ли Кремль и впрямь новый мост бедняцкому Вулкану? А мы вдвоем, подружившись сходу за бутылкой русской водки, вместе отвечали: да, русские готовы восстановить злосчастный мост! В итоге сработала ущемленная гордость могучей Америки, которая спешно воздвигла, обгоняя вроде бы Кремль, бетонную махину речного моста для карликового селения.

Об этой истории «Литературная газета» по указке свыше не напечатала мою корреспонденцию. Вместо того я склопотал из Москвы выговор за якобы негодную затею: мое поведение и отвергнутый репортаж могли, дескать, подтолкнуть немало советских людей на публичные обращения к Вашингтону с жалобами на разные невзгоды.

Тем временем в Голливуде по заказу киноконцерна Эм-джи-эм сочинили сценарий фильма о моих похождениях под названием «Мост для Вулкана». Но все же главное состояло в том, что реальный мост получили нуждающиеся люди. А среди них я обрел вдали от дома настоящих друзей. Жив ли там поныне находчивый мэр Робинет? Увы, не знаю.

Позже в Москве я слышал как в редакционных кулуарах меня иногда шуточно называли «флибустьером». Причиной клички явился не только забавный случай в Западной Вирджинии. В моей профессии мне нередко был тогда присущ, признаюсь, журналистский авантюризм с изрядной долей риска. И не только на чужеземных войнах.

В молодости я по-репортерски охотился в непальских Гималаях за мифическим «снежным человеком». В США ради разоблачения антисоветских интриг их контрразведки добился приема у нью-йоркского шефа ФБР, разыграв поначалу будто бы «перебежчика». Сумел в Нью-Йорке навестить и обмануть матерого террориста, чья шайка устраивала тайно взрывы у стен советской дипмиссии и на наших торговых кораблях. Разыскивал и находил в Италии, Германии, Турции, Америке наемных

убийц и шпионов, причастных к нашумевшему покушению на папу Римского.

И под конец своей газетной карьеры уже считал заурядным редакционным заданием в очередной раз брать интервью у зарубежных президентов, премьер-министров, сенаторов или главара Ку-клукс-клана. А когда поседел и все как-то приелось, то вдруг заскучал, захандрил, затосковал неведомо о чем....

В те годы жизнь в Нью-Йорке советского корреспондента казалась лишь внешне заманчиво счастливой. Работа, конечно, была интересной. И оплачивалась долларами, которые, однако, всячески экономили, копя на будущие покупки в своей стране автомобиля, кооперативной квартиры, дачи и шмоток впрок себе и родне. Хватало, впрочем, на дружескую выпивку, но она грозила немалой опасностью, если в компании сограждан неосторожно сболтнешь что-нибудь политического характера.

Не менее половины моих коллег были кадровыми шпионами, а сколько завербованными и добровольными «стукачами» — никто не знал. Кроме нью-йоркской резидентуры КГБ.

Примерно пару раз в месяц нас, журналистов, созывали по телефону из совмиссии на «профсоюзное собрание». Так именовалось ритуальное заседание членов КПСС и ВЛКСМ в специальной комнате без окон, обшитой особым металлом и пластиком от внешнего подслушивания. Внутри имелся кондиционер, но все равно было душно и тягостно, словно в отсеке подводной лодки. Дежурный оратор — партсекретарь или какой-либо дипломат — зачитывал нудно, потя и насупясь, новейшее длинное постановление московских вождей. И сурово заклинал крепить нашу бдительность во вражеской среде.

Оживление возникало, лишь когда предавался анафеме новоявленный советский перебежчик к коварным янки. Чаще всего он был из КГБ. Его полагалось осудить поголовным голосованием и отпартовать исправно в Москву. При сем можно было отмолчаться, но ради самосохранности не допустить даже невольной усмешки. Поэтому я обычно старался усесться в последнем ряду стульев. И все-таки неслучайно меня не приглашали вступить в бюро даже низшей партийке.

Партийное словоблудие тех лет было в советских загранучреждениях явным шарлатанством. Его наиболее речистые шаманы неоднократно становились предателями. Те, кто активно поддакивали, скупали втихую дефицитное в СССР заморское барахло — дешевые магнитофоны, синтетические шубы, бижутерию — для спекулятивной перепродажи родственниками в наших городах. Советская миссия в Нью-Йорке была напичкана блатными бездельниками из семей элит ЦК КПСС и МИДа. Все эти пройдохи вызывали отвращение. Их лжеидеология уже давно не была стимулом моей работы.

Подспудно накапливался душевный разлад и угнетал все сильнее. Мы с женой жили весьма замкнуто, общались предпочтительно с амери-

канцами, меж которых обрели нескольких друзей. Две мои командировки в Нью-Йорке растянулись на 11 лет, и дошло до того, что даже по ночам во сне я бормотал по-английски.

Но тем больше и нервной вспоминалась щемяще Россия, родной говор, полузабытые песни. Как-то вечером я включил телевизор и увидел внезапно знакомый речной обрыв в Нижнем Новгороде над широченной Волгой. По ней плыл белый двухпалубный пароход, на дальнем низком берегу зеленела роща, в небе парили чайки. И об этой земной красе протяжно пел бархатный голос русской женщины. Горло сдавило и не хватило воли удержаться от слез. Я убежал в туалет, заперся и плакал, рыдал, содрогался в каком-то молниеносном припадке.

Тем не менее ежесуточно по утрам я, будто наркоман, получал энергетическую инъекцию бойцовой бодрости с примесью злобы при чтении свежих выпусков «Нью-Йорк таймс» и «Вашингтон пост». Их корреспонденты в СССР неустанно расписывали беспросветную жизнь миллионов несчастных «рашенс». Смаковали повседневные очереди за водкой, колбасой, сыром, импортным ширпотребом и особенно — за туалетной бумагой. Злорадствовали по любому случаю антимосковских бунтарств в Прибалтике, Армении, Средней Азии. Бранили все еще сильную тогда Советскую Армию и пугали ею европейских соседей «рашенс».

«Рашенс» — так скопом именовали у них и называют поныне всех нас без разбора. И за многие годы навязали американцам как бы собирательный образ гадкого русского: он — врожденный милитарист, лентяй, пропойца, потенциальный бандит и полудикарь, привыкший обходиться без туалетной бумаги. Не мудрено же, что в отместку я, «рашен», тоже для газетных репортажей находил в американской жизни изрядно ее мрачных аспектов.

В «холодной войне» по обе стороны ее фронта журналистов размежевала вражда двух политических идеологий, но это противоборство было переменчивым, непостоянным, иногда наигранным и лицемерным. А потому не могло у ветеранов словесных битв составлять долгосрочно сердцевину их духовных арсеналов.

Не зыбкая политология, а вечный зов родной крови, национальные инстинкты и привязанности служили обычно кислородом не только мне, но и моим противникам-марафонцам «холодной войны». Они именно поэтому всегда называли «рашенс» всех разноплеменных жителей советской державы, пренебрегая прочими различиями — политическими, культурными, партийными. По моим продолжительным наблюдениям, в американской прессе при полборе ее московских корреспондентов решающим закулисным фактором нередко была национальность.

Тому образец — известный нью-йоркский журналист Дэвид Ремник. Среди его коллег он сегодня почитается наилучшим спецом по России. Был у нас первоначально московским корреспондентом «Вашингтон пост» в 1988-1991 годах. Потом еще шесть лет неоднократно посещал

нашу страну и опубликовал много статей. В 1993 году издал объемистый сборник своих репортажей под хлестким заглавием «Гробница Ленина. Последние дни советской империи». В 1997 году сочинил продолжение — вторую журналистскую книгу «Возрождение. Борьба за новую Россию».

Оба тома объемом в тысячу страниц являются событийной хроникой российской политической жизни за последнее десятилетие. Сделаны книги обстоятельно, широкомасштабно, актуально, со знанием дела. Вместе с тем автор не скрывает своей неприязни ко всей окружавшей его российской действительности. Вот, например, отрывок из начала первой книги Ремника о приезде в Москву в январе 1988 года:

«Когда мы с женой туда прибыли, погода была омерзительная: серое небо моросило жижей, вдоль тротуаров горбились кучи грязного снега. Старообразные автомобили плохались, как бегемоты, по заболоченным улицам. Их передвижение в тумане еле различалось. Российская жизнь вообще медлительна. Падает снег или идет дождь, и день за днем тротуары покрыты льдом. Если хочешь на них устоять, надо, не отрывая подошв от земли, скользить и балансировать... Став жителем Октябрьского района, я счел резонным посетить людей, которые управляли этим местом. И я отправился к Октябрьскому райкому партии в бетонной серой громадине. Там посреди холла старая женщина с ногами, обвязанными эластиковыми бинтами, полоскала пол грязной водой. Она пропускала одно и то же пятно снова и снова. Удушливо пахло хлоркой, дрянным табаком и мокрой шерстью. Это был зимний запах России внутри ее домов. Это был запах женщины, стоящей перед тобой в очереди. Это был запах внутри каждого лифта. А здесь в холле на вешалке чернели десятки мрачных пальто, испуская легкий пар, как мулы в стойле».

Сарказм ньюйоркца насчет российского всеобщего зловония можно, казалось бы, оправдать тем, что самые первые впечатления приезжего — наиболее резкие и памятные. Однако девять лет спустя Ремник, прожив в России и вроде бы к ней привыкнув, опять брезгливо морщит нос в его второй книге о нашей стране:

«Однажды угрюмым зимним вечером я отправился на метро к северной окраине Москвы, чтобы увидеть там, как Зюганов обрабатывает собрание преданных ему избирателей. В кинотеатре «Полярный» скопилось несколько ~~с~~ ^отен людей. Преимущественно пенсионеры. Они заполнили все стулья и проходы, дабы услышать их кумира. В зале было довольно тепло, но в стиле русской традиции все абсолютно зрители были в пальто и шапках. Зал пропах паром мокрой шерсти».

Можно бы, кстати, напомнить дегустатору наших запахов, что Нью-Йорк пропах бензиновой гарью, его метро — сыростью грязного подвала, а Ист-Ривер — вонью химической свалки. Однако, быть может, вокруг Ремника у него дома благоухал аромат загородных усадеб денежной аристократии? Либо Ремник — отпрыск благородного семейства голубых кровей?

Нет, ничего подобного. Он сам поведал, как в царской России его дедушки и бабки по отцовской и материнской линиям жили в еврейских местечках на Украине. Потом уехали оттуда, опасаясь погромов, и эмигрировали в Америку, где оба деда Ремника торговали в Нью-Йорке с уличных лотков мелочной дешевой. А женился внук российских евреев на соплеменнице, чья семья потомственных раввинов из Белоруссии и Польши тоже перебралась в Нью-Йорк.

Перед отъездом на родину предков Ремник навестил своего столетнего деда Бена и услышал от него:

«Ты, кажется, спятил. Мы чуть не погибли, убегая оттуда, а ты, дуралей, хочешь вернуться».

Вопреки этому напутствию молодой Ремник, уцелев и преуспев в России, написал двухтомник-бестселлер, где на десятках страниц оплакал участь здешних евреев и заклеил обнаруженных им «русских антисемитов». К ним он причислил троих политиков — Александра Лебеда, Геннадия Зюганова, Виктора Анпилова. Обозвал «угрюмым антисемитом-ненавистником» знаменитого писателя Валентина Распутина. Заподозрил в антисемитизме политика и кинорежиссера Станислава Говорухина. Приплюсовал к антисемитам умершего недавно художника Дмитрия Налбандяна. Обвинил в том же 70 российских литераторов, а также все руководство «Союза российских писателей» и редакции трех столичных журналов — «Нашего современника», «Молодой гвардии», «Литературной России».

Гнев нью-йоркского обличителя вызвал даже сородич — московский банкир Михаил Смоленский, подаривший слитки золота для куполов возрожденного храма Христа Спасителя. Встретившись с банкиром, Ремник, по его словам, возмутился: «Но ведь вы же еврей!».

Во второй книге Ремника о России пара страниц отведена рассуждениям на тему слухов и сплетен: не «антисемит» ли Александр Солженицын? Ответ Ремника отрицательный и сопровождается ремаркой о жене писателя: «Наталья Дмитриевна — привлекательная женщина, частично русская, частично еврейка».

В той же книге политический портрет Григория Явлинского предваряет краткая информация: у него «еврейская мама». С восхищением и траурным пафосом Ремник описывает деятельность и гибель православного священника Меня, сообщая многозначительно: «Александр Меня был рожден евреем».

«Хэппи энд» венчает последнюю главу двухтомника Ремника:

«Накануне второго тура президентских выборов я смог оказаться очевидцем самого счастливого происшествия из увиденных мною в Москве за долгое время. Российский гуманитарный государственный институт, новый университет во главе с трибуном эры «перестройки» Юрием Афанасьевым, устроил торжественный выпуск студентов-дипломников кафедры еврейских исследований. Раньше этот институт был «Высшей

партийной школой» для воспитания будущих коммунистических лидеров. С 1991 года обновленный Афанасьевым институт заручился поддержкой высокопоставленных ученых мужей двух главных центров еврейских исследований в Нью-Йорке: Еврейской теологической семинарии и Института еврейских наук. И вот теперь я увидел, как представитель Института еврейских наук Аллен Надлер, одев мантию и шапочку, поздравляет выпускников и их родственников».

Ну, что же, каждый человек, говорят, бывает счастлив по-своему. Уроженец Нью-Йорка, как видим, нашел вдруг свое еврейское счастье в Москве. А я вот, москвич, понадеялся в Нью-Йорке, что обрету счастье и душевный покой, если как-либо помогу спасти из афганского плена русских солдат.

Ради такого счастья, как я ожидал, предстояло преодолеть большие трудности. Но в ту пору у меня не было предчувствий, что мои трудности перерастут в беды. Я был слишком самоуверен.

И самовольно приступил в мае 1988 года к осуществлению замысла, о котором если бы проводали в Москве, то могли бы сгоряча отозвать меня из Соединенных Штатов. Потому что без позволения нашего МИДа и вопреки его тогдашней политике я, рядовой журналист, а не дипломат, начал переговоры о военнопленных с нью-йоркским представительством крупнейшей организации афганских моджахедов «Хезби ислами». Так именовалась военизированная партия самого всесильного в ту пору главаря афганских боевиков Гульбедин Хекматъяра. Он распоряжался тогда большинством оказавшихся в плену советских солдат.

Полуофициальная миссия Хекматъяра размещалась в нью-йоркском районе Флашинг на Юнион-стрит в небольшом и непритязательном доме. Внутри на стенах комнат бросались в глаза фотоплакаты афганских битв: бородатые моджахеды с автоматами и гранатометами победоносно позировали на фоне сожженных ими советских танков, БТРов и обломков сбитых вертолетов.

Обитатели штаба – бородачи в долгополых рубахах – ввели меня в центральный зал без мебели, устланный бордовым ковром. Посреди восседал их предводитель – грузный пожилой афганец. Это был главный политический советник Хекматъяра по имени Абдул Квадер Харьяб. Он кивнул мне, взглянув удовлетворенно на мои ноги: я вошел к нему, сняв предварительно ботинки и демонстрируя тем самым уважение к его мусульманским обычаям.

Харьяб встретил и выслушал гостя, в отличие от американцев, без приветственной улыбки. Для него я был враг из стана проклятых интервентов и безбожных «кафиров». Прервав меня, он взглянул на часы, позвал остальных соратников, и все они на коленях расположились головами в направлении священной Мекки. Молитвенный намаз длился минут десять.

Затем я снова заговорил, призывая слушателей к исламскому милосердию: пощадить захваченных ими беспомощных пленников и отпустить их домой к несчастным матерям. Такой жест доброй воли, продолжал я, придаст моджахедам во всем мире имидж благородства и принесет им немалую пользу. Я попросил также сообщить Хекматъяру в Афганистан о том, что готов явиться к нему с общественной делегацией и обсудить его условия освобождения наших сограждан.

К моей радости советник Хекматъяра ответил согласием. Его черные глаза приметно оживились. Мы разговаривали по-английски, но он произнес что-то на родном пушту, и нам тотчас подали по чашке душистого чая. Первоначальный лед беседы чуть-чуть подтаял.

Смышленный Харьяб явно смекнул, что сможет использовать русского визитера с грядущей выгодой: втянуть Москву в прямые контакты с вожаками моджахедов наперекор их кабульскому супостату - просоветскому президенту Наджибулле. Это и впрямь сбылось год спустя, когда близ афгано-пакистанской границы дальновидный Харьяб свел меня с Хекматъяром.

Однако в тот день я как бы загнал сам себя в политическую западню: Кремль упорно не признавал созданное моджахедами временное правительство, поддерживал всячески и вооружал обреченного Наджибуллу и ради этого уклонялся от переговоров с афганскими повстанцами даже относительно своих военнопленных.

Но уже заходя я изобрел выход из самозападни. У меня созрел план сформировать в Нью-Йорке из знакомых мне авторитетных американцев общественный комитет за освобождение из афганского плена наших солдат. Я надеялся уговорить членов комитета во имя чистого гуманизма и превыше всякого политиканства отважиться на путешествие к атаманам моджахедов для переговоров с ними. В случае успеха пришлось бы Кремлю во избежание публичного позора примкнуть к переговорам и далее поневоле взять их на себя.

Создание мной в Нью-Йорке общественного комитета никак не удалось бы, конечно, утаить от Москвы. Против ее вероятного контрудара требовалось срочно изыскать солидную страховку. Ею оказался Владимир Федорович Петровский — заместитель министра иностранных дел СССР, который потом во времена распада советской державы предусмотрительно стал международным дипломатом на престижном посту заместителя Генерального секретаря ООН.

Весной 1988 года заместитель министра Петровский приехал в Нью-Йорк, а познакомились мы еще раньше. Среди высших чинуш МИДа он выделялся интеллигентной доброжелательностью, мягким обаянием и терпимым отношением к инициативам снизу в пределах, впрочем, дозволенного. На фоне равных ему номенклатурных бонз он выглядел «белой вороной». Умница и джентльмен.

Мой проект американского комитета Петровский воспринял с интересом. Разговор был с глазу на глаз. Петровский обещал в дальнейшем свою поддержку, но с тремя оговорками. Первая: никому не сообщать пока о нашем собеседовании. Вторая: временно не информировать московское начальство. Третья: сперва без шума привлечь видных американцев в мой комитет и только вслед за тем, объявив о его создании, поставить наших правителей перед свершившимся фактом. Эти мудрые рекомендации я обязался выполнить.

Благодаря Петровскому застраховавшись хотя бы частично с московского «тыла», я не имел, однако, никакой защиты от наибольшей угрозы. Она состояла в том, что к лету 1988 года уже пять лет подряд советские военнопленные в Афганистане были объектом агентурных операций ЦРУ и британской разведки МИ-6.

Эмиссары спецслужб посещали в лагерях моджахедов их пленников и отбирали среди измученных узников самых надломленных духовно и потерявших надежду вернуться живыми домой. Меж них выявляли прежде всего немногочисленных солдат-дезертиров. Ведь они даже не мечтали увидеть когда-нибудь опять родные края, где их неминуемо ждал армейский трибунал за измену. Вместо того им предлагали спасение: подписать просьбу о политическом убежище в Америке или Западной Европе, получить денежное пособие и впредь послушно исполнять директивы новых хозяев.

Первым контрольным заданием вербовщиков было обычно продиктованное военнопленному антисоветское радиовыступление в передачах на русском языке американской «Свободы» и английской Би-би-си. После чего пленник, становясь в Москве предателем, обрекал себя на участь зарубежного изгоя. Такими сделали за пятилетие два десятка подневольных юнцов.

Подобного сорта махинации проворачиваются ЦРУ и его младшими партнерами британцами традиционно под масками псевдоблаготворительных фондов и негосударственных организаций. Один из давних клиентов ЦРУ – русско-эмигрантский «Народно-трудовой союз» – попытался в 80-х годах накрутить среди пленников моджахедов достаточно солдат для образования в Афганистане боевого отряда диверсантов вроде гитлеровских «власовцев».

Но эта афера провалилась. Лишь антисоветской радиопропаганде сгодились малая кучка вывезенных на Запад невольников. Ими занимался в Лондоне учрежденный там Владимиром Буковским «Интернационал сопротивления». С ним сотрудничал англичанин – публицист Николас Беттелд, козырявший открыто близостью к МИ-6. Общавшийся с ними обоими покойный писатель-эмигрант Владимир Максимов вспоминал с сожалением в 1994 году:

«Не считаю нужным утаивать от кого-либо, что в разгар антикоммунистических батальи семидесятых – восьмидесятых годов я сам неодно-

кратно участвовал в политических акциях, поддержанных так или иначе, прямо или косвенно, западными спецслужбами: к примеру, в вызволении наших военнопленных в Афганистане».

Вывоз в США и Каналу отфильтрованных рабов моджахедов поручили нью-йоркской организации «Дом свободы». Сие заведение называет себя «правозащитным», но осведомленная газета «Нью-Йорк таймс» уточняет: «В разгар холодной войны «Дом свободы» обвиняли в получении денег от Центрального разведывательного управления».

И все же я считал благоразумным побывать в «Доме свободы». Эпоху «холодной войны» в американо-советских отношениях уже сменила горбачевская «оттепель», а тем временем в Афганистане наши войска начали эвакуацию. И потому, казалось бы, больше незачем ЦРУ использовать жертвы афганского плена ради дальнейшего очернения Кремля.

Трагедия советских военнопленных могла бы выпасть теперь из сферы противоборства двух великих супердержав и трансформироваться мирно в международную проблему универсальных прав человека на свободу и воссоединение с его семьей. Вот и задумал я попробовать договориться по-новому в «Доме свободы» с гуманистами из спецслужб по части гражданских прав.

«Дом свободы» занимал целый этаж в конторском здании на манхэттенской 21-й стрит. В приемном холле я протянул вахтеру журналистское удостоверение и спросил:

- Можно ли повидаться с вашими экспертами по Афганистану?

Дождаться ответа пришлось довольно долго. Вахтер, взявшись за телефон внутренней связи, несколько раз разговаривал с кем-то полупешепотом. А в интервалах возникали дважды в холле какие-то субъекты, разглядывали меня и исчезали молча.

Между тем я рассматривал в холле этажерку с книгами и брошюрами, над которыми приколоты к стене рекламную табличку с крупными буквами интригующей надписи: «Подпольные публикации, рекомендуемые «Домом свободы».

Взяв с этажерки фирменный буклет «Дома свободы», я прочел на первой странице о том, что здешние «подпольные публикации» предназначены для контрабандной переброски в Советский Союз. Это были книжечки карманного формата, напечатанные мелким шрифтом на тончайшей бумаге.

На русском языке преобладали сочинения западных антикоммунистов и диссидентов внутри СССР. Восемь лет спустя в 1996 году я прочитал в мемуарах экс-директора ЦРУ Роберта Гэйтса, как его ведомство создало особое подразделение («Штаб подпольных акций») с задачей «усилить тайное распространение в СССР русскоязычных книг и периодики диссидентских авторов и советского «самиздата», поддержанного западными эмигрантами».

- Очень интересно? – прозвучал в холле за моей спиной иронический голос.

Подошедший ко мне моложавый брюнет представился – Стив Гинзбург. И пригласил зайти к нему в кабинет. Там он, положив на стол блокнот, принялся аккуратно записывать мои ответы на его анкетные вопросы: сколько мне лет, где я родился, когда и зачем оказался в Афганистане? Как только с этим было покончено, я сказал:

- Послушайте, мистер Гинзбург, давайте побеседуем без политики о гуманизме в соответствии с прокламациями вашего «Дома свободы».

- Ну, что же, давайте, - кивнул он.

- Тогда начнем с того, что ваша организация недавно объявила, будто на базах афганских моджахедов зафиксировано около трехсот советских пленников. Верно это?

- Да. Однако не ручаюсь за абсолютно точную численность.

- А почему среди них нет, по вашим сведениям, плененных офицеров? Их поголовно казнят?

- Вопрос задан не по адресу.

И тут вдруг сзади раздался истошной вопль:

- Что здесь происходит? Кто разрешил?

В кабинет ворвался, словно фурия, жирная пожилая особа. Хотя кричала она по-английски, но была поразительно похожа внешне на скандальную торговку с одесского базара. Подскочив ко мне, толстуха пронзительно взвизгнула:

- Кто вы такой?

- Корреспондент московской «Литературной газеты».

- Ах, вот как! Из мерзкой советской газеты? Немедленно убирайтесь отсюда!

- Да кто вы такая?

- Розанна Класс! Я руковожу программой «Дома свободы» по Афганистану. И повторяю вам: убирайтесь!

- Что же дурного в разговоре о международной гуманности к пленникам моджахедов?

- Прекрати, шпион, свою болтовню! Вон! Прочь!

Под эти выкрики и под конвоем горластой истерички, надушенного Гинзбурга и еще двух их подоспевших коллег меня быстро вытеснили на лестничную площадку. Американский «Дом свободы» продолжал «холодную войну».

У предводителей «Дома свободы» был, возможно, свой повод не любить «Литературную газету». С ее подачи гостивший в Москве президент Рейган посулил помочь возвращению в СССР пленников афганских моджахедов. Перед этим к Рейгану обращались из «Дома свободы» с противоположным предложением увеличить ввоз в США советских военнопленных в пикну Москве. Об этом же уговаривал Рейгана вашингтонский сенатор Гордон Хэмфри по инициативе «Дома свободы».

Четверо американских конгрессменов во главе с Доном Риттером даже подготовили законопроект о массовом политическом убежище в США всех вообще плененных афганцами наших солдат. Тем самым хотели осрамить Кремль на весь мир унижительной пощечиной. Вот чему внезапно помешала «Литгазета»:

Выступление газеты и обещание Горбачева спасти из плена соотечественников сразу же были поставлены под сомнение американской прессой. И снова с подсказки «Дома свободы». Но на сей раз их аргументация была неотразимо веской. Хотя речь шла лишь об одном русском солдате по имени Николай Рыжков.

Его злоключения вынудили меня повторно обратиться за помощью к заместителю министра иностранных дел Петровскому. С его участием была отправлена в Москву высшему руководству написанная мной дипломатическая шифровка:

«В Нью-Йорке влиятельная организация антисоветчиков «Дом свободы» располагает сейчас пропагандистским средством публичного противодействия заявлению Генерального секретаря ЦК КПСС М.С. Горбачева о том, что он поручил МИД СССР «делать все для того, чтобы наши люди вернулись на Родину». Наперекор этому «Дом свободы» рекламирует здесь дело осужденного в СССР военнослужащего Николая Рыжкова.

Рыжков, будучи солдатом, попал в Афганистане к повстанцам, а от них его и пять других пленников переправили в США сотрудники западных спецслужб и «Дома свободы» для использования в целях антисоветской пропаганды. Это произошло в 1983 году. Однако год спустя Рыжков обратился к вашингтонскому посольству СССР с просьбой помочь ему вернуться домой. Его просьбу удовлетворили и обещали ему в нашем посольстве, как утверждает теперь американская пресса, не подвергать Рыжкова какому-либо преследованию. Но в декабре 1984 года Рыжков, по сведениям американской печати, был в СССР сразу же арестован, приговорен к 12 годам заключения и отбывает его поныне. «Дом свободы» объявил, что всех советских пленников, подобно Рыжкову, ждет после возвращения в СССР каторга. История Рыжкова позволяет дискредитировать сегодня оглашенное намерение советского руководства спасти из плена уцелевших наших солдат.

Целесообразно, судя по всему, помиловать Рыжкова. Ваше суждение об этом просим сообщить по возможности безотлагательно».

Помимо санкционирования этой депеши Петровский пригласил меня на его встречу с приехавшим в Нью-Йорк заместителем министра обороны СССР генералом Виталием Михайловичем Шабановым. Я изложил генералу политическую суть дела Рыжкова. Петровский попросил Шабанова ходатайствовать в Москве о помиловании осужденного солдата. И генерал согласился.

Тем временем Рыжков все еще пребывал за колючей проволокой тюремного лагеря в Пермской области. Наши нью-йоркские хлопоты поначалу увенчались лишь тем, что в пермский лагерь допустили двух сотрудников «Литгазеты» на свидание с осужденным.

Много позже его судебное дело, извлеченное из архивов КГБ, попало мне в руки. Поэтому теперь все можно пересказать документально и объективно. Об этом деле стоит напомнить, так как первопричина афганского плена Рыжкова и последующие происшествия совпали во многом с хождением по мукам других военнопленных.

Судебно-следственное дело арестанта Николая Анатольевича Рыжкова под номером 1/22-85/0268 содержит 54 допроса, показания его армейских сослуживцев в Афганистане, стенограмму заседания трибунала Московского военного округа, приговор трибунала в августе 1985 года, апелляцию осужденного на обжалование приговора и отказ в том году спустя Военной коллегией Верховного Суда СССР.

Трибунал зафиксировал, что рядовой Рыжков, родившийся в городе Петропавловске в 1964 году, был призван в армию в 1982 году и послан воевать в Афганистан, где «16 июня 1983 года самовольно ушел из части и сдался душманам». Мотив дезертирства определен так:

«Рыжков в силу сложившихся у него отрицательных качеств стал преклоняться перед западным образом жизни и негативно воспринял проводимую советским правительством политику по оказанию международной помощи афганскому народу».

Но совсем иное записано ранее следователями со слов Рыжкова на допросах:

«Под Кабулом в нашем телефонном коммутаторе связи служили со мной младший сержант Николай и ефрейтор Владимир, старший на коммутаторе. Они вплоть до дня моего бегства избивали меня. Владимир это делал ежедневно по несколько раз. Николай побил меня шесть раз. Избивали тремя способами. Чаще всего наносили удары кулаком в грудь. Причем били всегда там, где находится пуговица. От этого у меня болела грудь. Были припухлости. Оставались синяки. Еще били ребром ладони по шее. Третий способ был таков: заставляли меня разуться и били со всей силы сапогами по голым ступням. Это было очень больно. Но больше всего огорчал меня сам факт систематического издевательства и унижения, чему я не мог противостоять».

Владимир требовал от меня отжиматься от пола много раз, а если я не выполнял его норму, то он избивал. Они также выливали несколько ведер воды на пол, а я должен был собрать тряпкой эту воду и отжать в назначенное ими время. Если не успевал, то снова били.

Утром 16 июня 1983 года я был опять избит Владимиром и Николаем. Били кулаками и ногами. Потом приказали идти в офицерскую баню и навести там порядок, а по возвращении оттуда обещали добавить мне

еще. Из части я сбежал потому, что не хотел терпеть унижения от сослуживцев. Убежал я сторяча, а когда одумался, то возвращаться побоялся...».

Перепуганный шуплый парнишка спрятался в каком-то саду, а затем решился идти пешком в Кабул пожаловаться на побои военному прокурору главного штаба. На пригородной дороге его, безоружного телефониста, поймали пятеро боевиков-моджахедов. Связали ему руки тряпьем и увели к своим в горы. Там в их отряде продержали его месяц. Далее переместили на тыловую базу близ приграничного пакистанского города Пешавар. В том плену он встретил еще одного русского солдата — Александра Воронова.

Рассказ Рыжкова об этом на допросах в КГБ идентичен в основном тексту его тюремной беседы с посетителями из «Литгазеты». Но с ними говорил он более откровенно и раскованно. А потому продолжу его повествование в записи газетчиков:

- К афганцам возле Пешавара приехала из США месяца через два Людмила Торн. Она официально представляла нью-йоркский «Дом свободы». Она невысокого роста, на вид лет 35, хотя потом оказалось, что 46. Прекрасно владеет русским языком. Происходит из семьи бывших белогвардейцев. Ее разговоры сводились к следующему: на родине ты — предатель. Тебя там ждет расстрел. В Соединенных Штатах наоборот — все блага и радости жизни. Выхать помогут, только надо дать расписку, что готов сотрудничать в пропагандистской деятельности на любых условиях. Если не согласен, то афганцы — люди вспыльчивые...

- И ты сразу согласился?

- Не сразу. Мы с Александром размышляли так: откажешься — превратишься для «духов» в ненужную обузу. Они же собирались нас выгодно продать. Останемся в Пакистане — убьют. А в Америке лет пять проживем, дело постепенно уляжется, и тогда попробуем вернуться домой. Но американцам главное — чтобы никто не смог вернуться в СССР. Этого мы в Пакистане не знали. Запуганные со всех сторон, дали требуемую расписку. Торн пояснила, что с той поры мы должны всегда говорить о добровольной сдаче в плен, о несогласии с политикой Советского Союза и так далее. Якобы для того, чтобы получить визы на въезд в капиталистические страны.

- Как вас доставили на Запад?

- Вылетели из Исламабада на западногерманском самолете. С документами ФРГ. Доставили нас в Мюнхен. Есть там район, который называли «американским». В нем селятся военнослужащие США и их обслуга. Поместили нас там отдельно и под надзором. Сняли с нас отпечатки пальцев и ладоней, произвели медицинский осмотр. Боялись — не засланы ли мы специально. Мне сообщили, что обязательно надо будет выступить в Брюсселе на пресс-конференции в Европарламенте. Поблагодарить президента Рейгана за политическое убежище. Почти две недели ушло на ин-

структаж - как себя вести и что говорить. Заставили прочитать ворох публикаций о «советских зверствах» в Афганистане. Долго репетировали: задавали разные вопросы, на которые требовалось дать единственно «правильный» ответ.

- Это у тебя получилось?

- В Европарламенте все пошло не по «правилам». Пресс-конференцию вел лорд Бэтл. Кажется, так звучала его фамилия. (Это Николас Беттел. — И.А.) После краткого моего вступительного слова по-русски с благодарностью в адрес Рейгана заговорил по-английски лорд. Он же отвечал почти на все вопросы.

- Что было потом?

- В нью-йоркском аэропорту встречала меня Торн. Сопровождающие телохранители из «Интернационала сопротивления» Буковского испарились. Осталась Людмила. Началось оформление вида на жительство. Одновременно — вызовы в военную разведку. В военной разведке платили за визит 50 долларов. Спрашивали о расположении частей, питании, настроях и так далее. Один раз для уточнения показали карту местности под Кабулом. В свою очередь Торн уже не сильно церемонилась. Зная, что я не участвовал в боевых действиях, готовила тексты пресс-конференций. Приносила для выучивания материалы о «зверствах» советских войск, очевидцем которых мне предстояло стать.

- Что ты чувствовал в этот период?

- Деморализован был полностью. Всего опасался. Очень скоро понял, что из афганского плена попал в другой. И я решил вернуться домой. Свою вину я чувствовал. Был готов на все. В ноябре 1984 года в Вашингтоне я пришел в советское посольство, но там меня не приняли. Сказали, что это выходной день. И чтобы я шел в консульство. Дали мне адрес. Но туда я не пошел. Через месяц снова пришел в посольство. И был принят послом СССР Добрыниным. Он меня заверил, что уголовной ответственности я не понесу. И сразу же из Москвы полечу домой.

- Но сходу угодил за решетку?

- Не совсем так. Сначала, вернувшись, я провел две недели на какой-то даче КГБ в Подмоскowie. Оттуда перевели в тюрьму «Лефортово». Пробыл там год. Следователи говорили: чем скорее я признаюсь, что вернулся завербованным, тем быстрее попаду домой. Говорили, что если на суде я не буду отпираться, то мне дадут не более трех лет. Но я не был завербован. И в этом не признавался. Приговорили к 12 годам заключения. Отбыл уже три с половиной года. Замечаний по поведению у меня нет. Взысканий нет. Разрешены свидания с моими родителями. Работаю здесь наладчиком станков. Свободное время провожу с осужденным батюшкой. Ношу на шее крестик...

В начале июля 1988 года мне позвонили в Нью-Йорке из советской дипмиссии и предложили прийти для ознакомления со свежей телеграммой из Москвы. Она не была зашифрована. Ее открытый текст на англий-

ском языке был предназначен для скорейшей передачи в редакции американской прессы. Я храню эту телеграмму как ценный сувенир:

«Редакционная коллегия «Литературной газеты» получила официальное уведомление о том, что в соответствии с указом Президиума Верховного Совета СССР о помиловании 4 июля 1988 года бывший советский военнослужащий Николай Рыжков, оказавшийся в плену в Афганистане в 1983 году, освобожден из тюремного заключения. В тот же день Генеральный прокурор СССР Александр Сухарев объявил: «От имени Советского государства заявляю, что военнослужащие, вернувшиеся на Родину из плена в Афганистане и зарубежных стран, будут пользоваться в полном объеме всеми политическими, социальными и другими правами советских граждан по Конституции СССР. Что же касается тех, кто не смог устоять против враждебной пропаганды, не выдержал мук и лишений плена и совершил в ущерб нашему государству противоправные действия, то все они будут амнистированы, исходя из высших соображений социалистического гуманизма. Это опровергает слухи на Западе о том, что возвращающихся на Родину бывших пленных и дезертиров ожидает суровое наказание. Президиум Верховного Совета СССР уже помиловал одного солдата, осужденного за дезертирство».

А еще через месяц из Москвы – новая сенсация: спасен из афганского плена и вернулся в нашу страну заместитель командующего ВВС 40-й армии полковник Александр Руцкой. Его самолет был сбит в воздушном бою над афгано-пакистанской границей. Руцкой, захваченный моджахедами и перекупленный у них пакистанцами, был освобожден по личному распоряжению президента Пакистана генерала Зия Уль-Хака.

В Москве устроили Руцкому праздничную встречу. Вскоре его наградили золотой звездой Героя Советского Союза и наивысшим Орденом Ленина. Такими почестями не был у нас осыпан до и после Руцкого ни один военнопленный.

Хорошие новости из Москвы могли способствовать моим усилиям в Нью-Йорке уговорить уважаемых американцев образовать общественный комитет за освобождение в Афганистане советских пленников. Такой комитет следовало оградить от вероятных нападок в США за марионеточную услужливость Кремлю. А потому отпала легкая возможность договориться дружески с известными мне местными коммунистами или нью-йоркцами левых взглядов.

Первое предложение примкнуть к комитету я сделал знакомому со мной директору вашингтонского «Центра оборонной информации» адмиралу в отставке Юджину Лароку. Но он, выслушав меня доброжелательно, почему-то отказался.

Вторым был знаменитый мультимиллионер, собиратель художественных коллекций и меценат Арманд Хаммер. Я встречался с ним в Нью-Йорке и побывал в Лос-Анджелесе в его вилле, украшенной бесценными

картинами прославленных живописцев. В конце 80-х годов Хаммер сделал немало в роли посредника для прекращения афганской войны. Он неустанно летал на персональном авиалайнере между Вашингтоном, Исламабадом и Москвой, склоня сильных мира сего к мирному компромиссу в Афганистане.

Позвонив Хаммеру, я попросил распространить его миротворчество на бедствующих в неволе наших солдат. А он высказал сочувствие, обещал обдумать просьбу присоединиться к комитету и сообщить мне завтра свое решение. Однако не сообщил, не позвонил, не поручил это его секретарям или помощникам. Подобное отсутствие ответа означало в его деловом мире уклончиво вежливый отказ.

Более прямодушным оказался еще один мой знакомый — общественный деятель Митч Снайдер. Он снискал большую популярность тем, что открыл в Вашингтоне крупную богадельню для приюта и кормежки сотен уличных бездомных. Он ратовал за милосердие к ним по всей стране и в их защиту объявлял не раз свои многодневные голодовки, привлекая внимание прессы. На мое обращение Снайдер без уверток ответил:

- Мне понятны, Иона, ваши патриотические побуждения, но мы в Америке считаем ваших солдат в Афганистане профессиональными убийцами. Им в плену досталось по заслугам. Не обижайтесь на меня, но я не могу войти в ваш комитет.

И все-таки сострадание к нашим военнопленным я обнаружил у другого американца — профессора Колумбийского университета Джонатана Сэндерса. Он был в научной среде Нью-Йорка одним из ведущих специалистов по истории России. Знал отлично нашу жизнь и не нуждался в разъяснении произвола кремлевских самодуров, пославших в афганское пекло безгласных парнишек и бросивших их в азиатском плену. Без долгих уговоров профессор Сэндерс согласился вступить в общественный комитет.

Следующее приглашение я сделал Барри Фарберу — шефу ежедневного «ток-шоу», то есть полемически-разговорной программы, на нью-йоркской радиостанции ВМСА. Фарбер был для меня, пожалуй, самым крепким орешком. Он считался экстремальным консерватором и заядлым антикоммунистом. Гордился этим и постоянно козырял. В прошлом неудачно баллотировался в мэры Нью-Йорка.

Помимо радиопередач Фарбер выступал часто с яростными антисоветскими речами на митингах по сбору денег для эмигрантов из СССР в Израиле. И уже два года вызывал меня периодически на словесные драки в своей радиопрограмме.

Каждая перебранка с ним и звонившими в радиостудию его фанатами занимала два часа. Никто не стеснялся крепких выражений: ругань, вранье, насмешки, политические обвинения против моей страны я отбивал, как мог, любыми контраргументами и всем своим англоязычным резервом по части язвительных словечек.

К концу передачи у меня рубашка липла к спине. А ведущий «ток-шоу» не скрывал явного наслаждения боевым диспутом. Я был для него бесплатным гладиатором. После схватки он довольно улыбался и спустя пару недель вновь зазывал меня сразиться ради оживляжа своей радиополемики.

На этих ристалищах участил к весне 1988 года антимосковский упрек: мне позволено свободно использовать в Америке независимую прессу, а в Москве ни один американский противник коммунизма не имеет такой возможности. И тогда я рискнул. Предложил Фарберу написать для «Литературной газеты» свою статью. И попросил редакторов нашей газеты доказать наглядно американцам истинность новшеств советской «гласности».

Фарбер принял вызов. Через месяц он печатно подвел итог на страницах газеты «Нью-Йорк сити трибюн»:

«Корреспондент советской «Литературной газеты» Иона Андронов сказал мне: «На следующей неделе будет 40-я годовщина провозглашения Доктрины Трумена. По этому поводу мы предлагаем вам написать статью размером в три машинописные страницы. Вы можете написать все, что захотите. Мои редактора обещали опубликовать что бы вы ни написали. Если они откажутся, то вы можете осудить их. И я буду на вашей стороне. Вы первый американский журналист, получивший такое предложение». После чего я сразу сел за стол и составил три страницы клеймящих разоблаченный деятельности Советов по всему миру со времен второй мировой войны до наших дней.

Резкость моей статьи была такова, что мои собратья антикоммунисты, увидев рукопись, порекомендовали: «Не будет ли разумней смягчить тон статьи? Ведь она может стать началом диалога с Советами». Но я не внял им. Наоборот, ужесточил несколько порицаний и отослал статью Ионе. Он перевел ее на русский язык и телеграфировал в Москву. Я не верил, что это напечатает «Литературная газета». Однако Иона позвонил мне и сообщил, что моя статья опубликована без изменений 18 марта».

26 апреля Фарбер в очередном «ток-шоу» не воспрепятствовал моему обращению к радиослушателям за помощью в освобождении наших военнопленных:

- Прошу всех милосердных американцев пожалеть 300 советских солдат, уцелевших до сего дня в плену у афганских моджахедов. Пленники прозябают в кошмарных условиях. Многих держат в глубоких ямах. Они умирают от голода, малярии, гепатита. Некоторых бьют и пытаются. Были убиты 22 при попытке к бегству. Еще 12 подняли бунт и были уничтожены на базе моджахедов неподалеку от пакистанского города Пешавара. Остальные еще живы, но их будущее беспросветно. Они всего лишь несчастные мальчишки, недавние выпускники школ. Они советские гра-

ждане, но прежде всего просто люди. Отнеситесь к ним по-человечески. Без всякой политики. Юные пленники не ответственны за агрессивные выходки придурковатых политиков. Подумайте о горе матерей и отцов, потерявших любимых сыновей. Я прошу сегодня американцев гуманно заступиться за тех, кто лишен самого дорогого для вас – права на свободу.

Неожиданно позвонила в студию из «Дома свободы» Розанна Класс:

- Мистер Фарбер, предупреждаю о том, что Андронов – агент КГБ.

- А вы наглая лгунья, - вскипел я.

Еще несколько радиослушателей беззлобно удивились неизвестным фактам о бедствиях советских военнопленных. Но потом в эфире прозвучала реплика некоего Фрэнка:

- Пора кончать пропаганду русского «комми»!

Отреагировал Фарбер:

- Я разделаю мнение моего постоянного радиослушателя Фрэнка о безобразной советской империи и ее замыслах на будущее. И все же не согласен с ним в одном. Полагаю, что наши принципы свободы и всеобщее благополучие других народов, включая афганцев, ничего хорошего не приобретут, если в Афганистане 300 советских пленников замучат насмерть. Раньше во Вьетнаме мы пытались спасти наших парней из плена с помощью людей, которые нам не нравятся. Теперь Советы через их журналиста просят нас о том же: спасти их парней. И я говорю: давайте поможем им. Я за то, чтобы 300 советских пленников вернулись домой или туда, куда они добровольно захотят. В этой ситуации я готов сделать все, чем могу помочь для прекращения их страданий.

Позднее Барри Фарбер присоединился к общественному комитету, сказав мне шутливо:

- Делаю это, дабы убедить ваш народ, что антикоммунисты – гуманные люди.

В поисках соучастников будущего комитета я изначально был уверен, что не получу отказа от живущего в Нью-Йорке русского художника-эмигранта Михаила Шемякина. С ним я был близко знаком уже более года и очень часто общался по-приятельски. Запланировал даже сделать его номинальным председателем комитета, а сам собирался в качестве единственного советского члена комитета играть свою ведущую роль.

Эта выдумка оказалась впоследствии роковой ошибкой.

СЕМЬ БЕД – ОДИН ОТВЕТ

Сегодня Михаил Шемякин знаменит в России и обласкан хозяевами Кремля. Столичные газеты именуют его саркастически «официальным художником». Сперва он ублажал в Москве своими дарами-картинами высших дипломатов и министров. Потом преподнес по картине Раисе Горбачевой и ее супругу – президенту. А после фиаско Горбачевых добился встречи с Нанной Ельциной и одарил ее с мужем своей живописью.

Вслед за тем Ельцин сделал своим указом Шемякина лауреатом Государственной премии. Да еще Ельцин по просьбе угодника распорядился выдать ему из тощей российской казны миллион американских долларов – неслышанно щедрую подачку в стране безденежно нищих художественных музеев.

Немалые деньги от мэрии Москвы рассчитывает сейчас получить Шемякин на сооружение им здесь модернистской уличной скульптуры. Но когда я познакомился с Шемякиным в 1987 году, он считался в Москве «отщепенцем». Так обзывали тогда публично тех, кто променял Советский Союз на буржуазный Запад. Однако Шемякин, вернувшись впервые в Москву весной 1989 года, сразу отмежевался от прочих добровольных эмигрантов:

- Я был изгнанник! Я был выгнан.

Шесть лет спустя в Москве он по-прежнему вразумлял журналистов:

- Меня из России выгнали.

Через год он в письме Ельцину с просьбой о денежном пособии опять жаловался:

«Уважаемый господин Президент! Двадцать пять лет тому назад я был изгнан из России».

Более детальная версия этого давнего события изложена самим Шемякиным на страницах изданного им в США роскошного двухтомного альбома цветных фоторепродукций его картин. Тот альбом он подарил мне с автографом на титульном листе: «Уважаемому Ионе Ионовичу Андронову и его милейшей супруге с почтением от Михаила Шемякина. 27 марта 1987 года. Нью-Йорк». А на 186-й странице там напечатано:

«Жизнь Шемякина резко изменилась 31 января 1970 года. В тот день его ленинградскую студию посетила Дина Верни, наследница Майоля и его бывшая натурщица, ставшая в Париже известным дельцом в сфере искусства. Она оказалась на Западе первым дилером, открывшим и оценившим Шемякина. С помощью анонимных

лиц работы Шемякина были контрабандированы из России и достигли Парижа. И вот однажды жильцы коммунальной квартиры, где жила семья Шемякина, были разбужены телефонным звонком из-за границы. Дина Верни сообщила Шемякину из Парижа, что там открылась его персональная выставка. Ее успех превзошел самые фантастические ожидания: на выставку явились репортеры радио и телевидения, художественные критики и коллекционеры картин.

Но Дина Верни знала, что у Шемякина местные власти не простят ему успеха на Западе. Она опасалась резонанса и действовала стремительно. Жена и дочь Шемякина с большим трудом получили туристские визы, отбыли в Париж, были встречены Диной Верни и попросили политического убежища. Шемякин остался один в Ленинграде. С помощью друга, музыканта Домашова, он пытался пересечь границу с Турцией, но КГБ следило за каждым его шагом. Последовал арест. Должностные чины сказали Шемякину, что Дина Верни обладает очень влиятельными связями, а власти хотят избежать международного скандала: «Мы позволим вам уехать, если вы сделаете это немедленно без прощания с родителями и без всякого багажа. А иначе...».

Дина Верни была действительно влиятельна и благодаря ей Шемякин получил во Франции разрешение на постоянное жительство. 27 декабря 1971 года Шемякин приземлился в аэропорту Орли».

Попытка побега Шемякина в Турцию дополнительно описана им в его интервью нью-йоркской газете «Новое русское слово» 13 ноября 1987 года:

«Дина Верни увезла с собой мою жену и дочь. Я считал, что в Париже им будет лучше. Мне было невероятно грустно одному. Я пережил разлуку и понял, что у меня остается только один выход — покинуть Россию любым путем. Я очень долго носился с одним планом: прыгнуть с теплохода около Батуми и плыть к турецкому берегу. Начал тренироваться. Изучил карту. Плавал по десять часов. На Черном море уплывал за горизонт и возвращался ночью.

Наконец я решил, что все готово. И приехал в Сухуми. Было это в 71-м году. Остановился в гостинице, вышел на базар. И вдруг меня останавливают и ведут в гостиницу «Интурист». Там мне заявляют следующее: «Мы прекрасно знаем, что вы хотите плыть в Турцию, что у вас сейчас с большим успехом проходит выставка в Париже. Ну, а вдруг вы бы утонули? Или вас пристрелили с патрульного катера? Скандал? Скандал устроит Дина Верни. А скандалов мы не хотим. Мы вам предлагаем немедленно сесть в самолет, лететь прямо сейчас в Ленинград, там вы пойдете в ОВИР и выправите все необходимые бумаги. Мы решили вас просто-напросто отпустить».

Подобно этому эпизоду биографии Шемякина его сотрудничество со мной в Нью-Йорке тоже растиражировано им во многих газетах с обильной примесью небылиц и разных попреков. Вместе с тем он же подарил мне столько его рисунков и литографий, что ими можно было бы обклеить все стены моего кабинета в московской квартире. На подарках начертано: «Дорогому моему другу Ионе Андронову с любовью от Миши Шемякина». Но это неправда.

Мы не были настоящими друзьями. Если быть теперь до конца честным, то пришла пора признаться: первоначальные зачатки дружбы между мной и Шемякиным переродились скоро, к сожалению, в обоюдный расчет - использовать друг друга ради выгоды каждого из нас. Но только он выиграл.

Началось с того, что ко мне в нью-йоркский корпункт «Литгазетъ» зачастил назойливый посетитель — низкорослый, толстенький, улыбчивый эмигрант из Киева. Если не подводит память, фамилия его была Давидовский. Называл он себя Полом, хотя был Пантелеем. По его словам, он был в Киеве администратором эстрадных концертов. А ныне в Нью-Йорке умолял меня подсобрать как-нибудь ему приобшиться к устройству здесь гастролей советских артистов.

Пол нигде не работал, но был весел и румян, модно одет, снимал дорогостоящую квартиру, развлекался в ресторанах русскоязычных эмигрантов, осевших в городском районе Брайтон-Бич, прозванном «маленькой Одессой». Пол-Пантелей помалкивал — откуда у него деньжата. Но это быстро прояснилось.

Незванный гость, стараясь ко мне подольститься, предлагал оказывать бесплатно подозрительные услуги. Говорил, что против уличных бандитов может снабдить меня револьвером без полицейской лицензии на владение оружием. Уговаривал согласиться на встречу с шайкой международных воров, которые якобы вывезли из Европы в Нью-Йорк захваченные гитлеровцами во время мировой войны сокровища советских музеев и сейчас будто бы тайно ищут заинтересованных покупателей из Москвы.

Обе приманки — нелегальный револьвер и свидание с ворьем — грозили мне почти наверняка арестом со стороны ФБР, чья контрразведка тщательно следила за всеми советскими представителями в Нью-Йорке. И тем не менее я не выставил за дверь киевлянина Пола: спокойней терпеть возле себя явного наймита ФБР, чем опасаться неожиданных провокаций. К тому же я уже давно привык к окружавшим меня чужим и нашим шпионам. Одним больше или меньше — какая разница?

В начале 1987 года неугомонный Пол нагрянул ко мне с новым проектом, который я счел безвредным. Пол явился в роли гонца от художника Шемякина с приглашением посетить его нью-йоркскую студию. За это Пол, как я узнал позднее, вынудил Шемякина изрядно раскошелиться. И привел меня в апартаменты Шемякина на Вустер-стрит в грязноватых уличных кварталах Сохо, где сидит местная богема.

Художник гостеприимно встретил меня на пороге студии и ввел внутрь. Он был облачен в черную рубаху, черные кавалерийские галифе и черные офицерские сапоги до колен. На стенах просторного зала висели большие портреты: Сталин в форме генералиссимуса, император Петр Первый в воинском камзоле, отец Шемякина в полковничьем мундире сталинских лет с боевыми орденами на груди.

Сбоку от портретов белел стоящий вертикально человеческий скелет. За ним — огромная картина распоротой и распаханной изнутри наружу кровавой туши коровы. Посреди зала две деревянные подставки подпирали слепок посмертной маски Петра Первого и ~~Гитлера~~ Владимира Высоцкого. С ним Шемякин, как объяснил, крепко дружил. Через несколько недель он спьяну разбил вдребезги ~~Гитлера~~, но потом ее реставрировали по его заказу из собранных осколков.

В глубине студии тянулся вдоль глухой стены длинный дубовый стол. На нем поджидала еда и выпивка. Шемякин предложил отметить наше знакомство, сказав, что недавно он «расшился» и может позволить себе умеренную дозу спиртного.

В тот день он лишь слегка захмелел и рассказывал увлеченно о своей жизни и творчестве. Вспоминал с тоской свой Ленинград и Москву, где родился. Говорил с гордостью об умершем отце и его фронтовых подвигах. Уверял, что всеми помыслами и своей работой привязан духовно к России и ее великой культуре. Назвал себя русским патриотом. Высказал горячую поддержку политическим переменам в недоступной ему отчизне. И слушая его, я проникся сочувствием к собеседнику.

Потом он снова приглашал меня неоднократно на застольные долгие разговоры и обедал в моем корпункте, познакомился по-семейному с моей женой. Так возникла у нас взаимная симпатия. И я решил добиться с помощью «Литгазеты» признания Шемякина на его родной земле выдающимся русским живописцем. А он на это понадеялся еще раньше, зная загодя о том, что «Литгазете» дозволены Кремлем небольшие писательские вольности, запрещенные официальной прессе. В итоге я написал и отослал в свою редакцию комплиментарную статью о Михаиле Шемякине.

Статью поначалу придержали, согласуя, очевидно, с высшим начальством в ЦК КПСС. А затем позвонил мне из Москвы заместитель главного редактора газеты Юрий Изюмов:

— Если ваш дружок Шемякин на деле патриот, то пусть выразит мнение о размноженном прессой открытом письме десяти эмигрантов-антисоветчиков Михаилу Сергеевичу Горбачеву.

Это публичное послание советскому руководству напечатали в марте 1987 года французская газета «Фигаро», американская «Нью-Йорк таймс» и другие издания на Западе. Советская «Правда» откликнулась бранной отповедью. Лишь одни «Московские новости», дав тоже отпор, все же воспроизвели письмо целиком с перечнем авторов. Среди них были гром-

кие имена — Василий Аксенов, Александр Зиновьев, Юрий Любимов, Владимир Максимов, Эрнст Неизвестный, Владимир Буковский.

Они объявили обманом горбачевскую «гласность» из-за ее неспособности «пересмотреть господствующую идеологию», «безоговорочно осудить психиатрические репрессии», провозгласить в Афганистане «свободные и честные выборы под строгим международным контролем», «опубликовать наши книги и пластинки, показать наши фильмы и спектакли, выставлять наши картины и скульптуры».

И вот пришлось мне поневоле обратиться за комментарием к Шемякину, зная о его близости с тремя авторами послания и предчувствуя недобрый результат. Но к моему удивлению, он назвал письмо «дурацкой затеей» и добавил, что будто, по его сведениям, Эрнст Неизвестный не читал письма перед публикацией и сейчас раскаивается в том, как беспечно позволил использовать свое имя. С таким довеском к статье о Шемякине она быстро появилась в «Литгазете».

Так Шемякин выскочил к старту его последующей славы в СССР. И сходу к нему поспешили новые гости — советские дипломаты, корреспондент «Правды», приезжие московские журналисты.

Об этом год спустя, после моего разрыва с Шемякиным, он вспоминал в Москве на страницах журнала «Огонек»:

«Пробить советскую прессу было довольно сложно. Первый, кто, как у нас говорят, «подстелил» меня, был Иона Андронов. В общем-то милейший человек, мы с ним часто сидели за столом, болтали, я понимаю, он человек старой закваски и есть у него участки какого-то замкнутого пространства, куда пробиться невозможно. Но я видел с его стороны дружеское расположение. Несмотря ни на что, я ему благодарен, потому что вольно или невольно он одним из первых назвал меня большим, значительным русским художником. Не изгоем, не предателем, ползающим по задворкам Сохо».

Относительно моей «старой закваски» я признаю, что корил Шемякина, когда он впадал в запой, по его же словам, «нажравшись до поросячьего визга». С тяжкого похмелья тоже был несносен, погружался в мглистую депрессию и даже по ночам не давал мне выспаться, названивая по телефону и сетуя часами на свои бредовые горести. Я злился на него, но не вешал трубку, ибо боялся, что он в алкогольном угаре заново полощет себя бритвой.

Его шрамы на лице не были вовсе, как он морочит журналистов, следствием ресторанных потасовок или производственных травм при цеховом литье его ювелирных статуэток. Он при мне передевал рубашки, не стеснясь зарубцованных и розово-свежих порезов на груди, плечах и предплечьях. Чтобы не показаться голословным, сошлюсь на его натурщицу и беспутную подружку Лену Щапову, подцепившую в мужья итальянского аристократа и ставшую графиней де Карли. Она в 1995 году просветила наконец-то московских газетчиков:

- Шемякин весь в шрамах. Однажды в Нью-Йорке я стала в его студии свидетелем его крика о том, что все мы суки и не понимаем его художника. А у него есть сердце, душа. И дальше пошло перечисление внутренних ран. Потом он схватил нож и стал протыкать свою руку. Затем в Риме, когда я его увидела, у него шрамов прибавилось. И я поняла, что время от времени он сам делает себе пластические операции.

Насчет самоопераций графиня, однако, обмшурилась. Штопал порезы Шемякина в Нью-Йорке по его телефонным вызовам квалифицированный дерматолог-хирург Пинкас Лебовиц, выходец из России. За его медпомощь Шемякин вознаграждал доктора своими картинами. Лебовиц также гостевал в студии Шемякина, но с ним при мне не пьянствовал.

Хмельные оргии Шемякина и его собутыльников довелось мне наблюдать, но описывать брезгую. Это и так уже сделал весьма колоритно гость его студии писатель Эдуард Лимонов в сборнике новелл «Американские каникулы». С присущей Лимонову похабной откровенностью рассказано о дикой пьянке со шлюхами, матом, мордобоем. Жутко, но все верно.

И все же разве сверходаренные художники не грешат тоже иногда непристойным буйством? А одновременно создают шедевры искусства. Таков, быть может, рок судьбы и попавшегося мне талантливого живописца и пьянчуги?

Так я оправдывал его, терпел, жалел и продолжал помогать ему заручиться в Москве всеильными покровителями. Очередная возможность подвернулась в феврале 1988 года, когда в Нью-Йорке устроили выставку советских художников, а на ее открытие приехал Министр культуры СССР Василий Захаров.

Перед началом выставки я условился с Шемякиным познакомить его на ней с московским министром и убедить попечителя советской культуры разрешить моему протеже собственный вернисаж картин в нашей столице. В день открытия выставки я отобрал из гардероба Шемякина благопристойную и скромную одежду, запретил ему приободриться алкоголем и наказал воздержаться от спиртного на выставочном фуршете.

Шемякин нервничал, но все завершилось гладко. Министр был приветлив с художником, осведомлен о панегирике ему в «Литгазете» и пообещал содействовать в Москве подготовке выставки Шемякина.

Мой приятель опять благодарил меня и воспрянул духом. Тому причиной были в немалой степени и его ожидания финансового свойства. Живопись Шемякина распродавалась в Америке не очень бойко и стоила сравнительно недорого, так как не имела громкой рекламы. Наиболее престижные музеи игнорировали его картины. Их не продавали на главных художественных аукционах.

Между тем Шемякин стремился наладить поточное производство своей продукции. Помимо студии, где он жил и принимал гостей, у него имелась показанная им только мне отдельная мастерская с шестнадцатью

нанятыми дешево рисовальщиками-эмигрантами. Они дописывали за него лишь начатые им полотна и размножали потенциально прибыльные картины. С них вдобавок копировались в натуральную величину броские литографии. Для распродажи столь массовых изделий необъятный рынок Советской России манил сказочно богатыми доходами.

Однако в Москве бюрократы министерства культуры почему-то не торопились выполнить обещанное Шемякину их министром. Им отправил я дипломатической почтой официальное напоминание, но и оно не подействовало. Тогда договорился с верхами «Литгазеты» организовать выставку Шемякина в большом зале редакционного здания, но и это мероприятие потребовало формального одобрения высших властей. А его по-прежнему не было.

Дело застопорилось. И волокита тянулась, когда я занялся совсем иным — созданием общественного комитета за спасение наших солдат из афганского плена. Мое предложение Шемякину возглавить комитет при опоре на меня он воспринял сообразительно с нескрываемым удовольствием.

Теперь можно бы, оглянувшись назад, попрекнуть самого себя за легкомысленную неразборчивость в людях. Но значительных людей, подходящих для моего комитета, было в Нью-Йорке крайне мало. Все осуждали советское вторжение в Афганистан и за редкими исключениями не испытывали жалости к пленным интервентам.

Среди покинувших нашу страну известных персон я был знаком, кроме Шемякина, с поэтом Иосифом Бродским, писателем Ефимом Севелой, скульптором Эрнстом Неизвестным, певцами Вилли Токаревым и Михаилом Гулько, казачьим атаманом Василием Глазковым. Но часть из них вряд ли бы поддержала мой замысел, а другие для него просто не годились. Шемякин был, конечно, отнюдь не наилучшей находкой. Но на безрыбье, как говорится, и рак щука. Да и по русским обычаям алкогольные срывы — порок заурадный и не худший.

Окончательный состав комитета Шемякин и я согласовали в его студии. Он дополнил список именами своих знакомых — американского скульптора, французской актрисы, греческого искусствоведа, супружеской четы американских писателей. Однако все они были лишь бумажными «мертвыми душами»: никогда в дальнейшем я их даже не увидел, хотя они реально существуют.

Компенсируя возникший вакуум, Шемякин упросил меня причислить к комитету его врача Лебовица, а также работавшего у него в мастерской и пившего с ним художника-эмигранта Евгения Есауленко, да еще американскую секретаршу Шемякина и сожительницу Сару Дикей.

Она служила ему и переводчицей, так как он за десять лет нью-йоркской жизни не удосужился овладеть английским языком. В общем, приплюсовался к «мертвым душам» столь же бесполезный балласт.

Единственным ценным вкладом Шемякина в комитет стал зато седовласый раввин Бернард Мандельбаум. Он был одним из уважаемых лидеров могучей еврейской общины Нью-Йорка и активно подвизался в большой политике. Влиятельный раввин помог избранию президентом США Джимми Картера, а потом – Джорджа Буша. Примкнув к нашему комитету, Мандельбаум сказал мне напрямик, что намерен способствовать освобождению советских пленников в надежде убедить затем московские власти отпустить из СССР группу евреев, которым воспретили эмигрировать из-за их служебной причастности к государственным секретам.

С моего согласия энергичный раввин привел за собой в комитет католического священника Майкла Хартера, издателя журнала американских иезуитов. Мотивы их забот о наших военнопленных я предпочел не выяснять преждевременно.

Таким образом дееспособный костяк комитета уподобился Ноеву ковчегу: антикоммунист Фарбер и коммунист Андронов, раввин Мандельбаум и иезуит Хартер, художник Шемякин и профессор Сэндерс. Сообща мы решили не оснащать комитет названием со словом «советский», чтобы под занавес афганской войны не раздражать лишний раз американскую публику. Так возник «Международный комитет за спасение в Афганистане российских военнопленных».

15 июля 1988 года новый комитет объявил о своем создании на пресс-конференции в Нью-Йорке. Раввин Мандельбаум зачитал по-английски программное заявление комитета – призыв проявить милосердие к узникам афганского плена, помочь их освобождению и гарантировать каждому право вернуться в СССР или выбрать любую страну по его желанию.

Все это восприняли журналисты вполне позитивно и пересказали на следующий день в газетах без антисоветских шпилек. Запомнилась, однако, пара заданных вопросов с намеком на интриганство Москвы:

- Кто вас финансирует?

- Никто из посторонних, - ответил я правдиво. – Только мы сами. А расходы пока мелкие.

- Кто инициатор организации комитета?

Председатель комитета Шемякин промолчал, а корреспонденты усмешливо уставились на меня. И пришлось слукавить:

- Инициатор – Михаил Шемякин.

Создание нью-йоркского комитета одобрили в Москве «Правда», «Известия» и прочие центральные газеты. Это означало благонастроенность Политбюро и правительства. А вскоре приехал в Нью-Йорк по дипломатическим делам член Политбюро министр иностранных дел Эдуард Шеварднадзе. И пригласил создателей международного комитета на собеседование в здании представительства СССР.

За двое суток до назначенной встречи я обзвонил участников комитета и передал им приглашение Шеварднадзе. Оповестил и Шемякина. Он сказал, что сейчас съездит в свой загородный дом к северу от Нью-Йорка, вернется к вечеру и будет дома весь завтрашний день перед встречей с министром. Но ни вечером, ни ночью, ни наступившим утром и днем никто у Шемякина не подходил ближе к телефону. Беспокоясь, я обратился к его врачу, а тот дал мне номер загородного телефона своего клиента, но предупредил:

- Миша там опять в плохом состоянии.

Оттуда ответила мне вместо Шемякина его секретарша Сара Дикей:

- Извините, Иона, но Майкл не в силах дойти до телефона.

- Так дотащите его! — гаркнул я. — Пусть срочно протрезвится! Иначе опозорит наш комитет. Волоките его к телефону.

После затяжной паузы я услышал, как Шемякин хрипло мычит что-то невнятное, охает, сопит, жалобно скулит. Было бессмысленно стыдить его, ругать, изыскивать способ экстренной доставки в безобразном виде на беседу с кремлевским политиком.

И слишком поздно было изгонять его из комитета. Бросив телефонную трубку, я горько винил себя за прошлую снисходительность к забулдыге.

Другие члены комитета, к счастью, пунктуально явились в советскую резиденцию на 67-й стрит. В холле несколько московских журналистов с магнитофонами наизготовку ждали посетителей Шеварднадзе. Корреспондент «Известий» Александр Шальнев ехидно поддел меня:

- Где же ваш Шемякин? Напился?

- Он заболел, - буркнул я.

То же самое вынужденно соврал министру. А он дипломатично не стал выпрашивать — чем вдруг занемог председатель комитета. Вместо того Шеварднадзе заинтересованно разговорился с пришедшими американцами. Запись их беседы и я сохранил. Раввин Мандельбаум говорил члену Политбюро:

- Среди ваших военнопленных в Афганистане, насколько мне известно, нет евреев. Но все равно помочь им я хочу ради сближения народов моей страны и вашей. В созданном здесь нами международном комитете есть шесть человек, включая меня, готовых отправиться в Афганистан и Пакистан на встречи с предводителями моджахедов для переговоров о возвращении из плена домой трехсот советских солдат. Добраться до штабных центров моджахедов можно только через Пакистан. Моджахеды базируются также на пакистанской территории возле северной границы. Поэтому мы просим вас, господин министр, убедить министра иностранных дел Пакистана обеспечить нам въездные визы. В данной ситуации наши шестеро добровольцев могут сделать то, что не удастся пока вашему правительству.

Шеварднадзе поблагодарил американских собеседников:

- Сердечное вам спасибо. Проблема наших военнопленных – общая боль в моей стране. Поэтому ваш комитет уже популярен в Советском Союзе. Вашу просьбу о пакистанских визах я поддерживаю конкретно – личным письмом министру иностранных дел Пакистана. А если окажется надо, то обращусь и повыше – к пакистанскому президенту. Однако руководители Пакистана говорят нам, что на их территории нет наших военнопленных. Этому, откровенно сказать, я не верю. И считаю, что вашему общественному комитету для преодоления помех потребуется взаимодействие с нашими государственными организациями. Если понадобятся деньги, то это легкий вопрос.

Московских денег наш комитет не просил и не получал. Шеварднадзе, выполнив другое обещание, обратился к высшим властям Пакистана с просьбой выдать нам въездные визы. Но их нам не дали.

Несколько раз я посещал миссию Пакистана в Нью-Йорке и передал письменные запросы международного комитета о визах в адрес пакистанского президента Зия Уль-Хака и министра иностранных дел Якуб Хана. Ни отказа не было, ни согласия из Исламабада. Пакистанские дипломаты утешали: надо терпеливо ждать...

17 августа 1988 года в Пакистане военно-транспортный самолет американского производства «Геркулес С-130» взорвался в воздухе. На его борту был президент Зия Уль-Хак. С ним – американский посол в Пакистане Арнольд Рэфел, начальник военной миссии США в Пакистане генерал Герберт Уэссом, пять пакистанских генералов и еще 20 офицеров и пилотов. Все погибли. Американская пресса закатила антисоветскую историю. Газета «Нью-Йорк сити трибюн» обвиняла КГБ:

«Вслед за авиакатастрофой многие аналитики на Западе пришли к заключению, что советская служба госбезопасности КГБ совершила убийство в стиле так называемой «мокрой операции», заказанной своему приспешнику – афганской секретной службе ХАД».

«Вашингтон пост» домыслила причину гибели пакистанского президента:

«За десять дней до смерти Зия Уль-Хака заместитель советского министра иностранных дел Юрий Воронцов сказал в Москве послу США, что Советы проучат президента Пакистана, если он не прекратит поддерживать силы афганского сопротивления».

Наказать за то же пакистанцев, утверждала «Нью-Йорк таймс», грозил также Шеварднадзе накануне гибели Зия Уль-Хака.

Вместе с тем ничего фактически не обнаружили против Москвы при расследовании авиакатастрофы. А ее истинные виновники и поныне неизвестны.

Новый пакистанский президент Гулям Исхак Хан тоже получил из миссии Пакистана в Нью-Йорке отправленную мной повторную апелляцию международного комитета о въездных визах. И опять ответа не было.

Еще одна аналогичная попытка была предпринята с помощью представителя Генерального секретаря ООН по афганской проблеме Диего Кордовеса. Он принял участников нашего комитета и обещал похлопотать в Исламабаде о выдаче нам виз. Но снова от пакистанцев – ни да, ни нет.

Одна отрадная новость все же дошла до Нью-Йорка в июле 1988 года: неподалеку из Канады вернулся в СССР побывавший в афганском плену солдат Николай Головин.

Шесть лет назад Головин сбежал в Афганистане из своего гарнизона и попал к моджахедам. От них тоже убежал, но был пойман. Усымляли его, держа, как собаку, на цепи. И одурманивали наркотиками. Так он просуществовал почти четыре года. Будучи солдатом-дезертиром, заинтересовал посетителей моджахедов из нью-йоркского «Дома свободы». Головина науськали сделать антисоветское заявление для западной прессы и перевезли в Канаду.

У канадцев Головин затосковал по дому, матери, сестре. Летом 1988 года узнал, что таким, как он, даруют в СССР полную амнистию. Пришел в советское посольство и получил авиабилет до Москвы.

За неделю до отлета Головина из Канады он проболтался знакомым ему российским эмигрантам о намерении уехать в свою страну. Об этом узнали в «Доме свободы». Но не успели его переубедить. Для них это был крупный пропагандистский провал. К тому же другие импортированные в Америку бывшие пленники афганцев могли последовать примеру Головина.

В середине июля «Дом свободы» спешно опередил на три дня пресс-конференцию Головина в Москве, устроив собственную пресс-конференцию в Нью-Йорке с участием нескольких советских солдат-дезертиров. Им предписали объявить об отказе вернуться домой. В Нью-Йорк доставили из Канады компаньона Головина по афганскому плену – бывшего сержанта Игоря Ковальчука, уроженца Харькова. Обоих ранее в плену сагитировала на политическое убежище в Америке сотрудница «Дома свободы» Людмила Торн – та же особа, которая охмурила подобным манером и многострадального солдата Николая Рыжкова.

Энергичная дама действовала не в одиночку. Осенью 1986 года Головин и Ковальчук, как сообщило тогда 26 ноября американское агентство ЮПИ, «были вывезены из Афганистана британской разведслужбой МИ-6».

Пресс-конференция «Дома свободы» в июле 1988 года была тоже поручена Людмиле Торн. Под ее надзором держали в США доставленную туда кучку советских экс-военнопленных. Торн руководила в «Доме свободы» подразделением, где сотрудничал американец Лео Черни, близкий друг покойного ныне директора ЦРУ Уильяма Кейси. Ее коллегой был также Джордж Бейли – «бывший агент ЦРУ», по сведениям нью-

йоркского журнала «Каверт Экшн». А сегодня Людмила Торн возглавляет в «Доме свободы» отдел России и стран СНГ.

Она родилась, как мне говорили, в Ростове. Ее отец – Карл Земельс – был выходцем из Прибалтики. Четверо из его родни сгинули в годы предвоенных репрессий. Во время войны Карла мобилизовали в Красную Армию, а вскоре он очутился в германском плену. Потом избавился каким-то образом от плена и даже сумел заодно с отступавшими из СССР гитлеровцами сбежать навсегда из нашей страны вместе с женой и дочерью.

После войны семейство Земельс перекочевало в США. Взрослая Людмила устроилась на созданную ЦРУ радиостанцию «Свобода». Там ценили ее мстительную злобность ко всему советскому. Живущий в Нью-Йорке ее бывший товарищ Григорий Климов издал ~~книжку~~ в России книжку «Красная кабала», где вспоминает многостранично былую подружку Людмилу и подытоживает: «Стерва совершенно невероятная».

Фамилия Торн досталась ей в Нью-Йорке от мужа-американца, с которым она спустя год развелась. Ее отважная охота на афгано-пакистанской границе за подходящими «Дому свободы» пленниками моджахедов описана канадским журналистом Дэвидом Проссером. Он был спутником Людмилы Торн в 1986 году и опубликовал в Канаде мемуарную книгу «Из Афганистана». По его словам, Торн отбирала среди военнопленных сплошь дезертиров, ибо «в правительственных кругах у нас боялись, что перебежчики могут позже передумать и вернуться в Советский Союз». Подстать этому, рассказал Проссер, «у Торн ненависть к Советскому Союзу – пламенно личная».

Повсюду ее терзала, изумлялся Проссер, мания преследования: «Она отчаянно боялась, что в таком месте, как Пакистан, будет очень легко агентам КГБ или ХАД остановить ее на темной улице и затолкать в автомобиль». Даже в США она панически галлюцинировала: «Если КГБ следит за ней пристальней, чем обычно, то ей было бы опасно покинуть убежище в Нью-Йорке для путешествия куда-либо вблизи от Афганистана».

В Нью-Йорке ее пугал еще один кошмар: «Она говорила, что у КГБ было обычным делом пытаться заманить перебежчиков к ним домой с помощью известий от желающих их увидеть родственников».

Накануне своей пресс-конференции Людмила Торн разослала в Нью-Йорке приглашения газетам, телевидению, радиостанциям с предупреждением устроить дискуссию о «международном комитете, созданном недавно с помощью Советского Союза для содействия освобождению задержанных афганским сопротивлением советских пленников».

Прочитав это, я понял благодаря своему печальному опыту хождения в «Дом свободы»: будет фейерверк проклятий и клеветы. Не ходить туда? Но тогда объявят, что «агент КГБ» трусливо прячется. Пойти? Взбесится, как быки на корриде при виде красной тряпки. Из двух зол я выбрал незавидную участь одинокого тореадора на вражеской арене.

В помещении «Дома свободы» я смог на сей раз беспрепятственно войти в зал пресс-конференции за десять минут до ее начала. Почти все стулья уже были заняты, но вовсе не журналистами. Со всех сторон слышалась русская и украинская речь. Отдельно сгруппировались в первом ряду лишь четверо американских газетчиков. Телевидение отсутствовало.

Зал был заполнен эмигрантами – активистами антисоветских организаций. Им предназначалась, как в театре, роль «клаки»: аплодировать своим и освистывать чужих. Пришедший сюда со мной по моей просьбе Шемякин, увидев толпу «клакеров», побледнел и потом сгорбил на стуле пришибленно и молча.

Лицом к залу сидели за продолговатым столом шестеро парней. Между ними в центре – пожилой мужчина и блондинка средних лет: Людмила Торн и директор «Дома свободы» Брюс Макколм. Он открыл пресс-конференцию похвалами Людмиле Торн за опеку военнопленных и рекомендовал отнестись настороженно к советской амнистии провинившимся в Афганистане солдатам.

Макколм напомнил, как ранее советский посол в США гарантировал амнистирование солдату-дезертиру Николаю Рыжкову, но того упустили в тюрьму. Директор «Дома свободы» далее сказал:

– Созданный недавно «Международный комитет за спасение в Афганистане российских военнопленных» финансируется московским Фондом мира. Планы этого международного комитета, руководимого советским журналистом Андроновым, не соответствуют правозащитным стандартам «Дома свободы» о свободном выборе пленниками их будущего места жительства. Международный комитет планирует при освобождении военнопленных устроить им встречи с их ближайшими родственниками и офицерами советской армии для обсуждения с каждым пленным его дальнейшей судьбы – ехать ли ему домой. Но мы это порицаем. Бывшие военнопленные, находящиеся в разных странах и США, не должны стать объектами эмоционального шантажа.

Вслед за тем Людмила Торн воскликнула:

– Здесь присутствует советский журналист Иона Андронов! Он дьявольски искажает мою деятельность и мои высказывания! Сейчас вы услышите правду из уст самих военнопленных.

Она предоставила слово солдату-дезертиру Владимиру Романчуку, получившему в США политическое убежище. Дезертир встал, держа в руках листок шпаргалки на английском языке. Запинаясь и выговаривая с трудом иноземные слова, он принялся зачитывать благодарность вашигтонскому правительству и «Дому свободы». Но был прерван оглушительным воем.

Внезапно в зале взвыла какая-то сирена: «У-у-у!» И снова трехкратно «У-у-у!». Потом – барабанный грохот: «Банг-банг-банг!». Заморгало электрическое освещение. Вой, грохот, мгновешия тьмы как бы имитировали фронтową бомбежку. Поначалу все онемели. Минуту спустя догадались:

сработала, очевидно, вдруг неисправная противопожарная сигнализация. Кто-то нервно пошутил:

- Это козни Андропова!

Опешивший дезертир прекратил англоязычную декламацию. Когда умолкла какофония и улегся переполох, Торн предоставила микрофон второму дезертиру из Афганистана – сержанту Миколу Мовчану. Он говорил по-русски, а Торн переводила на английский. Мовчан высказал недоверие к советской амнистии и произнес:

- Нас настораживает против международного комитета присутствие в нем Андропова и причастность советского Фонда мира.

Затем Торн разрешила задавать вопросы, чем я тут же воспользовался:

- Устроители пресс-конференции несколько раз объявили, что «Международный комитет за спасение в Афганистане российских военнопленных» якобы получает деньги от московского Фонда мира. Это ложь! Если бы у вас были доказательства, то вы...

Торн помешала мне договорить злыми выкриками:

- Есть доказательства! Есть статья в американской газете о том, что вы получаете деньги от советского Фонда мира.

- Но есть ли у вас фактические доказательства? – продолжал я. – Заявляю вам: мы не получили от кого-либо ни одного рубля, ни одного доллара или фунта стерлингов. Ни от России, США или кого-то еще. Ничего не получили. И тем не менее вы повторяете ложь снова и снова. Почему вы врете? Почему вы упорно...

- Я цитирую, - встряла опять Торн, - американскую прессу!

- Нет, - возразил я. - Вы обличали нас без ссылок на прессу. Про нее вспомнили только сейчас. Но ведь вы не проверили газетный вымысел. Вы просто лгали. Да еще выдумали другой абсурд – наш план доставить в США офицеров советской армии, чтобы сманить сидящих здесь бывших военнопленных и умыкнуть их в Россию. Никто из нашего комитета не говорил такого никогда.

- Говорил! – парировала Торн. – Есть записанный на магнитофоне телефонный разговор Шемякина с Мовчаном 17 июля, когда Шемякин сказал, что можно привезти сюда мать Мовчана и офицеров советской армии.

- Новая ложь! – ответил я. – Шемякин здесь в зале и может подтвердить, что это неправда. Пусть Мовчан без ваших подсказок перескажет их разговор.

Заговорил Мовчан:

- Шемякин мне сказал, что при освобождении советских солдат им надо устроить встречи с матерями в присутствии западных и советских представителей. А я ему сказал, что вы хотите привезти сюда советских военных для разговоров с ребятами, которые еще не осознали их права на свободный выбор места жительства. Это была моя интерпретация о при-

езде советских генералов с целью повлиять на независимое решение советских военнопленных. Да, это была моя интерпретация...

- Следует учесть, - добавил я, - что Шемякин без поручения нашего комитета говорил с Мовчаном самостоятельно и приватно, так как знаком с Мовчаном. А потому мог спросить: хочет ли Мовчан повидаться с матерью? И только. Наш комитет печется лишь об одном - как спасти советских военнопленных в Афганистане. Мы не занимаемся теми, кто уже в Америке. Вы же извращаете деятельность нашего комитета.

- Ну, хватит, Андронов! - заголосили «клакеры». - Уймите его! Надоел!

- Бойтесь правды?

- Заткнись, полковник! - крикнула Торн.

- Ну и ведьма! - фыркнул я несдержанно.

Дальше пресс-конференция продолжалась отрететированно по сценарию Людмилы Торн. Один за другим дезертиры отвергали советскую амнистию, перевозносили их жизнь в Америке, проклинали московское правительство. Слушатели аплодировали.

Сборище зеркально копировало привычную мне дома постыльную показуху «митингов протеста трудящихся» против американских поджигателей войны или израильской военщины. Вместо того здесь клеймили советские зверства в Афганистане. Увлечшись этим, дезертир Игорь Ковальчук, однако, сболтнул лишнее:

- Я пошел воевать в Афганистане, думая, что мы покажем, какова советская армия, но что сказать про афганских детей, которых я сам убивал!

- Ты убивал детей? - ахнул я.

- А что сказать, если был приказ?

- И ты убивал детей?

- А что сказать, если на то был приказ? - повторил он. - Что можно сделать, если солдату приказал офицер? Что делать?

- Застрелить офицера.

- Это ля-ля, - усмехнулся душегуб. - Пойдите-ка застрелить Горбачева!

Зал заржал. Аплодировали и восклицали: «Вот молодец!». Я понял, что понапрасну полемизировал с этой сворой. Ни одного моего слова не было на следующий день в статье «Нью-Йорк таймс» о пресс-конференции «Дома свободы». Заголовок статьи гласил: «Шесть советских солдат отвергают амнистию».

В унисон с «Нью-Йорк таймс» местная пресса разразилась серией публикаций с призывами воспрепятствовать Советскому Союзу вернуть его солдат из афганского плена. Газета «Нью-Йорк пост» напечатала редакционную передовицу под заголовком «Не отправляйте советских военнопленных в их страну». Всем военнопленным предлагалось обеспечить политическое убежище в Соединенных Штатах.

Эта агитация продолжалась все лето 1988 года. К осени стало полностью ясно, что мои надежды на сочувствие американской общественности к воззваниям международного комитета оказались совершенно несбыточны.

Нулевой результат имели также все попытки нашего комитета добиться для нас в Нью-Йорке въездные визы Пакистана. Ничего не получилось даже у Шеварднадзе на его неоднократных переговорах с пакистанцами о советских военнопленных. Это дело в целом сковал затяжной цейтнот.

Выход из застоя изобрел искушенный в политических играх старый раввин Бернард Мандельбаум. Он позвал меня в гости и предложил последовать примеру его сограждан: в США мощная организация семей пропавших без вести во Вьетнаме и Лаосе американских военнослужащих устраивает до сих пор общественные манифестации с требованием разыскать в Индокитае их родственников или по крайней мере останки погибших. И эти акции эффективно воздействуют на правительства США, Вьетнама, Лаоса.

- Теперь наш комитет, - сказал мне Мандельбаум, - не имеет иного выхода, как объединиться в Москве с семьями тех, кто в афганском плену. Надо совместно с родственниками пленных солдат добиться отправки делегации комитета к моджахедам.

Мнение находчивого раввина я посчитал бесспорно мудрым.

17 октября мы устроили пресс-конференцию, на который Мандельбаум объявил:

- Наш комитет, пережив несколько неудач, решился на новый шаг. Он, быть может, драматичен, но честен. Он может выглядеть отчаянным, но ему нет альтернативы. Отныне мы обращаемся напрямую к рядовым людям! Я объявляю, что 24 ноября, в день американского праздника Благодарения, двое американцев — Барри Фарбер и я, а также будущий американский гражданин Михаил Шемякин вместе с Ионой Андроновым, будем мирно демонстрировать перед посольством Пакистана в Москве под лозунгом: «Освободите наших сыновей!». Я прошу прессу СССР призвать матерей 300 пленных российских парней, их родственников и всех вообще русских присоединиться к нам и сделать эту демонстрацию массовой. Мы, американцы, намерены сказать нашим друзьям в России: «Позаимствуйте наш опыт во Вьетнаме. Мы, простые граждане, заставили прекратить там несправедливую войну. Мы, простой народ, боролись за освобождение наших парней из плена во Вьетнаме и Лаосе. А сейчас мы объединяемся с народом России ради свободы для ваших парней». Я уверен, что тысячи русских подхватят у пакистанского посольства общий лозунг: «Освободите наших сыновей!».

Заявление Мандельбаума распространили в Москве газеты, радио, телевидение. Но вслед за тем в Нью-Йорке меня вызвали в советскую дипмиссию на беседу с приехавшим из Москвы дипломатом в ранге по-

сла, который передал мне пожелание МИДа отменить объявленную демонстрацию под каким-нибудь благовидным предлогом. Дальновидный Шеварднадзе явно испугался, что не сумеет контролировать в Москве уличные манифестации, где ему могут припомнить его прежнее забвение наших солдат в афганском плену.

И тем не менее я воспротивился руководству МИДа, сказав, что раз уж они против объявленного митинга, то пусть сами открыто все отменяют. На такое МИД, однако, не отважился, опасаясь всеобщего возмущения и скандала. Делегация международного комитета приступила к подготовке визита в Россию.

И вот тут случилась вторая осечка: Шемякин сказал мне, что он в Москву не поедет. Причина была сумасбродная. Он говорил, что боится в Москве ареста и тюрьмы. За что? Это объяснить он не мог. Боится, мол беспричинного ареста и не способен преодолеть свой страх.

Тщетно я напоминал, что он стал на родине очень известен и уважаем, а бывших и нынешних диссидентов там больше не репрессируют. Все это он сам знал отлично, но продолжал твердить: все равно упрячут в кутузку.

Его дурь можно было бы оправдать давнишними передрыгами с грозным КГБ. Но мне был ведом более реальный повод паники Шемякина.

Его секретарша Сара Дикей однажды мне посетовала, что американское ФБР назойливо интересуется Шемякиным. И я спросил его:

- Что им надо, Миша, от вас?

- Интересуются, черти, моими советскими гостями.

Для него это была настоящая опасность. Ибо в те дни Шемякин, обита в Нью-Йорке, имел от властей лишь «грин кард» - вид на жительство, который можно легко утратить, если иностранца сочтут «угрозой для безопасности Соединенных Штатов». Шемякин попросил американского гражданства, однако, этому вполне могли помешать.

Летом 1988 года влиятельная газета «Уолл-стрит джорнал» осудила Шемякина за участие в международном комитете, финансируемом будто бы из Москвы, и обвинила в «эмоциональном шантаже» советских военнопленных.

Эмигрантское «Новое русское слово» причислило Шемякина к «советским патриотам», которых «в нашей эмиграции, по счастью, буквально считанные единицы». Нападки сигнализировали о начале скоординированной травли.

Расстроенный Шемякин признался мне, что побеседовал конфиденциально с Людмилой Торн ради умиротворения его недругов. Но они продиктовали, видимо, ему свои условия перемирия. Шемякин стал вдруг навязывать нашему комитету новую программу: всех советских военнопленных в Афганистане вывезти в Соединенные Штаты...

За месяц до отлета делегации комитета в Москву меня пригласили в советскую миссию для разговора с двумя дипломатами — советником Валентином Лозинским и атташе Юрием Чижигом. Они сообщили о поступлении им жалобы Шемякина на меня за то, что я собираюсь якобы отобрать у него председательство в международном комитете и заменить его раввином Мандельбаумом. Подтекст доноса был явным: Андронов променял русского на еврея.

В присутствии дипломатов я позвонил Шемякину:

- Зачем вы, Миша, выдумали лже-проект замены вас в комитете Мандельбаумом?

- Это недоразумение, - лепетал Шемякин. — Я ошибся. Извините. Померещилось спяну.

Мои собеседники в дипмиссии успокоились и заулыбались. Им было не впервой заниматься доносами стукачей. А я, вляпавшись в людскую грязь, ушел в мерзком настроении. И дал себе зарок никогда больше не общаться с Шемякиным.

Через неделю все мои предотъездные мысли и дела прервал телефонный звонок эмигранта Павла Ветрова. Он издавал в Нью-Йорке малотиражную газетку «Русский голос», которая перепечатывала наиболее примечательные статьи московской прессы. Таким способом Ветров хотел восстановить утраченное им советское гражданство и вернуться домой полноправным обладателем красного паспорта.

Позвонив мне поздним вечером, он сказал:

- Вы узнаете, Иона, мой голос?

- Да.

- Жду вас на углу Коламбус авеню и 67-й стрит, - промолвил он и повесил трубку.

В условленном месте Ветров предложил зайти в ближайший кафетерий. Ветров был встревожен и оглядывался. Я смекнул, что он опасается слежки. Внутри кафе было безлюдно. И никто туда за нами не вошел. Мы заказали по стакану сока. Ветров рассказал:

- Сегодня меня разыскал каким-то образом русский парнишка по имени Сергей Целуевский. Он был солдатом в Афганистане и попал в плен. Его привезли недавно сюда. Он захотел вернуться домой, но как это сделать, не знает. Если в это встряну я, то мне здесь несдобровать. Поэтому надеюсь на вас. Поможете?

- Конечно. А где этот солдат?

- Ожидает рядом на улице.

- Так пойдем к нему.

Спустя пять минут на уличном тротуаре я пожал руку высокорослому и худому юноше. Его лицо, светлые волосы и глаза были пепельно-серыми словно после тяжелой болезни. Хотя в ноябре по ночам в Нью-Йорке весьма зябко, он был одет в легкие спортивные брюки и тонкий свитерок. А смотрел на меня пытливо и боязливо.

- Не волнуйтесь, Сергей, - улыбнулся я. - У вас все будет хорошо! Теперь вы мой гость и товарищ. Можете попрощаться с Павлом. Скоро вы улетите отсюда домой.

В корпункте «Литгазеты» Сергей познакомился с моей женой. Она пригласила его поужинать с нами и постаралась приободрить атмосферой домашнего уюта. Однако у него не пропала скованность и опаска в разговорах с нами. И я решил выяснить причину начистоту:

- Вы встретились со мной, так как хотите вернуться домой?

- Очень хочу.

- Это будет сделано. Что же еще вас стесняет?

- Вы из КГБ? - тихонько спросил он, покраснев от смущения.

- Нет! И клянусь вам, что не отдам вас никакому КГБ. Им вы, поверьте, совершенно не нужны.

- Да я готов к тому, что мне не миновать тюрьмы, но ведь потом отпустят домой.

- Это вздор. По нашим теперешним законам вам гарантирована немедленно дома полная свобода.

- Извините меня и поймите правильно, - попросил он. - Пять лет в плену меня много раз обманывали. Издевались. Я хочу верить людям, но уже не могу. Мне говорили правду только дома мама и отец.

- Как зовут вашу маму?

- Нина Яковлевна.

- Где ваш дом?

- Под Ленинградом в Ломоносове.

- Забыли, наверное, номер домашнего телефона?

- Не забыл.

- Продиктуйте, пожалуйста.

Телефонная служба Соединенных Штатов славится тем, что безотказно соединяет клиента с любым пунктом на планете Земля. Не прошло и десяти минут с момента моего заказа на звонок Целуевским в Ломоносове, как я услышал оттуда в телефонной трубке женский голос.

- Нина Яковлевна?

- Да, это я.

- Вас беспокоит из Нью-Йорка корреспондент «Литературной газеты» Андронов. У меня для вас большая новость. Она касается вашего сына Сергея, пропавшего в Афганистане. Только прошу выслушать по возможности без сердечного надрыва.

- Господи, он жив?

- Жив и здоров.

- Где же Сережа? - заплакала она.

- Здесь со мной. Передаю ему трубку.

Ее сын негромко проговорил:

- Это я, мама.

- Ох, Сереженька, родной мой, - рыдала мать, - где же ты сейчас?

- Не плачь, мама. Я теперь среди наших. Скоро буду дома.

- Когда же вернешься? Не покалечен? Поклонись от нас тем, кто тебе помогает. Когда будешь дома?

- Потерпи, мама, еще дня три. И больше, ради бога, не плачь. Все будет хорошо.

- Плачу, родной, от счастья. Прежде от горя все глаза выплакала.

- Жди меня и больше не переживай.

Поговорив потом и с отцом, Сергей отошел от телефона, утирая слезы. Моя жена накапала ему валерьянки. Оставив Сергея под ее опекой, я пошел в гараж, взял свой автомобиль и поехал в советскую дипмиссию. Было уже около полуночи, но я попросил срочно разбудить заснувшего, быть может, главу миссии – посла Александра Михайловича Белоногова.

Он выслушал меня внимательно, но бесстрастно. Каменное выражение его физиономии обозначало скрытое недовольство. Я просил переместить Целуевского поскорее в советскую миссию во избежание возможных контрмер американских спецслужб и организовать ему отлет в Москву. Мой собеседник хмуро возразил:

- Такая спешка не нужна. Сперва я сообщу в центр о желании вашего посетителя вернуться домой. И поступлю так, как мне ответят.

- Ответ будет заведомо положительным.

- Вот и подождем.

- Как долго?

- Пока не будет ответа из Москвы.

Дипломат-бюрократ предвидел досадное для него раздражение американских властей. И решил перестраховаться на случай упреков от московских боссов за его инициативность. Переубеждать Белоногова было бесполезно. Я вернулся в корпункт, где Целуевский остался у нас на ночлег.

Следующий день мы с гостем завтракали, беседовали, обедали, ждали вестей из дипмиссии. Сергей вспоминал свои бедствия в плену, а я записывал для предстоящего репортажа.

- После школы меня призвали в армию, - говорил Сергей. - Я попал в строительный батальон, который осенью 1982 года дислоцировали на окраине афганского города Кундуз. Там же базировалась бронетанковая дивизия и вертолетный полк. А мы, стройбатовцы, делали казармы для офицеров, столовые, склады. Я не участвовал в боях, но зато хлебнул сполна армейской «дедовщины». Старослужащие солдаты и сержанты били таких, как я, новобранцев. Хотели сделать из меня «шестерку» - беспрекословного слугу старослужащих. Некоторые офицеры тоже унижали рядовых. В начале января 1983 года я был дежурным батальонной столовой, когда там украл кто-то полсотни стаканов и ложек. Капитан, служивший замом командира батальона по тылу, приказал мне найти пропавшую посуду во что бы то ни стало. Я обшарил весь гарнизон, но ничего, понятно, не отыскал. Капитан разбушевался: ищи день за днем пока не найдешь!

Пришлось бродить одному за пределами гарнизона по пустырям и помойкам. В сумерках 13 января я нарвался на четверых афганцев с автоматами. А сам был без оружия. Попытался отбиться врукопашную, но был сбит наземь и оглушен. Очнулся у «духов» в какой-то хижине...

Его продержали восемь месяцев под замком в сарае. Кормили скудно полусъедобными отбросами. Охранники пригрозили: «Если ты, русский ишак, вздумаешь бежать, то сразу пристрелим».

Потом лагерь банды подвергся нападению более сильного отряда моджахедов. Они захватили Сергея и ретировались на юг к пакистанской границе на базу самой крупной группировки боевиков под командованием Хекматяра. Там конвоиры пленника получили за него вознаграждение — 10 автоматов, 7 винтовок и противотанковый гранатомет.

К тому времени Сергей уже освоил у моджахедов язык пушту и уяснил, что попал на их базу около пакистанского города Пешавар. Тут он провел еще два года в подвале дома, где жили боевики. В том же подвале держали также двоих попавших в плен советских солдат-танкистов. Далее численность узников удвоилась, а их новой тюрьмой стал афганский «зиндан» — глубокая яма с отвесными стенами высотой 8 метров.

По краям ямы, где сидел Сергей, была колючая проволока. На трех сторожевых вышках — вооруженная стража. На дне ямы — две боковые норы с входными дверями на запорах из цепей и амбарных замков. В каждой норе — по трое пленных. Их зачастую били и истязали голодом. С тех пор на лице Сергея слева шрам от удара подкованным башмаком. Это изуверство тянулось более двух лет. Были, впрочем, по словам Сергея, краткие передышки:

- Раз шесть, пожалуй, нас вытаскивали из ямы и хорошо кормили. Приказывали помыться. Выдавали чистую одежду. Затем всякий раз представляли перед приехавшими туда фотожурналистами и телевизионщиками из США, Англии, Западной Германии, Дании. Кроме них приезжала из Нью-Йорка говорившая по-русски сотрудница организации «Дом свободы» Людмила Торн. Она заинтересовалась мною, вероятно, потому, что я уже потерял тогда надежду выжить, спастись, вернуться домой. С отчаяния покушался трижды на самоубийство. Попытался разрезать вены рук, потом глотал камни, гвозди.

- Как вы очутились в США?

- Семь месяцев назад меня и еще трех пленных извлекли из ямы, выдали новую одежду и ботинки, приказали вымыться. Появился какой-то американец. Он сказал: «Завтра уедете в Соединенные Штаты». Ночью нас посадили в кузов пикапа. Второй автомобиль заняла охрана. К утру прибыли на военный аэродром в Исламабаде. Там нас взяли на борт самолета ВВС США. Он приземлился в ФРГ, заправился, снова сделал посадку на военной авиабазе близ Нью-Йорка и доставил нас на базу ВВС в Пенсильвании. Я был настолько болен, что меня отвезли в армейский госпиталь в Вашингтоне. Брали анализы крови, лечили. Потом устроили

на поправку к двум православным священникам в поселке Махопак на севере штата Нью-Йорк. Туда приехала Людмила Торн, но я был еще непригоден для показа журналистам, так как еле стоял на ногах.

- Что побудило вас самочинно отправиться в Нью-Йорк?

- В Махопаке я познакомился с семьей переселенцев из нашей страны. У них случайно увидел в сентябре «Литературную газету» со статьей о возвращении домой таких, как я, военнопленных. После этого я решил пробираться домой. На дорогу подработал немного денег посудомойкой в местном отеле. Я знал, что в Нью-Йорке есть советские представители, а разыскать их помогли добрые люди. Как это произошло — вам известно...

Мы продолжали беседовать, когда под вечер позвонили мне наконец-то из советской миссии:

- Приезжайте вдвоем.

Через полчаса мы были там. Советские дипломаты уведомили официально госдепартамент США о желании Целуевского вернуться в Советский Союз. Из госдепартамента ответили, что вызовут Целуевского для выяснения всех обстоятельств его решения: принято ли оно добровольно без постороннего давления, угроз, шантажа?

Внутри миссии старший офицер отдела безопасности встретил Целуевского и отвел в беззаконный кабинет, оснащенный аппаратурой против подслушивания. Гэбист захотел опросить Сергея наедине, но я настоял на своем присутствии. Меня сразу озаботило то, что офицер не позддравил солдата с избавлением от плена и возвращением на родину. Сухопарый контрразведчик с костистым лицом, острым носом и ледяными глазами был похож на ястреба, узревшего лакомую добычу. Его знакомство с Сергеем он начал в легендарном стиле Лубянки:

- Кто вы такой?

- Разве вам не известно? — удивился Сергей.

- Назовите полностью свое имя, - отчеканил гэбист, - Назовите дату рождения. Номер вашей воинской части. Дату пленения. Как вы оказались в плену — дезертировали?

Сергей сник, сжался и взглянул на меня испуганно. Я сказал офицеру:

- Прошу выйти со мной в коридор.

- Это еще зачем?

- А ну выйдем! — вскочил я.

Он неохотно послушался. В коридоре разгневался:

- Как вы смеете лезть не в свое дело?

- А как вы смеете запугивать Целуевского? Он обязан встретиться с чиновниками госдепартамента и ответить им — подвергся ли запугиванию!

- Я действую по инструкции, - огрызнулся контрразведчик. — Доложу о вашей выходке Белоногову.

- А я, журналист, сообщу всем публично как вы запугали Целуевского, если он из-за вас передумает ехать домой. Где вы его разместите?

- В жилом здании миссии в Ривердейле. Оттуда Целуевский не должен выходить до отлета в Москву.

- Нет, он будет выходить вместе со мной. Он должен чувствовать себя свободным человеком.

- За это вы заплатите в случае американской провокации.

- Согласен. И давайте на этом закончим спор. Напишите в рапорте, что я отвечаю за благополучие Целуевского.

Гэбист прекратил допрос. Сергею предоставили комнату в многоквартирном доме наших дипломатов среди зелени пригородного района. Соседи постояльца встретили его по-дружески тепло. Он оттаял, поняв, что ему все искренне сочувствуют за исключением одного недоумка.

На следующий день я провез Сергея по Нью-Йорку, показывая достопримечательности. Побывали в магазинах для закупки ему зимней одежды и сувениров родителям. Заехали в миссию за приготовленным авиабилетом до Москвы.

Назначенная госдепартаментом встреча Сергея с американскими чиновниками состоялась в резиденции представительства США при ООН на Первой авеню. Я поджидал у парадного входа, ибо мне не полагалось быть с ним рядом во время расспросов о причинах его решения покинуть Америку. После встречи Сергей пересказал, как ему задавали вопросы о чем-либо давлении на него или угрозах. А он ответил, что ничего подобного нет, уезжает без всяких политических мотивов, хочет просто вернуться к своей семье и благодарит американцев за недавнее лечение и отсутствие препятствий к отъезду.

Через сутки я провожал его в нью-йоркском аэропорту имени Кеннеди. Перед посадкой в лайнер «Аэрофлота» подошли к Сергею двое американцев и заново спросили: не передумал ли он улетать отсюда? Сергей повторил сказанное вчера. Спустя десять часов он был в Москве. Там его встретили поцелуями и букетами цветов. Шестилетняя одиссея пленника и скитальца завершилась в объятиях матери и отца.

Моя радость была, однако, подпорчена предчувствием возмездия за то, что вырвал из чужой пасти ее афганский трофей. Такое воспрещено иностранным корреспондентам, чье дозволенное занятие — только журналистика. Нарушив это правило, я вместе с тем настроил против себя начальство советской дипмиссии. И оказался по сути беззащитным. Расплата была, видимо, неизбежна. Оставалось лишь выжидать: когда ударят и откуда.

После отлета Целуевского промелькнуло полторы недели, и я снова направился в аэропорт имени Кеннеди. Со мной были Барри Фарбер и Бернард Мандельбаум, а вместо Шемякина — священник-иезуит Майкл Хартер. 20 ноября делегация международного комитета прилетела в холодную по-зимнему Москву.

Американцев поместили в гостинице «Спутник» на Ленинском проспекте. Жилье, питание, автотранспорт для делегации и подготовку всех мероприятий взялось обеспечить ВЦСПС – руководство советских профсоюзов. Это была наиболее забюрократченная часть правящей верхушки. Любая свежая идея, отданная аппаратчикам ВЦСПС, превращалась в мертвое дело.

Но избавиться от убийственного монстра я был бессилен: советский журналист с партбилетом еще оставался тогда всего-навсего мелким «подручным партии». К тому же незадолго до нашего приезда Кремль поручил ВЦСПС учредить в Москве общественный комитет наподобие нью-йоркского. Название соответствовало лексикону чинуш: «Координационный комитет советской общественности за освобождение советских военнослужащих, захваченных в плен в Афганистане». Попробуй-ка запомнить!

Моложавый аппаратчик ВЦСПС Владимир Марий был куратором нашей делегации и ответственным секретарем «Координационного комитета». Марий приветливо развел американцев по их гостиничным комнатам, а затем позвал меня в холл для откровенного разговора. Он скептически расценил наш план посетить прифронтовые штабы моджахедов и не пожелал рисковать вместе с нами.

Марий сказал, что я должен устроить ему и нескольким сотрудникам международного отдела ВЦСПС поездку в США для пропаганды целей его комитета. Он отмахнулся от моих контрдоводов о безуспешности повтор наших попыток возбудить массовые симпатии американцев. Нахрапистый профчиновник жаждал вояжа в богатую Америку! Мы расстались обоюдно разочарованными.

Следующим утром в редакции «Литгазеты» я писал репортаж о приезде нашей делегации и вычитывал типографские гранки. Тем временем американцы с гидами ВЦСПС осматривали Москву.

На третий день меня вызвали к первому заместителю главного редактора Юрию Изюмову. Он фактически руководил газетой единовластно, так как главного редактора – Александра Чаковского – вынудили уже подать в отставку. А преемник – писатель и крупный работник ЦК КПСС Юрий Воронов – еще не принял бразды правления «Литгазетой».

Наша редакция и раньше почти во всем была во власти Изюмова благодаря его предыдущей должности – помощника члена Политбюро и первого секретаря московского горкома компартии Виктора Гришина. Выдвиженец столичной номенклатуры Изюмов был в «Литгазете» подлинным хозяином. Он ошеломил меня загадочным сообщением:

- Зная вашу вспыльчивость, я прошу Вас выслушать меня спокойно. На самом верху есть мнение о том, что вам следует формально отстраниться от созданного вами международного комитета и впредь контактировать с ним в качестве теневой фигуры. Ваша связь с комитетом должна стать как бы невидимой для прессы.

- Почему?
- Потому, что так решено на самом верху.
- Кем решено? ЦК? КГБ? Назовите фамилии!
- Не могу.
- А я не могу и не желаю быть чьей-то невидимкой!
- Соблюдайте дисциплину сотрудника редакции и члена партии.
- Служба и партийность не лишают меня права заниматься общественной деятельностью. Передайте своим анонимам, что я отказываюсь быть их марионеткой.
- Значит, не подчинитесь?
- Раз меня насильно отсекают от моего комитета, то я уйду не тайно, а публично. Помалкивать не буду.
- Одумайтесь. Еще не поздно. Я попытаюсь похлопотать за вас.
- Такие хлопоты мне не нужны. До свидания.

Выскочив из кабинета Изюмова, я долго не мог очухаться. За что меня карают? Кто? Зачем губят комитет помощи нашим военнопленным? Кому это надо? Ведь не зря они секретят свои имена. Как прояснить эту подлую головоломку?

Подостыв к вечеру, я разыскал сведущего человека. Он, как и я, работал в Нью-Йорке и почти одновременно со мной прилетел в отпуск в Москву. Он тоже был в США аккредитован корреспондентом, но это служило прикрытием для майора зарубежной разведки КГБ.

Мы познакомились как журналисты, а подружились потому, что он презирал в нашей среде интриганов, стукачей, партлицемеров. Он был порядочным профессионалом своего опасного дела и хорошим мужиком. А когда я поделился с ним своей бедой, он меня просветил:

- Ты, Иона, сильно насолил в Нью-Йорке спецслужбам со своим комитетом и особенно в инциденте с Целуевским. Шемякина подтолкнули принести в нашу дипмиссию новый донос на тебя. Он был письменный. Сводился к тому, что ты – советский сталинист и враг новаторской политики Горбачева, а это отталкивает от комитета друзей Шемякина. Он потребовал устранить тебя. Донос взял Белоногов, одобрил своей припиской и послал шифровкой в Москву. Это было накануне отлета вашей делегации. Наша резидентура узнала об этом, отнеслась негативно, но препятствовать Белоногову не в праве. Американцы расквитались с тобой чужими руками. Мне очень жаль, что так получилось. Не вини за это КГБ.

Еще один день начался с того, что я приехал в гостиницу «Спутник» к своим американским компаньонам и сообщил им о прекращении моего сотрудничества с ними по прихоти кремлевских властей, получивших клеветнический донос на меня от Шемякина. Источник сведений о доносе я не мог разгласить.

Американцы опешили от недоумения и шока. У них ожил привитый издавна вирус боязни террора беспощадных коммунистов. Мои кол-

леги были уверены, что я буду арестован, как только они уедут отсюда. А меня мучил стыд за то, что я вовлек их в загубленное дело.

Вечером нас пригласили функционеры ВЦСПС на совещание в зале приемов отеля. Там расселись за двумя длинными столами представители «Координационного комитета», советского Красного Креста, официозных комитетов мира, советских женщин, воинов-интернационалистов и прочие псевдо-общественники на государственном содержании. Всего человек тридцать. Это собрание заслушало речь куратора нью-йоркской делегации Владимира Мария.

Он сказал, что решено отменить объявленную на завтра манифестацию перед посольством Пакистана. Марий утверждал, что городские власти не дают разрешения на устройство митинга. Он добавил, что обнаружен будто бы приезд в Москву «групп фашистов из Армении и Эстонии», которые намерены воспользоваться митингом для подстрекательства к уличным беспорядкам. Против них милицейский ОМОН будет охранять пакистанское посольство. Туда не следует являться никому из присутствующих здесь ради их безопасности.

Трое обескураженных американцев тревожно шептались. Они уже поставили крест на наших планах и надеялись поскорее унести ноги из московской трясины. Я взял слово:

- Отменять манифестацию, назначенную на завтрашнее утро, уже бессмысленно. Об этом не успеет оповестить пресса. Сотни людей все равно придут к посольству. Милиция обеспечит порядок. Слухи о каких-то иногородних фашистах, по-моему, выдуманы. Я категорически протестую против отмены мирной манифестации в защиту наших военнопленных.

- Сейчас мы решим вопрос голосованием, - ответил Марий. - А вы, Андронов, обязаны выполнить решение большинства.

- Не согласен!

- Кем вы себя возомнили?

- Я член КПСС, но я не раб ЦК КПСС!

- Тем хуже для вас.

Участники совещания покорно проголосовали за отмену митинга.

Ночью я почти не спал. Одолевали лихорадочные мысли: что же теперь делать? Не ходить утром к пакистанскому посольству? Но ведь там соберутся обманутые мной люди. Руководить ими будет некому, а стихийная толпа может необузданно нарваться на дубинки бойцов ОМОНа. Это будет мой несмыслимый позор. Неужели я уподоблюсь попу Гапону?

Мои терзания уняла жена: она сказала, что мы вдвоем пойдем утром к посольству. Той ночью я сжег последние мосты к отступлению.

В 11 часов утра 24 ноября мы вдвоем подошли к тысячной толпе на Садовом кольце перед фасадом посольского особняка Пакистана. Людское скопище на затоптанном снегу гневно рокотало. Пронзительно кричали женщины, подняв руки с фотоснимками их детей, пропавших в Аф-

ганистане. Среди манифестантов выделялись ветераны афганской войны в камуфляжных куртках и зеленых шапках. Над головами качалось на палках красное полотнище транспаранта: «Свободу нашим сыновьям».

Толпа насаждала на шеренгу милиционеров, стоявших плечом к плечу вдоль фасада посольства. Стражи порядка не отпихивали и не гнали уткнувшихся в них плачущих матерей солдат. Сбоку милицейской шеренги тревожно озирался командир – тучный полковник в барашковой папаше. Подойдя к нему, я сказал, что готовил этот митинг и прошу разрешения успокоить людей.

По приказу полковника мне дали подставку – жестянку мусорного ящика. Я принялся кричать из всех сил:

- Товарищи, соблюдайте спокойствие! Нельзя повредить пакистанское посольство! Если разобьем хоть одно окно, то стократная месть обрушится на наших солдат в плену. Не допустим такого!

- А ты кто? – раздалось из толпы.

- Я член международного комитета за спасение наших военнопленных.

- Ты Андронов?

- Да. Мы пришли сюда не буянить, а умолять пощадить ваших сыновей. Они закованы цепями в тюремных ямах. Если к нам затесались провокаторы, то обуздайте любого, кто заманется камнем или еще чем-то. Договорились?

- Будет сделано! Схватим любого гада!

Толпа одобрительно загудела, но раздался выкрик:

- А где твои американцы? Почему их нет? Они обещали поддержать нас!

- Американцев отпугнули придти сюда московские чиновники. Они вчера отменили митинг. Но раз мы собрались, то будем демонстрировать мирно.

- А почему наше правительство ничего не делает для военнопленных?

- Это пытался сделать министр Шеварднадзе. Но плохо, конечно, что от властей никто не пришел к вам.

- Везде бюрократы! Что нам делать? Как спасти ребят? Говори правду! Всю без обмана!

- Могу высказать только личное мнение. Так вот: не надейтесь больше на американцев или других иностранцев. Не полагайтесь и на наших чиновников. Берите ваше правое дело в свои руки. Создайте ваш народный комитет за спасение военнопленных.

- Давайте создадим сейчас!

- Погодите. Так нельзя. Отберем активистов и создадим народный комитет организованно, а не на улице.

Толпа недовольно загудела. Опять заголосили женщины. Ревущая масса надвинулась на цепочку милиционеров. К счастью, положение спас

вышедший из посольства мужчина: он сообщил мне о готовности пакистанцев допустить к ним небольшую делегацию демонстрантов. Я опять прокричал:

- Уймитесь! Пакистанцы согласны принять наших делегатов.

- Наконец-то!

Из толпы отобрал я трех матерей пропавших без вести солдат и одного молодого ветерана афганской войны. Затем парадную дверь посольства чуть приоткрыли перепуганные пакистанцы. Они пропустили нас в щель двери и провели по двору к посольской канцелярии.

Там заново через дверную щель я уговаривал по-английски дипломатов не бояться нас и впустить в прихожую. В ней встретились с советником посольства. Ему опять я разъяснял сугубо мирную цель митинга и просил проявить милосердие к несчастным матерям. Выслушав, советник удалился. Вернувшись, известил о согласии посла принять делегатов.

Посол Абдул Саттар, увидев плачущих женщин, поздоровался с ними доброжелательно и выразил свое сочувствие. Я переводил. Посол вежливо напомнил, что афганский народ тоже трагически пострадал от девятилетней войны. Уверял, будто Пакистан не возражает против освобождения афганцами советских военнопленных.

Услышав это, две матери в слезах упали перед послом на колени, моля пощадить их сыновей. Посол поднял женщин и участливо обещал чем-нибудь помочь. Манеры и облик пожилого дипломата производили внешнее впечатление аристократической добропорядочности.

Абдул Саттар согласился по моей просьбе сообщить своему правительству и лидерам моджахедов в Пешаваре о мольбах матерей военнопленных. Он даже взял записку с адресами его посетительниц для пересылки им ответов из Исламабада и Пешавара. Женщины благодарили его, утирая слезы.

Когда мы покинули посольство, я рассказал толпе о благородном поведении посла и его обещаниях. Мои слова подтвердила посетившая посольство солдатская мать. Проблеск надежды разрядил напряженность. Я попросил демонстрантов пожалеть милиционеров, мерзнувших на студеном ветру уже два часа подряд. Толпа обмякла и начала редеть.

Офицеры милиции подошли ко мне пожать руку. Полковник распорядился усадить меня и мою озябшую жену в его «Волгу» и отвезти нас домой.

Но передышка была короткой: на исходе того же дня состоялась прощальная пресс-конференция уезжавших из Москвы трех американцев из нью-йоркского комитета. Утром куратор Марий вторично показывал им красоты нашей столицы до тех пор, пока не закончилась манифестация на Садовом кольце.

Пресс-конференция собрала полсотни московских репортеров в зале Агентства печати «Новости». Перед входом в зал подошел ко мне сотрудник «Литгазеты» Алексей Коробов:

- Вам запретил Изюмов участвовать в пресс-конференции.
 - Запрет незаконен. Это нарушение моих гражданских прав.
 - Изюмов приказал передать вам, что вас ждет за сопротивление жесточайшее наказание.

- Семь бед – один ответ!

За столом организаторов пресс-конференции сидели трое американцев и Марий. Подсел и я. Марий провозгласил, что манифестация у посольства Пакистана была очень успешной и плодотворной, так как пакистанский посол обещал матерям военнопленных передать их просьбы высшим властям в Исламабаде и вожакам моджахедов. Мария спросили:

- Вы были на митинге?

- Нет, не смог.

- Были американцы?

- Нет.

- Кто же договорился с послом?

- Трое солдатских матерей, один воевавший в Афганистане парень и я, – пришлось мне объяснять. – Наши власти устами Мария вчера отменили митинг и аннулировали участие в нем американцев из международного комитета за спасение военнопленных. Более того, среди вас, журналистов, находится здесь сотрудник моей газеты Коробов, который только что пригрозил мне по заданию руководства жестоким наказанием за мое присутствие на этой пресс-конференции. А беседа с послом Пакистана была действительно благотворной.

- Прошу слова! – вмешался Барри Фарбер. – Мы, американцы, приехали сюда помочь освобождению ваших военнопленных и сожалеем, что упустили возможность поддержать их на митинге возле посольства. Мы опечалены также преследованием тут нашего коллеги Андропова. Предупреждаю: если его лишат свободы, то я создам в Нью-Йорке новый комитет за освобождение Ионы Андропова.

Журналисты зашумели, но быстро утихомирились и разошлись, зная наперед, что их редактора не позволят огласить ни реплику Фарбера, ни мои слова.

На следующий день газеты «Известия», «Комсомольская правда», «Вечерняя Москва» радужно расписали успешный митинг у посольства Пакистана и расхвалили за это энергичного Мария. А меня осудила «Правда»:

«Полной неожиданностью явилось заявление, прямо скажем, не очень сдержанное по форме Ионы Андропова, советского представителя в Международном комитете за освобождение советских военнослужащих, попавших в плен в Афганистане. Он сообщил о том, что «чиновники» якобы запретили митинг и что воинам-интернационалистам надо «брать» все в свои руки, ибо никто, кроме них самих, заниматься вызволением ребят из плена не будет. Что же произошло? Выяснилось, что митинг, собственно, никто не запрещал».

Непрекаемый вердикт главного рупора кремлевского Политбюро был равнозначен команде сурово покарать смутьяна.

Взяв под козырек, редколлегия «Литературной газеты» вызвала меня для назидательной экзекуции, а перед ней обязала письменно покаяться в моих грехах. Я написал:

«Каяться мне совершенно не в чем. Акции ради освобождения моих земляков велись мною не по долгу службы в «Литературной газете» и не по заданию партии или правительства. Это была моя добровольная общественная деятельность, которую осуществлять или прекращать позволено у нас самостоятельно по закону и вообще по человеческой совести. Моя совесть абсолютно чиста. Почему же считают меня бесправной, жалкой и безгласной шавкой, послушной безропотно приказам неведомых мне вершителей моей судьбы?».

Эти строки предreshали приговор редколлегии. Меня не подвергли бичеванию на партийном собрании или на сходке всего коллектива газеты, чтобы упрямый ретивец не заразил крамоллой мозги рядовых сослуживцев. Судилище устроили на закрытом заседании редакционной коллегии, сформированной из проверенной номенклатуры ЦК КПСС.

Вел заседание Изюмов. В качестве основной улики моего еретичества он зачитал обвинение «Правды». Припомнил мой дерзкий отказ уйти с пресс-конференции после митинга. Утаил вновь имена моих московских вышибал из международного комитета. Приукрасил начало конфликта — донос Шемякина — респектабельной упаковкой:

- Когда Андронов приехал сюда с комитетом, то пришла телеграмма из Нью-Йорка от нашего постпреда. Он сообщал о том, что к нему пришел художник Михаил Шемякин, председатель комитета. Шемякин сказал, что не хочет, чтобы Андронов был в комитете, а в противном случае сам оттуда уйдет. Затем следовала рекомендация нашего постпреда о том, чтобы попросили Иону Ионовича временно уйти в тень.

Вслед за тем мои поступки Изюмов наименовал «вопиющими нарушениями дисциплины».

Члены редколлегии один за другим потребовали проучить бузотера за «политическую невыдержанность», «вызов» вместо покаяния, «недопустимые призывы к толпе брать дело в свои руки». Особенно распалился бывший аппаратчик ЦК Юрий Поройков:

- Нельзя доверять Андронову представлять «Литгазету» в Соединенных Штатах!

Всклооченный и потный от ярости Поройков затем рывкнул на меня:

- От вас даже пахнет не так, как от нас!

Напоследок мне предложили попросить прощения. Я ответил:

- Почему я должен признавать то, что является ложью?

Редколлегия составила обо мне два постановления. Первое: «Считать нецелесообразным дальнейшее пребывание И.И.Андропова в качест-

ве корреспондента «Литературной газеты» в Нью-Йорке и перевести его в аппарат газеты в Москву».

Немного позже — второе: отчислить меня «в связи с отсутствием штатных должностей в иностранном отделе «Литературной газеты».

Заодно меня сделали «невыездным», а на всех границах страны контрольно-пропускные пункты погранвойск КГБ получили директиву включить Иону Ионовича Андропова в реестр лиц, подлежащих задержанию при попытке ускользнуть за рубеж. Мне воспретили самому забрать из Нью-Йорка домашние пожитки, за которыми дозволили съездить туда только моей жене.

Пятикратно я пытался устроиться на работу в разные редакции московской прессы, но оттуда наводили справки обо мне у Изюмова в «Литгазете» и отказывали в найме.

Судебным путем я опротестовал мое изгнание из «Литгазеты», однако судью посетил Изюмов, и мой иск был отвергнут.

Дважды отправлял, как член КПСС, письма председателю идеологической комиссии ЦК КПСС Вадиму Медведеву с просьбой рассмотреть партийно мое дело. Однако сановный партгеноссе презрительно отмогался.

Так я стал безработным, потенциальным перебежчиком, изгоем под негласным «запретом на профессию» по моей специальности. Расправа была настолько стремительной, что мое душевное состояние неверно называть подавленным. Я был раздавлен.

Впервые я, так называемый «совок», испытал на собственной шкуре и понял, что служил людям и системе, чья замаскированная сущность — бесчеловечность и бесчестие. В конечном счете я сам обрек себя на мой остракизм. Родился и жил там, где хозяйничала волчья стая, примкнул к ней, а когда волки учуяли у меня, как Поройков, чужеродный душок, то загрызли моментально. Сам, выходит, виноват. Это угнетало больше всего.

Впоследствии еще поуменел. И дорогой ценой убедился, что вообще у нас даже при смене общественных систем ни одно доброе дело почти никогда не бывает безнаказанным. Добродетелей мы чтим обычно после их смерти. Да и то лишь иногда.

РЫНОК НЕВОЛЬНИКОВ

Январь 1989 года – самая черная пора прожитых мною лет. На 55 году жизни я – никто. Вычеркнут из журналистики, а ничего иного делать не умею. Ради прокорма смог бы только устроиться дворником, сторожем, подсобным рабочим.

И прозябал бы поныне на дне нашего общества, если бы весной 1989 года первый вихрь свободы тогдашних депутатских выборов не обрушился на кремлевскую пирамиду власти. С ее вершины посыпались один за другим полубоги Политбюро, а внизу ожили и заговорили многочисленные вольнодумцы. Они были еще слабосильны, но растоптать их, как прежде, уже не посмели. Наступили новые времена.

... И вот безоблачным жарким утром 5 июля 1989 года в пакистанской столице Исламабад я вышел из гостиницы к поджидавшему меня мини-автобусу. В нем рассаживались шестеро моих спутников из Москвы. Водитель-пакистанец провез нас по городу мимо уличных базаров, пальмовых аллей, мечетей, минаретов, пыльных пустырей и доставил к северной окраине, где бугрились горы, поросшие сосновым лесом.

Там на горном уступе в зелени и прохладе высился белоснежный дворец. Попастъ туда я возмечтал год назад в Нью-Йорке, а потому одел на сей раз свой лучший кремовый костюм итальянского покроя, свежестиранную сорочку и строгий темный галстук.

Перед дворцом на плацу был выстроен почетный караул роты солдат в алых мундирах с фиолетовыми тюрбанами. Двое пакистанских дипломатов ввели нас в дворцовую гостиную, уставленную парчовыми диванами и вазами с букетами розовых цветов. Навстречу нам поднялась с кресла молодая брюнетка ослепительной красоты. На ней была долгополая блуза сиреневого шелка, шаровары и газовая косынка с шарфом. Обращаясь к ней, я сказал по-английски:

- Спасибо вам, Ваше превосходительство, что вы согласились принять нас и выслушать.

- Добро пожаловать, - ответила она. – Я сочувствую вам и попытаюсь помочь.

Это была премьер-министр Беназир Бхутто.

До встречи с ней я прожил кое-как полгода в Москве на шатком положении неблагонадежного лиховея. Все бывшие сослуживцы-газетчики отшатнулись от меня как от прокаженного. Проведать меня дома приходили только двое журналистов-международников, которые были на деле

офицерами КГБ. Они мягко прошупывали – отчаюсь ли я вновь на вредоносную выходку?

В те дни писатель и аппаратчик ЦК КПСС Юрий Воронов перевоплотился в главного редактора «Литературной газеты». А его взрослый сын Валентин впоследствии сообщил мне по секрету о том, что отец по предложению своего первого заместителя Изюмова обсуждал тогда с руководством контрразведки КГБ – надлежит ли навсегда утихомирить меня принудительной отправкой в больничную «психушку». Этого не случилось, очевидно, лишь потому, что в ту пору КГБ вынудили освободить из тюрем и «психушек» всех политзаключенных. Благодаря им мне, слава Богу, крупно повезло.

Да еще повезло жениться на истинно русской женщине – верной опоре в беде, одиночестве, безденежье. Мы с ней существовали на ее скромную зарплату в академическом институте. И дабы как-то свести концы семейного бюджета, жена распродала наши вещи через комиссионные магазины. А я зачастил в церковь, пребывая в беспросветной депрессии.

Тем временем почти ежедневно звонили мне по телефону незнакомые люди. Это были матери военнопленных и участники прошлогоднего митинга перед пакистанским посольством. Они настойчиво напоминали, как я призвал на митинге создать народный комитет за спасение наших солдат из афганского плена.

Матери пленников умоляли возобновить прерванное дело. Они наивно не верили мне, когда я отвечал, что бессилен им помочь по вине властей. Несчастные женщины упрямо требовали от меня невозможного. Их запальчивость была настолько страстной, что постепенно, словно мощный аккумулятор, вывела меня из душевной комы. И заставила размышлять: как гальванизировать убитый афганский комитет?

Листая московские газеты, я принялся выписывать объявления о массовых собраниях в различных клубах и домах культуры. Почти все приглашали на танцы, концерты, викторины, лотереи. Но помимо развлечений мне попался февральский анонс выступления популярного тележурналиста Александра Политковского в доме культуры имени Серафимовича.

Вечерняя встреча с телезвездой называлась «Устный выпуск программы «Взгляд». Эта молодежная телепередача уже прославилась на всю страну своей задиристой критикой политических устоев. А общение Политковского с публикой предвещало немало антикремлевских откликов его слушателей. Такая аудитория показалась мне наиболее подходящей для попытки вновь упомянуть трагедию наших военнопленных.

В сумрачном переулке рядом со значным Тишинским рынком дом культуры имени Серафимовича занимал часть невзрачного старого здания. Однако внутри концертный зал был неожиданно велик и целиком за-

полнен москвичами. Они поощрительно внимали словам их любимца — седого паренька в простецком свитере на сцене у микрофона.

Что говорил в тот вечер Политковский — не помню, к сожалению, сегодня, так как нервно ждал начала последующей дискуссии и возможности тоже высказаться.

Политковский, сделав миниакт, просматривал поданные ему из зала записки, когда мне позволили подняться на сцену. Шум разговоров сменила полная тишина, как только зал услышал о муках в чужеземных ямах наших беспомощных мальчишек, мруших от голода, побоев, афганских эпидемий. Просьба создать им на выручку народный комитет вызвала шквал аплодисментов и одобрительных возгласов.

На сцену выскочили несколько женщин, предлагая наперебой составить комитет здесь же немедленно. По залу передавали из рук в руки листок для записи активистов общественного комитета. Организатор собрания — худрук дома культуры Евгения Поплавская — объявила, что предоставит для работы комитета свой кабинет. В тот февральский вечер меня духовно воскресила беспредельная доброта моего народа.

Большинство учредителей нового комитета составили женщины. Они дали их детищу нежное имя «Надежда». Вести о появлении московской «Надежды» достигли провинциальных семей военнопленных. Они создали филиалы нашего комитета в Ленинграде, Владимире, Тольятти, Волгограде.

Матери пропавших без вести солдат Анна Горбунова из сибирского Усть-Илимска и Ада Семенова из грузинского Цхинвали прилетели в Москву и деятельно подключились к столичному комитету. Теперь все эти активисты полагались на меня: среди них я был единственным востоковедом, владел английским и пакистанским языком урду, путешествовал ранее по Афганистану и Пакистану, имел многолетний опыт общения с зарубежными дипломатами.

Месяц спустя после рождения «Надежды» я уговорил пакистанского посла Абдула Саттара вторично принять матерей пленных солдат. Посол встретил их с неподдельной сердечностью, потчевал конфетами, чаем, халвой. Сказал, что сам он в молодости во время боев на индо-пакистанской границе попал в плен и хлебнул сполна концлагерных невзгод.

Саттар взял у нас два письменных послания — премьер-министру Беназир Бхутто и временному правительству моджахедов в пакистанском Пешаваре. Мы просили разрешения приехать туда с целью выяснить препятствия к освобождению сограждан. Посол заявил, что рассчитывает вскоре получить позитивный ответ своего правительства и моджахедов.

Но поддержка пакистанского посла не могла никак избавить меня от кучи отечественных проблем. Как опальному газетчику стереть клеймо «невъездного» за границу? Где раздобыть иностранную валюту на визит в Пакистан делегатов самостоятельного комитета? Как убедить Въездную

комиссию ЦК КПСС санкционировать выдачу загранпаспортов нашей делегации? Где найти мне, «персоне нон-грата», более приемлемую властям солидную фигуру для руководства делегацией?

Миновать преграды помогла случайность: меня позвал повидаться литератор Александр Проханов. Мы познакомились ранее в редакции «Литгазеты», которая печатала весьма часто его военные репортажи из Афганистана. Затем он издал повесть «Дерево в центре Кабула» и вручил мне с дарственным автографом.

К весне 1989 года Проханов возглавил малоприметный журнал «Советская литература», чья значимость уступала многократно известности и статусу главного редактора, занимавшего престижный пост секретаря правления Союза писателей.

Книги, новеллы, статьи Проханова были насыщены тематикой кровопролитных войн и воспевали ракетно-ядерную мощь советской армии. Недруги баталиста прозвали его «соловьем Генштаба». Он был допущен в высшие сферы министерства обороны СССР.

Проханов предложил мне, безработному, сотрудничать в его журнальчике. Приглашение оказалось, впрочем, странным: я получал работу лишь временно на несколько месяцев. Оклад назначался мизерный – 150 рублей. Это была мелкая подачка с испытательным сроком моей лояльности, как я понял, по милости тех верховных сил, которые прежде сочли чрезмерным покарать меня «психушкой». Кнут и черствый пряник – древняя политика властителей.

Однако 150 рублей все же лучше, чем вовсе ничего. Да к тому же никто, кроме Проханова, не снизошел до полунищенского подаяния мне. И я высказал ему благодарность, не фальшивя, за его человеческий поступок. Придираться к нему тем более мне негоже, ибо я сам тут же ухитрился подцепить его на свой крючок.

Московская пресса уже взхлеб стыдила Проханова за его недавние славословия советским войскам в Афганистане. А я подсказал ему способ заткнуть рты хулителям – возглавить делегацию «Надежды» для спасения наших ребят из плена. Проханов, естественно, согласился. И добился в мае распоряжения ЦК КПСС выдать восьмерым делегатам «Надежды», включая меня, загранпаспорта с выездными визами.

Добычей валюты я обязан моему давнему приятелю Владимиру Маслину. Мы повстречались 20 лет назад в джунглях Лаоса. Там и в соседнем Вьетнаме полыхала долголетняя война. Меня с Маслиным занесло на фронтовую базу лаосцев, которых ежедневно утопили американские ВВС фугасными бомбами и напалмом. Мы уцелели чудом. И это породило нас будто братьев. Хотя потом расстались на два десятилетия, посевший Владимир обнял меня и расцеловал, когда я вошел в его кабинет в старинном особняке на Остоженке.

Маслин стал депутатом Верховного Совета СССР и первым заместителем главы «Фонда мира» Анатолия Карпова. Едва я начал рассказывать

Владимиру о потребности финансировать пакистанскую миссию «Надежды» на помощь нашим военнопленным, как мой друг прервал меня:

- Наш фонд, Иона, обеспечит вас валютой и авиабилетами.

То же самое повторил день спустя король шахмат Карпов. Подтвердилась поговорка: не имей сто рублей, а имей сто друзей. Или хоть одного такого, как Владимир.

31 мая посол Пакистана вызвал меня и уведомил о согласии Беназир Бхутто и вождей моджахедов принять посланцев «Надежды». 17 июня мы приехали в московский аэропорт Шереметьево. Наша восьмерка состояла из трех матерей и одного отца военнопленных, руководителя делегации Проханова и трех сопредседателей «Надежды» — Поплавской, меня и кинорежиссера-документалиста Владимира Акимова.

После таможенной инспекции и сдачи багажа делегация вдруг утратила на пограничном контроле одного человека — меня. Офицер-пограничник, взяв мой паспорт, полистал какой-то служебный блокнот и сказал:

- Вы никуда не полетите.

- Почему?

- Вам запрещено.

- Не может быть!

- Отойдите в сторону.

- Но раз мне выдан загранпаспорт с выездной визой, то стало быть отлет разрешен.

- Разберемся. Спорить не надо.

Семеро моих спутников остолбенели подобно персонажам заключительной сцены гоголевского «Ревизора». Они лишились в миг переводчика, поводыря, наставника, знатока азиатского Востока, изобретателя всех наших проектов.

Между тем офицер с моим паспортом покинул его стеклянную будку и скрылся за железной дверью в глухой стене. Что за ней происходило — не знаю. Однако догадываюсь, что оттуда звонили на Лубянку. И доложили о перехвате субъекта, чье имя полгода назад пополнило список подлежащих поимке при поползновении пересечь советские границы.

Но тогда зачем же дали мне загранпаспорт и визу? Эта загадка растянулась на двадцать томительных минут.

А потом через железную дверь вышел пограничник, вернул мне паспорт, козырнул и промолвил:

- Все в порядке. Идите на посадку.

Когда авиалайнер взлетел, и все отстегнули ремни кресел, я заплатил стюардессе за двойную порцию коньяка и проглотил его залпом. Полегчало! Моя суровая Родина отпустила наконец-то меня к злобещим моджахедам.

Спустя пять часов мы приземлились в субтропическом Карачи. После дождливой Москвы нас опалило пекло каменной жаровни города с

десятиллионным населением. По горячему асфальту душных улиц сновали толпы закаленных зноем пакистанцев, тысячи юрких моторикш и вереницы пестрых автомобилей, раскрашенных многоцветными узорами. Беспрестанные автогудки, звонкая музыка из открытых харчевен и мегафонное завывание мусульманских муэдзинов сплетались в оглушительный оркестр экзотического края.

Я вернулся на влекущий континент моих странствий в молодости — Пакистан, Индия, Непал, Иран, Таиланд, Индонезия. Сказочные храмы, древние замки, дворцы махараджей, жалкие хижины бедноты, хаос грязных базаров, людской муравейник трущоб. На сельских пустошах и в рощах — буйволы, обезьяны, слоны, верблюды, аисты.

Колдовским очарованием этих земель я заразился еще в юности от Киплинга, Рериха и моих студенческих преподавателей в Институте востоковедения. А первая любовь, как известно, не умирает до твоей кончины.

На следующее утро мы перелетели из Карачи на север в Исламабад, где нас окружили в аэропорту газетчики, фоторепортеры, телевизионщики. Советских было двое, остальные — пакистанцы и западники. С того дня и до нашего отлета домой местные корреспонденты ежедневно освещали в прессе визит делегации «Надежды».

Событие сочли сенсационным в основном потому, что впервые советская дипломатия передоверила нечиновным выдвиженцам общественности и родие военнопленных вести судьбоносные переговоры с вооруженными врагами Кремля.

Всех интересовала, во-вторых, непредсказуемая реакция моджахедов на рискованный приезд к ним ненавистных русских. На любой нашей встрече с разными группами моджахедов могло ведь и так случиться, что какой-нибудь афганский боевик, вспомнив убитого советскими солдатами родного брата, отца или друга, решил бы отомстить пулей либо ударом кинжала.

Два первых дня в Исламабаде заняли беседы и церемониальные чаепития с нашими официальными опекунами — руководителями пакистанского министерства иностранных дел. Нас принял сперва заместитель министра Ашраф Джахангир Казии, а затем и сам министр Якуб Хан. Он изумил московских гостей своим приветствием и разговором на русском языке. Министр, сухопарый бодрый старик, объяснил, что сражался в годы мировой войны в рядах британских войск против немецкого десанта фельдмаршала Роммеля в Африке, попал в плен, был отправлен в Германию и там в лагере военнопленных общался с русскими, от которых перенял их язык.

Это было для нас вдвойне удивительно: ведь Пакистан — отнюдь не безупречный образец государственной демократии, но даже тут, в отличие от нашей страны, встреченные нами бывшие военнопленные — Якуб Хан и его московский сослуживец Саттар — сделали каждый беспрепятст-

венно блестящую дипломатическую карьеру. И не стеснялись вслух вспоминать свое прошлое пребывание в зарубежном плену. Очень непохоже, увы, на современную Россию!

Родители пропавших без вести в Афганистане советских солдат — Анна Горбунова, Эмилия Крылова, Ада Семенова, Алексей Амелин — растроганно выслушали обращенные к ним слова пакистанского министра:

— Я лично искренне сочувствую горю матерей и отцов российских военнопленных. Моя мать тоже долго страдала, пока я был в плену. Я обещаю вам помочь, чем смогу. Наше правительство считает вашу миссию здесь чисто гуманистической и потому достойной всяческой поддержки. Ради помощи вам я встретился и побеседовал с крупным вождем афганских моджахедов Гульбеждином Хекматъяром. Он занимает во временном правительстве моджахедов пост министра иностранных дел. Я убедил его оказать вам гостеприимство. Однако не хочу слишком обнадеживать вас: ваши переговоры с моджахедами будут нелегкими. Приготовьтесь к этому. Вместе с тем знайте, что с пакистанской стороны вы можете твердо рассчитывать на действенное сострадание к вам премьер-министра Беназир Бхутто.

Заместитель министра Ашраф Джахангир Кази напутствовал нас перед выездом в Пешавар по-деловому:

— У нас в Пакистане есть определенное влияние на лидеров моджахедов. И мы намерены вам содействовать, разделяя скорбь родственников пленных советских солдат. Но прошу помнить: на территории Пакистана нет ваших военнопленных. Повторяю: наши высшие власти официально заверяют, что у нас нигде нет в неволе ваших солдат.

Это отрицание общеизвестного факта было сформулировано как дипломатическое предостережение: московские гости могут уповать на успех только ценой их молчаливого отказа от прежних претензий к пакистанским властям.

Возражать было, по-моему, бессмысленно. То же самое понял и руководитель делегации Проханов. Мы решили, что нам и семьям трехсот пленников в конечном счете не так уж важно — из каких ям по обе стороны пакистано-афганской границы удалось бы вернуть к родному очагу полуживых мучеников.

В Пешавар к моджахедам мы отправились в небольшом автобусе. Впереди него и позади ехали два грузовика с пакистанскими солдатами, вооруженными карабинами. Без происшествий одолели 180 километров шоссе и пути. Промелькнули кишлаки, поля, скалистые горы и речные берега изумрудно-голубого Инда.

В центре Пешавара нас привезли к отелю, где наши стражи остались у парадного входа. Помимо того они дежурили посменно в тупиковом коридоре гостиницы с комнатами для делегатов «Надежды». Охрана была

круглосуточной. По ночам в коридоре у наших дверей дремали на циновках смуглокожие стрелки.

Утром мы проехали через весь Пешавар на западную окраину к резиденции временного правительства моджахедов. Посреди города на холме возвышались серокаменные башни и крепостные стены военного замка Балахисар, сооруженного тут пятьсот лет назад Великими Моголами.

А вообще возраст Пешавара – 25 веков. Древний город возник южнее Сулеймановых гор у жерла Хайберского перевала на исторической дороге кочевников, караванщиков и завоевателей всех эпох – ариев, античных греков, гуннов, монголов, скифов, арабов, персов, англичан.

Многонациональная смесь культур с исламом воплотилась в архитектуре старых кварталов: узкие улочки стиснуты трехэтажными домами с затейливо-барельефными фасадами, колоннами между стрельчатых окон с узорно вырезанными ставнями, длинными балконами с деревянным кружевом решеток.

На первых этажах распахнуты напоказ лавки с рулонами ярких тканей, орнаментированными самоварами, кувшинами и чайниками, ювелирной мишурой, кожаными сандалиями и барашковыми папахами, восточными сладостями и фруктами. На керосиновых горелках жарятся и остро пахнут шашлыки. На мостовых толкутся бородачи в рубашках поверх широченных шаровар, женщины под темно-зелеными чадрами, ослики и лошади с допотопными повозками. Чудится, будто снится тебе «Тысяча и одна ночь» персидской сказочницы Шехерезады.

Пешаварскую идиллию частенько нарушает уличная стрельба. Так здесь обычно празднуют свадьбы или завершают бытовые ссоры по любому поводу. Многие горожане открыто разгуливают с пистолетами на поясе или автоматом на ремешке через плечо. У самых отчаянных грудь перекрестнута крестообразно кожаными лентами патронташей.

И повсюду – витрины оружейных магазинов, продающих кому угодно винтовки, револьверы, боеприпасы. Местные жители, воинственные пуштуны, издавна имеют право обладать оружием. А к ним добавились тысячи прибывших сюда через близкую границу вооруженных до зубов моджахедов. Их палаточные лагеря и прифронтовые базы опоясали Пешавар.

Утром 21 июня едва наш автобус и охрана подъехали к штабу моджахедов, как вблизи на улице гулко громынуло. Это взорвалась, как выяснилось, какая-то бомба. Ее везли вслед за нами на мотороллере двое мужчин – афганец и пакистанец. Мишень террористов осталась неизвестной: обоих седоков мотороллера разорвало в клочья. Кровавые ошметки их тел разметало на сто метров по улице и придорожным деревьям.

Появившаяся полиция установила, что бомба весом в полтора килограмма была снабжена самодельной шрапнелью – острыми гвоздями. Убийный сюрприз, однако, вряд ли предназначался нам. Ведь бомба взо-

рвалась случайно. Так или иначе, но четверо женщин нашей делегации не оробели. Не зря вот про таких слагались стихи: «Коня на скаку остановит, в горящую избу войдет».

Эмигрантское правительство моджахедов обосновалось в доме за трехметровым бетонным забором с железными воротами. Их приоткрыли и ввели нас во двор, где выстроились шеренгой боевики моджахедов, держа в руках автоматы Калашникова.

Переступив дверной порог дома, мы, договорившись загодя, сняли обувь. В угоду мусульманским нравам наши женщины были во всем черном — платья, чулки, головные косынки.

Сопровождавший нас моджахед провел делегацию в большую комнату. Там на диване и стульях разместилось полдюжины командиров моджахедов. А напротив них стояли еще два дивана для посетителей. В отдельном кресле сидел седобородый вождь — избранный моджахедами президент Сибхатулла Моджадеди.

Именуясь президентом, Моджадеди возглавлял, однако, самую малочисленную из семи боевых группировок, образовавших правительство моджахедов. Внутри их сообщества, прозванного «альянсом семи», каждый атаман стремился подчинить себе остальных, а посему они сговорились провозгласить своим президентом наислабейшего, дабы он не смог поднять силой всех прочих партнеров временного компромисса.

Кроме личных амбиций вождей моджахедов среди них существовал всегда раздрай из-за религиозных и этнических факторов: большинство составляли мусульмане сунниты и пуштуны по национальности, а меньшинство — афганские таджики, узбеки и хазарейцы, приверженцы исламского шиизма с ориентацией на шиитский Иран.

Штабы этого зыбкого конгломерата сосредоточились в пакистанском Пешаваре лишь потому, что здесь негласно распределялись меж них сотни тонн американского оружия — пулеметы, зенитки, снаряды, автоматы, патроны, гранатометы, мины, противоавиационные «Стингеры». Плюс медикаменты и военные рации. Раздача велась пакистанцами, что позволило им дирижировать афганским «альянсом семи». А так как все семеро держали порознь своих советских пленников, то мне предстояло с Прохановым политически музицировать на восьми непослушных нам азиатских инструментах.

Между тем сидевший перед нами седой президент моджахедов был сам искушенным политиком, профессором теологии, опытным воином и знатоком четырех иностранных языков. Он много путешествовал, жил раньше в Кабуле, участвовал в дворцовых интригах афганского королевства, провел за это почти пять лет в тюрьме, бунтарствовал и сражался четверть века. Однажды в Пешаваре он так бурно повздорил со своим министром иностранных дел Хекматъяром, что оба выхватили пистолеты и чуть не пристрелили друг друга. Его благообразная внешность, как я знал, была обманчива.

После обмена приветствия^{ми} и взаимными пожеланиями здоровья Моджадеди угостил нас чаем и произнес вступительную речь о преступной греховности советского вторжения в Афганистан. Мы не перечили. Проханов сказал, что матери военнопленных не виновны в убийственных ошибках высших политиков и умоляют отпустить домой их детей. Я переводил на английский. А с него на русский ответ Моджадеди:

- У нас есть в плену ваши солдаты, но ведь и мы потеряли на войне без вести сорок тысяч наших сородичей. У меня самого пропало 109 родственников, включая моего брата. Где они? Живы или погибли? Я слышал, что некоторых увезли в вашу Сибирь. Как их вернуть?

- Афганских пленников нет в Советском Союзе, - уверял Проханов. - Наши войска навсегда ушли из Афганистана. Мы будем в Кабуле просить Наджибуллу обменяться военнопленными. Обратимся в Москве за поддержкой к Горбачеву. А сейчас давайте начнем тут хотя бы с малого жеста доброй воли. Отпустите несколько наших парней. Ваших будет освобождено намного больше. Потом возможен обмен всех на всех.

- Но мы никого не удерживаем насильно, - усмехнулся Моджадеди. - Мы говорим пленным советским солдатам: хотите - уходите от нас, а хотите остаться - пожалуйста. Мы содержим пленных в Афганистане, однако один из них оказался сегодня поблизости. Можете с ним повидаться и забрать его, если он согласится. Желаете?

- Конечно!

Моджадеди скомандовал что-то на пушту. Из комнаты вышел моджахед и через пару минут вернулся с худым светловолосым пареньком. Малорослый и щуплый, он выглядел пацаном. Одет в долгополую рубаху, шаровары, сандалии на босу ногу. На голове - блиноподобная шапка-афганка из войлока. Глаза испуганно потуплены. Ладони опущенных рук сплетены так, будто связаны веревкой. Стал посреди комнаты и застыл.

К нему бросились матери военнопленных. Обнимали, гладили его поникшие плечи, всхлипывали:

- Кто ты, родной?

- Меня звали прежде Андреем. Фамилия - Лопух. Я из Белоруссии. В плену с августа 1988 года.

Вмешался приведший его моджахед:

- Ныне его имя Дин Мохаммад. Можете задавать ему вопросы. Но сначала он скажет - хочет ли вернуться в Россию.

Дальнейший разговор с бывшим Андреем шел по-русски, а его надзиратель-моджахед переводил на пушту. Это было, впрочем, излишним лицемерием. Почти все наши афганские собеседники, судя по выражению их глаз, владели вполне сносно русским языком.

А псевдопереводчик, с которым я позже встречался многократно, оказался экс-генералом кабульской армии, постигшим в Москве воинское искусство в Академии генерального штаба Советской Армии. Ее выпуск-

ник – генерал Яхья Науроз. Последний раз я общался с ним в 1992 году в захваченном моджахедами Кабуле.

– Я хочу остаться с моими братьями-моджахедами, – говорил тихим голосом Андрей-Мохаммад. – Я принял мусульманство. Я осуждаю зверства советских войск в Афганистане. Я не хочу больше убивать афганцев. Они хорошие люди...

– Правда, что не хочешь домой? – встрепелась Ада Семенова.

– Я не могу. Все... У меня жизнь оборвалась,

– Что сказать твоей матери?

– Чтобы простила.

– За что?

– Что стал мусульманином.

– Как у тебя со здоровьем?

– Здоровье у меня крепкое.

Мы попросили Моджахеда разрешить пленнику написать коротенькую записку его матери. Моджахеда шепотом стали встревоженно совещаться. Просьба явно нарушала спланированный ими загодя сценарий нашего свидания с их невольником. Но все же позволили. Ему дали бумажку и авторучку.

Записку взял сперва генерал Науроз и молча прочел. Пересказал Моджахеда. Затем письмецо отдали нам. Оно было адресовано Марии Николаевне Лопух в деревню Гречиха Брестской области. Копию я храню:

«Здравствуйте мои дорогие родные мама, братики Генка, Ванька, Юрка, Витька. В первых строках своего небольшого письма хочу сообщить, что жив, здоров, чего и вам. Пишу это маленькое письмо из Пакистана. Я и сам не думал, что жизнь меня круто повернет в не ту сторону, в которую хотелось бы. Простите меня за все. А про меня забудьте, будет лучше вам и мне. Я здесь принял веру мусульманина, то есть веру в единого бога. Вот и все. На этом заканчиваю свое письмо. До свиданья. Все-го вам наилучшего. Желаю вам счастья. Андрей.»

После передачи нам записки в суматохе прощания с пленником он успел шепнуть Проханову:

– Жив буду – вернусь.

Когда его увели, моджахеда наперебой затеяли с нами базарный торг, принятый у них на рынках при показе продавцом образца товара. Вслед за тем торгош требует нахально завышенной оплаты, а покупатель упрямо сбивает цену. Оба спорят долго и горячо, самозабвенно божатся именем Аллаха, возмущенно ругаются и весело мирятся, расстаются и сходятся опять.

А тот, кому претит сия процедура, никогда не добьется ничего на Востоке. Но в данном случае требовали с нас расплаты вовсе не деньгами.

Суммарно моджахеды домогались взамен советских пленников получить от Москвы обширный набор компенсаций:

- прекратить поставки советского оружия армии кабульского президента Наджибуллы;

- предоставить моджахедам советские карты всех минных полей в Афганистане;

- публично обещать возмещение за весь причиненный афганцам ущерб от советского вторжения в их страну;

- выяснить поименно судьбы 40 тысяч пропавших без вести бойцов и родственников моджахедов, а уцелевших в кабульских тюрьмах освободить;

- вернуть в Афганистан из СССР увезенных якобы туда арестантов и четыре тысячи афганских детей, эвакуированных в советские интернаты.

Две последние претензии мы предложили вскоре урегулировать: подготовить визит к нам делегации моджахедов и показать им с разрешения наших властей любые советские тюрьмы и детские интернаты. Если найдут у нас за решеткой каких-нибудь афганцев, включая осужденных уголовников-эмигрантов, то смогут с их согласия забрать оттуда в Афганистан.

Одновременно делегация моджахедов смогла бы проинспектировать детские интернаты, где действительно спасли от афганской войны двести тысячи эвакуированных детей служащих кабульского режима. Дальнейшую участь этих малышей их родители были вольны согласовать добровольно с моджахедами.

Остальные запросы моджахедов мы обещали обязательно передать советскому правительству с расчетом получить от него первоначально армейские карты минных полей в Афганистане. Большого посулить мы, общественники, никак были не в праве.

Но моджахеды оценили невысоко лишь устные наши векселя. На их базарах ничего не продается в кредит. Там подавай наличные. Подобного у нас не было.

И стало ясно, что уедем из Пешавара ни с чем, а потом придется заново возвратиться сюда, но уже не с пустыми руками. Пока же надо было по крайней мере упрочить и расширить максимально начатые переговоры с вождями моджахедов...

Из резиденции Моджадеди мы отправились к Верховному судье правительства моджахедов Саяду Ахмаду Гейлани. Цветущий сад окружал его роскошную виллу. А на ее дворе стояло несколько дорогостоящих джипов новейших моделей. Гейлани – самый богатый среди предводителей моджахедов.

Он женат на племяннице бывшего афганского короля Захир Шаха, жившего эмигрантом в Риме. Командир воинства Гейлани генерал Рахим Варлак – воспитанник американской военной академии Уэст Поинт. Весь семейный клан Гейлани – сливки племенной аристократии Афгани-

стана. Позже я на протяжении трех лет общался не раз с Гейлани, облаченным обычно в шегольской французский костюм с гвоздикой на лацкане пиджака.

Но в тот день Гейлани был одет нарочито в афганские шаровары и рубашу навыпуск с жилеткой. Вальяжно развалившись в тронном кресле, он изрек часовой монолог, повторив почти слово в слово услышанные нами сентенции на приеме у президента моджахедов. Они актерствовали, очевидно, по единой заготовке.

Суфлерами были, вероятно, пакистанские власти. Нам оставалось набраться терпения и стойко ничем не выказывать своего недовольства и печали, охватившей матерей военнопленных. Их призывы к Гейлани милосердно освободить сыновей оказались тщетными.

Третья встреча была с Хекматъяром. Его штаб походил на военный городок: приземистые казармы оцеплены глинобитными стенами-дувалами с колючей проволокой поверху. На углах ограды – сторожевые вышки пулеметчиков. И такая цитадель была у него не одна. По обе стороны афгано-пакистанской границы он располагал сетью боевых полигонов, баз, оружейных складов. Под ружьем у Хекматъяра, по его словам, находилось тогда 175 тысяч моджахедов.

Внутри одной казармы нас пригласил войти мой прошлогодний знакомый из Нью-Йорка – бородач Харьяб, политсоветник Хекматъяра. Вокруг продолговатого стола с бутылками газированной воды и лепешками уже поджидали нас мрачные соратники вождя и десяток пакистанских газетчиков и телевизионщиков с наплечными камерами.

Впоследствии я узнал из местной прессы, что наше randevu с Хекматъяром он возжелал преподнести как неофициальное признание Москвой правительства моджахедов, а его самого – министром иностранных дел. Ради этого было достаточно, если бы я или Проханов, здороваясь с хозяином резиденции, назвали его «господином министром». Но когда он торжественно появился, я при обмене приветствиями вывернулся из щекотливой ситуации: титуловал Хекматъяра расплывчатым «вашим превосходительством». Об этом иронизировали потом в газетных репортажах.

Хекматъяр вошел со зменстой улыбкой на тонких губах. Улыбается он неестественно и очень редко. А темные глаза на костистом лице, словно раскаленные угли, искрятся зловещими огоньками. Его приспешники называют их кумира «стальным человеком». Он любит носить одежду и чалму черного цвета. В делах и речах он неприкрыто культивирует фанатичную ненависть и жестокость к своим врагам. В его облике и впрямь есть что-то дьявольское. И этим он бравирует. Сей устрашающий персонаж будто сошел с киноэкрана голливудских «фильмов ужасов».

Продолжая недобро ухмыляться, Хекматъяр заговорил, повторив предыдущие словеса Моджадеди и Гейлани. А от себя добавил:

- Раз вы просите у меня сострадания к вашим сыновьям в плену, то позвольте спросить: кто пожалеет и спасет тысячи наших сынов, дочерей, братьев и сестер, исчезнувших безвестно после советского вторжения? Моего отца и двоих братьев казнили афганские коммунисты. Они арестовали всю мою семью и подвергли пыткам. Мою мать так избивали, что она поныне не может вылечиться. Сейчас мы покажем вам жертвы ваших войск. И проверим искренность вашего сострадания!

Нас повели во двор, где стояли и сидели полукругом сорок калек, израненных на войне. Потерявшие ногу горбились на костылях. Лишенные руки или обеих рук шевелили обнаженными культями. Совсем безногих рассадили на стульях. Инвалиды со шрамами на груди и животе распахнули рубахи. Зрелище было жуткое! Хотя уже стемнело по-вечернему, выставку калек освещали фонари, фотовспышки репортеров и лучи ламп телеоператоров.

Харьяб указал матерям военнопленных на изуродованных афганцев:

- Подойдите к ним поближе.

Ошеломленные женщины гипнотически зашагали вдоль полукольца инвалидов. Рыдали, утирали слезы, пошатывались. Опасаясь их обмороков, мы, четверо мужчин, подхватили под локти наших спутниц. А фотографы подсакивали к нам во всех сторон и снимали в упор на фоне искореженных людских тел.

Хекматъяр взмахнул рукой, и сорок хриплых глоток грозно заголосили хором:

- Аллах акбар!

И еще дважды:

- Аллах акбар! Аллах акбар!

Хекматъяр подошел ко мне:

- Вот видите сами: если я отдам вам просто так ваших солдат, то мои моджахеды перережут мне глотку.

Он, кажется, не лгал.

В заключение Хекматъяр согласился принять от нас список военнопленных и выяснить – есть ли среди них живые в его распоряжении. Об этом пообещал в дальнейшем уведомить. Но и только. Безвозмездное освобождение исключалось.

Подавленно уставшие делегаты «Надежды» вернулись в Исламабад. Перед отлетом в Москву нам было обещано свидание с Беназир Бхутто, но встреча с ней почему-то откладывалась со дня на день. Хлопотавший за нас министр иностранных дел Якуб Хан столкнулся, очевидно, с противодействием столичного генералитета, который издавна доминировал в политической жизни Пакистана и свергал не раз неудобных премьер-министров.

Местные военачальники приняли начавшийся уход из Афганистана советских войск за пораженческое отступление. И решили это использовать для подчинения афганцев огнем и штыками рати своего ставленника

Хекматъяра. Агрессивным генералам в Исламабаде были совсем не к стати наши мирные переговоры об обмене военнопленными.

А нам было тем более важно, как я считал, привлечь главу правительства к переговорам ради их продолжения и обеспечить тем самым наш второй визит к моджахедам в Пешавар.

Иное мнение исходило от посольства СССР в пакистанской столице. Замещавший уехавшего посла временный поверенный Валерий Калугин убеждал нашу делегацию:

- Вы уже сделали здесь свое дело. А мы его продолжим. И будем информировать вас обо всем через московский МИД. Что же касается Беназир Бхутто, то я бы, будь на ее месте, не принял бы вас. Зачем ей это? Со всем ни к чему. А с вами у нас будет связь, переписка. Ну, что еще вы хотите?

- Чтобы наше дело в переписке не затухло! – рассердилась на него мать военнопленного Ада Семенова.

Делегация решила упорно ждать встречи с Бхутто до нашего последнего гроша на питание и жилье в самой дешевой гостинице. Уклонился от этого только один Проханов. У него были, по его словам, неотложные дела в Москве. И он туда улетел, а руководить делегацией остался я. Будучи изначально казначеем, я изловчился экономно растянуть наш скудный остаток валюты аж на две недели.

Проханов в Москве немедленно опубликовал в центральных газетах серию репортажей о наших переговорах с моджахедами. Рассказал все увлекательно и верно, хотя единственным творцом всего изобразил себя. За это его потом бранили обиженные делегаты «Надежды». Но не я. Ведь главную роль ему преподнес я сам. И уверен до сих пор, что игра стоила свеч по большому счету.

Четырнадцать скучных дней заняла непредвиденная оттяжка нашей встречи с первой женщиной-правительницей за всю мужевластную историю мусульманского мира. 38-летняя красавица Беназир, что означает «Несравненная», доказала независимую силу своего характера вопреки принадлежности к «слабому полу». Еще девушкой она подверглась адской закалке, когда пакистанские генералы свергли ее отца, премьер-министра, и казнили его. А дочь обрекли на шесть лет ареста и два года зарубежной эмиграции. Об этом она вспомнила на ее встрече с русскими матерями военнопленных:

- Я тоже, как и вы, много страдала, Потеряла любимого отца. Потеряла погибшего брата. Недавно у меня родился сын, и я не хочу, чтобы мой малышка был в будущем так же несчастен, как ваши сыновья-солдаты. Я понимаю вашу боль и постараюсь помочь как мать другим го-рюющим матерям.

Она говорила по-английски без всякого акцента благодаря прошлым годам ее учебы в наилучших заморских университетах – американском

Гарварде и британском Оксфорде. Ее слова вызвали сердечный отклик у московских собеседниц:

- Всей душой благодарим вас от имени трехсот матерей советских пленных, - сказала Эмилия Жукова. - Мой сын пропал в Афганистане без вести пять лет назад. Для меня это пять лет ежедневного отчаяния. И по ночам снится мне мой мальчик. Теперь вы моя надежда. Но как смягчить жестокость моджахедов?

- Они, как вы убедились, жесткие люди, - ответила госпожа Бхутто. - Такими их сделала прискорбная война. Мы просили временное правительство моджахедов отдать вам поначалу хотя бы трех военнопленных или хоть одного. Очень сожалению, что этого не произошло. Однако наши власти будут и впредь уговаривать моджахедов проявить гуманность. Я надеюсь, что вы успешно посетите Кабул и добьетесь там начала обоюдного освобождения военнопленных. Молю Аллаха, чтобы бог дал вам силы выдержать все ваши трудности...

Итог аудиенции, коли отсечь словесное сочувствие и ответное спасибо, свелся опять к неизбежной перспективе - получить в Кабуле у Наджибуллы тамошних невольников для обмена в Пешаваре на наших.

С этим мы пришли спустя десять дней в Кремль на прием у Михаила Сергеевича Горбачева, Генерального секретаря ЦК КПСС и Председателя Верховного Совета СССР. Доступ к нему оказался для нас на редкость легким. Газеты уже расписали нашу предыдущую встречу с пакистанским премьер-министром, а после этого Горбачеву требовалось продемонстрировать всенародно свою заботу о согражданах в афганском плену.

Вдобавок советское руководство сочло общественный комитет «Надежда» удобным внешнеполитическим инструментом, так как он избавлял Кремль от государственных переговоров с моджахедами. Такие переговоры были бы равнозначны публичному оскорблению кабульского президента Наджибуллы.

Встреча с нами была для Горбачева настолько своевременна, что о ней напечатали на первых страницах газет официальное коммюнике ТАСС и панорамную фотографию участников беседы вокруг генсека за круглым столом.

Получасовой разговор состоял на 25 минут из пространных рассуждений Горбачева об уходе наших войск из Афганистана, о соболезновании семьям убитых и пленных солдат, о благотворности усилий «Надежды», о желании нашего правительства помочь военнопленным через ООН и власти США, Пакистана, Афганистана. Заливаясь слезами, Михаил Сергеевич будто позабыл, что даже птичку баснями не кормят. Но его гости, к сожалению, почтительно помалкивали. А генсек покровительственно изрек:

- Давайте заниматься всем этим вместе!

- Извините, Михаил Сергеевич, - отважился я. - Можно сделать вам практическое предложение?

- Что? Практическое? – удивился он.

Было видно, что он совсем отвык от прерывающих его витийство реплик. Однако я, опасаясь встречи с ним впустую, поспешил высказаться:

- Попросите лично, пожалуйста, президента Наджибуллу принять в Кабуле нашу делегацию и отдать нам из его тюрем группу моджахедов для обмена на наших военнопленных. Но обмен невозможен, как мы убедились, без негласного одобрения пакистанских властей. А несколько их агентов тоже сидят в кабульской тюрьме. Этих заключенных надо бы вернуть Пакистану и таким образом удовлетворить его правительство.

Горбачев обернулся к сидевшим рядом с ним его политическому советнику и председателю одной из двух палат Верховного Совета СССР академику Евгению Примакову:

- Какое у тебя мнение об этом?

- Предложение выполнимо.

- Сколько нужно моджахедов? – спросил у меня Горбачев.

- На первый раз минимум 25.

- Ладно. Товарищ Примаков подготовит текст моей телеграммы Наджибулле. Все?

- Да. Огромное спасибо.

- Ну, вот и хорошо. Желаю удачи в Кабуле.

После прощания с Горбачевым академик Примаков вышел проводить нас. Я обменялся с ним рукопожатием. Познакомился с Евгением Максимовичем еще в его бытность корреспондентом «Правды» в арабских странах. Я знал, что на него можно положиться. Не подведет.

На следующее утро в коммюнике ТАСС фигурировал такой абзац:

«В ходе беседы были обсуждены также некоторые конкретные вопросы, связанные с возвращением на родину советских военнопленных. Встреча прошла в исключительно сердечной и откровенной обстановке».

Суть «конкретных вопросов» нельзя было прежде разглашать. Но сегодня это всего лишь архивный эпизод из истории советского периода России. Точно также теперь уже незачем утаивать, как раньше, дословный пересказ наших конфиденциальных бесед в Кабуле с Наджибуллой. Это было тоже продолжением пешаварского торга о военнопленных. Мне же пришлось превратиться надолго в разъездного маклера-посредника: менять «шурави», как называли нас афганцы, на моджахедов, прозванных нами на войне «духами». Судьба завела меня на восточный рынок невольников.

21 июля 1989 года делегация «Надежды» в неизменном составе вылетела пассажирским лайнером в Ташкент, а оттуда – в Кабул на борту военно-транспортного «Ил-76». Десятки таких воздушных грузовиков-гигантов курсировали ежедневно между Кабулом и аэродромами советских ВВС.

Это был наш авиамост к осажденной моджахедами столице Афганистана. Туда из СССР перебрасывали за год полтора миллиона тонн грузов

— оружие, боеприпасы, горючее для бронетехники и самолетов кабульской армии, муку, консервы, сахар, масло.

Тем временем советские города поразил свирепый дефицит продовольствия. А наша гражданская авиация чахла на голодном пайке горючего. В 1989 году вооружение и подкорм кабульцев стоил нам 5 миллиардов рублей в тогдашних ценах! Эту цифра была засекречена.

Приземление в Кабуле происходило с пятикилометровой высоты по круговой спирали. «Ил-76» резко наклонил левое крыло и снижался петлями над городскими кварталами. Вне столицы хозяйничали моджахеды и могли запросто сбить самолет американским «Стингером». Он сшибает в небе мишень, испускающую тепловую энергию, а потому «Ил-76» при спуске маскировался, раскидывая по сторонам гирлянды горящих ракеток.

То же самое повторялось при взлете оттуда. Такие фокусы даже без обстрела с земли вредны хворым сердечникам и слабонервным.

В аэропорту нас встретили правительственные чиновники и поселили в особняке, принадлежавшем некогда королевскому семейству. На следующий день нас провезли по городу, который описывать излишне: мои соотечественники сполна насмотрелись по телевизору на полуразрушенный войной Кабул. В нем мы пробыли неделю. И пережили дважды артобстрел моджахедов. Они поливали столицу ливнем реактивных снарядов и взрывчаткой с кластерными зарядами, убивавшими жителей тысячами мелких осколков.

В отместку из Кабула били по моджахедам массивными ракетами Р-300 советского производства. Разрывы этих махин испепеляли все живое на подступах к городу. Войска Наджибуллы контролировали полностью территорию лишь в радиусе 30 километров от центра Кабула. В остальных городах власти подчинялись президенту только номинально. Но даже за это он их ублажал дарами советского оружия и афганских денег, которые печатались в Советском Союзе.

Наджибулла принял нас во дворце афганских королей. Дворцовые интерьеры — сизый мрамор стен и полов, бордовые ковры, тяжелая мебель — придавали особую внушительность полнотелой фигуре президента. В молодости он увлекался спортивной борьбой и поднятием тяжестей, сохранив с тех времен богатырские плечи и широкую грудь. У него было квадратно-мясистое лицо, густые черные усы и брови, темные большие глаза на выкате, как у породистого бульдога.

Выпученные глаза Наджибуллы я не забыл поныне, ибо позже встретился опять с ним, а ему нравилось в разговоре приблизить к собеседнику свою физиономию и сверлить его пристальным взглядом, не моргая и будто читая чужие мысли. Эту привычку он приобрел, вероятно, до его президентства на посту начальника ХАД — афганской копии нашего КГБ.

В зале дворца хозяин пригласил нас сесть с ним за продолговатый стол и ограничился очень краткой фразой о сочувствии матерям совет-

ских военнопленных. Он держался неприветливо. Полученная им телеграмма Горбачева наверняка его огорчила. Кабульского президента просили обменять арестованных афганцев-моджахедов на пленных иностранцев, исключив из сделки сотни захваченных моджахедами солдат и офицеров армии Наджибуллы. Для него это по существу означало циничную работорговлю афганцами по заказу Кремля.

Между тем Наджибулла после ухода советских войск из Афганистана усиленно изображал себя патриотическим лидером и правоверным мусульманином. Он скрывал от простонародья, как только мог, свою зависимость от Москвы. Но она была столь велика из-за поставок советского оружия и продовольствия, что Наджибулла не смел ответить отказом Горбачеву и делегации «Надежды». Он сказал:

- Мы уже рассмотрели здесь переданные нам запросы комитета «Надежда». Сейчас в Кабуле отбывают тюремное наказание 2260 мятежников, их агентов и пособников. Еще 864 находятся в провинциальных тюрьмах. Поэтому мы можем предоставить вам для обмена пленных, допустим, 20 арестованных нами командиров боевиков оппозиции. Но знайте, что в Пешаваре вас обманут: своих возьмут у вас, а ваших не освободят. Нас тоже обманывали. Ранее мы отпустили из тюрем 67 командиров боевиков, так как они поклялись больше не воевать, но теперь снова сражаются против нас. Могут поступить так же и те, кого выделим для обмена. Но мы поможем вам, хотя для нас это опасно.

- Второй ваш запрос, - продолжал Наджибулла, - касается пакистанцев. У нас пойманы и осуждены 25 пакистанских лазутчиков. Мы готовы их освободить ради улучшения наших отношений с Пакистаном. Это будет жест доброй воли. Я дам распоряжение нашим министрам подготовить список командиров боевиков и пакистанцев для ваших новых переговоров в Пешаваре. На сколько человек подготовить вам список?

- Чем больше — тем лучше! — подсказал я.

Дубликаты этих списков и поныне у меня дома. Всего их четыре. На первом — перечень имен пакистанцев в кабульской тюрьме. На втором — столбцы имен арестованных моджахедов. Оба документа напечатаны по-афгански буквами арабского алфавита. И еще два списка имен тех же самых узников составлены на английском языке. Все это вручил мне отнюдь не порученец Наджибуллы, а русский генерал Владимир Павлович Зайцев.

Генерал Зайцев был шефом резидентуры КГБ в Кабуле. Его офицеры в штатской одежде размещались на двух этажах половины здания советского посольства. Там они, а вовсе не дипломаты, вершили наиболее важные здешние дела. Включая даже тюремные.

Отданные мне списки каллиграфически написал по-арабски молодой востоковед с пшеничными усами и физиономией, срисованной словно с фотопортретов Максима Горького. Сходство было не случайным, а по-

томственным. Родня великого писателя-гуманиста, как ни парадоксально, приобщилась тоже к афганской войне.

- Ради обмена наших пленных, Иона, нам ничего не жалко отдать, - наставлял меня генерал Зайцев. - Только не оплошайте в Пешаваре. Не выдавайте задарма «духов». На них даем вам список в сорок душ. Если потребуется - дадим еще хоть сотню. Второй список у вас на 25 пакистанцев. Всего - 65 человек. Разумно их обменять на наших будет непростой задачей.

Напутствие резидента я выслушал в его кабинете за двумя звуконепроницаемыми дверями. При мне он разговаривал по спештелефону с Наджибуллой, которого называл дружески «Доктором»: президент имел диплом медицинского факультета кабульского университета.

Наджибулла стал начальном ХАД и потом главой государства при московской протекции ему Владимира Крючкова, руководителя советской разведки и председателя КГБ. Оба близко знали генерала Зайцева. Благодаря их триумвиату и Горбачеву с Примаковым комитет «Надежда» оправдал в Кабуле свое название.

Под конец нам показали узников, предназначенных к обмену в Пешаваре. Все они находились в пригородной тюрьме Пули-Чархи. Это огромное сооружение было выстроено германскими зодчими в довоенном Афганистане.

Несколько трехэтажных корпусов с зарешеченными окнами оцеплены крепостной стеной. Над ней - вышки и пулеметы. Вокруг нее - танки и окопы пехоты. Тюремная стража - целый батальон. Многие годы здесь гноили преступников и безвинных людей, пытали, расстреливали. Проклятое место, чье название у афганцев давно вызывает инстинктивный страх.

В полутемных и сырых skleпax камер сидели на замызганных поло-виках изможденные мужчины в отрепьях. От 10 до 18 лет тюрьмы - такая была им кара за сопротивление кабульской власти. Среди заключенных преобладали приверженцы Хекматяра и Гейлани.

Наше появление они восприняли безучастно. Не поверили сообщению об обмене. Отвечали на вопросы вяло, неохотно или молчали. Веяло ненавистью к белокожим «шурави». Бойцы «джихада» отрешенно ждали гибели, не сомневаясь в том, что Аллах вознаградит их посмертным раем.

Внутри тюремного зала мы увидели большую клетку, где содержали пойманных пакистанцев. Среди них были и совсем молоденькие, и седовласые старики. Я разговорился с ними по-английски. Настоящих шпионов тут не было. Просто мелкие нарушители границы и лазутчики, так сказать, «одноразового использования» за ничтожную мзду. Но осудили их тоже на 10-20 лет.

Когда я рассказал пакистанцам о встрече полтора месяца назад с Беназир Бхутто, они попросили передать их правительству свое коллектив-

ное письмо. Не имея чистого листа, писали на белой картонной обертке блока сигарет. Вот перевод с английского их письма:

«Правительству Пакистана.

Мы, нижеподписавшиеся, являясь пакистанцами, заточенными в кабульскую тюрьму, смиренно просим вас помочь нам выбраться из этого невыносимого места. Выручайте нас, так как мы граждане Пакистана. Сделайте, пожалуйста, все возможное для нашего освобождения отсюда. За это милосердие мы будем вам благодарны и обязаны навеки».

Они отдали мне также записки для пересылки их семьям в Пешаваре, Кветте, Карачи. Спустя шесть недель я очутился заново в Пакистане. Но сперва мы вернулись из Кабула в Москву.

В нашей столице мы получили вдруг предательский удар. Его нанесла Евгения Поплавская — наша спутница и одна из трех сопредседателей комитета «Надежда». Это звание досталось ей за то, что она, худрук московского дома культуры имени Серафимовича, разместила в нем наш комитет.

Но вскоре Поплавская стала самовольничать: объявила через прессу сбор денег для освобождения советских солдат из афганского плена. Ее денежные поборы я потребовал прекратить, так как моджахеды не просили выкупа за пленников. Однако Поплавская не подчинилась мне и открыла на свое имя банковский счет для обильных пожертвований.

А кончила она тем, что вообще провозгласила себя единоличной руководительницей «Надежды», захватила документацию комитета и выгнала из ее дома культуры всех соучастников переговоров в Пакистане и Афганистане. Съездившие туда матери военнопленных попытались юридически опротестовать самоуправство Поплавской, но ничего не добились.

Разразившийся скандал я старался втихую замять, чтобы не сорвался второй раунд наших пешаварских переговоров. Тем временем Поплавская умножала жертвования, создала сепаратно благотворительный фонд, баллотировалась даже на выборах российского парламента, превозносила себя в газетах, по радио и по телевидению.

Ее самореклама не утихла ~~до сей день~~. Она сумела ~~недавно~~ опубликовать в «Общей газете» целую полосу с перечнем ее общественных заслуг, среди которых описала свое героичество в Кабуле летом 1989 года:

«Как-то мы взлетели из Кабула, не успели подняться, вдруг скользящее попадание ракеты, частичная разгерметизация, и самолет практически начинает падать. Начали раздавать парашюты, я а сижу, думаю: «Как за это кольцо дергать, непонятно, а главное, на мне же юбка. Полечу на парашюте, юбка вся же поднимется и мне на голову наденется. Хороша же я буду». Чудом обошлось. Летели мы, конечно, в жутких условиях, на транспортных самолетах, на соломе.

Однажды в Афганистане влюбился в меня 24-летний охранник-афганец. Все время за мной ходил, у мамы своей разрешения спра-

шивал жениться. Я очень молодо выглядела, а у меня уже был внук, и я очень просила наших женщин из комитета не огорчать его, не говорить, что я уже не девушка, а бабушка. А еще я дралась в прямом эфире с Наджибуллой: он вручал правительственные награды за помощь афганскому народу. И когда произнесли мою фамилию, когда я увидела медаль, я схватила руку Наджибуллы и закричала: «Я не заслуживаю, я не воевала!». Я отбивалась, он вцепился в мою грудь мертвой хваткой, прикалывая награду, потому что нельзя было нарушать протокол, и при этом кричал по-русски: «Помогите». Было освобождено 16 человек. Эта цифра кажется маленькой отсюда, из России, и кажется большой тому, кто там был и знает, что за этим стояло».

Читать эту дамскую галиматю невозможно без смеха. Из всего бреда достоверно лишь одно – юбка на героине. А все прочее – дурацкий вымысел. Ведь не было никаких ракетных обстрелов над Кабулом «Ил-76» с нашей делегацией. Тем более не было мнимого «скользящего попадания ракеты», «частичной разгерметизации», падения самолета, раздачи парашютов и нашего сидения на выдуманной соломе. Это все – лапша на уши легковерным простофилям.

Ни одного военнопленного не освободила «Надежда» пока в ней числилась Поплавская. И потом она лично не спасла ни единого пленника. Ее вздорные басни могли тиражировать только недобросовестные газетчики.

Никогда, нигде, ни за что президент Наджибулла не награждал Поплавскую. И не покушался на ее грудь. Но повод к сему мадам сама давала другому внутри, увы, нашей делегации. Путевой романчик разыгрался еще до Кабула в пакистанском Исламабаде. Даже средь бела дня во время официальных встреч «не девушка, а бабушка» на глазах пуритан-мусульман бесстыдно прижималась воистину «мертвой хваткой» к Проханову.

Остальным нам приходилось молча краснеть. И поневоле терпеть ее сексуальные закидоны ради единства внутри делегации и пользы всеобщего дела. Тем не менее «Надежда» все же распалась по извечной причине – «шерше ля фам».

После московского раскола нашего комитета я больше, слава Богу, не встречался с юбочной парашютисткой. Матери и отцы военнопленных вместе со мной и кинодокументалистом Акимовым, сопредседателем «Надежды», учредили новую организацию «Объединение семей советских военнопленных» (ОССВ).

Мы воспретили собирать от нашего имени денежные пожертвования и публично осудили поборы Поплавской. Но она не унялась, а ее дальнейшие проделки стали известны из столичных газет.

В 1990 году разудалая затейница переключилась на модный тогда бизнес – распределение благотворительной помощи с Запада. Откинув

уже ненужную ей ширму «Надежды», Поплавская изобрела иную замысловатую вывеску: «Орден милосердия и социальной защиты имени академика А.Д.Сахарова». А себя объявила «президентом Ордена».

4 сентября 1991 года газета «Московский комсомолец» уличила Поплавскую и ее сотрудниц в присвоении наилучших вещей из полученных с Запада шуб, обуви, детской одежды в дар московским беднякам. 11 апреля 1990 года «Литературная газета» сообщила, что «Орден» Поплавской накопил 30 миллионов еще не обесцененных тогда рублей, которыми она и ее напарники «могут по своему усмотрению распоряжаться». В 1995 году здешние газеты напечатали фотокопии документов о вкладе Поплавской денег ее «Ордена» в спекулятивно-мошенническую фирму МММ.

Вдова академика Сахарова — Елена Боннэр — жаловалась в прессе на Поплавскую и ее прихлебателей:

- Они хотели сделать Андрея Дмитриевича почетным председателем. Но он был против любого сотрудничества. Не думаю, что из скромности. Видимо, у него были сомнения. Сахаров четко говорил Поплавской, что не будет иметь с ней дел и не будет давать Ордену своего имени. Она звонила мне в надежде, что я повлияю на его решение. Но я подтвердила отказ. Поплавская изображает себя глубоко верующим человеком. Но веры там никогда не было.

После кончины академика вдова все-таки вынудила настырную претендентку на имя Сахарова убрать его фамилию из названия ее заведения. Оно существует, однако, поныне. В этом есть какая-то доля, быть может, и моей вины. В отличие от великого диссидента я, обычный репортер, не приобрел в жизни мудрой предусмотрительности.

... 9 сентября 1989 года я снова улетел к молжахедам из пасмурно-осенней Москвы, оставив позади осточертевшие склоки, интриги, скандалы. Всю эту пакость и прочие пошлости нашей жизни я и раньше облегченно смывал с себя фронтовыми командировками в Афганистан, Индокитай, Никарагуа. Война, конечно, страшна, но зато она по крайней мере отпугивает многих подлецов.

А на сей раз со мной летел проверенный друг и единственный спутник — отец военнопленного Алексей Амелин, рабочий московской электрофабрики. Не будучи искушенным политиком, он помогал мне от Москвы до Пешавара на своей особый лад — морально поддерживал по мужски в самых экстремальных ситуациях. Амелин мечтал спасти из плена пропавшего сына. Ради этого он стал моим верным помощником. С ним без всякой охраны не было боязно явиться опять на встречи с пешаварскими боевиками.

Прибыв сначала в Исламабад, мы отказались там от пакистанской охраны для дальнейшего турне, так как решили не привлекать вдвоем к себе постороннего внимания. А местным властям было тогда и вовсе не до нас. Их лихорадил правительственный кризис. В парламенте Пакиста-

на противники премьер-министра Беназир Бхутто устроили дебаты о востуме недоверия ее правительству. Наша покровительница могла вот-вот потерять власть. А мы тем временем оказались как бы беспризорными.

Наше положение ухудшила очередная вспышка боев в соседнем Афганистане. Пакистанские генералы максимально усилили американским оружием воинство Хекметьяра, дали ему своих офицеров-инструкторов и направили отряды моджахедов на штурм южного афганского города Джелалабада. Там закипела жаркая битва с армией Наджибуллы. К его свержению открыто призвало правительство Соединенных Штатов.

На Кабул обрушился ливень смертоносных ракет. Всеми сражениями моджахедов командовала пакистанская военная организация ИСИ – Межведомственная служба разведки.

У пакистанцев ИСИ – это больше, чем наше прежнее КГБ вместе с ГРУ (Главным разведуправлением армии). Помимо зарубежных операций ИСИ занимается внутри страны контрразведкой и политическим сыском, но главное – составляет единый полицейский кулак с верхушкой военщины, которая контролирует по-старому жизнь государства. Ни один путч или легитимная смена правительств не обходятся без вмешательства ИСИ. Она же воздействует ~~слабее~~ на все происходящее в Афганистане.

А мы с Амелиным в Исламабаде по воле случая поселились в дешевой гостинице рядом с чугунными прутьями ограды, за которой был парк вокруг зданий центрального штаба ИСИ.

Лишившись временно опеки Беназир Бхутто, я рискнул сманеврировать: попросил аудиенции у директора ИСИ генерала Шамсура Каллу. Благо был повод – передача ему кабульского списка 25 арестованных пакистанцев-лазутчиков. Таким подарком я понадеялся снискать расположение шефа ИСИ и уговорить его поддержать наши новые переговоры с моджахедами.

Генерал Каллу согласился на встречу, но пожелал почему-то побеседовать со мной только с глазу на глаз в его резиденции. Он прислал за визитером лимузин, который отъехал от моей гостиницы всего лишь сотню метров к решетчатым воротам компаунда ИСИ. Табличка с названием учреждения, впрочем, отсутствовала. За воротами стояли часовые и офицер, поджидавший меня. Он молча ввел гостя в дом конторского вида и проводил по коридорам и лестнице на второй этаж к апартаментам директора.

В коридорах тоже стояли часовые. Приемная начальника разведки была меблирована диванами, креслами, чайным столиком и торшерами. Окна наглухо зашторены. Генерал Каллу, рослый брюнет армейской выправки, был одет штатски в хлопчатый френч и брюки белого цвета.

Вслед за рукопожатием я отдал ему кабульский список подлежащих освобождению пакистанцев. Передал также их коллективное письмо здешнему правительству. Генерал поблагодарил. И выслушал мой рассказ о движении советской общественности за спасение пленных в Афга-

нистане. Я изложил ему и наш ближайший план предложить вождям моджахедов в Пешаваре обменять первую группу советских солдат на 40 афганских боевиков из тюрьмы Пули-Чархи. А для успеха этого обмена попросил генерала использовать его большое влияние на моджахедов.

Не прерывая меня, директор разведслужбы спокойно смотрел на иноземца изучающим взглядом бестрепетных карих глаз. В них не было ни сочувствия, ни отпора, ни малейшего отражения его настроения или мыслей. Когда я умолк, он негромко заговорил по-английски:

- Ваш недостаток в том, что вы плохо знаете афганских моджахедов. Вы рассуждаете о гуманизме и спасении пленных воюющих сторон, но у афганцев другое отношение к человеческим жертвам. У них смерть, страдания, муки плена — это божья карма, то есть неотвратимость людской судьбы. Им нужен от вас по-настоящему не обмен пленными, а прекращение поставок Кабулу советского оружия. Только ради этого они могут вернуть вам пару или тройку ваших солдат, но всех не обменяют. И в отличие от вас, европейцев, они неторопливы. Они уже десять лет сражаются с коммунистами и считают, что выдержат еще годы кровопролития. Их не смущает гибель соотечественников под русскими бомбами, снарядами, ракетами. Их вера в Аллаха столь же незыблема, как и вера в победу над вами и обреченным на поражение Наджибуллой.

- Так вы, значит, не поможете нам?

- Помогу немного, - ответил генерал. - Но не обещаю скорого освобождения ваших пленных. Помогу вам лишь возобновить переговоры с моджахедами.

Он сдержал слово. А спустя год его место занял генерал по фамилии Дуррани. Затем и того сменил еще один генерал — Джавед Назир. Всех троих я посещал на протяжении нескольких лет. Иначе ничего бы тут не добился без содействия пакистанской ИСИ. Ведь с волками жить — по-волчьи выть. И потому же общался далее в Кабуле с начальником ХАД генералом Гулямом Якуби, другом Наджибуллы. А в Москве — с генералами КГБ и «тихими американцами» из посольства США, откуда получил уникальную фотоколлекцию снимков советских солдат в афганском плену.

Разведки четырех стран соперничали в Афганистане, а мне пришлось поневоле ладить с каждой из них.

Приехав в Пешавар, мы с Амелиным узнали неприятную новость: Хекматъяр отбыл на фронт под афганским Джелалабадом, а перед отъездом поссорился с вождями «альянса семи» и вышел из правительства моджахедов, ибо задумал стать единоличным властителем Афганистана.

Вместо Хекматъяра пост министра иностранных дел эмигрантского правительства занял Фарук Азам, один из лидеров боевиков «Исламского союза за свободу Афганистана». В итоге нам предстояло договариваться заново с неизвестной прежде персонею.

Фарук Азам, пятидесятилетний бородач, принадлежал к самому консервативному и ортодоксальному крылу исламского «джихада». Он сказал на первой встрече с нами:

- Вы просите о милосердии, и это не противоречит священному Корану. Но вы безбожники. И вы виновны в убийстве миллиона афганцев. Мы, правоверные, милосердны, но не мы, а ваши солдаты ворвались к нам и пролили море афганской крови. На устроенной вами войне погибли 17 моих родственников. Взрывом советской бомбы отсечены у моей сестры кисти обеих рук. Вчера сестра укоряла меня: тебя поразит гнев Аллаха за то, что ты будешь мирно беседовать с русскими злодеями. Однако ради восстановления мира между русскими и афганцами наше правительство одобрило переговоры с вами...

Он умолчал о предварительном одобрении генерала Каллу. И был уже осведомлен им о нашем тюремном списке. Проект обмена не вызвал у министра боевиков ни удивления, ни возражений. Он взял у нас список и произнес:

- Мы сообщим наше мнение об этом документе на следующей встрече с вами.

Минуло пять дней прежде, чем Фарук Азам пригласил нас на второй раунд переговоров. Он вернул нам кабульский список и пояснил:

- 40 заключенных тюрьмы Пули-Чархи, возможно, были моджахедами, но они незначительные личности. Эти люди нас мало интересуют. Они не годятся для обмена.

- Кто же по-вашему годится?

- Такие афганцы есть в застенках Наджибуллы.

- Так дайте нам их имена для включения в список обмена военнопленными.

- А вы сообщите их имена кабульским властям?

- Конечно.

- Но этого нельзя делать!

- Почему?

- Наших людей в Кабуле сразу же расстреляют или замучают насмерть.

Бессильное отчаяние пронзило меня и Амелина. Неужели все у нас пошло насмарку? Неужели обмен пленными практически невозможен? Багровый от волнения Амелин расстегнул ворот рубашки, снял с шеи цепочку с крестиком и протянул Фаруку Азаму:

- Возьмите себе. Цепочка и крест из золота.

- Не надо! – отпрянул афганец. – Зачем мне ваш подарок?

- Вы уже владеете самым дорогим для моей семьи – нашим сыном, – говорил хрипло Амелин. – Из ценных вещей у меня есть только эта цепочка. Возьмите ее. Раз вы отвергаете обмен пленными, то у нас триста таких несчастных семей, как моя, распродадут имущество и привезут вам выкуп.

- Успокойтесь, - смягчился сановный моджахед. - Не нужно нам ни выкупа, ни вашей цепочки. Но я вижу, что вы искренний человек.

- Послушайте, господин Фарук Азам, - встрял я. - Вы напрасно считаете, что в Кабуле уничтожат ваших арестованных соратников, если вы разгласите их имена. От этого вы напрочь застрахованы тем, что владеете, быть может, сыном Амелина и еще тремя сотнями сыновей моих сограждан. Они теперь объединились. И опозорят на весь свет любого, кто захочет казнить в Кабуле ваших друзей и тем сорвать обмен военнопленными. Такого не посмеет совершить Наджибулла. Доверьтесь нам. Мы не позволим никому обмануть вас.

- К русским доверие у нас давно пропало, - ответил он. - Но все равно я передам ваше заявление моему правительству. Подождите его решения.

- Сколько ждать?

- Не знаю. Если у вас нет времени ждать, то зря взялись здесь за сложные переговоры.

Между тем нас поджимало не время, а скудный запас валюты. Еще через неделю новый раунд пешаварских переговоров с Фаруком Азамом состоялся на 25-й день нашей командировки, когда мы уже нервно телеграфировали московскому «Фонду мира» спешные просьбы прислать дополнительно деньги. Оттуда, к счастью, нам вскоре помогли.

На третьей встрече Фарук Азам, вручив нам две рукописные странички, произнес:

- Здесь перечислены имена 24 моджахедов. Но список составлен таким способом, чтобы позволить нашему правительству проверить вас: будете ли вы действовать честно или попытаетесь нас обмануть? Среди 24 людей, названных в списке, есть такие, которые, по нашим сведениям, уже умерли в плену либо были казнены кабульскими коммунистами. Есть в нашем списке и пропавшие без вести. Но имеются также живые узники Пули-Чархи. Если из Кабула будут верно проименованы живые, то обмен пленными состоится. В ином случае мы отменим обмен. Поэтому любой исход дела теперь зависит от вас.

- Сколько советских солдат приготовлено вами для обмена?

- Первоначально двое.

- Можно узнать их имена?

- Нет.

- Почему?

- Сперва выполните точно наше условие обмена.

Коварно «заминированный» список Фарука Азама содержал вдобавок любопытную начинку: из 24 моджахедов первые 12 были арабами! Имя каждого из них сопровождалось названием его страны. Трое из Саудовской Аравии. Двое из Египта. Двое палестинского происхождения. Прочие из Иордании, Туниса, Алжира, Эти мусульманские государства

поддерживали афганский «джихад», а Саудовская Аравия и Египет оказывали моджахедам щедрую помощь оружием и деньгами.

Вторая часть списка с именами афганцев перечисляла, вероятно, племенных командиров боевиков и родственников пешаварских вождей моджахедов.

Но как правильно угадать из 24 имен живых арестантов в Кабуле? Выход был единственный — вернуться из Пешавара в Исламабад и там в советском посольстве получить разрешение на доступ к отправке и приему зашифрованных радиоперехватов.

Однако у посольства не было прямой шифросвязи с Кабулом. Все засекреченные сообщения и ответы были возможны только через Москву. Наша радиоперехватка Исламабад — Москва — Кабул и обратно заняла две недели.

Наконец к 17 октября в Кабуле выявили из 24 имен загадочного списка восемь живых тюремных душ: двоих арабов из Саудовской Аравии, одного палестинца из Иордании и пятерых афганцев. С этим уловом мы поехали опять в Пешавар к Фаруку Азаму.

Он взглянул на третий по счету список и изрек:

- Очень хорошо. С этого дня мы готовы к обмену. Его процедуру вскоре согласуем с вами.

- Сколько освободите за ваших восьмерых?

- Двоих, как обещано.

- Как их зовут?

- Скоро узнаете.

- Сколько еще наших согласны обменять?

- У нас близ пакистанской границы имеется сейчас еще двадцать советских солдат. Однако их обмен потребует новых переговоров.

- Позвольте пока этим двадцати передать весточки родителям, которые хотя бы узнают, что их дети живы.

- Это у нас воспрещено.

- По какой причине?

- Объяснять я вам не обязан.

- Когда можно возобновить переговоры с вами?

- После первого обмена.

Однако завершить обмен мы с Амелиным тогда не успели: заново иссякла наша командировочная валюта. И пришлось улететь в Москву. В целом мы провели в Пакистане семь недель. Как прозорливо подметил пакистанский генерал-разведчик Каллу, моджахеды преподали нам азиатский урок неторопливости и упорства. Хотя они нас не переупрямили, но тем не менее взяли как бы на измор из-за нашего советского безденежья.

Спустя месяц в Москве меня пригласил к себе поверенный в делах пакистанского посольства Фарук Рана. Дипломат известил о том, что в Пешаваре правительство моджахедов освободит на днях советских солдат Валерия Прокопчука и Андрея Лопуха. Второй был тем самым обращен-

ным в ислам белорусом, которого нам показывал минувшим летом президент моджахедов Моджадеди.

Фарук Рана также сказал:

- Моджахеды решили передать обоих солдат в Пешаваре вам и матерям освобожденных.

- Можно взять туда, - спросил я, - сопровождающих лиц?

- Моджахеды предупредили, что отдадут солдат только вам и родителям военнопленных.

Однако я уже привык по-восточному торговаться:

- Переговоры с моджахедами вели в Пакистане вместе со мной родители военнопленных — Амелин, Семенова, Горбунова, Крылова. Разве неуместно им опять появиться в Пешаваре?

- Думаю, что этим можно, - уступил пакистанец. - Но больше никого не берите. Неразумно раздражать моджахедов.

23 ноября мы вылетели из Москвы в Ташкент рейсовым лайнером «Аэрофлота». Вместе с пятеркой делегатов «Объединения семей советских военнопленных» отправились впервые за рубеж две счастливые солдатские матери — Мария Николаевна Лопух и Валентина Афанасьевна Прокопчук.

К нам примкнули также московский телевизионщик Александр Бархатов и корреспондент «Известий» Максим Юсин. Спонсоров путешествия было двое: «Фонд мира» и министр обороны СССР маршал Язов, который предоставил нам для перелета из Ташкента в Исламабад военный самолет АН-26.

Шестичасовой полет на тихоходном АН-26 запомнился парой курьезов. Во-первых тем, что внутри старой воздушной колымаги отсутствовал туалет. Взамен него было лишь ведро за тряпичной занавеской, повешенной только ради пассажиров — девятих женщин и мужчин.

А во-вторых, штурман боевого экипажа перемещался то и дело из пилотской кабины в хвост фюзеляжа. И там сидел на корточках попеременно слева или справа у бортовых иллюминаторов, разглядывая что-то вниз.

Он вряд ли любовался, как я сообразил, наземным пейзажем: мы парили над выжженными солнцем пустынями и безлесными холмами Афганистана.

- Что вы рассматриваете все время? — поинтересовался я у летчика.

- Наблюдаю на случай выстрела с земли «Стингера», - проворчал он.

- Что же потом?

- Сделаем резкий вираж и спикируем, чтобы уклониться.

Его малоутешительное признание я скрыл от попутчиков. Не следовало трепать им нервы. Перелет закончился мирно в аэропорту пакистанской столицы.

Нас встретили местные журналисты, исламабадские дипломаты и советский посол Виктор Якунин. Он рассказывал всем, как успешно уда-

лось благодаря ему уговорить моджахедов выменять двух наших солдат на восьмерых узников кабульской тюрьмы и 25 арестованных в Афганистане пакистанцев.

Посол объявил, что будет главным советским представителем на церемонии освобождения пленных в Пешаваре. Затем он позвал в посольство на беседу с ним Бархатова, Юсина и аккредитованных в Пакистане корреспондентов ТАСС и Агентства печати «Новости». Якунин инструктировал их — каким образом надлежит его цитировать в прессе и фотографировать.

В результате меня не было ни в одном кадре телерепортажа Бархатова о спасителе военнопленных Викторе Якунине. А в «Известиях» Юсин лишь походя и безымянно упомянул какого-то «главу общественной делегации, взявшего на себя бремя переговоров с оппозицией». Спасибо, Впрочем, обоим, что хотя бы не опорочили меня, как раньше проделала «Правда». И как много позже охаял Бархатов знаменитого генерала Лебеда, поработав у него пресс-секретарем....

В те дни, однако, я испытал вовсе не обиду, а упорное чувство первой нелегкой победы. Она сбылась 27 ноября на торжественном сборище моджахедов в пешаварской ставке их президента. Сам он тогда гостил в США. Его полномочия временно перешли к одному из «альянса семи» — Саяду Ахмаду Гейлани. Этот соучастник наших предыдущих переговоров сидел теперь посреди двора в помпезном кресле. Рядом с ним тоже в кресле — министр Фарук Азам. А позади них стояли полукольцом десятки вооруженных боевиков.

Сбоку от вождей предоставили обычные стулья Якунину и его посольской свите. Отдельно рассадил пакистанских дипломатов. В центре — нашу делегацию. А с тыла и флангов к нам притиснулись полторы сотни здешних и западных репортеров. Они сжимали наготове телекамеры, фотоаппараты, магнитофоны в ожидании появления героев дня — двух советских солдат. Напряжение было всеобщим.

Но сначала вожди «джихада» опять неторопливо продемонстрировали свое ораторское искусство. Длинную речь произнес Гейлани, за ним — Фарук Азам. Перед тем он заявил:

- Пусть Андронов переведет громко с английского языка на русский наши выступления. Перевод должен быть дословно точным. Без политических уверток!

И загремело словоизвержение афганских анафем! Кабульское правительство — «марионеточный режим Москвы» и «клика преступников». Прекращенные действия советских войск в Афганистане — «кровавая интервенция» и «убийство миллиона афганцев». Военная помощь Кремля армии Наджибуллы — «продолжение побоища мусульман советскими бомбами, ракетами, танками». Моджахеды в кабульской тюрьме — «жертвы марионеток СССР». Общественный долг матерей советских военно-

пленных — «заставить их правительство покаяться в злодеяниях и пресечь вооружение палачей в Кабуле».

Все это я повторял по-русски, глядя в упор на нашего посла. И остальные тоже уставились на него. Застывшая физиономия Якунина посерела. Бывший аппаратчик ЦК КПСС, вознагражденный дипломатической синекурой, получил, по-моему, по заслугам. В ответ на обвинения моджахедов он пролепетал лишь несколько жалких фраз благодарности за их милосердие.

Вслед за ним высказался я по предложению моджахедов:

— Семьи советских военнопленных непричастны к роковым ошибкам в Афганистане наших высших политиков и генералов. Мы надеемся, что сегодняшнее событие приведет к более крупным обменам пленными. Их матери, благодаря освободителей двух сыновей, выражают также сердечную признательность за поддержку властям Пакистана и особенно премьер-министру Беназир Бхутто.

Сей церемониал занял более часа. Моджахеды насытились сполна собственной пропагандой. Гейлани скомандовал, и четверо боевиков вывели во двор из дома Прокорпчука и Лопуха.

Оба были в афганском облачении бежевого цвета. Им навстречу бросились их матери. Объятия, слезы, поцелуи фотографировались со всех сторон. И запечатались на следующее утро сенсационными снимками в пакистанских газетах. Вскоре лики освобожденных переключевали на страницы московской прессы. У меня на душе был долгожданный праздник.

День незабываемой удачи увенчался вечером новой встречей с Беназир Бхутто. Она приехала в Пешавар и пригласила нас на прием в губернаторском дворце. Матери военнопленных поочередно благодарили ее и преподнесли русский подарок — оренбургскую пуховую шаль. А мне поручили передать мусульманский презент — напечатанный в Ташкенте увесистый том Корана.

Наша благодетельница сказала, что очень рада помочь пострадавшим матерям и надеется заодно на улучшение подорванных из-за афганской войны отношений ее страны с Советской Россией. После приема мы поздним вечером уехали на автомобилях в Исламабад.

Переночевали в той же неказистой гостинице, где месяц назад обитал я с Амелиным. Вчерашние невольники моджахедов смогли наконец-то в отдельных комнатах наговориться с их матерями наедине. Мы не тревожили счастливых. Утром их и нас унес отсюда некомфортный ветеран авиации маршала Язова.

Маршал позаботился дополнительно о двух его солдатах: им дали в самолете воинское обмундирование, которое они тут же надели. За шесть часов обратного пути преобразованные армейцы располагали временем побеседовать с нами о своем афганском прошлом.

Андрей Лопух поведал, как накануне нашего первого свидания с ним в Пешаваре он был предупрежден моджахедами о том, что поплатится жизнью, если пожелает вслух вернуться домой, а кроме того убьют надзирателя, сторожившего его, да еще вырежут всю семью этого афганца. Угроза, понятно, подействовала.

Андрей угодил в плен по тривиальной причине — «дедовщина». С мая 1988 года он был в Афганистане наводчиком броневики БМП. Новобранец хлипкого телосложения получал часто тумачи и зуботычины от старослужащих «дедов». Однажды им захотелось полакомиться на местном базаре, а денег было маловато, и тогда они позвали Андрея, дали ему оплеуху и послали на гарнизонный склад украсть там палаточный брезент, чтобы сбить его на рынке. Андрей попытался стащить брезент, но его поймали складские солдаты и крепко отлупили.

Горемыка боялся вернуться в свою казарму из-за неизбежности второго избияния. С перепугу отсиживался возле гарнизона на арбузной бахче. Его заметили двое дозорных моджахедов, захватили и увели в их отряд. В плену он пробыл 13 месяцев. Принял ислам, чтобы не казнили.

Валерий Прокопчук прослужил рядовым лишь один месяц в советской части близ афганского города Баглан. Ночью 18 июня 1988 года он, по его словам, заснул на посту. Его разбудили пинком, лишив предварительно автомата. Связали и умыкнули в лагерь моджахедов. Валерий стал в плену мусульманином, как и Андрей, только с целью уцелеть.

Когда Андрей и Валерий покидали с нами исламабадскую гостиницу, то зашвырнули под кровати ненужные им отныне исламские молитвенники. Но я попросил их забрать с собой религиозные книжицы, дабы не настроить против нас администрацию и службу отеля.

Оба солдата уже знали, что дома амнистия таким, как они, уберегла их от военных следователей и судей трибуналов. Андрей собирался в родной деревне Гречиха работать трактористом. Валерий, уроженец села Печановка в Житомирской области, мечтал об учебе в Киевском университете.

После года неволи парней распирало ликование от внезапной свободы. Когда в Ташкенте на аэродроме Андрей сошел с трапа АН-26, то упал на колени и поцеловал землю отчизны.

На полете к Москве я, подводя мысленно итоги, сознавал, что везу туда на чествование отнюдь не боевых героев. Фронтовики, верные до конца воинскому долгу, гибли в афганском плену все без исключения. Выжить могли только приспособленцы. Но и они, наши соотечественники, подлежали спасению. А тем более вызывали сострадание их матери.

Только две из них — белоруска и украинка — улыбались теперь, сидя в самолете рядом с сыновьями. Для остальных я еще ничего не добился. Сочувствие их горю накапливалось во мне и стало постепенно ведущим мотивом моих дальнейших поступков.

После пакистанских субтропиков аэродром «Домодедово» поразил снежной белизной. Прямо на летном поле нас ждала толпа москвичей в зимних шубах и меховых шапках. У многих в руках алели гвоздики. Ими одарили Андрея и Валерия, когда они вышли первыми из самолета. К цветам были, как принято, поцелуи, поздравления, объятия.

Из аэропорта нас повезли в «Фонд мира» на пресс-конференцию. Два часа расспрашивали и фотографировали. На следующий день люди на улицах радостно узнавали Андрея и Валерия, когда я показывал им стопицу, которую они прежде не видели. Наша экскурсия закончилась традиционно — на Красной площади перед Спасской башней Кремля. Через сутки мои подопечные разъехались с матерями по их деревням.

А я отправился на работу в редакцию журнала «Советская литература», где узнал, что главный редактор Проханов распорядился меня уволить. Он был возмущен тем, что его не пригласили возглавить делегацию родителей военнопленных на пешаварском освобождении двух солдат. Хотя так случилось по воле вождей моджахедов, Проханов решил отыграться на мне.

Увольнение оспаривать я не стал. На сей счет уже приобрел год назад горький опыт в «Литературной газете». Журнал Проханова я покинул бесконфликтно, а самого редактора — без сожалений.

Новогодние празднования 1990 года подарили мне, как и год назад, невеселую безработицу. Но ее не существовало официально в нашем социалистическом государстве. А теперь и его не существует. Тем временем я все еще живу. И посему, повторяя за любимым русским поэтом, «не жалею, не зову, не плачу».

МЕЖ ТРЕХ ОГНЕЙ: ЕЛЬЦИН – КГБ – РУЦКОЙ

 простая русская гармонь – поныне самая популярная забава в сотне километров к востоку от Москвы, где начинается Владимирская область. Там гармонист – главный гость на свадьбах, новосельях, ^{бача} различных гуляньях, танцах.

 На Владимирщине наиболее знаменитый гармонист – мой друг Иван Лукашов. Благодаря ему я подружился и с общепризнанным в России королем гармонистов Геннадием Заволокиным.

На юге Владимирщины еще один гармонист и мой друг Василий Лизюков похоронен на кладбище его родного села Великодворье. Теперь в память Василия каждое лето устраивают его земляки на деревенской площади песенно-музыкальное состязание «Васина гармонь».

Лизюков жил последние его годы во Владимире и зарабатывал на хлеб не гармошкой, а журналистикой. Он трудился на областной радиостанции, потом в городской газете, а затем издавал малотиражку «Химик» на Владимирском химическом заводе. Гармонь была у него целительной отдушиной от житейских передрыг и конъюнктуры журналистского ремесла.

Провинциальный газетчик был на редкость добрым человеком с ранимым от любой несправедливости сердцем. Оно, надорвавшись, и свело его в могилу. Но до этого за четыре года он поехал однажды на электричке в Москву, услышав по радио осенью 1988 года о том, что в столице будут митинговать за спасение наших солдат из афганского плена. На том митинге у пакистанского посольства я впервые встретился с Лизюковым.

Позже он приезжал опять из Владимира на собрания московской «Надежды». Организовал ее филиал в своем городе. Приглашал туда меня и устраивал выступления матерей военнопленных перед владимирцами. Побывал с моей помощью в Кабуле.

А в декабре 1989 года Лизюков изумил меня авантюрным предложением – баллотироваться от Владимирской области на выборах народных депутатов РСФСР.

Мое депутатство, как надеялся Василий Лизюков, придало бы парламентский статус нашим переговорам с моджахедами.

Заманчивая затея Василия поначалу показалась мне несбыточной. Ведь для владимирцев я был столичный чужак. Да вдобавок сомнительного свойства – безработный. Однако мой друг горячо уверял, что все это

нисколько не помешает областным избирателям проголосовать за человека, который с их поддержкой возьмется выручать из плена российских парней.

Василий говорил мне, что провинциалы отличаются от москвичей большей душевностью и меньшим эгоизмом. Он обещал руководить предвыборной кампанией, найти помощников, привлечь на нашу сторону местных журналистов и весь коллектив своего химзавода.

И все получилось так, как спланировал Лизюков! Накануне нового 1990 года пятьсот владимирских рабочих в цеху химзавода выслушали Василия и меня, а в заключение выдвинули иногороднего кандидата в народные депутаты. Директор завода дал нам старый «Газик», прозванный в народе «козлом», на котором мы принялись объезжать городские предприятия и учреждения.

Потом почти три месяца колесили по разбитым дорогам, выступая в районных городках – Собинке, Гусе Хрустальном, Коврове, Муроме, Александрове, Петушках, Суздале, Киржаче, Юрьеве-Польском, Лакинске, Кольчугино, Меленках, Судогде. На тамошних фабриках, в рабочих общежитиях и окрестных деревнях я наглядился на такую бедность и обездоленность, каких не видел у нас никогда прежде. Но и не знал столь отзывчивых и доброжелательных людей.

Наши беседы с ними повсюду скрашивали русские песни под две гармошки Лукашова и Лизюкова. Это наилучшее подспорье на Владимирщине.

В ту пору миллионные деньжищи еще не предрешали, как сейчас, исход депутатских выборов. У меня было восемь соперников. Среди них – ни одного толстосума. И я не истратил ни одного чужого рубля. Предвыборная конкуренция велась честно. Увы, в последний раз.

С начала января до середины весны 1990 года мои владимирские друзья кочевали со мной по их области, а кроме того я трижды слетал в Кабул. Там пришлось улаживать неожиданную неприятность: президент Наджибулла после освобождения двух наших солдат в Пешаваре затормозил вдруг обещанный обмен военнопленными.

Наджибулла выпустил из тюрьмы 20 пакистанцев вместо 25 предназначенных к обмену и приостановил условленную передачу моджахедам их соратников – трех арабов и пятерых афганцев. Такая задержка грозила сорвать все дальнейшие сделки с моджахедами относительно пленников.

Внезапный демарш Наджибуллы вызвали ожесточенные атаки на его армию отрядов моджахедов с их пакистанских приграничных баз. Одновременно возросли поставки ему советского оружия по «воздушному мосту» из СССР. Решение обескровить наступление моджахедов ответным огнем энергично поддержал московский посол в Кабуле и бывший первый секретарь ЦК комсомола Борис Пастухов. Заодно с ним действовал новый резидент КГБ в Кабуле генерал Валентин Ревин. Тягаться с

этой тройкой было трудновато всего лишь кандидату в народные депутаты.

Вот и пришлось прибегнуть заново к психологическому давлению: шесть матерей пленных солдат и одного отца — Алексея Амелина — привез я в афганскую столицу на январскую встречу с Наджибуллой. Он принял нас опять в королевском дворце. Солдатские матери столь эмоционально надавили на президента, что он в присутствии Пастухова поклялся им ускорить освобождение арестантов, включенных в пешаварский обмен.

Для завершения обмена понадобилось мне еще дважды прилетать в Кабул. И вести переговоры вдобавок с министром госбезопасности генералом Гулямом Якуби и руководителем Кабульской миссии Международного Красного Креста швейцарцем Пьером Вэттачем, который взялся перебросить в Пешавар на своем самолете обмененных пакистанцев, арабов и афганских боевиков.

На исходе марта меня избрали народным депутатом РСФСР от Владимирской области. Удачу отпраздновал наспех, так как полетел в очередной раз в Кабул на «Ил-76», заполненном штабелями артиллерийских снарядов. Меж них привотилась со мной подопечная спутница — Людмила Григорьевна Тихоновна. Тремя днями ранее ее сын Алексей сбежал от захвативших его моджахедов, пробрался горными тропами к фронтовым постам кабульской армии и ждал нас теперь в советском посольстве.

Солдат провел в плену почти четыре года, был нездоров, истощен и панически боялся предстать перед армейским начальством, хотя знал о нашей амнистии всем военнопленным. За ним послал меня «Фонд мира», чтобы я, став депутатом, авторитетно рассеял страхи измученного парнишки, привел его в нормальное состояние и привез с матерью в Москву.

Алексей Тихонов, он же мусульманин Абдулла, сидел молчаливо в тесной посольской комнатенке и пугливо озирался, как затравленный зверек. Заплакал, когда к нему вошла мама. Она за пару часов вывела его из шока, а я лишь помог ей позже окончательно успокоить сына. На утро мы втроем улетели из Кабула на порожнем «Ил-76».

В Ташкенте на военном аэродроме два полковника из армейской контрразведки явились зачем-то допросить солдата. Но он спрятался за мою спину, а я их шуганул прочь, используя впервые свои депутатские полномочия. Алексей целиком очухался пока летели в Москву.

Он очутился в плену, по его рассказам, из-за собственной глупости. Началось все с того, что в казарме гарнизона старослужащие «деды» похитили у него автомат в расчете продать на базаре. А он испугался трибунала за утрату оружия и убежал из своей части. Был пойман моджахедами, уведен в горы и посажен в пещеру, где содержали еще шестерых советских солдат. Все они, спасаясь от казни, приняли ислам и мусульманские имена. Но только Алексею повезло оттуда удрать.

Его тревобления завершились сказочно — на приеме у министра обороны Язова в личном кабинете маршала. Министр был ласков и улыбчив с натерпевшимся солдатом и его матерью. Однако под конец, когда я последним покидал маршалский кабинет, Язов задержал меня и сказал:

- Благодарю вас, Иона Ионович, но плоховато, что вы все время привозите к нам дезертиров!

Оправдываться я не стал: лучше, мол, привозить домой живых негеров, чем покойников в «черном польпане» ВВС. В отличие от маршала тревожило меня совсем другое.

За десять месяцев переговоров с моджахедами и Наджибуллой удалось нам выменять только двух пленников. А коли так будет и впредь продолжаться, то обмен затянется на долгие десятилетия! Но гораздо раньше, значит, почти все невольники умрут в плену. И намного раньше, быть может, через несколько месяцев прекратятся вообще обмены военнопленными, если моджахедамы одолеют Наджибуллу и вызволят из его тюрем своих приспешников. В такой скорой кульминации афганской войны я уже не сомневался.

Что же делать? Оставался, по-моему, только один способ заполучить разом всех наших пленных от моджахедов: покончить, как они требовали, с поставками советского оружия обреченному все равно Наджибулле. И договориться об этом с моджахедами пока их враг еще властвует в Кабуле. Иначе будет слишком поздно.

В июне 1990 года собрался в Кремле первый съезд народных депутатов России. Я был избран членом Верховного Совета республики, стал заместителем председателя комитета Верховного Совета по международным делам. На съезде получил возможность выступить с кремлевской трибуны:

- Дорогие товарищи, сейчас в министерстве обороны есть список наших военнопленных в Афганистане. В списке более трехсот фамилий. Значит, по крайней мере триста несчастных матерей, триста несчастных семей ждут своих детей оттуда. Надеются, что они все еще живы. Большинство пленников — уроженцы России, мальчишки со школьной скамьи. Прямо из школ они были брошены в ад войны. И мы не знаем, когда и как их освободят из плена. Почему такое происходит? По одной причине. В наших газетах еще запрещено говорить всю правду. А она в том, что лидеры моджахедов, с которыми мне довелось вести многонедельные переговоры, говорят следующее: «Мы не отдадим всех ваших военнопленных, не отдадим даже большинства из них, пока вы не прекратите нас убивать. Мы не вернем вам их, пока не перестанут нас убивать вашим оружием». Дело в том, товарищи, что наши журналисты сообщают не всю правду из Афганистана. Да, они сообщают, что там идут периодические обстрелы Кабула американскими малокалиберными ракетами. Но не сообщают о том, что каждый день Кабул сотрясается как от землетрясения, окна трясутся и земля дрожит, когда взлетают оттуда наши гигантские

ракеты с огромным грузом взрывчатки и бьют по обширным территориям. Это оружие массового поражения. Можете представить, какое количество мирного населения гибнет до сих пор!

Взывая к депутатам с лакированной, украшенной государственным гербом трибуны, откуда прежде вещал Сталин и его наследники, я видел перед собой тысячеголовый съезд, затихший и внимавший удивленно словам неизвестного оратора. А я спешил сказать самое главное за разрешенные регламентом съезда лишь пять моих минут:

- Мы ушли из Афганистана, осудили наше участие в войне и назвали это преступлением. Но сколько еще мы будем питать там войну нашим смертоносным оружием из России? Мы осудили тех, кто развязал войну, бросил туда наши войска и угробил 15 тысяч наших парней. Но то, что происходит сегодня, творится при нашем косвенном соучастии. Сколько мы тратим на эту войну? Об этом наша центральная печать не сообщает. Только американцы сообщают. Они подсчитали, что мы тратим в Афганистане за месяц минимум 300 миллионов долларов. Каждый месяц! Подумайте об этой сумме! Такова стоимость не только оружия. Ежедневно наши грузовые самолеты доставляют в Кабул дефицитное у нас продовольствие. То продовольствие, которого почти нет в магазинах Владимирской области, где его выдают по талонам....

- У вас время кончилось! — прервал меня руководивший съездом Борис Ельцин. Но дал еще несколько секунд досказать:

- Наша причастность к афганской войне — дело, к сожалению, российское. Мальчики, которых туда послали, наши. И мы должны их вернуть. А потому должны перестать способствовать тем, кто уничтожает афганцев. Мы уже дали волю чехам, полякам, болгарам создать без нас собственные правительства. Давайте оставим в покое и малый афганский народ. Пусть он сам решит свои дела без наших ракет, снарядов, бомб. Помогите вернуть оставшихся в живых наших парней на Родину к их семьям, их матерям!

Зал откликнулся аплодисментами. Но с этого момента, как я знал, от меня отвернутся прежние союзники — Наджибулла и наши генералы в КГБ и министерстве обороны. Продолжая проигрывать афганскую войну, они будут наверняка упорствовать до конца. А разгромный конец был уже близок. И теперь надо было успеть инициировать новые переговоры моджахедов напрямую с Верховным Советом России.

На следующий день член Верховного Совета депутат Асланбек Аслаханов обратился к съезду:

- Вчера выступал наш коллега — народный депутат Иона Ионович Андронов. Вчера и сегодня мне звонили по телефону и говорили о том, что депутат поднял очень болезненную тему для многих наших сограждан. Наши сыновья не по собственной прихоти воевали в Афганистане. В настоящее время Андронов выезжает туда как частное лицо, а не как член Верховного Совета. Я просил бы наделить его соответствующими права-

ми как депутата парламента, чтобы он от имени нашего Верховного Совета проводил ту работу, которую взял на себя и которую возложил на него народ. Просил бы за это предложение проголосовать.

Председатель съезда Ельцин возразил:

- В отношении парламентских полномочий пусть рассмотрит Верховный Совет. Зачем здесь на съезде решать вопрос по полномочиям одного конкретного депутата?

«Шум в зале» — зафиксировано после его слов в опубликованной газетам стенограмме съезда. Однако перечить Ельцину никто не стал. А я решил получить полномочия после съезда персонально от Ельцина, избранного председателем Верховного Совета. В те дни я, подобно миллионам россиян, считал Бориса Николаевича мудрым, прогрессивным и добропорядочным политиком.

На съезде Ельцин достиг, как известно, поста председателя Верховного Совета в отчаянном противоборстве с другими претендентами. И победил с перевесом лишь в пять голосов после трех туров голосования. Все три тура я голосовал за него. Ельцин был тогда антиподом сегодняшнего «царя», как называет он себя теперь.

В 1990 году громогласный обличитель жирных привилегий правящей номенклатуры приезжал на съезд в Кремль за рулем простонародного «москвича». Не гнушался уличных манифестаций, сулил осчастливить Россию будущим благополучием или в случае вздорожания жизни «лечь на рельсы». Он был доступен, демократичен, обожаем рядовыми людьми и ненавидим чиновными аппаратчиками. Мало кто подозревал, что нас дурачит выдающийся лицедей.

Через три недели после съезда Ельцин по моей просьбе принял в «Белом доме» делегацию матерей военнопленных. Повстречаться с ними пришел также недавний афганский пленник — полковник Александр Руцкой, председатель комитета Верховного Совета по делам военнослужащих. Вместе с Ельциным был его помощник Лев Суханов. Разговор получился деловым.

Ельцин одобрил мой план переговоров российского Верховного Совета с моджахедами и поручил мне пригласить их в Москву. Для этого предстояло четырем родителям пленных солдат снова отправиться со мной в Пешавар. Нашу связь взялся обеспечить Руцкой.

Ельцин сказал матерям пленных солдат:

- Я искренне сочувствую вашему горю. Последствия афганской войны очень тяжелы. С нашей стороны совершено преступление. И мы должны прекратить поставки оружия в Афганистан с территории России. Речь идет не об автоматах Калашникова — о ракетах, которые в основном производятся предприятиями РСФСР. Для этого необходимо подготовить соответствующее решение, принять закон. Исходя из того, что предприятия и министерства, находящиеся на территории России, должны все подчиняться законам Российской Федерации. И если сегодня в Афгани-

стане воюют нашим оружием, а от этого страдают наши ребята, то ситуацию надо менять. Россия может прекратить поставки оружия со своей территории. А то на словах одно, понимаешь, а на самом деле — кровь льется. Это цинизм, безнравственность!

Заявление Ельцина процитировали день спустя московские газеты. Его мнение об афганской войне содержало по сути новый вызов верховной власти Михаила Горбачева с угрозой лишить президента СССР управления военно-промышленным комплексом России. К тому же Горбачеву были адресованы колкие упреки в «цинизме, безнравственности».

И отныне, само собой, я уже не мог больше надеяться, как год назад, на содействие Горбачева по части выручки военнопленных. Воистину: пань дерутся, а у холопов чубы трещат.

Вслед за публикацией рассуждений Ельцина на афганскую тему мне позвонил посол по особым поручениям^м министерства иностранных дел СССР Николай Козырев (однофамилец министра российского МИДа). Посол работал постоянно в Москве, курировал в своем министерстве афганские дела, однако, числясь дипломатом, подчинялся негласно шефу советской заграничной разведки генералу Леониду Шебаршину, начальнику Первого главного управления КГБ.

В юности оба Шебаршин и Козырев учились со мной в Институте востоковедения. Но студенческой дружбой дорожили они всегда намного ниже, чем своими служебными карьерами. И я сразу угадал подвох в дружеской рекомендации мне Николая Козырева отложить отлет в Пакистан с делегацией семей военнопленных.

Мой друг-посол утверждал, что теперь в Исламабаде отсутствует премьер-министр Беназир Бхутто, а потому пакистанские дипломаты якобы советуют представителям Ельцина отсрочить визит на две недели. Заботливый однокашник Николай не знал, что днем ранее я посетил московское посольство Пакистана, оформил там визы для нашей делегации и получил обещание подготовить для нас встречу с госпожой Беназир Бхутто.

Но я не стал уличать Николая во лжи, чтобы не настораживать преждевременно его начальство, которое я задумал перехитрить.

Спустя неделю Николай позвонил мне вторично и сообщил, что в Исламабаде советское посольство будто бы информировано пакистанскими дипломатами о решении вождей моджахедов отменить прием у них делегации Ельцина. Поэтому придется, посочувствовал мой дружок, отложить поездку «до лучших времен». В ответ я разыграл крайнее огорчение и попросил его помогать нам и впредь. Он сладко проворковал о своей преданности старому другу.

Тем временем я втихую запасаю в «Фонде мира» командировочной валютой для нашей делегации, приобрел авиабилеты до Исламабада на пять человек, использовал свое депутатство для получения моими спут-

никами загранпаспортов и советских выездных виз. Утром 28 июля мы, никого не предупредив, улетели как бы конспиративно в Пакистан.

В тот же день под вечер лосол Николай Козырев, не дозвонившись до меня в Верховном Совете, обратился по телефону к моей жене:

- Иона уже вернулся с работы домой?
- Нет, - ответила жена.
- Скоро появится?
- Он сказал, что возвратится домой в зависимости от хода его дел.
- Где же он застрял?
- Сейчас уже долетел, наверное, до Карачи, а оттуда полетит в Исламабад.
- Ты шутишь?
- Нисколько.
- Значит, он улетел в тайне от меня?
- Да.

- Почему? Потому что ты и КГБ получили, по его словам, задание навредить Ельцину срывом переговоров Ионы с моджахедами.

Это обвинение подтвердил через тринадцать месяцев сам Николай Козырев в начале сентября 1991 года. До того за две недели Николай в первый день августовского путча ГКЧП подстраховался ловким отъездом из столицы на отдых в загородный санаторий. И тем самым сохранил за тем свой дипломатический пост. Его ментор из КГБ генерал Шебаршин оказался менее изворотлив и поплатился вынужденной отставкой. Председатель КГБ Владимир Крючков и вовсе попал в тюрьму. На него и указал порицающе Николай, когда после краха путча я с двумя дипломатами российского МИДа выяснял в здании министерства на Смоленской площади причины саботажа оттуда переговоров Верховного Совета РСФСР с афганскими моджахедами. Николай Козырев признался:

- Препятствовать соглашению людей Ельцина с моджахедами заставлял нас председатель КГБ Крючков.

Крючков интриговал против Ельцина не только в угоду Горбачеву. Хозяин Лубянки считал Афганистан заповедной зоной КГБ и пресекал там любое вмешательство иных сил. Хотя боевые операции вела советская армия, реальная власть над страной принадлежала сотням офицеров КГБ, прикомандированных ко всем афганским госучреждениям. Сам Крючков повседневно контролировал ситуацию в Афганистане и приезжал туда до осени 1990 года тридцать раз!

Он впервые посетил Кабул летом 1978 года после мятежа просоветских офицеров, которые свергли и пристрелили президента Дауда вместе с его семьей. Крючков поздравил революционеров и обещал помощь Кремля их вожакам — новому президенту Тараки и премьер-министру Амину. Спустя год Амин убил Тараки и стал кабульским президентом.

Через два месяца Крючков по приказу кремлевского Политбюро десантировал в Кабул спецназовцев КГБ, которые прикончили Амина. Вме-

сто него Крючков организовал доставку из чешской Праги афганского эмигранта Кармая — новоиспеченного президента. Синхронно советские войска вторглись в Афганистан. О подготовке вторжения Крючков однажды многозначительно обмолвился: «Я был в курсе принимавшихся решений».

После шести лет безуспешного участия СССР в афганской войне Крючков убедил недовольное Политбюро поменять в Кабуле своего прежнего ставленника Кармая на нового фаворита КГБ — шефа секретной полиции и разведки Наджибуллу. Крючков сделал Наджибуллу президентом весной 1986 года. И с той поры руководил им из Москвы, вооружал его армию, снабжал деньгами и провиантом, оберегал от критики в советской прессе. Наджибулла зависел от КГБ во всем настолько, что после ареста Крючкова в августе 1991 года Наджибулла через полгода стал арестантом моджахедов.

Ускользнув из Москвы за рубеж назло всевластному КГБ, я ощущал, как мальчишка, такую бесшабашную радость, которую могут по настоящему понять только люди моего поколения. Ведь мы с юности приучились бояться беспощадной Лубянки. Она подстерегала повсюду, подслушивала каждое неосторожное слово, замечала тайно любые вольности. Долгие годы я, журналист-международник, жил привычно под колпаком КГБ. И вот хоть раз показал ему кукиш, испытав при этом незабываемое счастье!

В Исламабаде я вместе с четырьмя родителями военнопленных обосновался привычно в той же дешевой гостинице, где обитал и прежде. В этом туземном пристанище не было кроме нас других белокожих постояльцев.

Двухэтажный отельчик был по-бедняцки грязноват, хотя имел претенциозное название «Эмбассадор», то есть «Посол». Никакие послы там, конечно, никогда не появлялись. Но зато вся смуглокожая обслуга — дежурные портье, официанты, уборщики — проявляли ко мне дружелюбие, так как я неизменно держался с ними приветливо на равных. Такая манера общения была искренней: люблю издавна азиатский Восток и до сих пор по нему тоскую.

На второй день в Исламабаде нашу делегацию принял исполнявший обязанности пакистанского министра иностранных дел Ифтикар Муршед. С ним я сотрудничал и раньше. Он благожелательно обещал помочь посланцу Ельцина возобновить переговоры с моджахедами.

Муршед сказал, что послезавтра — 1 августа 1990 года — начнется исламский трехдневный праздник Мухарам, а затем наш выезд в Пешавар будет согласован с премьер-министром Беназир Бхутто с целью обеспечить ее поддержку. Все складывалось, казалось бы, наилучшим образом...

Однако поздним вечером 5 августа, когда спала летняя жарыща, я вышел из гостиницы прогуляться перед сном и вдруг увидел везде на

улицах патрули пакистанских солдат. А горожане почему-то исчезли. Почуввав недоброе, я вернулся в отель, где мне сообщили, что по радио объявлен запрет властей на политические манифестации и вообще любые собрания. На утро стало известно: в столице — государственный переворот.

Армейские генералы взяли премьер-министра Беназир Бхутто под домашний арест и упрятали за решетку ее ближайших коллег в правительстве. Парламентскую ассамблею распустили. Резиденцию премьер-министра заняли и обыскали военные. По их рекомендации назначили временно новым премьером угодного им политика. Страной распоряжалась опять ее военщина.

После свержения Бхутто³ я больше не смог разыскать хотя бы по телефону ни одного своего знакомого в министерстве иностранных дел Пакистана. Вскоре был смещен и оказавший мне покровительство директор разведслужбы ИСИ генерал Каллу. Так рухнули обвалью все мои заготовки пакистанского воздействия на моджахедов. К ним в Пешавар я повез свою делегацию, уповаю лишь на русский авось.

Беда, как верно подмечено, не приходит одна. Ее двойником оказался для меня в Пешаваре генеральный консул США Уолтер Майо. Его я не навещал. Но с ним беседовал обо мне американский журналист Патрик Одонелл, бравший у меня интервью в Пешаваре. Одонелл сочувствовал нашим усилиям освободить военнопленных и потому предупредил о том, что генконсул Майо убеждает лидеров моджахедов не вступать в переговоры с представителем Ельцина:

- Майо говорит моджахедам, что Ельцин наперекор Горбачеву не сможет единовластно прекратить поставки оружия Кабулу из России в обмен на освобождение моджахедами советских пленников.

- Это личное мнение генконсула США? — спросил я.

- Нет. По его словам, таково официальное мнение в Вашингтоне правительственных кругов. Их негативное отношение к вашей миссии Майо позволил мне разгласить в прессе без упоминания его имени.

Вашингтонская дипломатия под маской отеческой заботы об интересах вооруженных ею моджахедов явно опасалась, что они, ведя переговоры с Россией, могут уменьшить их зависимость от Соединенных Штатов.

Но еще хуже была моя третья беда. Она исходила из советского посольства в Исламабаде. Сотрудники посольской резидентуры КГБ перед выездом нашей делегации в Пешавар изловчились за моей спиной привезти к себе родителей военнопленных и сказали им, что я обманываю их при раздаче каждому командировочной валюты на питание и персональные мелкие расходы. Речь шла о так называемых «суточных» — 14 долларах в день на человека. А моим компаньонам напели, что им положено будто бы втрое больше.

Эту ложь сразу же отверг отец военнопленного Алексей Амелин, мой трехкратный спутник в Пакистане. Однако трое солдатских матерей по-

³Примечание. Через несколько лет Беназир Бхутто была убита исламскими террористами.

верили клевете и несколько дней спустя устроили мне сообща визгливый скандал. Показанная им командировочная смета валюты «Фонда мира» нисколько не отрезвила распаленных алчностью женщин. Знатоки КГБ по части дамских психозов отоместили мне сокрушительно.

До этой подлости мне было бы немислимо представить превращение российской матери пленного солдата из спасительницы ее сына в хищную охотницу за чужими деньгами. Однако КГБ добилося вроде бы невозможного! Рядовые советские гражданки, настрадавшись всю жизнь в родной державе пустых магазинных полок, увидели впервые за границей множество лавок, переполненных всяческим барахлом. Ах, какие там кожаные жакеты, недорогие туфельки, колготки, сверкающие брошки! И почти задаром нашейные ниточки искусственного жемчуга! От такого неожиданно сойдешь с ума. Ну, они и сошли, обездоленные простушки.

А тут их пожалел на богатой чужбине добрый советский дипломат из КГБ и нашептал подсказку: решительно требуйте доллары из заначки привезшего вас сюда жадного депутата Верховного Совета. И одуревшие подружки набросились на меня:

- Дайте нам, Андронов, еще денег на покупки!
- Не могу, - отбивался я. - Это противозаконно.
- Почему?

- Потому что в Москве мне надлежит документально отчитаться за все расходы валюты. Суточные я вручил вам под ваши расписки. Оплата жилья в гостиницах подтверждена квитанциями. Таким же образом оформлены наши транспортные расходы и телефонная связь. Остаток валюты до последнего цента полагается сдать в бухгалтерию «Фонда мира».

- Остаток денег отдайте нам!
- Чем же это оправдать?
- Тем, что наши дети пропали на войне в Афганистане.
- Стыдно за это вымогать у меня казенные доллары.
- Не смейте нас оскорблять!

Имена трех обезумевших соотечественниц не называю умышленно. Не хочу позорить их публично. Но простить не смог. Они продолжали тайком от меня якшаться с офицерами КГБ из советского посольства. Им посоветовали вернуться побыстрее в Москву и вместо помощи Ельцина положиться впредь на содействие Лубянки в розыске их пленных сыновей.

Впоследствии в Москве зазвали на Лубянку тех же солдатских матерей, зачарованных мишурой пакистанских лавок, и одурманили их новой суперприманкой – устроить им поездку в Швейцарию под предлогом обсуждения там проблемы военнопленных в Женевской штаб-квартире Международного Красного Креста.

Охмурял солдатских матерей на Лубянке офицер КГБ по имени Геннадий Давыдов. Позже он, ветеран афганской войны, погиб как-то странно в подмосковной автокатастрофе.

Меня же ранили бескровно, но почти наповал. КГБ выжгло в моем мозгу последнюю иллюзию – наивную уверенность в благородстве помощи несчастным матерям пленных солдат. Сострадание к ним не исчезло, но было отравлено ядовитой примесью презрения. Их женское стяжательство, бесстыдная готовность к мгновенной измене, истеричность и глупость умертвили во мне прежний настрой самопожертвования ради них.

Их сыновья в плену, конечно, вызывали острую жалость, но ведь я уже точно знал, что выжили у моджахедов только покорные рабски^е невольники. Так чем же теперь осталось мне себя воодушевлять? Только одним: надо было, стиснув зубы, доказать самому себе преданность начатому благому делу.

День за днем в Пешаваре я с Амелиным посещал штабы моджахедов и приглашал их вождей в Москву на переговоры с Ельциным. А троих наших делегатов влекли магазины, но по ним расхаживать было весьма рискованно для русских из-за обилия в городе афганских боевиков.

Заскучавшие дамы в конце концов уехали в безопасный Исламабад. Их проводил я с облегчением, хотя разлад с ними тщательно скрывал, так как был под неусыпным наблюдением местных журналистов. И ежедневно читал в пакистанских газетах репортажи о деятельности московской делегации.

Правдивая информация перемешивалась с анекдотическими сплетнями. Дошло до того, что издающаяся в Карачи уважаемая газета «Нэйшн» оповестила:

«Президент Советской федерации Ельцин встретился в Пешаваре с президентом афганского временного правительства Сибхатуллою Моджадеди».

Вместо этого Моджадеди после долгих бесед со мной согласился послать своих эмиссаров в Москву на переговоры с Ельциным. К тому же удалось склонить и других предводителей моджахедов. Рассорившийся с ними Хекматъяр многодневно торговался со мной, набивал себе цену, кочевряжился и предложил в итоге встретиться отдельно с представителями Ельцина на нейтральной почве в Цюрихе или Женеве.

Отныне Ельцину предстояло определить дату его переговоров с моджахедами. Я телеграфировал ему о том, что накануне переговоров вожди моджахедов, контролируя уже 80 процентов территории Афганистана, поручили мне уведомить председателя Верховного Совета РСФСР об их намерении установить в будущем мирные отношения с нашей страной и гарантировать спокойствие на афгано-советской границе.

Вдобавок Хекматъяр пообещал передать Ельцину поименный список советских военнопленных и позволить до их освобождения свидания с родителями. Заключительная фраза моей телеграммы Ельцину гласила:

«В соответствии с национальными интересами России прошу вас, Борис Николаевич, воспользоваться вашей уникальной возможностью выручить из чужеземной неволи наших уцелевших соотечественников».

Покидая Пешавар, я увез письменное послание правительства моджахедов Борису Ельцину. Вот дословный текст этого документа:

**Исламское временное правительство Афганистана,
5 сентября 1990 года.**

**Его Превосходительству Борису Ельцину,
Председателю Верховного Совета
Российской Федерации,**

Москва.

Ваше Превосходительство,

Позвольте мне поблагодарить вас за ваше любезное приглашение посетить Москву. Сейчас моя занятость здесь и мой отъезд в ближайшие дни в Афганистан не позволят мне воспользоваться вашим приглашением в настоящее время. Вместе с тем, Ваше Превосходительство, я с удовлетворением сообщая вам, что уполномочу высокопоставленную делегацию участвовать в переговорах в Москве относительно военнопленных и других проблем обоюдной заинтересованности.

Примите, пожалуйста, Ваше Превосходительство, заверения в моей высочайшей признательности.

Искренне ваш профессор Сибхатулла Моджадеди,

Президент Исламского временного правительства Афганистана.

Столь вежливое согласие воинственных моджахедов смиренно прибыть в столицу их врагов досталось мне недешево: полтора месяца нервозности аукнулись перебоями сердца, аритмией и спазматическим головокружением. Измотавшись до крайности, я вернулся 16 сентября в Москву.

На следующий день Ельцин получил послание правительства моджахедов. Прочитав, он назначил мне время для детального обсуждения с ним дальнейших планов – 21 сентября в полдень в утре.

За десять минут до рандеву я вошел в просторную приемную перед дверью кабинета председателя Верховного Совета РСФСР на пятом этаже московского «Белого дома». Секретарь Ельцина, отойдя от конторки с портативной рацией и телефонами, предупредительно сказал, что председатель уже выехал из дома и примет меня первым. Но в условленное время он не появился. Не было его ни четверть часа спустя, ни через полчаса, ни позже.

В приемную входили чиновники секретариата, растерянно переговаривались, уходили, возвращались. Дежурный секретарь тревожно отмалчивался пока у него не зазвонил кремлевский спецтелефон. Выслушав кого-то, он громко произнес:

- Борис Николаевич подвергся нападению! Он жив, но сильно пострадал. Сейчас его везут в кремлевскую больницу.

Приемную начали заполнять возбужденные депутаты Верховного Совета. Они уже слышали по радио экстренное сообщение о ранении Ельцина. В шумной толпе парламентариев пересказывали разные слухи о том, что случилось: «покушение», «заговор», «вылазка подручных Горбачева». Однако никто толком ничего еще не знал.

Лишь после полудня стало достоверно известно, что на улице Горького, ныне Тверской, какой-то москвич-пенсционер с его дочкой на их «Жигулях» врезались с разгона в ельцинскую «Волгу» и растаранили ей как раз тот бок, где сидел Ельцин. От столкновения «Волгу» швырнуло с мостовой на забор новостройки и расшибло о него повторно. Ельцин был окровавлен ударами в бедро и голову. Он получил сотрясение мозга.

Его отвезла в больницу обычная машина скорой медпомощи. Тогда он ездил по улицам еще без нынешнего своего автокортежа с лимузинами реанимации, охраны, милиции с сиренами и не приказывал останавливать на пути его бронированного «членовоза» весь городской транспорт.

Дорожный инцидент утром 21 сентября 1990 года, как оказалось, произошел стихийно без всякого злого умысла. Вместе с тем травмы Ельцина аннулировали его график ближайших встреч. Был отменен даже подготовленный визит Ельцина в Рим к премьер-министру Италии и папе Римскому. Тем более было уже не до меня со всей афганской кутерьмой. Рассеянный пенсионер за рулем «Жигулей» навредил и мне рикошетом.

Мои оппоненты тем временем оживились. Наджибулла с помощью кабульского друга – советского посла Пастухова – пригласил к себе погостить члена Президиума Верховного Совета РСФСР полковника Руцкого. Его афганский опыт Ельцин ценил в ту пору и потому доверил Руцкому заниматься со мной освобождением наших военнопленных.

В те дни Руцкой демонстрировал чрезвычайную почтительность к Ельцину, который потом насмешливо вспоминал, как услужливый полковник – депутат заботливо предлагал снабжать его самыми модными костюмами и ботинками, внося в кабинет Ельцина целую дюжину заграничных башмаков.

Еще больше Руцкой угодил Ельцину тем, что расколол в российском парламенте фракцию коммунистов и часть ее увлек за собой в созданную им группу «Коммунисты за демократию». Последующее решение Ельцина сделать Руцкого своим вице-президентом не было, как многие у нас заблуждаются, совершенно спонтанным.

В Кабуле президент Наджибулла встретил Руцкого с обворожительным радушием, сам его угощал, развлекал, ублажал во всем и льстил ему сладко по-восточному. Заодно гостеприимный кабулец внушал очарованному гостю, что следует заморозить в зародыше российский диалог с мусульманскими бунтовщиками, которых еще недавно летчик Руцкой бомбил геройски и был за это удостоен высшей награды СССР.

Наджибулла также уверял, что сумеет будто бы без московских переговоров с моджахедами самостоятельно заполучить от его смертельных супостатов захваченных ими советских солдат. Руцкой вернулся домой одурманенным речами кабульского кудесника.

Вскоре в «Белом доме» Руцкой пригласил меня в его кабинет и командирским голосом изрек, что нам «больше не надо церемониться с бандитами в Пешаваре» и зазывать их в Москву на переговоры. Я опешил:

- Как же мы освободим военнопленных?

- Это сделает для нас Наджибулла.

- Но ведь вожди моджахедов прокляли его, не имеют с ним никаких дел и мечтают растерзать!

- Это лишь их болтовня. Наджибулла обещал мне, что на протяжении трех месяцев до новогодних праздников он вынудит бандитов отдать нам 26 наших солдат.

- Почему 26? А остальные?

- Их выручит Наджибулла позже.

- Неужели вы поверили его сказкам?

- Ты плохо осведомлен о способностях Наджибуллы, - рассердился Руцкой, «тыкая» мне по-полковничьи.

- Но тогда давайте, полагаясь на Наджибуллу, подстрахуемся тем не менее нашими переговорами с моджахедами, - пытался я урезонить его. - Одно не исключает другого.

- Нет! - отрезал он. - Трепотня с твоими бандитами бесполезна.

- Не согласен.

- Слушай то, что я тебе говорю! Кончай пререкаться!

- А вы, полковник, не орите на меня. Мы с вами не в казарме. И гауптвахты нет тут у вас.

- Ну, и черт с тобой!

- Он уже передо мной. Вселился в вас.

Разругавшись с Руцким, я проиграл очень крупно. Он был тогда просто вхож к Ельцину и убедил его, очевидно, в своей правоте, когда тот вышел из больницы. Помощники председателя Верховного Совета передали мне, что их начальник отложил вроде бы из-за его занятости обсуждение со мной афганской тематики. Она почему-то утратила у него актуальность. Это были явно политесные отговорки.

Наджибулла, его менторы из нашего КГБ и враждебный Ельцину горбачевский МИД предприняли против меня в октябре открытое контрнаступление в московской прессе. Руководство КГБ снарядило в Кабул нескольких журналистов из подконтрольного Лубянке агентства печати «Новости» и «Известий». Их доставили к Наджибулле. Он устроил им два приема, изобличая едко насалившего ему, по его словам, «новоявленного советского миссионера»:

- Безответственное поведение Ионы Андропова не только не помогает делу освобождения военнопленных, но, напротив, тормозит этот процесс.

Ему подпевал советский посол Борис Пастухов:

- Ажиотаж, поднятый в последнее время вокруг проблемы освобождения военнопленных, подчас просто вреден.

Одновременно в Москве глава управления информации МИД СССР Геннадий Герасимов, который никогда не был в Пешаваре и в дальнейшем поселился в США на курортных Гавайских островах, высказался беззащитно от имени вождей моджахедов:

- Никто в Пешаваре пока не собирается в Москву.

Все это повторила у нас столичная печать. Некоторые газеты, однако, опубликовали и мои возражения. Их процитировала, например, газета «Куранты»:

- Недавно я разговаривал по телефону со штабом лидера моджахедов Моджадели, откуда мне сообщили, что представительная делегация для выезда в Москву уже сформирована. С их стороны готовность есть. Дело остается за нами.

Вспыхнувшая полемика грозила окончательно похоронить согласие моджахедов на переговоры с Ельциным. Были потеряны впустую три последних месяца 1990 года. К новогодним праздникам Наджибулла, вопреки его посулам, не сумел добиться освобождения из плена ни одного нашего солдата. Это никак не озаботило Руцкого.

В декабре на съезде российских депутатов в Кремле я в кулуарах протолкался сквозь свиту и охранников Ельцина и вручил ему двухстраничную апелляцию.

- Что это? — спросил он.

- Адресованный вам мой официальный запрос народного депутата.

- О чем?

- О том, что вы загадочно не реагируете на согласие афганских моджахедов приехать сюда к вам по вашему приглашению.

- Чего вы хотите?

- Серьезного разговора с вами о судьбе наших военнопленных в Афганистане.

- Поговорим после съезда.

- Когда конкретно?

- Уточню и сообщу.

10 января 1991 года в «Белом доме» улыбающийся Ельцин приветливо протянул мне руку, когда я вошел в его кабинет. Он вызвал секретаря и приказал не соединять с ним никого по телефону во время нашей беседы. Тем самым он напоказ собеседнику как бы приподнял важность встречи. По части таких штучек он был мастак. А я счел несвоевременным укорять Ельцина за трехмесячную отсрочку его ответа вождям моджахедов. И только пожаловался, что родственники наших военнопленных неустанно сгуют мне на срыв санкционированных им переговоров с пешаварскими афганцами.

Затем я кратко рассказал о пребывании в Пешаваре и кознях КГБ, а он сказал, что Крючков и Горбачев пакостят ему во всех его делах. Ельцин принялся перечислять множество горбачевских интриг против него, разволновался, жестикулировал и говорил об этом так долго и обозленно, будто его поразил припадок лихорадочной мании преследования.

Почти полчаса из сорокаминутной встречи с ним я слушал его гневные порицания коварного Горбачева. Наконец, он выдохся и умолк, а я торопливо попросил его дать долгожданный ответ от имени Верховного Совета на согласие моджахедов приехать в Москву. Ельцин сказал, что принял твердое решение принять их здесь и предложил мне организационно обеспечить подготовку приема пешаварской делегации в сотрудничестве с его главным помощником Виктором Илюшиным.

Таким образом я все же добился своего, но ясно уразумел, что Ельцин заново приглашает моджахедов и будет помогать освобождению военнопленных ради подъема собственной популярности нарочно в пику Горбачеву.

В заключение беседы я успел рассказать Ельцину, как о нем высказывался в Пешаваре один из лидеров моджахедов Хамид Карзай, назначенный руководителем афганской делегации на предстоящих переговорах в Москве. Карзай однажды в разговоре со мной удивился:

- Почему ваш Ельцин поощряет национальные республики Советского Союза к их суверенитету? Такое может развалить вашу страну.

- А вы печетесь о нашем благе? — рассмеялся я. — Вы же девять лет воевали насмерть против нас.

- Да, мы прогнали вас с нашей земли, — ответил Карзай. — Но не хотим, чтобы Россия перестала быть нашим северным соседом.

- Почему?

- Потому что наши соседи на юге и ^(Западе)востоке — Пакистан и Иран — намного сильнее Афганистана и пытаются давно подчинить себе нашу страну, разорвав ее по частям. А русские не позволяют этого сделать. Зачем Ельцин разрушает Советский Союз?

- Это неправда. Ельцин идет всего лишь на вынужденные уступки нашим нерусским окраинам. Тем самым он гасит там тлеющие искры мятежей. Так он рассчитывает сохранить великую державу. Она ему дорога, ибо он человек подлинно русский.

Выслушав мой пересказ этого пешаварского эпизода, Ельцин заулыбался:

- Молодец, Иона Ионович! Вы правильно понимаете суть моей политики.

В его искренности тогда я несколько не усомнился. И оправдывал его в Пешаваре честно. Каким же был я простофилей!

Менее года спустя в Беловежской пуще Ельцин за хмельным застольем расчленил наше государство. А это одобрили слепо депутаты российского Верховного Совета за исключением только десятка моих

коллег. От общего греха и позора меня чудом уберег очередной вояж в Пакистан... *Теперь же Хамид Карзай — президент Афганистана.*

После успешного свидания с Ельциным я обсудил детально порученное мне задание с его главным помощником Илюшиным. И отправился в посольство Пакистана за помощью в подготовке отлета из Пешавара в Москву делегации моджахедов.

Замещавший пакистанского посла мой старый знакомый Фарук Рана дружески посоветовал во избежание помех со стороны кремлевских недругов Ельцина привезти мне самому в Пешавар для делегации моджахедов оплаченные билеты «Аэрофлота» и разрешение на выдачу гостям советских въездных виз. Мой отлет в Пакистан запланировали на конец января.

Однако 27 января меня позвали в секретариат Ельцина и показали полученную им депешу из КГБ. Начальство Лубянки извещало о «целесообразности отсрочки визита в Исламабад заместителя председателя Комитета по международным делам Верховного Совета РСФСР И. Андропова с целью обсуждения вопроса о военнопленных и об установлении прямых контактов между РСФСР и руководством моджахедов в Пешаваре».

Это был по-существу полицейский окрик с Лубянки: «Стоять! Не шевелись!». Но как они пронюхали о моих замыслах? Тайно подслушивали разговоры в кабинетах Ельцина и его преданного помощника? Или в резиденции пакистанского посла? Имели повсюду своих осведомителей? Не знаю поныне. Однако признаю их былую мощь шпионажа и превосходство в умении нанести первыми упреждающий удар.

Депеша КГБ рекомендовала Ельцину не лезть в афганские дела: «Афганская оппозиция сможет получить согласие Горбачева на обсуждение с ней важных вопросов». Состязание двух соперников было, как видно, во всем обоюдно маниакальным.

Последние строки депешы содержали угрозу: «Вопрос о советских военнопленных может стать предметом политической борьбы между руководством СССР и РСФСР».

Потенциальные борцы команды Горбачева были поименно перечислены: адресатами депешы из ведомства Крючкова значились помимо Ельцина министр обороны СССР Дмитрий Язов, министр иностранных дел СССР Александр Бессмертных, вице-президент СССР Валентин Янаев. Впятером против одного! Почти как в драках уличной шпаны. Кремлевские забияки устроили закулисную свару вместо совместного спасения наших солдат из афганского плена.

5 февраля Ельцин получил вторую депешу из КГБ, которую мне опять показали. На сей раз Лубянка обнаружила антипатриотизм в якобы ошибочных призывах общественности освободить всех советских военнопленных:

«Большинство из них совершили те или иные преступления (дезертирство, мародерство и прочее) или «повязаны кровью» с моджахедами в действиях против советских и афганских войск».

Тем самым как бы отрицалась узаконенная амнистия всем воевавшим в Афганистане советским гражданам.

Депеша КГБ завуалированно шантажировала Ельцина вроде бы компроматом против него: «американские спецслужбы подталкивают моджахедов» к изощренной провокации – «стимулированию давления команды Ельцина на Горбачева». Значит, получалось, что наряду с вождями моджахедов и я наемный подстрекатель ЦРУ?!

Обе депешы КГБ в целом грозили Ельцину в разгар его конкуренции с Горбачевым открыть новый фронт противоборства на афганском направлении. Обойма обвинений Ельцина была ему для устрашения заголя негласно показана: он, мол, безмозглый спаситель «повязанных кровью» с врагами презренных дезертиров, мародеров и предателей, партнер убийц-моджахедов, пособник ополчившихся на президента СССР заокеанских спецслужб.

Так испачкать Ельцина публично в прессе было вполне возможно по секретным приказам КГБ. Дезинформацию поддержали бы послушно из МИДа и министерства обороны. И все это предвидя, Ельцин пожертвовал его переговорами с моджахедами. Для него такая потеря была мелкой. Мой отлет в Пакистан не состоялся.

Полтора месяца я ждал материализации обещанного в первой депеше КГБ: переговоры с моджахедами о наших военнопленных будет курировать Горбачев. Но он практически бездействовал. Его отвлекли другие заботы в борьбе с Ельциным.

И тогда пришлось заново сыграть «ва-банк». Я дал депутатское интервью самой многотиражной в столице газете «Московский комсомолец», разгласив содержание депеш КГБ Ельцину. И осудил КГБ за торпедирование визита в Москву делегации моджахедов. А влобавок организовал манифестацию протеста семей военнопленных перед парадным входом в дворцовую высотку министерства иностранных дел.

Вскоре позвонил мне домой по телефону мужчина с бархатным баритоном:

- Можно поговорить с Ионой Ионовичем?

- Да, слушаю вас.

- Меня зовут Александр Николаевич Карбаинов. Я начальник центра общественных связей Комитета государственной безопасности СССР.

- Вы, наверное, генерал?

- Генерал-майор. Могли бы мы повидаться?

- А зачем?

- Это не телефонный разговор.

- Но важный?

- Полезный и вам.

- Раз так, то согласен встретиться.

- Где вам удобнее? Могу приехать к вам домой.

- Нет, побеседовать с генералом КГБ, пожалуй, интересней в КГБ.

- Завтра?
- Ладно.
- Наш дом знаете на Лубянке?
- Еще бы!

Генерал Карбаинов был одет штатски в добротный темный костюм, а кабинет имел престижный: окнами на Лубянскую площадь, где стоял посредине черный великан – первый чекист Железный Феликс. Его сокрушили здесь москвичи через пять месяцев. Но пока что он казался вечным, а генерал Карбаинов горделиво сказал мне, что рядом с его кабинетом есть еще одна историческая реликвия – бывший кабинет покойного Лаврентия Берии. И тут я понял, что разговор со мной будет суровым.

Генерал напомнил мне о газетном интервью против КГБ и припугнул:

- Офицеры подчиненного мне управления имеют хорошие связи с прессой. Они уже подготовили относительно вас очень нелицеподобную публикацию. Но предварительно я решил выяснить: осознаете ли вы теперь опрометчивость своего поступка?

- Ничего дурного я не сделал.
- Вы совершили недопустимое.
- Разве я извратил содержание депеш КГБ?
- Вы нарушили правила служебной секретности.
- Но я не на службе у вас и не давал подписок блоку вашу секрет-

ность.

- Напрашиваетесь на неприятности?

- Гораздо больше неприятностей вам могу я причинить. Ваши офицеры напечатают гадость обо мне в какой-нибудь московской газете, а я, генерал, ваши сегодняшние угрозы мне процитирую с трибуны Верховного Совета. Там аккредитованы десятки газетчиков и телевизионных корреспондентов, включая зарубежных. Им я опять расскажу о саботаже КГБ освобождения наших военнопленных. Хотите так громко оскандальиться?

- Не нужен такой максимализм! – отпрянул он. - Нам надо помириться и помогать друг другу. Не забывайте о помощи вам из КГБ в обмене военнопленных.

- Это осталось, к сожалению, в прошлом.
- Давайте снова вместе выручать наших парней.
- Нет возражений.

- Ну, и отлично! – залучился добродушием генерал. – Никаких наших публикаций о вас не будет. Я доволен встречей с вами. На прощание свидания бы вас, как гостя, осмотреть кабинет Берии, но он заперт, а ключа у меня сейчас нет. Дьявольски досадно. Но вы не расстраивайтесь. Сходим туда в следующий раз. Будьте здоровы!

Следующего раза в нашем знакомстве не было. Тем не менее генерал КГБ с профессиональным оскалом клыков и благожелательной улыбкой

выполнил предложенное им перемирие. Газетный пасквиль обо мне не появился. Однако Лубянка продолжала блокировать приезд моджахедов в Москву.

Тем временем Ельцин полностью сосредоточился на предвыборных боях за кресло президента России. Ему неумоимо расставлял замаскированные препятствия ревнивый Горбачев. Оба обменивались словесными уколами и щелчками, но уже не пихались из-за первенства в освобождении военнопленных. И потому не интересовались больше участью спасенных солдат.

12 июня Ельцин стал первым российским президентом. Его победе я, каюсь, способствовал посылно, будучи приглашен в сотню «доверенных лиц» во главе предвыборного авангарда тогдашнего народного любимца. После его триумфа я пришел к главному помощнику победителя Илюшину с просьбой напомнить Ельцину о незавершенных афганских делах.

Виктор Илюшин незаметно приобрел за истекший год большое влияние на своего шефа. Педантичный и неговорливый помощник исправно выполнял наиболее деликатные поручения начальника, составлял для него ежедневное расписание нужных встреч и публичных выступлений, вездливо фильтровал посетителей Ельцина и сообщал о них заранее добытые сведения.

Илюшина заслуженно прозвали «серым кардиналом». Но осторожный чиновник не выказывал никакого зазнайства, общался со всеми скромно и корректно, а мне помогал деловито и даже слегка симпатизировал, так как сам побывал в Афганистане во время войны.

Неизменно вежливый Илюшин усадил меня в кабинетное кресло, предложил чашечку кофе и произнес сочувственно:

- Вынужден вас немного огорчить. Борис Николаевич более не занимается проблемами, связанными с Афганистаном. На это у него ныне нет времени.

- Но он же обещал помогать родителям наших военнопленных! — изумился я.

- Решения Бориса Николаевича я не комментирую, — охладил меня Илюшин.

- Кто же из высших властей теперь поможет?

- Афганская проблематика передана Борисом Николаевичем вице-президенту Руцкому. Обратитесь к нему.

- Он категорически отвергает мои действия для освобождения военнопленных.

- Прискорбно. Но изменить ничего не могу.

Вот чем бесплодно закончилось навсегда мое сотрудничество с Борисом Николаевичем Ельциным.

ДВА ПОПУГАЯ ДЛЯ ВИЦЕ-ПРЕЗИДЕНТА

Ранним утром в августе 1991 года мне послышался сквозь сон металлический скрежет атакующих танков. В полудреме мелькнула мысль, что приснилась старая бесовщина афганской войны. Но лязг железа не смолк, когда я разлепил веки и пробудился. Грохотало из окон моей квартиры на Кутузовском проспекте. Выглянув наружу, я увидел колонну танков и бронетранспортеров. Они двигались к центру города.

Включил радио и услышал, что в Москве будет введено чрезвычайное положение. Новая высшая власть объявила свое длинное наименование – Государственный комитет по чрезвычайному положению в СССР. Сокращенно – ГКЧП. Его суть состояла тоже из четырех букв – путч.

Примчавшись к «Белому дому», я увидел вокруг него небольшие с утра толпы москвичей. Преобладала молодежь.

Среди собравшихся внутри здания депутатов появились Ельцин, Руцкой и Хасбулатов, руководивший российским Верховным Советом, но еще не избранный его председателем. Общее настроение было решительным – обороняться любыми средствами от ожидаемого нападения путчистов. К вечеру 19 августа «Белый дом» окружали сотни горожан. Они сооружали баррикады из досок, камней, столбов, арматуры. Дальнейшие события описаны уже многократно.

Запомнилась самая тревожная ночь в «Белом доме» с 20 на 21 августа, когда депутатов предупредили о вероятном намерении путчистов штурмовать в те часы парламент. Мы устроили тогда прощальное заседание Верховного Совета в маловместительном зале Палаты национальностей. Там же по горькой иронии судьбы два года спустя наш Верховный Совет докончили новые штурмовики в кровавом октябре 1993 года. А кремлевские путчисты августа 1991 года пощадили нас, но все же напугали многих депутатов настолько, что они исчезли тогда из Москвы или отсиживались робко в своем жилье в столичной гостинице «Россия».

Ночью наступившего 21 августа внутри «Белого дома» сошлись в Палату национальностей лишь 56 из непокорных путчу депутатов Верховного Совета, хотя всего их было 250.

Той ночью в ожидании штурма Ельцин укрылся в подвальном бункере «Белого дома». Туда передали ему из соседнего здания посольства США приглашение американских дипломатов спрятаться у них. Он со-

гласился воспользоваться этим предложением в случае безвыходной для него ситуации.

Главный телохранитель Ельцина и его ближайшей советчик Александр Коржаков уговаривал президента России решиться на политическое убежище в американском посольстве: «В нем можно скрываться долго». Коржаков настойчиво твердил: «Без посторонней помощи погибнем». Все было готово для бегства Ельцина к американцам.

Однако к утру угроза штурма миновала, и Ельцин, осмелев, вышел из подземелья «Белого дома». Через несколько часов путч потерпел крах, и сразу же в «Белом доме» появилось такое множество депутатов-победителей, что им не хватило мест в самом большом зале. Они ликовали, произносили пафосные речи, требовали жестоко покарать участников ГКЧП. Потом гурьбой, толкая друг друга, ринулись вслед за Ельциным на балконную площадку, откуда он поздравил с разгромом путча ревущую восторженно внизу огромную толпу. С ее края постояв недолго, я пошел отсыпаться домой.

Подряд три августовских дня и две ночи я был вместе с защитниками парламента не во славу Ельцина с обступившими его на балконе прилипами.

Балконные герои «Белого дома» после речи Ельцина жаждали тоже повитийствовать всласть перед московским людом. Но охранники Ельцина допустили к микрофону только удостоенных попасть в особый президентский список. В нем среди первоочередных ораторов не было вице-президента Руцкого, трехсуточного командира обороны «Белого дома». Обиженному вице-президенту пришлось наспех всучить записку адъютантам Ельцина с просьбой выступить, чтобы добиться этого хотя бы пятым, а не вторым.

Затем Ельцин и его соратники отправились пировать с парламентского балкона на их праздничном банкете. Но и туда не позвали Руцкого.

А далее Ельцин со всем своим президентским персоналом переехал из «Белого дома» в Кремль, вытеснив сотрудников Горбачева из дворца возле Спасской башни. Но и там лишили местечка вице-президента. Почти месяц после балконного апофеоза Ельцин вообще уклонялся от встреч с Руцким.

Черная кошка пробежала между ними еще до августовского путча. Ельцину донесли, что преданность ему Руцкого лицемерна. А Руцкому подсунили магнитофонную кассету с потайной записью разговора Ельцина с приятелями. На банно-винной гулянке Ельцин выболтал желание как-либо избавиться от вице-президента и назвал его временщиком.

Руцкому также пересказали слова о нем из другой доверительной беседы Ельцина с его конфидантами во время крушения августовского путча: «Мавр сделал свое дело, мавр может уходить». Попавшего в опалу вице-президента, отлучив от Ельцина в Кремле, оставили одиноко терзаться в парламентском «Белом доме».

Мой депутатский кабинет находился поблизости от апартаментов Руцкого, и однажды мы повстречались. Он поздоровался со мной столь обходительно и заговорил так дружески, словно мы никогда не конфликтовали. У него природный талант перевоплощаться. Да еще есть, если он не грубит, бесспорное обаяние. Он по-мужски красив. Офицерски галантен. Одет как денди. Искусно умеет быть не приторно приятным собеседником.

А я податлив, когда со мной любезны, и потому очутился в тот день в кабинете Руцкого, внимая его откровениям о размолвке с Ельциным. Потом он сменил тему:

- Должен признать, что раньше ты был, Иона, прав, а я ошибался.
- В чем? – спросил я, не придираясь к его привычке «тыкать».
- Ты оказался прав в нашем споре о военнопленных. Давай взаимодействовать опять?
- Тогда потребуется возобновить контакты с моджахедами.
- Возобновим. С чего предлагаешь начать?
- Согласитесь принять как вице-президент России нового пакистанского посла Ашрафа Казии. Он в прошлом помогал моим переговорам с моджахедами. Он способен снова помочь.
- Пригласи его ко мне.
- Отлично!

Посол Пакистана пришел в «Белый дом» к Руцкому вместе с военным атташе, который несомненно был представителем пакистанской всемогущей разведслужбы ИСИ. Обоим польстило оказанное им гостеприимство у вице-президента России. Они обещали способствовать его инициативе обсудить вновь с моджахедами проблему военнопленных. Подготовку этого Руцкой возложил на меня. И предложил стать официальным советником вице-президента по международным связям. Моя новая должность была бесплатной, так как я получал зарплату депутата.

Почему Руцкой вдруг вспомнил о военнопленных и обратился ко мне? Правдивый ответ я, понятно, знал, но из-за этого не мог брезгливо пренебречь готовностью вице-президента возобновить спасение наших солдат из плена. Выручить их мне, депутату, было не под силу самостоятельно.

Достичь государственного соглашения с правительством моджахедов мог только полномочный руководитель исполнительных властей моей страны. А им фактически стал, подмывая Горбачева, победоносный Ельцин. Он передоверил маловажные ему афганские дела Руцкому. Лишь на него оставалось уповать.

Между тем вслед за путчем испарились осенью 1991 года почти все былые помехи московским переговорам с моджахедами. Недавний хозяин Лубянки и опекун кабульского Наджибуллы оказался среди узников центральной тюрьмы КГБ. Его наследник Вадим Бакатин принял меня и

пообещал подключиться к освобождению военнопленных, хотя был поглощен иным занятием – громил оголтело всю систему госбезопасности.

В небоскребе МИД СССР я обнаружил тоже большие перемены: новый министр Борис Панкин взялся сам обеспечить приезд в Москву делегации моджахедов, устроить им торжественную встречу и поселить их со всеми сверхудобствами в привилегированной спецгостинице министерства.

Такая услужливость показалась мне уж слишком чрезмерной. Поощрять нахрапистых моджахедов нужно было бы очень дозированно, чтобы они не обнаглели. Но это было неведомо министру-новичку Панкину.

Кадровый партноменклатурщик и свежеепеченный «демократ» Борис Панкин поспешил усладить покровителей моджахедов в Соединенных Штатах. Панкин пригласил в Москву государственного секретаря США Джеймса Бэйкера и вместе с ним огласил 13 сентября «Совместное советско-американское заявление по Афганистану» – новое соглашение, в котором не было ни единого слова о наших военнопленных! Игнорируя их, Москва договорилась с Вашингтоном взаимно прекратить поставки оружия враждующим афганцам с 1 января 1992 года.

Однако не предусматривалось никакого противодействия отлаженной контрабанде американского оружия через Пакистан для моджахедов. Им подарили тем самым безвозмездно как раз то, чего они добивались ранее в обмен на освобождение советских пленников. Еще до приезда делегации моджахедов в Москву мы лишились единственного способа заставить их отдать наших солдат.

Непричастное к сделке Панкина и Бэйкера правительство Пакистана отказалось пресечь переправку оружия моджахедам. Временное правительство моджахедов объявило, что не приняло никаких обязательств способствовать несогласованному с ним двухстороннему соглашению СССР и США. Все это вынудило меня попытаться 20 сентября растрезвожить российский Верховный Совет:

- Кремлевская дипломатия опять предала наших военнопленных в Афганистане!

В зале заседаний Верховного Совета я роздал депутатам листки обращения к ним 23-х родственников военнопленных:

«Мы, матери и отцы потерянных в Афганистане наших детей, глубоко возмущены молчанием об их судьбе в опубликованном 13 сентября «Совместном советско-американском заявлении по Афганистану». Мы категорически не согласны с тем, что прекращение военных поставок СССР в Кабул не обусловлено освобождением из плена наших детей.

Наших сыновей предали уже трижды. Восемь лет молчали о них на протяжении афганской войны. Потом забыли о них при выводе советских войск из Афганистана и подписании об этом Женевских соглашений. Теперь их предала наша собственная власть в советско-

американском соглашении. А мы обращаемся к вам, депутаты России: как еще долго вы будете равнодушно терпеть наш национальный позор?

Если и сейчас вы постыдно проявите равнодушие и бессердечность, то мы, доведенные в своем горе до отчаяния, объявим 25 сентября голодовку у стен «Белого дома».

В тот же день Верховный Совет, стремясь успокоить семьи военнопленных, издал директивное постановление для руководства советской дипломатии – «экстренно возобновить в Афганистане и Пакистане подготовку переговоров об освобождении советских военнослужащих».

Но пагубный экспромт министра Панкина не был исправлен. Ибо в ту пору его сановные коллеги безнаказанно вредили не только в афганских делах. Капитулянты горбачевской закваски уже обещали японцам отдать острова Южных Курил, презентовали американцам нефтеносный шельф Берингова моря, позволили чужакам захватить несметное советское имущество от Прибалтики до Германии. Держава, преданная ее правителями, рухнула спустя три месяца.

Вечером 10 ноября 1991 года я вместе с чиновными дипломатами и толпой журналистов встретил в аэропорту Шереметьево прилетевших моджахедов. Двадцать бородачей в шерстяных бурнусах, широкополых беретах, тюрбанах и барашковых папахах вступили впервые на землю Москвы, которую они многие годы проклинали неистово за кровавую интервенцию.

На лицах гостей и теперь не было вежливо-дипломатических улыбок. Холодно и отстраненно поздоровался со мной прежний пешаварский собеседник – Бурхануддин Раббани, ставший министром иностранных дел в правительстве моджахедов. Их делегацию возглавил он же.

Седобородый Раббани – зачинатель афганского «джихада». С начала 70-х годов он призывал к силовому созданию в Афганистане теократического государства исламистов. Его меченосной опорой стал знаменитый военачальник моджахедов Ахмад Шах Масуд, прозванный «Львом Пандшера» за то, что сделал базой своих боевиков Пандшерское ущелье в горах севернее Кабула.

Масуд и Раббани – афганские таджики. Среди вождей моджахедов Раббани – наиболее опытный политик и мусульманский интеллигент. Он автор нескольких богословских книг. Воспитанник Каирского университета Раббани за время моего трехлетнего знакомства с ним всегда проявлял цивилизованность, тактичность и незаурядный ум.

Вместе с тем Раббани лично причастен к убийствам советских военнопленных. Об этом я знал от моего друга – полковника Александра Олейника, работавшего в газете «Красная звезда». Ему удалось раздобыть документальные показания очевидцев о малоизвестной гибели узников Раббани близ Пешавара в местечке Балабера.

Примечание. Масуд и Раббани были убийцы воевод-советов в Афганистане и исламскими террористами.

Там есть старинная крепость, которую превратили моджахеды в их перевалочный склад американского оружия. Труд складских грузчиков выполняли рабы — 40 пленных военнослужащих кабульской армии и 12 захваченных наших солдат.

Дюжину «шурави», то есть советских, содержали изолированно в тюремном подвале крепости. Их заковывали по ночам в кандалы. Секли железными прутьями за малейшее неповиновение. Беспощадность избиваний была вызвана тем, что все двенадцать пленников отказались принять ислам и мусульманские клички, а потому считались «неисправимыми». Их имена, к сожалению, по сей день не установлены. Сегодня знаем только, что одного из них звали Виктором. Это был предположительно украинец Виктор Васильевич Духовченко.

26 апреля 1985 года в 9 часов вечера, когда моджахеды в крепости скопились на плацу для молитвенного намаза на коленях, советские солдаты по команде Виктора внезапно напали на охранников арсенала, разоружили их, овладели сторожевыми вышками с пулеметами и заняли круговую оборону. Часть пленных бойцов кабульской армии примкнула к восставшим, другие разбежались.

Через два часа целый полк моджахедов во главе с Раббани атаковал буттовщиков. Но они отразили нападение, угробив полсотни штурмовиков.

Далее Раббани с помощью русскоязычного переводчика предложил по громкоговорителю нашим солдатам немедленно сдаться из-за безнадежности их сопротивления. Они ответили отказом и потребовали доставки к ним представителя советского посольства в Пакистане. И тогда Раббани приказал своим артиллеристам прямой наводкой расстрелять крепость. Внутри нее склад снарядов и цистерны с горючим взорвались в шквале огня. Никто не спасся из дьявольского крематория.

И вот спустя шесть лет на московской улице Алексея Толстого в шикарном доме приемов наиважнейших иностранцев министр Панкин возглавил переговоры с делегацией Раббани, чья волчья хватка под респектабельным обликом была неведома начальнику советского МИДа. Раньше Панкин побывал послом в паре евронейских столиц. А теперь живет эмигрантом в полюбившемся ему Стокгольме.

На встрече с моджахедами Панкин выглядел пустозвоном. Загодя подарив им прекращение наших военных поставок Наджибулле, министр утратил рычаг давления на Раббани, но тем не менее стал навязывать ему свой проект «межафганского диалога» моджахедов с Наджибуллой и примирения заклятых врагов в будущем «коалиционном правительстве».

Вдобавок мечтатель Панкин потребовал от моджахедов «повсеместного и полного прекращения огня», что означало их отречение от «джихада». Слушая это глупое фанфаронство, Раббани презрительно скривил губы.

Ледяным тоном Раббани заявил, что приехал сюда отнюдь не ради братания с «московской марионеткой Наджибуллой» и похорон «джихада». Если этого здесь не понимают, сказал Раббани, то он готов прервать переговоры и увести делегацию.

Раббани рекомендовал Кремлю трезво оценить ситуацию в Афганистане, смириться с политической смертью Наджибуллы без его оружейной подпитки и потому официально признать правительство моджахедов. В обмен Раббани посулил «гуманный жест доброй воли» – освобождение советских военнопленных.

В унисон с Раббани другие вожаки моджахедов раздраженно развеяли афганские грезы Панкина. Он хмуро дотерпел до обеденного перерыва, затем покинул переговоры и больше на них не появлялся. Заодно с ним улетучился насовсем из нашей делегации молодой министр российского МИДа Андрей Козырев. Он, уходя, попросил меня поспособствовать как-нибудь компромиссу с моджахедами.

Наедине с Раббани я ублажил его вестью о самоустранении Панкина и урезонил не грозить срывом переговоров. Хитрюга Раббани верно предугадал, что я постараюсь в отсутствии растерявшихся министров сориентировать переговоры на обсуждение проблемы военнопленных, а это позволит моджахедам политически поспекулировать их людским товаром. Но при такой игре Раббани нуждался в моем посредничестве, а я мог мягко подталкивать его к уступкам на переговорах. Мы понимали друг друга без излишних слов.

Однако переговоры, спланированные Панкиным на два дня, растянулись на пять и буксовали ежедневно. Торможение провоцировал заменивший Панкина его министерский заместитель Александр Белоногов, бывший постпред СССР при ООН в Нью-Йорке. Он безуспешно и тем не менее упрямо повторял моджахедам ультиматум Панкина: они якобы должны сформировать с Наджибуллой «коалиционное правительство» и отменить свой «джихад». Этот блеф отвергал Раббани с каждым разом все резче и злее.

Пытаясь замять бесполезную перепалку, я побуждал моджахедов взять осуществимое реально обязательство – вернуть нам военнопленных. Но Белоногов не унимался, мешая мне, как и прежде в Нью-Йорке, подготовить выручку наших солдат.

На четвертый день споров Белоногов от имени МИД СССР дал инструктивное интервью «Известиям», которые разгласили его замысел концовки переговоров:

«Не исключено, что после переговоров делегации решат просто разъехаться. В некоторых ключевых вопросах позиции сторон достаточно далеки друг от друга».

В тот же четвертый день дебатов Раббани поздним вечером нокаутировал Белоногова, объявив:

- Советская дипломатия завели переговоры в тупик. Поэтому сейчас наша делегация испробует последний шанс достичь приемлемого соглашения. Прошу уйти из этого помещения всех советских представителей за исключением Андропова. Мы с ним обсудим проект итогового заявления обеих делегаций. Те, кто против, будут виновны в продолжении Московской ее преступной политики в Афганистане и нежелании ускорить освобождение советских военнопленных.

Неожиданная выходка Раббани смутила меня и привела в состояние шока нашу делегацию. Непривычные к таким оплеухам московские дипломаты подчинились безропотно, будто зомби, свирепому афганцу. Возмущенный Белоногов лишь огрызнулся мелкой пакостью мне на следующий день, подсказав «Известиям» мстительную инсинуацию:

«Участвующий в беседах с моджахедами член Комитета по международным делам Верховного Совета РСФСР И.Андронов держится несколько «особняком», пытаясь иногда противопоставить позиции России и Союза. В четверг вечером он по просьбе афганской делегации оставался с ней для продолжения разговора.».

Тот разговор, ночной и нелегкий, завершился тем, что моджахеды со мной составили заключительное коммюнике из фрагментов его четырех предшествующих вариантов, которые исключали друг друга из-за конфронтации Раббани с Панкиным и Белоноговым. Компромиссный текст содержал два главных параграфа. Первостепенный для меня был таков:

«Стороны согласились сделать все возможное для освобождения военнопленных. Моджахеды, исходя из стремления к миру, примут меры по освобождению первой группы советских военнопленных до 1 января 1992 года».

За это пришлось расплатиться вот чем:

«Стороны подтвердили необходимость передачи всей полноты государственной власти в Афганистане переходному исламскому правительству».

Термин «исламское правительство» устроил моджахедов, но таил в себе, по-моему, подвох. Кабульский коммунист Наджибулла своевременно уже клялся на Коране в преданности исламу и демонстративно молился в мечетях. Посему грядущее «исламское правительство» могло бы не быть равнозначным безоговорочно «правительству моджахедов». Против этого не возражал впоследствии даже Белоногов. И не высказал никаких придилок сам Наджибулла. Их мнение, впрочем, меня не очень тревожило. Совместное заявление посланцев моджахедов и советской делегации было окончательно утверждено 15 ноября.

Делегация Раббани встретила с вице-президентом Руцким. Он больше не подыгрывал Наджибулле. Наоборот, Руцкой обещал моджахедам прекратить доставку в Кабул мощных советских ракет «земля-земля» Р-300 на полтора месяца раньше новогоднего начала эмбарго Панкина на вооружение Наджибуллы.

Вице-президент, герой афганской войны, общаясь с ветеранами «джихада», радушно улыбался, рассказывал о своем почтении к исламу и даже говорил, что испытывает душевное чувство вины за собственное боевое прошлое в их стране.

Подобравший Раббани преподнес Руцкому ковер, книгу Корана, корзину с фруктами и предложил нанести ответный визит вождям моджахедов.

Это приглашение совпало с желанием Руцкого персонально получить у моджахедов предназначенных к освобождению советских солдат. Отправиться за ними Руцкой задумал в сопровождении московских телевизионщиков и газетчиков. Прессе предстояло увенчать Руцкого лаврами спасителя мучеников афганского плена.

17 декабря Руцкой, его помощники, секретари, референты, телохранители улетели с журналистами в южные края на правительственном авиалайнере Ту-154.

До этого за десять дней с ведома Руцкого я в одиночку отправился в Пакистан к лидерам моджахедов проверить негласно их готовность подobaюще принять российского вице-президента. Вопреки его предостерегающему оптимизму меня терзали сомнения в успешном исходе путешествия моего патрона.

Во-первых, я, зная подноготную Раббани, не верил в его искренность. Хотя он обязался в Москве отпустить вскоре на волю нескольких наших солдат, тем не менее у него сорвался основной замысел — вынудить Кремль дипломатически признать правительство моджахедов. Они, стало быть, вполне могли, как заведено на Востоке, продолжать с Руцким их незаконченный торг наперекор его радужным ожиданиям.

Еще сильнее беспокоил меня претендент на первенство в «джихаде» экстремист Хекматъяр. Этот главарь ударных отрядов мусульманских боевиков отказался посетить Москву вместе с Раббани и ратовал за скорейший штурм Кабула. Хекматъяр публично осудил Раббани за уступчивость на московских переговорах. Неугомонный вояка был способен учинить громкий скандал к приезду Руцкого. Урон оказался бы очень велик, так как Хекматъяр владел многими советскими пленниками.

Третья мина замедленного действия обнаружилась перед моим отлетом. Российский министр иностранных дел Андрей Козырев дважды проигнорировал мою просьбу согласовать с ним организацию встреч вице-президента Руцкого с моджахедами. Козырев уклонился даже от телефонного разговора со мной. Министр, подчиненный непосредственно Ельцину, копировал, очевидно, отношение президента к действиям Руцкого. Меня угораздило опять затесаться в драчку между сильными мира сего.

Двумя неделями ранее Руцкой посетил промышленные города Сибири. Там он увидел замершие цехи крупных оружейных заводов. Их директора и рабочие жаловались на безденежье, обнищание, безразличие

центральных властей. Руцкой поддержал массовую критику столичного правительства во главе с Ельциным и вице-премьером Егором Гайдаром, обозвав московских министров «мальчиками в розовых штанишках».

Более того, Руцкой гневно отмежевался от экономической политики Ельцина. А тот после этого перестал здороваться со своим вице-президентом. Ельцинисты в прессе заклеили «сибирский дебош военного летчика». Государственный секретарь Геннадий Бурбулис, фаворит Ельцина и распределитель министерских постов, уязвил Руцкого издевательской кличкой – «голенище с усами».

В разгар новой кремлевской склоки я улетел в Исламабад с мрачным предчувствием плохого возвращения домой. Но отступать было поздно. Объединившись с Руцким, пришлось ввязаться в его политический пилотаж лобовых атак и яростных перестрелок. Хотелось надеяться, что Ельцин вдруг хоть раз промахнется.

Обезопасить Руцкого в Исламабаде от неприятных сюрпризов со стороны Хекматьяра или Раббани мог наверняка лишь один влиятельный пакистанец – директор разведслужбы ИСИ генерал Дуррани. Он согласился повидаться со мной и по этому поводу даже устроил в его резиденции для гостя вечерний обед при свечах.

Генерал в беседе со мной интересовался свежими новостями московской жизни. И удивил своей осведомленностью: он с желчной ухмылкой как бы вскользь промолвил, что слышал недавно о разногласиях Ельцина и Руцкого. Это прозвучало как тревожный сигнал. Дуррани был известен своим разящим жалом. Он приложил руку к свержению премьер-министра Беназир Бхутто.

Тем не менее мы с ним вроде бы поладили. Шеф спецслужбы взялся сам условиться с Раббани встретить Руцкого по-хорошему. Однако предложил мне договориться лично о том же с упрямым Хекматьяром. Он находился тогда вдали от Исламабада в своем фронтовом штабе на южной границе Афганистана. Туда, как сказал Дуррани, меня сможет доставить вертолет пакистанской разведки.

Миниатюрный вертолет американского производства со стеклянной капсулой-кабинкой вмещал только пилота и одного пассажира. Зато малышка оказалась быстроходной. За полтора часа она долетела до пустынного плоскогорья в окрестностях города Парачинар рядом с афганской границей.

Поблизости был сбит в воздушном бою и пленен три года назад полковник Александр Руцкой. Его захватили боевики Хекматьяра. А у них спустя пол суток забрали пленника пакистанские офицеры ИСИ.

Пакистанский плен Руцкого был недолгим – всего лишь одну неделю. Но ее история запутана сумбурно самим подбитым пилотом. Он сразу же после освобождения в августе 1988 года назвал «ложью» и «недоказуемыми ухищрениями» заявления пакистанцев о том, что они подстрелили его самолет над территорией их страны. Однако впоследствии Руц-

кой заново уточнил место своего падения с небес: «Я находился на пакистанской территории в 15-20 километрах от границы Афганистана».

В Москве освобожденный полковник сперва рассказывал журналистам про «пытки, побои» у пакистанцев. А позже поведал, что они ни разу его не ударили и врачевали его раны, за что он их благодарил.

Но превыше всего вице-президент Руцкой возблагодарил «чудо», предотвратившее в Пакистане его самоубийство:

«Предо мной в первых проблесках лучей восходящего солнца появилась Матерь Божья в белом, как снег, одеянии и нежным, но строгим голосом, идущим из-за горизонта, воспретила совершить над собой это деяние».

В тех же чудотворных местах на горном плато меня поджидали вместо ангельских видений земные воины аллаха – десяток моджахедов с автоматами Калашникова. У них было два джипа и пикап. Моя пересадка с вертолета на автотранспорт заняла пять минут.

Машины проскочили плоскогорье и начали медленно взбираться вверх между гигантских скал по узкой дорожке в извилистом ущелье. Его длинное жерло охраняли три дозора боевиков и перегородки колючей проволоки.

Ущелье поднималось все выше к расщелине в гребне хребта. Там был дорожный перевал, а за ним внизу – Афганистан. К перевалу примыкала на горном уступе большая площадка. На ней я увидел знакомую отечественную бронетехнику – дюжину танков и БТР. Впритык к ним стоял деревянный коттедж. Туда повели меня на свидание с Хекматъяром.

Разговор с ним сопровождало традиционное чаепитие. В комнате без мебели мы сидели на ковре, скрестив ноги и подсунув под себя подушки. Как принято здесь, я был без башмаков и церемониально начал с вопросов о здоровье хозяина, его четырех детей и всей семьи. Сразу говорить о деле тут невежливо. Это ведь не Америка. Хекматъяр, кстати, ненавидит американцев наравне с русскими.

Но со мной он держался приветливо неспроста: среди редких иностранных посетителей его прифронтового форпоста я был единственным депутатом парламента России. Такое явно льстило его эгоцентричному самомнению.

После чая он предложил мне немного прогуляться, что имело тоже особый умысел. Хекматъяр повел гостя поглазеть на свои трофеи – танки и бронетранспортеры. Он хвалился:

- У меня много вашего оружия. Есть также пушки, минометы, зенитки, тяжелогрузные вездеходы.

- Захватили их или купили?

- Отобрали у трусливого воинства Наджибуллы.

Потом он подвел меня к западному спуску с перевала, откуда открывался сверху панорамный вид на белоснежные шапки гор Афганистана. Меж них желтела долина. Посреди нее я увидел бурокаменную крепость с

башнями и оборонными стенами. Сердце затрепетало от рывка моей памяти на десять лет назад. Сдерживая волнение, я спросил Хекматъяра:

- Там внизу древняя крепость?

- Да это крепость Джаджи, - ответил он. - В ней раньше базировался пограничный полк кабульских войск. Мы их разгромили и вышвырнули из всей округи. Теперь в крепости мой гарнизон. Хотите съездим туда?

- Нет. Я плохо переношу в горах резкие спуски и подъемы.

Пришлось соврать, утаив от него, что я был в Джаджи с его врагами в 1981 году и не хочу возвращаться к месту гибели моего друга – лейтенанта Виктора Лосева, захваченного и разрубленного на куски боевиками Хекматъяра.

Палач вернулся со мной в коттедж и пригласил подкрепиться вместе с ним шашлыком и рисом. Совместная трапеза была жестом необычного уважения к русскому безбожнику. Пришло время напомнить деликатно Хекматъяру предписания Корана о милосердии к поверженным иноверцам – пленным нашим солдатам. И поговорить о приезде Руцкого. Разговор затянулся надолго.

Под конец Хекматъяр согласился присутствовать в Исламабаде на встрече Руцкого с вождями моджахедов и не препятствовать освобождению поначалу нескольких советских военнопленных. Неординарная покладистость Хекматъяра вряд ли была моей заслугой. До меня на него, вероятно, воздействовал гораздо эффективней генерал Дуррани.

Под вечер вертолет генерала перебросил меня обратно в Исламабад. Там я согласовывал детально прибытие вице-президента России с дипломатами пакистанского МИДа и советского посольства. А затем улетел в иранскую столицу Тегеран, где планировал Руцкой сделать первую остановку в его облете соседей Афганистана.

Было известно, что на ирано-афганской границе моджахеды держат в плену шестерых советских солдат. О них упоминали на московских переговорах с жожаками «джихада». В их делегации был мулла Сейед Мортазави, военачальник боевиков, которые совершали из Ирана свои набеги на сопредельные районы Афганистана. Воинственный мулла встречался с Руцким, обсуждал с ним проблему освобождения военнопленных и улетел из Москвы в Тегеран.

Приезд в столицу Ирана вице-президента России и свиты из 30 спутников именовался дипломатически непритязательно «рабочим визитом». Тем не менее тегеранские власти захотели показать свою благожелательность к новым обитателям московского Кремля и потому воздали Руцкому максимальные почести.

Утром 18 декабря всех гостей повезли к местной святыне – храмовой гробнице имама Хомейни. А потом Руцкого приняли поочередно президент страны, вице-президент, министры иностранных дел, экономики и

финансов. Иранцы стремились упрочить политические и коммерческие связи с Москвой.

Аудиенция во дворце иранского президента Хашеми-Рафсанджани памятна мне особо. Персидский владыка в чалме и халате, сидя в кресле напротив Руцкого, меня, советского посла и переводчика, обменивался с нами витиеватыми приветствиями, когда закрывая дверь зала неожиданно растворилась и вошел сюда еще один русский с большим ружьем. Он прислонил ружье к стене и молча уселся рядом на стуле.

Руцкой заговорил с Хашеми-Рафсанджани о расширении сотрудничества с иранцами на Каспийском море, но президент слушал вполуха и не спускал глаз с ружья и его владельца. А тот выглядел грозно: суровое лицо, стальной взгляд, мускулистая фигура. Это был телохранитель Руцкого офицер госбезопасности Владимир Тараненко. Хорошо еще, что в Иране малоизвестен театральным афоризм Антона Чехова насчет ружья, которое после появления обязательно выстрелит.

Руцкой все же сообразил в чем дело, взял ружье и вручил его встревоженному персу:

- Это вам охотничий подарок, сделанный оружейными мастерами русского города Тула.

Президент облегченно улыбнулся, поблагодарил и позвал слугу, который унес опасный сувенир. Разговор закончился благополучно. Собеседники договорились развивать ирано-российские отношения.

Хашеми-Рафсанджани опроверг, однако, все сведения о наличии у моджахедов советских пленников на иранской территории. Но обещал помочь освобождению наших солдат из примыкающих к Ирану регионов Афганистана.

Первый деловой день Руцкого в Тегеране завершился посещением трехэтажного дома, отданного представителям афганских боевиков. Они при поддержке иранцев сформировали свою «Партию исламского единства Афганистана». Ее глава Мохаммад Файяз начал, как обычно, потчевать Руцкого чаем и рутинно закатил длинную речь о военных преступлениях «шурави» в его стране, об убийствах мирных мусульман, бомбежках городов и кишлаков, вооружении кабульских наймитов, страданиях изгнанных войной на чужбину сотен тысяч беженцев.

Руцкой прервал многословие Файяза предложением поговорить о московском обязательстве моджахедов начать освобождение военнопленных. Однако настырный афганец продолжал рассерженно свой обвинительный монолог. Его обозлила нетерпеливость русского. Между ними возникла мгновенно обоюдная неприязнь.

В долгополой хламиде низкорослый и худенький Файяз с жидкой бородашкой выглядел замухрышкой рядом с холеным и плечистым европейцем в элегантном костюме. Даже запах вспотевшего моджахеда и аромат духов визитера разъединяли собеседников. Случайная несовместимость оказалась фатальной.

- Давайте осуществлять московское решение моджахедов о военнопленных, - сказал Руцкой, - Нотации мне больше не нужны.

- Сначала вам надо покаяться за злодеяния против афганского народа! - взбеленился Файяз.

- Те, кто нарушает данное ими слово, - возмутился Руцкой, - не знают, как видно, что такое мужская честь.

Это было наихудшим оскорблением воинов ислама. Такое унижение они смывают кровью обидчика. Иначе оскорбленный теряет у них свою честь и мужское уважение.

К счастью, мы оказались в иранской столице, где афганские моджахеды не могли подвергнуть кровной мести почетного гостя тегеранского правительства. Но возможность выручить здесь кого-нибудь из наших пленных солдат была теперь почти нулевой. Взбешенный Руцкой уехал из резиденции моджахедов на банкетный ужин с вице-президентом Ирана.

На следующий день Руцкой, потерпев неудачу, собрался улететь в Пакистан. Перед его отлетом иранцы, стараясь загладить вчерашний скандал с моджахедами, привели к нему троих афганцев, которые предложили обсудить условия обмена двух наших солдат на моджахедов под арестом в Кабуле. Менялы отдали Руцкому, доказывая достоверность сделки, два снимка и фотокопии личных документов советских пленников.

Один был 20-летний Саулюс Антонович Вилейкис из литовской деревни Вайджай. Второй - 18-летний Этибар Тахир-оглы Мемедов из села Сабиркенд в Азербайджане. Их захватили моджахеды на западном участке афгано-советской границы.

Но оба они не заинтересовали Руцкого. Ибо очутились в плену осенью 1991 года, а стало быть, не участвовали в афганской войне. Вице-президент заподозрил, что они дезертиры. Такие были ему не нужны. Из-за них задерживаться он не желал в опостылевшем ему Тегеране.

Снимки и фотокопии документов отверженных солдат остались бесхозными, а потому я их присвоил и сберег. Живы ли сегодня те парни? Где нынче они или их могилы?

Вечером 19 декабря авиалайнер вице-президента России приземлился в Лахоре. И как только сошел с трапа бывший пленник пакистанцев, они на сей раз празднично укутали его пухлыми гирляндами розовых и золотистых цветов. Встреча была пышной и многолюдной.

Следующим утром Руцкого принял премьер-министр Наваз Шариф, уроженец Лахора. Потом московской делегации показывали замечательные дворцы и мечети, построенные в средневековую эпоху Великих Моголов.

Через сутки в Исламабаде гостеприимно чествовали Руцкого президент Пакистана, председатель сената, министры, депутаты парламента, дипломаты. Однако серию светских раутов омрачило оглушительное эхо политического катаклизма далеко отсюда..

«Развал Советского Союза» – такой заголовок рядом с фото Руцкого в Лахоре чернел 21 декабря на первой странице пакистанской газеты «Нэйшн». Ее первостраничные сенсации были сплошь из нашей страны: президент СССР Горбачев обречен на уход в отставку, собравшиеся в Алма-Ате руководители 11 советских республик объявили каждую независимым государством, зарубежные посольства Советского Союза снимают с флагштоков красные стяги с серпом и молотом. Аналогичные новости повторяли в Пакистане другие газеты, радио, телевидение.

К приезду Руцкого в Лахор газета «Нэйшн» напечатала ее местный спецвыпуск с корреспонденцией из Москвы:

«Величайшая по размеру империя 20 века сегодня на грани политического распада и экономического хаоса. В Москве магазины совершенно пусты. Позади голых прилавков продавцы дежурят лишь для того, чтобы получать зарплату. На уличных лотках торгуют тухлой капустой подмосковные огородники. Многие москвичи месяцами лишены мяса. Детям не купишь молока или хотя бы молочного порошка. Стандартный рацион – картошка и хлеб, который периодически исчезает. В эти дни центральная власть в Советском Союзе отсутствует. Горбачев политически безвластен. Ельцин добивается отставки Горбачева. Республики, автономные провинции и государственные предприятия самостийно пытаются выжить. Это, в общем, анархия».

Абзац репортажа из Москвы посвящался Руцкому:

«Вице-президент Александр Руцкой, бывший офицер ВВС, близкий к военным, критикует теперь открыто Ельцина. Между ними крупные разногласия в сферах контролирования цен, положения армии, кризиса экономики. Сейчас оба готовятся к схватке. Она ожидается вскоре и кончится, вероятно, поражением одного из двух».

В Исламабаде 22 декабря столичная газета «Муслим» поместила снимок Руцкого на переговорах с пакистанцами лишь на 10-й странице, а на первой – большой фотопортрет Горбачева и кричащий заголовок «Горбачев отстранен». Телеграмма из Москвы сообщала, что должность президента СССР аннулирована, а сотрудники Горбачева спешно покидают Кремль.

Все пакистанские газеты, сообщая о встрече Руцкого с президентом Гулямом Исхак Ханом, подробно расписали, как их президент благосклонно соизволил объявить о дипломатическом признании Пакистаном нового российского государства. И еще произнес походя лаконичную фразу о своем сочувствии попавшим в афганский плен советским солдатам. Так снисходительно дают грошовую милостыню попрошайке.

Исход пакистанской миссии Руцкого предрешила в Исламабаде засекреченная беседа, о которой тогда ничего не разузнала пресса. Вице-президент России, четверо его помощников, я и советский посол Якунин встретились с высшими генералами сухопутных, морских и воздушных

войск армии Пакистана. С ними был также директор разведслужбы ИСИ генерал Дуррани.

По-армейски прямолинейно пакистанцы сделали Руцкому заявку на приобретение советских танков Т-80, вертолетов-ракетоносцев МИ-24, боевых самолетов СУ-25, СУ-27, МИГ-31 и военных кораблей. Этот запрос был вызван тем, что правительство США обвинило Пакистан в тайной попытке сконструировать свое ядерное оружие и наказало сокращением американских поставок военной техники.

Генералы предложили оплатить наше оружие долларами и необходимыми России товарами и продуктами. Дуррани вручил Руцкому как бы символический подарочный аванс – папку со списками советских военнопленных в Афганистане.

Это досье пакистанской разведки потом осталось у меня. В нем пленники рассортированы по пяти спискам: уцелевшие в неволе у моджахедов, сбежавшие узники, отданные моджахедами в разные годы Международному Красному Кресту, умершие в плену по неуказанным причинам, погибшие во время афганской войны.

Позже выяснилось, что списки Дуррани частично неточны. Среди якобы покойников некоторые оказались живы. Избежали смерти и другие, которых не было вообще в списках генерала. Многие были списочно перечислены только по именам без фамилий или записаны под мусульманскими псевдонимами, а потому их идентификация казалась почти невозможной.

И все же списки содержали немало верной и ценной информации. Они возрождали надежду на реальную помощь пакистанцев спасению наших солдат.

Однако Руцкой не был полномочен без согласия Ельцина удовлетворить оружейный аппетит пакистанского генералитета. Помимо того, вице-президент знал, что Индия, враждующая издавна с Пакистаном, закупает крупномасштабно советские танки, пушки, боевые самолеты, военные корабли и будет обвинять Руцкого за ущерб ее старой дружбе с Москвой. А этим смогут воспользоваться кремлевские противники вице-президента. И потому ему пришлось уклончиво попросить пакистанских генералов отсрочить их заказ на неопределенное время.

Собеседники расстались вежливо, но прохладно. Руцкой разочаровал военную элиту Пакистана, где правительство исторически зависит от верхушки армии. Она же вооружала афганских моджахедов и негласно командовала ими. Генерал Дуррани огорченно предупредил меня о том, что впредь ему будет затруднительно подталкивать моджахедов к возвращению советских пленников.

Полтора дня 21 и 22 декабря Руцкой вел в Исламабаде интенсивные переговоры с вождями моджахедов. Почти все предводители «джихада»

прибыли из Пешавара на встречу с Руцким в здании пакистанского МИДа.

Как бывало раньше, четверо главных вождей — Моджадеди, Хекматъяр, Гейлани, Раббани — перессорились заново друг с другом и потребовали для каждого из них отдельных бесед с российским вице-президентом. Он согласился и порознь уговаривал терпеливо пылких склочников сесть за общий стол переговоров вместе с приехавшими к нему еще пятью атаманами.

Руцкой был удивительно невозмутим и дипломатичен после его тегеранской перебранки три дня назад.

Переговоры с моджахедами 21 декабря затянулись на семь часов. Афганцы торговались, как всегда, отчаянно, добиваясь от Руцкого разрыва всех отношений Москвы с Кабулом. Это он отверг, а в отместку Раббани заявил, что в соответствии с его московскими обещаниями приготовил для Руцкого доставку сюда из Афганистана трех советских солдат, но их прибытие будто бы задержалось на неделю из-за зимних снегопадов в горах.

Моджадеди посулил отдать лишь одного военнопленного перед самым отлетом Руцкого из Пакистана.

Хекматъяр с его обычной змеиной улыбочкой сказал Руцкому, что уже привез с собой русского солдата, но тот якобы отказывается возвращаться домой.

- С ним можно поговорить? — спросил Руцкой.

- Конечно, - сказал Хекматъяр. — Он в соседнем холле.

Там сидел на стуле парень в афганской одежде — блиновидная шапка, шаровары, рубаха навыпуск до колен. Вплотную к нему сзади стояли двое моджахедов. Когда подошли Руцкой и Хекматъяр, то парень взглянул робко, как побитая собачонка, на Хекматъяра и потупился, ссутулился, замер. Так же выглядел два года назад первый увиденный мной у моджахедов наш солдат Андрей Лопух.

Руцкой поздоровался с парнем и объяснил, что с ним говорит вице-президент России. Но лицо солдата отражало явное недоумение: он не знал, очевидно, ничего о появлении в его стране каких-то президентов и вице-президентов. На вопросы Руцкого о его имени и дате пленения прозвучал ответ:

- Меня зовут Назратулла. Прежнее имя — Николай Выродов. Попал к моджахедам летом 1982 года.

- В нашей стране произошли большие перемены, - разъяснял ему Руцкой. — Установлены новые демократические порядки. Объявлена амнистия всем совершившим проступки на войне в Афганистане. Можешь безбоязненно вернуться на родину вместе со мной. Хочешь?

- Нет, не хочу.

- Почему?

- Я теперь мусульманин и прижился здесь.

- Ты можешь повидаться дома с родными и возвратиться обратно сюда. Никто тебя у нас не задержит. Это я гарантирую.

- Не могу сейчас уехать. Тут скоро у меня будет свадьба.

Этот диалог доставил Хекматъяру нескрываемое удовольствие. Принадлежащий ему невольник говорил так, как ему приказали. Четыре года спустя Николай — Назратулла все же сумел приехать в родные края, будучи одиноким холостяком, чья свадьба у моджахедов оказалась его вынужденной ложью.

В Исламабаде по просьбе российского вице-президента Хекматъяр разрешил Выродову передать весточку родителям о том, что он жив. Записка, адресованная в Харьков, была опять про мнимую свадьбу:

«Ассалам Алейкум. Здравствуйте дорогие родители, папа и мама. Жив, здоров, чего и вам желаю. Вы можете приехать сюда на мою свадьбу. Или повидаться. Никто вам запрещать не будет. До свидания. Николай».

Взяв записку, я побеседовал с Выродовым, но не стал уговаривать его уехать к своей семье, ибо был уверен, что этого не допустит Хекматъяр. Помешать ему мог, однако, подсевший ко мне генерал Дуррани. Директор разведслужбы сказал:

- Передайте этому русскому, что я позволяю ему вернуться домой.

- Об этом, генерал, скажите ему сами.

- Не могу. Он говорит по-русски и на афганском языке пушту. А я владею английским, урду и афганским дари. Переведите ему мои слова и назовите мою генеральскую должность.

Так я и сделал, но Выродов не подчинился неизвестному ему пакистанцу в штатском костюме. Его непререкаемым хозяином был Хекматъяр. А тот стал вдруг утешать Руцкого:

- У меня есть кроме привезенного солдата еще несколько русских поблизости от моего штаба. Вы можете с ними поговорить. Кто-нибудь из них согласится, возможно, вернуться в Россию.

- Где ваш штаб? — заинтересовался Руцкой.

- Недалеко от Парачинара. Туда можно быстро полететь на вертолете. Там уже был у меня ваш советник Андронов. Теперь приглашаю вас.

- Когда полетим?

- Да хоть завтра утром.

- Договорились. Я готов.

Руцкой и Хекматъяр пошли в зал переговоров с остальными вождями моджахедов. Сидя там рядом с Руцким, я размышлял о том, как ловко заманил его Хекматъяр в свою разбойничью берлогу. Зачем? Для того, вероятно, чтобы разрекламировать превосходство Хекматъяра над прочими лидерами «джихада». Или еще что-то задумал коварный интриган? Смелость и решительность Руцкого мне imponировали, но смутно беспокоила непредсказуемость выкрутасов Хекматъяра.

Тем временем ко мне подошел пакистанский дипломат и шепнул на ухо:

- Генерал Дуррани просит вас выйти немедленно в холл.

Дуррани ждал меня с генеральным секретарем пакистанского МИДа Акрамом Заки. Генерал сказал:

- Прошу вас срочно сообщить вице-президенту Руцкому и Хекматъяру, что мы отменяем несогласованный с нами их полет завтра на границу с Афганистаном.

- Какова причина вашего решения?

- В том районе мы не можем обеспечить безопасность Руцкого.

- В чем риск?

- Вице-президент может стать заложником Хекматъяра.

Вернувшись в зал заседаний, я пересказал тихо распоряжение Дуррани сперва Руцкому, затем Хекматъяру. Руцкой воспринял это спокойно. Хекматъяр побледнел от душившей его злобы. Он даже не поверил мне. Тогда я посоветовал ему выйти из зала и самому побеседовать с Дуррани.

Генерал поступил, по-моему, правильно.

К ночи моджахеда превратили переговоры с Руцким в нудное препирательство. Вице-президенту удалось лишь учредить с неподатливыми спорщиками международную комиссию по освобождению военнопленных. К ней запрянули подключить представителей ООН и республик экс-советской Средней Азии.

Но это было словесным строительством воздушных замков. Сквозь мираж просматривался отчетливый фактор: недовольная Руцким пакистанская военщина подсказала моджахедам спровадить его отсюда с пустыми руками.

На следующий день Руцкой заново общался с президентом моджахедов Моджадеди и устроил прощальную пресс-конференцию. Журналистов сбежалось много. Руцкой сдержанно прокомментировал задержку передачи ему советских военнопленных, пытался даже шутить с репортерами и неуязвимо улыбался.

Но под конец Руцкой сгоряча сорвался, когда ему задали вопрос о критике им президента Ельцина. Относительно расхождений с ним Руцкой саркастически произнес:

- Я не был по крайней мере секретарем обкома КПСС и не был членом Политбюро.

Да еще лягнул правительство Ельцина:

- Что касается правительства, то вы сами увидите, как оно закончит свое существование!

В зале пресс-конференции сидели дипломаты советского посольства. Оттуда в тот же день, несомненно, поступила в Москву шифрограмма с цитатами эскапад Руцкого против Ельцина. Случилось и впрямь небывалое: вице-президент, находясь за рубежом, публично дискредитировал президента и правительство своей страны.

После пресс-конференции возбужденный Руцкой, не скрывая более досады, решил сразу же улететь из Исламабада, сделав по пути в Москву остановку на один день в Кабуле. Однако он застрял в аэропорту, куда вслед за ним явился Моджадеди.

Президент моджахедов сообщил, что обещанный им Руцкому советский пленник будет доставлен вскоре прямо на аэродром к трапу российского лайнера. Ждать пришлось два часа. А затем на летное поле въехал автомобиль, из которого вышли трое соратников Моджадеди с чернявым парнишкой в афганском облачении. Его тут же отдали Руцкому.

Передача пленного происходила в спешке возле ТУ-154 с включенными турбинами. Моджадеди сказал Руцкому, что освобожденный солдат — туркмен по национальности, плохо знал с юных лет русский язык, а в плену совсем забыл. Теперь говорит только по-туркменски и немного на афганском дари.

Моджадеди имел биографическую справку о солдате и вручил ее Руцкому. А тот отдал, минуя меня, своему самому приближенному помощнику Андрею Федорову. Он же, не прочтя документа, спрятал его в портфель. Туркмена посадили торопливо в самолет. Через несколько минут мы взлетели.

В полете Руцкой уединился в своем салоне. А пятеро московских журналистов попытались познакомиться с новым пассажиром с помощью десятка афганских слов и языка жестов. Говорить по-туркменски никто в самолете не умел. Тем не менее выяснилось, что парня зовут Хабибуллой.

Больше ничего не могли долго добиться. Напоминали ему русские слова «советская армия» и «советский паспорт», но он непонимающе качал головой. Потом что-то сообразил при виде показанного ему паспорта и произнес к нашему изумлению: «Афганистан». Мы опешили! Кого же подсунили Руцкому в исламабадском аэропорту?

Слишком поздно я все же вынудил помощника вице-президента Федорова извлечь из его портфеля и показать мне документы, полученные от Моджадеди. Первый документ был письмом с просьбой освободить из кабульской тюрьмы Поли-Чархи 24-х афганцев, чьи имена перечислялись.

Второй документ с подписью Моджадеди повторял ту же просьбу и содержал биографические сведения о «военнопленном Хабибулле». Он был назван «уроженцем Республики Туркмения». А далее: «Он был направлен в Афганистан советскими вооруженными силами». И концовка: «Взят в плен в 1990 году».

- Теперь вы поняли что произошло? — обратился я к Федорову.

- А что требуется понять? — спросил он недоуменно.

- То, что туркмен попал в плен в 1990 году.

- Ну, и что?

- Да то, что в том году никаких наших войск в Афганистане уже не было. Они ушли полностью оттуда 15 февраля 1989 года. Если бы вы в

Исламабаде не припрятали писанину Моджадеди и дали бы мне там ее посмотреть, то мы не повезли бы в Москву афганского туркмена. Много его сородичей живет на севере Афганистана.

Перед посадкой в Кабуле вице-президенту доложили о том, как обманули его на прощанье моджахеды. Этого он им впоследствии не простил.

Вечером в Кабуле встретил Руцкого российский посол Пастухов и повез сходу на свидание с Наджибуллой в королевском дворце. Руцкой долго беседовал наедине с кабульским президентом. Их сплотила вновь старая военная дружба и горький проигрыш Руцкого моджахедам.

Пока Наджибулла и Руцкой толковали с глазу на глаз, я ждал конца их секретного разговора в библиотечном зале дворца, хотя до этого слушая вице-президент не отстранял меня от его предыдущих переговоров. Но теперь так же поступили даже с другом Наджибуллы – послом Пастуховым. Конспирация была неслучайной. Боялись, очевидно, болтунов, которые недавно уже протрепались, как четыре месяца назад Наджибулла позвонил отсюда в Москву председателю КГБ Крючкову и поздравил его неосторожно 19 августа с «победой ГКЧП». Наджибулла и Руцкой опасались оба Ельцина.

Тайный результат интимной сходки так обрадовал Наджибуллу, что он устроил для всей компании Руцкого и московских дипломатов роскошное пиршество. И назначил на завтра новое чествование дорогого гостя.

Ночью разомлевший Руцкой, раздеваясь в спальне, вынужден был заняться со мной и двумя нашими дипломатами неотложным делом – решением дальнейшей судьбы подкидыша Хабибуллы. Его уже опросил говоривший по-туркменски сотрудник посольства. Хабибулла рассказал о своей крестьянской семье афганских туркмен, призыве его в кабульскую армию и пленении моджахедами. У них он был на положении раба.

Сегодня утром его привели к Моджадеди, а тот приказал ему присоединиться к гостям из России и подарил перед отъездом 200 долларов. Безропотный холоп привычно подчинился хозяину. Сейчас ему было безразлично, куда и зачем его привезли. Распросивший Хабибуллу дипломат подытожил:

- Он не догадывается даже о своем пребывании в Кабуле. И вообще ориентируется крайне плохо в окружающей обстановке. Он неграмотный. У него ограниченный кругозор. Увидев сторублевку с изображением Ленина, он назвал его Горбачевым.

Руцкой чертыхнулся. Было ясно, что злосчастного туркмена нельзя везти в Москву. Но как от него избавиться? Держать иностранца в нашем посольстве недопустимо. А если передать кабульским властям, то они наверняка сбегрят его их контрразведку и там могут запросто угробить.

Между тем западные радиостанции уже оповестили о том, что Руцкой увез из Пакистана советского военнопленного родом из Туркмени-

стана. И тем самым возложили на вице-президента России личную ответственность за благополучие подкинутого ему дуралея. Как же с ним поступить?

Руцкой и сотрудники посольства ухватились за мое предложение: утром я отправляюсь к знакомым мне швейцарцам в кабульской миссии Международного Красного Креста и попытаюсь уговорить их приютить Хабибуллу, а затем обеспечить его возвращение в родной кишлак Матам на севере Афганистана.

Все это я выполнил на следующий день. Тем временем Руцкой опять встречался с Наджибуллой и его министрами. Под вечер мы улетели в Москву.

Московская пресса встретила вице-президента градом насмешек над финалом его азиатского турне. Оно получилось, действительно, безуспешным. Руцкого подвела самоуверенность, торопливость и несдержанность там, где надлежало следовать известной поговорке: Восток — дело тонкое. Добиться уступок от моджахедов было легкомысленно надеяться лишь за один день в Тегеране и полтора дня полемики с ними в Исламабаде. Это я усвоил ранее на собственном опыте.

Торговаться по-восточному с афганцами Руцкой не смог по объективным причинам. Моджахеды уже достигли главной цели — прекратились поставки нашего оружия Кабулу. Еще больше отмежеваться от Наджибуллы был способен в Москве только сам Ельцин, а не его вице-президент. И лишь Ельцин обладал государственными полномочиями ответить на оружейную заявку Руцкому от пакистанских генералов, которым подчинялись моджахеды. Но вместо взаимодействия с Ельциным вице-президент бросил ему дерзкий вызов даже из пакистанской столицы.

Через десять дней после возвращения Руцкого в Москву мне показали в его секретариате документ с рукописной резолюцией Ельцина: «Ознакомить А.В.Руцкого». Это был адресованный первоначально Ельцину рапорт министра иностранных дел Андрея Козырева под названием «Об итогах рабочего визита А.В.Руцкого в Иран, Пакистан и Афганистан». Министр извещал президента:

«Считаю необходимым доложить, что в результате фактического отстранения МИД России от подготовки официальных документов и проведения визита А.В.Руцкого в ходе его был допущен ряд просчетов, которые нанесли определенный ущерб престижу России».

Моя причастность к поездке Руцкого побудила меня направить министру Козыреву депутатское письмо и напомнить ему, как он саботировал мои усилия согласовать с ним подготовку зарубежных переговоров вице-президента о наших военнопленных. Напомнил и о том, как сразу же после возвращения домой я тщетно пытался уговорить министра выслушать мою информацию о пребывании в Иране, Пакистане, Афганистане. Поклеп на Руцкого об «отстранении МИД России» я назвал «дезинформацией» и «вопиющей неправдой». Козырев никак мне не ответил.

Тем временем Ельцин отменил свое прежнее поручение Рудкому курировать пять правительственных комитетов. Вице-президент более ничем не управлял. Деятельного политика наказали изоляцией и бездельем.

В те дни у Рудкого на квартире метались беспокойно в клетке два попугая. Они были большие, ярко-зеленые. Их подарили ему пакистанцы в Исламабаде. Птицы почему-то неустанно дрались друг с другом. Попугаи передразнивали, казалось, самых важных птиц в Кремле.

НАДЕЖДА НА АЛЛАХА

Накануне веселой встречи 1992 года у меня дома жена уже поставила елку и припасла шампанское, когда я вернулся из Кабула вместе с Руцким. Его предновогодний разрыв с Ельциным, увы, перечеркнул в очередной раз попытки выручить наших солдат из афганского плена. От расстройства и усталости подмывало послать к едреной матери всех передравшихся политиканов, перед которыми я понапрасну расшаркивался в Москве, Исламабаде, Пешаваре, Кабуле. Забыть о них подвернулся хороший повод – зимние праздники Нового года и Рождества.

Но как бы ни так! На православное Рождество мне позвонил домой пакистанский посол Ашраф Кази и пригласил к себе обсудить с ним предстоящее освобождение моджахедами трех советских солдат.

Посол сказал, что Раббани, пообещав Руцкому отдать трех пленников, готов теперь их отпустить и ждет приезда московской делегации. Все трое солдат – узбеки. Их имени – Мухаммад Насер, Абдул Касем, Рустам Бег.

Однако таких имен я не обнаружил в составленном министерством обороны СССР списке солдат и офицеров, пропавших без вести в Афганистане. Невольники Раббани были, значит, переименованы моджахедами.

Вскоре я узнал, что Раббани устроил в Исламабаде пресс-конференцию и прислал письмо в тамошнее посольство России, приглашая нас забрать у него трех солдат «в соответствии с обязательствами моджахедов на переговорах с вице-президентом Руцким». Но было это правдой или снова обманом?

В разговоре со мной Руцкой высказал недоверие к заявлениям Раббани. И отказался опять подвергнуть себя риску повторного унижения моджахедами.

Руцкой был прав. Ведь Раббани уже обжулил его дважды. Мог сплутовать и сейчас: подsunуть, как было с Хабибуллой, афганских узбеков вместо советских солдат. Либо мог, подобно Хекматъяру, заставить своих запуганных узников публично отказаться в последний момент от возвращения на родину.

Афганский факир расставил нам политическую ловушку: было немислимо отвергнуть его приглашение взять у него пленных солдат. Их узбекская национальность могла бы вдобавок вызвать обвинение вице-

президента России в пренебрежительном шовинизме к тем, кто ждет от него спасения.

Избежать западни Руцкой согласился с моей помощью, отправив меня своим посланцем к Раббани. Такая подмена компенсировалась отчасти тем, что я был по статусу нерядовым представителем Верховного Совета России. Вероятность провала моей поездки была велика, но и раньше доводилось мне расхлебывать многое еще похуже. А на Востоке становишься и вовсе закаленным фаталистом. Мой отлет запланировали на 10 февраля 1992 года.

Днем ранее из Исламабада поступила к Руцкому телеграмма от российского посла Якунина. Он сообщил, что пакистанский МИД попросил его срочно командировать сотрудников нашего посольства в Пешавар к Раббани на предварительную встречу с тремя пленными солдатами «во избежание досадной осечки, как это было во время недавнего визита вице-президента Руцкого». Порученцы Якунина повидались с тремя узбеками, но «они категорически заявили о своем решении не возвращаться на родину». Посол рекомендовал:

«Полагаем целесообразным отложить приезд сюда делегации из Москвы. На сегодняшний день трудно даже гарантировать встречу делегации с бывшими советскими военнослужащими».

Телеграмма сообщала подлинные фамилии трех солдат – Рустамов, Абдукаримов, Эрматов. Двое числились, как я установил, в советском списке пропавших на афганской войне. Третий – Эрматов – считался погибшим. Его псевдо-трупа привезли в запечатанном наглухо цинковом гробу отцу и матери, по моим сведениям, осенью 1986 года и похоронили в узбекском поселке Маргизар.

Ну, что было делать? Отменить мой отлет? Посольская телеграмма обрекла меня на провал. И вместе с тем осталась прежняя угроза всеобщего осуждения за отказ привезти из Пакистана якобы освобожденных пленников.

У нас говорят: куда ни кинь – все клин. Но есть и другая поговорка: клин клином вышибают. 10 февраля я улетел из Москвы навстречу безрадостной судьбе.

В стареньком Ил-18 летели еще пятеро добровольцев моей делегации. Трое были сведущими афганистами: дипломат, офицер разведки, полковник генерального штаба. Четвертый – сотрудник секретариата вице-президента. Пятый – мой парламентский коллега и друг Николай Огородников. К нам примкнул также столичный журналист Игорь Михайлов, написавший несколько дельных статей о военнопленных в Афганистане. Да еще присоединился мой давний приятель с телевидения Аркадий Громов с двумя сослуживцами. Они погнались за сенсацией, которой я опасался загодя.

В Исламабаде вожаки моджахедов во главе с Раббани два дня до показа нам их пленников изводили нас своим словоблудием и бесконечным чаепитием. Мы уже наперед условились терпеливо чаевничать, спокойно выслушивать любые претензии моджахедов и стойко улыбаться в русско-афганской игре на нервах.

Раббани заседал на меня:

- Почему ваш вице-президент обещал нам здесь поддержать в Афганистане исламское правительство, а сам поехал отсюда в Кабул и брался с Наджибуллой?

- Руцкой обещал поддержку такому исламскому правительству, которое изберут свободно все афганцы, - парировал я. - Он гарантировал вам невмешательство России в ваши внутренние дела. В ответ вы обязались освободить первую группу советских солдат. Почему же не отдали их вице-президенту?

- Руцкой смог бы их получить, если бы задержался тут до 1 января, - вывернулся Раббани. - А теперь мы требуем от России прекратить дипломатические отношения с кабульским режимом.

- Это требование будет передано мной в Москве нашему правительству, - сказал я. - Однако сначала сдержите свое слово и освободите советских пленных.

Сидевший рядом с Раббани его соратник Гейлани разъяснил мне:

- В обмен на ваших солдат вы должны выполнить наши требования - прервать все связи с Кабулом.

- Только ради этого заявления пригласили нас сюда?

- Вы приглашены, - рассердился Раббани, - на освобождение мною, как я обещал, трех ваших солдат!

- Где же они?

- Увидите их завтра на моей пресс-конференции.

Зал пресс-конференции заполнили пакистанские и западные журналисты. На сцене восседал Раббани. Он позвал туда же меня и приказал своим моджахедам ввести пленников. Появились трое парней в афганской одежде. С этой минуты, провозгласил Раббани, они абсолютно свободные люди. Однако добавил: пусть каждый из них скажет - где хочет жить.

Двое узбеков отказались говорить по-русски и объявили на своем языке, что решили остаться у Раббани. Моджахеды и пакистанцы аплодировали. Но потом третий произнес по-русски:

- Я хочу вернуться домой.

Раббани нахмурился. Зал притих. Я спросил солдата:

- Хочешь улететь домой с нами?

- Да, хочу.

Раббани раздражено сошел со сцены и зашагал к выходу. За ним устремились моджахеды, окружив и подталкивая двух узбеков. Третий - Рустамов - остался с нами.

Разговорился он без опаски только внутри нашего ИЛ-18, летевшего обратно в Москву. По его словам, Раббани персонально беседовал с тремя пленными узбеками накануне приезда нашей делегации:

- Раббани заставил нас отказаться от возвращения домой на встрече с делегацией из Москвы. Иначе не было бы никакой встречи. Раббани посулил нам много денег и каждому по женщине. Я знал, что он лжет. Я провел семь лет в плену, меня били, держали не раз в кандалах. А кормили лишь за ежедневную зубрежку вслух сур Корана. Я мечтал вырваться из плена. Вспоминал отца и мать, пел сам себе любимые песни. И соврал Раббани, что скажу вам о моем нежелании уехать домой.

Носирджан Рустамов, 19-летний солдат советского гарнизона в Кабуле, осенью 1984 года выкурил в своей казарме сигарету анаши и побрел, обалдев, самовольно разгуливать по городским закоулкам. Оттуда безоружного шатуна уволокли к моджахедам. От них Рустамов пытался дважды убежать, но всякий раз его ловили, били и сажали на цепь в глубокой яме.

После первого побега его грудь заклеили слева особой татуировкой: сжатый кулак с поднятым вверх указательным пальцем. За второй неудачный побег сделали нагрудную наколку справа - револьвер. Это означало, что третья поимка беглеца кончится его расстрелом. Но он сумел обмануть смерть, перехитрив Раббани.

Об этом солдате сохранилась у меня его необычная характеристика из армейской контрразведки:

«За непродолжительный период службы в Кабуле рядовой Рустамов зарекомендовал себя как веселый человек: любил пить, танцевать, обладал артистическими способностями, умел ходить по канату».

Аллах шадит, как видно, на войне неунывающих канатоходцев.

...Прошло еще два месяца, началась весна, а потом 16 апреля свершилось неизбежное - государственный переворот в Кабуле и свержение президента Наджибуллы. День спустя из афганской столицы последний российский авиалайнер эвакуировал в Москву двести наших соотечественников.

Еще полторы сотни остались в кабульском посольстве России. Их участь зависела отныне от победителей «джихада». Они стекались отовсюду к Кабулу. Замешательство в Москве отражали газетные заголовки: «Что с Наджибуллой - известно одному Аллаху».

В Кремле заседал съезд народных депутатов России. Там же Ельцин позволил своему опальному вице-президенту экстренно заняться вновь афганскими делами. Руцкой пригласил на кремлевское совещание министра иностранных дел Андрея Козырева, начальника Генерального штаба армии Виктора Самсонова, министра госбезопасности Виктора Баранникова, дипломатов и разведчиков с опытом афганской войны. Решался вопрос - кого срочно послать к моджахедам с целью отговорить их от мести нашим согражданам в Кабуле.

Эта миссия никого не прельстила. И в итоге досталась мне по причине моего знакомства почти со всеми вождями моджахедов. Для меня придумали временную должность - специальный представитель России. Снабдили также валютой на командировку. Но как ее осуществить, я должен был позаботиться сам, ибо российская авиавязь с Кабулом прервалась.

Пришлось отыскать на Калужской площади маленькую контору афганской авиакомпании «Ариана». Ее лишь два самолета нерегулярно курсировали между европейскими столицами и Кабулом вопреки риску обстрелов моджахедами. Поэтому сами афганцы из «Арианы» прозвали ее «Эйрлайн Иншалла» - «авиалиния милосердия Аллаха». Уповав на него, я купил билет на ближайший рейс 20 апреля.

Три дня до отлета расспрашивал некоторых эвакуантов из Кабула о том, как был свергнут Наджибулла. Позднее эти сведения пополнила уже далеко от Москвы моя зарубежная беседа с личным представителем в Афганистане генерального секретаря ООН Беном Севаном. Он сыграл роковую роль в падении Наджибуллы. Как это случилось, рассказали мне и очевидцы в Кабуле - корреспонденты американского агентства Ассошиэйтед Пресс и британского Рейтер. Все констатировали, что никакой военной победы моджахедов не было, а погубил Наджибуллу кабульский заговор его предателей.

К весне 1992 года у армии Наджибуллы иссякло советское горючее для танков и боевых самолетов, кончились наши дальнобойные ракеты для обороны афганской столицы, опустели склады советской муки на прокорм кабульцев. Президент, страшась наступления моджахедов, отправил свою жену и детей в Индию. Покинутый нами питомец КГБ впервые, подобно моджахедам, назвал нас публично «вражескими силами».

Бескровно смягчить агонию Наджибуллы прилетел в Кабул эмиссар ООН Бенон Севан. Он ранее много общался с вождями моджахедов. В Пакистане он контактировал тесно с Хекматъяром и генералами пакистанской разведслужбы ИСИ. С их подачи Севан принялся внушать Наджибулле как избежать неминуемой гибели - сдать Кабул без сопротивления Хекматъяру, а самому улететь отсюда в индийскую столицу Дели к находившейся там семье президента.

Наджибулла не отверг предложение Севана, но колебался, медлил, выжидал. Он консультировался с резидентами КГБ в российском посольстве. И надеялся на их выручку. Но никто оттуда не предлагал ему убежища в Москве.

Тем временем сподвижники Наджибуллы, пронюхав о его сговоре с Севаном, опередили обоих. Кабульский министр иностранных дел Абдул Вакиль и начальник столичного гарнизона генерал Наби Азими переметнулись тайно на сторону конкурентов Хекматъяра - военачальников афганских таджиков и узбеков. Первых возглавлял на северных подступах к

Кабулу «Лев Пандшера» Ахмад Шах Масуд. Вторыми командовал узбек Рашид Дустум. Оба пообещали предателям Наджибуллы включить их в новое кабульское правительство.

15 апреля таджики Масуда захватили близ Кабула военную авиабазу со всеми ее самолетами. Одновременно узбекское ополчение Дустума вступило в столицу. Заговорщики ворвались в штаб госбезопасности и застрелили ее начальника генерала Якуби, моего бывшего партнера в обменах военнопленными.

Многолетний ставленник Кремля и самый лживый почитатель Наджибуллы министр Вакиль объявил своего президента «врагом афганского народа».

Беззащитный Наджибулла бросился к Севану в здание кабульского представительства ООН. В сумерках 16 апреля шофер Севана в автомобиле с затемненными стеклами повез Наджибуллу в аэропорт, где ждал беглеца небольшой авиалайнер ООН. Однако изменник Вакиль установил слежку за передвижениями Наджибуллы и предупредил о его выезде в аэропорт главаря узбеков Дустума.

Патруль Дустума у аэровокзала остановил машину экс-президента и приказал ему вернуться к дипломатической резиденции Севана.

Кабульцы переживали четвертый день тревожного безвластия, когда я вылетел из Москвы на самолете афганской «Арианы». Во время транзитной посадки в Ташкенте ко мне подошел офицер-пограничник и вручил правительственную телеграмму от вице-президента. Руцкой приказал мне немедленно отменить поездку в Кабул.

Почему? Что стряслось? Неужели вмешался Ельцин в пику Руцкому? Меня затрясло от гнева и изумления. Я вломился в офис пограничников и стал от них названивать Руцкому. Но его не было в московском кабинете. И пока я терзал телефон, «Ариана» улетела без меня в Кабул.

Наконец я дозвонился до Руцкого и услышал от него:

- Твое задание в Кабуле отменил сегодня министр иностранных дел Козырев по просьбе афганского министра иностранных дел Вакиля.

- Но Вакиль больше не министр! Он никто. Он подлый перебежчик. Его правительство исчезло. У моджахедов свой министр иностранных дел - известный вам Раббани. Почему вы подчинились интригану Козыреву?

- Это не телефонный разговор.

- Что же мне делать дальше?

- Выполняй мое распоряжение. Потом все разъясню тебе в Москве.

Однако я, обозлившись, решил задержаться в Ташкенте. Ночью в гостинице почти не спал. Душило от бессильного негодования. Спустился на первый этаж отеля в бурливший до рассвета ресторан. Там беспечные южане бражничали, танцевали, а оркестр наяривал тогдашний шлягер: «Ксюша, Ксюша, юбочка из плюша, русая коса».

Залихватская песенка и рюмка водки подняли настроение. Взбодрившись, я принял отчаянное решение: продолжу свой путь в Кабул как

депутат Верховного Совета наперекор министру Козыреву, покорному ему Руцкому и прочим кремлевским бонзам. Будь, что будет!

Утром я вернулся в ташкентский аэропорт. Там разузнал у пограничников, что вскоре в Ташкенте сделает остановку второй самолет «Арианы», а затем вывезет из Кабула местных чиновников, спасающихся от моджахедов. Так и произошло, 22 апреля я приземлился в Кабуле.

На аэродроме самолет обступили здешние новые хозяева - узбеки Дустума в разноцветных чалмах и полосатых халатах. Каждый был вооружен автоматом Калашникова. Один из вояк взглянул небрежно на мой загранпаспорт, отдал мне и безразлично отвернулся.

Здание аэровокзала зияло дырами выбитых окон. Нигде не было ни прежней полиции, ни таможенников. Возле аэродрома я сторговался с подвернувшимся автовладельцем довести меня до российского посольства.

Улицы Кабула были малолюдны. Закрылись все городские учреждения. Витрины запертых лавок покрылись щитами ставен. Город замер в ожидании нашествия моджахедов, чьи главные силы под командованием Масуда и Хекматяра уже приближались к столице. Ей предстояло испытать погромы, грабежи, убийства.

Новый наш посол Евгений Островенко встретил меня улыбочиво, но сказал, что извещен московским начальством об отмене моего приезда сюда. Посол телеграфировал в Москву, как было ему положено, о моем появлении. И спустя полтора часа в его кабинете зазвонил спецтелефон московской «вертушки» с аппаратурой против подслушивания. Посол передал мне телефонную трубку, откуда раздался крик Руцкого.

Разъяренный вице-президент костерил меня за неповиновение. Он сообщил, что я лишён звания представителя России в Афганистане. Помимо того дано посольству указание дезавуировать в Кабуле любую мою договоренность с вождями моджахедов. Руцкой грозно потребовал от меня улететь без малейшего промедления в Москву.

После этого моё пребывание в Кабуле было бы уже вовсе бесцельным. На следующий день я улетел оттуда на том же самолёте «Арианы», которым воспользовался в Ташкенте.

Сутки спустя я пришёл к Руцкому. Над ним смиловались Ельцин и переместил из «Белого дома» в свой дворец внутри Кремля. Там кабинет вице-президента украшал огромный портрет императора Петра I в боевых доспехах. Руцкой сидел за столом на фоне царя с гневным уса­тым ликом. Но ни усач-монарх, ни усач Руцкой не вынудили меня оробеть. Я сам был готов обрушиться на моего командира, который послал меня в разведку к зарубежным головорезам и тут же предал на полпути.

Однако мы не рассорились. Вице-президент извинился за то, что прервал мою кабульскую поездку не по своей воле. Это заставили его сделать, как он сказал, трое ближайших клевретов Ельцина - государственный секретарь Геннадий Бурбулис, министр по делам прессы Михаил

Полторанин и министр иностранных дел Андрей Козырев. Они вместе, по словам Руцкого, принудили его отозвать меня домой.

Инициатором интриг был, конечно, отнюдь не бывший кабульский министр Вакиль. Хотя он предал Наджибуллу, моджахеды попытались его арестовать, но Вакиль улизнул от них и сбежал из Кабула за границу в Дели.

Подлинным подстрекателем срыва моей командировки оказался Козырев. Он уговорил Ельцина немного подождать создания в Кабуле правительства моджахедов и послать к ним самого Козырева, чтобы обрадовать их дипломатическим признанием России и выпросить у них несколько наших военнопленных. В этой комбинации я, выдвиженец Руцкого, был помехой и подлежал устранению. Пленники проигранной войны стали заново разменными фишками кремлевской рулетки.

28 апреля Кабул заняли без боя крупные отряды моджахедов во главе с Масудом. Вслед за ним прибыл в столицу из Пешавара президент моджахедов Моджадели. Приехали также другие вожди «джихада». Они сформировали свое правительство и объявили новое название страны - Исламское государство Афганистан.

Праздник отметили пальбой и грабежами, линчевали бывшего председателя Верховного суда, выгнали российских представителей из двух домов, но не тронули наше посольство. А когда посол поздравил победителей и попросил их принять в Кабуле министра Козырева с ценными подарками, то моджахеды пообещали не обижать гостя и охранять.

13 мая приземлились в Кабуле три грузовых Ил-76. Козырев лично привез моджахедам свои дары: мешки с напечатанными у нас афганскими деньгами и 80 тонн муки и медикаментов. Да еще доставил приветственное послание от Ельцина и грамоту о признании Россией новорожденного детища ислама.

Два дня Козырев ласково умасливал кабульских правителей. Угождая им, он даже нахлобучил на себя шапку моджахедов. Он предложил снабжать их нашими запчастями к захваченной ими советской бронетехнике. Он услаждал их по-братски:

- Мы вместе должны закрыть страницы истории, написанные в обеих странах коммунистическими диктаторами. Это начало новых отношений двух новых государств, оказавшихся жертвами коммунистической системы.

А выпрашивал он у моджахедов каких-нибудь уцелевших наших солдат. В ответ Масуд снизошел до обещания отдать ему лишь одного пленника. Подарить его Козыреву посулили, как раньше Руцкому, перед самым отъездом министра прямо на аэродроме у трапа самолета.

Но в отличие от вице-президента Козырев томился у своего самолета в ожидании презента не два часа, а шесть! И никого не получил.

Когда же министерский лайнер взлетел, то вдогонку ему моджахеды дали залп из зенитного пулемета. Промазали неспроста. Ведь получили

все же муку и денежки. В тот вечер 14 мая кабульский корреспондент агентства Рейтер, описав пулеметные проводы московского министра, телеграфировал:

«Мистер Козырев покинул афганскую столицу очень разочарованным».

Провал Козырева в Кабуле не повредил карьере царедворца Ельцина. Обоим было по большому счету начхать на все заварухи в далеком Афганистане. О нем быстро забыли в Кремле. И потому родственники наших военнопленных снова засыпали меня просьбами возобновить розыски их сыновей и братьев.

Из разных городов телефонировали, слали письма, отправляли ходок ко мне в «Белый дом». А я объяснял, что не могу творить чудеса, но мне возражали, напоминая о вырученных ранее солдатах - Прокопчуке, Лопухе, Рустамове, Целуевском.

Миф о моих магических способностях раздула, как ни странно, американская радиостанция «Свобода». Вещая по-русски, она многократно демонизировала меня. Ее передачи страшали слушателей глобальным супершпионом, который сначала нагнетал «холодную войну» в Соединенных Штатах, Германии, Италии, Турции, похищал нужных КГБ людей из Англии, а потом переключился на афганских моджахедов и даже подстроил однажды в Москве заговор против Ельцина.

Радиожуть обо мне подхватила и отечественная пресса. А в семьях военнопленных, где меня почитали, сложилось превратное мнение: их помощник из Верховного Совета способен, мол, если захочет, добиться невозможного доныне. И было тщетно разубеждать моих простодушных просителей, что я не чета Лоуренсу Аравийскому. Они не ведали, впрочем, о его исторических авантюрах.

Давление на меня родни военнопленных имело также вполне серьезную подоплеку: я был избран в российский парламент благодаря начатому мной общественному движению за спасение жертв афганского плена. И бездействовать, значит, никак не мог. В общем, пришлось опять собираться в дальнюю дорогу к осатанелым моджахедам. От этого я не предвидел большого проку. Однако требовалось выполнить свой депутатский долг. Решил ограничиться минимально кабульской рекогносцировкой.

Перед отъездом побеседовал в мае с Руцким. Но кое-что утаил от него. Сказал, что улетаю в Исламабад и постараюсь там восстановить свои связи с пакистанскими властями для воздействия с их помощью на вождей моджахедов. О поездке в Кабул не говорил. Ее мог сорвать вновь Козырев, надавив на Руцкого. Поэтому обоих я задумал сбить с моего следа после краткого визита в Исламабад.

Обманный маневр был частью моей новой тактики. Прежняя оказалась малопродуктивной. Четыре года я действовал в роли суфлера общеизвестных фигур — Шемякина, Проханова, Горбачева, Ельцина, Руцкого.

Однако они преследовали своекорыстные цели и пренебрегали моими планам освобождения военнопленных.

А посему теперь – баста! Улечу совсем один в зарубежную разведку и потом буду, как встарь, апеллировать напрямик к нашей общественности. У нее есть проверенная сила – уличные манифестации.

Попав в Исламабад, я поселился уединенно в облюбованной издавна дешевой гостинице. Трижды посетил высших чиновников министерства иностранных дел Пакистана. Об этом прознали, естественно, в российском посольстве. Пришлось туда наведаться как бы из вежливости.

Через два дня из посольства пригласили меня повторно явиться. И вручили депешу от Руцкого. Он воспретил мне продолжать политические переговоры с пакистанцами и общаться с местными журналистами. Это был, конечно, его пересказ предписаний Козырева. Стало ясно, что мне пора исчезнуть отсюда бесследно.

Как пробраться в Кабул решил посоветоваться в знакомом месте – резиденции пакистанской разведслужбы ИСИ. Ее тогдашний директор – генерал Джавед Назир – встретил меня гостеприимно, как и его предшественники. Разговаривая со мной, он доверительно сообщил, что его офицеры часто сопровождают автоколонны грузовиков с продуктами и товарами из Пешавара в Кабул. А я попросил генерала подключить меня к его ездокам в афганскую столицу. Ради маскировки я мог бы одеть шаровары, долгополую рубаху, здешнюю круглую шапку и сандалии на босу ногу.

Но генерал Назир забраковал мой маскарал:

- По дороге из Пешавара в Кабул посты моджахедов проверяют автоколонны и распознают наверняка переодетого русского. У них на ваших людей наметанный глаз. И вас не сможет спасти пакистанский офицер. Вас тут же прикончат или замучают насмерть. Нет, я не стану отпирать депутата парламента России на верную гибель.

Расставшись с ним, я все же придумал второй кабульский маршрут. Он был окольным и трехфазным, но зато неопасным.

Сначала я сообщил нашему посольству, что улетаю на юг в Карачи, а там переседаю на рейсовый лайнер «Аэрофлота» и вернусь в Москву. Между тем втихую запасаю в посольстве Индии транзитной визой.

Затем отбыл в Карачи, провел пару часов в аэропорту и перемахнул на индийском самолете в Дели. Туда из Кабула прилетала «Ариана» раз в неделю и возвращалась обратно.

В Дели я ждал кабульского рейса три дня. Жил в таком отельчике, где русских не бывает. Поселился подальше от тамошнего нашего посольства. Очень хотелось повидаться с давнишним другом – делийским корреспондентом «Известий» Колей Паклиным. Но даже его не рискнул я навестить. Бродил по Дели, глазел на дворцы, храмы, пальмы, толпы индусов.

Когда самолет «Арианы» взмыл над мозаикой крыш индийской столицы, я замурлыкал сам себе напев великого барда про волка и охотников: «Обложили меня, обложили, но остались ни с чем егеря!». Прижок через их флажки из западни на свободу – упительный миг наслаждения.

В кабульском аэропорту я нанял легковушку и поехал в центр города. Там на перекрестках стояли танки и торчали шесты с зелеными знаменами «джихада». Множество зеленых тряпич появилось и на фасадах домов.

На тротуарах среди прохожих у всех женщин был отныне одинаковый наряд – мусульманская чадра.

Вооруженные моджахеды в джипах и верхом на броневиках носились по улицам, заставляя другие автомобили пугливо шархаться к обочинам.

В центре афганской столицы есть две европеизированные гостиницы, где я жил прежде: «Спинзар» и «Кабул». У входа в «Спинзар» толпились моджахеды, а потому я ретировался к «Кабулу». Но и там их было полно. В фойе отеля они расположились на диванах, прислонив к ним автоматы и гранатометы.

Со стен фойе исчезли запрещенные теперь фотоплакаты с красивыми афганками в одеждах разных племен. Из соседнего зала ресторана больше не доносилась любимая кабульцами индийская музыка, ставшая тоже греховной. Обитавшие тут раньше иностранные журналисты разъехались отсюда. Вся гостиница кишела боролатыми боевиками.

- Есть свободная комната? – спросил я по-английски гостиничного портье.

- Да, сэр, - ответил афганец с нескрываемым удивлением.

Он протянул мне альбом регистрации постояльцев. В графе о месте жительства и работы я написал: «Москва. Депутат парламента России». Прочтя это, портье опасливо взглянул на моджахедов и прошептал:

- Я провожу вас к вашему номеру.

На втором этаже мы вошли в грязноватую комнатенку, обставленную по-спартански: кровать, тумбочка, стол, два стула, умывальник. После ухода портье я запер дверь, подпер ее тумбочкой и утомленно плюхнулся на постель. Проспал мертвенки пару часов. Потом спустился в фойе, чтобы пройти в ресторан и подкрепиться.

Однако стоявший рядом с портье белокожий мужчина европейского облика шагнул ко мне:

- Вы депутат Андронов?

- А вы кто?

- Сотрудник российского посольства. Меня прислали к вам.

- Как вы нашли меня?

- Нам позвонили из этой гостиницы. Здесь не поверили, что вы русский депутат парламента.

- Почему не поверили?

- У вас нет охраны. И в последнее время не было самолетов из Москвы или Ташкента.

- Что вы хотите?

- Просим вас заехать со мной в посольство.

Упираться дальше было бы глупо. Все равно мое инкогнито кончилось. И это произошло бы тут неизбежно после моей первой же встречи с вождями моджахедов.

Посол Островенко встретил меня дружески, но обеспокоено:

- Вы безумно рискуете в гостинице, занятой моджахедами! Это недопустимо. Наше посольство наполовину эвакуировано. Мы предоставим вам пустующую квартиру на нашей территории. Прошу сейчас же переехать к нам.

- Спасибо за заботу. Но я поселись у вас лишь при одном безоговорочном условии.

- Каком?

- Вы должны сообщить в Москву, что в случае отправки отсюда для меня любой директивной телеграммы от Руцкого, Козырева или кого-то еще я не возьму ее у вас и сразу же уеду из посольства. Передайте, что никто не имеет права мной командовать кроме моих избирателей. Если из Москвы будут опять чинить мне тут помехи, то я разоблачу саботажников в Кабуде на своей пресс-конференции.

- Ну зачем вы так все обостряете?

- Довели меня до этого.

- Успокойтесь. Я проинформирую Москву о вашей позиции.

- Вот и хорошо. Надеюсь на взаимопонимание.

Благодаря послу Островенко мой ультиматум получили в Москве и наконец-то оставили меня в покое. Скрывшись из Исламабада, я доказал, очевидно, преследователям бесполезность новой зарубежной охоты за непокорным парламентарием.

В нашем посольстве мне предоставили двухкомнатную квартиру. Рядом жил молчаливый сосед с генеральским чином — резидент разведки Валентин Ревин. Но и он не покушался на отвоеванную мной независимость.

Президент Моджадеди принял меня как старого знакомого со времен его эмиграции в Пакистане. Вспоминал наши встречи, угощал душистым чаем, расспрашивал о Руцком. Уверял, что отдал ему полгода назад в Исламабаде советского военнопленного, а не афганского туркмена. Но об этом я не пререкался с ним. Не затем пришел к президенту. Убеждал вернуть нам остальных пленных солдат.

Президент не возражал, но просил еще потерпеть пока здесь не установится порядок и мир между буянами из разноплеменных кланов моджахедов. Часть из них, посетовал Моджадеди, пытается даже лишить его президентской власти. Он не преувеличивал. Я знал, что у него шаткое

положение. На его пост претендовали Раббани и Хекматъяр. И друг с другом тоже передрались. Как и прочие вожди моджахедов.

На моей встрече с президентом присутствовал посол Островенко. Он держался очень деликатно и скромно. Его мягкие манеры были тогда весьма кстати. Влияние России в Афганистане упало почти до нуля.

Ненависть к нам не утихла. Наше посольство нередко обстреливали. Его обитатели переживали пальбу в подвале посольского здания или в открытых вокруг него траншеях. Тем не менее российский посол сумел постепенно расположить к себе большинство вождей моджахедов. Евгений Дмитриевич Островенко был искуснейшим дипломатом.

После бесславного отъезда Козырева из Кабула московскому послу удалось все-таки с немалым трудом добиться от моджахедов обещанного ими освобождения одного нашего солдата. Его привезли при мне в посольство.

Сергей Фатеев родом из сибирского Кемерово попал в плен в 1987 году. За пять лет неволи ему запомнились 36 советских пленников в отрядах моджахедов. Из них 21 умерли от болезней. Трех казнили за попытку побега либо отказа стать мусульманином. Вместе с Фатеевым еще 12 выжили у военачальника моджахедов Масуда.

Отпуская пленника, Масуд приказал ему вызубрить и пересказать нам условия выкупа 12 солдат. Общая сумма выкупа — десять миллионов американских долларов. Взамен них, по словам Фатеева, возможна равноценная доставка из России армейских радиостанций, грузовиков, запчастей к вертолетам и бронетехнике, автогорючего, стройматериалов, продуктов с длительным сроком хранения. Плюс людской выкуп — афганские дети из приютов в бывших советских республиках.

Заявка на выкуп была адресована российскому правительству. В данной ситуации мое вмешательство явилось неуместным. К тому же я бы не посоветовал вооружать моджахедов, хотя в Москве пресса уже разгласила одобрение министром Козыревым поставок наших запчастей к захваченной моджахедами военной технике советского производства. Это вернуло бы нас к соучастию в афганской войне и означало бы наше оружейное вмешательство во внутренние дела чужого народа. Преступный идиотизм! Он не был в Кремле, к счастью, повальным. Сделка не состоялась.

Возможность безоружейного выкупа пленных я зондировал в Кабуле на встречах с бывшими партнерами пешаварских переговоров. Беседовал с министром иностранных дел Сулейманом Гейлани, его заместителем Хамидом Карзаем, министром национальной безопасности генералом Яхья Наурузом. Выяснял их отношение к обмену военнопленных на гражданский автотранспорт, продовольствие, нефтепродукты, промышленные товары.

Но вместе с тем я предлагал заключить с нами государственное соглашение о всех наших солдатах в афганском плену. Выкуп их порознь был бы бесконечным.

Мои кабульские собеседники реагировали вроде бы позитивно, но не спешили перейти от слов к делу. Их целиком поглотил дележ власти в Кабуле. Каждый вожак боевиков пытался здесь главенствовать единолично.

Отряды моджахедов расчленили столицу на дюжину подконтрольных им городских зон. В своей зоне ее захватчики патрулировали днем улицы, а по ночам занимались грабежами. С вечера до утра повсюду трещали выстрелы.

За две недели в Кабуле я был очевидцем нескольких артобстрелов. Это бесчинствовал Хекматъяр. Ему дали пост премьер-министра, но он счел это мелкой подачкой и захотел стать всевластным диктатором. Хекматъяр разместил его отряды под Кабулом и палил по городу из орудий и ракетных установок. Снаряды крушили жилые кварталы, взрывались на людных площадях и базарах. Гибли сотни кабульцев.

Война продолжалась по всему Афганистану. На юге и западе страны племена пуштунов пособничали их сородичу Хекматъяру, а на севере афганские таджики и узбеки слали подкрепления своим вождям, занявшим Кабул. Туда же вступили хазарейцы.

«Джихад» превратился в разбойничью войну между этническими общинами многонационального государства. Кровопролитие нарастало днем за днем. Я понял, что сейчас ничего тут не достигну и понадобится позже побывать здесь заново.

До отъезда в разговорах с кабульскими лидерами моджахедов я как бы невзначай подлюбопытствовал — как они поступят с их беззащитным заложником в здешней миссии ООН? Никто не помешал бы моджахедам ворваться туда и уволочь Наджибуллу. Они уже объявили его «военным преступником». А мне сказали, что покарают Наджибуллу «исламским судом». Однако расправу над бывшим президентом отсрочили надолго. Он был пуштун. Его казнь могла еще больше ожесточить пуштунов против засевших в Кабуле узбеков и таджиков.

В центре Кабула лишь пять минут ходьбы от королевского дворца, где еще недавно хозяйничал Наджибулла, до двухэтажного дома представительства ООН. Дом и примыкающий сад окружены высоким забором. За ним подневольный отшельник ждал своей участи вместе с младшим братом Шахпуром Ахмадзаем. Там же обитали двое самых преданных соратников Наджибуллы — начальник его разбежавшейся охраны Джафсар и политический советник Исхак Тухи, с которым я раньше был знаком.

Но теперь моджахеда, сторожившие миссию ООН, не пускали туда посторонних. Да и сам Наджибулла отказался от посещений какими-либо

иностранцами. Он был гордый человек и не желал лицемерить жалость к себе.

К нему был вхож часто только один чужеземец – сотрудник миссии ООН американец Терри Пинцер. Раз в неделю он приносил Наджибулле телефон спутниковой связи, чтобы экс-президент мог позвонить в Дели его жене. Пинцер снабжал также Наджибуллу англоязычными газетами и книжками.

Однако узник предпочитал больше всего читать Коран. Как правоверный мусульманин он пятикратно за день совершал намаз. Молился на коленях с опущенной до пола головой. И все же его мольбам не внял Аллах.

Когда власть в Кабуле перешла к моджахедам из религиозного движения Талибан, они ворвались в миссию ООН осенью 1996 года и увели Наджибуллу в королевский дворец. Там били его прикладами автоматов, потом кинжалом отрубили у него гениталии и доконали пулей в затылок.

Залитый кровью труп привязали веревкой к джипу и поволокли по земле на главную площадь столицы. В тот же день убили Шахпура Ахмадзая. Тела Наджибуллы и его брата прицепили за шею тросами к виселице на площади.

Моджахеды-талибы пинали висящих мертвецов, смеялись, размахивали автоматами, фотографировались. Глумились по-своему: втыкали убитым в ноздри и между пальцев рук бумажки денег и сигареты. Этот кошмар объявили талибы «правосудием джихада».

Первобытное зверство талибов, конечно, омерзительно, но ведь и у нас, по-своему, совесть нечиста: наши кремлевские правители выпестовали Наджибуллу и затем ничего не сделали ради его спасения от жуткой гибели. И других наших друзей-афганцев бросили мы тоже на произвол судьбы.

Наджибулла еще был жив, когда те, кто в нашем посольстве отреклись от него, сами едва не сложили головы. Рядом с посольством отряды Хекматяра атаковали окраину Кабула летом 1992 года. Посольство оказалось под перекрестным огнем танков, пушек, минометов. Двое россиян погибли, трое были ранены. Все попрятались в подвалах. И не могли из них выйти две недели яростных боев пока далеко отсюда обсуждали в Кремле чрезвычайную проблему – как уберечь от смерти 167 сограждан?

Бегство из Кабула на автотранспорте заведомо было бы самоубийством: дорогу на север оседлали разноплеменные банды моджахедов. Между тем боевики Хекматяра расстреливали кабульский аэропорт прямой наводкой с окрестных холмов. Но все же только аэродром сулил надежду на спасение.

На рассвете 28 августа в Кабуле приземлились три наших Ил-76 с армейским взводом десантников. Их ждали в полуразрушенном здании аэропорта все сотрудники посольства с двумя цинковыми гробами погибших сослуживцев.

При посадке в наши самолеты эвакуанты разделились на три группы. Первая улетела благополучно. Но боевики Хекматъяра начали стрелять, когда взлетел второй Ил-76. Ему проббили шасси. Однако и он покинул аэродром.

А третий лайнер еще не принял пассажиров, когда его изрешетили пулеметным огнем. Пилоты и десантники высочили на летное поле. Четверо были ранены. Десантники снайперски уничтожили трех вражеских пулеметчиков. Те успели все же всадить разрывной заряд в самолетное крыло, заполненное авиагорючим. Ил-76 взорвался.

Под обстрелом остались 56 человек, включая девятерых десантников и посла Островенко. Сугубо штатский дипломат поступил так, как действует на гибнущем корабле отважный капитан, садясь последним в спасательную шлюпку.

Посол отвел свой сухопутный экипаж в подвал аэровокзала, приказал там заночевать, а сам поехал в город к знакомым ему командирам узбекского ополчения Дустума. Их уговорил каким-то образом Островенко арендовать ему четыре моторных самолета! На них все вместе с послом улетели следующим утром из Афганистана.

Мужество и находчивость Островенко никак в Москве не отметили публично. А ведь он совершил подвиг, так как кремлевское начальство побоялось послать в Кабул еще один Ил-76 за застрявшими там соотечественниками. Имена трусливых перестраховщиков не разгласила московская пресса.

Лишь «Комсомольская правда» мельком помянула недобрым словом министра Козырева и плоды его деятельности:

«Российская политика в Афганистане – это крупнейший провал МИД России и Кремля».

Наглядный символ провальной политики – обгоревший фюзеляж Ил-76 в Кабуле – лежал там долго на аэродроме. Его не убрали моджахеды и демонстрировали приезжим. Показали и мне в ноябре 1992 года. Это было мое последнее путешествие в Афганистан.

Собираясь в поездку, я сознавал, что она будет крайне опасной и опять, быть может, безрезультатной. Как попасть в Кабул – неизвестно. Если все же доеду, то окажусь у моджахедов единственным «шурави» во всей столице. Последствия непредсказуемы. Могут пленить, изувечить, убить. Спасать некому. Наоборот, в Москве такие, как Козырев, станут тайком злорадствовать.

Но все равно меня тянуло, как магнитом, в запретные края. Я был уже неизлечимо болен Афганистаном. Разновидность «афганского синдрома».

Еще трое чудаков напросились ко мне в попутчики. Они были очень молоды, жаждали приключений, им было все нипочем. Аккредитованные в Москве австралийские тележурналисты Ник Лазаридес и Марк Ревелло с их переводчиком-востоковедом Кириллом Нурджановым разыскали ме-

ня и попросили помочь отснять в Афганистане документальный фильм о моджахедах и советских военнопленных.

Смелым парням я понадобился в качестве гида и парламентского депутата, имеющего доступ к афганским лидерам. А мне было спокойней отправиться в рискованный путь не одному, а вчетвером.

Наш маршрут в Кабул прокладывался наобум. Сперва прибыли в Ташкент. Там выспрашивали, как пробираться дальше. Перелетели в Термез рядом с афганской границей. Наняли на пару дней автомобиль с шофером и пересекли пограничную реку Аму-Дарью по железному мосту.

Тот мост знаменит тем, что по нему ушли из Афганистана на бронетранспортерах и танках арьергардные батальоны советских войск. За ними по опустевшему мосту прошагал командир отступившей армии генерал Борис Громов и произнес перед телерепортерами памятную фразу:

- Позади за моей спиной не осталось больше ни одного нашего солдата!

Забывчивость генерала соответствовала кремлевским традициям по отношению к нашим военнопленным. Сам по себе генерал Громов – порядочный человек и уважаемый полководец. В афганском плену не по его вине остались забытые солдаты.

За мостом через Аму-Дарью тянулась на юг лента шоссе по степной равнине. Ни за нами, ни навстречу не появлялись другие машины. По бокам дороги темнели ржавые глыбы сгоревших здесь когда-то советских танков, броневиков, тягачей.

К вечеру въехали в город Мазари-Шариф. Его оживленный центр украшала белораморная мечеть, а главную площадь – огромный фанерный портрет полнолицего брюнета в генеральском мундире. Здешний губернатор Рашид Дустум правил населенной узбеками провинцией Балх, подчинил еще пять соседних областей и довел своих ратников до Кабула. В отличие от разоренной столицы Мазари-Шариф мирно процветал.

Потом и здесь все разрушил смерч гражданской войны. Но я еще застал в Мазари-Шарифе местное генконсульство России. Это был на афганской земле наш последний островок, исчезнувший позже точно так же, как российское посольство. А служил тогда тут генеральным консулом знакомый мне дипломат Евгений Михайлов. Он помог встретиться с Дустумом.

Окруженный охранниками черноусый Дустум говорил мне перед телекамерой:

- В северных провинциях Афганистана осталось совсем мало советских военнопленных. Двоих мы вернули в прошлом году. Оба уехали в их родной Узбекистан. Если такая же возможность возникнет в будущем, то мы освободим в наших северных районах и остальных советских пленников.

Впоследствии отчет об этой беседе, составленный генконсулом Михайловым, показали мне в Москве. Генконсул также сообщил с моих слов, что я направляюсь в Кабул «для обсуждения вопросов развития российско-афганских связей и вопросов, связанных с освобождением наших военнопленных». Эта депеша предназначалась министру Козыреву. От него ее с добавочным «Примечанием» переслали Ельцину. «Примечание» гласило:

«О поездке И. Андропова в Афганистан не был информирован МИД России. Содержание заявлений И. Андропова, советника вице-президента, не согласовывалось с МИД России, что противоречит распоряжению Президента Российской Федерации об обеспечении единой политической линии в международных отношениях».

Доносчик, пакостя мне, заново подзуживал Ельцина против Руцкого. Отметалось главное — как и кто выручит из плена наших солдат?

19 ноября самолет Дустума перебросил мою команду из Мазари-Шарифа в Кабул. Столица изменилась катастрофически. Многие жилые кварталы превратились в руины. В центре города на улицах — воронки от бомб и снарядов. Везде чернели скелеты спаленных домов. В разграбленном российском посольстве уцелели только стены с пробоинами и дырявая кровля.

Мы поселились неподалеку от кабульского центра в некогда фешенебельном отеле «Интерконтинентя». Он раньше из-за дороговизны был доступен лишь очень богатым туристам и почетным гостям правительства. Но теперь там не было электричества, водоснабжения и никакого отопления, хотя ноябрьские ночи тут в горном климате холоднее московских. Чтобы не мерзнуть во сне, я спал в двух свитерах, брюках и под шестью одеялами, принесенными из пустующих комнат. Кроме нас обитали в отеле только моджахеды.

Кабул по-прежнему осаждали отряды Хекматъяра. Он помимо артобстрелов столицы душил ее голодом, блокируя пути подвоза продовольствия. В городской больнице и кабульском приюте детей-сирот я видел десятки умиравших дистрофиков, лишенных пищи и лекарств. Никогда не забудется, как скулили от голода заморыши-ребятишки. Ожил, как наяву, военный ужас моего далекого детства в блокадном Ленинграде.

Властители Кабула нуждались в заграничной подмоге столь неотложно, что устроили мне не по чину прием на высшем уровне. Пригласили к президенту и к министрам обороны, госбезопасности, транспорта, иностранных дел.

Важнейший прием был назначен в королевском дворце. Его занимал теперь вместо Моджадеди новый президент — мой старый знакомый Раббани. Помня его коварство, я сразу же сказал, что разговор с ним будет бесперспективен без кардинального решения вопроса о наших военнопленных. Раббани ответил:

- Мне ясно, что следует поскорее решить проблему советских военнопленных.

Начало беседы засняли австралийские телевизионщики, но затем Раббани попросил меня поговорить с ним наедине. Мы перешли в соседний зал дворца, где президент откровенно описал разруху и нищету в его владениях. Он говорил о том, что у афганцев почти все промышленное оборудование поступало из России и сейчас разваливается без советских запчастей и ремонта. Пришли в негодность автобусы, грузовики, механические мастерские, гражданская авиация, фабричные станки, электростанция, водокачки. Нет авторогючего, бытового керосина, медикаментов, муки. Раббани просил:

- Окажите срочную помощь хотя бы в небольшом размере!

- А вы вернете нам военнопленных?

- Отдадим всех, которыми располагаем.

- Это надо зафиксировать межгосударственным соглашением.

- Хорошо. Я готов послать в Москву нашу делегацию. Передайте также вашему правительству, что мы просим вернуть в Кабул российское посольство. У нас пока неспокойно, а потому пусть пришлют поначалу 10 или 15 московских представителей.

- Обещаю передать ваши предложения и буду ходатайствовать за их поддержку.

Другая значительная встреча была с министром обороны Масудом, чьи бойцы защищали Кабул и сопредельные провинции к северу от столицы. Ахмад Шах Масуд, он же — «Лев Пандшера», широко известен тем, что в годы его сражений с нашими войсками успешно отразил пять нападений советских десантов на его базы в горах. И ликвидировал несколько засланных к нему убийц.

В ту пору газета «Известия» называла воинство Масуда «бандитской армией» и «душманским отребьем». А незадолго до моей встречи с Масудом я прочел в «Известиях» разглашенную справку о нем из нашего армейского Главного разведывательного управления:

«Считается одним из видных военных теоретиков и практиков движения исламской революции. Обладает развитым общеобразовательным и политическим кругозором. Свободно владеет французским и английским языками. Волевой, энергичный, смелый и решительный главарь. Держится данного слова. Умный, хитрый и жестокий. Опытный конспиратор, скрытен и осторожен, вооружен автоматом и пистолетом».

На встрече Масуда со мной у него не было автомата, а что скрывала его куртка — не знаю. Зато охрана из десятка моджахедов не отступала от него ни на шаг. Среди его телохранителей числился, как я знал, бывший советский солдат Николай Быстров, ставший мусульманином Исламудином. Но распознать его я не сумел меж остальных бородачей с «калашниковыми».

Беседа с Масудом разделилась, как и с президентом, на две части. Сперва говорили в присутствии телерепортеров, потом по его просьбе – с глазу на глаз. И он повторил буквально то же самое, что я услышал от Раббани. Затем распрошался и умчался с охраной на двух джипах.

Еще одна встреча состоялась конфиденциально с политическим советником Хекматъяром по имени Мохаммад Накид. Я попросил его передать Хекматъяру, что готов к нему приехать и обсудить его условия освобождения наших солдат. Без этого он мог бы заподозрить, что против него я столкнулся с Раббани и Масудом.

30 ноября, за сутки до начала в Кремле 7 съезда народных депутатов России, мне удалось вернуться в Москву. Но снова я не знал – кого безошибочно сагитировать в Кремле на сделку с кабульскими властями ради освобождения военнопленных. У меня уже не было надежды на Ельцина и Руцкого. И потому не осталось иного выбора как обратиться к Руслану Хасбулатову, председателю Верховного Совета России.

Хасбулатов искренне заинтересовался возможностью вырвать наших парней из плена и восстановить в Кабуле российское посольство. Я вручил ему подробный отчет о своих беседах с афганскими лидерами. И посоветовал поддержать общественный сбор пожертвований на гуманитарную помощь голодающим кабульцам и их детям. Рекомендовал также принять в Москве делегацию президента Раббани и одновременно наладить переговоры с его соперником Хекматъяром.

Все это одобрил председатель Верховного Совета, но был не вправе осуществить без санкции правительства. Туда поступило письмо Хасбулатова. А ответ от министра иностранных дел Козырева отдал вскоре мне обескураженный председатель парламента. Трехстраничный ответ Козырева имел отрицательное резюме:

«Учитывая отсутствие безопасности в афганской столице, считаем необходимым воздержаться на данном этапе от возобновления работы российского посольства в Кабуле... Что касается приглашения в Москву делегации Кабула, эта идея является полезной и сочетается с прорабатываемыми нами планами, однако, учитывая, что сейчас в Афганистане не имеется легитимного, общепризнанного правительства, полагали бы целесообразным несколько повременить с этим шагом».

Министр умолчал, как всегда лукаво, о сути дела: его патрон Ельцин к тому времени шото возненавидел Хасбулатова и весь парламент.

На съезде депутатов в Кремле президент выступил 10 декабря 1992 года с воззванием распустить съезд. А затем добивался почти год разгона парламента. И разгромил его бронетанковым ударом в кровавом октябре 1993 года.

С той поры у нас позабыты солдаты в афганском плену.

Вот и все. Ныне Служба внешней разведки России иногда конспиративно пытается вызволять из Афганистана хотя бы по одному пропавших там солдат. Почти всех советских пленников в Афганистане моджахеда уже уничтожили.

«МЕРТВЫЙ СЕЗОН» НА ДОРОГЕ В РИГУ

Солнечным днем 31 июля 1993 года я приехал из Москвы в Псковскую область и там простоял пару томительных часов на шоссе между Великими Луками и латвийской столицей Ригой. В этом месте у городишка Себеж пересекает шоссе российская граница с Латвией.

Тут поперек дороги — полосатый шлагбаум. А сбоку — казарменный барак пограничников и таможенников. Из них на дежурстве работали обычно лишь полдесятка, так как автодвижение здесь было слабое. И название захолустной погранзаставы вполне подходящее — КПП «Бурачки».

Но в тот летний денек на тихом контрольно-пропускном пункте скопилось много военных и штатских. Отряд пограничников в зеленых фуражках возглавлял пожилой майор. Приехала группа офицеров милиции в синих мундирах. Автобус доставил взвод одетых в черную униформу бойцов псковского ОМОНа. Белохалатные санитары и врач вышли из машины скорой медпомощи.

Появился и вовсе небывалый здесь прежде визитер — московский фотограф с наплечной телекамерой.

Все стоявшие на шоссе разглядывали удаленную от нас на двести метров латышскую погранзаставу. Там тоже сустились люди возле дорожного шлагбаума. Он приподнялся наконец-то и пропустил два автофургона. Они медленно поехали к нам. Их окна были по тюремному за решечены.

Так закончились мои депутатские хлопоты, занявшие целый год. В последний раз мне удалось после пятилетки афганских дел подготовить новый межгосударственный обмен арестантов: семь граждан России на семь латвийцев. Из них тринадцать, заурядные уголовники, никого не интересовали. Вся затея с обменом была организована только ради одного отпущенного к нам узника рижской тюрьмы.

Он вышел из автофургона, щурясь и моргая от непривычного ему яркого света безоблачного дня. На нем был зеленый комбинезон армейского пошива и матросская тельняшка. Они обтягивали могучее тело коренастого атлета.

- Здравствуй, Сергей! — сказал я.

Мы обнялись, а он так крепко притиснул меня к своей груди, что перехватило дыхание и мои ноги чуть приподнялись над асфальтом. Этот эпизод промелькнул вскоре на российском телевидении, а комментарии к нему в газетах были забавно односюжетны. «Советская Россия» высказалась патетически:

«31 июля близ небольшого городка Себеж церемония была почти такая же, как в фильме «Мертвый сезон», когда советского разведчика обменивали на английского шпиона. Последние метры теперь уже чужой земли – и узник латвийских застенков попадает в объятия депутата Ионы Андропова».

«Московские Новости» откликнулись иронически:

«Телерепортаж с границы был выдержан в духе финальной сцены из фильма «Мертвый сезон»: крепкие мужские объятия, сдерживаемые чувства. На телеэкране это так и смотрелось – как общенациональное торжество, как разгром немцев под Москвой».

Арестант из Риги был известен по всей России. Но не был знаменитым шпионом. До неволи за решеткой капитан советской милиции Сергей Парфенов служил заместителем командира рижского Отряда милиции особого назначения.

До сих пор у нас и в Прибалтике не забыли драматическую историю рижского ОМОНа и капитана Парфенова. Но вспоминают везде по-разному: одни – со злобой, другие – с восторгом.

ОМОН возник в Риге, как и в иных городах бывшего СССР, весной 1988 года. Рижский отряд насчитывал 120 молодых бойцов под командованием ветерана афганской войны майора Чеслава Млынника и его зама Парфенова.

Омоновцам поручили в Риге бороться с бандитизмом, спекуляцией дефицитными товарами и пресекать уличные беспорядки. Рижский ОМОН подчинялся московскому министерству внутренних дел и его республиканскому управлению в Латвии.

Большая политика не затрагивала рижских омоновцев до лета 1990 года, когда Латвия провозгласила свою государственную независимость. Ее не признали, однако, в Кремле. ОМОН в Риге отказался принять присягу новым латвийским властям, поклялся защищать единство Советского Союза и отныне выполнял приказы министра внутренних дел СССР латыша Бориса Пуго, многолетнего борца против прибалтийских сепаратистов.

Но теперь антимосковские политики хозяйничали в Латвии. А к ним примкнула часть местной милиции вместе с боевыми отрядами латышских националистов. Между ними и ОМОНОм начались вооруженные стычки. О тех днях Сергей Парфенов откровенно говорил мне:

- Я не ангел, я далеко не пай-мальчик.

Омоновцы неоднократно разоружали в Риге группировки городских боевиков и устраивали рейды против новоявленных таможен латышей на

границе с РСФСР. 20 января 1991 года дошло до ночной стрельбы возле здания МВД Латвии. Тогда погибли пятеро рижан и один иногородний фоторепортер. Чьи пули их сразили в потемках – неизвестно. Подверглись обстрелу и омоновцы. Они отступили к их штабу в оборонном кольце баррикад, дзотов и штабелей мешков с песком.

Развязка наступила 19 августа 1991 года. В Москве захватил власть кремлевский ГКЧП. Его соучастник – министр Пуго – приказал рижскому ОМОНу восстановить советский правопорядок в столице Латвии. За двое суток омоновцы разоружили батальон латышских ополченцев, заняли столичный телеграф и помещение МВД. Не было ни сопротивления, ни людских жертв.

Перепуганное правительство Латвии спряталось в подвальном bunkerе бомбоубежища. До 23 августа ГКЧП, обанкротившись в Москве, победоносно существовал только в единственном городе на берегу Рижского залива. А министр Пуго уже застрелился, убив заодно свою жену.

Вслед за московским фиаско ГКЧП рижский ОМОН поневоле вернулся в свои казармы. Латвийские власти по-прежнему боялись омоновцев и упросили Кремль перебазировать их срочно в Россию. Председатель Верховного Совета Латвии, ее премьер-министр, латвийский Совет безопасности опубликовали заявление об их отказе привлечь к суду рижских омоновцев, если те покинут без боя суверенную республику.

1 сентября в Риге приземлились российские «Ил-76» и увезли омоновцев подальше отсюда в сибирскую Тюмень.

В Тюмени отряд Млынника и Парфенова включили в областной ОМОН. Рижанам надлежало теперь ловить сибирских бандитов, наркодельцов, спекулянтов золотом. Однако спустя месяц правительство Латвии, вопреки своему обещанию мирно отпустить изгнанников, захотело их все же арестовать и обратилось за согласием на это к Ельцину. А он уже держал за решеткой зачинщиков августовского ГКЧП и выявлял их пособников по всей нашей стране.

С ведома Ельцина прибыла секретно в Тюмень из Риги латышская «группа захвата». Ордер на арест и отправку в Латвию рижских омоновцев санкционировали российский Генеральный прокурор Валентин Степанков и министр внутренних дел России генерал Андрей Дунаев.

Накануне тюменского отлова рижан их предупредили тайно об этом милицейские доброжелатели из Москвы. И преданные Кремлем переселенцы успели уйти в подполье. А вскоре разъехались нелегально кто куда.

Майор Млынник анонимно обрел убежище в Ленинградской области. Большинство остальных перекочевали в советское Приднестровье. Некоторые отправились воевать в Абхазию, Закавказье и даже на Балканы к сербам. Не скрылся и никуда не уехал лишь один – Сергей Парфенов. Почему?

- Я наивно верил в справедливость отечественного правосудия, - рассказывал мне Сергей. - В Риге я никого не убил, не ранил, не покалечил, не совершил ничего преступного. Будучи офицером советской милиции, я исполнял законно распоряжения руководства советского государства. Когда оно распалось, я стал гражданином России. Только российский суд имеет право вынести мне какой-либо приговор. Включая вердикт о выдаче иностранным властям. Но этого я не опасался, так как не был виновен в правонарушениях. Зачем же скрываться от нашего суда?

Несчастный идеалист! Его тюменское начальство запросто позволило приезжим полициям из Латвии арестовать Парфенова, нацепить ему наручники и отконвоировать в Ригу. Не было ни следствия, ни суда. Произошло позорное для нас похищение чужеземцами гражданина якобы демократической России.

Через год я добился тюремного свидания с узником «Рижского центра» - крепостной цитадели из нескольких сомкнутых казематов кирпичной кладки еще царских времен. Там провел Парфенов 22 месяца. Сидел в одиночке корпуса для особо опасных зеков. Шесть недель пробыл в камере смертников. Так старались надломить его психически, но он выдюжил. Только стал заикаться. И лицо подергивалось от нервного тика. Да еще пожаловался мне 32-летний крепыш на возникшие боли и перебои сердца.

Семья Сергея - дети и жена Ольга - не успели сразу же за ним перебраться в Тюмень и застряли в Риге. Они жили в старом деревянном доме труппного вида. Обстановка внутри их квартиры была нищенская.

Все сколь-нибудь ценное Ольга распродала для прокорма малышей. А их было четверо! Катя семи лет, пятилетняя Маша и трехлетние близнецы Максим и Наташа. Глядя на худеньких и бледненьких детишек, было ясно без расспросов, что еда у них очень скудная. Молодая мать выглядела не лучше - кожа да кости. А в серых глазах - безысходное страдание и усталость.

Семья без кормильца выжила благодаря периодической доставке денег из России от разных омовцев. Помогли также финансово московские актеры «Театра на досках» Сергея Кургина. Зачастую присылал деньги вице-президент Руцкой, собирая пожертвования его сторонников. Все спонсоры действовали тайком от безжалостных латышских властей.

Осенью 1992 года начался в Риге суд над Парфеновым. Сидя в зале суда, я наблюдал, как шестеро полицейских ввели Сергея в железную клетку и там сняли с него наручники. Прокурор зачитал обвинительный акт. В нем отсутствовали доказательства какой-либо личной вины подсудимого за рижское кровопролитие 20 января 1991 года или за августовские события в том же году.

По словам прокурора, предварительное следствие на протяжении двенадцати месяцев тюремных допросов и очных ставок смогло инкриминировать Парфенову лишь «превышение служебных полномочий». Это

обосновали смехотворным фактом: в октябре 1990 года омоновцы по заданию городских властей ловили рыночных спекулянтов водкой, поймали пятерых, разбили их бутылки, а водочных барыг поколотили и заставили искупаться в Рижском заливе.

Еще потешней был опрос потерпевших. Их доставили на суд под стражей, ибо они отказались явиться добровольно. Но пока прокурор и адвокат произносили речи, пятерку спекулянтов держали вне зала в коридоре, откуда четверо изловчились удрать. Об этом объявил рассерженный судья и распорядился привести еще не сбежавшую жертву произвола ОМОНа.

- Вы пострадали от омоновцев? – спросил судья сутулого мужчину средних лет.

- Да, пострадал, господин судья.

- Взгляните на подсудимого! Узнаете его?

- Нет.

- Посмотрите на него внимательно. Узнали?

- Нет, не узнал.

Однако ни одного смеха не прозвучало в заполненном публикой зале суда. Лица моих соседей были безулыбчивы и хмуры. В перерывах между судебными заседаниями посетители, говорившие по-латышски, не общались с русскоязычными горожанами. Да и сидели те и другие отдельными кучками, разделенные как бы незримыми перегородками. Для этих рижан и вообще для всей Латвии суд над Парфеновым был продолжением незабываемых межнациональных распрей, обоюдных обид, давней неприязни.

Омоновец в клетке олицетворял для многих латышей долгожданное возмездие за репрессии сталинской эпохи, массовые депортации, поглощение их страны советской империей. А русскоязычные жители республики воспринимали рижский суд над гражданином России как унижение напоказ и без того гонимых ныне отсюда сотен тысяч русских, лишенных паспортов, гражданства, избирательных прав.

Расправа над похищенным милиционером детонировала вулканическое извержение шовинизма.

В зале суда журналисты заметили москвича со значком депутата Верховного Совета и окружили меня, когда я уходил оттуда.

- Как вы оцениваете процесс?

- Здесь происходит, по-моему, показательное издевательство над российским гражданином. Разжигается международный скандал.

В Москве возле особняка Латвии уже стояли уличные пикетчики с плакатами «Освободите Парфенова!» В его защиту был создан общественный комитет. Столичные газеты печатали репортажи о рижском судилище.

На исходе осени удалось убедить российский парламент вмешаться в дело Парфенова. На сессии Верховного Совета я пересказал свои рижские впечатления:

- Трагическая судьба Парфенова — это сегодня нечто большее, чем невзгоды одного человека и его семьи. Судебное дело Парфенова стало в руках политиканов орудием возбуждения национальной вражды между коренными латышами и русскоязычными жителями Латвии, которые составляют почти половину населения республики. Их дискриминируют, они деморализованы и запуганы. А им показывают русского парня в клетке и тем самым внушают — вот что будет с вами, если посмеете противиться и вздумаете вместе организовать. Демонстрируют и другое: смотрите, Россия ничего не предпринимает, не может заступиться за своего гражданина, не может выручить его бедствующую семью. Заодно показывают и пережившим репрессии латышам: вот ваш враг в клетке, теперь можно мстить, а на сей счет великая Россия будет помалкивать.

Что делать — предложил конкретно:

- Мы, депутаты, обязаны защищать своих сограждан повсюду. Давайте начнем это делать хотя бы в отношении Парфенова. Будем действовать в данном случае бесконфликтно и компромиссно. Обратимся к парламенту Латвии и ее судебным властям с просьбой вернуть нам российского гражданина. Вдобавок направим письмо Верховного Совета президенту Ельцину с предложением поддержать наше обращение к латвийским властям.

Подготовленные загодя документы — послание в Латвию и письмо Ельцину — были одобрены Верховным Советом на редкость единодушно. Против проголосовал лишь один депутат. Его фамилии не знаю, так как голосование не велось поименно.

Ельцин не ответил Верховному Совету на полученное письмо. Однако дал, вероятно, некие указания российскому МИДу, который попросил латышей проявить снисхождение к их рижскому узнику. Поступить более решительно постеснялись наши дипломаты: ведь у нас правительство всего навсего год назад постыдно выдало Парфенова латвийской полиции.

Послание Верховного Совета в Ригу я передал московскому послу Латвии. Вскоре наше обращение получили председатель парламента Анатолий Горбунов и генеральный прокурор Янис Скрастиньш. Но оба не откликнулись никак. Назидательный суд над омоновцем затянули еще на четыре месяца.

На январское Рождество 1993 года я прилетел в Ригу с двумя коллегами-депутатками Тamarой Понамаревой и Нелли Якименко. Им предстояло женственно смягчить переговоры о Парфенове с латвийским руководством. А празднование Рождества как бы взывало к христианскому всепрощению.

Пришлось, каюсь, хитрить, прикидываясь овечкой из-за потери бывших зубов у нашей обессилившей державы. Рижские газеты сообщили, что примелькавшийся тут московский депутат посетил на сей раз «с рождественской миссией» председателя парламента Горбунова.

Анатолий Горбунов, импозантный и моложавый политик, был тогда по своему статусу главой государства, ибо в ту пору латыши еще не обзавелись президентом. А их парламент именовался в те дни по старинке Верховным Советом.

Переименованный парламент, названный сеймом, избрали весной 1993 года, но предвыборная кампания уже шла той зимой полным ходом. Среди ее главных лозунгов был один очень хлесткий: «Латвия — латышам, для русских — Россия!». Поэтому Горбунов поспешно добавил по-латышски к своей фамилии букву С и стал Горбуновсом.

Его положение осложняли предвыборные призывы запретить бывшим членам компартии баллотироваться в обновленный парламент — сейм. А ведь еще недавно Горбунов был секретарем по идеологии Центрального комитета компартии Латвии. Теперь же он блокировался с заядлыми антикоммунистами. За это его обзывали «перевертышем». Мне было понятно, что подтолкнуть Горбунова на крупные и немедленные уступки в деле Парфенова сходу не получится.

В переговорах с ним нашей депутатской делегации участвовали латвийские парламентарии и представители прокуратуры. Беседовали обоюдно вежливо, но по-деловому жестоко. И все же договорились. Однако так, как настояли латыши.

Они заявили, что Верховный Совет России не имеет права вмешиваться в их судопроизводство, а посему процесса Парфенова не прервут и вынесут ему приговор. Тем временем могут приехать в Ригу посланцы Генеральной прокуратуры России и составить с латвийскими прокурорами договор двух стран о взаимном обмене осужденными гражданами обоих государств. Далее новый договор подлежал ратификации парламентами Латвии и России. И только затем был возможен обмен Парфенова на какого-нибудь арестованного у нас латвийца.

Более того, России надлежало взять обязательство не отменять рижского приговора Парфенову. Он попадал таким образом из чужой тюрьмы в нашу. После чего его могли лишь помиловать наши высшие власти. Их загоняли по сути в угол, как провинившихся шкодников. Но они же и впрямь нашкодили, предав латышам Парфенова! И не было уже иного способа его спасти. Ради него, Ольги и четверых их малышей я принял рижский ультиматум.

15 марта 1993 года в Риге приговорили Парфенова к 4 годам тюремного заключения. И оставили за решеткой «Рижского централа».

Спустя месяц Генеральная прокуратура России, разработав с латышами юридическую процедуру обмена зеков, вынесла на обсуждение и ратификацию Верховным Советом новый «Договор между Российской

Федерацией и Латвийской Республикой о передаче осужденных для отбывания наказания».

Содержание договора изложил Верховному Совету, словно в насмешку, наш Генеральный прокурор Степанков, предавший ранее Парфенова. Теперь, впрочем, у Степанкова как будто бы реанимировались остатки совести. Он смущенно отвечал на колкие вопросы московских журналистов:

- Сожалею ли я сегодня о чем-либо из того, что было сделано? Да, сожалею вроде бы о том, что отдал Сергея Парфенова.

Генеральный прокурор сказал депутатам, что сначала передадут нам из латвийских тюрем семерых российских граждан. И произнес заключительную фразу:

- Среди этих семи человек - Парфенов, о котором было много разговоров.

Верховный Совет поручил мне содоклад о ратификации российско-латвийского договора. Долго говорить уже не требовалось:

- Дело Парфенова стало болезненным нарывом в наших отношениях с Латвией. Я убежден, что если сейчас удастся урегулировать этот вопрос, то мы продвинемся и в решении более серьезных споров с Латвией. Там ущемляют права наших соотечественников. Латвия предъявляет нам территориальные претензии. Поэтому прошу быстрее закончить дело Парфенова ратификацией договора. Обычно мы, депутаты, немало полемизируем между собой, но есть общенациональные интересы, зовущие нас к единству.

Верховный Совет без полемики ратифицировал договор. Аналогичное решение вынес сейм Латвии. Для Парфенова был расчищен путь к выходу из «Рижского централа». Но вдруг все изменилось наихудшим образом...

Весной 1993 года приехала в Ригу группа следователей из соседней Литвы. Они получили согласие латвийских властей допросить Парфенова в тюрьме. Литовцы заподозрили его в убийстве и терроризме. Улики предоставил сотрудник литовской газеты «Республика» Аудрюс Лингис.

Журналист рассказывал, что его газета выдала 35 тысяч рублей платному осведомителю по имени Леонид за детальную информацию об убийстве восьми литовских таможенников и пограничников в июле 1991 года. Погибшие были расстреляны в упор бандой налетчиков, которые затем бесследно скрылись.

В те дни это произошло на созданной самостийно погранзаставе литовцев близ местечка Медянинкой. А ныне газета «Республика» огласила имена организаторов преступления, но подстраховалась редакционной оговоркой:

«Не можем утверждать, что все здесь рассказанное – чистая правда».

Платный осведомитель газеты уверял, что расстрелом литовцев якобы командовал прибывший из Москвы офицер спецназа КГБ «Альфа»

майор Владимир Бакаев. Его сборная команда, по словам осведомителя, состояла из бойцов ОМОНа, служивших в Вильнюсе, и рижских омоновцев, командированных лично Парфеновым.

Штурмовики Бакаева вроде бы хотели сперва лишь разоружить литовцев на заставе. Но те отстреливались, а когда все-таки сложили оружие и стояли, подняв руки, перед омоновцами, то внезапно один из литовцев выхватил припрятанный пистолет и попытался выстрелить. И тогда будто бы омоновцы расстреляли пленников.

В ответ на обвинения Парфенов возмущенно заявил в тюрьме следователям, что приписанная ему причастность к нападению на литовскую заставу – голословная ложь. Оскорбленный узник потребовал подключить к его допросам российских юристов. Но получил отказ.

Ему не предъявили никаких доказательств газетной сплетни. Ее составляли, вероятно, с целью использовать дело Парфенова для подстрекательства против Москвы не только латышей, но и литовцев. Зловредный замысел, возможно, был еще шире.

И снова я отправился в Ригу, когда узнал, что генпрокуратуры Латвии и Литвы решили отконвоировать Парфенова в тюрьму Вильнюса для новых допросов сроком на три месяца. А это грозило ему неволей за решеткой уже на долгие годы.

Убеждая отпустить Парфенова, я предупредил рижских политиков, что их сопротивление, вопреки договору с нами, вызовет вот-вот у нас бурю общественных протестов. И тогда я призову Верховный Совет объявить экономическую блокаду Латвии, зависящей от импорта нашего промышленного сырья и энергетики.

Внутри Латвии могли взбунтоваться обездоленные русскоязычные жители, так как жена Парфенова объявила, что в случае отправки ее мужа в Вильнюс она в центре Риги сожжет себя, облив бензином. Зачем же маленькая Латвия, говорил я, нарывается на большое кровопролитие?

Насчет крови я не блефовал. Бывший командир рижских омоновцев Млынник уже спланировал созыв его прежних бойцов неподалеку от границы Латвии. Майор Млынник откровенничал с журналистами:

- Наш отряд готов в любой момент выполнить задачу по освобождению Сергея. Для нас не будет проблем дойти до его камеры и сказать: «Сергей, ты свободен». Пока мы не имели права вмешиваться, чтобы не повредить всем тем, кто помогал ему. Сергей сознательно выбрал путь законной юридической борьбы с фашистским режимом. Но мы постоянно следим за его положением. Держим связь с его близкими. При любом ухудшении ситуации или проявлении им желания нашего вмешательства мы немедленно это сделаем.

Об этом знали, конечно, в Риге. И в итоге прочих размышлений благоразумно не рискнули бесконечно дразнить Россию. Вместо Вильнюса отослали Парфенова в псковские Великие Луки. Там спустя три дня его

официально помиловали из Кремля, соблюдая российско-латвийский договор. Так завершилась рижская вариация «Мертвого сезона».

Утром 6 августа 1993 года в Москве на перроне Рижского вокзала большая толпа шумно встретила приехавшего пассажира из Великих Лук. Его обнимали, целовали, дарили ему цветы, фотографировались с ним на фоне приветственных транспарантов. Один из них был, однако, суровым: «Позор предателям, выдавшим советского офицера иностранной охране!».

Полдня провел Парфенов со мной в парламентском «Белом доме». Благодарил депутатов за выручку, пришел сказать спасибо Руслану Хасбулатову, председателю Верховного Совета. Вечером выступил по российскому телевидению. Интерес миллионов зрителей к освобожденному миллионеру точно обобщила «Комсомольская правда»:

«Парфенов для России — это символ, за которым стоят многие тысячи безвестных людей, ставших лишними и ненужными в Риге, Душанбе, Кишиневе. Признает ли их Россия за своих сыновей или за пасынков?».

На следующий день капитан милиции Парфенов улетел в Тюмень продолжать службу в местном управлении внутренних дел. Тюменские власти предоставили семье возвращенца четырехкомнатную квартиру. В Ригу послали самолет за его женой и ребятишками.

Такого «хэппи энд» могло бы не быть, если бы освобождение Сергея затормозилось еще на пару месяцев: 21 сентября Ельцин упразднил российский Верховный Совет и через две недели доконал огнем танков и пулеметов.

А затем генпрокуратура Латвии повторно попросила Кремль выдать ей Парфенова. Хотя его не отдали, тем не менее даже три года спустя после возвращения Парфенова в Тюмень рижский прокурор по особо важным делам Гунарс Лепиньш публично грозился:

- Рано или поздно Парфенов опять предстанет перед судом в Латвии.

Власти Латвии заново возбудили в 1999 году судебные дела против 50 бывших омонцев и объявили их беглыми преступниками, подлежащими аресту в случае поимки.

Между тем мне запомнилось, как во всех разговорах с Сергеем в Риге, Великих Луках, Москве он ни разу не высказал недоброго слова о латышах и их республике. Меня поразило это отсутствие у него ответной мстительности за муки в тюремной одиночке, камере смертников, судебной клетке.

Однажды я признался ему, что сам, оказавшись в его положении, мечтал бы отомстить. Сергей промолвил:

- Я уважаю и люблю простых латышей — честных и добрых людей. Они такие в своей массе. А Латвии я искренне желаю мира, спокойствия и счастья.

Но он не простил своих предателей:

- Факт выдачи меня чужим властям, для которых я был и остаюсь врагом, я расцениваю как подлость и удар мне в спину.

Не простил капитан советской милиции и человека, которого считает главным виновником распада Советского Союза. В московском телевизионном выступлении Парфенов, волнуясь и заикаясь, говорил:

- Пользуясь случаем, я хочу обратиться к Михаилу Сергеевичу Горбачеву. Я не имею права говорить от имени народа. Я хочу сказать от своего имени и от рижского и вильнюсского ОМОНа. Думаю мальчишки меня поймут и поддержат. Так вот — будь ты проклят Иуда! Будь ты проклят за то, что испоганил все, чего сам не создал. Я и наш ОМОН чисты перед Родиной. Все, что мы обещали Союзу и тебе, мы выполнили. Мы выполняли свою присягу, мы поклялись на верность и стояли до конца. Но ведь и ты тоже принимал присягу. Ты тоже клялся нам в верности. Будь же ты проклят! Очень тебя прошу: уезжай ты с нашей земли! Ты ее предал, разрушил, испоганил. Ты ее залил кровью по самое горлышко. Уезжай на Багамы, на Бермуды, куда угодно. Ты здесь лишний, слышишь?

КРЕМЛЕВСКИЕ САМУРАИ

Полковник Михаил Иванович Осин, кадровый контрразведчик, запомнился мне тем, что он искусно работал очень по-крупному. Молодой полковник занимал руководящий пост в следственном управлении министерства госбезопасности России и распутывал в начале 90-х годов самые сложные дела политического сыска. Осин разнохивал и выявлял источники тайной утечки секретов из Кремля и кабинетов глав министерств.

Когда полковник обнаруживал очередного нарушителя секретности, то вызывал его обычно повесткой на допрос в недавнюю тюрьму КГБ «Лефортово». Ее название само по себе порождает издавна рефлексивный трепет. А за ее стальными воротами страх посетителя невольно возрастал при виде каменных темниц, решеток, часовых, конвоиров. Затем испуганный пришелец предстал перед полковником Осиним.

Однако допрос был, как ни странно, удивительно ласковым! Полковник, словно сытый кот с пойманным мышонком, игрался с вызванным к нему визитером. Успокаивал его, радушно сочувствовал, предлагал всего лишь дружески побеседовать. Следователь был подчеркнуто вежлив, интеллигентен, не угрожал, не повышал голоса. Обходительный полковник с добрыми голубыми глазами вкрадчиво советовал своей жертве спастись от тюрьмы чистосердечным покаянием и рассказом о сообщниках.

Так было в «Лефортово» с моим приятелем, известным в Москве политиком и литератором. А я угодил на полгода «под колпак» полковника Осина и его ведомства. Им не помешало даже мое депутатство и парламентская неприкосновенность. Кончилось тоже допросом. Предыстория к тому началась весной 1991 года.

В марте 1991 года появился в Кремле заморский важный гость — лидер правящей в Японии либерально-демократической партии Итиро Одава. Он был тогда чрезвычайно влиятельным политиком в Токио. Там его прозвали на американский манер «кингсмейкером» — «создателем королей». Одава негласно распределял высшие должности в японском правительстве вплоть до кресла премьер-министра.

Вместе с тем Одава получил среди коллег мафиозную кличку «крестный отец», ибо конспиративно насыщал партийную казну обильными взятками богатых фирм на сотни миллионов иен. Колоссальное взяточничество — многолетняя традиция большой политики и крупного бизнеса Японии.

24 и 25 марта токийский гость удостоился двух аудиенций у президента СССР Михаил Горбачева. Обе беседы были конфиденциальными.

Но их суть разузнал и разгласил спустя четыре дня московский газетчик Олег Мышкин: собеседник Горбачева посулил нашей стране 28 миллиардов долларов японских инвестиций в обмен на передачу Японии наших Южно-Курильских островов.

Эти острова – Кунашир, Итуруп, Шикотан и архипелаг Хабомаи – вымогают у нас японцы уже полвека вопреки Потсдамской декларации 1945 года. Тогда победоносные державы антифашистской коалиции узаконили советскую принадлежность Южных Курил. Соглашение Японии зафиксировало акт о ее капитуляции 2 сентября 1945 года: «Японское правительство и его преемники будут честно выполнять условия Потсдамской декларации».

Однако «честно выполнять» межгосударственные обязательства непривычно большинству политиканов. И таковы не только взяточники из Токио. Изумившая нас афера Одзавы в Кремле отнюдь не была спонтанной. Знакомые мне востоковеды выяснили, что еще до приезда Одзавы в Москву министр иностранных дел СССР Шеварднадзе пообещал японскому министру иностранных дел Таро Накаяме отдать его стране Южные Курилы.

Сегодня этот факт признан задним числом самим Шеварднадзе. А в ту пору он часто посещал Токио вместе с женой, обожающей ювелирные драгоценности. Очевидец семейных вояжей министра – японовед Игорь Латышев – подметил примечательную деталь:

«Супруга Шеварднадзе снисходительно принимала подарки встречавших ее подобострастно японцев».

Циничные дарители, нащупав «ахиллесову пяту» Шеварднадзе, неслучайно, пожалуй, попытались соблазнить мешками долларов и его ближайшего сподвижника – советского президента и генсека. Про его меркантильность тоже проводили в Токио. Руководитель обслуживающего аппарата Горбачева – Валерий Болдин – засвидетельствовал впоследствии:

«В США лидеры государства и бизнеса были прагматиками и раскочевывались охотно на различные денежные премии М.С.Горбачеву и другие личные награды. Генсек стал все чаще получать огромные премии от разных фондов. Количество премий было столь велико, что за ними направлялись специальные эмиссары. Но поступала не только валюта. Горбачеву присылали довольно весомые медали из золота, серебра, платины, а также коллекционные монеты из драгоценных металлов».

Накануне randeу Горбачева с Одзавой было объявлено, что наш президент отправится 15 апреля в Японию. Туда же для подготовки его визита вылетели 29 марта новый министр иностранных дел СССР Александр Бессмертных и министр иностранных дел РСФСР Андрей Козырев. Полученные ими инструкции выведала московская газета «Коммерсант»:

«По информации из кругов, близких к МИД СССР, стороны рассматривают в Токио сформированные в обстановке полной секретности

предложения СССР по вопросу о передаче Японии островов Южных Курил».

Разразившийся скандал захлестнул Кремль, где в те дни заседал 3-й съезд народных депутатов России. Горбачева обвинили в попытке продать иностранцам часть государственной территории, что каралось тогда по закону смертной казнью за измену Родине.

Чтобы обелить Горбачева, явился на съезд Генеральный прокурор СССР Николай Трубин. Он назвал нападки на Горбачева «клеветой на президента СССР». Генпрокурор потребовал от съезда санкционировать возбуждение уголовного дела против того, кто смеет пренебрегать законом «О защите чести и достоинства Президента СССР».

Съезд ответил генпрокурору громким хохотом, презрительным улюлюканьем, гвалтом выкриков. С председательской трибуны Руслан Хасбулатов долго упрасивал:

- Товарищи депутаты, я призываю вас к спокойствию! Прошу не шуметь!

Депутаты, уgomонившись, скопились у микрофонов. Попрекали Горбачева за «продажу наших островов» и стыдили генпрокурора Трубина за потворство незаконной авантюре. Я предложил защитнику «чести и достоинства» Горбачева заняться более серьезным делом:

- Уважаемый Генеральный прокурор, сейчас идет здесь речь о части территории Советского Союза. Вы, полагаю, знаете о том, что еженедельник «Коммерсант» напечатал большую статью, в которой рассказано, как в Москве лидер японской правящей партии Итиро Озава обсуждал с Горбачевым возможность получения Японией наших островов в обмен на 28 миллиардов долларов японских капиталовложений. Статья «Коммерсанта» ссылается на полученную информацию из министерства иностранных дел СССР, ЦК КПСС и японских дипломатических кругов. Вслед за этим не последовало опровержений от министерства иностранных дел или пресс-службы президента. Уже прибывший в Токио министр иностранных дел СССР Бессмертных заявил: «Между какими островами пройдет советско-японская граница будет зависеть от наших способностей и возможностей, существующих реалий». То есть практически идет подготовка к изменению границы и переговорам о передаче японцам Южных Курил. Кто же может дать ныне полную гарантию, что этого не произойдет? Вель переговоры с японцами целиком засекречены. Все прояснится, когда Горбачев прилетит через две недели в Токио. А пока прошу вас, уважаемый Генеральный прокурор, не вовлекать преждевременно российский парламент в дурацкую ситуацию, которая способна нас дискредитировать.

Депутат Валентина Домнина выразила общее мнение:

- Пусть наш съезд выскажется за то, чтобы Михаил Сергеевич Горбачев на переговорах с японской стороной не занимался никакими сдел-

ками по поводу островов без разрешения съездов народных депутатов СССР и России.

После этого неудачливый генпрокурор молчком покинул кремлевский зал съезда. А его подзащитный понял, что ему не простят у нас территориальных уступок японцам даже за миллиарды долларов.

Четыре апрельских дня провел Горбачев в Японии и все это время уклончиво лавировал на переговорах о судьбе Южных Курил. К его приезду настырные японцы замыслили новую сделку. Они решили покупать у него наши острова поштучно: восемь миллиардов долларов за каждый курильский остров.

Но и такая розничная распродажа уже была для Горбачева крайне опасна. Он вывернулся из навязанного торга с присущим ему двуличием: признал равные права СССР и Японии на Южные Курилы. Небывалый образец абсурдной дипломатии!

Свой шедевр Горбачев упаковал в двусмысленную формулировку подписанного им советско-японского коммюнике, где говорилось, что переговоры в Токио включали «проблему территориального размежевания с учетом позиций сторон о принадлежности островов Хабомаи, острова Шикотан, острова Кунашир и острова Итуруп».

В итоге Япония добилась того, что Кремль официально признал часть советской земли спорной территорией.

До сих пор считают, что Горбачев подыграл японцам бесплатно. Но так ли это в действительности?

19 апреля 1991 года авиалайнер Горбачева вылетел из Японии, но направился не на север к советским рубежам, а на восток в сторону Желтого моря. Спустя сорок минут полета лайнер приземлился на южнокорейском острове Чеджудо.

Этот остров — туристический курорт с зелеными рощами, цветущими садами и прекрасными пляжами. Там в роскошной вилле поджидал за чем-то Горбачева тогдашний сеульский президент Ро Дэ У. Он устроил для свиты Горбачева праздничный банкет и увеселительную прогулку по острову.

Никаких политических переговоров не было. В присутствии спутников Горбачева два президента лишь слегка порассуждали о текущих событиях в ООН и в регионах Дальнего Востока и Тихого океана.

Однако помимо светской болтовни Горбачев уединился с Ро Дэ У для особого разговора с глазу на глаз. Краткая беседа свелась к тому, что Ро Дэ У вручил гостю бумажный пакет. Его содержимое рассекретил три года спустя главный помощник советского президента Валерий Болдин:

«После возвращения из Японии и свидания Горбачева с Ро Дэ У на южнокорейском острове мой шеф позвал меня в Москве в его кабинет и удовлетворенно вынул из своего портфеля тугой запечатанный конверт. Внутри, как сказал Горбачев, сто тысяч долларов.

- Это дал мне Ро Дэ У, - произнес он, - Подумай как истратить.

Никаких объяснений он не сделал. По сей день мне кажется невероятным — как мог лидер Южной Кореи при встрече с Горбачевым дать сто тысяч долларов президенту сверхдержавы, с которой южнокорейцы только недавно наладили отношения. Нравы южнокорейцев — их внутреннее дело. Но как мог Горбачев взять деньги? В оплату за что?».

И впрямь — «за что»? В ту пору Горбачев не оказал какой-либо сверхценной услуги Ро Дэ У. А потому логично, по-моему, допустить, что Ро Дэ У по просьбе соседей из Токио выступил в роли тайного посредника-кассира. Если это неверно, то Горбачев смог бы, конечно, возразить. Но почему-то он, неумный говорун, предпочитает на сей раз помалкивать о зарубежном подарке в сто тысяч долларов.

Осенью того же года правительство Японии опять предложило Кремлю поторговаться о Южных Курилах. Сговорившийся в прошлом с Шеварднадзе министр иностранных дел Таро Накаяма пообещал авансировать один миллиард долларов на «гуманитарную помощь» и 2,5 миллиарда долларов «экономической помощи», если в Москве согласятся передать японцам сначала острова Хабомаи и Шикотан, а позже — Кунашир и Итуруп. Но теперь Накаяма адресовал свою валютную заявку не Горбачеву, безвластному после краха августовского ГКЧП, а российскому президенту Ельцину.

В Токио вспомнили, как в январе 1990 года приехавший туда депутат Верховного Совета СССР Борис Ельцин обсуждал с местными политиками свой проект урегулирования проблемы Южных Курил. Проект Ельцина состоял из пяти пунктов поэтапного взаимодействия с японцами.

На первом этапе Верховный Совет СССР принял бы с подачи Ельцина резолюцию о признании «территориальной проблемы» на советско-японской границе. Второй этап — учреждение «свободной экономической зоны на Южных Курилах» с предпочтительным допуском в нее японского бизнеса и неограниченным въездом туда любых японцев. Третий этап — «демилитаризация» нами Южных Курил. Четвертый этап — подписание мирного договора между СССР и Японией. А заключительный пятый этап Ельцин запрограммировал в трех вариантах.

Один из вариантов Ельцина предполагал совместный контроль Токио и Москвы над Южными Курилами. Другой вариант — провозглашение островов «нейтральной зоной». Третий вариант — «передача островов Японии». А в целом вся многоступенчатая процедура, по замыслу Ельцина, была рассчитана на 15 лет.

Ельцин встречался в Токио, как и падкий на иноземные подарки Шеварднадзе, с щедрым соблазнителем — японским министром иностранных дел Накаямой. После той встречи сопровождавший Ельцина его депутатский помощник Лев Суханов, с которым я потом часто общался, рассказывал о своем шефе:

- Он не исключал, что через какое-то время Курилы могут быть переданы Японии пасовсем.

В октябре 1991 года министр Накаяма прилетел из Токио в Москву с намерением уговорить Ельцина укоротить его курильский проект с 15 лет до одного года и согласиться на единственный вариант — передачу японцам Южных Курил.

За месяц до кремлевского визита Накаямы японская газета «Майнити дейли ньюс» сообщила, что глава правительства получил от Ельцина личное послание с согласием осуществить его первоначальный проект за 7 лет. Свести и этот срок к одному году задумал Накаяма с помощью тайного сговора с некоторыми сановниками внутри Кремля.

В то время среди ближайшего окружения Ельцина заглавная роль принадлежала государственному секретарю Геннадию Бурбулису. Он после переговоров с Накаямой поначалу не проронил публично ни слова, но потом отбросил маскировку:

- Я считаю то, что случилось с четырьмя Курильскими островами в 40-е годы, агрессивным актом сталинского режима. Острова будут возвращены рано или поздно.

Другой пособник Токио в Москве был давним другом Ельцина. Когда Ельцин управлял Свердловской областью, будучи там первым секретарем обкома КПСС, то с ним хорошо сработался второй секретарь обкома и затем председатель облисполкома Олег Лобов. В 1991 году Ельцин перевел Лобова в столицу и сделал его заместителем премьер-министра РСФСР. Тогда же осенью, накануне приезда к нам Накаямы, правительство Японии порекомендовало персонально Лобову возглавить в Москве новый фонд под камуфляжным названием «Российско-японский университет».

Японские спонсоры псевдоуниверситета ассигновали ему, как установила токийская пресса, пять миллионов долларов наличными. Лобов игнорировал вопросы и догадки в московских газетах:

«Откуда у российского чиновника Лобова загородная дача стоимостью свыше миллиона долларов?»

Кремлевские переговоры Накаямы с Ельциным и его фаворитами были организованы таким образом, что ничего не просочилось в нашу печать о разговорах собеседников относительно Южных Курил. Информация об этом попала только в токийские газеты, именующие Южные Курилы «северными территориями Японии». 17 октября 1991 года японская «Дейли Йомиури» прояснила позицию министра иностранных дел России:

«Во время переговоров Козырев подчеркнул намерение советской стороны ускорить диалог по проблеме северных территорий. Он также дал понять, что Япония, как и Советский Союз, должны стараться повлиять на российскую общественность, настроенную против возвращения островов Японии».

Японские газеты процитировали фразу Ельцина в беседе с Накаямой: «Я за ускорение процесса решения территориального вопроса».

Ради такого «ускорения» Накаяма договорился с Ельциным создать вместе спецгруппу из японских и российских дипломатов во главе с заместителем министра иностранных дел России японистом Георгием Кунадзе. По этому поводу газета «Джапан таймс» сообщила 15 октября:

«Японские участники переговоров были обрадованы назначению Кунадзе, ибо именно он рассматривается ими как человек, склонный более других соглашаться с возвращением островов Японии».

Георгий Фридрихович Кунадзе, прозванный сослуживцами «самураем», нередко посещал в парламентском «Белом доме» комитет по международным делам, где я был замом председателя. Низкорослый и поджарый японист, вопреки его грузинской фамилии и германскому отчеству, не выглядел хотя бы полуевропейцем: темно-коричневое костистое лицо, черные пятна на лысине, желтые зубы. Но вовсе не облик был причиной его клички.

Знакомая с ним приятельски сотрудница американской радиостанции «Свобода» и подобных ей газет Вера Кузнецова говорила Кунадзе напрямик:

- Ваша прояпонская ориентация известна. И порой приходится слышать, что вы чуть ли не лично заинтересованы в передаче островов.

Заинтересованность Кунадзе обнаружилась с весны 1990 года, когда ему, малоимущему кандидату исторических наук, посчастливилось хлопотать академическую командировку в Токио. Там он здорово подрабатывал лекциями для японцев, интервью для их газет и брошюрками на злободневную тему — как Японии заполучить Южные Курилы. За такие подкаски платили щедро.

А через год как раз такой японолюб срочно понадобился ельцинскому министру Козыреву. Он, призвав Кунадзе, назначил его сходу своим первым заместителем в российском МИДе.

Оба спелись так гармонично, что Козырев поручил Кунадзе кроме японских дел руководить кадровой очисткой министерства от патристически настроенных дипломатов. Слово «патриот» в лексиконе Козырева было ругательством. Министр даже обзывал проявлявших патриотизм депутатов парламента «политическими убоюдками красно-коричневой масти».

За две недели до московского визита Накаямы министр Козырев послал Кунадзе на Южные Курилы убедить там сограждан безропотно смириться с передачей островов Японии. На острове Кунашир в городке Южно-Курильске созвали митинг на площади, где с деревянной трибуны Кунадзе призвал островитян подчиниться вскоре новым японским хозяевам. Разгневанные слушатели Кундзе набросились на него и пытались избить, но он от них удрал и поспешно улетел оттуда.

Кремлевский «самурай» осерчал на соотечественников:

- В общественном мнении нашей страны, к сожалению, крайне сильно влияние великодержавного мышления.

На сессии российского Верховного Совета я предложил депутатам:

- Уже пора, как мне кажется, присвоить заместителю министра Кунадзе звание «почетного самурая».

Засекреченная договоренность Накаями с Ельциным, Бурбулисом, Козыревым, Кунадзе наткнулась на тройное препятствие – Конституцию РСФСР, Декларацию о суверенитете РСФСР, Уголовный кодекс РСФСР. Конституция гласила:

«Территория Российской Федерации целостна и неотчуждаема».

Декларация о суверенитете провозглашала:

«Территория РСФСР не может быть изменена без волеизъявления народа, выраженного путем референдума».

Уголовный кодекс квалифицировал «деяние в ущерб территориальной неприкосновенности» как «измену Родине», наказуемую «смертной казнью с конфискацией имущества».

Всякое изменение границ России подлежало по Конституции «утверждению съездом народных депутатов Российской Федерации». А потому после отъезда Накаями «самураи» из нашего МИДа и дипломаты японского посольства засновали по коридорам и кабинетам в депутатском «Белом доме».

Очень часто я видел Козырева и Кунадзе в кабинете председателя парламентского комитета по международным делам Владимира Лукина. Однако при моем появлении они, переглянувшись, прекращали свои келейные разговоры.

Лишь однажды Лукин допустил меня на его беседу с делегацией японских бизнесменов. Но те толковали с ним не об экономических делах, а о способе заполучить Южные Курилы. Сидевшая рядом с Лукиным незнакомая мне дама в черношелковом платье в обтяжку сказала японцам:

- Ой, не волнуйтесь так горячо, получите вы от нас свои острова!

- Нет, не получат! – встрял я. – А вы мадам, не имеет права так говорить в Верховном Совете. Кто вы такая?

Лукин пояснил, что она – приглашенная им «представительница российских деловых кругов».

По виду она была японкой. Имя русское – Ирина. Зато фамилия – Хакамада. Мне был известен однофамилец – тогдашний активный агитатор в Японии за изъятие у нас Южных Курил профессор университета «Аояма Гакуин» Сигэки Хакамада.

Профессор Хакамада, как оказалось, сводный брат московской бизнесменши. Потом она стала министром в правительстве Ельцина и ездила в Токио по приглашению министерства иностранных дел Японии, общаясь там со своим братцем, апологетом курильских притязаний.

Японцы обошли в «Белом доме» много кабинетов. Побывавший в Москве токийский парламентарий Кохи Исии позже утверждал, что не-

кий «высокопоставленный деятель Верховного Совета» получил от японцев 700 тысяч долларов! Азартные взяточники играли ва-банк.

Массовая обработка депутатов Верховного Совета началась сразу же после отъезда Накаямы из Москвы. 23 октября Козырев, Кунадзе и Лукин сумели в Верховном Совете с помощью председателя Палаты национальной Рамазана Абдулатипова устроить парламентские слушания по проблеме Южных Курил.

В тот день галерку зала Палаты национальностей заполнило множество журналистов, но Козырев и Лукин потребовали удалить прессу и объявить заседание о Южных Курилах «закрытым». Причину секретности Лукин не отказался при журналистах высказать начистоту:

- У нас могут быть такие мнения, которые мы хотим оставить здесь для себя и только для депутатов.

Солитарный с Лукиным депутат Глеб Якунин выболтал цель организаторов заседания:

- Я считаю, что будет величайшим благом, если мы продадим Южные Курилы за 40 миллиардов долларов. Все равно придется в ближайшее 5-10 лет отдать эти острова.

Мне пришлось выступить против моего начальника Лукина:

- Нечего скрывать от нашего народа парламентское заседание о Южных Курилах. Закрытое заседание вызовет разнотолки о сделке с японцами. Настаиваю на присутствии журналистов в этом зале.

Большинство депутатов проголосовало за открытое заседание. Попавшие впросак «самураи» растерялись. Их предводитель Козырев промямлил экспромтом вступительную речь, примечательную лишь туманными ремарками о тайном торге с Накаямой. Министр обмолвился:

- По существу речь идет о Курилах. Во многом реализуется прежний пятиэтапный план Ельцина. Он направил письмо премьер-министру Японии. Японцы предложили нам помощь в 2,5 миллиарда долларов.

Позицию Кремля министр обозначил только завуалированными намеками:

- Я не говорю сейчас о том, кто прав в отношении островов. Я говорю о том, что с японской стороны существует развернутая аргументация – юридическая, историческая и так далее. Япония красит на картах острова в одну краску, а мы – в другую. Нашу окраску никто не признает. Японскую признают, пожалуй, в мире больше, чем нашу. Вот от этого мы несем очень большие издержки. Если бы было принято решение о передаче японцам этих островов, то я не думаю, что это повлечет за собой дополнительные территориальные притязания на наших границах.

Приглашенный на парламентское заседание губернатор Сахалинской области Валентин Федоров изобличил пособников передачи японцам входящих в его область островов:

- Жители Сахалинской области с нарастающей тревогой и возмущением воспринимают намерения некоторых руководящих деятелей России

произвести отторжение Южных Курил и передать их Японии. Обеспокоены не только сахалинцы, но и восемь регионов Дальнего Востока. Там проходят теперь предупредительные забастовки. Создается без всякой необходимости новый очаг напряженности в России. Это подорвет доверие к российскому руководству. Если отдадут острова, то это несчастье вызовет цепную реакцию разрушительной перекройки границ по всему периметру нашей страны.

Депутаты поддержали сахалинского губернатора и раскритиковали Козырева и Лукина. Оба долго оправдывались. И обещали не сотрудничать без ведома Верховного Совета с претендентами на Южные Курилы.

Покупатели наших островов вроде бы проиграли. Однако всего лишь вроде бы...

Два месяца спустя в «Белом доме» сотрудник секретариата председателя комитета по международным делам Игорь Сонин зашел в мой кабинет, закрыл плотно дверь и положил на стол три страницы машинописного текста. На первой странице я прочел заголовок – «Президенту Российской Федерации Борису Николаевичу Ельцину».

Чинovníк-письмоносец сказал:

- Через 15 минут я должен возвратить этот документ нашему председателю Лукину. Действуйте быстро и не подведите, пожалуйста, меня.

Сбоку заголовка документа я увидел личную подпись Ельцина с датой 18 декабря 1991 года. И там же – рукописная резолюция президента: «Надо обсудить». Рядом стояла также подпись государственного секретаря Бурбулеса. А в конце текста – имена и должности авторов: министр иностранных дел А.В.Козырев и председатель комитета по международным делам Верховного Совета В.П.Лукин.

Служебное письмо Козырева и Лукина президенту Ельцину излагало план передачи японцам Южных Курил на протяжении следующего 1992 года. План включал государственный визит Ельцина в Токио. В целом все совпадало с проектом Накаямы изъять у нас за один год пограничные острова. Напор упрямых заговорщиков, выходит, на деле несколько не ослаб.

Первым моим порывом было устремление огласить сразу же антиконституционный документ. Но поразмыслив, я счел такой поступок опрометчивым. Участники секретной переписки смогли бы отвергнуть мои разоблачения, замаяли бы затем скандал, а потом опять возобновили бы свои козни в иной форме. Их заново сорвать было бы мне уже нечем.

Против своры правящих оборотней у меня имелся теперь всего-навсего один патрон. Им стрельнуть надлежало, значит, только раз, но зато без промаха и спешки в упор, наповал.

Поэтому тихо затаившись, я терпеливо наблюдал за уловками противников, готовя им засаду.

31 января 1992 года Ельцин встретился в Нью-Йорке с токийским премьер-министром Киити Миядзавой, а тот после объявил, что скоро на

Южных Курилах японские власти приступят к «раздаче российским переселенцам видов на жительство». Тем временем в Москве газета «Известия» сделала резонный вывод:

«Если дошло дело до определения на островах видов на жительство, то стало быть в Нью-Йорке обо всем прочем в принципе договорились».

В марте Козырев приехал в Токио. По сообщениям прессы, наш министр торговался с японцами о конкретном размере их денежных ассигнований за наше соглашение отдать южнокурильские острова Хабомаи и Шикотан.

2 мая прибыл в Москву новый японский министр иностранных дел Митио Ватанабэ. Он обсудил неофициально с Ельциным и Козыревым план скорейшей передачи Японии островов Хабомаи и Шикотан с одновременным признанием японского суверенитета над Кунаширом и Итурупом. За это снова посулили Кремлю огромную финансовую компенсацию.

В июне я разузнал о секретных заседаниях Государственной комиссии по подготовке визита президента России в Японию. Председатель госкомиссии Бурбулис и ее главный эксперт Кунадзе рекомендовали Ельцину с учетом японских предложений одобрить полученный им ранее курильский план Козырева и Лукина. То есть отдать японцам в два приема наши острова попарно к концу 1992 года. А прибытие Ельцина в Токио запрограммировали на 13 сентября.

Бурбулис посоветовал Ельцину пренебречь конституционными правами Верховного Совета и публично заявил:

- Все, что касается позиции России по территориальным вопросам, является в конечном счете прерогативой президента.

И вот тут настала моя очередь предпринять наконец открытую контратаку: 6 июля на сессии Верховного Совета я обошел за три часа полсотни заседавших депутатов и попросил каждого из них прочитать и подписать составленное мной коллективное обращение к Ельцину. В тот же день я отослал в Кремль депутатское обращение и раздал его копии корреспондентам ведущих пресс-агентств, газет, радиостанций. Полученное ими, как оказалось потом, не устарело даже сегодня:

**Открытое письмо
52-х народных депутатов России
Президенту Российской Федерации
Б.Н.Ельцину**

Уважаемый Борис Николаевич!

Сегодня, в смутную пору нашей Отчизны, кремлевская ваша недосыгаемость вынуждает нас гласно предостеречь вас против крайне опасных для России интриг кучки ваших ближайших советников. Они закулисно подталкивают вас к такому шагу,

который грозит российскому государству катастрофическими последствиями.

Еще осенью минувшего года при обсуждении парламентом России судьбы четырех Курильских островов ваши президентские советники уверяли нас, что не уступят чужеземцам без решения народа ни пяди российской земли. Но затем они вручили вам письменный проект поэтапной сдачи японцам Южных Курил.

Первый этап предусматривал соответствующую обработку общественного мнения через российскую прессу. Одновременно рекомендовалось конфиденциально известить правительство Японии о готовности России отдать четыре острова в 1992 году.

На втором этапе предложили вам во время посещения Японии подарить два острова Курильской гряды, оговорив пятилетнюю рассрочку окончательного демонтажа там российского управления.

А затем, после спада неизбежного возмущения россиян, запланировали третий этап — на исходе 1992 года ублажить японцев сдачей островов Итуруп и Кунашир опять с пятилетней нашей эвакуацией. В ответ вы ограничились тогда лаконичной резолюцией на меморандуме заговорщиков: «Надо обсудить».

Но вот теперь черное дело почти исполнено сервильной прессой, японские дипломаты обо всем информированы еще в январе этого года. А вас накануне сентябрьского прилета в Токио продолжают усиленно подстрекать преподнести Японии первую пару наших островов. Отрекийтесь от постыдной затеи, господин Президент, пока не поздно! Аморально лишать Россию части ее территории без ведома парламента и без всенародного референдума. Это преступное нарушение Конституции Российской Федерации. Это обман Верховного Совета и вообще всех россиян. И это вдобавок очевидное приглашение всем зарубежным претендентам на российские земли тоже попытаться ограбить нас, используя временную слабость России, ее экономический кризис, политическую нестабильность и нынешнее состояние ее армии. Территориальные уступки под любыми предлогами губительны.

Взывая к государственной мудрости и патриотическому долгу избранного народом президента, мы, вне зависимости от различного отношения к вам, солидарны сейчас в стремлении оградить от горстки интриганов авторитет президентской власти. Надеемся, что и для вас, Борис Николаевич, национальные интересы России превыше всего остального. О передаче Южных Курил кому бы то ни было не может быть и речи, равно как и о любом ином нарушении территориальной целостности России.

10 июля из Кремля сообщили мне официально, что Ельцин прочел письмо 52-х депутатов. Но ответа от него не последовало.

Письмо распространили столичные пресс-агентства ИТАР-ТАСС, Интерфакс, РИА. Однако его не опубликовали московские газеты за исключением лишь одной — «Советской России». Несмотря на формально-почтительный тон письма в отношении президента, политическое содержание расценили как брошенный вызов Ельцину.

Тираж «Советской России» — 250 тысяч — обеспечил все же общественную огласку депутатскому письму. Поэтому другие газеты, промолчав о письме, напечатали тем не менее 14 июля опровержение анонимного порученца министра Козырева:

«Представитель МИД России категорически отверг утверждения о том, что российское правительство готовит тайный договор о передаче Японии островов Курильской гряды».

В тот же день обратились ко мне за разъяснениями московские корреспонденты японских газет и телекомпаний. Им зачитал я выдержки из адресованного Ельцину курильского меморандума Козырева и Лукина. И назвал впервые имена обоих авторов. Эту информацию опубликовала в Токио 15 июля респектабельная газета «Нихон кэйдзай». А вслед за тем у моих оппонентов вдруг сдали нервы.

«Кунадзе пригрозил оппозиции прокурором» — чернел заголовок на первой странице «Независимой газете» 17 июля. Под заголовком перечислялись угрозы мне за интервью токийской «Нихон Кэйдзай». Заместитель министра иностранных дел Кунадзе истерично разгневался:

«Иона Андронов, видимо, в лучшем случае, извините, просто психически нестабильный человек, а в худшем — он совершил должностное преступление. Думаю, компетентные органы, прокуратура и руководство Верховного Совета разберутся в этом вопросе и воздадут по заслугам. Противники правительства у нас все чаще не останавливаются перед разглашением государственных документов. Иона Андронов, как работник Комитета по международным делам, не имеет права использовать служебную информацию в открытой полемике. Даже если бы у МИД все было заранее расписано, мы не стали бы об этом рассказывать».

Вспыльчивый Кунадзе, страшая меня «компетентными органами», прокурорами и психбольницей, сгоряча выпалил самое важное — подтвердил мою улику кремлевского сговора с японцами о Южных Курилах. Мой ответ «самураям» я передал журналистам:

- Считаю законным депутатским долгом и впредь разглашать любые предательские покушения высших властей на наши пограничные территории.

Парламентская неприкосновенность депутата была моим щитом. Но его бесшумно продырявили. По подсказке Кунадзе кто-то из облаканных японцами руководителей Верховного Совета дал исподтишка согласие

министру госбезопасности России генералу Виктору Баранникову начать слежку за мной и розыск моих осведомителей о кремлевских секретах.

Это расследование Баранников поручил трем офицерам контрразведки. Мной занялся, как выяснилось позже, полковник Михаил Осин. С июля слухачи-невидимки подключались к моим телефонам в парламенте и дома.

Однако слежка была мне уже не страшна: со мной объединились пятьдесят депутатов Верховного Совета. И мы могли легко удвоить нашу численность.

Между тем мой парламентский противник и начальник Лукин, распрошавшись с нами, получил от Ельцина заморскую синектуру — пост российского посла в Соединенных Штатах. Это позволило мне без Лукина устроить заседание комитета по международным делам и опубликовать его резолюцию 25 июля:

«Комитет полагает, что в сегодняшних условиях крайне опасно признание суверенитета Японии в любой форме над какой-либо частью территории России».

Прорвав блокаду молчания подконтрольных Кремлю московских газет, я предупредил через прессу нашего президента:

- Если Борис Ельцин во время визита в Токио признает права Японии хотя бы на часть Южных Курил, то это будет аннулировано российским парламентом и вызовет требования отстранить президента от его должности.

В ответ не прозвучало ни отповеди, ни новых угроз. Вместо визгливого Кунадзе хозяин Кремля за месяц до своего вояжа в Токио привлек к японским делам самого сокрушительного врага Верховного Совета — Михаила Полторанина, вице-премьера правительства и министра печати.

Полторанин, закадычный друг и собутыльник президента, издевательски называл «лилипутами» российских депутатов, от которых, как он говорил, его «тошнит». А японцам гарантировал Полторанин первоочередную передачу курильских островов Хабомаи и Шикотан. 2 августа он отправился в Токио и заявил категорично перед отлетом:

- Позиция президента по территориальному вопросу давно ясна. Этой же позиции должен придерживаться и Верховный Совет.

Агрессивная наглость Полторанина была у нас общеизвестна. Вице-премьер, командуя газетами и телевидением, многократно оскорблял и хамски унижал подвластных ему журналистов. Некоторые тщетно обращались в суд с исками против чиновного обидчика. Огрызались иногда даже послушные Кремлю газеты.

«Московский комсомолец» обозвал Полторанина «гангстером», «Московские новости» — «мутантом демократии», «Комсомольская правда» — «печально известным скандалистом» и «вторым стаканом России».

«Первым стаканом» подразумевался президент. Но как раз благодаря этому второй был неуязвим. Он даже трезвый куражился:

- Я — тот человек, который действительно помог Ельцину стать президентом.

В Токио кремлевский вице-премьер заверил главу правительства и министра иностранных дел Японии в том, что его другу Ельцину не мешает сопротивление парламента России санкционировать передачу японцам наших островов.

Полторанин настолько зарвался, что обсуждал с японцами вопрос о переселении с островов российских граждан. В сообщениях об этом из Токио был упомянут также загадочный факт: Полторанин находился там с группой его помощников по приглашению японского правительства, но все расходы гостей оплатила связанная с местными властями газета «Асахи». Что же случилось? Неужели опять вульгарная взятка?

Шеф московского корпункта «Асахи» Харухито Сумикава, которого я посетил, подтвердил возникшую догадку. Он рассказал мне детально о японском финансировании переговоров Полторанина в Токио.

6 августа в Москве «Советская Россия» напечатала мое заявление депутата Верховного Совета:

«Сколько стоят Южные Курилы? Этот вопрос может, к сожалению, возникнуть в связи с шестидневным пребыванием в Японии российского вице-премьера Михаила Полторанина. Он командирован туда для подготовки сентябрьского визита президента России. Но почему официальному посланцу нашего правительства предложено сейчас в Токио содержание за счет японцев?

Вчера авторитетный японский представитель откровенно признал, что правительство Японии конфиденциально договорилось с газетным концерном «Асахи» оплатить русскому вице-премьеру дорогостоящий авиаперелет Москва-Токио-Москва и суперкомфортное проживание в токийском фешенебельном отеле «Империял». Оплатят японцы и транспортные услуги гостю в Токио и других пунктах, а также угощения и курортное пребывание на Окинаве.

Таким образом Полторанин мог оказаться в личном долгу у Токио. Но его персональные долги и субъективные рассуждения за рубежом несовместимы с внешнеполитическими делами нашей державы».

В истинно демократическом государстве подобный Полторанину подкупленный иностранцами министр сразу лишился бы своего поста и угодил бы на скамью подсудимых. Однако у нас шиворот-навыворот.

Вместо ального друга президента пострадал в Москве безвинный журналист Борис Геннадьевич Лапшин, директор редакции оперативной информации Российского информационного агентства (РИА). Он был уволен в августе министерскими сослуживцами Полторанина только за то, что разослал по телетайпам РИА в редакции газет мое депутатское заявление о японской подачке вице-премьеру. Заявление не появилось, кроме «Советской России», в остальных напуганных газетах.

Зато многотиражный «Московский комсомолец» услужливо предоставил первую страницу 11 августа вернувшемуся восвояси Полторанину. Он оправдывался весьма своеобразно:

«Почему нельзя пощадить свою казну? Японцы потратили на нас 20 тысяч долларов. Это никак не отразилось на позиции российской делегации. Я считаю себя не меньшим патриотом, чем Иона Андронов, назвавший меня «должником японцев». Так как на земле осталась одна сверхдержава — США, незаинтересованная в сближении России и Японии, то нельзя ли предположить здесь совпадение позиции спецслужб США и позиции Ионы Андропова? А в прошлом для проведения работ по линии КГБ в Нью-Йорке туда рекомендовался именно Иона Андронов».

Сожалею сегодня, что столь идиотское вранье побудило меня отреагировать, не удержавшись, с трибуны Верховного Совета:

- Полторанин объявил в печати, что я работаю якобы на КГБ и американские спецслужбы. В ответ заявляю, что он лжец и клеветник.

Перебранка с ним оказалась уже излишней. Опозорившись в Токио за 20 тысяч долларов, он был отстранен Ельциным от дальнейшей подготовки президентского визита в Японию. Против самого визита развернулось и вне парламента шумное общественное движение.

Начались уличные митинги в защиту Южных Курил. Демонстранты заодно скандировали:

- Как бы Борька не дурил,
Нет России без Курил!

В конце августа и начале сентября сотни москвичей неоднократно устраивали манифестации в трех местах столицы: перед посольством Японии в Калашниковом переулке, у парадного подъезда МИДа на Смоленской площади и возле центрального парка рядом с Крымским мостом. Везде был единый лозунг на плакатах: «Курилы — наши!». И день за днем все чаще из толпы выкрикивали проклятья Ельцину.

- Возьмите у нас Ельцина взамен Южных Курил! — кричали пикетчики перед японским посольством при появлении токийских дипломатов.

26 августа пятитысячная толпа собралась у Крымского моста вокруг поднятого на шесте чучела Ельцина. На его фанерном туловище была надпись «враг народа». Митинг хором голосил: «Ельцина на рельсы!». Под свист и аплодисменты чучело президента сожгли.

В Москве возник Всероссийский комитет в защиту Курил. Комитет объявил 10 сентября «Днем народной защиты российских Курил». Активисты комитета разъехались по 26 городам для организации там к 10 сентября митингов протеста.

Крупные манифестации готовились в Брянске, Ульяновске, Волгограде, Рязани, Барнауле, Самаре, Красноярске, Южносахалинске, Петропавловске-Камчатском. С той же целью я отправился к своим избирателям во Владимир.

Однако 9 сентября, за трое суток до отлета Ельцина в Токио, президент внезапно отменил свой японский визит. Его пресс-служба фактически скрыла причину сенсационного события, сославшись невнятно лишь на «учет комплекса обстоятельств и обмен мнениями с руководством правительства, Верховного Совета и Совета безопасности».

Подлинную причину сообщил из Москвы в тот же день 9 сентября корреспондент американского агентства Ассошиейтэд пресс:

«Российские сторонники жесткой линии угрожали, что будут добиваться процедуры отстранения Ельцина от власти, если он отдаст Курилы».

Спустя неделю московский еженедельник «Столица», горячий приверженец Ельцина, подытожил курильский промах своего любимца:

«Ельцин, конечно, проиграл — показал слабинку. И все-таки он нашел лучшее решение из всех худших. Если бы он поехал и «сдал» острова — ему бы самому надо было бежать на эти острова из Москвы».

Курильский переполох постепенно стих и растворился в других трево волнениях столичной жизни. А потом осенние дожди сменились зимними снегопадами, и год уже был на исходе, когда в декабре позвонил мне в «Белый дом» полковник Осин из министерства госбезопасности. Полковник сказал, что он по приказу его министра завершает розыск виновников огласки служебной документации правительства и посему рассчитывает на мои показания.

- Что же вас интересует? — спросил я.

- Желательно поговорить о скопированном вами письме президенту от министра иностранных дел Козырева и депутата Лукина.

- Поздновато спохватились. Какие еще вопросы?

- Быть может, вы припомните имя человека, который передал вам документ.

- Считаю вас доносчиком и болваном?

- Ничего подобного! Вы уважаемый депутат, а значит должны быть законопослушным гражданином.

- Разве не знаете, что по закону вам запрещено допрашивать депутатов?

- Все знаю. Иначе вызвал бы вас к себе повесткой. Но вместо того законно прошу лишь побеседовать со мной.

- Понимаете, что я в праве отказаться?

- Да. Но повторяю просьбу. Очень вежливо.

- Ну, раз так, то можете придти в «Белый дом» ко мне под конец рабочего дня. Скажем, 8 декабря. Я закажу вам пропуск.

- Большое спасибо. До встречи!

До встречи с ним оставалось четыре дня — вполне достаточно, чтобы спланировать по-моему предстоящее свидание и попытаться, если получится, окопачить контрразведку. Ради этого я попросил помочь мне свою приятельницу — миловидную и миниатюрную блондинку с лучистовасильковыми глазками. Их безмятежное простодушие было мнимым.

Моя помощница по-деловому пунктуально появилась у меня в кабинете за четверть часа до того, как туда же вошел моложавый и симпатичный с виду Осин в штатском сером костюме. Здороваясь, контрразведчик приветливо улыбался. Любезно обратился к даме:

- Надеюсь, вы извините меня за необходимость побеседовать с Ионой Ионовичем наедине о служебных проблемах.

- Нет, полковник, - возразил я. - Мой друг Надежда будет присутствовать при нашем разговоре.

- Зачем?

- Для моей страховки. Ведь после нашей беседы вы напишете рапорт своему начальству. Что сочините - это я не узнаю. Поэтому мне нужен свидетель ваших расспросов и моих ответов. Только это зафиксирует Надежда. Вмешиваться в разговор не будет.

- Все равно так не положено проводить дознание по вопросам засекреченного делопроизводства.

- У вас свои порядки, а тут у меня - мои. Если не нравится, то можем расстаться.

- Вынужден уступить вам, депутату, хотя вы поступаете неправильно.

- Вам тоже я уступил, согласившись на эту встречу. Кстати, будет правильно показать нам ваше служебное удостоверение.

Мандат чекиста Михаила Ивановича Осина не вызвал никаких сомнений. Я сказал:

- Теперь можете задавать вопросы.

- Прошу показать, - промолвил полковник, - вашу копию письма президенту от Козырева и Лукина о Курильских островах.

- А вам известно, что существование этого письма опровергло министерство Козырева?

- Да, известно. Тем не менее прошу дать копию документа.

- Какого документа? Который не существует?

- Прошу вас не шутить.

- В таком случае и я прошу вас всерьез предъявить доказательство моего проступка. Покажите оригинал документа, чтобы я смог определить, имею ли его копию.

- У меня нет оригинала данного документа, - проворчал полковник.

- Тогда покажите фотокопию.

- Ее тоже нет.

- Предъявите мне хотя бы выписанные цитаты из прочтенного вами документа.

- Не читал я и не видел этот документ, - скис окончательно Осин.

- Феноменально! - изумился я. - Полковник контрразведки пришел к депутату и просит его, как в детской сказке: «Принеси мне то, не знаю, что». Это крайне несерьезно, Михаил Иванович, для руководящего деятеля следственного управления министерства госбезопасности.

- К вам я пришел не самовольно, а по заданию моего руководства.

- Тем более несерьезно.

- Сейчас пройдем и до серьезного. В ходе дознания вы обладаете правом ознакомиться с некоторыми документальными материалами касающегося вас расследования. Можете прочесть и сделать краткие выписки.

Он открыл принесенную папку и вынул из нее четыре бумажных листа. Их прочли мы с Надеждой и законспектировали в две руки.

На первых двух листах была напечатана в июле 1992 года депеша заместителя министра иностранных дел Кунадзе его начальнику Козыреву и Руслану Хасбулатову, председателю Верховного Совета России. Полковник Осин продемонстрировал экземпляр депеши в адрес Хасбулатова. Воспроизвожу текст:

Председателю Верховного Совета РФ
Р.И.ХАСБУЛАТОВУ (только лично)

Руслан Имранович,

На днях газета «Советская Россия» опубликовала открытое письмо 52 депутатов Верховного Совета Российской Федерации в адрес Б.Н.Ельцина. В этом письме делается ссылка на докладную записку о возможных развязках по территориальному вопросу с Японией, представленную нами президенту России в декабре 1991 года по согласованию с руководством Верховного Совета. В открытом письме фигурирует и резолюция президента. Как бы в развитие этого возмутительного эпизода японская газета «Нихон кэйдзай» опубликовала 15 июля интервью заместителя председателя Комитета по международным делам Верховного Совета И.Андропова, в котором он практически дословно изложил содержание упомянутой докладной записки.

Считаю необходимым подчеркнуть, что указанная записка по-прежнему находится в стадии рассмотрения Президентом Российской Федерации и может стать основой наших переговорных позиций с Японией.

Сказанное, по-видимому, означает, что И.Андронов, используя служебное положение, получил доступ к секретной информации и сделал ее достоянием гласности. Говоря прямо, это должностное преступление.

Г.Кунадзе

На донесении Кунадзе была рукописная резолюция председателя Верховного Совета для одного из его заместителей: «Воронину Ю.М. Разберитесь с этим вопросом. Р.Хасбулатов».

После этого, как сказал мне полковник Осин, донесение Кунадзе поступило к министру госбезопасности Баранникову, который приказал провести расследование.

Среди опрошенных контрразведкой был в министерстве Козырева и Кунадзе заместитель начальника 2-го управления департамента Азиатско-Тихоокеанского региона А.М.Ефимов. Он дал письменные показания 30 октября 1992 года:

В следственное управление Министерства безопасности
Российской Федерации

Объяснение

Интересующий Следственное управление документ о Южно-Курильском островах был подготовлен в нашем управлении МИД. Готовый документ, насколько мне известно, был предоставлен министру иностранных дел Российской Федерации А.В.Козыреву. Потом заместитель министра Г.Ф.Кунадзе отвез документ председателю Комитета по международным делам Верховного Совета В.П.Лукину. О дальнейшем хождении этой записки доподлинно не знаю, но по обрывочным сведениям полагаю, что данный документ за двумя подписями А.В.Козырева и В.П.Лукина и с визой председателя Верховного Совета был направлен из канцелярии Комитета по международным делам в аппарат президента Российской Федерации.

А.Ефимов, заместитель начальника
2 Управления Департамента АТР МИД РФ

На последнем листке из папки полковника Осина была справка его коллег об итоге расследования внутри министерства иностранных дел:

О факте разглашения закрытых сведений проведены беседы с заместителем начальника Управления комплексной безопасности МИД РФ Тюриным С.Н. и заместителем начальника 2-го Управления Департамента АТР МИД Ефимовым А.М.

Установлено, что разглашенный документ был передан в декабре 1991 года из МИДа в Верховный Совет РФ.

18 декабря 1991 года документ возвратился в несекретную канцелярию отдела документации Исполнительного секретаря МИДа. На документе была виза председателя Комитета по международным делам Верховного Совета В.П.Лукина и резолюция Президента Российской Федерации.

21 января 1992 года Ефимов А.М. сообщил, что документ утрачен.

Начальник 4 отдела службы № 1 УЭБ
Министерства безопасности РФ
полковник В.М.Гладышев

Заместитель начальника УЭБ
Министерства безопасности РФ
полковник М.И.Дерюхин

- Итак, - сказал мне полковник Осин, - теперь вы уяснили, вокруг какого документа ведется расследование.

- Да, очень многое прояснилось.

- Тогда вернемся к вашей копии разглашенного документа.

- С какой целью?

- Это я уже вам объяснял.

- Повторите, пожалуйста, еще раз.

- Мне поручено моим руководством обнаружить первоначальный источник разглашения закрытой документации правительства.

- Для наказания виновника?

- Да, конечно.

- Но вы уже обнаружили более крупных злоумышленников. То, что вы мне показали, инкриминирует Козыреву, Лукину, Кунадзе измену Родине по статье 64 Уголовного кодекса России. Возьмитесь вы за такое следственное дело против них, если получите копию нужного вам документа?

- Нет, я не полномочен возбуждать такое следствие.

- Кому же вы служите, полковник? Ваше ведомство ныне именуется министерством безопасности России. Но вы ловите не нарушителей безопасности страны, а их разоблачителей. Изменники науськивают вас, как охотничьих псов, выслеживать и хватать российских патриотов. Кто вы на деле, Михаил Иванович?

- Русский офицер, верный служебному долгу.

- Если это хоть частично верно, то ясно - почему в МИДе солгали вам, что там будто бы утрачен курильский меморандум Козырева и Лукина. Обличающий их документ спрятали от вас или вовсе уничтожили. Что же касается вашего министра Баранникова, то прошу передать ему, что и впредь любой предательский документ, который мне попадется, я буду разглашать и срывать замыслы его авторов.

- Очень интересный разговор! - прошебетала молчавшая до этого Надежда. - Но я не успеваю записывать беседу. Можно я достану из сумочки магнитофон?

- Магнитофон? - всполошился контрразведчик. - Свидетельница с магнитофоном! Прошу уточнить - кто такая.

- Ее зовут нежным именем Надежда, - улыбнулся я.

- А фамилия? - настаивал полковник.

- Гарифуллина, - произнесла Надежда.

- Надежда Гарифуллина! - воскликнул Осин. - Я часто вижу ваши статьи в «Советской России». Вот ради чего, Иона Ионович, вы согласились на встречу со мной?

- Вы гениально догадливы.

- Будет газетный репортаж обо мне?

- О вас и ваших хозяевах.

Полковник встал, сухо попрощался и ушел. Через несколько дней изложение беседы с ним опубликовала в «Советской России» Надежда Гарифуллина, грациозная блондинка с острым пером и неразлучным магнитофоном в дамский сумочке.

Однако спустя год кремлевские «самураи» отпраздновали свой реванш. 11 октября 1993 года Ельцин прилетел в Токио. За неделю до этого в Москве бронетанковая гвардия президента расстреляла и снайпала парламентский «Белый дом».

Уничтоженный Верховный Совет больше не угрожал Ельцину судебной карой за предательские шашни с японцами. 13 октября Ельцин и японский премьер-министр подписали Токийскую декларацию о «законности и справедливости» территориального диспута «по вопросу о принадлежности островов Итуруп, Кунашир, Шикотан и Хабомаи».

Оценку Токийской декларации Ельцина дал видный российский профессор-историк Вячеслав Зиланов на страницах «Независимой газеты»:

«В Токийской декларации Япония укрепила свою надежду на получение желанных островов. Декларация по существу означает подыгрывание Японии в обосновании ее притязаний на Южный Курилы».

Ельцин не решился тогда открыто преподнести японцам наши острова только потому, что знал наперед: даже покорный ему и безвластный новый псевдопарламент, названный Государственной Думой, не ратифицирует акт отторжения части России.

Токийская декларация имела неопубликованный довесок – потайную договоренность Ельцина с японцами об эвакуации с Южных Курил наших воинских частей. По секретному распоряжению президента Южные Курилы покинули стрелковая дивизия, артиллеристы и полк истребительской авиации ВВС.

Их уход, создав брешь в обороне границы, подорвал еще хуже мирную экономику островов: армия обслуживала там гражданские аэродромы, обеспечивала морскую связь населения с материком, строила и ремонтировала дороги и мосты, восстанавливала разрушенные дома после тайфунов, землетрясений, цунами. Без солдатской помощи островитяне почти уподобились Робинзону Крузо.

Вслед за визитом Ельцина в Токио сразу же иссякли государственные поставки на Южные Курилы транспортного горючего, дизельного топлива для местных электростанций, продовольствия и медикаментов. Остановились рыбоконсервные фабрики. Началась массовая безработица и голодуха. Тысячи беженцев откочевали с островов. Оставшихся берут до сих пор на измор, вынуждая тоже уехать неведомо куда или молить японцев о спасении и опеке под власть Токио.

Сбылся мрачный прогноз сахалинского губернатора Федорова осенью 1991 года: московское полуотречение от Южных Курил вызвало цепную реакцию территориальных претензий к нам многих соседей – Ки-

тая, Соединенных Штатов, Норвегии, Финляндии, Эстонии, Латвии, Литвы, Украины, Грузии.

Больше всех урвал у нас Китай. После кровавой расправы с Верховным Советом кремлевский властелин приказал демаркировать российско-китайскую границу таким образом, что на пограничных реках Амур и Уссури китайцы заполучили 300 островов! Один из них - Даманский.

Защищая от маоистов остров Даманский в марте 1969 года, погибли там 58 советских пограничников. Их командир старший лейтенант Стрельников и его солдаты были заколоты насмерть китайскими штыками. Сгинули, выходит, зазя?

Даманский переименован теперь в Чженьбаодао. Оттуда вывезли китайцы в Пекин подбитый наш танк Т-62 и установили его в столичном музее своих военно-героических трофеев.

В ноябре 1997 года Ельцин приехал в Пекин и согласился демаркировать в пользу китайцев еще три участка их границы с российским Приморьем. Мы утратили 1500 гектаров земель близ озера Ханка, на берегу Уссури и возле озера Хасан, где 60 лет назад погибли в боях восемьсот красноармейцев, отражая вторжение захвативших Китай японцев. Ныне у нас отобран стратегический плацдарм на стыке границ России с Китаем и Кореей.

Но все эти подарки ничуть не умиротворили китайцев. Они периодически обстреливали наших пограничников и угробили двоих. Пекинские власти ~~и сейчас продолжают~~ пригородные районы Хабаровска и остров Большой на реке Аргунь в Читинской области. Китайская пресса предъявляет территориальные претензии на весь Хабаровск, а также на Владивосток, Благовещенск, Уссурийск, Нерчинск, Николаевск-на-Амуре. В общем, аппетит, как обычно, приходит во время еды.

Пиратствуют сегодня и американцы на морских границах нашего Дальнего Востока. 15 августа 1997 года в Беринговом море военный корабль США взял на abordаж российский траулер «Черняево» и отконвоировал его со всем экипажем на Аляску. Точно так же захватили янки еще несколько наших рыболовных судов. Пленные рыбаки находились в российских водах вне экономической зоны американцев в Беринговом море.

Эта зона произвольно учреждена в 1990 году по незаконному сговору вашингтонских дипломатов с советским министром Шеварднадзе без ратификации у нас пограничной сделки Верховным Советом и его наследницей Государственной Думой. В итоге американцы изъяли у России в Беринговом море 80 тысяч квадратных километров рыболовного пространства и газо-нефтеносного шельфа. Грабеж опротестован в Москве депутатами Государственной Думы, а в ответ Вашингтон мстит нам новыми похищениями российских траулеров.

3 августа 1999 года в Беринговом море военно-сторожевой катер США «Гамильтон», расчехлив палубные пулеметы, напал на наш рыбацкий траулер «Гиссар». Вооруженный десант американцев высадился на

траулер. Его капитана обвинили в нарушении морской границы экономической зоны, приобретенной американцами благодаря Шеварднадзе. А за то, что капитан протестующе отрицал вторжение в запретную зону, его и матросов траулера заперли в каютах. Их судно прибуксировали к военной катеру и поволокли к Аляске.

Однако пленники изловчились радировать сигнал бедствия другим российским судам в Беринговом море. И вскоре 19 наших шхун приплыли на подмогу и блокировали со всех сторон катер захватчиков. Их продержали в кольцо осады три дня, пока они не освободили траулер. Он вернулся в Петропавловск-Камчатский. Но там местные власти трусливо подлались домогательству США оштрафовать непокорного капитана.

Ему посочувствовал, впрочем, губернатор Приморского края Евгений Наздратенко:

- Этот случай в Беринговом море еще раз подтвердил, что Россия утратила морское могущество. Мы вынуждены унижаться, заискивать перед Западом. А там подобными акциями проверяют — на что еще способна слабеющая держава.

Такие проверки устраивают нам американцы и на суше. Государственный департамент США шантажирует нас публичными напоминаниями о том, что причислил к американским владениям заполярный остров Врангеля и еще четыре близлежащие острова. Хотя они давно наши, но ими предлагают компенсировать российские потери в Беринговом море!

Шантаж удвоил весной 1998 года московский посол США Джеймс Коллинз. Он заявил, что Южные Курилы безоговорочно принадлежат Японии. Стол же нагло высказывался в России предшествующий посол США Томас Пикеринг. За подобные выходки послов изгоняют во всех странах. И только здесь расхитителям наших земель обеспечена безнаказанность и покровительство из Кремля.

Неспроста теперь даже слабосильная Норвегия нахраписто ^{сда} требует ^{отда} от Москвы отдать в Баренцевом море 155 тысяч квадратных километров нашего водного пространства. Там обнаружены недавно восемь поддонных месторождений нефти и газа.

В Финляндии местная пресса и политики-националисты настойчиво призывают отобрать у России четыре ее региона: Печенгу в Мурманской области, западную часть Карелии, Выборг и почти весь Карельский перешеек до северных пригородов Петербурга в Ленинградской области и группу островов в Финском заливе — Мощный, Большой, Гогланд.

Власти Эстонии, обретя независимость, позарились на обширные земли России в Ленинградской и Псковской областях. Эстонцы вознамерились отнять у нас Ивангород с его окрестностями, где наши предки обосновались со времен князя Александра Невского.

Таллинские рвачи хотели также присвоить район вокруг знаменитого Псково-Печорского монастыря, заложенного русскими монахами еще в XV веке. А рядом пытались заодно присвоить наш тысячелетний город

Изборск, старинную русскую крепость. В целом покушались на 2300 квадратных километров российской территории. Там на границе вооруженные эстонцы дважды атаковали мирных псковичей и наших пограничников.

Было тревожно и на границе с Латвией, чей парламент требовал забрать у нас два псковских района — Пыталковский и Палкинский.

В Литве издают ~~уже нескоро~~ географические карты, на которых Калининградская область названа по-литовски «Караялючюсским краем». Заместитель спикера литовского сейма Рамуальдас Озолас изрек:

- Караялючюс — это уже не Россия.

Так же высказывается спикер сейма Витаутас Ландсбергис:

- Эта область — классическая колония, которую завоевали Советы.

Избранный в 1998 году президентом Литвы гражданин США Валдас Адамкус заявил, что Калининградская область находится под московским управлением якобы «только временно».

Литовское посольство в США попросило вашингтонских конгрессменов помочь Литве заполучить Калининградскую область. В конгрессе обсуждался проект резолюции о передаче власти в Калининграде некоему «международному органу». Между тем Ельцин, как всегда в таких ситуациях, согласился под давлением американцев сделать в Калининградской области территориальные уступки на границе с Литвой.

Уступчивость Кремля от Балтики до Тихого океана подтолкнула, очевидно, правительство Украины предъявить нам свои права на Керченский пролив из Азовского моря в Черное. Кремль капитулировал, отдав под чужой контроль взаимодействие наших азовских и черноморских флотилий.

Тбилисский друг Ельцина президент Шеварднадзе тоже выпрашивал территориальную уступку в горах Кавказа: подстрекает отдать грузинам на дороге в Дарьяльском ущелье нашу погранзаставу Верхний Ларс. Она поперек горла грузинским спиртовозам. А кроме того блокирует транспортный путь от ~~материка~~ Чечни к черноморским портам и далее к берегам Турции.

Все зарубежные хапуги на границах России активизировались всякий раз, когда Ельцин возобновлял торг с японцами о Южных Курилах. Он устроил две так называемые «встречи без галстуков» с японским премьер-министром Рютаро Хасимото. Показушная «неформальность» таких переговоров избавляла Ельцина от публикаций итоговых коммюнике с оглаской будущей участи Южных Курил. Эту тему в Москве засекретили.

Первая сходка «без галстуков» произошла в ноябре 1997 года на берегу Енисея под Красноярском в курортном пансионате бывшего крайкома КПСС. Виллы и парк пансионата «Сосны» окружены высоченным железным забором. Внутрь допустили кучку журналистов лишь на один час, чтобы сфотографировать рекламное объятие Ельцина с Хасимото, их прогулку по парку к речному берегу и отъезд на катере.

Оба объявили на следующий день, что решили подписать мирный договор между Японией и Россией к 2000 году. К этому сроку, как выяснили японские журналисты от своих дипломатов, Москва обязана передать Токио суверенитет над Южными Курилами.

Сделку назвали «планом Ельцина — Хасимото».

Кремль разрешил японцам заниматься теперь рыболовством у Южных Курил внутри нашей пограничной 12-мильной зоны. Ранее там российские пограничники на сторожевых судах ловили и арестовывали японских браконьеров. Им даровано отныне полное раздолье. А в Токио правительство сочло своей первой победой фактическую отмену вокруг Южных Курил морской границы России.

Японское правительство получило также согласие Ельцина на создание в школах населенных пунктов Южных Курил учебных курсов японского языка. Его усвоить предложено не только школьникам, но и взрослым островитянам. Догадываетесь — зачем?

6 февраля 1998 года в московской Государственной Думе полномочный представитель нашего правительства Андрей Себенцов от имени Ельцина опротестовал подготовленный депутатами законопроект «Об обеспечении территориальной целостности Российской Федерации».

Президент требует, как сказал Себенцов, изъять из законопроекта статью о том, что территория России является неделимой, неприкосновенной и любая ее часть не может передаваться иностранному государству.

Весной 1998 года Ельцин прибыл в Японию на вторую «встречу без галстуков» с его «другом Рю» — премьер-министром Хасимото. Они провели два дня на курорте Кавана, гуляли под ручку напоказ журналистам по вишневному саду, играли, обнявшись, на большом барабане. Но их деловые переговоры были строгойше засекречены.

Однако таинственность соблюдалась лишь в отношении российской прессы. А японские газеты быстро все разгласили со слов сотрудников их премьер-министра: он предложил Ельцину «демаркацию границы к северу от Северных территорий».

Это означало передачу Японии островов Южных Курил.

После переговоров на заключительной пресс-конференции Ельцин сказал о предложении Хасимото:

— Мы выслушали несколько весьма интересных предложений наших друзей. Теперь мы будем рассматривать эти предложения. Обсуждать их публично еще преждевременно, но я настроен очень позитивно.

Следующая японо-российская встреча на высшем уровне состоялась в Москве осенью 1998 года. Вместо ушедшего в отставку Хасимото посетил Ельцина в Кремле новый японский премьер Кэйдзо Обути. Он опять склонял «друга Бориса» к уступке Японии наших островов и уговорил Ельцина сформировать из токийских и московских дипломатов совместную «подкомиссию по пограничному размежеванию». Цель

составлений «подкомиссии» очевидна – изменить существующую пока границу на Курилах.

Под конец правления полунемощного Ельцина нахрапистые японцы все же сообразили, что он вряд ли уже сможет успеть преподнести им долгожданный подарок. Поэтому они временно смягчили свои домогательства.

В Москве их посол Минору Тамба заявил в октябре 1999 года:

«Япония не просит сейчас вернуть острова, она только хочет, чтобы Россия признала, что четыре спорных острова являются по праву территорией Японии».

Одновременно с заявлением посла депутат японского парламента Мунэо Судзуки посетил южнокурильский Кунашир, назвав остров своим «будущим избирательным округом».

Судзуки, которого японская пресса считала «вероятным кандидатом в премьер-министры», рекламировал среди курильчан «Спецпрограмму мягкой адаптации». Он гарантировал островитянам сохранение российских паспортов и выдачу им документов на жительство в Японии. Обещал никого не выгонять насильно в Россию. А желающим уехать сулил крупную денежную компенсацию.

В цепочке скалистых Южных Курил есть меж ними пролив с пророческим названием – пролив Измены.

НАКАНУНЕ КРОВАВОЙ РАЗВЯЗКИ

Хмурым осенним утром 1992 года мне позвонил домой знакомый кремлевский чиновник:

- Привет, Иона Ионович.

- Здравствуйте.

- Надо бы повидаться как можно скорее.

И он повесил трубку. Не назвав своего имени, полагал, очевидно, что я узнаю его по голосу. Он не ошибся.

От него получил я ранее несколько раз конфиденциальную информацию. Он всегда остерегался потайного подслушивания, а потому осторожничал и по телефону, и в своем служебном кабинете. Наверняка позвонил мне тогда утром с уличного телефона по дороге на работу.

Пришлось пропустить утреннюю сессию Верховного Совета и поспешить в Кремль вместо «Белого дома». Случилось это в пятницу 13 ноября. Роковая цифра! Американцы, среди которых я прожил одиннадцать лет, считают, в отличие от русских, самым тяжелым днем недели не понедельник, а пятницу. И они, пожалуй, правы.

Однако в то утро я был поначалу настроен беспечно. Вышел из станции метро возле Кремля и предъявил депутатский пропуск милиционерским охранникам у ворот Троицкой башни.

Потом внутри Кремля другой стражник проверил мой пропуск на площади перед чугунным крыльцом царского дворца. Там, во дворце монархов и генсеков, правил теперь Россией ее первый президент. Во дворец еще допускали в ту пору беспрепятственно депутатов Верховного Совета.

На царском крыльце за массивными двойными дверями трое постовых в штатских костюмах заново проверили мое удостоверение. И пропустили в холл, от которого змеились длинные коридоры. Там тоже дежурили дюжие молодцы с цепкими охотничьими глазами. Пуше всего они оберегали президентские покои на третьем этаже.

Мой кремлевский осведомитель обитал, к счастью, этажом ниже по соседству с кабинетами помощников и советников главы государства. На мою удачу в коридоре не было никого кроме меня, когда я открыл нужную мне дверь.

Хозяин кабинета молча пожал мне руку и указал на свой полированный письменный стол. Посреди него я увидел два листка бумаги с отпечатанным текстом.

На первом листке в правом верхнем углу значилось - «проект». А посередине сверху – крупный заголовок: «Указ Президента Российской Федерации». Пониже – еще две заглавные строки: «О порядке функционирования органов государственной власти Российской Федерации в переходный период».

«Переходный период» – эти два слова содержали заряд политической бомбы! Ведь Конституция России – основной закон страны – не позволяла президенту самовольно вводить без ведома депутатов-законодателей какие-то произвольные «переходные периоды» высшей власти. Так значит, передо мной – заготовленный указ о государственном перевороте?

Да, именно это подтверждал наглядно первый пункт нелегального указа:

«Постановляю:

1. Установить в Российской Федерации, начиная с 5 часов утра 4 декабря 1992 года и до принятия и введения в действие новой Конституции, но не более чем до 1 марта 1995 года, переходный период».

Президент, стало быть, единовластно аннулирует нашу Конституцию! Ту самую, благодаря которой он был избран народом. И поклялся на ней здесь в Кремле свято оберегать российскую молодую демократию. Это было всего полтора года назад, когда я сам, простофиля, восторженно аплодировал Ельцину в Кремле вместе с остальными участниками Съезда народных депутатов. А президент торжественно произносил присягу, положив правую руку на позолоченную обложку нашей Конституции.

Боже мой! В тот день перед нами его благословил и осенил церковным крестом православный Патриарх. И вот как за это отплатил нам теперь клятвопреступник вторым пунктом своего диктаторского указа:

«Деятельность Съезда народных депутатов Российской Федерации, предпринявшего попытку «конституционного» государственного переворота, приостанавливается на шесть месяцев».

Что за чушь такая, изумился я, насчет неведомого «конституционного переворота»? Однако тут же сообразил: в начале декабря планировалось созвать седьмой по счету Съезд российских депутатов и обсудить на нем целесообразность продления особых полномочий президента. Он получил их временно от законодателей год назад ради ликвидации в России экономического кризиса.

Временные полномочия позволяли ему без участия парламента назначать по своему усмотрению министров правительства и провинциальных губернаторов без местных выборов. Такую власть обрел Ельцин только на один год с целью скорейших реформ на благо народа. Но вместо того миллионы граждан очутились в нищете, производство почти повсюду катастрофически падало, сельское хозяйство разорялось, возникла безработица, разразилась инфляция, воцарились массовая коррупция и беспредельная преступность.

А президент явно испугался ответственности и утраты на предстоящем съезде дарованных ему временно чрезвычайных полномочий. Более того, он жаждал абсолютной власти. И потому решил не только упразднить съезд законодателей, но и парализовать постоянный парламент — Верховный Совет. Третий пункт указа гласил:

«Президент Российской Федерации, вплоть до окончания переходного периода, вправе принимать Указы нормативного характера, вносящие изменения в законодательство по вопросам, отнесенным к ведению Верховного Совета Российской Федерации».

Еще один пункт кремлевского указа провозглашал в России новую монархию: преемником президента при его внезапной недееспособности становился вопреки Конституции не избранный вместе с ним вице-президент, а назначенный Ельциным по его прихоти и подчиненный только ему безропотный царедворец с титулом премьер-министра. Вот этот королевский пункт:

«В случае смерти Президента или невозможности исполнения им своих обязанностей полномочия Президента, вытекающие из Конституции Российской Федерации и настоящего Закона, переходят к Правительству Российской Федерации».

Вторая страница указа, объявленного Законом, заканчивалась строкой:

«Настоящий Указ вступает в силу с момента его опубликования».

- Когда опубликуют? — спросил я обладателя секретного документа.

Но он пожал плечами и молча приложил палец к губам. Затем приоткрыл дверь кабинета и осторожно выглянул в коридор. А я, держа листки указа, показал на свой пиджачный карман и спросил шепотом:

- Можно?

Он позволил кивком головы. Очевидно, рискнул заранее переснять для меня копию оригинала. И с этой бумажной бомбой я побрел от него опять по извилистым президентским коридорам, чувствуя себя будто после контузии — оглушенный, ошарашенный и растерянный. Что же дальше мне делать? Как помешать подготовке путча? Кого просить о помощи?

Зайдя в туалетную комнату, увидел в зеркале свое возбужденное лицо. Умылся ледяной водой, выкурил сигарету, немного успокоился. Поразмышляв, решил: дело настолько взрывчатое и государственно важное, что необходима сперва максимальная проверка полученной информации. А что затем предпринять, раздумывал я, будет зависеть от исхода проверки.

В итоге проверка получилась двойной. Благодаря кому — это я прежде скрывал, хотя меня публично порицали за сомнительность моих ссылок на безымянных осведомителей. Но иначе поступить было нельзя в те дни. Зато сегодня двое из моих анонимных информаторов уже не состоят

на государственной службе, а посему огласка их фамилий вряд ли им повредит.

Первый — бывший заместитель министра иностранных дел России и впоследствии советник вице-президента Андрей Владимирович Федоров. С ним я познакомился в 1991 году и часто общался в «Белом доме» или внутри Кремля, где у него был на втором этаже президентского дворца персональный кабинет под мистическим номером 13. Там мы с Федоровым не раз обменивались свежими политическими новостями: моими — парламентскими, его — кремлевскими. По этой части он был на редкость большой знаток.

Федоров имел кулуарно дружеские связи со множеством аппаратчиков президента, офицерами охраны, чиновниками правительства, масти-тыми дипломатами, генералами из министерств обороны и госбезопасности. Не припомню ни одной кремлевской интриги, которая была бы неизвестна Федорову.

И стоило мне теперь заикнуться об угрозе путча, как подробности заговора вдруг прозвучали из уст моего приятеля. Но разговор велся из предосторожности не в кабинете, а в укромном закоулке безлюдного коридора.

По словам собеседника, Ельцин уже не первый день обдумывает способ предотвратить созыв неугодного ему съезда российских депутатов. И для этого вскоре попытается объявить в Москве чрезвычайное положение. Но президент еще не принял якобы окончательного решения. Его помощники заготовили несколько «разработок» заговора с разными датами публикации президентского указа об отмене съезда и приостановке деятельности или роспуске Верховного Совета. Один проект указа нацелен на начало декабря. Другой — на конец ноября, чтобы вообще запретить депутатам съехаться в столицу из провинций.

Предварительно президент хочет, как поведал Федоров, заручиться поддержкой всех назначенных им губернаторов областей и уже пригласил их прибыть сюда 17 ноября. Он надеется также опереться на глав входящих в Россию автономных республик и созвет их в Кремле 24 ноября. С их согласия в тот же день вечером или на следующее утро будет, вероятно, введено чрезвычайное положение.

Этого добиваются напористо, как сказал Федоров, ближайшие соратники президента — государственный секретарь Геннадий Бурбулис и вице-премьер Михаил Полторанин. Они уговаривают министра обороны Павла Грачева проявить ударную инициативу военной поддержки чрезвычайного положения...

Вернувшись из Кремля в «Белый дом», я устремился к залу заседаний. Но он был пуст: депутаты разошлись на обеденный перерыв. Однако мне было не до обеда. И я поднялся на пятый этаж в приемную председателя Верховного Совета, где скучали трое его телохранителей и пара сек-

ретарей. Одного из них я попросил сообщить немедленно председателю о моем обращении к нему по крайне срочному вопросу.

Секретарь без возражений ушел в кабинет шефа и спустя минуту вежливо распахнул высокие дубовые двери:

- Руслан Имранович ждет вас.

Худошавый брюнет сидел в своем огромном кабинете с цветастым ковром, парчовыми креслами, зелеными кустами в кадках и оконной стеной витринного стекла от пола до потолка. Приподнявшись из-за массивного стола с кипами бумаг и десятком телефонных аппаратов, Хасбулатов обменялся со мной рукопожатием. Я сел у его стола и принялся излагать полученные сведения о кремлевском заговоре.

Тем временем спикер парламента вроде бы спокойно раскуривал трубку, пополняя ее щепотками ароматного заморского табака. И когда я умолк, Хасбулатов столь же спокойно промолвил негромко:

- Все, о чем вы рассказываете, к сожалению, соответствует действительности.

- Так чего вы, извините, тихо ждете? – удивился я. – Будет поздно сопротивляться, когда объявят чрезвычайку. Разгонят парламент, ликвидируют у нас демократию. Неужели будем сейчас бездействовать?

- Да вы просто не знаете, – возразил он, – как я старался предотвратить то, о чем вы только сегодня развели.

- Означают ли ваши слова, что вам удастся предотвратить введение чрезвычайки?

- Нет, это вряд ли уже в моих силах.

- Что же нам делать?

Он промолчал и недоверчиво покосился на свои телефоны. А меня, наконец, осенило: да он же тоже опасается подслушивания! Но не мог же я позвать председателя парламента выйти для разговора в коридор или на лестничную площадку? И потому решил высказаться напрямик:

- Выходит, Руслан Имранович, остается прибегнуть к последнему средству: как только сессия Верховного Совета возобновится через сорок минут, я извещу парламентариев о подготовке заговора. И потребую от генерала Грачева публичного опровержения моей информации. Пусть министр обороны дает честное слово русского офицера, что не причастен к подготовке путча. Таким образом можно сорвать переворот. Правильно?

- Быть может, вы правы, – произнес спикер еле слышно.

И вот в самом начале послеобеденной сессии парламента треклятого 13 ноября я встал в зале заседаний у железной подпорки одного из шести депутатских микрофонов. А усевшийся в президиуме Хасбулатов сразу же предоставил слово мне – первому из прочих депутатов у пяти других микрофонов.

Обычный гул в зале сменила гробовая тишина, как только прозвучало предупреждение о кремлевском сговоре Ельцина, Бурбулиса, Полто-

ранина, генерала Грачева и об угрозе чрезвычайного положения. Вслед за тем я пояснил:

- Эти сведения получены мною сегодня от трех авторитетных и достоверных источников информации. Они причастны к высшим эшелонам государственной власти. Прошу парламентариев осознать всю серьезность ситуации. Ибо во второй раз в истории России, после разгона Учредительного собрания в 1918 году, снова может быть распущен законный парламент. Поэтому прошу председателя парламента поставить на голосование предложение о том, чтобы пригласить сюда до конца рабочего дня министра обороны генерала Грачева и попросить его опровергнуть или подтвердить тревожную информацию о подготовке чрезвычайного положения. А если опровержения министра не последует, то предлагаю принять предупредительные меры со стороны руководства парламента и рядовых депутатов. Мы обязаны проявить сообща возложенную на нас великую ответственность за судьбы демократии в России. Мы должны показать заговорщикам, что не откажемся просто так от демократии в нашей стране. Итак, прошу проголосовать о вызове в парламент генерала Грачева. Чтобы он сделал опровержение, если способен на это!

Мои слова, ответное заявление спикера и его дальнейшие реплики цитирую теперь точно по стенограмме парламентской сессии. И не только ради исторической скрупулезности. Ценно также иное: мой диалог с Хасбулатовым как бы знакомит несведущую публику с нравами закулисной кухни «большой политики».

Библейские заповеди благородной правды и безупречной чистоты поступков, увы, несовместимы с реальной жизнью любого крупного политика. Окруженный постоянно безжалостными соперниками, он вынужден сам уподобиться хищнику в жестоком мире противоборства и обмана, заговоров и хитроумных контрманевров, неизбежного коварства, лицемерия, цинизма. В этой ядовитой атмосфере цель обычно оправдывает средства. Но даже такая игра в тот день для меня стоила свеч: сорвать с помощью Хасбулатова кремлевский путч.

Однако спикер вместо помощи мне внезапно слукавил:

- Уважаемые депутаты, - сказал Хасбулатов, - я думаю, что упомянутые Андроновым серьезные источники информации, может быть, разыграли что-то странное. Давайте не будем паниковать. Я все равно должен был сегодня переговорить с президентом. Так что мне лучше, возможно, выяснить все у президента, если у вас есть какие-то опасения. Но насколько я знаю, неизвестных планов не было, нет и не может, на мой взгляд, быть. Президент действует в соответствии с Конституцией. Я бы не стал сразу вызывать министра обороны.

-Нет, Руслан Имранович, - возразил я лицемеру. - Повторяю: я получил очень опасные сведения для парламента. Как же мне придется в будущем отвечать за свое бездействие — сидел и ничего не сделал? Или на-

оборот? А на вас — двойная ответственность! Разрешите голосование. Если коллеги отвергнут мое обращение, то так тому и быть.

Хасбулатов:

- Не стоит, может, сейчас? Я бы просил вас не настаивать. Ничего страшного не происходит. Нет никаких оснований, по-моему, для введения чрезвычайного положения.

Андронов:

- Потом будет поздно, Руслан Имранович!

Хасбулатов:

- Ну что значит поздно? Ладно, Иона Ионович, мы приняли к сведению ваше сообщение.

«Шум в зале» — лаконично зафиксировано в стенограмме. И реагируя на выкрики депутатов, спикер спросил:

- Голосовать?

- Да, - настаивал я. — Буду счастлив, если министр обороны генерал Грачев, честно глядя на нас, опровергнет мои сведения. Но я получил информацию от очень серьезных людей, которые обычно не лгут. И если мы прохлопаем вероятную опасность, то какими же мы войдем в историю? Думаю, что хрупкая российская демократия все-таки стоит того, чтобы перестраховаться.

Хасбулатов:

- Хорошо, я могу, если вы настаиваете, поставить вопрос на голосование. Но мне кажется, это ни к чему. Все-таки неудобно сейчас вызывать министра.

Андронов:

- Разве плохо, если министр скажет, что ничего дурного нет?

Хасбулатов:

- Плохо то, что на основе какого-то, скажем условно, слуха мы вдруг начинаем проверять лицо, ответственное за армию.

Андронов:

- Это не слух. Но раз вы не хотите, Руслан Имранович, позволить голосование, то последствия будут на вашей совести. Не делал бы этого на вашем месте.

Хасбулатов:

- Как можно жить, никому не доверяя?

Андронов:

- Даже американский президент Рейган говорил по-русски: «Доверяй, но проверяй». Но коли вы против голосования, то я же не могу силой вас заставить. Ведь я внес предложение. Что еще сказать?

Хасбулатов:

- Раз так поднят вопрос, то я ставлю его на голосование. Прошу голосовать о приглашении Грачева.

Результат голосования в соответствии со стенограммой: за — 125, против — 18, воздержались — 2, не голосовали — 102. Вердикт спикера:

- Предложение отклоняется.

«Шум в зале, шум в зале, выкрики» – так троекратно обозначает стенограмма оглушительный гвалт разгневанных парламентариев.

Тем временем спикер, имея право прекратить обсуждение вроде бы забаллотированного вопроса, разыгрывает собственный сценарий:

- Уважаемые депутаты, все-таки, может быть, доверите все мне: я проверю и сообщу вам. Хорошо?...

Выкрик из зала:

- Вы сообщите до конца дня?

Хасбулатов:

- Все, договорились. Я постараюсь выяснить эти вопросы. Хотите сейчас?

Выкрик из зала:

- Да, сейчас!

Хасбулатов:

- Боюсь, что вы без меня сорвете принятие запланированных на сегодня законов.

Выкрик из зала:

- Нет, не сорвем!

Стенограмма: «Смех в зале». Спикер уходит, поручая председательство своему первому заместителю.

Час спустя Хасбулатов возвращается на авансцену президиума парламента. И опять выкрик из зала:

- Дайте информацию!

Хасбулатов:

- Только что я и председатель парламентского комитета по обороне и безопасности Степашин переговорили с министром обороны Павлом Сергеевичем Грачевым. Он, конечно, был весьма удивлен. Думаю, что искренне. И совершенно четко сказал, что можно передать Верховному Совету: армия и министерство обороны верны Конституции, поддерживают парламент и президента. Он подтвердил, что никаких поползновений нет, не было и быть не может. И добавил: работайте, ради Бога, спокойно, а если хотите, то могу приехать к вам. Он даже сказал, что может выступить и по телевидению. Пожалуйста, успокойтесь...

Депутаты облегченно заулыбались. Поглядывали на меня насмешливо, презрительно либо со снисходительным сочувствием к посрамленному паникеру.

Хотя спикер не пришел мне на выручку, я сегодня на него не в обиде: ведь не было с ним никакой предварительной договоренности спасти меня от участи камикадзе. На это я сам решился осознанно в одиночку. Иначе такие отчаянные поступки не совершают.

В ту «черную пятницу» министр обороны Грачев, уклонившись от честного слова парламенту насчет своей непричастности к заговору, предпочел взамен выступить вечером по государственному телевидению.

Генерал был в парадном мундире с пестрым украшением разноцветных ленточек орденов и медалей. На кителе Грачева сияли три звезды — две большие на погонах и одна малая, но зато из золота, на груди во славу его прежнего героизма по усмирению в Афганистане чужеземных вольнолюбцев.

Афганский Герой Советского Союза категорически заявил, что парламентское выступление депутата Андропова — это «клевета, провокация, истерия». То же повторили на утро в столичных газетах вице-премьер Полторанин и госсекретарь Бурбулис, а от имени президента — его пресс-секретарь Вячеслав Костилов.

Им поддакнули злорадными заголовками «Известия», «Комсомольская правда», «Независимая газета», «Московский комсомолец»: «Нет у депутата Андропова никаких доказательств... Чрезвычайного положения не будет... Сенсация не состоялась?... Назначен конец света для парламента».

Ни одна газета, радиостанция или телепрограмма не опубликовали полученное ими 15 ноября сообщение московского пресс-агентства Интерфакс:

«Заместитель председателя парламентского комитета по международным делам Иона Андронов настаивает по-прежнему на достоверности информации о плане ввести 25 ноября чрезвычайное положение и приостановить деятельность парламента. Андронов заявил: «Меня удовлетворило выступление министра обороны, так как сделанное им опровержение связало руки тем, кто разрабатывал план блокировки парламента, в чем я не сомневаюсь».

В мою поддержку прозвучал лишь один голос с телеэкрана поздним вечером 13 ноября. Российский депутат и популярный тележурналист Александр Политковский сказал:

- Обзывать выступление Андропова «истерией», по-моему, несправедливо. Помимо него я тоже получил информацию о тайной подготовке чрезвычайного положения. Огласив это, депутат выполнил свой долг.

Но в одиночку мне удалось только кратковременно притормозить попытку государственного переворота — с 25 ноября до начала декабря, когда собрался в Кремле неудобный Ельцину съезд российских депутатов.

Съезд начался 1 декабря и через день достиг такого накала, что депутатские дебаты перешли в кулачную драку. Подобной массовой потасовки не было раньше в московском Кремле за всю его долголетнюю историю.

Сторонники Ельцина оказались на съезде в меньшинстве и потому попытались вульгарным мордобоем их противников сохранить для президента его особые полномочия на самовластное назначение всех министров российского правительства. Так тогда решалось кулаками будущее России: быть ей парламентской республикой или опять царством очередного государя.

Первый бой приверженцев Ельцина против съезда был, к счастью, лишь рукопашным. Вечером 3 декабря я, сидя в зале среди тысячи делегатов, вдруг увидел, как полсотни депутатов вскочили со стульев будто по команде. И пронеслись по проходам, крича и размахивая кулаками, к подиуму президиума. Там они набросились на Хасбулатова и его заместителей. У них отняли микрофоны. Обезглавленный съезд мгновенно превратился в беспорядочную толпу.

Возле стола президиума колготились самые рьяные скандалисты — Анатолий Шабад, Лев Пономарев, Вячеслав Волков, Сергей Носовец, Сергей Юшенков, Юрий Сергеев, Бэлла Куркова.

Спустя полминуты после всеобщего оцепенения хлынула к президиуму вторая волна депутатов, настроенных против Ельцина. Я примкнул к ним. Нас было втрое больше ельцинистов. Их оттеснили мы от президиума и встали вокруг него плечом к плечу.

Слева от меня депутат ~~Андрей~~ Шашвиашвили выдержал несколько ударов Анатолия Шабада, отпихнул его, но тот продолжал бешено боксировать. Растрепанная шевелюра Шабада вымокла от пота, на раскрытых губах пенिला слюна, глаза обезумели.

Рядом со мной депутат Михаил Астафьев отбил в сторону промелькнувший у моего уха кулак Юрия Сергеева. Столичный либерал Астафьев, рафинированный интеллигент с модной бородкой, явно не освоил бокс, а посему вцепился растопыренной пятерной в щеки и нос Сергеева. И отшвырнул его от нас.

Расцарапанный Сергеев, демократ и тоже интеллеktуал, похабно огрызнулся матом. Воистину велик и могуч наш русский язык из уст отечественной элиты!

Драчуны-ельцинисты в итоге все же не сумели насильно прекратить съезд. Он возобновился без рукоприкладства на следующее утро.

В тот же день 4 декабря Ельцин поручил своему пресс-секретарю предупредить подконтрольных ему московских журналистов о том, что вскоре президент сам расправится со съездом непокорных законодателей. Позже президентский пресс-секретарь Костиков уточнил конечную цель своего хозяина — «разогнать съезд». Костиков откровенно признался: «Это означало государственный переворот».

Оперативный штаб заговорщиков возглавил по заданию Ельцина снова, как и в ноябре, госсекретарь Бурбулис. Проектировщики путча готовились созвать в назначенный час у стен Кремля многотысячное собрание поклонников Ельцина на площадке Васильевского спуска. Манифестанты должны были призвать президента разогнать депутатский съезд. Несогласных с этим москвичей планировалось не подпускать близко к Кремлю, окружив его отрядами милиции и сомкнутым кольцом сотен грузовиков.

Одновременно Ельцин намеревался лично увести из зала съезда такое количество делегатов, которое лишило бы съезд кворума и тем самым обрело бы на самоубийственное бездействие.

Изгнать силой народных депутатов из Кремля предписывалось сагитированным рабочим гигантского автозавода АЗЛК. Туда собирался явиться Ельцин и увлечь за собой как можно больше заводчан. Администрацию завода и профком настропалили загодя. Четверо суток вызывали из цехов в дирекцию многих рабочих и навязывали им текстовки их предстоящих речей на заводском митинге в поддержку президента. Командовали инсценировкой офицеры охраны Ельцина. Репетиция завершилась 9 декабря.

В ночь с 9 на 10 декабря по тайному указанию Ельцина дирекция центральной типографии «Пресса» прекратила печатание нелояльных президенту газет — «Советской России», «Правды», «Рабочей трибуны», «Сельской жизни». Президентский пресс-секретарь конспиративно договорился с руководством телевидения о том, что с утра 10 декабря отменят показ из зала кремлевского съезда выступлений всех ораторов за исключением только одного — самого Ельцина.

Как только утром началось заседание съезда, Ельцин первым взобрался на трибуну и зачитал свое «Обращение к гражданам России». Он приписал съезду стремление «расправиться и с Президентом и с реформами, и с демократией». Его речь прерывали выкриками и свистом, но он лишь еще злее распалил депутатов: они — «несостоявшиеся политики и толкают к гражданской войне».

Ельцин обозвал Верховный Совет «оплотом консервативных сил и реакции». Он объявил, что председатель Верховного Совета Хасбулатов — «проводник обанкротившегося курса в никуда». И провозгласил свой приговор: «С таким съездом работать дальше стало невозможно!».

Чтобы тут же прикрыть съезд, Ельцин, сходя с трибуны, изрек:

- Прошу поддерживающих президента народных депутатов собраться сейчас рядом в Грановитой палате.

Туда ушли за ним со съезда 152 депутата. В зале остались 715. Тем самым сохранился кворум для законного продолжения съезда и конституционного сопротивления попытке путча.

Однако многие депутаты, принявшись возмущенно осуждать Ельцина, не предлагали — как защитить съезд. Между тем депутат Виктор Аксютин сообщил, что у кремлевских ворот Спасской башни появился вдруг вооруженный отряд милицейского ОМОНа, чьи бойцы пояснили: «Мы получили по рации приказание прибыть сюда к Спасской башне, так как заседания съезда прекращены».

Пришлось мне опять предостеречь моих коллег:

- Вы не вняли мне 13 ноября, когда я вас публично предупредил о сценарии заговора. Надеюсь, что сейчас вы, быть может, воспримите мои слова с учетом хотя бы того, что я в своей жизни видел за рубежом не-

сколько государственных переворотов. Сегодняшний спланирован здесь Бурбулисом, специалистом по «острым блюдам». А у меня сейчас такое чувство, что я вроде бы нахожусь в 1918 году на заседании Учредительного Собрания, участники которого говорят, говорят, только говорят. И ждут когда придет матрос Железняк. Поэтому прошу нашего председателя Хасбулатова, явно потрясенного заявлением президента, проявить полное холоднокровие, взять в свои руки руководство нашей работой и прежде всего обеспечить безопасность «Белого дома». Ибо здесь высказаны опасения, что нам в случае выхода из этого кремлевского зала во время перерыва не дадут уже сюда вернуться. Охрана Кремля не находится в руках Верховного Совета. Нужно позаботиться, чтобы Верховный Совет или съезд могли безопасно переместиться в «Белый дом». Действуйте твердо в соответствии с законом. Да благословит вас Бог.

В те минуты вместо растерявшегося Хасбулатова председательствовал на съезде его заместитель Юрий Воронин. Он сказал:

- Уважаемые народные депутаты, по предложению депутата Андропова разрешите предоставить слово члену секретариата съезда Анатолию Борисовичу Колтунову.

Колтунов, облаченный в мундир генерал-майора, произнес с трибуны:

- Уважаемый съезд! Службе безопасности Кремля и «Белого дома» передана просьба съезда об усилении охраны. Поэтому прошу не волноваться.

Но волнение не улеглось. И это зафиксировано в стенограмме съезда после реплики Колтунова: «Шум в зале». То же подтвердила затем «Комсомольская правда»:

«Вокруг Кремля появились дополнительные посты, что послужило, видимо, основанием для депутата Ионы Андропова патетически воскликнуть о необходимости переезда в парламентскую вотчину — «Белый дом». Дескать Кремль ненадежен. В течение дня эта тема так или иначе всплывала на съезде».

Тем временем Ельцин со своей охраной прибыл на автозавод АЗЛК и обратился в сборочном цехе к созданным туда рабочим. Он призвал их дружно выступить против депутатского съезда. Но аплодировали ему очень жидко, а часть рабочих его освистала.

Несколько заводчан отказались продекламировать розданные им дирекцией шпартгалки лозунгов в поддержку президента. Один рабочий стал громко укорять Ельцина за вздорожание всех товаров и разгул спекуляций. Вдобавок стало известно, что Федерация независимых профсоюзов России решила воздержаться в эти дни от любых политических митингов трудящихся.

В итоге обескураженный Ельцин вскоре покинул сборище непокорных ему автозаводчан.

Одновременно по заказу Бурбулиса московская мэрия оцепила Кремль тяжелыми грузовиками и патрулями милиции. Сквозь их кольцо пропускали к Васильевскому спуску только приверженцев президента. Но вместе с ними просочились туда же сотни его противников-горожан. Между ними и ельцинистами разогрелась яростная перебранка. Милиционеры бросились разнимать столкнувшихся демонстрантов. Две враждебные толпы ревели и проклинали хором друг друга до позднего вечера. Так захлебнулся начатый утром неудачный путч.

А потом на следующий день хитроумный Хасбулатов сумел заключить с Ельциным компромиссное перемирие. Президент поневоле аннулировал свою анафему съезду российских депутатов. Это объявили в Кремле 12 декабря. Съезд продолжал заседать. И все как бы вернулось к прежнему. Но уже было ясно, что передышка будет недолгой.

Спустя три месяца — 20 марта 1993 года — Ельцин заново атаковал законодательную власть страны; огласил по телевидению свой указ о введении во всей России единоличного правления президента. Отныне, вопреки Конституции, отменялись любые решения всероссийских съездов народных депутатов, Верховного Совета, провинциальных органов самоуправления. Ельцин назвал его диктатуру «Особым порядком управления страной до преодоления кризиса власти».

Предвидя общественные протесты и неповиновение парламентариев, Ельцин замыслил позволить депутатам созвать вновь их съезд в Кремле и устроить им там расправу в засекреченной западне. Он приказал 22 марта коменданту Кремля генералу Михаилу Барсукову:

- Продумайте план действий, если придется арестовать съезд!

Подготовкой массового ареста занялся также начальник охраны президента генерал Александр Коржаков, который выдал через четыре года детали заговора своего шефа:

«Если бы депутаты после оглашения указа о роспуске съезда отказались выполнить волю президента, то тут же им бы отключили свет, воду, тепло, канализацию. На случай сидящих забастовок в темноте и холоде было предусмотрено «выкуривание» народных избранников из помещения. На балконах решили расставить канистры с хлорпикрином — химическим веществом раздражающего действия. От него выскакивают из помещения быстрее, чем пробка из бутылки с шампанским. Офицеры, занявшие места на балконах, готовы были по команде разлить хлорпикрин. Ведь противогазов у парламентариев не было. Каждый офицер, принимавший участие в операции, знал заранее — с какого места и какого депутата он возьмет под руки и вынесет из зала. На улице их поджидали бы комфортабельные автобусы. Борис Николаевич утвердил план без колебаний. Если бы даже импичмент ему состоялся, президент бы власть не отдал».

Однако оказалось маловато лишь потравить газом и арестовать тысячу народных депутатов. Помимо них Конституционный суд России 23

марта провозгласил антизаконным диктаторский указ президента. Против него выступили публично Генеральный прокурор, вице-президент страны, секретарь Совета безопасности.

С 21 марта каждый день возле «Белого дома» собирались многосотенные толпы москвичей и требовали от законодателей покарать Ельцина импичментом.

Отрешить Ельцина от власти желало теперь и большинство депутатов Верховного Совета. Они постановили созвать срочно внеочередной съезд 26 марта. Но сместить президента на съезде можно было по Конституции только двумя третями голосов.

24 марта московский корреспондент британской газеты «Индепендент» рапортовал из российского «Белого дома»:

«Руководство парламента экстренно объявило о созыве чрезвычайной сессии съезда депутатов 26 марта с целью низложить президента. Председатель парламента Руслан Хасбулатов заявил: «Есть все законные основания для импичмента президента, и ради этого надо как можно быстрее созвать съезд». Депутат Иона Андронов, неустанный враг Ельцина, сказал: «Предварительно уже ведется подсчет потенциальных голосов на съезде за импичмент. Их требуется нам две трети. Этим мы уже располагаем приблизительно. Но пока еще не полностью».

К такому голосованию импичмента Ельцин, впрочем, готовился задолго до его выдумки с ядовитым хлорпикрином. Еще минувшим летом, осенью и зимой в кулуарах «Белого дома» приспешники президента втихую подкупали разными способами неустойчивых депутатов.

Тогда не было, однако, нынешнего обычая Государственной Думы — раздавать взятки пачками стодолларовых купюр. Коррумпировали иначе: соблазняли постами заместителей министров, послов за рубежом, представителей президента в губерниях, генеральскими чинами. Выходцы из российской глубинки получали в их собственность подмосковные дачи, шикарные квартиры в столичном Крылатском, награждались щедро частыми заграничными прогулками по иностранным магазинам. Такая скупка депутатских голосов была весьма результативной.

Планируя загодя разгром российского парламента, Ельцин заручился негласно сильной поддержкой из Вашингтона, Бонна, Тель-Авива. Там главы правительств и законодатели обещали Ельцину приукрасить публично его госпереворот как бы благопристойной вуалью международной легитимности.

Об этом еще в феврале договорился Ельцин лично со своим «другом Гельмутом» — германским канцлером Коелем. А в середине марта командировал в США московского министра иностранных дел Козырева к президенту Клинтону и государственному секретарю Кристоферу с просьбой провозгласить их устами путч 20 марта «законным и демократическим».

Для сговора с вашингтонцами Козырев оказался наилучшим посланцем. Ибо российский министр уже давно был слугой двух господ. Он от-

крыто говорил: «У нас с США цели общие. Интересы демократов по обе стороны океана совпадают!». В госдепартаменте США его ласково именovali «наш дорогой Андрей».

Газета «Вашингтон пост» одобительно констатировала: «Андрей Козырев — прозападный министр иностранных дел». Аналогично высказывалась лондонская газета «Файнэншл таймс»: «Русский министр иностранных дел Козырев известен его откровенно прозападными взглядами».

Идентично оценивала Козырева и лояльная к Ельцину московская пресса. Газета «Сегодня»: «Андрей Козырев однозначно считался и считается «прозападным» и «проамериканским министром». Еженедельник «Московские новости»: «На Западе считают Козырева вполне ручным».

В ответ Козырев отшучивался:

— Считают, что я еврей, демократ и западник. По-моему, все эти слова — комплименты.

Ельцин однажды признался, что в декабре 1992 года тогдашний президент США Джордж Буш позвонил ему по поводу критики в России американизма министра Козырева и «попросил меня не отдавать Козырева без борьбы».

3 января 1993 года Буш посетил Ельцина в Кремле и услышал от него: «Вы просили оставить на месте Козырева, и я выполнил вашу просьбу». Затем ту же просьбу повторил президент Клинтон.

В марте 1993 года, за две недели до вашингтонского визита Козырева, он выхлопотал у Клинтона долларовое пособие своему семейству: его жену Ирину пристроили на работу в американский Джорджтаунский университет. Вскоре у нас журнал «Аргументы и факты» напечатал заметку:

«Жена шефа МИД Козырева с согласия президента России получает в Джорджтаунском университете в Вашингтоне деньги в рамках мифической исследовательской программы, чьим спонсором является госдепартамент США».

Впоследствии и сам Козырев, расставшись с министерским постом, заполучил очень доходную должность в совете директоров американской фирмы по производству лекарств «Ай Си Эн Фармасутикалс». Сумма его контракта и стоимость предназначенных ему акций пока засекречены.

Иного рода немалые услуги оказывали янки и непосредственно Ельцину с начала его президентства. До этого он дважды съездил в США, убеждая навязчиво вашингтонских лидеров в том, что принесет им больше пользы, чем его ненавистный соперник Михаил Горбачев.

По сведениям авторитетного эксперта западных разведслужб Кристофера Эндрю, в мае 1991 года агентура ЦРУ в Москве разузнала о подготовке председателем КГБ Крючковым свержения Горбачева, а вслед за тем руководство ЦРУ информировало президента Буша 17 августа о «неминуемом путче» ГКЧП в течение ближайших суток. В ту пору Буш рас-

порядился передать на словах Ельцину сигналы ЦРУ и рекомендовать ему быстрый перехват кремлевской власти.

Тревожения тех дней подробно описаны известным американским журналистом и общепризнанным знатоком шпионажа Сеймуром Хершем:

«С весны 1991 года и вплоть до московского путча в августе администрация Буша получала сообщения о заговоре против Михаила Горбачева и обратилась к Ельцину в качестве вероятного лидера-дублера. На протяжении нескольких месяцев агенты США в Москве были тайно прикреплены к Ельцину с заданием обеспечить его личную безопасность и усилить секретность его средств электронных коммуникаций. И как только произошел августовский путч, Буш приказал снабдить Ельцина наиважнейшей аппаратурой разведки. В это время Ельцина сочли самым преданным приверженцем западной демократии в отличие от других русских лидеров, включая Горбачева».

22 марта 1993 года министр Козырев вылетел из Москвы в Вашингтон, а сутки спустя президент Клинтон заявил на своей пресс-конференции о полной поддержке Ельцина в противоборстве с российским парламентом. Клинтон призвал примкнуть к нему израильского премьер-министра Ицхака Рабина, французского президента Франсуа Миттерана и всех глав государств НАТО. При этом Клинтон уклонился от ответа на расспросы журналистов: «Что вы предпримете в том случае, если мистер Ельцин прибегнет к военной силе?».

Ответ дал вместо Клинтона 24 марта входящий к нему ведущий обозреватель «Нью-Йорк таймс» Абрахам Розенталь:

«Ради победы Ельцина ему понадобится, очевидно, демонстративная поддержка вооруженных сил России. Ельцин имеет право взять на себя командование. Одновременно Запад должен напомнить российским вооруженным силам о том, что их долг — подчиниться приказу свыше. Советский Конституционный суд — это шутовской мартышкин суд. Съезд депутатов — это советский псевдосъезд. Америка — за Ельцина. Будет верно, если посоветуют негласно русской армии быть нейтральной лишь до того момента, когда ей прикажет действовать мистер Ельцин».

Все эти заморские козни были неизвестны подавляющему большинству моих коллег-депутатов, когда утром 26 марта 1993 года мы собрались на наш, как оказалось, последний кремлевский съезд. Его цель сразу же высказала напрямик провинциальная делегатка из Корякской автономии Нина Солодякова:

- Надо набраться мужества и принять сегодня решение об отрешении от должности президента.

Этот призыв подхватили поочередно депутаты от Самары, Липецка, Курска — Борис Тарасов, Мария Сорокина, Геннадий Саенко. Они требовали сместить Ельцина с поста президента не только за его антиконституционное диктаторство. На него возложили вину за всенародные бедствия

– развал экономики, нищету, коррупцию, утрату обороноспособности нашей страны. Выступив в первый день съезда пятым по счету обличителем президента, я рассказал депутатам о том, что утаила от них и прочих сограждан российская пресса:

- Уважаемые товарищи, к сожалению, вы глубоко заблуждаетесь, если считаете, что сейчас тут, в Кремле, находятся все главные участники обсуждаемого нами политического кризиса. Я имею в виду нашего президента, председателя Верховного Совета, премьер-министра, председателя Конституционного суда и нас, депутатов.

Дело в том, что есть еще одна вовлеченная в кризис сила, которая здесь отсутствует, но от которой очень многое сейчас зависит. И позвольте об этом вас проинформировать.

Ровно две недели назад, в пятницу 12 марта, российский министр иностранных дел Козырев экстренно позвонил в Вашингтон государственному секретарю США Уоррену Кристоферу. В тот же день представитель госдепартамента США Ричард Баучер сообщил, что Козырев разговаривал с госсекретарем о «борьбе Ельцина против его консервативных оппонентов». И госсекретарь США попросил передать президенту России, что его действия одобряются правительством Соединенных Штатов. То же самое спешно заявил в тот же день президент США Клинтон.

Так что же конкретно было одобрено у нас в стране американским правительством? Вот вам дословное заявление об этом представителя администрации президента Клинтон: «Если Ельцин приостановит деятельность антидемократического парламента, то это нельзя обязательно считать антидемократическим актом. Мы не прервем автоматически отношения с Россией, мы не отменим встречу на высшем уровне с Ельциным, не заморозим программу помощи из-за введения в Москве президентского правления и приостановки деятельности парламента».

Это было заявлено в Вашингтоне за неделю до выступления нашего президента 20 марта. В тот день он, по сути, приостановил деятельность российского парламента, съезда народных депутатов и ввел президентское правление – то, что он назвал режимом особого управления. До этого нам говорили целую неделю, что президент обдумывает и обсуждает со своими советниками – как лучше выйти из кризисного положения, ищет выход. А вот в Вашингтоне уже публично объявляли о том, что они одобряют известные им загодя действий Ельцина!

Более того, американские власти посмели напоказ публично обзывать наш парламент антидемократическим. И никаких протестов со стороны нашего МИДа, конечно, не было. И естественно, наша так называемая независимая и объективная пресса не сообщила нам о вашингтонском сговоре Ельцина. Хотя об этом известно всему

миру. А я не сообщаю вам никаких гостайн. Но спрашиваю: вы не испытываете, как и я, чувства национального унижения и стыда?

13 марта президент Клинтон открыто призвал к максимальной поддержке Ельцина и сказал дословно следующее: «Это, как я полагаю, в высшей степени в интересах Америки». Дабы понять что это означает, думаю, здесь среди нас все достаточно умные.

Нельзя считать случайной ошибкой внешнеполитический курс президента и его министра иностранных дел Козырева. Составные части их политического курса – фактическое предательство 25 миллионов наших русскоязычных соотечественников за пределами России, втягивание моей страны в чуждые ей военные авантюры на Балканах, потворство территориальным претензиям Японии на российском Дальнем Востоке. С этим предательством национальных интересов России надо покончить. Нам предстоит голосование по импичменту. Я обращаюсь к президенту: если сегодня или завтра он не уволит Козырева, если не уберет, наконец, предателя-министра, то я буду голосовать за импичмент!

Три последующие дня меня словесно оплевывали депутаты-ельцинисты и солидарная с ними пресса. Наперекор им высказалась лишь газета «Советская Россия»:

«В первый день съезда неожиданной была реакция сторонников президента на выступление депутата Ионы Андропова. В этом выступлении опровергать было нечего. Тем не менее депутаты из фракции «Демократической России» обрушились на Андропова. У них не было доказательных аргументов, но зато сыпались, как из рога изобилия, оскорбления и злобные наветы. Вот и хочется задать вопрос: чего вы так всполошились, господа демократы? Видать на воре шапка горит, а депутат Андронов попал в самую точку?».

Полемiku со мной возглавил с трибуны съезда столичный депутат Сергей Ковалев:

- Уважаемые коллеги! Не будем лукавить: нас собрали здесь, чтобы отстранить президента от власти. Надеюсь, что этого не произойдет. Здесь звучало много грубых, оскорбительных слов в адрес правительства. Но вот я хочу сказать о Козыреве. В значительной степени именно деятельности Козырева мы обязаны тем, что вступаем в мировое сообщество как цивилизованная страна. Но есть другая позиция – позиция, выраженная депутатом Андроновым. Это смехотворная позиция людей, которых раздражает цивилизованная современная внешняя политика. Эти люди видят весь внешний мир как врагов, желающих все и вся подорвать в России. Концепция Ионы Ионовича – это в чистом виде сталинская концепция. В свое время он энергично работал на эту концепцию, утверждая, что у нас-то с правами человека все в порядке, а вот в Америке ... Эта концепция успешно проводилась в жизнь депутатом Андроновым - од

из солдат «холодной войны», может быть, даже и одним из ее полководцев.

Заключительные слова Ковалева вызвали негодующие выкрики, которые в стенограмме съезда обозначены стандартным термином – «шум в зале». Сквозь шумовые помехи Ковалев все же договорил:

- А теперь последнее: если вопреки здравому смыслу и законам съезд пойдет на тайное голосование по отрешению президента от должности, то я заранее объявляю: я в таком голосовании участвовать не буду.

Спустя сорок минут стенограмма съезда опять протоколирует «шум в зале». Так отреагировали на выступление депутата-москвича Николая Воронцова:

- Не добавит славы России глубоко неискренняя, а я бы даже не побоялся слова лживая, речь депутата Ионы Андропова. Почему я говорю об этой лживой речи? Потому что депутат Андронов отлично знает, следит за мировой литературой, что на Западе существует огромное количество людей-ястребов, которые недовольны сворачиванием военно-промышленного комплекса в Америке, где остановились авиационные заводы, целый ряд учреждений ракетного комплекса. Вот почему, если думать о России, нам нужно поддержать президента.

Эту косноязычную бессмыслицу изрек, как ни странно, профессор и доктор биологических наук Воронцов, он же – вице-президент российской Академии естественных наук, лауреат Государственной премии, главный научный специалист московского Института биологии.

Через полчаса стенограмма съезда заново зафиксировала «шум в зале» под конец спича депутата-юриста Владимира Варова из Санкт-Петербурга:

- Когда кому-то извне хочется развалить страну или, если хотите, захватить ее, каким образом в первую очередь он действует? Он разваливает исполнительные структуры. Не это ли мы сегодня наблюдаем? И когда здесь выступает Иона Ионович Андронов, являющийся профессионалом в разных областях, выступает очень специфическим образом именно в плане, я считаю, определенного контекста, то у меня возникает вопрос: на кого работает Иона Ионович. Благодарю за внимание.

В ответ мне позволили вторично взойти на трибуну съезда:

- Уважаемый съезд! В связи с тем, что уже три раза подряд прозвучали сегодня в мой адрес полуклеветнические или клеветнические заявления, отмалчиваться мне больше неудобно. Я должен ответить на вопрос депутата Варова – на кого работает депутат Андронов. Я всю свою жизнь работал, включая длительные заграникомандировки, и сейчас работаю на свою страну, на Советский Союз, на Россию.

«Аплодисменты» – гласит далее стенограмма съезда.

- По поводу заявления депутата Воронцова, - продолжал я, - о том, что мое выступление было лживым, отвечаю: я цитировал вам, товарищи, официальные заявления представителей официальных властей США. Ес-

ли их заявления не нравятся некоторым людям и они хотят что-либо оппорить, то это, пожалуйста, можно сделать. Мои предыдущие выступления в защиту интересов России, в защиту русскоязычного населения за пределами России всегда замалчивались проправительственной прессой. Поэтому я предлагаю инициаторам нынешней «холодной войны» вместо их ругани и клеветы дать возможность мне в контролируемой ими прессе повторить публично изложенные мною факты. И попробуйте, если сможете, опровергнуть! Тогда все рассудят — где правда и неправда. А в завершение хочу засвидетельствовать трем моим очернителям свое глубокое презрение.

«Аплодисменты» — подытожено в стенограмме.

Но зато наши и западные газеты, отказавшись напечатать мое депутатское выступление, осыпали меня градом издевок. Тон задавал шеф московского бюро «Нью-Йорк таймс» Серж Шмеман. Он сообщил в своей газете 27 марта:

«Иона Андронов, депутат, связанный в прошлом с КГБ, предпринял оголтелую атаку против министра иностранных дел Козырева и против политики поддержки президентом США Клинтоном мистера Ельцина».

30 марта Шмеман снова пнул меня на страницах «Нью-Йорк таймс»:

«На съезде был жуткий момент, когда изощренный экс-оперативник КГБ Иона Андронов обратился к бывшему диссиденту Сергею Ковалеву и прошипел в микрофон: «Я презираю тебя!».

Газета «Известия», прозвав меня «коммунистической кликушей», страшила своих читателей 27 марта: «Власть в центре и на местах заберут личности вроде Ионы Андропова».

Такую же страшилку разыграл тогда же в марте журнал «Новое время»:

«Иона Андронов, бывший журналист, специализировавшийся на разоблачении «заговоров» ЦРУ, заявил, что президентский указ от 20 марта готовился в вашингтонском Белом доме. Представим на минуту: господин Андронов занял пост министра иностранных дел. Вас это не смущает?»

Газета «Вечерняя Москва» объявила меня «одним из самых зловещих сталинистов в России» и глумливо переименовала — «краснознаменный Иуда Иудович». Повторив сию паскудную кличку в газете «Новый взгляд», издающейся приложением к «Московской правде», некая Людмила Боровик обгадила меня еще тремя прозвищами — «лубянский шелкопер», «очкастый нечестивец», «потный борец с империализмом».

Газетные помои дополнили доставленные мне на депутатский съезд в Кремль анонимные письма. Вот текст одного из них:

«Иона! Ты не просто сука. Ты жидовская сволочь! Тебя мало убить. Тебе нужно оторвать яйца и заставить тебя их сожрать. Погоди, тварь, и до тебя очередь дойдет».

В ту пору московский журнал «Столица» обругал меня более всех - четырежды в разных его номерах. Причина столь частых пакостей была четко сформулирована: «Андронов с трибуны съезда обвиняет в измене Родине министра иностранных дел Андрея Козырева».

Многочисленность нападок «Столицы» побудила отреагировать следующим образом:

Открытое письмо

члена Верховного Совета России И.И.Андропова
главному редактору журнала «Столица» А.В.Мальгину

Андрей Викторович, ваш журнал уж слишком по-хамски бранится и нагло лжет, обзывая меня выбранным в парламент «тунеядцем», «дезинформатором» из КГБ, выдвиженцем «партийно-хозяйственной верхушки». Но стыдить вас, впрочем, бесполезно. И поэтому я отвечаю сегодня вам публичной пощечиной: вы - подлец.

С глубочайшим к вам отвращением

Иона Андронов

Пощечина редактору столичного журнала прозвучала дважды - с телеэкрана в программе «600 секунд» и со страниц газеты «Правда». В обоих случаях комментаторы высказали предположение, что инцидент может, как встарь, кончиться дуэлью.

Но получивший пощечину пасквилянт поступил в соответствии с его натурой - трусливо отмолился. Вместо него московская и американская пресса зашвыряли меня новыми комьями грязи.

История отсеяла ложь от истины спустя почти шесть лет. 1 декабря 1998 года американский журналист Джон Хелмер, исследовав архивную документацию правительства президента Клинтона, поведал в англоязычной газете «Москоу трибюн»:

«В начале 1993 года администрация Клинтона решила разогнать парламент России и переписать российскую Конституцию таким образом, чтобы сделать всевластным Бориса Ельцина. Путч Клинтона почти состоялся в марте 1993 года. Но Ельцин растерялся, когда услышал от своих министров обороны, госбезопасности и разведки, что они не выполняют его приказов, если он незаконно введет чрезвычайное положение. Однако потом Клинтон решил попытаться осуществить другой путч, и тогда в сентябре 1993 года Ельцин полностью добился своего, объявив роспуск парламента и пригрозив расправой Конституционному суду. 4 октября Кремль сокрушил парламента».

До кровавой развязки 4 октября оставалось еще полгода, когда на мартовском съезде в Кремле состоялось голосование депутатов о лише-

нии Ельцина президентства. За это было отдано 617 голосов, против - 268. Для импичмента президента не хватало 72 депутатских голоса.

Во время голосования по импичменту 28 марта и в часы подсчета депутатских бюллетеней Ельцин покинул Кремль и ораторствовал перед толпой своих поклонников на площадке Васильевского спуска. Ельцин произнес:

- Сейчас идет тайное голосование через кабины об отрешении от должности первого избранного народом Президента России. Но судьбы России не дано решать шести сотням депутатов. Я им не подчинюсь!

Позже он повторил:

- Решение об импичменте не имело бы никакой силы. Проклятый съезд! У меня же такая жизненная тактика: играть только на победу. Только на победу!

Это означало, что отныне кровавая развязка борьбы Ельцина за неограниченную власть была вскоре неизбежна.

- Главная проба силового удара по оппозиции президенту произошла в Москве 1 мая 1993 года, - подтвердил общее мнение в разговоре со мной тогдашний председатель Московского горсовета Николай Гончар, ставший затем депутатом Государственной Думы.

Помню до сих пор отчетливо то солнечное майское утро и праздничное скопище горожан с букетами цветов и красными флажками на Калужской площади. До этого дня Первомайские демонстрации устраивались 75 лет ежегодно на Красной площади. Но 28 апреля 1993 года Ельцин издал Президентское распоряжение № 300-РП о запрете на Красной площади массовых демонстраций, митингов, народных шествий.

Кремль окружили отрядами милиции. Все улицы и даже окольные проходы в направлении Кремля от Калужской площади были перегорожены шеренгами милиционеров с дубинками наизготовку. Штурмовики милицейского ОМОНА нахлобучили каски и выставили перед собой жестяные щиты. Металл щитов и шлемов сверкал на солнце, как боевые доспехи когорт римских легионеров.

Грозное воинство заблокировало на Калужской площади несколько тысяч москвичей. Среди них примерно половину составляли женщины, старики, дети.

Противостояние на площади продолжалось не менее часа и стало под конец взрывоопасным. Толпа демонстрантов возрастала и гневно рокотала, кляня милицию. Солдаты ОМОНА начали угрожающе барабанить их дубинками по щитам. Вот-вот могло вскипеть побоище. И тут я услышал громкий хриплый голос, знакомый здесь всем участникам уличных митингов. Это кричал через рупор звукоусилителя Виктор Анпилов, вожак и трибун коммунистической организации «Трудовая Россия».

Обычно задиристый Анпилов взывал в то утро не противиться понапрасну всесильному множеству милиционеров и мирно отступить отсюда еще подальше от столичного центра.

А путь к отступлению оставила нам милиция как бы нарочно лишь один - от Калужской площади по Ленинскому проспекту к малолюдному парку на Воробьевых горах. Туда позвал Анпилов демонстрантов на проведение в парке спокойной маевки. И почти все во главе с Анпиловым, построившись в длинную колонну, двинулись пешком по Ленинскому проспекту.

На Калужской площади задержались лишь сотни четыре манифестантов - арьергард для тыловой защиты ушедшей отсюда колонны. Я был в арьергарде, а со мной - группа знакомых мне американских телевизионщиков: Стюарт Сендер, Эллен Рей, Кевин Китиг, Питер Тук. Они засняли последние события. Но их телесъемку потом отказались транслировать в США!

Как только колонна маевщиков с Анпиловым удалась от Калужской площади на полкилометра, вслед за ней устремилась милицеская погоня на грузовиках и тюремных автофургонах с зарешеченными окошками. Машины внезапно въехали на площадь, но в горловине Ленинского проспекта мы задержали их, встав плечом к плечу перед ними. И сразу же на нас набросились пехотинцы ОМОНа, раздавая тумаки кулаками, локтями, сапогами. Мы отпрянули, но все сели на асфальт поперек проспекта и сцепились руками. Теперь атакующим предстояло бы долго расцеплять и растаскивать четыреста человек или давить их грузовиками.

Но вдруг автомобили милиции откатились от нас. И вообще уехали с Калужской площади. Отошли от нас и мордобойцы ОМОНа. Они тоже очистили площадь. Мы радовались, что сумели предотвратить нападение на первомайскую демонстрацию. Мы не знали, что нас тогда перехитрили.

Три десятка большегрузных машин милиции свернули с Калужской площади на соседнюю Мытную улицу. Там их заполнила солдатня ОМОНа. Оттуда автодесант промчался по Донской улице параллельно Ленинскому проспекту и выскочил на проспект возле его соприкосновения с Воробьевыми горами.

Грузовики перегородили проспект. Перед ними выстроились милиционеры со щитами и дубинками. Тем временем сюда приближалась по проспекту колонна первомайских демонстрантов.

Как только передовые демонстранты уткнулись в милицескую преграду, их атаковали ударами дубинок. Били всех подряд, включая женщин и седых пенсионеров. Головоломы ОМОНа добивали упавших подкованными сапожищами, ломая людям ребра, колени, носы.

С особым садизмом каратели отдубасили по голове подвергнувшегося им депутата Верховного Совета Ивана Федосеева. У него отняли парламентское удостоверение, сорвали с пиджака депутатский значок, а когда окровавленный Федосеев рухнул наземь, то его отмолотили сапогами.

Крепкие мужчины и парнишки из числа демонстрантов раздобыли на проспекте в подворотнях и дворах обломки кирпичей, булыжники, палки

от скамеек. И контратаковали ОМОН. Ему на подмогу прибыла конная милиция и пожарные машины с водометами. Расправа затянулась на два часа. В итоге насчитали 463 раненых. Один погиб.

Через неделю Ельцин президентским указом наградил 110 милицеских чинов, отличившихся особым рвением при экзекуции на Ленинском проспекте. 11 побитых демонстрантов были привлечены к уголовной ответственности «за участие в массовых беспорядках». Первой 1993 года стал пробной репетицией большого кровопролития в Москве спустя пять месяцев.

Возмущение москвичей первомайским побоищем было тогда столь велико, что 9 мая вышли на демонстрацию в День Победы более четверти миллиона горожан. Людская река текла от Белорусского вокзала по широченной Тверской улице и по Охотному ряду к Лубянской площади. Бокорые переулки опять заполнили сотни штурмовиков ОМОНА. Но никто из них в тот день не отважился напасть на разгневанный народ.

Накануне я упрасивал порознь председателя парламента Хасбулатова и вице-президента Руцкого присоединиться к шествию 9 мая. Нам нужен был символический знаменосец антиельцинской оппозиции. Однако Хасбулатов и Руцкой отвергли мои просьбы. Оба они лишь к осени возглавили массовое сопротивление Ельцину, но решились на это слишком поздно. Такое поведение обоих было, конечно, вовсе неслучайным.

Хасбулатов и Руцкой, вопреки трескотне о них нашей прессы, никогда не были по-настоящему идейно-политическими антиподами Ельцина. Это я знаю наверняка из многих моих разговоров с вице-президентом и парламентским спикером. Обоих первоначально вознес к вершинам власти Борис Ельцин. Оба сперва клялись в верности ему. А рассорились с ним главным образом потому, что он потом их отверг за непослушание и попытки поступать зачастую самостийно.

Даже поныне Хасбулатов и тем более Руцкой отнюдь не враги Ельцина, но всего-навсего его «блудные сыновья».

Последний шанс сплотить оппозицию под единым руководством был утрачен, по-моему, 24 июня 1993 года. В те летние дни Ельцин уже готовил секретно свой Указ № 1400 о разгоне парламента России и упразднении навсегда съездов народных депутатов. Мы еще не знали всех деталей заговора, но суть его была вполне очевидна. Все предчувствовали скорую развязку. Дождливым вечером 24 июня ведущие политики оппозиции и их последователи собрались в зале кинотеатра «Мир» на Цветном бульваре.

«Вечер русского сопротивления» - так назвали этот слет оппозиционеров. На авансцене кинозала рядом со мной сидели Сергей Бабурин и Николай Павлов, депутаты Верховного Совета и вожди политического объединения «Российский общенациональный союз». Тут же был депутат Михаил Астафьев, председатель Конституционно-демократической партии. Рядом сидел Геннадий Зюганов, первый секретарь Компартии Рос-

сии. В президиуме находились также руководящие пропагандисты оппозиции и главные редактора газет «День», «Советская Россия» и журнала «Наш современник» - Александр Проханов, Валентин Чикин, Станислав Куняев. И еще полдюжины известных оппонентов Ельцина.

Все они выступили с призывами отразить угрозу заговора президента против законодательных властей нашей страны. Мне тоже дали слово:

- У нас самая наболевшая проблема сегодня - отсутствие лидера обширного сопротивления самоуправству Ельцина. Мы раздроблены на полтора десятка независимых друг от друга мелких партий и группировок с их честолюбивыми командирами. Некоторые из них надеются после устранения Ельцина занять его пост или стать ключевыми министрами в новом правительстве. За такие мечты укорять бесполезно, но они вредят сейчас нашему общему делу. Пришла пора для верхушки оппозиции собраться срочно где-нибудь без огласки, чтобы распределить должности в будущем правительстве и договориться о самом важном - кого выдвинуть хотя бы временно нашим центральным объединителем. Он заранее не должен претендовать на место президента или премьер-министра. Сотням тысяч наших единомышленников нужен сейчас очень популярный духовный лидер. Подобные личности возникали в прошлом у разных народов в самые тяжкие годы их истории. Вспомните, как в средневековой Франции появилась Жанна Д'Арк, на русской земле - князь Пожарский, в современной Индии - Махатма Ганди, у американских борцов за равноправие - Мартин Лютер Кинг. Они ведь искренне не стремились превратиться в королей, царей, президентов. Вот какой спаситель необходим нам теперь! Неужели невозможно попытаться обрести его ныне в России? Иначе мы обречены на поражение.

Публика в зале ответила мне овацией. Однако вслед за мной высказался Михаил Астафьев:

- Мы уже сполна хлебнули горя, изобретя себе недавно общего кумира - Бориса Ельцина. Тем же чревато предложение Андропова. Нам не нужен еще один объединитель, способный опять перевоплотиться в диктатора. Не будем повторять своих же ошибок. Мы можем достичь успеха, продвигаясь к нашей цели самостоятельными колоннами. Так вернее и безопасней для российской демократии.

Эту реплику поддержал зал тоже громкими аплодисментами. Почему? Да только черт знает! А я не уразумел до сих пор. Уверен по сей день в своей правоте, но тем не менее мои слушатели сочли ее глупостью после речи Астафьева. Было, конечно, досадно, но фактически означало, что я оказался непрактичным политиком. И витийствовал в тот вечер впустую.

Оппозиция в ее конфронтации с Ельциным так и не сумела ни разу сплоченно противопоставить ему равносильного соперника. Это предreshило в немалой степени исход вражды с финальным кровопролитием.

БИТВА КОМПРОМАТОВ

- **В**ы получили, по слухам, от Ельцина за оказанные ему услуги ценный памятный подарок?

- Да, получил, - усмехнулся мой собеседник.

- Что же получили?

- Четыре года тюрьмы от звонка до звонка!

К жертве президентской неблагодарности я напросился в гости вечером 21 января 1999 года. Месяцем ранее экс-соратник Ельцина был освобожден из тюремной колонии на Урале. Там его продержали одиннадцать месяцев. А до этого он провел свыше трех лет внутри одной из наиболее суровых российских каталажек - за решетками казематов петербургских «Крестов».

- В «Крестах» меня мордовали по-страшному, - говорил мне недавний зек. - Держали в жуткой тесноте с десятью другими арестантами в зловонной камере площадью в восемь квадратных метров. Периодически меня перебрасывали в спецкамеры для туберкулезников, сифилитиков, психов. Сажали в карцер. Заталкивали к смертникам.

Но выглядел он, как ни странно, вполне здоровым и бодрым. Одет был по-домашнему в добротный спортивный костюм. Успел за месяц на воле отрастить модную бородку. А принимал меня в самом центре столицы возле Лубянки в престижном доме, где разместился на 275 квадратных метрах в шикарной двухъярусной квартире.

Наша вечерняя беседа происходила в просторной гостиной, обставленной дорогой мебелью. Бывший узник вальяжно полулежал на кожаном диване. По его зову изящная блондинка подала нам ароматный чай и пару блюд с пирожными.

Прошу, однако, не упрекать меня за пошлый плагиат на московский лад французского «Графа Монте-Кристо». Ибо я доподлинно описываю свою встречу со знаменитым скандально в Москве авантюристом Дмитрием Якубовским по прозвищу «генерал Дима». Понадеявшись склонить его к откровенному разговору, я попытался выявить подстрекателей Якубовского в 1993 году к публичным обвинениям противников Ельцина в казнокрадстве.

Пять месяцев подряд накануне кровавого октября 1993 года сотрясала всю Россию так называемая «битва компроматов». На телеэкранах, в газетах, на столичных пресс-конференциях и в стенах парламента враги и приверженцы Ельцина ожесточенно уличали друг друга в позорной кор-

рупции. Главными заводилами перебранки оказались тогда Якубовский и вице-президент Руцкой. А начал эту свару Руцкой.

Запомнилось сенсационное выступление Руцкого перед депутатами Верховного Совета в «Белом доме» 16 апреля 1993 года. В тот день множество журналистов теснились на галерее для прессы и в боковых ложах парламентского зала. Полтора часа вице-президент, стоя на трибуне, обличал в коррупции вице-премьеров, министров, ближайших сотрудников президента – Егора Гайдара, Александра Шохина, Владимира Шумейко, Михаила Полторанина, Анатолия Чубайса, Геннадия Бурбулиса, Андрея Козырева. За потворство им Руцкой винил напрямик Ельцина. Впоследствии Генеральная прокуратура России подтвердила 41 факт из разоблачений вице-президента.

И все-таки под конец речи Руцкого он подпортил свой облик бескорыстного правдоборца: гневно возмутился тем, что Ельцин отобрал у него служебный «мерседес», заменив неисправной «волгой».

Руцкой также негодовал на то, что президент лишил его 13 охранников, оставив ему лишь троих, а сам имеет 250 телохранителей и еще 11 тысяч солдат кремлевской стражи.

Вице-президент заявил, что Ельцин решил вообще от него избавиться. И воскликнул:

– В отставку не собираюсь!

Вдобавок Руцкой опроверг московские пересуды о том, что он имеет роскошную дачу. По его словам, он скромно арендовал государственную дачу и платил за нее исправно. Между тем уже было известно, что вице-президент строит себе загородную виллу в районе элитарной Рублевки. Когда этот дом был построен, то газеты разгласили его стоимость – один миллион восемьсот тысяч долларов! Таким особняком никак нельзя обзавестись даже на зарплату вице-президента...

Слушая его попреки царедворцам Ельцина за их махинации, я невольно вспоминал знакомых мне сподвижников Руцкого. Один из них – Владимир Белкин – сопровождал Руцкого вместе со мной в авиатурне по Ирану, Пакистану, Афганистану в 1991 году. Делегация вице-президента вела переговоры об освобождении в тех краях наших военнопленных, а тем временем Белкин обсуждал с иранцами и пакистанцами свои финансовые сделки. И это, к моему удивлению, поощрял Руцкой.

Белкин держался с вице-президентом запанибрата и на равных собутыльничал. Мне сказали, что он мультимиллионер. Разбогател совсем недавно, а до того был фельдшером, кладбищенским могильщиком, буфетчиком, барменом. Он выглядел молодожаво, но уже облысел и отрастил толстенное нузо. Руцкой назначил Белкина коммерческим директором опекаемого вице-президентом фонда «Возрождение».

В Тегеране проныра Белкин заключил с иранцами криминальную сделку о поставках им российской стали по очень заниженной цене. Благодаря этому он нагло пополнил свою кошницу. Кроме того в Москве мо-

шенник подбил Руцкого санкционировать кредит ему из госказны для закупки импортного детского питания на 20 миллионов долларов, из которых львиную долю присвоил. Но тут вмешалась, наконец, отечественная прокуратура. А посему Белкин смылся в Израиль. Там и благоденствует ныне с его украденными миллионами.

Другой любимец Руцкого — бизнесмен Георгий Мирошник — имел ранг советника вице-президента по экономическим вопросам. И вместе с тем имел четыре судимости. Он спекулировал чем попало — древесиной, железобетоном, компьютерами, антиквариатом, трикотажем, армейскими противогазами. Купил дорогую квартиру на фешенебельной Фрунзенской набережной. Развезжал в «мерседесе». Хвалился журналистам: «Я финансирую партию Руцкого!».

Мирошник прибыльно участвовал в пресловутой афере «Урожай-90»: российскую нефть и мазут продали за рубежом, чтобы закупить нашим аграриям дефицитные товары, которые бесследно исчезли.

В Германии перед уходом оттуда советских войск Мирошник в 1991 году прикарманил в гарнизонных «Военторгах» массу бытовых товаров на 18 миллионов марок. За это ему грозил арест, когда летом 1992 года он с Руцким поехал в Испанию и там отказался вернуться в Москву.

Далее Мирошник побывал в Бельгии, Германии, Греции и осел за океаном в Лос-Анджелесе. Продолжал заниматься темными делишками и обжулил партнеров на полмиллиона долларов. Его арестовали американцы по подозрению в связях с мафией и за нелегальное обладание тремя пистолетами.

Из Москвы попросили американцев выдать нам беглого преступника. Однако он обезопасил себя от выдачи тем, что заблаговременно сменил российское гражданство на греческое и заполучил паспорт Греции на имя Георгиоса Николаидиса. Псевдогрек и теперь, впрочем, горделиво признает кое-что из своего московского прошлого: «Я давно знаю Руцкого».

Еще один дружок Руцкого — Яков Юзбашев — состоял в руководстве курируемого вице-президентом фонда «Возрождение». В преступном мире Юзбашев снискал почтительную кличку «Папа Акоп». Он возглавлял, как установила милиция, крупную группировку в подмосковном районе Пушкино. Там гангстеры обложили данью всех рыночных торговцев. В поселке Лесном шайка оборудовала подпольный цех по изготовлению фальшивой водки «Столичная» и «Распутин». Любых конкурентов безжалостно убивали, подвергнув пыткам перед казнью. Трупы выбрасывали в болото.

Сам же атаман пристрастился к светской жизни в Москве, сорил деньгами в увеселительных заведениях, скупал золотые украшения и элитную одежду. Он познакомился с Руцким в портновском ателье аристократичного модельера Валентина Юдашкина, который шил костюмы

Руцкому и нанял себе в помощницы тогдашнюю жену вице-президента Людмилу.

Неоднократно Руцкой гостил у Юзбашева в Лесном, застольничал с ним и парился в бане. «Папа Акоп» подарил вице-президенту антикварную саблю и ювелирные часы. Пресс-секретарь вице-президента Николай Гульбинский рассказывал мне о том, что Юзбашев несколько раз преподнес Руцкому валютные презенты. Каждый – четыре тысячи долларов. В доме Юзбашева в Лесном красовалась большая фотография: «Папа Акоп» сидит рядом с Людмилой Руцкой на фестивальном шоу модельеров одежды в Париже.

Тем не менее в июле 1993 года милиция Пушкинского района решила приструнить Юзбашева, обыскала его дом и нагрянула в водочный цех. Милиционеры обнаружили 18 стволов огнестрельного оружия и склад гранат. А хозяин дома ухитрился загодя скрыться. Он спрятался в Москве и сумел приобрести в российском МИДе за долларовую взятку дипломатический загранпаспорт. С ним Юзбашев улетел в Тель-Авив.

Отсиживался в Израиле почти два года. Хотел купить местную гостиницу и сельскохозяйственную ферму, но ему помешала израильская полиция, которая следила за ним и однажды кратковременно арестовала.

В 1994 году Юзбашев попросил негласно встретиться с ним представителя посетившей Израиль делегации министерства внутренних дел России. На это свидание был командирован помощник министра МВД Савелий Тесис. Ему предложил Юзбашев выдать секреты некоторых московских мафиози в обмен на разрешение вернуться самому безнаказанно в Россию. Вскоре сговор состоялся.

Юзбашев прилетел в Москву в 1995 году. Его арестовать опять попыталась милиция. Но ей воспротивилось министерство контрразведки и уведомило: «Федеральная служба безопасности сотрудничает с Юзбашевым». Проведавшая об этом столичная «Новая газета» констатировала: «Папа Акоп – агент ФСБ».

Тем временем Руцкой, ставший в 1996 году губернатором Курской области, тоже заступился за давнего приятеля:

- Увидите, придет время, и Юзбашев докажет, что он порядочный человек. В его порядочности я не сомневаюсь.

Более того, Руцкой назначил Юзбашева в Курске «полномочным представителем и советником губернатора по коммерческим вопросам».

«Папа Акоп» очутился в подходящей ему курской компании. Два заместителя Руцкого – вице-губернаторы Юрий Конончук и Владимир Бунчук – были арестованы за злоупотребление казенными деньгами на сумму в 12 миллионов рублей. Младший брат губернатора Михаил, заместитель начальника курской милиции, снят был с должности и привлечен к уголовной ответственности за «мошенничество в крупных размерах». Привлекли также к суду второго брата губернатора Владимира, возглавлявшего курский мясокомбинат.

Сын губернатора Александр приговорен судом к полутора годам лишения свободы условно за попытку контрабанды за границу 12 тысяч долларов. Он же побывал под следствием после того, как разъезжал по Курску, будучи пьяным. Его джип задавил насмерть пешехода.

Еще четверо чиновников губернатора побывали под судом за хищения и взяточничество.

Весной 1993 года, задолго до уголовщины курского клана Руцкого, я все равно усомнился в безупречной искренности вице-президента, выслушав в Верховном Совете его словесную пальбу по кремлевской коррупции. В ту пору Ельцин уже запланировал провозгласить к исходу года новую российскую конституцию, которая упраздняла у нас в стране пост вице-президента. Зная это, Руцкой, профессиональный пилот-штурмовик, отчаялся на встречный таран.

В результате антикоррупционной речи вице-президента Генеральная прокуратура учредила Специальную комиссию, чей доклад поступил в Верховный Совет. Доклад информировал, в частности, о решении правительства летом 1992 года истратить большие деньги на закупку в Швейцарии продовольствия и медикаментов:

«Было переведено в Швейцарию на счет фирмы «Дистал лтд» 16,5 миллионов долларов. Однако на указанную сумму не поступило в Россию каких-либо товаров или иных ценностей. Местонахождение валютных средств неизвестно. Вице-президентами «Дистал лтд» являлись небезызвестные братья Якубовские – Дмитрий Олегович и Станислав Олегович».

Вот так, очевидно, эти братцы стали миллионерами. Младший Станислав был у них как бы казначеем и предпочитал всегда действовать незаметно в тени старшего. А тот командовал семейным бизнесом и налаживал выгодные связи в Москве с кремлевскими правителями. Пробивному дожиле Диме исполнилось осенью 1992 года лишь 29 лет.

Дмитрий Якубовский родился в подмосковном поселке Болшево. Его отец, военный инженер, умер, оставив овдовевшей жене трех сыновей-школьников – 16-летнего Диму, 13-летнего Стаса и 10-летнего Сашу. Осиротевшая семья, потеряв кормильца, сводила еле-еле концы с концами. С той поры пришлось старшему сыну самостоятельно добывать деньги, не имея еще его грядущей хватки. О тех днях Дмитрий Якубовский рассказывает:

- Когда мой папа, обыкновенный подполковник, умер, мама работала младшим научным сотрудником и получала 160 рублей в месяц. А на ее иждивении – я и еще двое моих младших братьев. Был период, когда я ходил на железнодорожную станцию Болшево-товарная и разгружал вагоны. Очень хорошо помню свой первый заработанный рубль...

После окончания школы Дмитрий решил идти по стопам отца и подал документы на прием в Ленинградскую военно-инженерную акаде-

мию. Но туда его не приняли. Он, как говорит теперь, «догадывался – почему»: абитуриент – «еврей».

Его догадка, впрочем, малоубедительна. Ибо отец Дмитрия был славянином, а мать хоть и еврейка, но это тем не менее нисколько не повредило ее сыну, когда она сама попросила верховное армейское начальство зачислить Диму в другой военный вуз первого разряда – Высшее военное командное училище ракетных войск в Перми.

Будущий офицер-ракетчик проучился в Перми, однако, лишь один семестр и был выгнан из института «за низкие морально-деловые качества». Такую характеристику Якубовский объясняет тем, что вроде бы позвонил в училище с неким сержантом и ударил его.

Иное объяснение с его же слов пересказал мне бывший вице-премьер российского правительства Владимир Шумейко, у которого Дмитрий служил в ранге советника в 1992 году. Вот что запомнил Шумейко:

- Однажды Якубовский признался мне, что в юности он, учась в ракетном училище, выдавал себя за внебрачного сына покойного маршала Якубовского – командующего вооруженными силами стран Варшавского пакта. Он откровенничал: «Сначала в училище я, как сын маршала, пользовался всеобщим почтением. Но потом мой обман раскрыли, и сослали меня в стройбат».

В действительности вместо стройбата его отправили заканчивать армейскую службу рядовым солдатом в полк химической защиты Уральского военного округа в городе Златоусте. И спустя полтора года демобилизовали.

Вернувшись домой, несостоявшийся ракетчик поступил во Всесоюзный юридический заочный институт. А ради заработка устроился в Москве снабженцем на побегушках в Генеральной прокуратуре. Но и оттуда его уволили через три месяца за недозволенные проделки при закупке театральные билеты для сотрудников прокуратуры.

Вслед за тем он подвизался в качестве завхоза в столичных конторах Госснаба, Главмосремонта, московской городской коллегии адвокатов, районного стройтреста, Союза адвокатов СССР. Чиновникам этих учреждений изворотливый завхоз добывал самые дефицитные блага тех лет – квартиры, автотранспорт, стройматериалы, туалетные унитазы, факсы, пишущие машинки, курортные путевки. В таком делечестве молодой Якубовский настолько преуспел, что мог бы уже вполне претендовать на сыновнее родство не с маршалом-однофамильцем, а с легендарным «великим комбинатором» Остапом Бендером.

И все же добычливый хитрила оставался мелкокалиберным до его женитьбы в середине 80-х годов на москвичке Елене Муравьевой. Ее отец был зампредом Мособлисполкома и распоряжался квартирными новостройками и обустройством загородных дач для госпартийной номенклатуры. Столь важный пост тестя Якубовского приобщил Дмитрия не толь-

ко к негласным привилегиям тогдашней элиты, но и позволил завести великосветские знакомства с кремлевской знатью.

В охраняемом анклаве правительственных дач в Балашихе молодой Дима сумел в 1986 году сблизиться с высокопоставленным семейством Анатолия Лукьянова, друга генсека ЦК КПСС. А вскоре Лукьянов стал председателем Верховного Совета СССР.

Получив доступ к главе парламента, Якубовский подружился также с зятем Лукьянова — Константином Токмаковым, крупным деятелем Мосгорисполкома и вместе с тем полковником Главного разведывательного управления Генерального штаба советской армии. Эта дружба помогла затем Якубовскому расположить к себе влиятельных офицеров секретных служб.

На исходе 1989 года и весной 1990 года Дмитрий предоставил свои организаторские услуги заместителю начальника Генштаба генералу Константину Кобецу. Генерал баллотировался тогда в народные депутаты РСФСР от подмосковного Чеховского избирательного округа.

Якубовский подготавливал для Кобеца предвыборные встречи с местными жителями, сочинял генералу рекламные речи и вызывал к ним массовый интерес, сопровождая выступления Кобеца гастрольными концертами привезенного из столицы популярного эстрадника Владимира Винокура. В итоге Кобец стал депутатом, а его помощник проник в среду московского генералитета и наивысшие сферы большой политики.

Осенью 1990 года Якубовский добился приема у министра обороны СССР маршала Дмитрия Язова. Эта встреча едва не превратила корыстного выскочку в настоящего праведника. Якубовский уже успел окончить заочно юридический институт и высказал министру обороны весьма неординарное предложение по части международного законодательства. Это не сулило самому автору каких-либо денежных барышей. Такой редкий случай надлежит отметить к чести посетителя маршала. Инициатива визитера могла бы только по-хорошему его прославить и обеспечить ему, вероятно, блестящую карьеру. Ибо он мастерски высчитал — как заполучить в оскудевшую казну нашей страны 30 миллиардов германских марок.

Якубовский растолковал безграмотному в юриспруденции престарелому министру обороны, что запланированный в ту пору вывод советских войск из Германии готовился без учета немецких правопорядков. Между тем по вердикту послевоенного Нюрнбергского процесса любая собственность в Германии, принадлежавшая прежде преступным властям фашистов, перешла навсегда во владение ее новых хозяев. И то же самое зафиксировали современные немецкие законы. А стало быть, наша армия была полноправным собственником изъятых ею у гитлеровцев сотен зданий и казарм, десятков аэродромов, оружейных мастерских и складских пакгаузов, тысяч километров кабелей коммуникаций связи из свинца, серебра и других ценных металлов. И все это, как рекомендовал Якубов-

ский, надо бы при эвакуации советских войск не бросить просто так, а продать немцам!

Маршал Язов, выслушав смышленного консультанта, поручил Якубовскому и генералу Ю.А.Беликову, замначальника штаба тыла армии, обследовать с группой военных инспекторов все имущество советских войск в Германии. Инспекция заняла десять дней и подтвердила финансовый прогноз Якубовского: стоимость нашей собственности на немецкой земле составляла 30 миллиардов марок.

Об этом Якубовский радостно сообщил в Москве своему покровителю Лукьянову. А тот – генсеку Горбачеву. Но вдруг генсек, как ни странно, пришел в ярость...

К тому времени Горбачев уже условился келейно с боннским канцлером Гельмутом Колем получить для нашей страны за вывод ее войск из Германии всего-навсего десяток, а не 30 миллиардов марок, и потратить их на закупку немецких товаров. Таким способом германцы сделали доходный гешефт за счет советской госказны. Зато Горбачев приобрел титул «почетного немца» и очень денежных друзей-иностранцев.

10 ноября 1990 года Якубовский, по его словам, полетел на персональном самолете министра Язова повторно в Германию, но на полпути был по радиоприказу из Москвы принудительно доставлен обратно. Это опроверг впоследствии Язов, утверждая, что в тот день Якубовскому вообще не позволили вылететь из столицы. Так или иначе, но запрет исходил не от Язова, а через его голову из Кремля.

И сразу же оробевший министр обороны отмежеввался от Якубовского, прервав с ним все отношения. За что тот обозвал со зла маршала «опозорившимся старым убождком».

А предрешил все фактически Горбачев. Когда к нему пришел Лукьянов и попытался защитить германскую затею Якубовского, то генсек сильно осерчал:

- Толя, ты в это дело не лезь! Я сам разберусь с этими германскими делами. А этого мудака Якубовского надо убрать куда-нибудь.

Далее Лукьянов предостерег Якубовского:

- Дмитрий, вы попали на периферию крупной политической игры. Вы должны исчезнуть, причем совершенно.

Исчезновение опального энтузиаста осуществили, впрочем, очень мягко. Якубовского отослали в Швейцарию на службу в швейцарском представительстве российского концерна «Агрохим». Такую загранкомандировку не назовешь наказанием. Но в целом сей инцидент выжиг почти наверняка в душе Якубовского последние остатки юного идеализма. Обнаруженная им даже в Кремле махровая коррупция завершила формирование тотального циника.

Спустя год удача временно улыбнулась Якубовскому после краха московского путча ГКЧП в августе 1991 года. Тогда его друг генерал Кобец примкнул к победителю Ельцину и был вознагражден постом мини-

стра обороны России. Новый министр, помня оказанные ему услуги прежнего помощника, доставил его на своем самолете из Цюриха в Москву.

Кобец сделал Якубовского руководящим сотрудником правительственного Комитета по подготовке и проведению военной реформы. Недавний изгнанник получил кабинет в «Белом доме», служебный «мерседес» с радиотелефоном и «мигалкой», госдачу КГБ и персональный пистолет «Беретта». Ну, где еще есть такая, как у нас, страна сказочных чудес?

Благодаря генералу Кобцу его проворный адъютант принялся привычно обхаживать и других новоиспеченных министров Ельцина. Вскоре министр госбезопасности Виктор Баранников изобрел для Якубовского должность «полномочного представителя правоохранительных органов». Вице-премьер Владимир Шумейко взял у Якубовского «в подарок» итальянский гарнитур квартирной мебели и зачислил дарителя в аппарат правительства «внештатным советником по юридическим вопросам».

Генеральный прокурор Валентин Степанков получил от Якубовского «взаймы» 30 тысяч долларов и произвел его в ранг «советника Генерального прокурора». Директор сверхсекретного Федерального агентства правительственной связи генерал Александр Старовойтов назначил всеобщего фаворита своим заместителем. И в завершение благодетели счастливчика преобразили его летом 1992 года из лейтенанта армейского запаса в полнодейственного полковника!

Но внезапно кремлевские чудеса обернулись для Якубовского новой бедой. Тому причиной оказались его собственные интриги. Об этом через год опубликовал интервью с ним его приятель-журналист Андрей Мальгин:

- Дмитрий, как же получилось, что ты в очередной раз оказался в опале?

- Я имел, - сказал Якубовский, - широкий круг общения, огромную информацию из разных структур и пришел к выводу, что уже летом 1992 года секретарь Совета безопасности Юрий Скоков пытался ориентировать силовые структуры на себя с тем, чтобы, перейдя в коммунистическо-фашистскую оппозицию, увести их за собой. Я стал внимательно присматриваться к кадровым назначениям Скокова и четко увидел, что он ведет свою игру. В июне 1992 года произошло сближение Скокова с Рудкиным. Это было уже опасно. Я докладывал, разумеется, о своих наблюдениях и выводах. И за это быстро поплатился...

Юрий Скоков проведal о доносах на него Якубовского и принял срочные контрмеры. Он был вхож тогда к Ельцину и принес ему показать неприемлемый, по мнению Скокова, проект распоряжения правительства о новом повышении Якубовского до статуса генерала. Проектировалось заодно избавить президента от бремени контроля над «силовыми министерствами» — армией, контрразведкой, внутренними войсками, милици-

ей. Такой подвох с прицелом как бы разоружить Ельцина возмутил его чрезвычайно. Он поведал об этом потом в своих мемуарах:

«Это было осенью 1992 года. Ко мне в кабинет вошел возбужденный Юрий Скоков. Он принес мне проект документа, на котором стояли вазы многих высших руководителей страны. Суть распоряжения заключалась в следующем. В состав правительства вводится новая должность – координатор правительства в силовых структурах. Этот координатор ставился над силовыми министерствами, контролировал их и был подотчетен только премьер-министру. В документах, которые принес Скоков, значилось, что на эту феерическую генеральскую должность назначается 29-летний молодой человек. Звали его Дмитрий Якубовский. Я понял, что мы столкнулись с крупной аферой».

Ельцин немедленно аннулировал «аферу», взгрел свирепо провинившихся министров и приказал «разобраться в этой истории, а потом доложить». Кончилось вот чем:

«Через три дня мне сообщили, что все исполнено, а испуганный Якубовский покинул пределы России. Улетел то ли в Канаду, то ли в Швейцарию».

После чего дважды изгнанник приобрел саркастическую кличку «генерал Дима».

Продолжение его похождения воспроизвожу по моей записи беседы с ним:

– Так вот, сижу я в Швейцарии, когда приезжает туда ко мне в мае 1993 года генпрокурор Степанков. И рассказывает про московские дела. Там Руцкой уже начал выдрючиваться со своими чемоданами компромата. А в Москве знали, что я очень хочу вернуться в Россию. И вот Степанков мне говорит: «Видишь, эти козлы выгнали тебя за бугор и не возвращают. А я тебя верну». Ну, я говорю: «Хорошо, согласен»...

Прерываю его повествование ради необходимой ремарки: изобличить и заклеить Якубовского – не моя задача сегодня. Это и без меня сделано стократно во множестве газет, журналов, мемуарных сочинений. В них он максимально «дьяволизирован». Так создавалась маскировка для тех в Кремле, кто использовал Якубовского в дворцовых расправах, обряжал генералом за компроматные доносы, а потом выглаткивал прочь за кордон и загнал под конец за решетку.

Не обеляя «генерала Диму», оплеванного прессой, я хотел с его помощью разоблачить поименно главных зачинщиков многомесячной «битвы компроматов» 1993 года. Ведь это они спровоцировали тогда московское кровопролитие. Безнаказанные до сих пор злодеи должны, по-моему, быть хотя бы названы ради исторической истины.

Но марионеточный соучастник «битвы компроматов» даже пять лет спустя остерегался в беседе со мной говорить напрямик о том, что могло бы и ныне аукнуться ему возмездием из Кремля. Он сказал, что его квартира, где мы беседовали, «прослушивается» спецслужбами. Его ответы на

мои вопросы были зачастую уклончивые, полуискренние и полны явных недомолвок. Это он восполнял нервной матерщиной и словечками блатного жаргона.

Мой собеседник всячески оправдывал, конечно, собственные грехи, но получалось у него не всегда правдоподобно. Однако тут я с ним не спорил: его абсолютно честное покаяние грозит ему опять тюрьмой. Поэтому верить словам Якубовского допустимо лишь с оговорками и при сопоставлении с проверенными фактами.

Итак, вернемся к его приключениям после сделанного ему приглашения Генерального прокурора Степанкова заново вернуться с чужбины в Россию:

- В июне 1993 года я прилетел в Москву. По указанию Степанкова мне дали опять охрану. И я живу здесь, радуюсь жизни. Как вдруг Степанков потребовал от меня «сдавать» президентскую команду. А это было мне совсем не по душе. Я сказал ему: «Оставьте меня в покое. Забудьте обо мне. Я буду жить тихо сам по себе». Однако через неделю Степанков ошарашил меня: «Дима, тебе надо срочно керосинить отсюда». То есть снова бежать из страны. Он не стал бы меня принуждать сперва к компромату против кого-либо, а потом гнать отсюда, если бы это зависело только от него. Но этого потребовали Руцкой и Хасбулатов.

- Почему?

- Это они захотели получить от меня компромат на президентскую команду. Они думали, что я могу все такое сотворить запросто. Считали, что я будто специалист по этой части и вообще волшебник. А Степанков сообщил им, что я не согласен снабдить их нужным компроматом. И тогда они заявили Степанкову: «Раз этот Якубовский ведет себя таким манером, то глуши его!». Степанков в своем служебном кабинете сказал мне: «Если я дал тебе гарантию твоей безопасности здесь, то приказываю ради твоего блага — улетай сегодня же из Москвы. Ты должен исчезнуть отсюда в 24 часа!». Я бросился названивать генералу Баранникову и попросил его о помощи. Поговорил с ним, но ничего изменить не удалось. И в тот же день я улетел из Москвы.

Такова из уст Якубовского драматическая или, быть может, трагическая версия его третьего изгнания из родных краев. А далее последовал жалостный монолог:

- Прилетел я снова в Швейцарию, а потом перебрался в Канаду. Сажу в Торонто. Тоскую по Москве. Как бы вернуться домой — этот вопрос у меня очень сильно обострился. На этом я почти свихнулся. Пусть это покажется вам глупым, но так я терзался в то время. Возвратиться домой — это стало у меня «идеей фикс». Об этом я беспрестанно думал. Каждый день я смотрел часами передачи московского телевидения благодаря трансляции через спутник. Смотрел все подряд — сводки новостей, фильмы, разговорные шоу. Временная разница между Торонто и Москвой — восемь часов, и я там с утра ждал ежедневно конца у вас ночи и вашего

утра, чтобы приняться за телефонные звонки всем моим московским знакомым. Мне проходили телефонные счета по шесть-восемь тысяч долларов в месяц. Волновало меня только одно — как же мне вернуться? Ради этого я был уже готов пойти на многое, на самое невероятное!

И оно возникло перед ним в июле 1993 года в неожиданном обличии известного у нас телевизионщика Андрея Караулова:

- Вдруг в Торонто свалился на меня давний кореш — Андрюша Караулов. И ставит мне условие для возвращения домой: «В Кремле надо им переманить на свою сторону таких-то деятелей». Караулов попросил меня оказать услугу президенту Ельцину.

- Какую услугу?

- Требовалось заставить Руцкого и заодно с ним Хасбулатова и Степанкова перейти на сторону президента. Но как я мог это сделать? Разве Руцкой и прочие — мои папа и мама? Или я с ними вместе по бабам ходил? На это в ответ Андрюша мне подсказал — как можно поступить. И я ему говорю: «Ладно, я готов это сделать. Но не сумею в одиночку, сидя в Канаде». Вслед за тем они предложили мне из Кремля разные комбинации...

Стоп! В описании данного эпизода Якубовский увильнул от изложения заказа ему из Кремля по подсказке Караулова. Какую «услугу президенту Ельцину» обещал он конкретно? В его словах «готов это сделать» что означало «это»?

Между тем общеизвестно, что через месяц после сговора Якубовского с Карауловым кремлевский эмиссар Ельцина генерал Александр Котенков прилетел в Торонто и получил там, как он позже признался, из рук Якубовского так называемый «траст Руцкого» — скандальный документ о якобы тайном банковском счете вице-президента в Швейцарии на три миллиона долларов.

Это событие окончательно прояснил в 1997 году Генеральный прокурор Юрий Скуратов:

«Мы живем в атмосфере постоянного компромата. Вспомним дело о трасте Руцкого. Экспертиза доказала: документ с подписью Руцкого — фальшивка. Была использована сложная система сканирования. Мы начали проверку материала и вышли на Якубовского. Начали с ним работать, но он отказался отвечать, ссылаясь на пресловутую 51-ю статью Конституции. В этой статье говорится: каждый человек имеет право не свидетельствовать против себя и своих родственников».

Если изготовитель клеветнической подделки, инкриминированной государственному деятелю, сознался бы в содеянном, то ему грозило бы пятилетнее заточение в соответствии с уголовным кодексом России. Такая опасность до сих пор потенциально существует для Якубовского. А также для его кремлевских подстрекателей.

В разговоре со мной Якубовский, умаляя свою причастность к дискредитации Руцкого, придумал сомнительный, на мой взгляд, детективный сюжет:

- История компромата на Руцкого и сторонников Хасбулатова трактуется многими извращенно. Я договорился в Кремле о том, что компромат на них используют не для публичной расправы с ними, а для того, чтобы припугнуть их и заставить помириться с президентом. Документацию компромата надлежало показать только им персонально без всякой огласки. И тем самым вынудить их восстановить дружеские отношения с президентом. Но его порученцы, работавшие со мной, имели, как потом обнаружилось, в тайне от меня иной план. Они не хотели очутиться возле президента на второстепенных ролях в том случае, если Руцкой и Хасбулатов заново воссоединятся с Ельциным. Мои кремлевские партнеры сами жаждали стать ближайшими к президенту всевластными сановниками. Поэтому им потребовалось всенародно опорочить Руцкого и приверженцев Хасбулатова. Компромат на Руцкого был лишь частью более масштабной операции.

Вопреки сценарию Якубовского о секретном шантаже Руцкого и Хасбулатова с целью их «примирения» с Ельциным эти трое в изданных уже ими книгах мемуаров описывают «битву компроматов» 1993 года как бескомпромиссное сражение у всех на виду двух группировок враждовавших политиков.

Ельцин добивался, судя по его мемуарам, отнюдь не перемирия, а сокрушительного разгрома его противников. Это подтверждают также опубликованные воспоминания главного экс-телохранителя Ельцина генерала Александра Коржакова, главы президентской администрации Сергея Филатова и друга Якубовского телевизионщика Караулова. Он, Филатов и Коржаков, как выяснил я у Якубовского, сообща подрадили его составить убойный компромат.

«Мы были поставлены в ситуацию противостояния — кто кого», — откровенничает теперь Филатов. И раскрывает свою роль: «Координация работы поручалась мне».

Назван Филатовым и его наставник по части «координации» компромата — «Борис Николаевич». Как только Караулов подбил Якубовского подготовить лжедокументацию о Руцком, телефокусник сходу доложил об этом из-за границы Филатову, а тот, по его словам, «переговорил с Борисом Николаевичем». С ним «договорились», свидетельствует Филатов, «как организовать переправку документов».

Вся дальнейшая обработка компромата от Якубовского производилась, как утверждает Филатов, по многократным распоряжениям Ельцина. Он не побрезговал услугами «генерала Димы», которого сам же изгнал за «аферу» год назад.

С одобрения Ельцина юридическая шлифовка поклепа на Руцкого и последующая огласка этого компромата были доверены по рекомендации

Филатова московскому адвокату Андрею Макарову. За это он домогался назначения его новым министром госбезопасности. Макаров, Филатов и Караулов, «интеллектуалы» президентской команды, составили мозговой центр шельмования вице-президента Руцкого.

Сергей Александрович Филатов запомнился мне льстиво-улыбчивым и шепелявым секретарем Президиума Верховного Совета России. Он был всегда приторно приветлив со всеми коллегами-депутатами, но в его сладких манерах сквозило сахаринное лицемерие.

Штат парламента официально не имел должности секретаря Президиума, но этот пост учредили специально для Филатова по ходатайству тогдашнего вице-спикера Хасбулатова, перед которым полулегальный секретарь особенно лебезил. И вдобавок занимался вместо его попечителя хлопотной бумажной канцелярщиной.

В 1991 году Хасбулатов стал председателем Верховного Совета и пристроил Филатова одним из своих заместителей. А тот возмечтал, когда начались раздоры парламента с президентом, сам возглавить Верховный Совет при поддержке Ельцина.

Однако Хасбулатов одолел коварного изменника и так его допек унижительными нападками, что слабовольный честолюбец, искусный только в подхалимаже, предпочел, спасаясь, переметнуться из «Белого дома» в Кремль. Там его пригрели на вакантном в ту пору месте руководителя президентской администрации.

Но и на новом месте было Филатову совсем неудобно, так как его очень невзлюбил за трусливую бесхарактерность полновластный надзиратель Кремля и командир охраны Ельцина генерал Коржаков. Наблизивший сподвижник президента презрительно третировал Филатова, считая его «пустоцветом», «горе-работником», «клоуном».

Коржакову было «противно» от пугливой истеричности Филатова в моменты политических кризисов:

«Он бился головой о мой стол, слезы катились градом, он плакал по-бабьи и взвизгивал».

Кремлевский генерал подыскивал какой-нибудь повод выгнать слизняка из президентской администрации.

По заданию Коржакова подчиненная ему Служба безопасности президента (СБП) установила слежку за Филатовым и подслушивала его телефонные разговоры. Полковник СБП Валерий Стрелецкий приказал своим сыщикам обнаружить — каким образом Филатов настолько разбогател, что выстроил загородную виллу стоимостью в миллион долларов.

Оказалось, что к постройке роскошной дачи причастен денежно друг Филатова — бизнесмен Рамбон Гаврилов, осужденный ранее на 10 лет тюрьмы за хищение госимущества, мошенничество и взятки. Криминальный делец, как вскрылось, имел в Израиле коммерческих компаньонов, среди которых оперировали агенты израильской разведки Моссад. Одно-

го ее заподозренного пособника, обладающего российским паспортом, принял Филатов «консультантом» в президентскую администрацию.

Кроме того расследование финансового благосостояния Филатова пополнилось милицейским рапортом о его взрослой дочери, обвиненной в перепродаже украденной ворами модной одежды.

Еще задолго до этих разоблачений Филатов почуял слежку за ним ищек Коржакова. И попытался, видимо, обыграть генерала с помощью добычи для Ельцина вождельного компромата против ненавистных соперников.

Для юридической полировки компромата Филатов, пренебрегая масштными столичными правоведами, неслучайно выбрал себе на подмогу 39-летнего адвоката Андрея Макарова. Этот стряпчий и раньше притко исполнял политические заказы Ельцина.

В ноябре 1991 года президент запретил в России коммунистическую партию, а на следующий год законность запрета была оспорена в Конституционном суде, где кремлевский представитель Макаров четыре месяца подряд беспрестанно требовал объявить компартию вне закона. Он выступал агрессивно, зло, ядовито. И небескорыстно.

Тогдашний друг Ельцина вице-премьер Михаил Полторанин хорошо запомнил шустрого адвоката:

- Макаров постоянно клянчил для себя любую номенклатурную должность. За конъюнктурность и безграничное холуйство Макаров в нашем кругу заслужил прозвище «коричневый нос».

Впервые Макаров приобрел известность в 1987 году на судебном процессе зятя покойного генсека Леонида Брежнего – генерала милиции Юрия Чурбанова, арестованного за взяточничество. На суде Макаров был адвокатом Чурбанова. А до этого Макаров, работая в министерстве внутренних дел, сочинял для своего начальника Чурбанова парадные речи.

Зять умершего генсека был приговорен к семи годам тюрьмы. За это он теперь вишит частично своего адвоката:

- Макаров работал в министерстве внутренних дел, находился под контролем и давлением, был озабочен карьерой. Я сильно сомневаюсь, что он помог мне хоть в чем-то. Не сомневаюсь, что он получал определенные инструкции в «Большом Доме».

«Большой Дом» – здание центральной резиденции КГБ на московской Лубянке. Летом 1993 года столичные газеты опубликовали информацию журналиста Марка Дейча со ссылкой на министра госбезопасности генерала Баранникова о том, что Андрей Макаров – «гомосексуалист и платный агент КГБ по кличке Татьяна».

С 1993 года Макаров был дважды депутатом Государственной Думы. Другой не менее известный депутат – тележурналист Александр Невзоров – рассказывал:

- В Госдуме есть интересные моменты. К примеру, адвокат Макаров идет по проходу зала, а кто-то из думских хулиганов кричит: «Татьяна!» И он оборачивается!

«Таня» попал в Госдуму первый раз по избирательному списку выдвиженцев «Демократического выбора России» в декабре 1993 года. А уже через месяц парламентские «демороссы» прозвали Макарова, как разгласил газетчик-демократ Михаил Гуревич, весьма колоритно — «дерьмо». Вскоре появилась в газетах наших демократов еще одна классификация адвоката-депутата: «жулик».

Даже его напарник по компроматной возне Караулов впоследствии обозвал Макарова «гадом» и изрек:

-Макаров оказался обычным карьеристом, человеком, с моей точки зрения, жалким и удивительно непорядочным.

Чем же лучше сам Караулов? В 1991 году я с ним однажды познакомился, но весьма поверхностно. Зато наслушался о нем много интересного от троих москвичей, которые никогда не общались друг с другом.

Один из них — Александр Александрович Авдееenko. Повстречались мы в 1987 году в далеком Нью-Йорке, где я работал тогда корреспондентом «Литературной газеты». А журналист Авдееenko из газеты «Советская культура» прилетел в Нью-Йорк во временном амбула пресс-атташе гастрольной труппы Большого театра.

И вот однажды позвонил мне из Москвы заведующий иностранным отделом «Литгазеты» Александр Сабов и передал крайне необычное поручение редакционного начальства — очернить эпистолярно в нашей газете американские гастроли балета Большого театра под руководством знаменитого Юрия Григоровича! Причем именно его было приказано покрепче опорочить за утрату якобы художественного мастерства.

В балете я ничего не смыслю. И никогда не сочинял пасквилей. Тем более против соотечественников в загранкомандировках. К тому же в Нью-Йорке я был дважды очевидцем жутких международных скандалов во время предыдущих балетных гастролей Большого театра. Сперва из его труппы удрал и попросил политического убежища танцор Годунов, а потом — чета супругов Козловых.

Я также знал, что труппу Григоровича лихорадят по-прежнему внутренние склоки. И потому в США предательский удар в спину нашим гастролерам со стороны советской прессы мог бы детонировать новый побег и очередное позорище.

Через несколько дней повторно позвонил из Москвы мой шеф Сабов:

- Почему не выполняете редакционный заказ?

- Считаю его ошибочным.

- Ваше дело не препираться с нами, а исполнять порученное вам. Если не желаете подписывать корреспонденцию своим именем, то наскре-

бите из нью-йоркских газет подборку критических цитат о спектаклях Григоровича.

- Чья эта идея?

- Таково приказание вам первого заместителя главного редактора Юрия Петровича Изюмова.

- Скажите ему, что нельзя этого делать.

- Отказываетесь?

- Да.

- Пожалеете!

И он так шваркнул трубку, что мне в ухо стрельнуло.

Спустя пару дней я сходил с женой на балет «Ромео и Джульетта». После спектакля нашел пресс-атташе труппы Авдеенко и предупредил о московских кознях. Затем звонили мне в корпункт Григорович и Авдеенко, высказали кучу благодарностей. Я думал, что избавил их от сильной нервозности. Но она, оказывается, продолжилась в Москве...

По возвращении из Америки домой я посетил Авдеенко в его газетной редакции на Новослободской улице. Мы чаевничали в небольшом кабинете, откуда из окна была видна улица и часть скверика во дворе. Авдеенко подвел меня к окну:

- Вот здесь, внизу, на тротуаре милиция поймала летом 1988 года именитого ныне тележурналиста Андрея Караулова.

- За что?

- Тем летом мне, члену редколлегии «Советской культуры», позволил сюда неизвестный мужчина, назвавшийся Сережей. Он сказал, что случайно осведомлен о подготовке в журнале «Огонек» статьи о балете Григоровича с критикой его лично. И предложил встретиться. А я сотрудничал творчески с Григоровичем, сопровождая часто его балет в разных загрантурне. Я ответил Сереже: «Приходите к нам в редакцию». Он возразил: «Нет, лучше в другом месте и с глазу на глаз». Тогда я назначил ему встречу у нашего здания в дворовом сквере.

- Который виден из вашего окна?

- Да. Там на скамейке молодой Сережа присел рядом со мной. Достал из кармана и показал сверстанную полосу «Огонька». В статье, помимо выпадов против Григоровича, говорилось, будто я до такой степени угождаю ему во всем, что иногда даже заменяю танцоров кордебалета и пляшу в балетных тапочках. Прочтя это, я рассмеялся. Но Сережа сказал очень серьезно: «Теперь вы предупреждены, за что должны дать мне шестьсот рублей». Я опешил. Потом решил его проучить: «Ладно, позвоните мне завтра».

Расставшись с вымогателем, Авдеенко рассказал все ответственному секретарю своей редакции и позвонил Григоровичу. А тот – в угрозыск на Петровку. Туда пригласили Авдеенко и спланировали задержать Сережу на завтрашней встрече. Однако посетовали, что у них лишних денег нет, а

значит придется журналисту раскошелиться на неопределенный срок, так как его шесть сотен превратятся отныне и до суда в вещественную улику.

Авдеенко заколебался: жалко лишаться надолго двух зарплат! Его утешили:

- Обойдемся без денег. Как схватим голубчика, он быстро расколет-ся.

Под вечер следующего дня Сережа пришел в пять часов на условленную встречу с Авдеенко и был задержан милиционерами. Авдеенко изумился:

- У него было служебное удостоверение литсотрудника «Огонька» Андрея Караулова! Повезли его в отделение милиции и составили протокол. Но попался твердый орешек: он отрицал вымогательство взятки да еще крикливо возмущался. Милиционеры сплеховали, отказавшись от денежной улики. Они посетили редакцию «Огонька», но затем закрыли дело из-за отсутствия доказательства преступления. Успокоить меня позвонил заместитель главного редактора «Огонька» Лев Гущин: «Саша, у нас никто не сомневается, что Караулов сделал это». В итоге Караулова уволили из журнала. Грязная история обсуждалась в ту пору широко в журналистских кругах...

Спустя восемь лет Караулов постарался запоздало самооправдаться в его автобиографической книжке с кокетливым названием «Плохой мальчик». Автор признал его поимку, но заново отрицал вымогательство взятки. И уверял, что Авдеенко первый ему позвонил, заманил на уличное свидание и подстроил милицейскую засаду. Караулов намекал, что Авдеенко был вроде бы связан с КГБ. Матерый «плохой мальчик» уповал по старому на отсутствие уголовных улик.

Тем не менее его книжка содержит незаметно для самого сочинителя ключ к разоблачению Караулова: он пишет о бывшем вице-премьере Шумейко и своем «приятеле Дэвиде Ремнике», работавшем в Москве корреспондентом газеты «Вашингтон пост». Оба они, разделенные ныне двумя океанами, порознь вспоминают Караулова на удивление одинаково.

В 1991 году американец Дэвид Ремник поведал в первом выпуске его двухтомных мемуаров о странностях одного своего московского коллеги из «Независимой газеты»:

«Вскоре после возникновения «Независимой газеты» я пошел в ее редакцию в сопровождении Караулова. Пока мы шагали по слякотным улицам возле здания КГБ на Лубянке, Караулов попытался продать мне – буквально продать – некие документы о бредовой шпионской истории, связанной с Большим театром. Я отверг «подсказку» Караулова о Большом театре и разъяснил правило нашей газеты – не оплачивать информацию. Он изумился, обиделся и сказал: «Вы должны мне по крайней мере за то, что без меня никогда не отыскиали бы помещение газеты». Укром-

ная дверь в редакцию «Независимой газеты» была во дворе неприметного дома неподалеку от Лубянской площади».

Через две страницы Ремник описывает редакцию «Независимой газеты» и главного редактора Виталия Третьякова:

«Руководители газеты отлично знали, что их репортеры неопытны и небрежны по части достоверности и объективности. Их репортажи часто пересказывали слухи без всякой проверки. Ведущие редакторы требовали часто улучшить репортажи и переделаты, но редко браковали окончательно. Единственная статья, которую Третьяков забраковал категорически, была той самой вздорной чепухой о КГБ и Большом театре, которую пытался сбить мне Караулов».

Подобный казус припомнил в разговоре со мной бывший вице-премьер российского правительства Владимир Шумейко:

- Я знаю, что Караулов денежно непорядочный человек. Однажды в 1992 году его приятель Дмитрий Якубовский, работавший у меня внештатным сотрудником, сказал мне: «Вы очень заметная фигура, вам надо почаще появляться на телеэкранах. Мой закадычный друг Андрей Караулов ведет популярную телепередачу «Момент истины». Нужно бы организовать вашу телебеседу с Карауловым». Но я не проявил к этому большого интереса. И тогда Якубовский меня просветил: «Вы не осознаете публичной значимости передачи Караулова. К нему стремятся попасть в «Момент истины» очень важные люди. Ради этого многие из них платят Караулову по 20 тысяч долларов каждый». Я ответил, что не стану платить даже рубля. Однако Якубовский настаивал: «Вам я устрою все бесплатно. Договорюсь о вас с Андреем». И действительно, я был позже бесplatно приглашен на телесъемку с Карауловым.

В сентябре 1997 года руководство Всероссийского государственного телевидения ликвидировало карауловский «Момент истины». Заместитель председателя гостелевидения Михаил Лесин заявил:

«Караулов получал финансовые потоки, прибыли от «Момента истины».

Газеты растиражировали накопившиеся претензии телена начальства к Караулову: «Михаил Лесин обвинил его во взяточничестве», «участники программы Караулова платили за появление в ней», «тележурналист берет деньги с героев своих интервью».

Взбешенный Караулов огрызнулся тоже с газетных страниц:

«Давайте разберемся: кто меня обвиняет во взятках? На телевидении процветает воровство. Формирование сетки телевидения напоминает бандитские сходки».

Но «разобраться» в этом телебоссы, конечно, не захотели. Скандал замяли. Караулов перешел с гостелевидения на частные телеканалы. Смрадную трещину долголетнего гнояника быстренько заштопали.

Игнорировали также промелькнувшее в московской пресс заявление студенческого однокашника Караулова — литератора Бориса Петрова. Он

назвал телевизионщика «добровольным стукачом». Это не было, впрочем, поразительной сенсацией.

Сам Караулов в книжной автобиографии сетует, что еще в бытность его репортерства для «Независимой газеты» сослуживцы заподозрили «гадость» — «версию, не из КГБ ли я сам».

Эта «версия», сожалеет он, досаждала ему со студенческих лет в ГИТИСе — Государственном институте театрального искусства. Там в 1980 году распространяли меж студентов подпольные политические листовки, о чем прознали в КГБ и принялись таскать на допросы сокурсников Караулова. Позвали и его в кабинет декана на памятную ему встречу с контрразведчиком по имени Владимир Александрович.

Чекист с улыбочкой предложил студенту стул, но запер дверь на ключ. Дальнейшее запомнил юный Караулов на всю жизнь:

«От страха со мной чуть было не произошло то самое, что и бывает обычно от страха. Дурной воздух распирал живот. И то самое место, на котором я сидел...

— Простите, товарищ, а в туалет можно выйти? Это близко, соседняя дверь.

Возвращаюсь.

— Все в порядке? А ты, Андрей, не хотел ли работать в Комитете государственной безопасности?

Я открыл рот. Ни фиги, да?

— А в КГБ и театроведы нужны?

— Ладно, — встал Владимир Александрович. — Поехали.

— Домой? — удивился я.

— Нет. На площадь Дзержинского...

Допросы на Лубянке оформлялись, как правило, в виде письма с раскаянием».

Таким манером допросили и «оформили» нескольких студентов, включая сокурсника Караулова — Бориса Кагарлицкого. Его выгнали из ГИТИСа. А вот Караулов благополучно получил выпускной диплом.

Через два года Кагарлицкого заново допрашивали в КГБ, судили и отправили в тюрьму на 13 месяцев за издание альманаха самиздата и участие в крамольной группе «молодых социалистов». Теперешний сотрудник Российской академии наук и политолог Борис Юльевич Кагарлицкий рассказал мне о его предтюремных допросах в КГБ в 1982 году:

— На следствии мне предъявили улику антисоветской деятельности — письменное заявление Караулова о моей зловредной агитации и распространении мною самиздата. Его заявление было датировано 1980 годом и фигурировало в КГБ на второй странице повторного дела против меня. Это дело, как полагаю, сохранилось до сих пор в архивах российской службы безопасности. Вообще же Караулов работал с КГБ очень плотно не только в деле относительно меня.

На сей счет Кагарлицкий впервые высказался в московской прессе еще осенью 1991 года:

«Основанием для начала следствия против меня и других наших товарищей в 1982 году был донос Андрея Караулова».

Тогда же Караулов пригрозил: «Я подаю на Кагарлицкого в суд». Но это был лишь блеф. А пять лет спустя Караулов в своей книжке наконец-то отомстил Кагарлицкому, обвинив его самого в доносителстве. Но Караулов ломился в открытые двери: Кагарлицкий уже в 1991 году публично признался, что дал на допросах в КГБ показания об однопдельцах. В отличие от него бесстыжий Караулов, видать, морально, не исправим.

«Плохой мальчик» родился, как и «генерал Дима», в подмосковном Болшево, где они учились в одной школе. Но не только подростковая дружба сроднила их. Знакомый с обоими бывший вице-премьер Шумейко говорит сегодня:

- Меня не удивляет то, что Караулов оказался стукачом. Что же касается Якубовского, то в 1992 году его опекал больше других министров и продвигал по службе руководитель госбезопасности генерал Баранников. Я тогда догадался, что Якубовский сотрудничал неким образом с системой КГБ.

По моим сведениям от офицеров российских спецслужб, Якубовский не был, однако, кадровым сотрудником, а числился как бы «кооптированным помощником». За абсолютную достоверность этого не ручаюсь.

Летом 1993 года газета «Нью-Йорк таймс» назвала Якубовского «живущим благополучно в Канаде таинственным экс-сотрудником КГБ». Приставка «экс» могла иметь двоякое толкование: либо Лубянка отвернулась от Якубовского или он сам вышел из подчинения ей по причине практического развала КГБ. То же самое произошло, возможно, и с явившимся к нему в Торонто «корешем» Карауловым.

Их сделка о компромате в июле 1993 года имела, как сказал мне Якубовский, такое продолжение:

- В Кремле поначалу не хотели, чтобы я занимался их затеей в Москве. А в этой затее главным был Коржаков. При нем Филатов играл подсобную роль: принеси, подай, пошел вон. Мне предложили съехаться с их людьми на Кипре и там все проверить.

- Почему на Кипре?

- Они мне передали, что на Кипре есть у Коржакова крепкие связи. Туда они планировали прислать заместителя Коржакова – Борю Просвирина, полковника из охраны президента. Просвирин впоследствии мне рассказал, что он много времени спустя проведаль о заговоре его хозяев: они хотели, чтобы я с его участием выполнил на Кипре их поручение, а затем они задумали нас обоих там же е...нуть! Когда об этом Боря мне рассказывал, то даже прослезился: тебя-то, понятно, мол, зачем решили замочить, но меня-то, бля, за что?

Московская газета «Дуэль» напечатала 11 июня 2002 года статью под крупным черным заголовком: «КАРАУЛОВ, ТЫ ПОДЛЕЦ!». С этим я полностью согласен.

Слезно-матерные реминисценции кремлевского полковника выглядят в пересказе Якубовского на первый взгляд фантазерством. Но такому впечатлению противоречат недавние откровения Караулова. А он прежде вплотную взаимодействовал с генералом Коржаковым. После разрыва Ельцина с его телохранителем летом 1996 года и последующей вражды между ними Караулов отважился наконец-то объявить в московской прессе:

- Я подозреваю, что у Коржакова руки в крови. Подозреваю, что его служба убивала людей. Я предполагаю: коржаковская служба и ее подчиненные нередко использовали киллеров из числа уголовников... И ведь об этом ходили слухи!

Такие слухи особенно будоражили Москву и даже публиковались газетами весной 1996 года. Тогда генерал Коржаков секретно добивался отсрочки июньских перевыборов президента и нуждался ради этого в подходящем поводе, который вдруг возник: кто-то принялся взрывать столичные троллейбусы и автобусы, провоцируя высшие власти провозгласить вместо выборов чрезвычайное положение. Загадочных террористов не поймали. И всерьез не разыскивали.

Весной того же года финансист Борис Федоров, распорядитель подконтрольного Коржакову денежного фонда, оказался растратчиком и не смог по приказу генерала вручить ему многомиллионную мзду. Вслед за тем на улице в центре столицы неизвестный поныне убийца прострелил Федорову живот и искромсал его кинжалом. Стрельбу и резню наблюдали почему-то хладнокровно несколько милиционеров. И позволили убийце преспокойно удалиться. Выживший чудом коммерсант обвинил в устроительстве покушения на него генерала Коржакова.

Скандално известный мультимиллионер и политикан Борис Березовский тоже обвиняет Коржакова в использовании наемных убийц. Доверия к Березовскому, впрочем, почти нет. Сам Коржаков уверяет, что Березовский попросил его однажды в Кремле убить другого московского миллионера — Владимира Гусинского. И хотя у Березовского очень дурная репутация, тем не менее никто не отрицает его незаурядного ума и выдающихся познаний. Так почему же чертовски умный и всеведущий богатей обратился с заказом на убийство именно к генералу Коржакову?

Избежав западни на Кипре, везунчик Якубовский упрямо торговался с кремлевскими компроматчиками:

- Насчет поездки на Кипр я им ответил: «Нет, такого не будет, возвращайте меня в Москву или катитесь в жопу!». В конце концов Коржаков и Филатов передали мне: раз ты настаиваешь, то давай, прилетай в Москву, а мы пришьем за тобой наш самолет. В итоге я согласился: присылайте ваш самолет.

Но сперва обитатель Торонто долетел сам на рейсовом лайнере до Цюриха, а туда отправили за ним из Москвы спецкомфортный Ту-134 из президентского авиаотряда.

- И вот летим в Москву на кремлевском Ту-134 целой компанией – я, Караулов, Макаров, Просвирин, да еще Ильюшенко, начальник контрольного управления администрации президента. Это было 23 июля 1993 года. Сели на правительственном аэродроме во Внуково. Шел дождь. Спускаемся по трапу и видим у него несколько «членовозов». Боря Просвирин узнал машины из президентского автокортежа. И говорит мне: «Смотри, какая тебе честь! Сам президент встречает». Но Боря обманулся. Президент не приехал. Он в те дни, как выяснилось, завершал свой отпуск на Валдае. Вместо него встречал меня генерал Барсуков, комендант охраны Кремля. Ему поручили опекать меня и ходить вокруг гостя. Мы расселись по «членовозам» и поехали в Кремль. Там меня поселили во дворце возле Боровицких ворот. Предоставили мне резиденцию для самых почетных гостей. В ней побывала раньше Маргарет Тэтчер.

- Что вы делали в Кремле?

- Генерал Котенков таскал мне в Кремль кипы документов с подписями Руцкого, Хасбулатова и связанных с ними политиков. Так продолжалось четыре дня. Барсуков обслуживал меня и рапортовал ежедневно Коржакову, который приходил во дворец, где я жил. Барсуков твердил мне все время: Борис Николаевич распорядился сделать так-то, он заинтересован в таком-то документе, заказал заняться таким-то недругом. В моей работе с документами я руководствовался в Кремле переданными мне пожеланиями Ельцина.

- По сути Ельцин дирижировал вашими делами?

- Конечно. Барсуков, Коржаков, Филатов не могли действовать без инструкций Ельцина.

- Как вас отблагодарили?

- Когда я закончил свою работу в Кремле, то мои менторы проверили сделанное мною у их экспертов и бросились целовать меня. Ну, тут я спросил их: что мне с этого будет? Они говорят: а что ты хочешь? Если хочешь – станешь заместителем министра МВД или ФСБ. Я спросил: «Раз работа окончена, то чем мне завтра заняться?». Они сказали: «Об этом завтра и подумаем».

Однако его «работа» еще не была целиком исполнена. Заготовки фальсифицированных документов еще не имели на них подписей жертв компромата. Для этого требовалась суперсовременная лаборатория электронно-лазерного сканирования – неразличимого переноса образца подлинной подписи на бумагу с поддельным текстом.

Такой аппаратуры сканирования в Кремле не было. И там опасались доверить сканирование помимо Якубовского кому-либо в Москве даже в недрах бывшего КГБ, пострадавшего от кремлевских чисток и расчленения на четыре куские министерства. Последний штрих компромата поручили его изготовителю смастерить за рубежом.

Сейчас Якубовский считает себя обманутым в Кремле:

- На следующий день после окончания моей работы в Кремле меня обжулили. Соврали, будто Руцкой и Хасбулатов пронюхали о моем кремлевском житье и могут уже арестовать меня за нелегальный переход государственной границы. А я этому поверил. Мне сказали: «Тебе надо немедленно уезжать из России». Страдая меня, они организовали мое бегство из Москвы на юг страны и потом в Армению. Сопровождал меня Котенков. С ним я улетел из Еревана опять в Торонто. Меня попросту выперли. Теперь считаю, что в Кремле я с Барсуковым и Коржаковым занимался для себя лично ху...ней.

Но зря обижается так сильно. Он тоже вел с кремлевской челядью Ельцина двойную игру. Доказательство тому — показанный в Канаде по телевидению ~~один фильм~~ документальный фильм «Досье Якубовского».

Полный пересказ фильма был бы слишком долг. Поэтому ограничусь лишь выдержками из речевого текста телефильма и тирадами только трех канадских персонажей: Патриция Чью — тележурналистка, Мендел Грин — юрист по иммиграционным делам, Селин Боудриас — пресс-секретарь Каданской службы безопасности и разведки (КСИС). Цитирую их высказывания в моем переводе с английского языка на русский:

«Патриция Чью:

- Осенью 1992 года Якубовского побудили покинуть Россию. Он и его четвертая жена, беременная в то время, бежали в Цюрих, пользуясь фальшивыми именами. Они прибыли далее в Канаду, но не с пустыми руками. Мы обнаружили, что вслед за ними поступили для них четыре миллиона долларов из некоего оффшорного банка через Швейцарию в Королевский банк Торонто. В кварталах русскоязычной общины Торонто чета Якубовских со свитой прогулялись по магазинам, не скупясь на всяческие покупки. Лишь в одном ювелирном магазине они уплатили за драгоценности четверть миллиона долларов. Родственники и приближенные Якубовского являются в Торонто владельцами апартаментов стоимостью свыше семи миллионов долларов и пользуются автомобилями, стоящими сто тысяч долларов. Однако Якубовский все еще не имел официальных прав постоянного иммигранта в Канаде. Такие права получить очень сложно тому, кто может контактировать с иностранной разведывательной службой. Поэтому Якубовский обратился к такому юристу по делам иммиграции, у которого, как считают, наилучшие связи в Канаде с нужными людьми. Это Мендел Грин. Он получил, впрочем, инструкции ничего не говорить о Якубовском. Но признает, что проверка иммигрантов из России бывает иногда очень суровой.

Мендел Грин:

- Стандартный опрос иммигранта сводится к тому, что он должен, как правило, подтвердить документами описанный им способ приобретения его капиталов. Если у вас есть деньги, но нет соответствующих документов, то для вас Канада закрыта. Случается и второй опрос сотрудни-

ками Канадской службы безопасности и разведки или офицерами полиции. Они обследуют прошлую жизнь человека в криминальном аспекте. А если он хоть как-то связан с любыми акциями зарубежных правительств или КГБ, либо с полицейскими службами, то подлежит допросу еще раз нашими специалистами по безопасности и разведке. Мы действуем очень бдительно.

Патриция Чью:

- Но никакие допросы разведчиков КСИС не подорвали стиль жизни Якубовского. Он стал канадским полноправным иммигрантом. Тем временем в России консерваторы во главе с вице-президентом Александром Руцким принялись агрессивно обвинять в коррупции людей Ельцина. Когда русские начали поддерживать Руцкого, Ельцин решил контратаковать. Команда Ельцина вновь вызвала Якубовского в Кремль. Его доставил в Москву президентский авиалайнер. Якубовского привезли в Кремль. Теперь его мишенями оказались консерваторы. Ошеломительное предположение об утайке Руцким трех миллионов долларов в швейцарском банке сразило вице-президента. Как сказал нам помогавший президенту Михаил Полторанин, кремлевский гость из Торонто совершил то, для чего был нанят. И возвратился в Канаду... А сейчас вы видите на телеэкране автомобиль, который регулярно паркуют возле особняка Якубовского в Торонто. Эта машина зарегистрирована как собственность Канадской службы безопасности и разведки. Но департамент КСИС в Торонто отказывается подтвердить или опровергнуть какие-либо связи с Якубовским.

Селин Бодриас из КСИС:

- Я не могу раскрыть вам специфику наших оперативных интересов.

Патриция Чью:

- Несколько источников информации здесь и в Москве полагают, что взаимосвязи КСИС и Якубовского продолжаются, а фактически он – осведомитель КСИС. Если это правда, то тогда объяснима экстраординарность непробиваемого молчания наших официальных лиц о жизни Якубовского тут, в Канаде. Все знающие об этом министры правительства отказались дать нам интервью. Якубовский оставил здесь массу безответных вопросов о роли наших властей в опеке человека, обвиненного в грязных трюках против врагов Бориса Ельцина».

Сам Якубовский обеспокоенно признал летом 1993 года, что его заподозрили в агентурной работе на разведку Канады два московских министра – шеф госбезопасности Виктор Баранников и тогдашний директор Службы внешней разведки Евгений Примаков.

10 июля 1993 года Якубовский позвонил из Торонто в Москву дружившему ранее с ним Генеральному прокурору Степанкову и взволнованно оправдывался, как обычно, матерно сквернословя:

- Написал какую-то х...ию этот, бл...дь, коротышка Примаков. Он пишет, что я канадский шпион, что само по себе уже смешно.

Степанков ответил уклончиво:

- Там дыма без огня не бывает. Поэтому ты думай, если оттуда пишут.

Вскоре Якубовский позвонил тоже из Торонто в московскую редакцию газеты «Известия» и опять пожаловался:

- Виктор Баранников стал распространять обо мне слухи, что я агент канадской разведки. Даже Шумейко в это, кажется, поверил. Но в Канаде и разведки-то толком нет, страна такая.

И впрямь, разведслужба Канады – малочисленная организация: КСИС имеет 2300 кадровых сотрудников. Ее годовой бюджет также сравнительно скромный – 200 миллионов долларов. Невелика и заграничная агентура. Посему КСИС оперирует часто за кордоном сообща с американским ЦРУ и израильской разведкой Моссад, делясь с ними завербованными иностранцами.

В моей жизни газетчика-международника я провел немало лет в разных странах и повстречался в силу своей профессии со множеством шпионов. Среди них – израильский разведчик Ари Бен-Менаше. Ныне он уже покончил со шпионажем и занимается бизнесом в Канаде. По его рассказам, Моссад издавна взаимодействует с канадцами и располагает у них сетью подставных фирм, через которые снабжает деньгами и оружием зарубежную агентуру Израиля.

В прошлом Бен-Менаше, орудуя в мусульманских государствах, имел добытый Моссад канадский паспорт на имя канадского торговца Уильяма Грейса. Канадские паспорта – традиционная «крыша» лазутчиков Моссад. В 1997 году арестовали в Иордании имевших канадские паспорта двух боевиков Моссад, пытавшихся убить там лидера палестинских террористов.

В России у Моссад есть для вербовки пособников такие широчайшие возможности, какими не обладают ни мощное ЦРУ, ни тем паче слабая КСИС. Поэтому они нередко действуют здесь объединенно.

Примечательный факт разболтал Якубовский, переместившись поспешно из Кремля в свой канадский особняк. Там он рассказал навестившему его сочинителю детективов Эдуарду Тополю об авантюрном финале побега кремлевского постояльца:

- Из Еревана я позвонил брату Стасу, чтобы он заказал для меня самолет. Он так и сделал. Но происходят чудеса – вдруг турки не разрешают чартерному рейсу компании «Свисэйр» пролет над своей территорией. Какие, в п..., могут у турков быть претензии к Швейцарии? Я думаю, у советской разведки в Турции крепкие позиции. Я снова звоню Стасу: так твою мать, что делать? А у нас есть приятель в Израиле. Он генерал. Стас с ним связался. Тот говорит: нет проблем. Или самолет без опознавательных знаков в Ереван, или подводная лодка в Батуми – ближайший порт... А как насчет ПВО? Я опять звоню брату, он – снова в Израиль. Там согласны лететь, но риск 25 процентов – могут сбить. Я звоню в Канаду.

Сказал, чтобы искали маршрут не через Турцию. Нашли такой самолет в Арабских Эмиратах. За 60 тысяч долларов заказали рейс Дубай-Ереван-Цюрих. Самолет без опознавательных знаков забываем, подводную лодку тоже. А что делать? Жопа дороже.

В Израиле существует лишь одно, пожалуй, госведомство, чьи генералы распоряжаются самолетами без опознавательных знаков и подводными лодками для потайных рейдов через чужие границы. Но с какой стати генерал такого сорта был готов, невзирая на смертельный риск, стать спасителем нашего «генерала Димы»?

Это знает все досконально главный благодетель Якубовского – гражданин Израиля и Канады по имени Борис Бирштейн, выходец из некогда советской Прибалтики. Он выдает себя за респектабельного предпринимателя. Он пестовал Якубовского с 1991 года, звал его ласково «Димулей», помог ему на Западе быстро обогатиться. Он выхлопотал для Якубовского вид на жительство в Канаде. И он же изначально подстрекал Якубовского на изготовление кремлевских компроматов. Знакомый с ним бывший вице-премьер Владимир Шумейко сообщил мне о том, что Бирштейн – офицер Моссад. О чем известно теперь многим в Москве.

Московская «битва компроматов», выходит, имела в 1993 году иностранное закулисье. Оттуда, словно в кукольном театре, смогли манипулировать у нас и президентом, и его сообщниками, и его соперниками. Напрашивается вопрос – зачем?

В ПАУТИНЕ ШАНТАЖА

Дача, сауна, водка, закуска – таков был хмельной антураж самых судьбоносных для России решений Бориса Ельцина и его царедворцев до тех пор, пока хронические запой президента не сделали из него полубольничного инвалида. До этого шесть лет подряд важнейшие государственные новшества зарождались не в Кремле, а в банной парилке с выпивкой на дачах Ельцина сперва в подмосковном Архангельском и затем в Барвихе.

Там в дачной бане у Ельцина до его разрыва с Хасбулатовым они вместе парились и заодно вершили парламентские дела. Там напивался до рвоты ближайший наперсник Ельцина государственный секретарь Геннадий Бурбулис. Там в бане стал любимцем президента его министр госбезопасности Виктор Баранников.

Острословный Хасбулатов комментировал дружбу Ельцина с Баранниковым весьма прозанчески:

- В бане Баранников старательно моет спину Ельцину.

Посещал президент по-соседски и дачу своего банного мойщика. А тот тоже усвоил дачный ритуал деловых посиделок с нужными ему персонами. Среди них Баранников пригласил однажды в начале лета 1993 года победать у него на свежем воздухе вице-премьера Владимира Шумейко. Гость запомнил и описал мне ту загородную трапезу:

- Баранников на своей даче познакомил меня с другим гостем – зарубежным дельцом Борисом Бириштейном. Во время обеда меня изумило то, как хозяин и его жена суетливо ублажали Бириштейна. Это выглядело странно: генерал армии Баранников, фаворит президента и очень влиятельный человек в Кремле, обхаживал подобострастно какого-то толстенького торгаша и эмигранта. Бириштейн держался очень важно. Он подсел за стол ко мне и перешел напрямик к его бизнесу. Стал интересоваться: не могу ли я, будучи первым вице-премьером правительства, устроить ему вывоз за границу крупных грузов российских металлов. Я спросил – для чего? Он сказал: «Мы будем продавать на Западе русский металл, а вам откроем секретный счет в зарубежном банке и переведем туда для вас солидные деньги».

- Что же вы ответили ему?

- Ответил, что я на моей должности не ведаю экспортом металлов. И отсел от него. Потом отшел в сторону Баранникова и спросил: «Что означает, Виктор Палыч, этот разговор со мной твоего приятеля Бириштейна?». Баранников принялся меня успокаивать: «Бириштейну можно доверять. Он

обслуживает нашу заграничную разведку. Ты должен понять, что у нас существуют за рубежом агентурные «крыши» — фирмы, где действуют наши разведчики под видом фирмачей. Это обычная практика — внебюджетное финансирование спецслужб. Фирма Бириштейна — «крыша» нашей разведки. Вместе с тем он сумел проникнуть в израильскую разведку и стал полковником Моссад. Но работает на нас. Поэтому не беспокойся».

— И вы успокоились?

— Нет. Я сказал Баранникову: «Ваши «крыши» — не моя забота. Почему этот тип навязывает мне деньги на секретном счете в закордонном банке?». Баранников ответил: «А чем это тебе плохо? У тебя появится за бугром банковский счет, куда будут ежегодно набегать примерно два миллиона долларов». Я возразил: «Ну, все, давай прекратим этот разговор.» И сразу же уехал.

Конец дачной истории удивил Шумейко вдвойне:

— На следующий день я пришел к премьер-министру Черномырдину и рассказал ему все о сделанном мне предложении Бириштейна и Баранникова. Однако Виктор Степанович заявил: «Я просто не верю этому». Я настаивал: «Это правда». Но Черномырдин отмахнулся.

Поведение премьер-министра объяснимо, пожалуй, только теперь задним числом. Сейчас уже общеизвестно, что окружавшие Черномырдина высшие чиновники правительства погрязли во взятках. Хапали они по крупному и предпочтительно в валюте. А рыба, как говорится, гниет с головы.

Через полгода после отставки Черномырдина газета «Нью-Йорк таймс» разгласила в ноябре 1998 года засекреченные ранее сведения о нем в правительстве США и washingtonской штаб-квартире ЦРУ:

«Несколько высокопоставленных сотрудников правительства подтвердили в интервью с ними, что они получали неоднократно донесения ЦРУ о признаках продажности Черномырдина. В 1995 году ЦРУ обнаружило окончательное доказательство личной коррумпированности российского премьер-министра Виктора Черномырдина. Например, ЦРУ разузнало, что один видный бизнесмен из Германии уплатил миллион долларов только за его обсуждение с Черномырдиным сделок этого немца в России».

Был у Черномырдина, вероятно, и другой веский довод «отмахнуться» от сообщения Шумейко о Бириштейне и генерале Баранникове. Спустя восемь месяцев Бириштейн публично оповестил, что встречался с Черномырдиным дважды — 22 мая и 6 июня 1993 года.

Причем первая встреча с премьером состоялась, по словам дельца-шпиона, на даче Баранникова с участием президента Ельцина! Это засвидетельствовал позже побывавший на том дачном сборище президентский охранник генерал Коржаков.

Обо всем этом Бириштейн дал пространное интервью канадской газете «Глоб энд мейл». Он заявил, что вместе с Баранниковым беседовал с

президентом России «целый день» 22 мая и высказал Ельцину свои рекомендации относительно политического кризиса в Москве весной 1993 года. И вроде бы Ельцин столь дружелюбно воспринял советы Бирштейна, что «попросил и далее посредничать» в столичной политике и даже стал называть за просто «Борисом» иностранного тезку:

«Ельцин был настроен очень позитивно и сказал мне: «Ты знаешь, Борис, я думаю, что ты рассуждаешь правильно».

После сей дачной беседы кремлевская пресс-служба Ельцина целый год отказывалась в ответ на запросы журналистов удостоверить или опровергнуть откровения Бирштейна.

Лишь в мае 1994 года Ельцин счел возможным в его мемуарах «Записки президента» признать факт своего общения с «магнатом» Бирштейном. Но Ельцин возложил вину на Баранникова за якобы навязанное им «это не слишком приятное знакомство», которое навяло мемуаристу «плохие мысли».

Однако президент отмежевался от Бирштейна весной 1994 года слишком поздно и явно вынужденно. Ибо еще 28 июля 1993 года газета «Известия» впервые в российской прессе напечатала: «За Бирштейном идет слава двойного агента – израильской разведки и КГБ».

То же самое прозвучало о Бирштейне 16 октября 1993 года на телеканале «Останкино». А потом и тогдашний друг президента Олег Попцов, директор второго канала гостелевидения, высказался аналогично: «Бирштейн – агент двух, а возможно, и трех зарубежных спецслужб».

Но раньше об этом молчали у нас все, включая наиболее осведомленную правящую верхушку. Почему? А потому, очевидно, что двойной либо тройной агент завлек в свою паутину взяточного бизнеса множество падких на доллары или слишком доверчивых недотеп из нашей элиты. Бирштейн чуть ли не первым среди эмигрантов из СССР прибыл вспять сюда в середине 80-х годов скупать по дешевке тут сырьевую продукцию и полуфабрикаты для прибыльной продажи на Западе.

В годы горбачевской «перестройки» Бирштейн пользовался в Москве покровительством вице-президента Геннадия Янаева. Благодаря ему верткий перекупщик оформлял свои экспортные операции с министерством внешней торговли и руководством советской экономики.

Бирштейн безошибочно знал – чем можно соблазнить чиновных хозяйственников. Ради быстрой транспортировки за рубеж приобретенных им здесь химических удобрений Бирштейн, к примеру, подрядил сына заместителя начальника Октябрьской железной дороги Николая Аксененко. Сделка обеспечила прибыль Бирштейну за счет убытков неопытных поставщиков химикалий. Тем не менее при президентстве Ельцина железнодорожник Аксененко стал министром путей сообщения, а затем заместителем премьер-министра.

Аскар Акаев, президент Киргизии, до сих пор сожалеет, что общался с Бирштейном и доверил ему в 1991 году возглавить правительственный

комитет по реконструкции экономики республики. Вместо обещанной реконструкции Бириштейн многократно увозил из Бишкека на собственном самолете мешки с добытым киргизами золотоносным песком. Из него отсеивали в Швейцарии чистое золото и переплавляли в слитки. В итоге казна небогатой республики лишилась двух миллионов долларов, изъятых Бириштейном. Он вовлек в аферу премьер-министра Киргизии и сына знаменитого писателя-киргиза Ченгиза Айтматова, служившего российским послом в Люксембурге.

В Молдавии вездесущий Бириштейн в 1991 году назначил главой тамошнего филиала его фирмы зятя молдавского президента Мирчи Снегура. Сам же Бириштейн стал президентским советником по экономике. Он приобрел в Кишиневе наилучшую гостиницу и пытался заставить местные власти продать за бесценок его подставным партнерам заводской комбинат по производству табака. Президент содействовал махинатору, ибо тот спонсировал Снегура большими деньгами и потом шантажировал должника. Лишь потеря Снегуром поста президента спасла молдаван от грабительской закупки компаньонами Бириштейна за 12 миллионов долларов такого табачного производства, чья стоимость при условии честной оценки составляет 200 миллионов долларов.

Спекулянт наладил в Москве деловые связи не только с чиновничеством. В 1989 году он заключил контракт с Аллой Пугачевой о подготовке зарубежных гастролей примадонны советской эстрады. Тогда же академик Георгий Арбатов, директор Института США и Канады, возглавил созданный под крышей его института филиал фирмы Бириштейна. Прославленная певица и широко известный академик помогли Бириштейну прикинуться респектабельным меценатом искусства и науки.

Осенью 1996 года в Женеве был арестован заподозренный во многих преступлениях москвич Сергей Михайлов, создавший, как обнаружила швейцарская прокуратура, фирму «МАН Интернэшнл» совместно с Борисом Бириштейном, жителем Цюриха. Михайлов по клике «Михась» разыскивался Интерполом с целью пресечь вылазки в Западную Европу российских гангстеров так называемой «солнцевской группировки» – самой мощной банды московской мафии. Ее главарем считали Михайлова. Когда он сидел под арестом в Женеве, оттуда корреспондент Российского информационного агентства телеграфировал:

«Имеются доказательства того, что солнцевская группировка обеспечивала защиту в Москве интересов компании Бориса Бириштейна, а он предоставил Михайлову льготный заем на 150 миллионов долларов».

Но как такие бешеные деньги заимел очень быстро полунищий поначалу эмигрант из СССР? Каким чудом агент КГБ смог стать офицером Моссад? Кому он на деле служил?

Об этом я длительно расспрашивал знающих Бириштейна политиков, коммерсантов, журналистов и знакомых мне разведчиков, включая иностранцев. Они говорили о нем неохотно, осторожно, иногда опасно и в

целом, к сожалению, скупо. Так из отрывочных фрагментов, дополненных газетными заметками, сложилась у меня краткая биография Бориса Иосифовича Бирштейна.

Он родился 11 ноября 1947 года в литовском Вильнюсе. После школы поступил в городской университет, но не окончил. Занялся выделкой тканей и стал в 1972 году директором текстильной фабрики. В 1979 году на первой волне еврейской эмиграции из нашей страны Бирштейн переместился в Израиль. К тому времени, как утверждают, он уже сотрудничал с КГБ и обязался перед отъездом в Израиль выполнять за рубежом агентурные задания.

В 70-х годах, по сведениям израильской газеты «Гаарец», среди переселенцев из Советского Союза было выявлено несколько сотен эмигрантов, завербованных КГБ. Часть из них сами явились с повинной в контрразведку Израиля. Других разоблачили. Что же касается Бирштейна, то его новая жизнь заинтересовала впоследствии швейцарского журналиста Эрика Хойсли и показалась довольно загадочной:

«В 1979 году Бирштейн решает покинуть СССР и вместе с десятками тысяч евреев оказывается в Израиле. Израильская контрразведка сначала не особо верила его рассказам. Бирштейн прошел не одно собеседование прежде, чем проскочить через сито. Практически сразу же он уехал в Канаду, где весьма быстро получил гражданство. В еврейской общине Торонто он обретает друзей. Там он постоянно хвастался своими тесными связями с семьей Андропова, тогдашнего руководителя КГБ».

Разве не удивительно? Законспирированный агент КГБ напоказ бахвалится явно вымышленной близостью к шефу советской госбезопасности! Его смычку с КГБ в Вильнюсе, значит, уже не нужно скрывать. И это, стало быть, подавно известно израильским спецслужбам. Вот как они, очевидно, заполучили агента-«двойника».

Однако вовсе не сразу «двойник» превратился в звезду шпионажа. Первоначально он жил в Иерусалиме, пытаясь малоуспешно торговать текстилем и туристическими сувенирами. Затем в канадском Торонто он тоже перебивался мелким бизнесом. И лишь в 1982 году Бирштейн вдруг перекочевал в швейцарский Цюрих, где внезапно заделался мультимиллионером и основал многоотраслевой концерн «Сеабеко». Тогда же у нувориша появился персональный реактивный авиалайнер, шикарная контора и дорогое шале, клерки, слуги, лимузины.

В его концерне «Сеабеко» пост главного распорядителя финансов занимал почти десять лет Бенджамин Керет, экс-полковник армейской разведки Израиля. Он скончался от инфаркта в 1992 году. Вскоре после его смерти знакомый мне московский журналист Александр Шальнев посетил Бирштейна в Цюрихе и с его слов охарактеризовал умершего израильского полковника:

- Керет был одним из ближайших сотрудников Бирштейна и его правой рукой. Керет был единственным в «Сеабеко» человеком, который мог сказать – и часто говорил – «нет!» главе корпорации.

Бирштейн подчинялся не только Керету. Израильский разведчик поступил в «Сеабеко» и хозяйничал там по указке другого шпиона – Рафи Эйтана, высокопоставленного ветерана Моссад.

Сейчас Эитан, как я разузнал, уже не скрывает своего сотрудничества с Бирштейном с 1979 года.

В начале 80-х годов руководство Моссад санкционировало первичные контакты перевербованного агента КГБ с внешнеторговыми представителями СССР в Западной Европе. Под «крышей» концерна «Сеабеко» нацелили Бирштейна загода на политическую супермишень – московский Кремль.

Польстившийся на доллары Бирштейна генерал Баранников почти всю жизнь прослужил в нашей легкоподкупной милиции, а по части зарубежного шпионажа он оказался глупышом по сравнению с Рафи Эитаном, наставником Бирштейна. Эитан – легендарный асс Моссад. Он почти неизвестен в России, но зато на Западе его имя фигурирует во многих книгах об истории Моссад.

В прошлом спецслужбы бывших социалистических стран считали мossaдовца Эйтана достойным соперником. Это признал в 1995 году воспитанник КГБ и долголетний глава разведки ГДР генерал Маркус Вольф. Когда его помиловал Конституционный суд нынешней Германии, то берлинский корреспондент «Комсомольской правды» спросил Вольфа:

- Кто из руководителей разведок разных стран мира вызывает у вас уважение с чисто профессиональной точки зрения?

Вольф ответил:

- Позавчера позвонил мне один из бывших руководителей Моссад – Рафаэль Эитан. Тот самый, что вывез из Южной Америки нацистского преступника Эйхмана. Поздравил с благоприятным для меня решением Конституционного суда. Сказал, что если я окажусь в Израиле, то буду его гостем.

В 1960 году Эитан, возглавив спецгруппу боевиков Моссад, выкрал из Аргентины для казни в Израиле гитлеровского палача евреев Адольфа Эйхмана. А до этого Эитан в юности, после возникновения Израиля, сражался фанатично против арабов. За боевую закалку, отвагу и ненависть к враждебным инородцам его рекрутировали в Моссад.

Упомянутый в предыдущей главе израильский разведчик Ари Бен-Менаше рассказывал мне в 1993 году о своем бывшем начальнике:

- Рафи Эитан с молодости привык беспощадно уничтожить нападавших на Израиль арабских террористов. Он возненавидел Организацию освобождения Палестины и жаждал прикончить всех ее бойцов поголовно. На сей счет у него не было ни малейших колебаний. Это ценил покойный премьер-министр Менахем Бегин, руководивший до создания Израи-

ля террористической организацией палестинских евреев. В 1976 году Бегин назначил Эйтана на очень важный пост советника премьер-министра по контртерроризму. Контртеррор Эйтана обрек на гибель многих палестинцев за пределами Израиля на Ближнем Востоке и в Западной Европе.

Ныне в цивилизованных странах Моссад — единственная разведслужба, имеющая постоянно наготове полсотни профессиональных убийц. Они рассортированы на несколько мобильных команд в подразделении Моссад под названием «Кидон».

Убийцы Моссад пристрелили или взорвали десятки палестинских арабов в Бейруте, Афинах, Никосии, Париже, Риме, Мадриде за время службы Эйтана внутри Моссад и затем в должности правительственного куратора акций разведки.

У нас переведен на русский язык детектив знаменитого английского писателя и шпиона Джона Лекарре «Маленькая барабанщица», где срисован с Эйтана один их главных персонажей — ветеран израильской разведки, международный диверсант, безжалостный убийца.

С 1980 года правительство Израиля уполномочило Эйтана руководить по всему миру контрабандным экспортом оружия. Агентура Эйтана под «крышами» коммерческих фирм тайно скупала танки, пушки, боевые самолеты, бомбы, снаряды в США и Европе, а далее перевозила нелегально и продавала смертельный товар слаборазвитым странам в Азии, Африке, Латинской Америке.

Этим международным криминалом длительно занимался с Эйтаном мой израильский знакомый Ари Бен-Менаше. В 1989 году он угодил в американскую тюрьму, где был брошен на произвол судьбы его сослуживцами из разведки. Дабы освободиться из тюрьмы, пришлось Бен-Менаше самостоятельно доказывать год спецслужбам и судьям США, что он — израильский шпион, то есть благонадежный союзник американцев. Когда его отпустили на волю, он захотел расквитаться со своими предателями. Вот почему Бен-Менаше согласился по моей просьбе опубликовать в России его шпионские откровения.

Бен-Менаше говорил мне:

- В июле 1981 года нам с Эйтаном неожиданно нанесли удар советские ВВС — сбили наш транспортный самолет с оружием. В то время Ирак, оснащенный советской бронетехникой и артиллерией, воевал с Ираном, а мы секретно вооружали иранцев. Мы сообщали ЦРУ подпольно импортировали американское оружие из США в Израиль. И потом транспортировали из Тель-Авива в Тегеран на зафрахтованных нами маскированно самолетах аргентинской авиакомпании. Летчики были нашими наемниками — аргентинцы, англичане, ирландцы, португальцы.

Проверяя услышанное от Бен-Менаше, я выяснил, что 18 июля 1981 года советский пилот ВВС капитан Куляпин атаковал над территорией Азербайджана возле границы с Ираном какой-то иностранный самолет. Сперва Куляпин попытался заставить нарушителя границы приземлиться

на советском аэродроме. Наш истребитель дважды приближался к интервенту и просигналил ему покачиванием крыльев приказ немедленно идти на посадку.

Но чужак не подчинился. Об этом Куляпин рапортовал наземному командованию и получил оттуда директиву уничтожить непослушного налетчика. Тот был четырехмоторным грузовозом, а посему сверхскоростной реактивный истребитель Куляпина сорвался бы в гибельный штопор, отстав от иностранцы для ракетного обстрела. Поэтому Куляпин отчаянно долбанул своей машиной авиалазутчика и катапультировался с парашютом. Оба самолета рухнули и взорвались.

Вслед за тем советские газеты лаконично опубликовали официальное извещение: «Самолет неизвестной принадлежности, нарушив государственную границу СССР, столкнулся с советским самолетом».

Тогда промолчали о находке в одежде трех изуродованных трупов индивидуальных документов двух аргентинцев и одного британца. Это усугубило загадочность трагического происшествия. Поэтому Совет Министров СССР отклонил просьбу Главного штаба ВВС присвоить капитану Куляпину звание Героя Советского Союза за героический таран.

Лишь восемь лет спустя американская пресса разгласила, что сбитый над советским Азербайджаном самолет принадлежал аргентинской авиакомпания и был зафрахтован разведкой Израиля для доставки оружия Ирану. Но арендатору самолета и экипажа – Рафи Эйтану – сохранили его инкогнито.

- Мы продолжали контрабандно вооружать Иран против Ирака, - сказал мне Бен-Менаше. - Однако через полгода после неудачи с аргентинским самолетом у нас случился новый прокол. Для закупки американского оружия Эйтан создал в Нью-Йорке псевдо-экспортную фирму «Ора», где работала секретаршей слишком болтливая шведка. Из-за нее пронохала о наших делах газета «Нью-Йорк таймс». Взбешенный Эйтан потребовал убить шведку. Но я воспротивился. Ее схватили наши агенты и увезли силком в южно-африканскую Преторию. Там шведку столь жестоко проучили, что она навсегда прикусила свой длинный язык. А потом ее вышвырнули в Европу.

И все же долголетняя анонимность Эйтана скандально закончилась весной 1987 года. В ту пору я, в Нью-Йорке, впервые узрел в газетах имя Рафи Эйтана и его фотоснимки. На них был полнотелый и низкорослый мужчина заурядного облика с невыразительным лицом и бесцветными глазами под линзами тяжелых очков в старомодной черной оправе. Его серый костюм выглядел помятым и явно дешевым. В целом совсем ничего броского или сколь-нибудь примечательного, как и заведено у многоопытных шпионов.

Лишь одно необычное качество Эйтана сообщил маститый американский журналист Сеймур Херш со ссылкой на известных ему офицеров Моссад:

«Честолюбивый Эйтан приобрел в Израиле кличку «Вонючка Рафи» по той причине, что в сражениях за независимость Израиля он усвоил привычку не сменять своих носков».

Так едко отхлестали янки Эйтана за то, что он попался им на подстроенной подлянке: вопреки содружеству ЦРУ с Моссад перевербовал и сделал своим агентом вашингтонского разведчика по имени Джонатан Поллард.

Американский еврей Поллард, одержимый сионист, служил в штабе военной разведки США. И вместе с тем потаенно сотрудничал с Моссад. Руководивший им Эйтан считал, что разведслужбы Соединенных Штатов скрывают часть их зарубежной добычи от Израиля. Поллард по заданиям Эйтана уносил незаметно из резиденции военной разведки США ее документацию для фотокопирования двумя агентами Эйтана с дипломатическими паспортами атташе и консула Израиля.

Периодически Эйтан вызывал Полларда для личного инструктажа в Израиле и Франции. Под конец Поллард крал американские секреты так нагло и неосторожно, что его выследили, арестовали и осудили в марте 1987 года на тюремное заключение пожизненно.

- После провала Полларда, - рассказывал мне Бен-Менаше, - уцелело в Америке немало других агентов Эйтана. У него на столе я видел не раз засекреченные документы из Комитета по вооруженным силам Сената США. Советник президента США по национальной безопасности Роберт Макферлайн был негласным информатором Эйтана. Его обслуживал связанный с ЦРУ английский богач Роберт Максвелл, оказывавший, впрочем, услуг и советскому КГБ.

И все-таки Эйтан столь сильно разозлил Вашингтон, что оттуда уговаривали правительство Израиля покарать зарвавшегося сверхмерно шпиона. Но тогдашний премьер-министр Ицхак Шамир, бывший ранее одним из руководителей Моссад, защитил своего соратника и личного друга Эйтана. Ему только пришлось в угоду американцам сменить формально правительственную службу на председательство в совете директоров крупнейшего госконцерна «Химическое производство Израиля».

По этому поводу «Нью-Йорк таймс» иронизировала: «Эйтана вознаградил прибыльной должностью». Она же стала его очередной «крышей».

Рассердивший американцев Эйтан, камуфлируясь впредь бизнесом, переориентировался на инфильтрацию его агентуры в соцстраны от СССР до Кубы. Знакомая с ним израильская журналистка Пазит Равина пообещала мне однажды расспросить Эйтана о его интересах в России. Равина работала в тель-авивской газете «Давар» ^{БЭРА} ~~и~~ ^{Павлова}, по ее словам, в кабинеты шефов спецслужб Израиля. Вскоре после моей встречи с ней она позвонила мне из Тель-Авива:

- Я посетила Эйтана и побеседовала с ним, но он крайне немногословен.

- Можете выслать мне пересказ беседы?

- Нет.

- Опасаетесь Эйтана? Хотя раньше он не шадил никого за внеслужбные разговорчики, но теперь, постарев, может быть, уже не кровожаден?

- Он по-прежнему опасен. И очень влиятелен. Он остался агрессивным экстремистом.

- Сказал что-нибудь о России?

- Эйтан приезжал в Москву летом 1993 года.

- В разгар у нас «битвы компроматов»? Накануне осеннего кровопролития?

- Да.

Вспомнилось, как вскоре после разгрома в Москве нашего парламента осенью 1993 года американская радиостанция «Свобода» сообщила, что вокруг парламентского «Белого дома» палили с чердаков окрестных домов неопознанные никем «иностранные снайперы», доставленные анонимно в Москву якобы с Кипра. Созданная ЦРУ «Свобода» отрицала «версию о приезде в Москву еврейских боевиков».

А ведь одного такого снайпера пленили защитники «Белого дома» и привели на допрос к Хасбулатову, председателю Верховного Совета. Об этом он мне рассказывал: «Тот снайпер был иностранным евреем».

Вдобавок бывший депутат российской Государственной Думы Юрий Власов утверждает, что те снайперы были стрелками спецназа израильской разведки...

Правду знает, конечно, Эйтан, но вряд ли когда-нибудь выскажет. После его разговора с Равиной я спросил ее о другом:

- Упоминал Эйтан своего приятеля Бирштейна?

- Обмолвился, что знаком с Бирштейном уже почти двадцать лет.

Нацеленный на Россию триумвират Эйтана, Керета и Бирштейна дополнила весной 1991 года еще одна личность - Дмитрий Якубовский. Первый раз он прибыл в Швейцарию в феврале 1991 года на службу в тамошнем филиале советского «Агрохима», а спустя два месяца начал работать у Бирштейна в шорихском «Сеабеко».

Хотя Якубовский был тогда вроде бы связан с КГБ, но вместе с тем он вовсе неслучайно легко перепорхнул в шорихское гнездо агентуры Моссад. За полгода до этого Рафи Эйтан встретился с Якубовским в Берлине. Инициатором их знакомства был Эйтан. Он заинтересовался молодым москвичом настолько сильно, что навязался к нему в друзья и повел его развлечься за свой счет с проститутками в местном борделе. Зачастую среди шпионов таким образом начинают вербовку новобранца. Моссад вербует по всему миру в основном так называемых «сайяним» - тайных пособников в еврейской диаспоре вне Израйля.

Якубовский благодаря, вероятно, Эйтану действовал внутри «Сеабеко» как бы автономно от своего начальника Бирштейна. Телефонные раз-

говору с ним записывал Якубовский на магнитофон наряду с такими же записями телефонных бесед множества других людей. Вундеркинд-компроматчик коллекционировал тоже впрок конфиденциальную документацию «Сеабеко». Его мины замедленного действия загрохотали в московской прессе летом и осенью 1993 года.

В начале июня Якубовский, аккредитованный ранее в Торонто представителем «Сеабеко», позвонил Бирштейну в Цюрих. А вскоре стенограмму их разговора получила из Торонто и напечатала самая многотиражная в России газета «Московский комсомолец».

Бирштейн сказал Якубовскому, что поведился в Москве с вице-президентом Александром Руцким, именую его фамильярно «Сашей». Они действительно, как я знал, часто общались. И хотя я, советник вице-президента, уговаривал пастойчиво Руцкого не якшаться с агентом Моссад, мои доводы были тщетны.

И вот Руцкой поплатился: Бирштейн предупредил Якубовского, что если тот вернется в Москву, то будет арестован по распоряжению вице-президента. Об этом цитирую выдержку из телефонной стенограммы:

Бирштейн. Он говорит: «Я его посажу».

Якубовский. Это кто говорит?

Бирштейн. Саша.

Якубовский. Это усатый?

Бирштейн. Да.

Якубовский. Сам он ... долетался. По-моему, какая-то ерунда случилась у него с головой. Ну-ну.

Бирштейн. Но это давно, это давно.

Якубовский. Слушай, а как такой человек может быть вице-президентом? Я просто не понимаю.

Бирштейн. Вопросов можно много задавать...

Якубовский. Если я в Москву не еду, то все их потуги мне глубоко до фонаря. Товарищ Руцкой может грозить сколько угодно. Мне совершенно все равно, по какой причине у него с головой трудности возникают. С ним я вообще иметь дело не хочу, с этим мудаком Руцким. Меня товарищ Руцкой не волнует. И очень скоро он будет политическим трупом.

Бирштейн. Он уже политической труп.

Якубовский. Это ты и без меня понимаешь. Правильно?

Бирштейн. Он уже политический труп.

Продолжая диалог, Бирштейн обозвал Руцкого еще и «скотиной». Стенограмма наглядно доказывает, что моссадовец усиленно натравливал Якубовского отомстить вице-президенту. И это сработало.

Через месяц явился в Торонто к Якубовскому его дружок Караулов с предложением из Кремля скомпрометировать Руцкого. Затем Якубовский погостил в Кремле. И далее 7 августа 1993 года посланец Ельцина генерал Котенков получил в Торонто из рук Якубовского лжедоверенность Руцкого на имя уже умершего Керета спрятать три миллиона долларов в

швейцарском банке на депозите фирмы «Трейд Линкс». А эта фирма принадлежала Бирштейну! Капкан захлопнулся.

Между тем я знаю со слов Руцкого о том, что его отношения с Бирштейном были приятельскими и совершенно безоблачными. Иногда Бирштейн дружески предоставлял вице-президенту своей авиакомпания для полета за рубеж. Бирштейн опорочил Руцкого отнюдь не по личным побуждениям. Просто исполнил заказ Моссад.

Однако летом 1993 года Руцкой вовсе не был у нас первой жертвой иноземных компроматчиков. 23 июля Якубовский и его сообщники — тележурналист Караулов и адвокат «Таня» Макаров — доставили из Швейцарии в Кремль для передачи Ельцину пачку документов о издевательстве министра госбезопасности Виктора Баранникова и заместителя министра внутренних дел Андрея Дунаева. Их жены гостили год назад в Цюрихе по приглашению пресловутой «Себеко», оплатившей все расходы обеих дам.

Опекал в Цюрихе министерских москвичек Дмитрий Якубовский. И привычно сохранил подписанные ими денежные квитанции на даровые авиабилеты, гостиничное жилье и магазинные покупки подруг — шубы, белье, корсеты, французские духи, золотые часы, серебряные изделия, фотоаппараты, косметические наборы. Суммарная стоимость всех подарков — свыше 50 тысяч долларов. Объем презентованных вещей — 21 чемодан.

Сей компромат не был сфабрикован. Но имел, как и поклеп Бирштейна на Руцкого, смысловую странность: прежде Якубовский никогда не враждовал с генералом Баранниковым и дорожил дружбой с главой российской контрразведки. В 1992 году Баранников был толкачом молниеносной карьеры «генерала Димы» в Москве.

А потом вплоть до июня 1993 года Якубовский неустанно звонил из Торонто на квартиру Баранникова и клялся ему в своей преданности, прося помочь возвращению в Россию. Он всячески умясливал по телефону и генеральскую супругу, которая именovala его Димулей.

Внезапная измена Димули объяснима, по-моему, лишь тем, что он выполнил срочное задание закулисных хозяев.

Скомпрометированный заместитель министра МВД генерал Дунаев считался в Кремле незначительной фигурой и сходу схлопотал отставку. Совсем иначе обстояло дело с Баранниковым. Ему благоволил президент, доверял, сделал министром госбезопасности и генералом армии, бражничал с ним, а главное помнил, как в августе 1991 года Баранников во время путча ГКЧП созвал подчиненную ему милицию на защиту Ельцина.

И потому Ельцин простил бы почти наверняка своего любимчика за меркантильные грешки супруги, если бы не вмешательство начальника президентской администрации Сергея Филатова...

Только через пять лет Филатов рассказал, как отреагировал Ельцин на информацию о цюрихских выкрутасах жены Баранникова:

«Борис Николаевич обхватил руками голову и припал к столу. Так он сидел минуты две, покачивая головой. Влияние Баранникова на Бориса Николаевича было огромным».

Спустя несколько дней Ельцин позвонил с его дачи Филатову:

«Поздоровавшись, Борис Николаевич спросил:

- Ну, что будем делать с Баранниковым?

Я ответил:

- Нужно снимать, Борис Николаевич... Не снимете — он нас всех размажет по стенке. А вас предаст, если уже не предал.

- Хорошо, - сказал президент и положил трубку».

О каком «предательстве» Баранникова шла речь выяснили тогда же, летом 1993 года, московские корреспонденты американского журнала «Ньюсуик»:

«Ельцин заподозрил, что Баранников сговаривается с Хасбулатовым и даже встерчается с ним у того на даче».

Об этом Филатов напечатал Ельцину. Лишь теперь Филатов запоздало оправдывается:

«Меня постоянно преследует ощущение, что в деле Баранникова и других мы сами попали в чью-то разработку».

Чужая «разработка» — полупризнание, но никак не алиби Филатова. Ибо его публично уличил в денежной зависимости от российской агентуры Моссад бывший сотрудник Службы безопасности президента полковник Стрелецкий.

23 июля 1993 года, когда Якубовский прибыл в Кремль, а президент еще отдыхал на даче, Баранников уже проведal как-то о привезенном заграничном компромете против него. И он прислал Ельцину на дачу свое письмо. Об этом Ельцин позже упомянул в мемуарах:

«Баранников писал, что некоторые люди пытаются скомпрометировать его. Это бывшие агенты КГБ. Один из них — Якубовский — является агентом министерства безопасности России. Эти агенты — гомосексуалисты, которые действуют, весьма вероятно, в интересах зарубежных разведывательных служб и пытаются опорочить министра безопасности России».

27 июля Ельцин приехал в Кремль и вызвал Баранникова. Это была их последняя встреча в присутствии генералов президентской стражи Коржакова и Барсукова. От них потом стало известно, что Коржаков предварительно обыскал Баранникова, проверяя отсутствие у него оружия. После чего министр устно обвинил заново Якубовского, Макарова и Караулова в причастности к заговору против него. Баранников сказал:

- Борис Николаевич, Андрей Макаров наш осведомитель. По кличке «Татьяна». Вот его расписка.

Ельцин скомкал расписку и швырнул на пол.

Баранников произнес:

- Кроме того Якубовский и Караулов — гомосексуалисты.

В ответ Ельцин показал Баранникову шорихские расписки его жены и выгнал министра из кабинета. В тот же день президент подписал указ об отставке Баранникова.

Вслед за тем среди столичных политиков и журналистов возникли кривотолки, будто Баранников успел с верными ему помощниками скопировать особую картотеку наиболее крупных осведомителей госбезопасности. И якобы спрятал в тайнике этот «список Баранникова».

Двое московских газетчиков — Анатолий Баранов и Александр Ляско — уверяли, что один из бывших офицеров уволенного министра поделился с ними агентурой информации:

- Список Баранникова содержит около 2200 имен видных общественных, политических и предпринимательских фигур новой России. Они в свое время давали подписку о добровольном сотрудничестве с органами КГБ. Некоторые парламентарии, дипломаты, телевизионные деятели привлекли внимание чекистов нестандартной половой ориентацией, что послужило причиной их вербовки. Гомосексуально-агентурная линия проходит красной нитью через весь список.

Впрочем, многие издавна знали, что у нас долгие годы принуждали гомосексуалистов шпионить под страхом тюремного заточения на пять лет по статье Уголовного кодекса о наказании за мужеложество. Эту статью отменили в апреле 1993 года за исключением ее пунктов об уголовной ответственности за гомосексуальное развращение малолетних и принуждение к педерастии. Такое решение узаконил с моим участием российский Верховный Совет.

Завербованный методом шантажа «голубой» сексот — это стукач подневольный, ненадежный и озлобленный на его спецслужбу. Такого нетрудно перевербовать сегодня за доллары. И все же не заговор «голубых», конечно, сразил наповал командира Лубянки генерала Баранникова.

Его предшественник Вадим Бакатин, став в августе 1991 года председателем КГБ, заявил: «Эту организацию мне предстоит разрушить». Грозный замысел Бакатина, бывшего члена ЦК КПСС и министра МВД, был порожден не безумным самодурством, а политической конъюнктурой. Ее предопределял тогда Ельцин. В день назначения главой КГБ Бакатин сказал Ельцину и уже безвластному Горбачеву:

- Вы направляете меня в такую организацию, которую, на мой взгляд, надо вообще расформировать.

- Вот это мы вам и поручим! — распорядился Ельцин.

Бакатин по-мясницки четвертовал систему КГБ на разьединенные обрубки, которые получили статус министерств, но конвульсировали немощно поодиночке. Часть офицеров вытурили, другие разбежались. Изданная ~~в 1991~~ документальная книга американца Пита Эрли о ЦРУ и КГБ содержит интересное сообщение:

«Когда Вадима Бакатина назначили главой КГБ, то ЦРУ поздравило его и выразило поддержку его начинаниям в области реформирования КГБ».

5 декабря 1991 года Бакатин передал американцам чертежи советской аппаратуры подслушивания внутри здания канцелярии московского посольства США. Это предварительно одобрили, как утверждал Бакатин, президент Ельцин и российский министр иностранных дел Козырев. Они в те дни взахлеб ублажали вашингтонские власти.

Бакатин позволил близким к нему журналистам, прозападным политикам и даже эмигрантам и пособникам иностранных спецслужб, вроде Владимира Буковского, покопаться в агентурных архивах КГБ. Немало московских сексотов было опознано резидентами зарубежных разведок. Изрядную часть агентов подвергли шантажу, перевербовали и вынудили шпионить против своей страны. Всего за четыре месяца Бакатин угробил КГБ.

24 декабря 1991 года Бакатин, уйдя в отставку, оставил на Лубянке в наследство Баранникову лишь четвертушку бывшего КГБ – контрразведку. Ее новый шеф, фаворит и дачный банщик президента, смог безбоязненно усилить свое ведомство и приумножить за счет сыщиков из милиции.

Баранников призвал вернуться к нему изгнанных или уволившихся профессионалов КГБ. Он сумел возвратить в министерство госбезопасности отнятые при Бакатине погранвойска.

В марте 1993 года Баранников приказал арестовать трех наемных агентов московской резидентуры ЦРУ. И заставил их вербовщика из посольства США, застрахованного дипломатической неприкосновенностью, убраться с позором из России.

Накануне отпора обнаглевшим у нас чужеземным шпикам Баранников выступил в столице на съезде российских депутатов:

- Иностранные спецслужбы проявляют сегодня особый интерес к дельцам теневой экономики и авторитетам организованной преступности. На них выходят с прямыми вербовочными предложениями. Обозначилась зарубежная тенденция выдвинуть на командные посты в структурах власти замаскированных лидеров преступных сообществ, а затем диктовать свои условия...

Речь Баранникова перед депутатами удивила тогда меня и остальных его слушателей. Ведь он вдруг замахнулся уже непосильно ему на трехглавую гидру коррупции, мафии и шпионажа. В ответ наша так называемая демократическая пресса хором взывала: «Шпиономания! Хватит пугать зловными происками западных спецслужб!».

Заграничные спецслужбы, естественно, промолчали. Но вскоре жахнули по Баранникову убойным зарядом компромата. Его начинку изготавил Якубовский. Указанная ему первая мишень была, таким образом, во-

все не репутация вице-президента Руцкого. Сперва понадобилось быстро парализовать вроде бы воспрянувшую русскую контрразведку.

Тем же летом 1993 года среди главных жертв импортного компромата оказался еще один кремлевский сановник, пострадавший как бы совсем беспричинно. У него не было никогда политических врагов на Западе. А его лояльность в отношении Ельцина и поныне столь же безупречна, как и прежде. Хотя минуло уже ~~несколько~~ ^{немало} лет, тем не менее старая обида и ее мучительная необъяснимость волнуют до сих пор бывшего российского вице-премьера Владимира Шумейко. Он рассказал мне:

- В июле 1993 года премьер-министр Черномырдин вызвал меня и показал документ на английском языке. Это документ я увидел впервые, но на нем стояла моя подпись!

Текст одностраничного документа гласил, что якобы 24 сентября 1992 года Шумейко уполномочил тайно в Торонто некоего Макса Бабада «выступить в роли агента и доверенного лица» секретного счета Шумейко в Королевском банке Канады. Внизу документа красовалась большая печать, подпись Шумейко и примечание канадского нотариуса: «Настоящим подтверждаю, что мистер Владимир Шумейко лично явился ко мне и подтвердил свою подпись, показав мне его паспорт».

- Но я никогда не приезжал в Канаду к неизвестному мне нотариусу неведомого Бабада! — негодует до сих пор Шумейко. — И не имел там никаких банковских счетов.

- А что сказал Черномырдин?

- Он спросил: «Ты подписывал эту бумагу?». Я ответил: «Нет, никогда». Он задал вопрос: «А подпись твоя?». Я сказал: «Да, моя». Он произнес: «Тогда давай разберемся». Я предложил: «Отдайте мне эту писанину для проверки». Черномырдин возразил: «Не могу отдать. Президент приказал мне только показать тебе документ, но не отдавать». Я заявил: «Это фальшивка!». Но Черномырдин опять сослался на Ельцина: «Об этом примет решение сам Борис Николаевич».

- Что было дальше?

- Вскоре я с помощью моих людей в правительстве заполучил копию инкриминированной мне фальшивки. И передал ее на обследование знакомым офицером из нашей внешней разведки. Оттуда мне сообщили: лже-документ изготовлен в Швейцарии на специальной лазерной установке. Она очень точно воспроизводит образец подписи кого угодно под любым текстом. Меня информировали, что подделку состряпал эмигрант Станислав Якубовский, младший брат моего бывшего внештатного советника. Так он отплатил мне за то, что я по несчастью был раньше его благодетелем...

- Об этом доложили также Ельцину?

- Вероятно. Фальсификацию разоблачили. Однако мои неприятности продолжались. В августе меня позвали в Генеральную прокуратуру и предъявили подписанные будто бы мною еще шесть финансовых доку-

ментов. Они санкционировали ассигнование в общей сложности 600 миллионов долларов разным фирмам на фиктивные закупки за рубежом. Следователи генпрокуратуры допрашивали меня, вынуждали расписываться десятки раз, производили графологические экспертизы. Это тянулось почти месяц. Временно меня отстранили от должности.

- Чем кончилось?

- По моей просьбе установили, что шесть липовых документов с моей подписью и штампами российского Совета министров напечатаны на такой прекрасной, меловой, финской бумаге, какой не употребляли в нашем правительстве. А моя подпись не могла быть шестикратно одинаковой совершенно в каждом ее завитке. Так не бывает. Всякий раз личная подпись отличается хоть каким-то крохотным штрихом, изгибом, закорючкой. И наконец, я потребовал от следователя объяснить – почему предъявленные мне бумаги заломенированы, то есть покрыты прозрачной пленкой?

- Почему же?

- Только под конец разбирательства следователь с улыбкой сказал мне, что если плюнуть на палец и потереть слюной подлинную подпись, то она размажется. А коли проделать то же самое с фальшивой подписью, подделанной методом сканирования на лазерной установке, то такой отпечаток не растирается. Следователь добавил, что обнаружено: все шесть отпечатков моей подписи сканированы в Швейцарии.

Шумейко достал из канцелярского шкафа и протянул мне письменные распоряжения осенью 1993 года двух Генеральных прокуроров – Валентина Степанкова и сменившего его Алексея Казанника. Оба приказали прекратить следственное дознание по делу Шумейко «за отсутствием состава преступления». Он остался вице-премьером.

Набравшись горького опыта, он вроде бы немного прозрел:

- В те дни, как я понял, спецслужбы Запада пытались разрушить российское руководство изнутри.

«Разделяй и властвуй» – древнейший рецепт межгосударственных провокаций. В московском варианте 1993 года подстрекатели кремлевских распри не только подтолкнули в итоге наших правителей к столичному кровопролитию. У нас большинство народа заподозрило всех своих верховных пастырей в бессовестном лихоимстве. И поныне «битва компроматов» – грязная повседневность наших предвыборных кампаний. Так год за годом нарастает духовная дистрофия России.

Но вернемся к эпилогу зловещих Шумейко с его слов:

- Когда в августе 1993 года доставили из Торонто в Кремль еще один англоязычный документ о зарубежных миллионах Руцкого, то эту новую клюкву показал мне Филатов, начальник администрации президента. А я сказал Филатову: «Это явный фальшак. На нем такая же печать, как и на подделке с моей подписью. И качество бумаги то же самое». Но Филатов уперся: «Нет, это подлинник». Я повторил: «Говорю тебе, что это снова

подделка». Филатов взъерепенился: «Да как ты можешь защищать Руцкого? Он хочет погубить нашего президента! Он твой враг!».

Однако сегодня изворотливый Филатов всячески пытается внушить, что не он снабжал Ельцина зарубежными фальшивками, а вопреки ему — другие обманщики:

«Именно Караулов впервые предложил связаться с Якубовским и получить у него документы о коррупции в высших эшелонах власти. Три года спустя я за обедом с Карауловым задал давно терзавший меня вопрос:

- Скажи, где все-таки истина, а что заготовка, причем, похоже, фальшивая?

Караулов подтвердил, что «траст» Руцкого действительно фальшивая, сработанная, видимо, по поручению Барсукова прямо Якубовскому, когда его привозили в Москву на короткое время. Поручение было сделано в присутствии Ильюшенко и Макарова».

Макаров, по словам Караулова, зная о фальсификации компромата против Руцкого, созвал в Москве с ведома Ельцина пресс-конференцию 18 августа 1993 года и объявил Руцкого тайным обладателем трех миллионов долларов в швейцарском банке. За это Ельцин выгнал из Кремля вице-президента и низложил его своим указом 1 сентября.

Кремлевский изгнанник укрылся в парламентском «Белом доме» — оплоте сопротивления диктату Ельцина. А президент уже принял бесповоротное решение: разогнать силой парламент России, упразднить навсегда съезды народных депутатов и править впредь державой по-царски единолично. Оставался лишь месяц до уличных боев в столице.

3 сентября в «Белом доме» разгорелись бурные дебаты депутатов Верховного Совета. Они обсуждали проект их постановления о незаконности президентского указа о Руцком. Предлагали обратиться за поддержкой в Конституционный суд. За такие демарши сторонник Ельцина — депутат в черной рясе Глеб Якунин — страшал парламентариев:

- Это закончится импичментом Верховного Совета! В этом зале будет отключено электричество. Постановление Верховного Совета вгоняет нас в гроб!

В ответ — шквал возмущения. Спикер Хасбулатов, пытаясь обуздать ярость спорщиков, сократил время каждого выступления до трех минут. Мне позволили высказаться с парламентской трибуны. Дальнейшее цитирую по спасенной из сгоревшего «Белого дома» стенограмме сессии 3 сентября:

«**Депутат И.И.Андронов:** Уважаемые товарищи, я хотел бы максимально беспристрастно информировать вас о малоизвестных фактах причастности иностранных спецслужб к отстранению вице-президента Руцкого. Если вы внимательно следите за очень скупой и куцей информацией российских газет по поводу расследования нынешних дел о коррупции, то могли заметить, что весь компромат против наших высших должностных

лиц исходит из одного и того же источника. Этот компромат попадает к нам сюда из-за границы, а его распределитель — Борис Иосифович Бирштейн, загадочный бизнесмен и миллионер, который уехал из нашей страны в Израиль в 1979 году.

Он пробыл в Израиле недолго. Полтора-два года. Вдруг стал баснословно богат. И начал на Западе спекулятивные операции, создавая множество фирм и ведя также активную деятельность на нашей территории. У него на подхвате есть люди, распространяющие сегодня компромат о коррупции. Это известный вам Якубовский, недавний сотрудник и помощник Бирштейна. Это помогающий им телекомментатор Караулов. Это адвокат Макаров по кличке «Таня». Это все одна компания, люди одной и той же масти. А кто же стоит за господином Бирштейном? Вот что самое интересное.

Вы знаете, что инкриминированный вице-президенту документ о якобы открытом им счете в швейцарском банке подписан неким Бенджамином Керетом. Он недавно скончался. Жил в США и Израиле. И сотрудничал тесно с израильской разведкой. На днях газета «Известия», которую американская газета «Вашингтон пост» называет проельцинской, сообщила, что сам Бирштейн является агентом израильской разведывательной службы.

Главный покровитель, опекун и наставник Бирштейна на Западе — гражданин Израйля по имени Рафи Эйтан. Это один из крупных руководящих работников израильской разведки и ее ветеран. Он руководил, например, такой операцией в декабре 1978 года: разведка Израйля вместе с американским ЦРУ готовила убийство иранского имама Хомейни в Париже, когда там Хомейни был в эмиграции. Убийство отложили только из-за опасения, что произойдут кровопролитные выступления на улицах Тегерана против шаха.

Председатель Хасбулатов: Ваше время на исходе.

Андронов: Прошу продлить.

Хасбулатов: Все это интересно, но надо ли нам, уважаемые коллеги, сейчас все эти аспекты рассматривать?

Шум в зале.

Хасбулатов: Голосовать о продлении? Ставлю на голосование — дать еще одну минуту.

Шум в зале.

Андронов: Прошу две-три минуты.

Хасбулатов: Хорошо, две минуты. Депутаты согласны без голосования?

Из зала: Да!

Хасбулатов: Две минуты вам, Иона Ионович.

Андронов: Итак, далее. В ходе спецопераций по доставке американского и израильского оружия Ирану против Ирака господин Эйтан тесно взаимодействовал с высшими руководителями Соединенных Штатов.

Среди них – бывший советник по национальной безопасности президента США Роберт Макферлайн, ныне покойный председатель комитета сената США по вооруженным силам Джон Тауэр, недавний директор ЦРУ Роберт Гейтс.

Кроме того Эйтан – специалист по политическим инсценировкам. Его агенты инсценировали в 1986 году попытку взрыва израильского пассажирского самолета в Лондоне. Покушение приписали палестинцам, нанятым Сирией. В итоге посольство Сирии в Лондоне было закрыто британскими властями. Аналогичный сценарий сейчас разыгрывается и здесь в Москве.

Группа поставщиков компромата подкидывает его у нас двум враждующим лагерям политиков. Их натравливают друг против друга. Для чего? Но это же очевидно: с целью новой дестабилизации обстановки в России. Более того, по моим сведениям, предводители зарубежных разведывательных служб...

Хасбулатов: Ну, ладно!

Андронов: Прошу вас не отдавать сегодня судьбу нашей страны и нашего руководства в руки тех людей, которые по всему миру навязывают закулисно везде свою волю путем диверсионных и разведывательных операций. А если понадобятся доказательства сказанного мною, то могу представить печатные доказательства. Если у нас внутри страны Верховный Совет обеспечит безопасность и конфиденциальность одному офицеру израильской разведки, то он готов прибыть сюда. С ним я встречался несколько недель назад. Он готов прибыть сюда, повторить и подтвердить то, что я сказал. Цель моя – сорвать секретные операции благодаря их огласке и предупреждению.

Хасбулатов: Но у нас, Иона Ионович, есть соответствующие службы и государственные органы. Поэтому надо им передать все материалы. Сами знаете, что мы не занимаемся какими-то расследованиями и так далее. Если у вас есть доказательства, то ваш долг депутата и гражданина передать все это Генеральному прокурору. Учитывая, что в министерстве внутренних дел руководит человек, которого мы потребовали сменить. А в министерстве безопасности... ну, тоже... как бы сказать. Вот! Можно передать там исполняющему обязанности министра... А сейчас выступит следующий депутат – Джамалдинов. Так, пожалуйста, депутат Джамалдинов!».

Как ясно из концовки процитированной стенограммы, председатель Верховного Совета пренебрег в вежливой форме моими предостережениями.

А его отсылка меня к Генеральному прокурору была, по сути, ошибкой или лукавством: еще утром 3 сентября многие депутаты прочли в свежем номере самого популярного в России еженедельника «Аргументы и факты» сенсационное интервью генпрокурора Степанкова, который признался, что сотрудничал с компаньоном Бирштейна – Якубовским. И

даже вручил Якубовскому служебное удостоверение советника Генерального прокурора.

Это удостоверение № 874 с госпечатью и подписью Степанкова демонстрировал Якубовский журналистам и бахвалился:

- У меня очень близкие отношения со Степанковым.

Они не раз развлекались вдвоем на даче Степанкова, были на «ты» и звали друг друга запросто – Валя и Дима. Помимо того я знал, что Хасбулатов дружит со Степанковым и знаком с Бирштейном.

Апеллировать к иным верхам было тоже бесполезно. Бирштейн опутал своим сладкоречием, лестью, подарками, услугами и деньгами кремлевскую команду Ельцина и основных противников президента, включая влиятельных депутатов Верховного Совета. Трое из них после моего спича 3 сентября порекомендовали мне оставить в покое Бирштейна и его сообщника Эйтана.

Парламентские коллеги не утаили, что они по приглашению Бирштейна гостили у него в Швейцарии на полном обеспечении щедрого хозяина. Никто не хотел ссориться с оборотнем Моссад, опасаясь мести – шантажа компроматом.

И все же мое выступление перед Верховным Советом я повторил спустя неделю заново в телевизионной программе «Парламентский час». После чего мне передали слова Руцкого:

- Видать, у Ионы крыша окончательно поехала!

Тем не менее газета «Правда» подробно изложила мои сведения об антироссийском заговоре. Его соучастники были вновь перечислены в большой публикации «Кто готовит компромат на руководителей страны». Этот заголовок появился на первой странице газеты утром 21 сентября 1993 года.

А вечером того же дня Ельцин совершил государственный переворот. Уничтожил конституционную власть Советов, съездов народных депутатов, независимого от Кремля парламента. Словесная «битва компроматов» закончилась вскоре пушечной канонадой.

Пережив расстрел «Белого дома», я испытал опять еще одно поражение. Самое сокрушительное.

Зато Якубовский через два месяца после московского кровопролития прилетел триумфально из Торонто в нашу столицу. Его встретила в аэропорту «Шереметьево» взбудораженная толпа репортеров и фотографов. Он позировал им в зале «ви ай пи» – «очень важных персон». Лучезарная улыбка озаряла мясистую физиономию «генерала Димы». Он был в черной шляпе и долгополом пальто, под стать киношпионам, из черной лошеной кожи. Самодовольство распирало короля компромата.

Его вознаградил Кремль пригородной виллой бывшего КГБ в элитарной Жуковке. Ему дали круглосуточную охрану милицейского спецназа. Наишикарнейший отель «Метрополь» сдал Якубовскому целый этаж

под его новую юридическую контору. Ее ежемесячный доход, как объявил гордо владелец, составит не менее 20 миллионов рублей.

Он назвал своими клиентами крупнейшие в Москве банки «Мост» и «Столичный». Президент «Столичного» Александр Смоленский был ранее осужден на два года тюрьмы за коммерческие аферы и нанял ныне Якубовского, чтобы с его помощью отбиться от нового обвинения в расстрате за рубежом 25 миллионов долларов.

Тем временем в Цюрихе неуязвимый Бирштейн тоже ликовал, принимая корреспондентов российских и западных газет. Им восторгался оттуда спецкор «Московского комсомольца»:

«Борис Бирштейн уверен в том, что он, к примеру, может уволить любого чиновника в нашем Содружестве Независимых Государств – стоит ему лишь протянуть руку к телефону и сделать несколько звонков. Советский еврей из Литвы – по самому своему происхождению отщепенец – владеет теперь в разных концах планеты заводами, отелями, особняками, которые навещает на собственном самолете. Герой нашего времени. Не хуже и не лучше героев иных времен».

Победоносные герои «битвы компроматов» праздновали декабрьское Рождество, когда я повстречался в Москве с одним из швейцарских посетителей Бирштейна. Он был, как и я, экс-депутатом разгромленного Верховного Совета России. Дружил с Руцким и возглавлял подконтрольный вице-президенту денежный фонд «Возрождение». А затем превратился внезапно в солидного бизнесмена. Он знал, что я безуспешно ищу работу, имея в моей трудовой книжке черное клеймо:

«Освобожден от постоянной работы в соответствии с указом Президента Российской Федерации от 21 сентября 1993 года № 1400 без предоставления социальных гарантий».

- Помнишь, как в сентябре, – сказал Александр Коровников, – я отговаривал тебя в Верховном Совете от нападков на Бирштейна?

- Помню.

- Бирштейн – неплохой человек. И не злопамятный. Хотя твои выступления его взбесили. Но это в прошлом. Хочешь погостить у него в Цюрихе?

- Зачем?

- Напишешь о нем хороший очерк.

Столь наглый заказ исходил явно от Бирштейна. Привычно скупая в Москве министров и депутатов, он счел, что теперь его единственный враг, поверженный и безработный, уцепится за денежную наживку. Это я проверил вопросом:

- Кто же оплатит мою поездку в Цюрих – авиабилеты, гостиницу, питание?

- Бирштейн, – ответил Коровников.

- Здорово!

- У тебя загранпаспорт в порядке?

- Да. Но улететь за границу вряд ли позволят. Ведь я у Ельцина в особом «черном списке» ста пятидесяти его супостатов.

- Ерунда. Поедешь поездом в Киев, а оттуда самолетом в Цюрих. Согласен?

- Сперва надо, пожалуй, это обмозговать...

Меня подмывало одурачить Бирштейна: побывать у него в Цюрихе, прикинуться подкупленным гостем и рассказать затем о нем всю правду. Но я сам забраковал глупую авантюру, ибо швейцарское путешествие было бы взяткой мне от Бирштейна, а он в отместку за мой обман смог бы вполне изобразить меня потом ненасытным и посему мстительным вымогателем.

В итоге я просто уклонился от цюрихской взятки. Но даже деликатный отказ аукнулся мне вскоре звонкой оплеухой. 9 февраля 1994 года литсотрудник «Московского комсомольца» Юрий Зайнашев, побывав в гостях у Бирштейна, объявил меня слабоумным:

«Сбрендивший руководитель оппозиции депутат Иона Андронов вообще заявил в Верховном Совете: это сам Бирштейн велел Якубовскому и Макарову позорить и чернить русского вице-президента, и сделал это Бирштейн по заданию израильской разведки Моссад.

- Борис Иосифович, говорят, вы – агент КГБ и Моссад.

- Вы в это верите? В этом есть логика?».

Журналист ничего не возразил. И более не касался скользкого вопроса. А почему? Очевидную причину упомянул он лишь мельком в конце репортажа:

«Бирштейн пригласил сотрудника «Московского комсомольца» на сутки в Цюрих, поселил в многозвездочном отеле, оплатив все расходы, и даже снабдил командировочными».

Сумма «командировочных» была застенчиво скрыта валютным халвашиком.

Вслед за тем меня вдруг посетил новоявленный пресс-секретарь Дмитрия Якубовского – журналист Николай Гульбинский. Он, по-моему, типичный экземпляр второй древнейшей профессии в сегодняшней России. А его карьера фантастически зигзагообразна. И это тоже характерная черта отечественной прессы.

С ним я знаком почти ~~десять~~ ²⁰ лет. В начале 90-х годов он вращался среди питомцев высшей номенклатуры компартии, будучи тогда сотрудником Академии общественных наук при ЦК КПСС. Однако летом 1991 года Гульбинский помог члену ЦК компартии РСФСР и вице-президенту Руцкому сформировать в угоду Ельцину «Демократическую партию России», расколовшую КПСС и ускорившую ее крах.

В те дни Гульбинский стал пресс-секретарем Руцкого. Но затем опубликовал книгу о Руцком, расписав его отъявленным негодяем. Гульбинский нанялся редактировать телепрограмму Караулова и подсобил ему летом 1993 года опозорить на телевидении Руцкого, засняв интервью

с ним в форме полицейского допроса о содействии вице-президента расхитителям госказны.

На следующий год Гульбинский перевоплотился в пресс-секретаря Якубовского. Потом заделался пресс-секретарем московского миллионера Мартина Шаккума, возмечтавшего стать президентом России. Вместе они учредили «Социалистическую народную партию» и издают ее бюллетень «Социалистическая Россия». Гульбинский как бы крутанулся почти на 180 градусов к его политическому прошлому. Виртуозный многостаночник!

А мне он принес домой весной 1994 года почитать и прокомментировать первую главу будущей автобиографической книги его патрона Якубовского. Мемуарный отрывок, по словам Гульбинского, взялась напечатать газета «Сегодня». Она планировала выделить позже целую полосу трем авторитетным рецензентам опуса Якубовского.

Его пресс-секретарь заполучил хвалебные отзывы известного юриста и почтенного военачальника, а я понадобился ради как бы объективного контрбаланса, так как ранее трехкратно разоблачал интриги Якубовского.

- Ваш партнер Дима, - сказал я Гульбинскому, - к сожалению, восторжествовал. И после драки, как говорится, кулаками не машут. Посему я могу высказать свое мнение о Якубовском вполне спокойно без брани. Но с условием предложить ему встретиться потом со мной и ответить на вопросы.

- Согласен, - произнес пресс-секретарь.

Предъявленное им сочинение оказалось пересказом истории о том, как Якубовский предложил в 1990 году министру обороны СССР маршалу Язову перед эвакуацией наших войск из Германии добиться от немцев денежной компенсации за оставленное нами военное имущество. А что далее вытворял Якубовский с его компроматом — об этом ни единого слова. Мое краткое резюме было таким:

- Здесь мало нового. Деятельность Якубовского, связанная с попытками спасти наше имущество в Германии, не вызывает, естественно, негативного отношения. Но интерес к Якубовскому вызван не только германским эпизодом. Надо, видимо, Якубовскому набраться мужества и рассказать всю правду. Я убежден, что в 1993 году показушный ажиотаж вокруг коррупции был частью срежиссированной операции с прицелом сравнить между собой ведущих лидеров политической жизни России. И если Якубовский все же решится разгласить правду, то ему, наверное, придется уходить в подполье, заранее обзавестись вторым паспортом, купить загодя авиабилеты в Канаду. Хотя и там вряд ли он будет в абсолютной безопасности. Мы же видим — какой идет отстрел неугодных людей. Подошлют к нему какого-нибудь наемного стрелка и расправятся безнаказанно. Впрочем, может быть, Якубовский такой смельчак, что его мемуары получают продолжение?

Газета «Сегодня» обнародовала мои рассуждения. В ту пору я не мог, конечно, никак предвидеть, что своим откликом на автобиографию «генерала Димы» напророчу ему скорое возмездие.

Его пресс-секретарь позвонил мне по телефону:

- Дима не прочь побеседовать с вами, если сперва вы перед ним извинитесь.

- За что?

- За то, что вы обозвали его жуликом!

- Когда?

- Полагаем, что вам памятен день 21 сентября 1993 года.

- Еще бы! Чертова дата указа Ельцина о разгоне российского парламента.

- В тот же день газета «Правда» процитировала ваше заявление о том, что Якубовский – жулик.

- Разве он не жулик?

- Такое оскорбление чревато судебным иском и огромным штрафом.

- А как же быть с недавней книжкой кинорежиссера Станислава Говорухина «Великая криминальная революция», где ваш Дима заново назван «отпетым жуликом»?

- Дима уже привлек Говорухина к суду.

- Ну, тогда сообщите шепетильному Диме о моей готовности тоже судиться и несомненно доказать, что он жулик. Передадите ему это?

- Обещаю, - хихикнул Гульбинский, а мне почудилось, будто он тайно доволен услышанным.

Обидчивый Якубовский не затеял, однако, со мной судебной тяжбы. Это могло бы повредить его саморекламе, которую он энергично и успешно нагнетал по всей Москве. Десятки интервью с ним печатали столичные газеты и журналы. Он часто мелькал на телеэкранах. И завлекал любопытную публику на свои выступления в центральных клубах литераторов, журналистов, актеров.

Он упивался своей скандальной славой так безмерно и столь болтливо, что газета «Известия» дала ему иронически двойную фамилию «Хлестаков-Якубовский».

7 ноября 1994 года в московском «Доме кино» новомодный Хлестаков устроил фуршет и презентацию телефильма о самом себе под названием «Три мгновения лета». Это была вульгарная репродукция шедевра советских телесериалов – «Семнадцати мгновений весны».

Кинокадры о военных подвигах полковника советской разведки Исаева, проникшего в гитлеровский абвер и гестапо под именем немца Штирлица, перемежались съемками пухлотелого по-дамски Якубовского. На отданной ему подмосковной усадьбе КГБ он лихо палил из автоматов и револьверов, инсценировал смертельные удары ногами и руками, командовал его вооруженными охранниками. Да еще он брэнчал на гитаре и

хвастливо перечислял звонкие имена знакомых ему кремлевских министров, генералов, политиков.

Телебуффонада лже-Штирлица была освистана хором газет. «Эта лапша на уши», – потешались «Московские новости». Более серьезно анализировала «Независимая газета»:

«Никакие враги Бориса Ельцина не смогли бы дискредитировать нынешнюю власть больше, чем это сделали творцы фильма о Якубовском».

Охаянный кинотворец – режиссер Наталья Косинец – созналась, что схалтурила по воле Якубовского «мыльную оперу». Однако в начале фильма Косинец честно рассказала с экрана предысторию ее произведения:

- Создавая этот фильм, мы работали с Якубовском полгода. Много в жизни Якубовского остается загадкой. И у нас осталась масса вопросов. Потому что, я думаю, Якубовский, вернувшись в Москву из Канады в декабре 1993 года, дал некий обет молчания относительно тех лиц и событий, к которым он был причастен. Я думаю, что именно поэтому было дано ему разрешение вернуться в Москву. Именно с таким условием...

Однако прототип Хлестакова по своей натуре просто-напросто не мог никак выдержать предписанный ему свыше «обет молчания». Опынейный славой телезвезда, он посулил журналистам произвести вскоре вулканический фурор публикаций его мемуарного бестселлера под зловещим названием «По тонкому льду».

Но слишком тонкий лед треснул неожиданно. Об этом я узнал потом от пресс-секретаря Якубовского:

- В мои обязанности входила подготовка к печати воспоминаний Якубовского, – поведал Гульбинский. – В ноябре неизвестные мужчины принялись звонить Якубовскому и угрожать: «Нам стало тесно в одном городе. Убирайся в Канаду!». Когда Якубовский надиктовал две главы воспоминаний и передал прессе, то ему позвонил один высокопоставленный чиновник: «Ты нас шантажируешь, что ли?». Дима удивился: «Почему?». Чиновник сказал: «Там написано у тебя – продолжение следует».

Более четырех лет спустя Якубовский назвал мне имена тех, кто боялись шантажа в его мемуарах:

- Это позвонил мне тогда Ильющенко, исполнявший обязанности генпрокурора. Он действовал по поручению генерала Коржакова.

- А кто угрожающе требовал от вас убраться в Канаду?

- Их имен не знаю. А исходило это от Коржакова. Я передал письменную жалобу об угрозах в Генеральную прокуратуру. Но все кончилось ничем.

Якубовский продолжал диктовать мемуары на магнитофон для литобработки Гульбинским. Им было еще невдомек, как губительно разгуливать по тонкому льду возле Кремля наперекор генералу Коржакову.

В августе 1994 года, когда московские газеты уже анонсировали предстоящий выпуск книжки Якубовского, опричники Коржакова рас-

правились с другим кремлевским летописцем — первым пресс-секретарем президента Павлом Вошановым. Он обслуживал Ельцина до 1992 года и затем вернулся к своей прежней работе в «Комсомольской правде». Однако Вошанов признался, что уже не смог стать вольным журналистом:

- Осенью 1992 года по приказу Коржакова была установлена слежка за мной, бывшим пресс-секретарем Ельцина. Они прослушивали мой телефон. Они ездили за мной следом. И предложили заключить договор: я не публикую никаких воспоминаний о работе в Кремле — меня оставляют в покое.

Вошанов не нарушил договора с коржаковцами, хотя напечатал в его газете несколько заметок с критикой политического курса Ельцина. Личные пристрастия, поступки или высказывания президента не затрагивались. Но все равно Вошанов подвергся нападению на него офицеров Коржакова:

- Однажды утром в дверь моей квартиры позвонили. Я открыл и... Сколько их было, как они выглядели — ничего не помню. Только голос: «Побольше пиши в своей паршивой газетенке!». И удар головой об пол, после которого уже ничего не воспринимаешь. То ли еще жив, то ли уже умер.

Избитый газетчик вдвойне зарекся вспоминать службу на Ельцина. Но все же опять критиковал осторожно его политику в обобщенной форме. За это Вошанову устно пригрозили из Кремля: «Парень, ты доигрался! Теперь из тебя мозги вышибут. Имей в виду, уже дано такое задание». Его предотвратил Вошанов газетной оглаской кремлевских побоев и утроз.

Сменивший Вошанова следующий пресс-секретарь президента Вячеслав Костиков запомнил мордобой предшественника:

- На втором этаже Кремля, где размещались Службы безопасности президента, не скрывали, что «дали по ушам Вошанову, чтобы он не вспоминал ненужных эпизодов».

Вскоре такая же судьба едва не постигла и Костикова:

- Коржаков сказал мне: «Среди твоих сотрудников есть человек, который приглядывает за тобой очень дотошно. О его наблюдениях нам известно. Нам сказали, что ты собрал четыре коробки материалов и уже пишешь книгу». И он посмотрел на меня взглядом Малюты Скуратова.

Пресс-секретарь покаялся, что хочет описать свое пребывание в Кремле, но «книга не будет направлена против президента». Этим же он успокоил самого Ельцина: «Я не позволю себе никакой бестактности в отношении вас».

Но Ельцин предложил Костикову воздержаться пока от книготворчества. А генерал Коржаков, припугнул:

- Имей в виду, если что!... Не пиши плохо про президента. Иначе я тебя из-под земли достану!

Костикова уже доставали из-под воды, когда ранее он сопровождал Ельцина и Коржакова в речной прогулке на теплоходе и был по прихоти президента сброшен с десятиметровой высоты верхней палубы.

Запуганный пресс-секретарь поплатился отставкой за мемуарный зуд. Но благодаря его клятвам в лояльности Ельцину он выклял себе игрушечный пост московского посла в Ватикане. Там от безделья Костиков все-таки настроил безвредную для Ельцина книжицу. Тем не менее за нее непослушного автора лишили посольства и выгнали вообще с государственной службы.

Последующие пресс-секретари президента благоразумно опасаются поныне публиковать мемуары. Советники и помощники Ельцина даже боятся обсуждать внутри Кремля многие актуальные проблемы, так как все служебные кабинеты нашпигованы аппаратурой подслушивания, которой распоряжался генерал Коржаков до лета 1996 года. В те дни аккредитованная в Кремле известная журналистка Тамара Замятина рассказывала:

- Когда я пыталась убедить помощника президента Георгия Сатарова открыто выступить против методов работы Коржакова, то рослый и могучий Сатаров сказал мне: «А ты уверена, что я доеду вечером до дома?».

Самонадеянный мемуарист Якубовский из-за своего зазнайства не смог догадаться, что он фатально обречен. Его неоконченная книга обрастала слухами, возбуждавшими панику в Кремле. Например, журналисты из «Комсомольской правды» утверждали, будто Ельцин персонально одарил Якубовского платиновыми часами за компромат против врагов президента. Привычка Ельцина дарить часы была общеизвестна. А «генерал Дима» шеголял ручными часами из платины...

Наперегонки с Якубовским литератор-эмигрант Эдуард Тополь издал у нас в ноябре 1994 года документальную повесть о том, как Якубовский летом предыдущего года сочинял в Кремле компромат против недругов Ельцина. Об этом рассказали Тополю сам Якубовский и его сообщник Караулов. Причем Караулов сообщил, что Ельцин звонил Якубовскому по телефону и называл ему имена политиков, подлежащих компрометации. Если это верно, то президент – уголовный преступник?

Каков будет ответ в сочинении Якубовского – этого дожидаться не рискнули в растревоженном Кремле. 20 декабря 1994 года на улице в центре Москвы спецотряд МВД арестовал Якубовского и разоружил его охранников.

- Во время ареста, - сказал мне Якубовский, - я потребовал телефонного разговора с и.о.генпрокурора Ильюшенко. Я настаивал на этом. Но меня послали на х... И переправили под конвоем в тот же день на самолете в Питер. А там упрятали в камеру «Крестов». Без меня в Москве обыскали мое жилье и контору. С того дня исчезли записи моих мемуаров. Где они – неведомо мне поныне.

- Ваши записи были машинописными?

- Нет. Текст оригинала был наговорен мною на магнитофонные кассеты. Все они тогда пропали.

- Сколько кассет вы надиктовали?

- Два десятка.

После ареста Якубовского власти скрывали двое суток причину незаурядного события. Посвященный в кремлевские секреты бывший генпрокурор Алексей Казанник заявил:

- Якубовского «сдали» высокопоставленные должностные лица, с которыми он находился в дружеских отношениях. Он знает слишком много о высших лицах страны, включая администрацию президента.

Общавшийся с Якубовским финансист и политик Константин Боровой уточнил напрямик:

- Его предал Ельцин.

Вопреки этому 23 декабря начальство милиции Санкт-Петербурга объявило: Якубовский заточен в следственном изоляторе «Кресты» по обвинению в организации хищения из местной государственной библиотеки 89 старинных манускриптов стоимостью в 150 миллионов долларов.

Кража библиотечных сокровищ произошла питерской ночью с 10 на 11 декабря. Двумя днями ранее горожанка Раиса Горенбург сдала свою квартиру трем приезжим из Израиля. Они принесли в ее квартиру 11 декабря какие-то громоздкие пакеты, попросили передать их позже здешним компаньонам израильтян, оплатили хранение груза и аренду жилья, а сами улетели обратно в Израиль.

На следующий день питерские газеты сообщили о грабеже в госбиблиотеке. Обеспокоенная Раиса Горенбург вскрыла пакеты ее постояльцев и обнаружила внутри антикварные фолианты. Она известила об этом городское управление контрразведки. Оттуда прислали к ней оперативников. Они опознали похищенные из библиотеки раритеты и устроили засаду на квартире Горенбург. Туда явился 16 декабря забрать пакеты и был арестован москвич Владимир Ананьев.

На первом допросе Ананьев сказал, что ничего не знал о содержимом пакетов и приехал за ними на автомобиле из Москвы по платному заказу «неизвестного человека еврейской внешности». Но потом пойманный курьер, поговорив несколько часов со следователями, резко изменил свои показания и назвал заказчиком пакетов Дмитрия Якубовского.

Выяснилось, что Ананьев — один из автошоферов юридической конторы Якубовского. А до того Ананьев служил в управлении правительственной охраны. Как только он обвинил Якубовского, сразу же его освободили...

Допрошенный в «Крестах» Якубовский категорично утверждал, что его оклеветали, так как он не посылал никого из своих шоферов за краденными вещами. Показания против него Ананьева оказались голословными. Помимо них у следователей была лишь одна документированная улика —

трофией обыска на даче Якубовского: список древних книг из библиотечных хранилищ.

- Этот книжный список подбросили во время обыска без моего присутствия, - пояснил мне Якубовский четыре года спустя. - Но мои разоблачители оказались идиотами: их подметный список перечислял книги, которых не было в обворованной библиотеке Санкт-Петербурга!

Сомнительный список изучили эксперты-историки и установили, что это копия зарегистрированного в ЮНЕСКО международного «Списка Гинзбурга» — реестр наиболее ценных древнееврейских рукописей. Большинство из них сберегли в бывшей Ленинградской библиотеке в Москве. Малую часть — в других городах. И нигде ничего не украдено.

- Мне приписали тайный умысел — переслать сворованные манускрипты в Израиль, - вспоминает следствие Якубовский. — А найденный будто бы при обыске книжный список был изготовлен в виде факса, поступившего якобы из Израиля. Но экспертиза показала, что это был не факс, а его подделка.

Через полгода следствия его предварительный диагноз сформулировали «Московские новости»:

«Все более складывается впечатление, что Дмитрий Якубовский попался на провокацию, спланированную тщательно российскими спецслужбами с задействованием глубоко укорененной агентуры старого советского КГБ в Израиле».

По части российских спецслужб это подтвердил подчинявшийся генералу Коржакову полковник Валерий Стрелецкий. Он рассекретил в 1988 году подоплеку тюремного заточения Якубовского:

«Мало кто знает, что в этой истории самое активное участие принимала Служба безопасности президента. Мы сделали все, чтобы Якубовский не сумел ответить».

Адвокат арестанта Генрих Падва обвинил кремлевские спецслужбы в травле его подзащитного, а вслед за тем юристу пригрозили по телефону убийством.

Другой адвокат Якубовского — Евгений Мельницкий — пообещал 24 сентября 1995 года огласить документы о политическом преследовании узника «Крестов», а через несколько часов таинственные убийцы зарезали Мельницкого в его квартире и умыкнули подготовленные им документы.

В итоге вокруг Якубовского распугали почти всех адвокатов за исключением лишь питерской юристки Ирины Перепелкиной. Она даже осмелилась выйти замуж за подопечного зека. Ее квартиру трижды обыскивали и громили неуловимые взломщики. Однажды ее ударил налетчик по голове рукояткой пистолета, от чего у нее было сотрясение мозга с потерей сознания и сердечный приступ.

- Кто это подстроил? — спросил я ее супруга.

- Служба безопасности президента.

14 ноября 1996 года питерский суд приговорил Якубовского за «хищение государственного имущества в составе преступной группы» к 5 годам лишения свободы. Верховный суд России уменьшил наказание до четырех лет. 19 декабря 1998 года Якубовского освободили.

- Вы возобновите запись своих мемуаров? – задал я последний вопрос Якубовскому.

- Нет! – воскликнул он. – Никаких мемуаров! Не хочу и не буду их писать.

Да, так ~~будет~~ ^{было} ~~наверняка~~ ^(правда) до тех пор, пока Ельцин в Кремле. Однако и потом Якубовский никогда не напишет, вероятно, полной правды о себе.

АГОНИЯ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА

О септим вечером 1993 года моя жена готовила ужин, а я включил телевизор ради просмотра восьмичасовой сводки новостей. Но вдруг увидел на экране вместо диктора опухшую физиономию Бориса Ельцина. И услышал его злобно-скрипучий голос. Президент оглашал свой новый указ о разгоне российского Верховного Совета и запрете навсегда съездов народных депутатов. Так начался еще один пережитый мною московский путч, обагрявший кровью и без того несчастную Россию.

Сейчас у меня дома сбоку от письменного стола, где я пишу эти строки, висит на стене портрет моей жены. У нее пулевая дырка в груди и разорвана выстрелом половина лица. Раньше ее портрет висел тоже над письменным столом в моем депутатском кабинете 339 внутри «Белого дома». Там все искромсали пули и осколки снарядов 4 октября 1993 года.

Впрочем, я сам отчасти повинен в расстреле портрета жены. Вместо нее в парламентском кабинете до моего вселения туда был на стене в золотистой рамке Владимир Ильич Ленин. Так по чистой случайности он избежал посмертной казни войсками питомца его же партии Бориса Ельцина.

Однако в первый вечер государственного переворота 21 сентября еще не пахло порохом. Жена дала мне взамен ужина пакетик бутербродов, и я спешно отправился в «Белый дом». К нему уже стекались толпы горожан и небольшие отряды патрульной милиции. Пришедшие депутаты устроили вскоре ночное совещание под руководством председателя парламента Хасбулатова. Он объявил:

- Борис Ельцин нарушил Конституцию, изменил клятве на верность народу и потому он должен быть немедленно отрешен от должности.

Затем выступил перед нами председатель Конституционного суда Валерий Зорькин. Он согласился с Хасбулатовым и обещал поддержать Верховный Совет на предстоящем экстренном заседании Конституционного суда. Спустя три часа Конституционный суд официально квалифицировал действия Ельцина незаконными и наказуемыми лишением его президентства.

Тем временем в зале президиума Верховного Совета присоединился к нам изгнанный Ельциным из Кремля вице-президент Руцкой. Он сел рядом с Хасбулатовым, который заявил:

- Президиум должен легализовать переход всей полноты власти в руки вице-президента Руцкого.

За это проголосовали почти все присутствовавшие парламентарии. Руцкой произнес:

- В соответствии с Конституцией я принимаю исполнение полномочий президента России и отменяю его незаконный указ.

Дальнейшие события общеизвестны. Они описаны многократно, но поныне, по-моему, лишь поверхностно. Почему, например, из тысячи российских депутатов прибыли после путча в «Белый дом» менее семисот, а под конец двухнедельной обороны парламента в нем остались чуть более сотни депутатов?

Первопричина - циничный подкуп значительной части моих коллег. Об этом проговорился однажды приверженец Ельцина депутат Сергей Юшенков:

- Если бы «покупка» вменяемой части парламентариев разными административными должностями шла активнее и загодя, то скоро у Верховного Совета не осталось бы иного пути, кроме самороспуска - некому стало бы голосовать.

В моем парламентском комитете по международным делам дезертировали из «Белого дома» три четверти членов комитета. Его председатель Евгений Амбарцумов, бывший сотрудник академического института, прибыльно променял депутатство на пост российского посла в Мексике. Другой мелкий экс-служака научного учреждения Евгений Кожокин получил за свою измену парламенту кресло заместителя министра, а затем директора института стратегических исследований. Бывший скромный правовед Алексей Сурков превратился из рядового депутата в главу кремлевской спецкомиссии по раздаче материальных благ таким, как он, перебежчикам из «Белого дома».

Комиссия Суркова обосновалась умышленно возле парламента на Новом Арбате. Там покоровшихся Ельцину депутатов вознаграждали обильно: каждому - два миллиона рублей наличными, престижное место службы в госаппарате, курортная путевка, медицинский допуск в президентскую клинику, присвоение служебной квартиры в столице. Одновременно офицеры госбезопасности и МВД, прикомандированные к Суркову, помогали ему составлять, по его словам, «черный список тех, кто не получит социальные льготы».

Льготы за предательство выкрикивала оглушительно радиоустановка на желто-пятнистом броневице, дежурившем ежедневно у «Белого дома». Мы прозвали радиоброневик «желтым Геббельсом». Он повторял навязчиво вопли о даровых деньгах и квартирах, а в интервалах транслировал как бы издевательски модную тогда песенку:

*Путана, путана, путана,
почная бабочка, по кто же виноват?*

*Путана, путана, путана,
огни притонов так заманчиво горят!*

Звукооператор «желтого Геббельса» был то ли болваном, то ли лихим шутником.

Хасбулатов рассказал мне, как даже ему предложили уподобиться путане. Вот запись об этом с его разрешения:

«На четвертый день путча явился ко мне отрекшийся от депутатства Евгений Кожокин с поручением из Кремля. Кожокин сказал:

- Вы обречены, Руслан Имиранович. Вы погибнете здесь в «Белом доме». Принято решение на высшем уровне в Кремле обеспечить для вас отъезд за границу. Вы с вашей родней и вашими помощниками можете вылететь беспрепятственно из Москвы в любую страну по вашему выбору. Улетайте, куда хотите. Мы знаем, что у вас есть доброжелатели в скандинавских и арабских странах.

- Куда же мне лучше упорхнуть? - ухмыльнулся я.

- Назовите сами подходящую вам страну, - ответил Кожокин. - Вам помогут туда уехать.

- А как помогут?

- Дадут денег, сколько захотите. Хоть десять миллионов долларов. Наличными!

- Не надо, - рассмеялся я. - Не согласен. А вам советую побыстрее уйти отсюда. Тут опасно. Скоро будет обстрел «Белого дома». Могут пальнуть по моему кабинету. Снарядом или ракетой. Прямой наводкой. Уходите.

Кожокин, поблуднев, выскользнул из моего кабинета».

Однако двое заместителей Хасбулатова поступили по-иному. Николай Рябов, бывший агротехник из поселка в Ростовской области, сделал парламентскую карьеру в амплуа боевитого антиельциниста, но тем не менее с первых часов госпереворота открыто переметнулся к Ельцину. А тот благодарно назначил Рябова сначала председателем Центральной избирательной комиссии и затем послом в Чехии.

Газета «Известия» опубликовала мотивировку кульбитов Рябова: «Он обладает способностью вовремя почувствовать пору, когда надо менять хозяина».

Второй хасбулатовский зам Владимир Исправников, автодорожный инженер из Омска, агентурно обслуживал Кремль изнутри «Белого дома»: доносил тайно о действиях защитников парламента и подстрекал к капитуляции наиболее робких и растерянных среди депутатов. Потом Исправников, боясь разоблачения, сбежал из «Белого дома» и заявил на пресс-конференции о своей солидарности с Ельциным. Впоследствии я выслушал мнение Хасбулатова о его двуликом заместителе:

- Исправников оказался жалким трусом. Сожалею о том, что я плохо разбираюсь в окружавших меня людях. Несколько моих ближайших сотрудников тоже стали изменниками.

Вирус измены сильно подкосил верхушку парламента. Большинство председателей комитетов Верховного Совета аннулировало в угоду Ель-

цину собственные депутатские мандаты. Взамен кремлевские новобранцы высшей категории получили посты заместителей министров или крупных чиновников президентской администрации. Их осчастливили также перwokлассными дачами, лимузинами с шоферами за казенный счет и прочими номенклатурными прелестями.

Один из тех ловцов фортуны - Александр Починок - восхищенно сообщил журналистам, что в целом для благоустройства лояльных Ельцину экс-депутатов ассигновано 25 миллиардов рублей!

С тех пор Починок уже дважды побывал министром, а через полгода после путча случайно столкнулся со мной лицом к лицу возле «Белого дома» и улыбочиво протянул мне свою пятерню для рукопожатия:

- Привет, Иона Ионович!

- Таким, как вы, - сказал я, - порядочные люди не подают руки.

В аналогичной ситуации другой депутат Верховного Совета ответил Починку гораздо резче - кулаком по рыжке. От этого у Починка пару недель вокруг левого глаза был фиолетовый синяк. Но совесть вряд ли пробудилась.

Заодно с Починком покинул «Белый дом» Сергей Степашин. Он был главой парламентского комитета по вопросам обороны и безопасности. Ельцин назначил Степашина заместителем министра, далее - министром, наконец - премьер-министром. Больше всех преуспевший бывший подполковник МВД до избрания депутатом сочинил диссертацию кандидата исторических наук на тему о руководящей роли КПСС в тушении пожаров.

Прежний аппаратчик ЦК КПСС Рамазан Абдулатипов возглавлял в двухпалатном парламенте палату Совета национальностей, где числился и я. Однако никто из депутатов палаты не знал, что за четыре дня до путча Абдулатипов посетил приватно Ельцина и обсудил с ним заранее последствия разгона Верховного Совета. В этом признался спикер палаты только спустя месяц.

- У меня состоялся доброжелательный разговор с президентом. В конце разговора Борис Николаевич сказал: «Я понимаю, как тебе там тяжело, а поэтому предлагаю тебе перейти в аппарат президента или в правительство».

Абдулатипов поблагодарил президента и вызвался сперва помочь ему укротить «агрессивный парламент». Во время путча Абдулатипов согласовал с эмиссарами Кремля отвергнутый парламентом способ обезоружить защитников «Белого дома».

Накануне бронетанкового расстрела «Белого дома» оттуда исчез хорошо информированный Абдулатипов. На следующий день он вынырнул с титулом заместителя министра в кремлевском правительстве. Позже заслужил ранг министра. Его перевоплощения подытожил в прессе знакомый мне московский журналист Николай Троицкий:

«Моралист сказал бы, что карьера Абдулатипова - это цепь измен. И жестоко ошибся бы. Абдулатипов - не изменник, ибо он никогда не изменял самому себе. Это главное для государственного деятеля».

Равный Абдулатипову по государственному рангу Вениамин Соколов, председатель парламентской палаты Совета республики, попытался использовать путч Ельцина для своего синхронного мини-путча внутри «Белого дома». Вербуя заговорщиков, Соколов побеседовал со мной с глазу на глаз. Он изрек:

- Руководство Верховного Совета теперь на стадии распада и не сможет в противоборстве с Кремлем сохранить парламент. Необходимо сменить срочно наше руководство.

- Кому же по силам заново возглавить Верховный Совет? - удивился я.

- Я готов к этому, - произнес твердо Соколов.

- Как же вы сумеете получить власть над парламентом?

- Власть не получают, ее берут!

Этому кредо соответствовало ястребиное лицо Соколова. Бывший секретарь крайкома КПСС в Красноярске знал, конечно, намного больше, чем я, как добывают у нас власть. Однако я воздержался от одобрения его замысла. До меня уже дошел кулуарный слух о том, что вроде бы Соколов тайно обсуждает с кремлевскими штабистами план свержения Хасбулатова и обуздания президентом непокорного парламента. Способствовать этому я не захотел.

Начальник секретариата Соколова профессор-языковед Сергей Оганесян поведал мне потом об интригах его шефа:

- Соколов поручил своему парламентскому советнику Павлу Субботину секретно контактировать с тогдашним любимцем Ельцина министром Сергеем Шахраем и спланировать совместно замену Хасбулатова на Соколова.

Еще перед путчем Шахрай совещался трижды с посланцем Соколова. Действовал Шахрай, по его словам, с ведома Ельцина. Шахрай предложил устроить негласное свидание Соколова с президентом. Заговорщики почти все согласовали, но у них произошла вынужденная задержка из-за того, что сместить председателя Верховного Совета был полномочен только съезд народных депутатов России.

И вот такой последний 10-й съезд собрался по призыву Хасбулатова в «Белом доме» 23 сентября 1993 года. А на следующий день подавляющее большинство участников съезда проголосовало за предложение Соколова дать отставку Хасбулатову. Это поныне почему-то неизвестно. Совершенно неизвестно. Но это так. Это правда. Я был тому свидетелем.

Съезд начался на третий день госпереворота в 10 часов вечера. К тому часу съехались в «Белый дом» со всех краев страны 638 российских депутатов. Прибывшие ранее, подобно мне, уже провели две ночи на заседаниях Верховного Совета, а спали урывками в своих кабинетах на

сдвинутых стульях или столах. Перед сном не снимали костюмов, да еще кутались в пальто, но все равно зябли, так как отопление «Белого дома» было отключено столичным мэром Юрием Лужковым по директиве президента. В каменном здании парламента было так же холодно, как на улицах под осенним ветром.

Лишили нас и электричества. В зале съезда, где не было окон, тускло светились лишь полдюжины лампочек, подключенных к автономному электродвижку со скудным запасом солярки. Когда она иссякла, пришлось зажечь свечи.

Бездействовала электронная система голосования депутатскими карточками. Вместо них раздали нам по паре картонных квадратиков красного и зеленого цвета. Красный поднимали, голосуя «за», зеленый - «против».

В ночь с 23 на 24 сентября съезд утвердил предшествующее решение Верховного Совета о низложении президента Ельцина и замене его Руцким до будущих выборов. Затем развернулись дебаты - как реализовать принятое решение?

Прежде всего требовалось организовать оборону «Белого дома». Об этом говорили многие депутаты. Дух сопротивления путчу сплотил съезд. Но всеобщее воодушевление оказалось очень недолгим...

На вечерней сессии съезда 24 сентября Хасбулатов пригласил на трибуну популярного депутата Амана Тулеева, зажигательного оратора антиельцинской оппозиции. Однако на сей раз златоуст из Кузбасса поразил нас воззванием сдать на милость путчистов:

- Мы в кольце блокады. Лично я не знаю, когда начнется очищение «Белого дома». И никто из вас предугадать не может. При такой ситуации и при такой работе съезда я не увидел четкого плана действий. Я считаю, если не будет занят «Белый дом», то Верховному Совету нужно продолжать работу. Съезд выполнил в принципе свою задачу. Нет смысла дальше нам здесь задерживаться.

Неожиданно для всех Хасбулатов подыграл Тулееву:

- Если против нас будут использовать силовые методы, то к ним, естественно, мы совершенно не готовы. Я не заканчивал факультет стратегии Генерального штаба. Я заканчивал юридический факультет и экономический. Не готовился вовсе к отражению каких-то атак.

Съезд вскипел выкриками негодования. Общий настрой высказал депутат Владимир Исаков:

- Я останусь здесь до конца! Никуда не уйду. По своей воле я отсюда не уйду, разве что выгашат не знаю уж в каком виде. Я намерен отстаивать достоинство законодательной власти, которую подвергают наглому насилию.

Следующим выступил депутат Юрий Слободкин:

- Вы, товарищ Тулеев, толкаете нас по-существу на то, чтобы мы дезавуировали все решения этого съезда народных депутатов и Верховного Совета. Во что вы хотите превратить нас?

Вслед за тем изумил нас неутомимый оппонент Ельцина депутат Сергей Бабурин:

- Я абсолютно согласен с тем, что съезд народных депутатов должен завершить свой работу.

В итоге между депутатами вспыхнула перебранка. Ее прервал Хасбулатов:

- Нам не надо поддаваться излишним эмоциям в конце съезда. Надо достойно завершить наш самый трагический съезд. Говоря точнее, правильно будет не завершить, а прервать его работу с тем, чтобы опять собраться, как только появится возможность.

Зал гулко ахнул. Слова Хасбулатова вызвали панический шок. Председатель парламента, возглавив наш отпор путчу Ельцина, поднял без нашего согласия белый флаг! Созвал депутатов на их предсмертный съезд, чтобы предать нас поголовно и поименно? Отчаяние и гнев душили меня. Неужели сегодня мы, избранные народом законодатели, разбежимся добровольно, позорно, трусливо к радости путчистов?

Между тем Вениамин Соколов стремительно взошел на трибуну съезда:

- Прошу несколько минут внимания. Я буду обращаться к вам с просьбой продлить работу съезда именно сейчас. На первом месте стоит вопрос: будем ли мы дальше функционировать или нет? Второй вопрос: в состоянии ли нынешнее руководство Верховного Совета обеспечить практическую деятельность в нынешних условиях? Я думаю, что Руслан Имранович Хасбулатов заслуживает нашей признательности за многое из того, что он сделал, особенно за его многочисленные статьи и речи в защиту конституционного строя. Но вот в теперешней ситуации, я думаю, возможности Руслана Имрановича исчерпаны. И не только его возможности. Поэтому я предлагаю съезду обсудить вопрос о руководстве Верховного Совета.

Речь Соколова детонировала взрыв аплодисментов. Воспрянувший съезд обрел опять надежду на успех и нового вожда. Не менее полутысячи рук взметнулось с красными картонками, голосуя за инициативу Соколова. Зеленых набралось около сотни.

Ошеломленный Хасбулатов вслух признал свое поражение:

- Победа, мы знаем, всегда общее достояние, а поражение — удел руководства. Давайте искать, есть ли новые лидеры. Конечно, Соколову будет легче: он был партсекретарем и райкома, и крайкома. Ему легче будет руководить...

Пока Хасбулатов желчно прощался с нами, десять депутатов передвигались медленно по залу, подсчитывая поднятые почти везде красные и лишь кое-где зеленые картонки. Каждый подсчетчик голосов имел в за-

ле свой сектор. Суммарный подсчет был доверен депутату Григорию Дорофееву, главе комиссии по регламенту съезда.

Бывший пилот военной авиации Дорофеев проявлял всегда к своему начальнику Хасбулатову услужливую преданность младшего офицера. Я увидел, как Дорофеев во время голосования подошел сзади к председательскому креслу Хасбулатова и прошептал своему командиру что-то в ухо.

Через несколько минут Хасбулатов обратился к Дорофееву:

- Каково решение съезда?

- Руслан Имранович, подсчетчики не сработали в секторах 2 и 10. Надо повторить голосование.

- Хорошо, - подтвердил Хасбулатов.

Однако он принялся всячески оттягивать повторное голосование, разрешив самым говорливым депутатам устроить дискуссию вокруг уже предпрешенной его отставки. Против нее голосовавшее меньшинство съезда получило шанс переубедить хотя бы часть большинства. Облаченный в генеральский мундир депутат Борис Тарасов апеллировал даже к Соколову:

- Мы должны, Вениамин Сергеевич, не устраивать сегодня разборки. Надо сохранить единство и волю. Я утверждаю, что руководство Верховного Совета, несмотря на некоторые просчеты, адекватно ответило на вызов наступающей диктатуры.

Хасбулатов позволил выступить наряду с его адвокатами и критику - Сергею Шеболдаеву. Этот московский депутат обожал витийствовать по любому поводу и отличался уникальным пустословием. Его речи обычно вызывали презрительное шиканье и смех. Шеболдаев превращал в глупость все, о чем говорил. Он попрекнул Хасбулатова за намерение прекратить съезд и добавил:

- Многое давит на нашего председателя. Давят представления о нем как о человеке, уж извините вы меня, прямо скажу, нерусской национальности.

Съезд возмущенно зашумел. Криками и свистом заставили умолкнуть Шеболдаева. Хасбулатов мгновенно приобрел поддержку всех депутатов из национальных автономий Кавказа, Поволжья, южной Сибири, Дальнего Востока, российского Севера. Да и многие русские посочувствовали обиженному чеченцу. А он тем временем применил свою главную ударную силу - наш новорожденный президент Рушкой, порозовев от возбуждения и гопорща усы, занял трибуну:

- Уважаемые народные депутаты! Я вам честно и откровенно говорю - стыдно и неприятно смотреть на то, что происходит здесь сегодня, особенно в последний момент. Каких только не услышишь нелепостей. Давайте, мол, быстро скажем спасибо надоевшему быстро Хасбулатову и быстро изберем другого. Вместо того, чтобы заниматься делом, мы устраиваем тут разборки: хороший или плохой Руслан Имранович, русский

ли, чеченец. Я считаю оскорбительным, когда задевают национальность человека. Это вообще какая-то дикость. Вы хоть думайте, что вы делаете. Когда съезд идет вроде бы спокойно, то обязательно нужно довести до такого состояния, чтобы все время находиться в тряске: давайте, мол, сейчас переизберем председателя парламента. Кто же меняет лошадей на переправе? Вспомните русскую поговорку!

Зал откликнулся овацией. Руцкой сказал напоследок:

- И я просто вынужден откровенно сказать вам в глаза: уважаемые депутаты, давайте займемся все-таки делом. Хватит предавать не Хасбулатова и Руцкого, а Конституцию, закон и народ. Давайте займемся делом!

Вскоре после спича Руцкого устроили второе голосование о предложении Соколова. За истекшие полтора часа прений съезд, утомленный нервозностью и покоренный Руцким, утратил первоначальную решимость сменить Хасбулатова на Соколова. Теперь оказалось больше поднятых рук с зелеными квадратиками, чем с красными. Их всех пересчитать просто поленились. Было объявлено, что съезд отклонил предложение Соколова. Он сник и не протестовал.

Хасбулатов больше не заикался о прекращении съезда. Почему такую попытку сделал он явно в сговоре с Тулеевым - об этом я не спрашивал Хасбулатова в последующие годы, хотя общался с ним и выяснил многое. А вопрос о его пораженческом промахе на съезде в «Белом доме» я не задавал, ибо не рассчитывал на достоверный ответ.

Соколов продолжал в «Белом доме» плести интриги, будучи в тайном альянсе с Кремлем. Предупреждение на сей счет высказала мне встревоженная секретарша Соколова. Все телефоны в здании парламента были отключены московскими властями, но только один Соколов, как знала его секретарша, имел телефонную связь с президентской администрацией. Ее тогдашний руководитель Сергей Филатов рассказал через год после путча:

- Мне передали записку из «Белого дома» с просьбой Соколова включить ему там телефон. Было написано: «Прошу включить телефон в задней комнате, поскольку разговаривать из моего кабинета я не могу, так как нахожусь под наблюдением».

Перед артрасстрелом «Белого дома» 4 октября Соколов удрал оттуда и отсиживался весь тот кровавый день в штабе опергруппы штурмовиков Ельцина. Нынче Соколов - высокопоставленный аудитор Счетной палаты.

С той сентябрьской ночи, когда Соколов едва не овладел «Белым домом», мы окончательно настроились на твердый отпор путчу Ельцина. И всякий раз с наступлением темноты ждали нападения президентских штурмовиков. Немало депутатов потихоньку покинуло нашу слабосильную цитадель. Остальным раздали противогазы и по две свечки с коробком спичек.

И каждую ночь после очередного заседания я брел с огарком свечи по беспросветно черным коридорам в свой промерзший кабинет. Там подолгу смотрел через оконное стекло на нашу единственную надежду - сотни москвичей, которые грелись у костров на небольшой площади перед «Белым домом».

Это ночное зрелище, окантованное рамой моего окна, казалось театральной импровизацией старых и полузабытых пьес о гражданской войне. В глубине сцены горбились по краям площади, будто декорации, зубчатые баррикады из кусков кровельной жести, кирпичей, досок, ржавой арматуры. У баррикад копошились мужчины с металлическими пиками. Внутри партизанского бивака молодцевато расхаживали казаки в лохматых папахах и кавалерийских сапогах с нагайками за голенищем. Возле костров кучковались подростки и беззаботно пели под гитару. В центре повстанческого лагеря торчал трехметровый деревянный крест. Вокруг него толпились богомолы - женщины, старики, дети. Иногда они гуськом обходили площадь во главе со священником, несшим икону.

Так в центре столицы возник наяву и продержался 14 суток неподвластный Кремлю очаг народного восстания. Его место имеет подходящее название - площадь Свободной России. Туда сходились на митинги в дневное время от 5 до 10 тысяч горожан. А ночевали на асфальте даже под дождями самые стойкие числом в полторы-две тысячи.

Не раз по ночам я обходил на площади пикеты наших защитников, толковал с ними, согревался у их костров горячим чаем из вскипевших котелков. Обнаружил, что среди баррикадников были пришельцы из разных российских регионов, включая избравшую меня депутатом Владимирскую область. Встречались приезжие из Белоруссии, Приднестровья, Казахстана. Северного Кавказа, Калмыкии. Наряду с москвичами часто попадались петербуржцы.

Из разговоров с добровольными спасителями парламента выяснилось, что они, обороняя «Белый дом», вместе с тем мало доверяют депутатам и Хасбулатову вкупе с Руцким. Уличное ополчение примкнуло к нам лишь ради совместного сопротивления Ельцину и его новому режиму социальной несправедливости, обогатившей горстку нуворишей и обездолившей рядовых тружеников. А к этому причастны были и российские депутаты.

Ведь мы, депутаты, сделали Ельцина председателем Верховного Совета, потом агитировали за его избрание президентом, увенчали полупарцарскими полномочиями вопреки Конституции. И слишком поздно взбунтовались против его насильного единовластия. Всего этого нам не простили.

Мне говорили у костров ночные собеседники:

- Не вздумайте снова предать нас. Если сепаратно упрсите Ельцина пошадить Верховный Совет без смены всех высших властей, то мы сразу же уйдем отсюда. Без нас расправятся с вами мгновенно.

Среди наших заступников оказалось неожиданно для меня совсем немного заводских рабочих. Преобладали обедневшие служащие госучреждений, сотрудники научных институтов, преподаватели, студенты, демобилизованные офицеры. Как ни удивительно, обороняла «Белый дом» от Ельцина в основном разоренная им интеллигенция.

После гибели парламента были составлены два списка его защитников. Первый список - перечень 97 убитых на подступах к «Белому дому». Второй - перепись тысячи арестованных ополченцев. В обоих списках самые многочисленные - работники научно-технических и учебных институтов, студенты, военнослужащие.

В списке убитых наибольшая категория - мужчины от 30 до 50 лет с высшим образованием: инженеры, ученые, институтские преподаватели. Плюс 9 студентов. И восемь военнослужащих от прапорщика до полковника в отставке. Да еще десять школьников от 14 до 18 лет.

Убитый во время штурма «Белого дома» 37-летний Алексей Девониский дежурил там на баррикадах с первого дня путча. Он был экологом с дипломом физико-математической школы при Академии наук. Беспартийный. Уходя навсегда из дома, сказал матери: «Я не хочу, чтобы была диктатура. Не хочу, чтобы унижали человеческое достоинство».

«Бандиты» - так обзывали в ту пору из Кремля всех скопом защитников «Белого дома». То же повторяла хором почти вся московская пресса. Особо запомнилось мне сквернословие молодой журналистки Вероники Куцилло, командированной в «Белый дом» respectable газетой «Коммерсант», Миловидная брюнетка с девичьей косой печатно обгадила баррикадников на парламентской площади Свободной России: «Головорезы, оборванцы, сумасшедшие, полубомжи, бандиты, плебс, сброд, они все должны сидеть по каталажкам!».

В угаре ненависти кремлевские подголоски заклеили нас еще двумя равнозначными кличками - «красно-коричневые» и «коммунофашисты». Эту ругань употребляют и поныне, хотя я за всю жизнь нигде не видел фантазерскую помесь коммуниста с фашистом. Такие антиподы несовместимы.

«Белый дом» обороняли многие коммунисты, но их руководящий актив не состоял в Коммунистической партии Российской Федерации. Предводители КПРФ заняли тогда выжидательную позицию перед кровавой развязкой. После нее они, уцелев предостаточно, возглавили остатки разгромленных противников Ельцина и ~~уже~~ ^{В. Л. Рязань} осторожно враж-
ним лишь словесно.

В грозные дни у стен «Белого дома» красные флаги на баррикадах расставляли коммунисты радикального толка из независимой организации «Трудовая Россия». Их прозвали «анпиловцами», ибо командовал ими митинговый заводила Виктор Анпилов, создатель собственной группировки наибеднейшего, чернорабочего и крайне озлобленного люда.

В парламенте имелаась фракция «Коммунисты России», чьим поводом-рем в звании «координатора фракции» являлся бывший секретарь Волгоградского обкома КПСС Иван Рыбкин. Он стал после распада КПСС одним из лидеров Центрального комитета КПРФ. Но как только Ельцин произвел государственный переворот, коммунист Рыбкин, находясь в «Белом доме», начал исподтишка уговаривать своих партийцев-депутатов и даже Хасбулатова и Руцкого подчиниться безропотно президенту.

Сразу же вслед за расстрелом «Белого дома» Рыбкин получил от путчистов два миллиона рублей и теплое местечко в администрации правительства. С тех пор он угодливо служил Ельцину на высокочинных должностях.

«Белый дом» еще был черным от артогня и пожара, когда юркий Рыбкин, сбросив свою партчешую, преподнес Ельцину на президентский день рождения пышный букет роз. Они были ярко-красными. Предательство у нас все чаще тоже красное, как знамена коммунистов.

Первый флаг, поднятый москвичами на площади у «Белого дома» через час после начала путча, был черно-желто-белым. Его принесла кучка монархистов. Они опередили «анпиловцев» с красными стягами. Потом к пикетчикам вокруг «Белого дома» присоединилась разнопартийная публика: осудившие Ельцина недавние демократы, поборники реставрации Советского Союза, набожные приверженцы «Российского демокристического движения», юнцы из комсомола, военные профессионалы-резервисты из «Союза офицеров» и прочие оппозиционеры любой политокраски. Хорошо это было, плохо ли, но никого не гнали прочь. Парламент катастрофически нуждался в общественной защите.

В «Белом доме» и возле него сновало множество наших и зарубежных журналистов, раструбивших на весь мир скандальную сенсацию - появление на парламентской площади сотни парней в черной униформе с нарукавными нашивками, похожими на свастику. Она отличалась от гитлеровской тем, что имела не четыре когтя, а восемь. Это эмблема русских неонацистов. Они выстроились в две шеренги, вскинули по-фашистски правые руки и рявкнули вместо «хайль фюрер» свой клич «слава России»!

Отряд свастиконосцев демонстративно позерствовал перед десятками сбежавшихся фоторепортеров и телеоператоров. Неонацисты как бы напоказ дискредитировали своим приходом российский парламент. Они отвечали однообразно на расспросы журналистов:

- Нам наплевать на Ельцина и на парламент. Мы пришли сюда исполнять приказы нашего вождя Баркашова.

Однако их вождь почему-то избегал общения с прессой. Я заметил его лишь однажды в коридоре штаба обороны «Белого дома» на 13 этаже. Александр Баркашов - низкорослый шатен с офицерскими усиками на одутловатой физиономии. Ему было тогда 40 лет. До его вождизма он работал заурядным электромонтером. В середине 80-х годов вступил в организацию националистов «Память». Пять лет спустя сформировал из

наиболее рьяных антисемитов новую секту - «Русское национальное единство» (РНЕ).

Баркашов всегда отрицал, что он фашист, но вместе с тем куражился:

- Да, я нацист. А что в этом плохого? Термин «нацист» состоит из двух слов - национализм и социализм.

Но социализм советского образца Баркашов категорически отверг. Его черносотенцы вообще никогда не участвовали до сентября 1993 года в каких-либо массовых сходках и уличных манифестациях антикремлевской оппозиции.

Баркашовцы собирались конспиративно в укромных местах Подмосковья и тренировались в стрельбе из пистолетов и карабинов, обучались рукопашному бою и применению взрывчатки. Их инструкторами были вступившие в РНЕ отставные офицеры КГБ, охранных войск МВД, армейского Главного разведывательного управления. В спецслужбах, как говорил Баркашов, ему помогали «свои люди». Им понадобилось, очевидно, запастись на всякий случай вроде бы самостоятельной командой боевиков.

Внутри «Белого дома» я несколько раз за двухнедельное сопротивление путчу наткнулся на баркашовцев. В стенах парламента они уже не салютовали по-гитлеровски и вели себя смирно. Но все же вызывали инстинктивное отвращение. Их паузьи свастики оживили в моей памяти пережитую в детстве фашистскую блокаду Ленинграда, бомбежки, жуткий голод, смерть истощенных родственников и квартирных соседей, переполненные трупами кузова грузовиков на нашем Литейном проспекте. Какой же кретин или вредитель впустил гитлерят в резиденцию парламента?

Руководитель обороны «Белого дома» депутат и генерал Владислав Ачалов использовал отряд Баркашова для пополнения постов внутренней охраны здания. Об этом я услышал от Хасбулатова:

- Ачалов привел ко мне Баркашова и сообщил, что баркашовские парни помогут охранять парламент. Я сказал Баркашову: «Запрещаю твоим людям применять здесь насилие. Если кто-нибудь пострадает от твоих бойцов, то ты поплатишься за это головой». Баркашов спросил: «Это приказ?». Я ответил: «Да, это мой приказ!». Он пообещал: «Ваш приказ будет исполнен».

Хасбулатов и Ачалов сочли тогда, судя по всему, что благая цель оправдывает любые средства ее достижения. Но смычка с неонаци была навязана им еще одним депутатом с генеральскими погонами. Это разуднала журналистка Виктория Шохина из московской «Независимой газеты»:

«Появление баркашовцев в «Белом доме» организовал бывший генерал КГБ Филипп Бобков, который вместе с Баркашовым исчез потом из «Белого дома».

Знакомый мне, правда, лишь шапочно Филипп Денисович Бобков - легендарная личность. Он провел в КГБ 45 лет и дослужился до чина ге-

нерала армии. Начал свою карьеру контрразведчика в годы террора монстров госбезопасности Лаврентия Берии и Виктора Абакумова. Преуспел Бобков и при шефе КГБ Юрии Андропове в изобличении политических диссидентов и персонально Александра Солженицина.

Однако затем Бобков вполне приспособился к пятилетию горбачевской «перестройки» и стал даже первым заместителем председателя КГБ. Уйдя в отставку в 1991 году, чекист-ветеран вскоре проявил опять свое удивительное приспособленчество: нанялся за 10 тысяч долларов в месяц разведывательно-аналитическим консультантом к московскому банкиру и магнату прессы Владимиру Гусинскому.

Упитанный и добродушный с виду старичок Бобков силен поныне тем, что за долгие годы руководства контрразведкой он превратился в ходячую картотеку сотен бывших осведомителей КГБ во всех слоях нашего сегодняшнего общества и его элиты. Бобков усмешливо рассказывал мне, как теперь подлизываются к нему некоторые политики, упрасывая опознать среди их конкурентов прежних сексотов КГБ.

Что же касается конкретно неонациста и антисемита Баркашова, то его отношения с Бобковым могли быть только служебно-деловыми. Дружба на основе идеологического родства абсолютно исключена. Ведь ~~хозяин~~ хозяин Бобкова миллионер Гусинский - президент Еврейского конгресса России и сопредседатель Всемирного еврейского конгресса.

Вхожий в штабные кабинеты контрразведки на Лубянке московский газетчик Александр Хинштейн растрезвонил некий якобы «слух»:

- Злые языки в РНЕ поговаривали, будто бы Баркашов давно находится на связи в одной суровой организации на Лубянской площади и даже получил агентурный псевдоним «Васильев».

Если это и впрямь так, то напрашивается вопрос - зачем отряд Баркашова был инфильтрирован в «Белый дом»? Баркашов заявил столичным журналистам через год после путча:

- Мы всегда презирали Верховный Совет. В том, что произошло год назад, виноваты в большей мере депутаты Верховного Совета. А если бы у них все получилось 3 октября, то уже 6 октября Руцкой ушел бы на пенсию. Он не остался бы президентом. Кто пришел бы? Мы. Если бы тогда получилось по-другому, чем произошло, то уж точно не было бы Верховного Совета и Руцкого. Потому что моих там было 300 человек. А у Руцкого - 15 человек охраны.

Эта тирада Баркашова может показаться саморекламным блефом. Возвеличивая себя, маленький фюрер обожа~~л~~ фотографироваться вооруженным, как средневековый рыцарь, непомерно большим для него бутарфорским мечом.

Вопреки браваде нациста у него было в «Белом доме» вовсе не триста баркашовцев, а втрое меньше, да притом только 22 из них обладали стрелковым оружием. Зато узаконенный еще Ельциным с 1991 года арсенал охраны парламента состоял из 138 автоматов, 9 ручных пулеметов,

570 пистолетов. Всей охраной командовал во время путча Руцкой. И все-таки подготовка расправы с ним - реальный факт.

Пришедший в «Белый дом» с Баркашовым начальник службы безопасности РНЕ Александр Денисов рассорился позднее со своим командиром и наябедничал на него в интервью «Общей газете»:

- Когда стало ясно, что Хасбулатов с Руцким не справляются с экстремальной ситуацией, мы решили, что защиту «Белого дома» должен возглавить лично лидер РНЕ. Я предложил взять на себя операцию по нейтрализации Руцкого и Хасбулатова. Командиры наших подразделений были солидарны со мной. Нейтрализовать нужно было, собственно, одного Руцкого. Хасбулатов и так бы молчал. Задача была несложной: самозванный президент часто выходил из «Белого дома». Во время одной из таких прогулок можно было его блокировать и сдать окружающим парламент милиционерам. Или он мог посмертно стать национальным героем. Однако Баркашов не согласился. Вообще он показал себя в те дни человеком малодушным.

Разочарованный охотник за Руцким ошибся, впрочем, на счет истинной причины несогласия с ним Баркашова. Ибо Руцкой выходил из «Белого дома» только трижды до конца сентября 1993 года, но не позже, из-за возросшего риска, а в те дни Баркашов еще не мог получить сигнала расправиться силком с Руцким или Хасбулатовым. Тому подтверждение - рассекреченный полгода спустя кремлевский «Протокол заседания администрации президента России» от 29 сентября. Протокол гласит:

«Найти соответствующие каналы связи с Руцким и Хасбулатовым и гарантировать их личную неприкосновенность в случае их добровольного выхода из Белого дома. При получении их согласия обеспечить их безопасный выход».

Беспощадно расправиться с Руцким позволили из Кремля командованию ОМОНа после начала уличных боев в столице 3 октября. Это зафиксировал наш радиоперехват переключек раций воинских частей МВД. Но если бы в тот день или на завтра два десятка вооруженных баркашовцев отважились бы внутри «Белого дома» напасть на Верховный Совет и Руцкого, то горстка диверсантов наверняка, как пригрозил ранее Хасбулатов, поплатилась бы своими головами. Гипотеза Баркашова о захвате им власти в «Белом доме» - это всего лишь бредовая мечта честолюбца со свастикой.

В день расстрела и сожжения «Белого дома» 4 октября Баркашов приказал своим боевикам не отражать атак ворвавшихся в здание штурмовиков. Потом баркашовцы распустили миф о том, как они героически воювали и спаслись чудом от гибели, отступив в подземные туннели, по которым ушли от погони.

Однако шесть месяцев спустя журналисты вывели у Баркашова, что он и его братва вовсе не бродили по грязным подземельям, а сдались преспокойно штурмовикам. Вместе с ними был одуроченный ими депутат

генерал Ачалов. Его тут же арестовали и отконвоировали в тюрьму госбезопасности «Лефортово». Но нацистов сразу отпустили на волю.

- Офицер министерства безопасности сказал мне, - протрепался Баркашов, - что у него нет приказа на мой арест. И я вышел через подъезд вместе со всеми.

Почти всех депутатов и защитников парламента пленили и зверски избивали всю следующую ночь. Госбезопасность заботливо избавила от ареста и битья только баркашовцев.

Далее Баркашов отсиживался еще пару месяцев на подмосковной даче, хотя власти не разыскивали его. Он со скуки пьянствовал с ближайшими соратниками, а один из них во хмелю принялся вдруг палить из маузера куда попало и продырявил своему вождю бедро.

Раненного Баркашова отвезли не в сельскую больницу для просто-народья. Его врачевали в спецгоспитале министерства обороны в городке Красногорске. Потом лечили в Москве в центральном госпитале министерства внутренних дел. К важному пациенту приставили даже милицеских охранников.

Выздоровевший Баркашов разместил штаб РНЕ на улице Ильинке в сотне метров от Кремля. Эта прикремлевская зона контролируется службой личной охраны президента. Ее возглавлял тогда главный телохранитель Ельцина генерал Коржаков. Баркашов откровенничал:

- Коржаков предложил мне через посредников войти с ним в альянс.

Накануне президентских выборов 1996 года Баркашов публично нахваливал Ельцина:

- Ельцин устраивает русских националистов.

После выборов он объявил:

- Я буду поддерживать президента. Ельцин не мешает нам работать.

Отсидевший в тюрьме четыре месяца Руцкой слишком поздно признал пагубность даже кратковременного сотрудничества с нацистами:

- К нам прислали провокатора Баркашова, чтобы на весь мир продемонстрировать свастику и прилепить патриотам ярлык «коммунофашисты».

Те, кого у нас в России именуют патриотами, пришли в «Белый дом» к Руцкому в первые часы путча и предложили обеспечить военизированную оборону парламента. Посетители Руцкого - 15 армейских офицеров - были активистами общественной организации «Союз офицеров». Вскоре офицерское содружество созвало на защиту «Белого дома» 500 своих военных профессионалов от сержанта до полковника. Им доверили оружейный арсенал парламентской охраны, которая наполовину дезертировала.

Две недели днем и ночью гвардейцы «Союза офицеров» посменно оберегали «Белый дом». А во время его штурма они сражались и гибли внутри горящего дворца.

«Союз офицеров» возник в 1991 году как сообщество патриотов, обвинявших Горбачева и Ельцина в развале могучей еще недавно советской армии. Десятки полков и дивизий были распущены, а их офицеры с женами и детьми брошены на произвол судьбы. Уцелевший комсостав роптал из-за мизерного жалования и утраты былого почтения к офицерским погонам. Изгнанные из армии и оставленные в ней протестанты объединились в «Союзе офицеров». Их возглавил молодой подполковник Станислав Терехов, бывший политрук.

Терехов привел своих сотоварищей к генералу Руцкому, но уклонился от дисциплинарного подчинения старшему военачальнику. Амбициозный подполковник захотел немедленно стать выдающимся политиком и совершить для этого какой-нибудь ошеломительный подвиг. Он жаждал славы и власти. Подобный психоз известен под названием «комплекс Наполеона». Это свойство Терехова я подметил, общаясь с ним. Но никто не предвидел тогда плачевного исхода.

Вечером 23 сентября Терехов и восемь его бойцов внезапно покинули «Белый дом». Ради чего - утаили и от Руцкого, и от руководства Верховного Совета. Соучастники самоволки пробрались сквозь цепь милицийских кордонов и не увидели, что за ними уже началась слежка.

Тереховцы сели в поджидавший их автомобиль и поехали на дальний край столицы к Ленинградскому проспекту. Туда помчался неумейный подполковник, чтобы захватить лишь с восьмеркой стрелков штаб Объединенных вооруженных сил независимых республик, создавшихся из осколков СССР.

Но тот штаб практически бездействовал. И был такой же фикцией, как его псевдообъединенное командование. Захват символического штаба никак не повлиял бы на силовую конфронтацию Кремля с «Белым домом». Авантюра Терехова оказалась изначально бессмысленной. Однако не для него лично. Он запоздало оправдывался спустя полгода:

- Надо было как-то возбудить народ. Отвлечь внимание противника на второстепенном направлении. Обеспечить шумовой эффект.

Эффект получился кровавым. Когда тереховцы подкатили к штабу, то там на улице случайно столкнулись с двумя патрульными милиционерами. Те попросили подозрительную компанию предъявить документы. В ответ прогремела автоматная очередь. Она сразила насмерть капитана милиции Валерия Свириденко. Второй милиционер был ранен и рухнул на мостовую.

Налетчики бросились к воротам штаба, стреляя для остротки вверх. В жилом доме рядом со штабом выглянула из окна старая пенсионерка Вера Малышева и была убита шальной пулей.

Тем временем убийцы, продолжая пальбу, атаковали у штабных ворот будку часовых и разоружили четырех солдат. Но тут подоспел ехавший следом за сворой Терехова боевой отряд ОМОНа. Узрев его, тер-

рористы побросали автоматы и разбежались во тьме кто куда. Удрал и главарь, бросив тоже свой автомат.

Через несколько часов Терехова поймали, избили и посадили за решетку. Он пробыл в тюрьме пять месяцев до амнистии всем политзаключенным. ~~Сейчас вается по-прежнему в большую политику. «Комплексе Наполеона» неизлечим.~~

На следующий день после двух убийств на Ленинградском проспекте Хасбулатов заявил в «Белом доме» депутатам и журналистам, что ни он, ни Руцкой и вообще никто из Верховного Совета не знали заговора о подготовке преступления предыдущей ночью. 10-й съезд народных депутатов стоял почил погибших минутой молчания. Но все это было уже бесполезно.

«Подонки из Белого дома должны ответить за пролитую кровь!» - чернел газетный заголовок на первой странице супертиражного «Московского комсомольца». Ельцин оповестил о своем соболезновании семьям жертв террора и обязался жестоко покарать убийц. Заместитель министра обороны генерал Константин Кобец пригрозил:

- Нам ставят перед необходимостью ответить штурмом на штурм.

Вдобавок к милицейской блокаде «Белого дома» его окружила штурмовая дивизия имени Дзержинского, ударный кулак войск МВД для подавления уличных бунтов. Вокруг здания парламента расставили мотки «спирали Бруно» - неприступной колючей проволоки. Нам отключили водоснабжение, лишив две тысячи блокадников не только питьевой воды, но и водного смыва в туалетах. Отобрав у нас ранее электричество, отопление и телефонную связь, кремлевские власти теперь захотели, чтобы мы задохлись в зловонии собственных нечистот.

Так нам отомстили за безумный рейд подполковника Терехова.

Разгневанный Руцкой импульсивно бросил Ельцину новый вызов, заявив, что он, будучи теперь президентом, увольняет в правительстве начальников трех ключевых министерств - обороны, госбезопасности и внутренних дел. Дерзость Руцкого была, увы, лишь словесной. Поэтому группа депутатов во главе с Николаем Павловым отговаривала Руцкого от такого бессмысленного пустозвонства. И он обещал не раздражать безтолку тройку наиглавнейших генералов. Но не сдержал своего обещания.

В полутемном зале съезда Руцкой назвал нам его назначенцев: министр обороны - генерал Владислав Ачалов, министр госбезопасности - генерал Виктор Баранников, министр внутренних дел - генерал Андрей Дунаев. Когда прозвучали их имена, у меня, как говорится, душа ушла в пятки. Ох, быть беде! Худших министров вряд ли можно было подобрать для защиты парламента.

Генерал-полковник воздушно-десантных войск Ачалов имел незавидную репутацию карателя. Еще в 1981 году генерал был секретно отправлен в Варшаву на двухмесячную рекогносцировку для планирования

захвата польской столицы советским десантом. В январе 1990 года Ачалов командовал кровавым штурмом мятежного Баку. Затем его солдаты умирляли Нагорный Карабах. В январе 1991 года он руководил смертоносным побоищем литовцев в Вильнюсе, где советские войска оккупировали телевизионный центр, телебашню, Дом печати.

И наконец в августе 1991 года заместитель министра обороны Ачалов участвовал в путче ГКЧП и подготовил несостоявшуюся операцию «Гром» - нападение на российский парламент в «Белом доме».

И вот такому громолюбу поручил Руцкой оборонять парламентскую демократию! Это выглядело, по-моему, как издевательство над здравым смыслом и надеждами депутатов заполучить максимально широкую поддержку российской общественности.

Хотя признаю: генерал Ачалов - отнюдь не звероподобен, а наоборот - обычно доброжелателен, вежлив, приветлив, мягкоречив, интеллигентен по-офицерски. Но много ли в этом проку?

Генеральские достоинства Баранникова и Дунаева уже были описаны мной: обоих Ельцин выгнал накануне путча с их министерских постов за инвалютные взятки. А ранее Дунаев не брезговал и рублями. До столичной службы он командовал милиционерами в Волгограде и прибалтийском Калининграде, где местная пресса порицала его за коррупцию. Об этом заголосили осенью 1993 года и московские газеты.

До сих пор мне неясно - зачем Руцкой провозгласил министрами двух опозоренных генералов?

Быть может, он узколобо уповал на военно-профессиональное мастерство своих избранников. По этой части они перед их утверждением депутатским съездом не поскупились на радужные посулы. Ачалов сказал нам:

- Хочу вам ответственно доложить: если кто-то опасается, что Вооруженные силы могут сегодня повернуть оружие против депутатского корпуса, против сидящих в этом зале, то этого не произойдет. На подобные глупости никто не пойдет. Когда нужно будет, личный состав войск по нашему требованию, по нашему зову придет сюда целыми частями.

Бывший и вновь испеченный шеф госбезопасности Баранников бодро выступил от имени уже неподвластной ему Лубянки:

- Я хотел бы доложить съезду: уверен, что личный состав министерства безопасности будет соблюдать только Конституцию и законы. Сегодня основная масса руководителей органов безопасности прекрасно понимает незаконность указов Ельцина.

Милицейский генерал Дунаев тоже оптимистично высказался от имени утраченного им МВД:

- Я могу заверить съезд, что подавляющее большинство личного состава органов внутренних дел относится отрицательно к государственному перевороту. Принимаются меры к предотвращению использова-

ния московского гарнизона милиции против избранной народом власти. Я верю в разум сотрудников МВД. Я полностью уверен в торжестве закона.

Обманутые депутаты не знали, конечно, наперед, что очень скоро армия, госбезопасность и милиция атакуют парламент вопреки хвастливой болтовне трех ставленников Руцкого. Поверивший им съезд утвердил их назначение министрами. Я воздержался от голосования, но не выступил против. Мой протест означал бы открытый раскол в сердцеvine Верховного Совета. А коли поддержали бы меня другие депутаты, то мог бы развалиться весь шаткий каркас нашего сопротивления путчу, сметая Руцкого, Хасбулатова и остальное руководство обороны «Белого дома». Так я думал тогда и потому промолчал.

Иначе поступил рядовой депутат Андрей Парамонов, обратившись к съезду:

- Сегодня перед нами выступил Руцкой и говорил совершенно справедливо о том, что нужно бороться с коррупцией. У меня вопрос: собирается ли он всерьез бороться с коррупцией и против назначенных здесь силовых министров. Ведь не секрет, что на данную тему есть множество вопросов к Баранникову и Дунаеву. Тем не менее этих людей мы выдвигаем в такой ситуации, когда мы с вами должны быть абсолютно чисто-плотными...

- Заканчивайте! - осадил депутата Хасбулатов.

И никто на съезде не поддержал Парамонова.

Однако впоследствии Хабулатов рассказал мне о его негативной оценке поведения генералов Руцкого:

«С первого дня путча я безуспешно призывал Руцкого и Ачалова наладить их работу с армией. Тщетно требовал, чтобы какие-нибудь воинские части пришли к «Белому дому», оцепили его и защитили от войск Ельцина. Об этом я провел девять совещаний с Руцким, Ачаловым, Баранниковым, Дунаевым и другими генералами из числа депутатов. Я им говорил:

- Где же армия для помощи нам?

Ачалов постоянно отвечал:

- Через два дня вокруг «Белого дома» будет сосредоточено 20 тысяч преданных нам офицеров.

Руцкой говорил, что завтра сюда придут такие-то и такие-то части. Он называл их номера. Но все генералы только обещали, болтали, ничего не делали. Я настаивал:

- Хватит обещаний! Дайте мне конкретную диспозицию обещанных вами частей вокруг парламента. Они должны прикрыть «Белый дом». Ельцин - это не слабовольные путчисты ГКЧП. Он применит оружие против нас. Без крови не обойтись. Нам нужны вокруг «Белого дома» верные Конституции воинские части. Они должны выполнить задачу нейтральных «голубых касок». Не стрелять, но и не бояться путчистов.

Восемь генералов в «Белом доме» уверяли, что приведут сюда вот-вот послушные им полки. Руцкой твердил:

- Они уже на подходе!

Этого требовал я от наших генералов каждый день. Впустую! Я распекал генералов:

- Как же вам не стыдно? Вы подводите страну, а не меня. Зачем вы, генералы, здесь нужны? Где же ваши войска?

Руцкой и Ачалов проявили полную беспомощность. Они привыкли к несложным операциям. А Дунаев был просто неумен. Дураковатый. Ачалов под конец блокады растерялся и потом совсем оробел. Причина его бездействия была, возможно, еще хуже - некое влияние извне. И Руцкой растерялся. Он был, наверное, хорошим командиром авиаэскадрильи. Это было ему по плечу.

Много позже я высказал Руцкому все напрямик. Он обиделся. Я их, этих генералов, презирал за мелкость.

Поведение Баранникова в «Белом доме» было двойственным. Не предупредив меня, он отлучился для встречи с Черномырдиным. Когда мне сообщили об этом, я вызвал Баранникова:

- Расскажите, о чем говорили с Черномырдиным.

- Откуда вы узнали? - спросил Баранников.

- Говорите, а то прикажу вас арестовать, - припугнул я.

- Я хотел устроить ваше свидание с Черномырдиным, - сказал Баранников.

- Рассказывайте подробнее!

Но ничего существенного он более не сказал. Я понял, что он что-то скрывает. Я предупредил его:

- Теперь вы под подозрением. Выполняйте пока свои обязанности. Но если мы победим, то вы не будете министром госбезопасности.

Не отстранив этих генералов своевременно, я совершил ошибку. В те дни я придерживался, к сожалению, демократических методов сопротивления путчу Ельцина».

На Старой площади в резиденции правительства, бывшем штабе ЦК КПСС, генерал Баранников тайно посетил премьер-министра Черномырдина 26 сентября. Но Черномырдин, расставшись с секретным гостем, подстроил через несколько часов утечку информации о негласной встрече.

Премьер знал, что Ельцин, прогнав Баранникова летом из Кремля с большим скандалом, возненавидел генерала и не простит его, если даже тот предстанет теперь парламент. Поэтому Черномырдин разгласил randevu с Баранниковым в расчете возбудить переполох и разброд среди защитников «Белого дома».

27 сентября московские газеты и телевидение злорадно пересказали, как вчера Баранников в кабинете премьер-министра отрекся от парламен-

та и Руцкого: «Я понимаю, что с этой компанией мне не по пути. Передайте президенту, что я был и остался верен ему». Баранников уверял, что он и Дунаев намерены покинуть «Белый дом».

В тот же день отвергнутый Кремлем перебежчик заявил в «Белом доме» депутатам и журналистам, что пресса оклеветала его и лживо приписала ему попытку переметнуться к Ельцину. Зная правду, Хасбулатов поспешил погасить смятение в нашей среде и опроверг на своей пресс-конференции известия об измене Баранникова. Руцкой тоже узнал конфиденциально, по его словам, как «Баранников опустился до такой низости», но скрыл ее: «Не хотелось в это верить».

А проверить смог я лишь впоследствии, выслушав свидетельство заместителя Черномырдина и очевидца визита к нему Баранникова:

- Когда Баранников явился к Черномырдину, - сообщил мне Владимир Шумейко, - я присутствовал при начале их разговора. Баранников сказал Черномырдину: «Цель моего пребывания в «Белом доме» - вывести оттуда всех там засевавших и таким образом прекратить противоборство. Обещаю вам сделать это». Его замысел Черномырдин одобрил. Продолжение диалога я не слышал, так как ушел.

Баранников еще до вылазки к Черномырдину посетил столь же тайно вместе с Дунаевым столичного мэра Лужкова в муниципалитете на Тверской улице. Как вспоминал потом Лужков, он убеждал Баранникова: «Уйди, Виктор Павлович, из Белого дома!». И тот согласился с мэром:

- Он сказал мне в ответ, что все понял и уже заготовил заявление об уходе. Он сказал, что передаст заявление Хасбулатову и Руцкому, как только вернется в Белый дом. Баранников меня разочаровал: военный человек не сумел сдержать слова.

Обмешурившись с Баранниковым, напористый мэр установил контакт в «Белом доме» напрямую с Руцким по бескабельному телефону сотовой связи. Ранее Лужков завязал ценную дружбу с вице-президентом и потому сказал Руцкому как бы по-приятельски запросто:

- Кончайте дурью маяться, выходите из Белого дома.

Руцкой ответил, что сначала желает «встретиться с президентом». Тем самым Руцкой дал понять московскому градоначальнику, что не с ним, а с его кремлевским боссом возможен политический торг. Но для этого Лужкову требовалось тоже предварительно разведать для Ельцина насколько будет податлив их общий противник, объявленный новым президентом.

Лужкову уже было известно, что в Кремле обсуждают, как «найти соответствующие каналы связи с Руцким и Хасбулатовым». Зондаж обоих мог бы проделать вроде бы нейтральный посредник.

И вот 28 сентября командование войск, осадивших «Белый дом», получило приказ пропустить внутрь блокады знаменитого эстрадного певца и советника мэра по культуре Иосифа Кобзона с двумя спутниками - Людмилой Руцкой и Раисой Хасбулатовой. Им разрешили повидать му-

жей, а Кобзону поручили принести Руцкому пакет чистого нижнего белья и термос с горячим борщом. Вся затея изображалась для прессы как всего лишь гуманно-милосердная.

Только через два года Кобзон публично сознался, что выполнял в «Белом доме» заодно с заданием мэра «просьбу руководителя Федеральной службы контрразведки Николая Голушко». Король российской эстрады оказался тогда в детективном амплуа разведчика и парламентаря. По его словам, он прощупывал возможность «компромиссов» между Кремлем и «Белым домом».

Еще спустя три месяца после признания Кобзона он повторил заново в интервью с телевизионщиком Карауловым, что незадолго до штурма «Белого дома» приходил туда по поручению мэра и шефа госбезопасности генерала Голушко. Кроме того Кобзон впервые упомянул, что посетил Руцкого не один раз, а дважды. Из чего следовало: Руцкой не отверг сходу вражеские подсказки. О чем же шла речь?

Это не прояснилось далее и стало еще более загадочным. Телевизионные откровения Кобзона напечатали двукратно в еженедельнике «Совершенно секретно» и сборнике репортажей Караулова, но обе публикации лишились слов певца о взаимодействии с начальником контрразведки Голушко. Зато осталась маскирующая Голушко фраза его посланца:

- Мы пришли к Руцкому и стали его уговаривать: «Саш, не надо, не злобствуйте, не надо». И он, нужно отметить, пообещал и женам, и мне. Мы ушли окрыленные. Думали, все будет в порядке...

И ежу понятно, как у нас говорят, что задание генерала контрразведки не сводилось лишь к поправке настроения Руцкого.

Вслед за первой встречей Кобзона с Руцким ко мне подошел 29 сентября в коридоре возле кабинета Руцкого бледный от волнения депутат Валерий Иконников. Он сказал, что помощник Руцкого - Николай Косов - подстрекает его и некоторых влиятельных депутатов Верховного Совета сдать путчистам. Они якобы гарантируют свое прощение капитулянтам, если те упрости сообщая Руцкого спастись в каком-нибудь иностранном посольстве.

Иконников спросил - как нам поступить? Я ответил, что хочу сперва сам разобраться в неожиданном происшествии.

У дверей кабинета Руцкого я столкнулся нос к носу с его помощником Косовым. Он взял меня под локоть и завел опять в коридор, опасаясь явно посторонних ушей. Щекастое лицо Косова было покрыто нервозной испариной. В таком паническом возбуждении я раньше не видел его никогда.

Он сказал мне то же самое, что я услышал несколько минут назад от напуганного им Иконникова. И добавил:

- Поговорите об этом, пожалуйста, с Руцким. Он ведь прислушивается к вашему мнению.

- А каково мнение Краснова и Федорова?

Оба являлись, как и Косов, ближайшими аппаратчиками Руцкого: Валерий Краснов - глава секретариата бывшего вице-президента, Андрей Федоров - советник по прессе и связям с парламентом. О них Косов сообщил мне:

- Мы все втроем убеждаем Руцкого прекратить сопротивление Ельцину как можно быстрее. Поможете нам?

- Нет, - ответил я. - Это дело мне надо хорошенько обдумать.

Моя первая мысль была такая: немедленно предупредить Хасбулатова о зреющем предательстве. Вторая мысль: мне неизвестно, как поступит Руцкой, а я могу, стало быть, опрометчиво спровоцировать его стычку с Хасбулатовым. Третья: Хасбулатов, быть может, знает об интриге и, более того, ее соучастники тоже его обрабатывают. Я уже слышал о странном посещении Кобзоном прошлым днем Руцкого и Хасбулатова.

Вывод: надо без спешки выждать, стиснув зубы, какое-то время. И пока помалкивать. Так я и сделал тогда.

Ныне, взявшись за мои мемуары, я попросил депутата Государственной Думы Иосифа Кобзона припомнить ради исторической истины подлинную цель его миссионерства в «Белом доме» с бельем и борщом для Руцкого. Переговоры об этом с Кобзоном тянулись целый месяц через его парламентскую помощницу Ирину Александрову. Она многократно сообщала:

- Иосиф Давидович согласился дать вам интервью, но он очень занят на этой неделе... Он в отъезде... Вернулся, но опять крайне загружен... Снова уехал... Приехал, но снова занят.

Положа руку на сердце, признаюсь, что сразу догадался - чем кончится волянка. Но терпеливо добивался от Кобзона его собственного отказа поговорить со мной начистоту. Напоследок помощница Кобзона выдохлась вместе с ним:

- Иосиф Давидович сейчас в Москве, но не может уделить вам время, так как у него очень плотный деловой график. Через неделю мы с ним улетим отсюда, а когда вернемся, он будет чрезвычайно занят. Он просил передать вам, что все уже опубликовано на интересующую вас тему. Он советует использовать опубликованные материалы. Иосиф Давидович сказал, что у него нет для вас ничего нового.

~~Иосиф~~ Подстать Кобзону губернатор Курской области генерал Руцкой. После разгрома парламента и пятимесячного ареста Руцкого он затем сумел всего за полтора года издать четыре тома своих воспоминаний. В них описаны буквально час за часом все 13 суток обороны «Белого дома» и последний день штурма. Однако нет ни слова о переговорах Руцкого с Кобзоном. Этот факт Руцкой не захотел хотя бы вкратце упомянуть с надеждой, вероятно, на всеобщее забвение.

Хасбулатов тоже издал двухтомник мемуаров. У него на одной из 880 страниц есть лаконичная запись из его «рабочего дневника» во время

путча: «28 сентября, 11 часов 40 минут. И.Д.Кобзон - миротворческая роль от Лужкова. Говорит об оружии в «Белом доме». Он уже был у Руцкого».

По моей просьбе Хасбулатов припомнил подробнее свое свидание с Кобзоном:

«Кобзон был у меня только один раз 28 сентября. Он привел в «Белый дом» мою Раю и жену Руцкого. Вначале я не хотел принимать Кобзона. Я думал: зачем мне цепляться за его помощь? Если мне суждено погибнуть, то умру достойно. Я сказал:

- Мне он не нужен. Если хочет, пусть беседует с Руцким.

Но мои помощники уговаривали меня принять Кобзона. И Рая упрашивала:

- Ведь он привел сюда нас с Людой. Прими, пожалуйста, его. Прояви любезность.

Я согласился. Кобзон вошел, поздоровался. Сели. Он вел себя уважительно по отношению ко мне. Сказал, что искренне хочет мне помочь. Сообщил, что Лужков поручил ему выяснить - как можно восстановить сотрудничество со мной. Кобзон также намекнул, что его послал в «Белый дом» не только Лужков. Я ему ответил:

- Пока действует указ Ельцина номер 1400, то как бы нет парламента, нет Конституции, нет законодательной власти и нет меня. С кем же сотрудничать? Ельцин и Лужков отключили здесь у нас электричество, связь, тепло, воду. Окольцевали нас вооруженными солдатами под предлогом наличия у охраны парламента ничтожного запаса стрелкового оружия. Пока не отменят незаконный указ, о чем говорить с теми, кто прислал вас?

Кобзон спросил:

- На каких условиях можно все же договориться?

- Прежде всего, - сказал я, - надо отменить указ 1400. Далее я стараюсь убедить Верховный Совет вступить в переговоры с Ельциным. Хотя сделать это будет трудно.

Выслушав меня, Кобзон попрощался и больше не приходил ко мне. Зачем он ходил к Руцкому - не знаю. Но помню, как Руцкой вдруг начал паниковать. Очевидно, его запугивали и подбивали унести ноги из «Белого дома».

Поздно вечером 1 октября я при обходе «Белого дома» увидел Руцкого в коридоре близ Палаты национальностей. Я и двое моих охранников с фонариками передвигались в кромешной тьме, а вокруг Руцкого я увидел вспышки фотовспышек. Его окружали иностранные журналисты. Они постоянно нагнетали напряженность, а я не хотел им подыгрывать и потому не подошел к Руцкому. Но услышал, как его спросили:

- Ваша жизнь под угрозой? Вы хотите где-нибудь укрыться?

Он возбужденно ответил:

- Да, я в большой опасности! Мне грозит гибель. Я хотел бы укрыться в иностранном посольстве. Там не смогут меня убить.

Тут я вмешался, подойдя, к журналистам:

- Руцкой имеет в виду пожелание в адрес иностранных дипломатов гарантировать всем обитателям «Белого дома», что они не будут уничтожены. Вот что хотел сказать вам Руцкой.

Мне пришлось его поправить. Он временно потерял голову».

Неполадки с головой Руцкого зафиксированы неоднократно в его воспоминаниях о тех днях: «Первы взвинчены до предела... Состояние тяжелое, нервная система на пределе... Почти не спал 12 суток в условиях замкнутого пространства».

После той ночи, когда Руцкой «временно потерял голову» на глазах Хасбулатова и иностранцев, он на следующую ночь говорил московской журналистке Ирине Танеевой совершенно противоположное столь же истерично:

- Если появится желание у Ельцина сюда соваться, то положим здесь ровно столько, сколько попытаются сюда проникнуть! Если пойдет сюда бронетехника и попытается штурмовать нас, мы сожжем и бронетехнику!

Потом сумбурно упомянул свою приятельскую встречу с Кобзоном, но переиначил оскорбительно фамилию певца:

- Сегодня был у меня Иосиф Кобздон. У нас с ним неплохие отношения.

Зачем приходил Кобзон - этого Руцкой не сказал. Однако даже его краткая реплика показывает, что они тогда не договорились. Суфлеры Кобзона предложили Руцкому, очевидно, слишком постыдный вариант его капитуляции. Тем не менее потом Руцкой не раз припадочно порывался вплоть до ареста спастись в иностранном посольстве. Тому я был свидетелем в день нашего краха 4 октября.

К началу октября в блокадном «Белом доме» осталось лишь две сотни депутатов - утомленных, полуголодных, немых, раздраженных бесилием нашего руководства. Руцкой и его бездарные генералы-министры не привлекли из армии или милиции хотя бы один батальон на защиту парламента. Кавказец Хасбулатов был фатально обречен на проигрыш русскому Ельцину в состязании за политическое превосходство в Москве.

Мы, заседавшие в «Белом доме», уже уразумели, что нашим хлипким вожакам не суждено одолеть Ельцина. Мы продолжали сопротивляться его путчу вовсе не из-за преданности Хасбулатову и Руцкому. Ее не было у таких депутатов, как я. Два года назад мы впервые защитили российский парламент против путчистов ГКЧП, но отнюдь не ради тогдашнего триумфа Ельцина, Руцкого, Хасбулатова. Оба раза я выполнял не чье-то распоряжение сверху, а мой личный депутатский долг оберегать избранный народом парламент России и ее Конституцию. Повторись все снова, я поступил бы опять по-прежнему.

Под конец обороны парламента я полагался только на наших рядовых защитников. Они охраняли 24 подъезда «Белого дома» и баррикады вокруг него, а тем временем еще сотни москвичей пытались прорваться к нам на выручку через кольцо войск и колючей проволоки.

Первую попытку массового прорыва блокады я наблюдал на ведущей к «Белому дому» улице от станции метро с вешим именем «Баррикадная». Тут около века назад восставшие москвичи сражались на баррикадах с царскими войсками.

Вечером 28 сентября моросил дождик и уже совсем стемнело, когда большая толпа горожан двинулась от метростанции «Баррикадная» к парламенту. Толпе преградил путь трехрядный заслон бойцов милицейского ОМОНа. На них были каски и бронежилеты, в руках дубинки и металлические щиты. Как только толпа приблизилась с вояками ОМОНа, те принялись колошматить дубинками беззащитных людей. Молотили всех без разбору - женщин, мальчишек, подвернувшихся случайно журналистов. Упавших, раненных, потерявших сознание топтали сапогами. Над ревушим месивом вспыхивали прожекторные лучи на телекамерах журналистов. Истошно голосили женщины. Звонко забарабанил град камней по омоновским щитам.

Побоище продолжалось часа полтора. Солдаты ОМОНа рассекли избитую ими толпу, погнали вспять к метро, хватали окровавленных москвичей и запихивали в тюремные автофургоны. Десятки арестованных увезли куда-то. К ночи все стихло.

Но повторилось на следующий день там же и вдобавок рядом. Вторая толпа столкнулась с ОМОНОм на Садовом кольце у площади Восстания. А потом день за днем возникали уличные манифестации против полицейских избиений. И снова отряды ОМОНа разгоняли и свирепо лупили демонстрантов на Тверской улице и Новом Арбате, на Смоленской и Пушкинской площадях. Очевидец потасовок - репортер журнала «Столица» Владимир Гусаров - опросил офицеров ОМОНа и услышал от них:

- Поступило указание мэра Лужкова прекратить миндальничать с демонстрантами - бить их покруче, побольнее. Он так и сказал нам: дайте им, чтобы у них не выдержали нервы - пусть сорвутся, а дальше уже не ваше дело.

2 октября пятитысячная толпа на Смоленской площади впервые вооружилась палками и железными прутьями, контратаковала боевиков ОМОНа и заставила их отступить. Бунтари соорудили баррикаду поперек Садового кольца, запаслись для обороны булыжниками и бутылками с бензином, подожгли кучу автошин, отпугивая милицию. Черный столб дыма от горящих шин был виден из окон верхних этажей «Белого дома».

От Смоленской площади до «Белого дома» - десять минут ходьбы. Оставалось менее суток до прорыва к нам наших освободителей.

ЯНКИ И ТАНКИ

Американец Марк Злотник был у нас в парламентском «Белом доме» последним официальным посланцем из Вашингтона и выполнял свое спецзадание на редкость беззащитно.

22 сентября 1993 года, на второй день кремлевского путча, мистер Злотник, элегантный джентльмен лет 50-ти с благородной проседью, посетил меня в сопровождении двух дипломатов московского посольства США. Свита гостя подчеркивала его чиновную высокопоставленность. Но более того заинтриговала меня его визитная карточка с обозначением места службы вашингтонца:

«Национальный совет по разведке Соединенных Штатов».

Так напрямик ни один шпион раньше не знакомился со мной. А этот крупнокалиберный разведчик, отбросив конспирацию, сообщил, что специально прилетел из Вашингтона с целью оценить насколько российский парламент способен сопротивляться Борису Ельцину. Столь же в лобовую он принялся расспрашивать:

- Как долго вы сможете выдержать военизированную блокаду парламента?
- Будем держаться тут пока хватит жизненных сил.
- А сколько у вас здесь охранников?
- Их численность мне неизвестна.
- Чем они вооружены?
- Не знаю, - усмехнулся я. – Но если бы и знал точно, то наверняка не сказал бы вам ничего.

Американец отреагировал наигранно-веселой улыбкой. Я ответил ему тем же. Стандартную улыбочивость деловых янки усвоил я прежде за 11 лет журналистской работы в США. Мой гость, признав ничейный исход, сменил тему:

- Ну, а в случае победы ваших единомышленников, мистер Андронов, каким образом могут измениться американо-российские отношения?
- Они будут стабильно хорошими.
- Действительно?
- Да. Потому, что станут равноправными. Мы в парламенте отнюдь не антиамериканцы. Хотите услышать об этом от более авторитетного, чем я, политика?
- С удовольствием. Но от кого же?
- Попросить председателя парламента Хасбулатова о встрече с вами?

- Прекрасно.

В тот день телефоны «Белого дома» еще не были отключены столичными властями, и я позвонил в секретариат Хасбулатова, высказав просьбу к нему о приеме им вашингтонского визитера вместе с посольской свитой. Вскоре мне ответили: пусть приходят через 15 минут. Вслед за тем один из американских дипломатов встрепенулся:

- Только без прессы, без телекамер!

- Как вам угодно.

Однако дипломат продолжал нервничать:

- Разрешите позвонить от вас в наше посольство?

- Пожалуйста.

Он поговорил со своим посольством, а спустя пять минут оттуда позвонили мне и попросили передать трубку их дипломату. Он мрачно объявил:

- Наш посол Пикеринг категорически не рекомендует мистеру Злотнику и нам обоим встречаться с председателем российского парламента. Приносим глубокие извинения за причиненное беспокойство.

После короткого замешательства американцы вновь любезно заулыбались и ушли из моего парламентского Комитета по международным делам.

Больше зарубежные дипломаты не посещали депутатский «Белый дом». А ко мне пожаловали напоследок явно мнимые дипломаты во главе с махровым шпионом. Ведь их интересовало лишь одно – как скоро ослабнет наше сопротивление государственному перевороту.

Сопричастность правительства США к разгрому парламента России до сих пор настроено засекречена в Вашингтоне. Ибо это такое же кроваво-позорное злодейство, как и американское содействие путчу в Чили генерала Пиночета, когда он разбомбил там и сжег президентский дворец, расстрелял сотни своих оппонентов, сверг законного президента Альенде.

Вашингтонская поддержка в Москве кремлевского Пиночета окончательно выявила лживость американских деклараций о защите повсюду парламентской демократии и конституционных прав граждан.

С октября 1993 года я храню тогдашние газеты «Вашингтон пост» и «Нью-Йорк таймс», чьи первые страницы целиком заполнены репортажами из Москвы об осаде и штурме нашего «Белого дома». Его погром восторженно расписан как великая победа демократии. Приверженцы парламента названы «бандой мятежников», а Ельцин – «спасителем России от поборников советского режима».

Американские дифирамбы Ельцину в дальнейшем поутихли, но ⁰⁴дорогой поныне ? Соединенных Штатах за то, что жестоко уничтожил советскую власть, расчленил ненавистную Америке огромную державу, развалил ее сильную армию и оборонную промышленность, реставрировал в России капитализм и навязал своей ослабевшей стране зависимость от Запада.

Вот почему по сей день в США не напечатано ни одного исторического обзора деятельности вашингтонских пособников Ельцина в трагические дни осени 1993 года.

И все же можно сейчас составить пока еще неполную хронику американо-кремлевского заговора против российского парламента.

За две недели до путча Ельцин командировал в Вашингтон своего министра иностранных дел Козырева с тайным поручением информировать загодя правительство США о предстоящем разгоне в Москве высшего органа законодательной власти. Это доложил Козырев 13 сентября государственному секретарю США Уоррену Кристоферу. А тот не был, однако, удивлен. 2 сентября он и его шеф — президент Билл Клинтон — получили от московской резидентуры ЦРУ детальное шифроизвещение о том, как Ельцин готовится к антиконституционному перевороту. Затем во время переворота газета «Нью-Йорк таймс» постфактум констатировала:

«Администрация Клинтона благословила мистера Ельцина на роспуск парламента».

Все эти факты прокомментировал ~~слова три месяца~~ американский специалист по истории России профессор Стивен Козн:

- В сентябре 1993 года наши руководители знали заранее, как я уверен, о том, что будет в Москве. Ельцин вел экстремистскую политику, и Америка поддерживала его и даже, возможно, подталкивала к этому. Я считаю, что правительство США несет ответственность за экстремизм Ельцина.

21 сентября перед телетрансляцией диктаторского указа Ельцина он распорядился предварительно вручить текст указа американскому послу Томасу Пикерингу. И приказал далее приобщать посла таким же образом к подготовке последующих акций Кремля по усмирению защитников парламента.

Об этом Пикеринг немедленно уведомил Клинтона, который сразу же позвонил Ельцину и одобрил его указ. В тот же день Клинтон публично объявил о своей поддержке действий Ельцина.

На пятый день путча Ельцин повторно отправил министра Козырева в США, чтобы там дополнительно одобрили сплошную блокаду московского «Белого дома» вооруженными солдатами и колючей проволокой. С этим согласились 29 сентября принявшие Козырева госсекретарь Кристофер и президент Клинтон. После встречи Козырева с Клинтоном российская газета «Сегодня» сообщила в репортаже из Вашингтона:

«Козырев передал Клинтону послание Ельцина. Позже Козырев публично поблагодарил президента США за поддержку».

3 октября, когда Ельцин изготавился штурмовать «Белый дом», газета «Нью-Йорк таймс» разгласила примечательный аспект планировки штурма:

«Американское посольство в Москве служило в качестве связника с русским правительством, а посол Томас Пикеринг установил контакт с подчиненными Ельцину силами и слал свои депеши в Вашингтон».

Ранним утром 4 октября штурмовики Ельцина атаковали «Белый дом», а вечером того же дня «Нью-Йорк таймс» оповестила:

«Президент Клинтон вылетел из Вашингтона в Сан-Франциско, получая во время перелета ежечасные сводки о боях в Москве. Он был настолько уверен в победе Ельцина, по словам его помощников, что по прибытии в Сан-Франциско спокойно выпался в местном отеле. Помощники Клинтона говорят, что он «на 100 процентов» одобряет русского президента».

Ежечасные сводки о московском кровопролитии поставлял Клинтону помимо его посла Пикеринга еще один американский дипломат – посол по особым поручениям Струоб Тэлбот. Он давний друг и студенческий однокашник Клинтона. Во времена их университетской учебы Тэлбот овладел русским языком, написал дипломное сочинение о русской поэзии, потом переключился на политику и выпустил несколько книг о Советском Союзе, где побывал, работая корреспондентом журнала «Тайм».

Когда Клинтон стал президентом, он поручил Тэлботу курировать в госдепартаменте США вашингтонскую политику в отношении России. Этим занимался Тэлбот вплотную в часы штурма нашего «Белого дома».

Весь день 3 октября, следующую ночь и утро 4 октября Тэлбот вел из Вашингтона телефонные переговоры с главными соратниками Ельцина. Речь шла о пальбе танков и пулеметов по «Белому дому» и об убийстве его обитателей. После этой бойни Тэлбот выступил 6 октября на вашингтонском заседании Комитета по международным делам Конгресса США и пересказал в приукрашенном виде свои переговоры с кремлевскими путчистами:

- Когда ранним утром в Москве войска начали движение к парламенту, посол Пикеринг и я контактировали с российскими официальными лицами. Нам сказали, что у президента Ельцина есть два варианта операции. Первый – быстрый и грязный: вломиться в здание, расстреливая всех внутри, как поступают при расправе с гангстерами. И другой вариант – замедленный и постепенный захват здания, чтобы предоставить там людям максимальный шанс капитулировать. Хотя в итоге количество убитых оказалось значительным, мы все же ободрены тем важным обстоятельством, что президент Ельцин применил второй вариант.

Продолжая обелять Ельцина, его иноземный поклонник проявил презрение к сотням только что погибших россиян:

- Силы новой России, которые олицетворяет президент Ельцин, верны демократии и реформам, уважению к жизни человека, сохранности гражданского мира.

Об этом выступлении Тэлбота я попытался напомнить его партнеру Пикерингу спустя пять месяцев. 9 марта 1994 года посол Пикеринг уст-

роил в московском «Доме ученых» собрание соискателей американских стипендий и грантов. Во время речи посла его слушателям позволили подавать ему записки с вопросами оратору. Подал такую записку и я. Но ее игнорировали.

Пришлось подойти вплотную к подиуму, где восседал Пикеринг, и громко обратиться к нему:

- Господин посол, расскажите, пожалуйста, подробнее, чем это сделал недавно ваш коллега Тэлбот, как вы утром 4 октября минувшего года обсуждали с кремлевскими сановниками разные способы штурма парламентского «Белого дома».

Ко мне подскочили трое американцев и попытались отпихнуть подалее от их посла: «Нельзя этого делать!». В зале раздраженно зашикали вашингтонские хлебники. Однако Пикеринг уже не смог прикинуть с глухим. Он сказал:

- Ну, что же, я знаю кто вы такой. Мы с вами раньше встречались. Отвечаю на ваш вопрос: я лично утром 4 октября не обсуждал с российским руководством никаких приготовлений к штурму московского «Белого дома». Этого у меня не было.

Посол отвернулся от меня, лаконично попрощался с аудиторией и ушел с подиума через заднюю дверь за кулисы. Подобно тому сокрыта и теперь в политическом закулисье американская часть режиссуры смертельной драмы у нас в 1993 году.

На четвертый день путча заседавший в «Белом доме» депутатский съезд избрал меня председателем Комитета по международным делам. Тогда я знал еще немного о сговоре против нас двух президентов – Клинтона и Ельцина. Но был знаком давно с долготелней русофобией вашингтонских политиков, знал об их своекорыстном альянсе с Ельциным и желании сокрушить его противников.

За двадцать дней до путча я прочел в американской газете «Интернэшнл гералд трибюн» сбывшийся вскоре прогноз:

«Ельцин может устроить преждевременную смерть российского парламента. Вероятно, Ельцин использует войска для усиления его волевого замысла».

Однако большинство наших депутатов, не читая иностранных газет, надеялись иллюзорно на помощь западных парламентов российскому Верховному Совету. Самые наивные и суматошные даже выкрикивали не раз на митингах перед «Белым домом», что будто бы американские конгрессмены и британская палата общин проголосовали за отмену Ельциным блокады нашего парламента. Эта чушь вызывала радостные аплодисменты митинговой толпы.

А от меня требовали призывать почаще на подмогу зарубежных спасителей, которых на деле не было.

Разуверить упрямых мечтателей оказалось невозможно. Предводители Верховного Совета во главе с Хасбулатовым и его первым замом

Юрием Ворониным заседали на меня: «Как нам повлиять на западных лидеров?». И хотя эта затея казалась мне несбыточной, я не мог ее забросать в одиночку, так как был бы объявлен злостным саботажником.

Пришлось смириться с самообманом моих сотоваришей и сочинять день за днем воззвания к западным парламентариям и делегатам Объединенных Наций. В тех посланиях, я, однако, не умолял выручить нас, а лишь просил хотя бы прислать в Москву беспристрастных наблюдателей, чтобы обнаружить здесь «факты надругательства над конституционными правами российских граждан» — полицейское битье москвичей вокруг резиденции парламента, окруженного солдатами, колючей проволокой и лишенного водоснабжения, электричества, отопления, связи с внешним миром.

Такие призывы переслать за рубеж удавалось только нелегально. Каждое послание на Запад уносил тайно из «Белого дома» мой гонец, имевший доступ в какое-нибудь столичное учреждение, оснащенное аппаратурой международных коммуникаций. Воспользоваться там факсом было, конечно, весьма рискованно и получалось лишь единожды. Да и сам гонец уже не мог вернуться в «Белый дом», оцепленный намертво войсками и милицией. Под конец остались со мной только два сотрудника нашего парламентского комитета.

Побывавший в осажденном «Белом доме» канадский журналист Марк Ройз изловчился как-то раздобыть из Кремля несколько документов об организации блокады парламента. Вот один из трофеев канадца:

«Протокол заседания. Москва. Кремль. Администрация Президента России. 25 сентября 1993 года.

Незамедлительно проверить факт пользования факсимильной международной связью, осуществляемой из Белого дома бывшим депутатом Андроновым, и используемой для связи с парламентами зарубежных государств. Проверить его контакты в Минсвязи и Главкосмосе».

У страха, как говорят, глаза велики. Синхронно с кремлевским протоколом послушная его авторам в ту пору «Комсомольская правда» укусила меня 25 сентября:

«Мечтающий о кресле министра иностранных дел России депутат Андронов прокладывает дорогу к цели».

Как возникла сия догадка рассказал потом сам Ельцин в его «Записках президента», где сказано, что он предвидел с начала сентября 1993 года противодействие российских депутатов разгону парламента:

«Они, видимо, соберут съезд, объявят мне импичмент, и появится на свет президент Руцкой. Скорее всего они в срочном порядке сформируют свое «правительство», где министром иностранных дел будет воинствующий Иона Андронов».

Предположение Ельцина обо мне реализовал за чем-то спустя год московский журнал «Столица»: «Иона Андронов — бывший министр иностранных дел «Белого дома»,

А затем ту же басню всерьез повторил в США журналист Дэвид Ремник в его мемуарах о разгроме нашего парламента. Но мифотворцы не ведали о том, что знал я очень хорошо: Рушкой в роли президента ни в коем случае не допустил бы назначения меня министром из-за тлевшей между нами обоюдной неприязни. К тому же до путча Хасбулатов препятствовал избранию меня председателем международного комитета, считая, что я, по его словам, «недостаточно гибкий». Таких никогда у нас не делают министрами.

Многократный кремлевский министр Анатолий Чубайс, поучаствовав в блокаде «Белого дома», разгласил вторую легенду, услышанную им тогда от высших офицеров госбезопасности:

- Они обнаружили представителя посольства Соединенных Штатов, пытавшегося подойти на близкое расстояние к Белому дому. Предприняты меры по блокированию таких попыток.

Это еще одна вздорная пугалка. 30 сентября я действительно пригласил по радиотелефону прийти в «Белый дом» советника-министра посольства США Луиса Села, но он наотрез отказался. Мои переговоры с ним велись по-английски, а радиослушачи контрразведки оказались паршивыми полиглотами и вынудили их перепуганное начальство охотиться за моим собеседником, который отсиживался в своем посольстве.

В итоге госбезопасность проморгала мою встречу с тем американцем через три дня. Теперь могу объяснить как это произошло и зачем.

На десятый день обороны «Белого дома» среди его защитников свыше полусотни уже нуждались в больничной медпомощи, которой у нас не было. Сильная простуда, сердечные недуги, телесные травмы подкосили в основном тех, кто круглосуточно под уличным ветром и студеными дождями охраняли наши баррикады вокруг парламента.

По ночам самоотверженные баррикадники посменно спали вповалку на холодном мраморном полу внутри вестибюлей первого этажа «Белого дома». Там опекали больных несколько врачей-добровольцев, но у них вскоре кончились самые необходимые медикаменты. Один из тех докторов — Александр Дальнов из столичной медакадемии имени Сеченова — жаловался 30 сентября знакомому мне газетчику Александру Гамову:

- Люди, находящиеся у «Белого дома», крайне истощены. Сказываются нервное переутомление и стрессы. У многих повышенное давление, головные боли, побаливает сердце. Есть вывихи, ушибы. А мы не в силах оказать им квалифицированную помощь. Не хватает медикаментов, перевязочных средств, особенно противошоковых и болеутоляющих лекарств. Их доставку не пропускают. На днях на подступах к «Белому дому» был остановлен грузовик с оборудованием для медпункта, больничными жгутами и шинами. Этого нас лишили, как объяснила милиция, «в соответствии с указом президента».

26 сентября врачи из «Белого дома» передали просьбу министру здравоохранения прислать хоть одну автомашину скорой медпомощи. Но

и это воспретили. Повторный вызов меднеотложки был отвергнут, когда 30 сентября сердечный приступ сразил пожилого баррикадника. Бедняга скончался.

В тот же день я предложил Хасбулатову позволить мне предпринять от его имени еще одну попытку спасения у нас самых немощных. Бесплезность политических воззваний к западным демократиям была уже совсем очевидна. А отечественные демократы и наиболее известные правозащитники, превзойдя даже их зарубежных друзей, кровожадно призывали Ельцина поскорее «раздавить гадину» – собственный парламент.

В такой ситуации контрвоздействовать на Ельцина смогли бы, как мне казалось, только помыкавшие им американцы, если над ними нависнет угроза обвинений за преступную бесчеловечность их союзника в отношении его больных сограждан. Проявить к ним гуманность можно было потребовать от московского посольства США. С этим замыслом Хасбулатов согласился.

Чтобы пройти от «Белого дома» к американскому посольству, нужно всего лишь пересечь Конюшковскую улицу. Но вдоль нее образовалась линия фронта в сентябре 1993 года. 30 сентября я, выйдя из здания парламента, подошел сперва к защитникам нашей уличной баррикады и получил разрешение перелезть через их редут из досок, железных труб и бетонных блоков. Однако на другой стороне Конюшковской уткнулся в длинный металлический барьер, за которым стояла шеренга милиционеров с автоматами на ремнях поперек груди.

Позади автоматчиков тянулся кирпичный забор посольства США. Над забором виднелись жилые корпуса дипломатов, а за ними – безжизненная многоэтажка посольской канцелярии с забитыми наглухо окнами: там внутри все стены, полы и потолки были начинены арматурными антеннами КГБ для потайного подслушивания. Его секретное устройство выдал послу США последний председатель КГБ Вадим Бакатин в 1991 году, но даже два года спустя американцы опасались как-либо использовать шпионскую постройку.

Близ этого монумента «холодной войны», проигранной Москвой, я простоял на улице более часа, пререкаясь безуспешно с милицейскими офицерами. Они никому не препятствовали покинуть заблокированную ими территорию вокруг «Белого дома», но предупредили, что не пропустят меня обратно. Против сего запрета все мои возражения и просьбы не подействовали.

Милиционеры разговаривали со мной враждебно и хамовато. От них пахло водкой. Один, особенно наглый, курил напоказ американские «Малборо» и старался выдохнуть струю дыма с алкогольным перегаром прямо мне в лицо.

Возвратясь в парламент, я не мог воспользоваться там отключенными телефонами для звонка в посольство. Был, впрочем, у Хасбулатова радиотелефон, но говорить по нему удавалось всякий раз не дольше полми-

нуты, а далее извне чужие радиоперехватчики быстро глушили нашу связь какофонией пронзительного свиста, скрежета, стука.

Между тем я подметил, что в холле второго этажа «Белого дома» обсоновались корреспонденты ведущих телекомпаний США, а разговаривали они оттуда по радиотелефонам с их московскими корпунктами без помех посторонних глушилок. Такая привилегированность американцев возникла потому, что они радиотелефонировали коллегам по-английски. Русский язык в те дни был политически неблагонадежным в столичном радиоэфире.

Кроме того американские журналисты свободно приходили в «Белый дом» и уходили из него без каких-либо задержек нашей милицией, которая усиленно отгоняла российских репортеров от резиденции парламента. Американский паспорт с пачкой долларов – это у нас самый безотказный вездеход.

Хотя я вывез из Америки только английскую речь с нью-йоркским акцентом, но и это весьма пригодилось в «Белом доме» вместе с радиотелефоном заокеанской телекомпании Эй-би-си. Ее корреспондент посетовал на отсутствие электроподпитки для полуживых батареек радиотелефона и все же уважил мою просьбу о звонке в посольство США. Телевизионщик хотел послушать – зачем я звоню туда. А его любопытство оказалось очень кстати: подвернулась возможность огласки в западной прессе подлого противодействия Кремля медицинской помощи захворавшим защитникам парламента.

И вот, позвонив в посольство США, я сообщил по-английски поднявшей трубку американке мое имя, местопребывание, парламентскую должность и попросил срочно поговорить с послом Пикерингом. Американка предложила подождать ответа пару минут.

И затем сказала, что Пикеринг занят сейчас неотложными делами за пределами посольства, а вместо него побеседует со мной посольский советник-министр Луис Сел. Он тут же подключился и разъяснил сразу свой статус – «номер два в посольстве». Кто такой «номер два» в любом посольстве – общеизвестно в мире дипломатии и международной журналистики.

Радиотелефонный диалог мистера Села со мной, как обнаружилось позже, подслушивала контрразведка, но заглушить не осмелилась. Я информировал собеседника о кремлевских преградах доставке медпомощи для больных людей в «Белом доме». И напомнил, что президент Клинтон одобряет репрессии Ельцина против российского парламента, а потому Соединенные Штаты морально ответственны за незаконное вредительство моим заболевшим товарищам и истязание холодом, антисанитарией, недоеданием.

- Что же вы хотите от нашего посольства? – спросил американец.

- Вразумите Кремль разблокировать хотя бы доставку в «Белый дом» лекарств и предметов сангигиены.

- Кто их сможет доставить?

- Если сумеете приостановить эмбарго на гуманитарную помощь парламенту, то можно обратиться к московской миссии Международного Красного Креста и некоторым благотворительным фондам, получающим ваши американские дотации. Все это я хотел бы обсудить с вами в посольстве. Но осадившая парламент вооруженная полиция не пропустит меня от вас назад в «Белый дом» для координации медпомощи.

- Ну, уж эта русская внутренняя проблема никак не касается нас.

- Верно. Но вы не смогли бы конфиденциально посетить «Белый дом»?

- Нет. Исключено категорически.

- А нельзя ли нам встретиться незаметно и потолковать в нейтральной уличной зоне у полицейского барьера на полпути от вас к нам?

- Нельзя. Там снуют журналисты и прочие слишком наблюдательные люди.

- Тогда я заново попытаюсь как-нибудь гарантировать свое возвращение от вас в парламент.

- Окей. Ждем вас. Но есть встречная просьба. До нас дошли тревожные сведения о том, что из «Белого дома» якобы возможно нападение на наше посольство. Мы замечаем в обращенных к посольству окнах вашего здания мужчин с автоматами наизготовку. А ведь в посольстве находятся наши дети и жены. Так давайте обдумаем взаимопомощь. Передайте руководству парламента о нашей озабоченности.

- Обязательно передам. И уверяю, что никто у нас не помышляет стрелять по вашему посольству.

- Спасибо.

Тревожное обращение к нам из посольства США я немедленно пересказал Хасбулатову и двум избранным Верховным Советом новым «силовым министрам» — генералу госбезопасности Баранникову и генералу МВД Дунаеву. Все они обещали полностью обезопасить американских соседей от воинственных вылазок с нашей стороны каких-нибудь провокаторов.

Дабы успокоить персонал посольства США, я позвонил опять туда Селу по радиотелефону Эй-би-си:

- Спикер парламента Хасбулатов и наши министры Баранников и Дунаев официально заверяют ваше посольство в отсутствии какой-либо опасности для вас со стороны «Белого дома». Приняты необходимые меры для пресечения случайной выходки любого экстремиста против ваших дипломатов или их семей.

Сел еще раз поблагодарил. А два месяца спустя издающийся в Нью-Йорке журнал «ЛООТ» подытожил задним числом мои радиоконтакты с московским посольством США:

«По сведениям отдела по делам России в государственном департаменте Соединенных Штатов, Иона Андронов способствовал договорен-

ности с российским парламентом относительно безопасности иностранцев и особенно американцев в находящемся рядом посольстве США».

Однако тогда я хлопотал, естественно, прежде всего о медпомощи больным защитникам «Белого дома». Ради них требовалось все-таки дойти до американского посольства и вернуться к своим сквозь милицмейские кордоны. Для этого уже не годились мои радиоуловки на английском языке. Пришлось позвонить из приемной Хасбулатова по его радиотелефону в штаб начальника московской милиции генерала Владимира Панкратова.

В штабе Панкратова отозвался дежурный офицер-секретарь. Ему изложил я просьбу к генералу разрешить мне после посещения американского дипломата Луиса Села возвратиться в «Белый дом» для организации с участием посольства США медпомощи лежачим больным в стенах парламента. Но как только это прозвучало по-русски, раздался в трубке радиотелефона оглушительный треск, вой, грохот.

Тем не менее я отправился снова на фронттовую Конюшковскую улицу и подошел к автоматчикам у железного барьера. Там уже поджидал меня синемундирный толстяк с погонами полковника. Он взглянул на мое депутатское удостоверение и ухмыльнулся:

- Есть приказ из штаба – выпустить Андропова отсюда, но обратно не пускать.

Так прервали запросто мои переговоры с американцами. Однако не окончательно. Но в тот день 30 сентября ни я, ни толстый самодовольный полковник еще не могли никак предугадать, что вскоре мы с ним встретимся повторно на том же месте во время уличного боя, а потом ночью я с пистолетом в кармане войду в посольство США.

1 октября исчезла вообще потребность в моих потугах возбудить сочувствие американцев к больным блокадникам «Белого дома». Они обрели наивысшего заступника – православного Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. Он пригласил утром 1 октября в свой столичный Свято-Данилов монастырь представителей двух враждебных центров светских властей – Кремля и «Белого дома». Их призвал Патриарх прекратить как можно быстрее военное противостояние, заключить политическое перемирие и устранить в первую очередь все помехи медпомощи больным людям возле парламента.

- В Белом доме есть, видимо, какой-то медпункт, - сказал Алексий II в начале монастырского совещания. - Каких лекарств там нет – надо обеспечить.

Парламент приветствовал миротворчество Патриарха. Так же поступили и в Кремле. Внутри «Белого дома» депутаты избрали для монастырских переговоров нашу согласительную комиссию, куда включили и меня. Комиссию возглавил Воронин, заместитель председателя Верховного Совета. Он и еще четверо депутатов заседали три дня в Свято-Даниловом монастыре. Руководить делегацией со стороны Ельцина было поручено

начальнику президентской администрации Филатову и московскому мэру Лужкову.

С первой встречи гостей Патриарха в его присутствии Воронин просил многократно кремлевских посланцев отменить их табу на медпомощь «Белому дому». В ответ Филатов всякий раз сулил, что прикажет предоставить нам незамедлительно любые медикаменты без каких-либо негуманных ограничений.

Однако на деле мы не получили ни единой лекарственной таблетки. А потом узнали, что Филатов рекомендовал тогда в Кремле применить против нас новейшее оружие массового поражения — квантовый генератор лазерных лучей, способных ослепить надолго большие толпы уличных бунтарей.

Тщетно пытался Патриарх умиротворить и склонить к разумному компромиссу приглашенных им политиков. Они даже в церковной обители скандально спорили и оскорбляли друг друга. На третий день злословия у Алексия II случился приступ стенокардии. Одновременно в Москве начались рукопашные бои между солдатами войск МВД и участниками городских митингов в поддержку парламента. 3 октября в 6 часов вечера говорильня в Свято-Даниловом монастыре бесславно захлебнулась.

За три часа до краха монастырских переговоров несколько тысяч сторонников парламента двинулись от Калужской площади по проспекту Садового кольца к «Белому дому». Через час колонны смельчаков прорвали сходку на Садовом кольце три милицейских заслона на Крымском мосту, Зубовской и Смоленской площадях. Там в драках с солдатами ОМОНа горожане захватили немало полицейских щитов, дубинок, касок, бронежилетов. С этой оснасткой людская волна сокрушила последний рубеж блокады «Белого дома» и забурила вокруг него с победными выкриками:

- Ура! Свобода! Товарищ, смелее гони Бориса в шею!

Депутаты в «Белом доме» прильнули к окнам и радостно размахивали руками, салютуя нашим освободителям. В горячке всеобщего восторга мы выскочили гурьбой наружу из своего двухнедельного убежища обниматься и целоваться со множеством внезапных спасителей. Это был для подневольных затворников незабвенный праздник. Самый памятный поныне в моей жизни. Но очень короткий.

Шумное ликование на примыкающей к «Белому дому» площади Свободной России прервала звонкая трещотка автоматной стрельбы. Палили совсем близко с Конюшковской улицы. Там в одном ряду с посольством США стоит застекленная высотка мэрии и 12-этажная гостиница «Мир». В ней, вопреки ее названию, располагался штаб осаждавших парламент войск МВД. Туда ретировались наши преследователи.

Стоявшие рядом со мной москвичи умолкли и настороженно вглядывались в раскрытые окна гостиницы. Кто-то гаркнул: «Один наш убит!». Благодушный настрой мгновенно улетучился. Его сменил у всех ярост-

ный гнев. И тут мы услышали усиленный мегафоном нервозный голос неопрезидента Руцкого.

Руцкой возвышался над нами на балконе второго этажа «Белого дома». По бокам генерала стояли охранники, прикрывая его тело до головы распахнутым бронежилетом. Руцкой прокричал:

- Надо взять штурмом мэрию и телецентр Останкино!

По его команде сотни мужчин выбежали на Конюшковскую улицу. Но сперва атаковали не мэрию, а отель «Мир». Там никто не отстреливался. Обитатели штаба МВД испуганно сбежали, бросив в спешке свою амуницию, полдюжины военных грузовиков и автомобиль походной радиостанции. Я увидел, как у входа в гостиницу застрял и безуспешно пытается уехать армейский бронетранспортер.

Этот БТР уткнулся кормой в каменное крыльцо отеля, а спереди броневика подкатили к нему впритык грузовик-водовоз с большой цистерной для поливки улиц. Попавший в западню БТР пытался судорожно отпихнуть водовоз, но у того были, очевидно, крепкие тормоза. Тем временем трое каких-то парней, раздобывших только что автоматы, взобрались на БТР и лили из бутылки бензин в щели люка броневика. Один из автоматчиков держал наготове коробок спичек. Узрев это, я заорал:

- А ну-ка, ребята, не смейте поджигать! Я депутат Верховного Совета. Воспрещаю самосуд.

Парни нехотя подчинились моему окрику. БТР тоже перестал дергаться и выставил из его носовой части два столбика перископов с овальными зеркальцами. Глядя в них, я громко проговорил:

- Вылезайте по-хорошему пока живы. Я, депутат Верховного Совета, гарантирую вам неприкосновенность. Моя фамилия Андронов. Вылезайте!

Перископы опустились в их гнезда, а экипаж броневика принялся опять долбить грузовик-водовоз. Оседлавшие БТР парни больше никак не реагировали на мои протесты и подожгли пролитый на люк бензин. На бронемашине вспыхнул огненный гребешок. Я осознал впервые свое депутатское бессилие воспротивиться уличной стихии начала гражданской войны.

Подожженный бензин не проник, к счастью, внутрь броневика, а его водитель сумел-таки слегка сдвинуть тяжелый грузовик и вырваться из капкана. БТР с горящей верхушкой умчался куда-то по Конюшковской улице.

На крыльце гостиницы я столкнулся с кучкой выходивших мужчин. Они после захвата здесь штаба МВД волокли теперь отсюда и подгоняли пинками двух пойманных офицеров - майора и полковника.

Потные лица пленников побелели от страха, взмокшие шевелюры растрепались, синие мундиры были порваны. У толстого полковника содрали один погон. Я узнал полковника, а он меня. И от этого у него с перепугу задрожал жирный подбородок. Ведь трое суток назад он с презри-

тельной ухмылкой не позволил мне добиться медпомощи заболевшим защитникам парламента.

- Нельзя бить пленных! – остудил я конвоиров.
- А ты кто такой, – спросили меня, – чтобы командовать?
- Я депутат Верховного Совета. Вот мое удостоверение.
- Что же делать с этими гадами?
- Отвести без битья в «Белый дом».
- Туда не пройти без спецпропусков.
- Вас пропустят со мной. Пошли!

Мы прошагали от гостиницы лишь полсотни метров беспрепятственно, но далее попали в людскую гущу около «Белого дома». Ненависть и жажда мести взбесили толпу, обступившую пленных врагов. Вокруг них замелькали поднятые кулаки.

Оба пленника прижались к моей спине. А мне пришлось опять вскинуть руку с депутатским мандатом и надирать глотку:

- Не трожьте их! Они сдались без сопротивления. Расступитесь!

Так удалось протиснуться медленно сквозь грозное столпотворение и почти довести пленных до ближайшего подъезда «Белого дома», как вдруг кто-то позади меня прыгнул по-кошачьи на мои плечи и сцапал мои очки.

В тот же миг я очутился будто в подводном мире с его мутными очертаниями всех предметов и живых существ. У меня сильная близорукость зрения – минус пять диоптрий. Без очков я больше не мог в ту пору заниматься чем-либо дельным в «Белом доме». Приступ отчаяния пронзил меня словно удар ножом.

Между тем потерявшие мою опеку офицеры отскочили трусливо от меня и сами добежали до парламентского подъезда. А я обернулся назад к тем, кто еще не успел отойти и наверняка похитил мои очки. Их осколки не валялись тут на мостовой. В том месте смущенно топтались какие-то мужчины и белобрысая баба, чья физиономия оказалась знакомой мне, когда я разглядел ее вплотную.

Немолодая особа раньше часто декламировала политические стихи на митингах красного ультрарадикала Анпилова. И слыла его обожательницей. Как только я приблизился к ней, она спрятала правую руку за спину.

- Отдай очки! – сказал я «анпиловке».
- Какие очки? – взвизгнула она.
- Мои!

Схватив ее правую руку, я увидел в сжатой ладони покореженные окуляры. Разжал ногтисную клешню и отобрал свою поврежденную драгоценность. Все же мне очень повезло: стекла были целы. Но смяты и перекошены ушные дужки и перемычка оправы. Я сел прямо на асфальт и принялся осторожно выправлять хрупкие пруттики металла.

А пока я возился с очками, это вроде бы комичное приключение отвлекло меня от эскалации больших событий того дня: восставший люд овладел мэрией.

Штурм уже закончился, когда я присоединился к возбужденному собранию москвичей у разбитого вдребезги застекленного подъезда мэрии. Над проломом парадного входа торчал бетонный козырек, а на нем стоял горделиво пожилой усач в зеленой униформе и черном берете набекрень в плакатном стиле Че Гевары. Но вместо кубинской сигары удалец держал у рта мегафон. Из него прогремело:

- Больше не будет ни мэров, ни пэров, ни херов!

Зрители весело загоготали:

- Bravo, Макашов! Нашему генералу – слава!

Альберт Макашов, генерал-полковник без воинских побед и без малейшего фронтового опыта, сумел, однако, прославиться на всю Россию своим солдафонским острословием. Это у нас многим по душе. Почти четыре миллиона российских граждан проголосовали за Макашова на президентских выборах в 1991 году.

С тех дней генерал пристрастился публично обзывать своих противников «сукиными сынами», «подлецами», «жабами», «крысами» или «жидами». И подстрекал по-своему линчевать их – кастрировать либо обвязать им мужские гениталии и повесить на столбах уличных фонарей. Ярость Макашова вызывали даже совсем аполитичные соотечественники:

- Нейтральность – это то, что болтается посреди проруби.

Генерал Руцкой, любитель тоже выразиться смачно, назначил Макашова начальником штаба обороны «Белого дома». А после штурма мэрии Макашов взялся выполнить приказ Руцкого прорваться в телецентр Останкино, чтобы новый президент смог объявить всей стране о своей победе. Я видел, как Макашов вышел из мэрии с десятком автоматчиков и вернулся к «Белому дому» на площадь, где уже ждали его сотни энтузиастов марша на Останкино.

На моих глазах Макашов быстро сформировал автоколонну из дюжины грузовиков и легковушек, захваченных ранее у ОМОНа. Безоружные добровольцы заполнили битком трофейные машины. Самоуверенный генерал взял с собой в свёрхрискованный рейд только 18 автоматчиков.

К макашовской команде примкнул из Верховного Совета лишь один депутат Илья Константинов. Его уважали за личную отвагу, но остальные депутаты воздержались от явного безрассудства. Однако к тому моменту мнение парламента ничего не значило. Руцкой самовольно приказал штурмовать Останкино. Мы, депутаты, были уже вне азартной игры бесконтрольных генералов и уличных забияк.

Когда прозвучал клич «Вперед!», и автоколонна Макашова укатила с полуопустевшей площади «Белого дома», я наблюдал за этим обреченно с беспомощным предчувствием несчастья. Угроза нападения на парламент отнюдь не исчезла, но он лишился большинства его самых боевитых защитников. Штурмовать телецентр им приказал Руцкой, как я заподозрил, спонтанно и на авось. В таком случае захват телецентра был заведомым идиотизмом, ибо кремлевские власти могли легко отключить телестудии

Останкино от трансляционных сооружений телевидения. Однако все обернулось в итоге гораздо хуже.

Протяженность автоброска Макашова от «Белого дома» до телецентра Останкино составила 12 километров по Садовому кольцу, проспекту Мира и улице академика Королева. Еще на старте марша головной автомобиль Макашова уткнулся на Садовом кольце в бронезапруды из двадцати БТРов и мототургонов войск МВД. Готовые к бою солдаты были вооружены ручными пулеметами и автоматами.

Но мотострелки вместо залпа по отряду Макашова молча пропустили машины повстанцев, поехали вслед за ними, перегнали их и устремились тоже в Останкино. Генерал Макашов, воспитанник двух военных академий, вполне мог, казалось бы, сообразить, что его безоружные спутники попадут в огневую ловушку возле телецентра.

Почему-то ни генерал Руцкой, ни Макашов не задействовали для связи между ними отнятую прежде у войск МВД походную радиостанцию Р-142М «Сорока». Головоунытие обоих генералов привело к тому, что никто в «Белом доме» не мог уже образумить и остановить полезшего на рожон захватчика телецентра.

Останкинский телецентр состоит из двух зданий, разделенных полоской асфальта улицы Королева. Там на мостовой и высадился десант Макашова. К тому времени оба дома телецентра уже оккупировали стрелки спецназа МВД, забаррикадировались внутри и заняли огневые позиции в окнах и на крышах.

Опоздавший Макашов отсрочил прорыв в телецентр, надеясь воспользоваться позже приходом сюда многочисленных противников кремлевской телепропаганды. Пока они стекались в Останкино, на улице Королева кипел двухчасовой митинг. Макашов со своим мегафоном кричал засевающим в телецентре:

- Крысы, выходите! Эй, крысы! Крысы! Каждому, кто выйдет добровольно, будет сохранено одно яйцо! Крысы! Выходите! Сопrotивление бесполезно. Ельцин вас предал. Вы окружены превосходящими силами!

Но превосходство было иным: уличная толпа и 18 автоматчиков Макашова колготились между корпусами телецентра, где скопилось 900 бойцов спецназа МВД. А по-соседству стояли наготове 24 броневика с дальнотойными пулеметами.

Однако Макашов продолжал бесноваться:

- Если найдутся придурки, которые будут стрелять в нас, то мы сделаем так, что им останется только одно: чемодан- вокзал-Израиль!

В семь часов вечера грузовик из автоколонны Макашова протаранил с разгона стеклянные двери технического отделения телецентра. Генерал завопил, что применит вдобавок гранатомет. А затем из корпусов телецентра обрушился шквал убийственного свинца на безоружных людей посреди улицы. Беспощадную бойню завершили пулеметчики подоспев-

ших БТРов. Погибли 46 человек. Изранены были 124. Беспечной публике устроили массовую казнь.

Невредимый Макашов вскоре вернулся на автомобиле в «Белый дом». Его самомнение не пошатнулось:

- Я пошел в Останкино и что мог там делал.

А тем, кто попрекал потом генерала за трагедию в Останкино, он заново угрожал кастрацией.

Руцкой сожалел впоследствии о его призыве к штурму телецентра: «Я признаю, что первый мой порыв был недостаточно продуман».

За пять дней до останкинской бойни известный кинорежиссер и общественный деятель Станислав Говорухин дружески посетил Руцкого в «Белом доме». Вечером 3 октября Говорухин приехал по своим делам в телецентр и угодил под обстрел. После он дружил по-прежнему с Руцким, но в кровавом октябре 1993 года записал в своем дневнике:

«Обвинение себе Руцкой произнес публично под взглядом телекамеры. Вот эти слова: «В Останкино!»... После слов «в Останкино!» можно было ему подняться к себе, на третий этаж, подумать минуту, достать свой иностранный хромированный пистолет и пустить пулю в сердце. Он не застрелился. Ни тогда, ни потом — когда пушки танков начали шарашить по Белому дому, по женщинам и детям. Не мне осуждать его. Но для меня — это загадка».

Одновременно с расстрелом карателями МВД беззащитной толпы возле телецентра его начальство отключило по директиве из Кремля все студии в Останкино от трансляторов телевидения. Повсюду на экранах домашних телевизоров появились три строчки лживого объявления:

«Вещание по 1-му и 4-му телеканалам нарушено ворвавшейся в здание вооруженной толпой».

Через десять минут на экранах возникла мужская голова на тонкой шее. Моложавый брюнет принялся врать:

- По нашим сведениям из Останкино, там в эфирной студии сейчас идет бой. Поэтому мы говорим из резервной студии в другом месте. Как сообщают из телецентра по телефону наши корреспонденты, нападающие захватили один корпус здания, используя бронетранспортеры, гранатометы, автоматы.

Тем временем между корпусами телецентра лежали на улице в лужах крови десятки умиравших и раненых москвичей. Их добивали прицельно из обоих корпусов снайперы спецназа и стрелки подъехавших БТРов. В тот вечер и потом ночью до рассвета телевизионные дезинформаторы, сменяя друг друга, обманывали всю страну. Ее охмуряли наперегонки экрановещатели Николай Сванидзе, Светлана Сорокина, Сергей Торчинский. Они разместились в двух государственных телестанциях на улице Шаболовке и 5-й улице Ямского поля.

На пороге зловещей ночи в полдесятого экранизировался мясошек вице-премьер Егор Гайдар. Он воинственно призвал столичных сторон-

ников Ельцина быстро сконцентрироваться для уличной самообороны с целью спасения от навязчивого кошмара Гайдара:

- Не дать снова сделать из нашей страны огромный концентрационный лагерь!

Телеэкстаз Гайдара перевоплотила артистично популярная киноактриса Лия Ахеджакова:

- Сегодня в Москве убивают милиционеров! Они защищают нас от тех, кто защищает Конституцию. Что же это за проклятая Конституция? А где наша армия? Почему она не защищает нас от этой проклятой Конституции?

Политик Григорий Явлинский изрек с телеэкрана:

- Президент должен проявить максимальную жесткость и твердость в подавлении бандитствующих элементов. Под эгидой Белого дома собраны фашиствующие, экстремистские формирования. Если для их подавления недостаточно сил правопорядка, необходимо рассмотреть вопрос об использовании регулярных вооруженных сил.

Ночью выступил премьер-министр Черномырдин:

- Преступные элементы, подстрекаемые из «Белого дома», пролили в Москве кровь. Сегодня вечером в Москву вводятся войска.

В «Белом доме» незадолго до полуночи я встретил депутата Николая Павлова на полутемной лестничной площадке. Сквозь ее большие окна алый отблеск уличных костров позволил разглядеть взволнованное лицо моего приятеля. Он сказал, что побывал на пригородном Киевском шоссе, где видел едущие в Москву колонны бронемашин Таманской и Кантемировской дивизий. Их обычно вызывали в столицу прошлые зачинщики кремлевских заговоров и переворотов. Месяц назад Ельцин, готовя путч, посетил подмосковные гарнизоны обеих дивизий и посулил командирам множество материальных благ.

С наступлением ночи многоэтажный «Белый дом», лишенный электросвета, уподобился растревоженному муравейнику. В потемках его коридоров и лестниц молчаливые мужчины с автоматами сооружали доты из сейфов, холодильников, столов.

Снаружи дома сотни людей укрепляли хилые баррикады чем попало — ржавыми железками, деревяшками, всякими строительными отбросами. Все это прошибить и раздавать было бы минутным делом для танков или броневиков.

Сколько времени осталось, размышлял я, до штурма парламента? Час? Два? Целая ночь или меньше? Неужели уже неизбежен здесь повтор останкинского расстрела? Спеша воспротивиться этому хоть как-то, я добрался в темноте до самого недалекого кабинета заместителя спикера Валентина Агафонова. И попросил торопливо зама Хасбулатова предупредить того о том, что я иду в последний раз к посольству США с надеждой уговорить американцев поспособствовать срочному перемирию между нами и Кремлем.

Той ночью вне периметра наших баррикад было впервые безлюдно, и я без помех дошагал до ворот американского посольства. За решеткой ворот у проходной будки стоял, сжимая карабин, морской пехотинец в каске, пятнистом камуфляже, бронежилете. Внутри будки постовой выслушал мое пожелание побыстрее повидать мистера Села. Вскоре в будку вошел молодой американец и предложил мне следовать за ним во двор посольства. Была полночь.

Через полсотни метров мы подошли к длинному двухэтажному дому, где живут сотрудники посольства. Там, каждая двухъярусная квартира имеет отдельное высокое крыльцо с каменными ступенями и чугунными перилами. Это архитектурная копия старинных кварталов американских городов на той части Атлантического побережья, которая с колониальных времен именуется Новой Англией.

С парадного крыльца мой поводырь ввел меня в гостиную, теплую и уютную, с камином, мягкими креслами, торшерами и настенным гобеленом с вытканым букетом красивых цветов. Иноземный комфорт мгновенно вызвал горькую мысль: «Господи, когда же мы, русские, вместо боев друг с другом наладим хорошую жизнь?».

Хозяин квартиры — седеющий, плечистый, сухошавый по-спортивному — пожал мне руку и указал на кресло. Рядом сел приведший меня дипломат и раскрыл блокнот. Луис Сел спросил:

- Не возражаете против стенограммы?

- Нет.

- Приступим прямо к цели вашего прихода?

- Согласен. А вам, несомненно, уже известно, что в город вошли бронетанковые войска. И готовятся к удару по «Белому дому». Почти неизбежно страшное кровопролитие. Я хотел бы, будучи русским, предотвратить массовое убийство русских русскими. Мы вам чужие. Но вам не могут быть чужды ваши долгосрочные государственные интересы. Ваш кремлевский друг, как я уверен, будет завтра победителем. Однако Соединенным Штатам вряд ли выгодно политически иметь в России царствующего друга, запятнанного русской кровью. Гораздо выгоднее для вас, не лишая вашего друга лавров триумфатора, выступить сейчас миротворцами в смертельный для русских час.

- Кто снабдил вас полномочиями для такого предложения нам?

- Председатель парламента Хасбулатов.

- А Руцкой?

- Если и это необходимо, то будет обеспечено.

- Что же вы хотите от меня конкретно?

- Выступить посредником между нами и Кремлем.

- Что вы предложите Кремлю?

- Немедленную встречу их представителей с нашим руководством. Никаких предварительных условий. Тема и цель встречи единственная — избежать кровавого взаимоистребления.

- Ну, что же, считаю вашу инициативу достойной уважения. Хотя не разделяю ваших взглядов. И не могу быть посредником между Кремлем и «Белым домом», ибо мы принципиально не вмешиваемся во внутренние дела России. Но все же помочь по гуманным соображениям не отказываюсь. Хотите, чтобы я информировал о вашем запросе из «Белого дома» ближайшее окружение президента Ельцина?

- Да, сделайте это.

- Как сообщить вам ответ?

- «Белому дому» обрубил все средства связи. Я могу вернуться к вам сюда в назначенное время.

- Хорошо, возвращайтесь через час. В полвторого ночи.

Он пристально взглянул на меня и вдруг произнес:

- Чем помочь лично вам?

Неожиданный вопрос, очевидно, породило что-то в моем облике двухнедельного блокадника. Но это меня удивило. Я думал, что выгляжу иначе, чем большинство моих коллег-депутатов. Многие из них перестали бриться, причесываться, носить галстуки. А я обзавелся двумя ведрами, раздобывал по-всякому воду, оплескивался и мыл голову, стирал сорочку и носки, брился, бережно расходовал флакончик одеколона. Я нарочно держал марку оставшегося в «Белом доме» единственного международного-профессионала. Подобные мне давно сбежали. Поэтому даже уличные баррикадники одобрительно поглядывали на аккуратного депутата в иностранном твидовом пиджаке и при галстуке.

И все же нечто во мне вызвало сочувствие американца. Я рассмеялся:

- Сочту за помощь дабл-виски.

Согретый шотландским скотчем, я возвратился в промозглую темень «Белого дома». Во всех подъездах уже обосновались автоматчики. С лестницы проникнуть на любой этаж можно было теперь только протискиваясь боком в щель между массивными сейфами. Там часовые освещали входящего фонарем или свечкой и допытывались: «Кто? Куда идешь? Есть оружие?». Меня узнавали и не допрашивали.

Еще три охранных поста я миновал без расспросов в коридоре пятого этажа перед приемной Хасбулатова. Его секретарь взял со своего стола горящую свечу, провел меня через сумрачный огромный кабинет спикера и впустил в небольшую комнату, освещенную, к моему изумлению, мигавшей электролампой. Ее потайной провод, как оказалось, протянули из здания наружу и подключили Куличному фонарю.

В той комнате я увидел всех наших руководителей, сидевших на двух диванах и стульях вокруг низкого кофейного столика. Хасбулатов и Руцкой совещались с генералами Ачаловым, Баранниковым, Дунаевым и хасбулатовскими замами Ворониным и Агафоновым.

Хасбулатов выслушал мой пересказ разговора в посольстве США и обернулся к Руцкому:

- Следует продолжить миротворческие попытки с помощью американцев. Верно, Александр Владимирович?

- Да, правильно, - ответил Руцкой. - Продолжай, Иона.

Воронин сказал:

- Вряд ли американцы помогут после вчерашнего краха самого главного - переговоров с правительством благодаря Патриарху. Ведь мы в Свято-Даниловом монастыре уже были близки к бескровной развязке кризиса. Зачем же бросились на мэрию и телецентр?

- Кого вы хотите сделать на всякий случай главным виновником? - рассердился Руцкой.

- Не надо сейчас зря спорить, - вмешался Агафонов. - Наши ошибки все равно уже неисправимы.

Тягостное молчание возникло в комнате. Хасбулатов чиркнул зажигалкой и принялся раскуривать свою знаменитую трубку. Окаменевшие лица темпераментных еще недавно политиков вызвали у меня странное ощущение мертвой атмосферы музея восковых фигур. Показалось, что эти неудачники, с которыми я связал свою судьбу, отсылают меня опять к американцам, не надеясь уже ни на что. И будто читая мои мысли, Хасбулатов заговорил:

- У вас, Иона Ионович, есть личное оружие?

- Нет.

Он расстегнул пиджак, отщепил от брючного ремня пистолетную кобуру и протянул мне. Офицерский восьмизарядный ПСМ лежал в кожаной кобуре с тисненым восточным орнаментом. Подарок был символичен тоже по-восточному. Он явно означал, что у меня уже нет пути назад. Я и сам это знал.

- А вы останетесь безоружным? - спросил я Хасбулатова.

- Мне еще дадут, - улыбнулся он.

Руцкой ожил и сказал насмешливо:

- А ты, Иона, разве умеешь обращаться с оружием?

- Почему сомневаетесь?

- Ну, ты же интеллигент.

- Верно, я русский интеллигент. В отличие от пришедших с вами сюда ваших кремлевских помощников-советников. Они этой ночью все смылись. А я, интеллигент, здесь с вами.

Он не обиделся и примирительно положил руку на мое колено:

- Не кипятись. Все знали, что ты не предашь, останешься тут до конца.

Покинув апартаменты Хасбулатова, я отправился на второе свидание с мистером Селом. Когда перелезал через нашу уличную баррикаду, кто-то из ее защитников крикнул:

- Смотрите, депутат Андронов удирает! Позор трусу!

- Заткнись! - ответил я. - Через час вернусь.

Вряд ли мне поверили. В те ночные часы немало упавших духом разошлось отсюда втихомолку по домам.

У ворот американского посольства в будке охраны поджидал меня уже знакомый сотрудник Луиса Села. Мы пришли опять в ту же квартиру. Там в тепле я снял свою пуховую куртку, но отклонил попытку вежливого Села пристроить мою куртку на вешалке. Это сделал я сам. Иначе дипломат почувствовал бы необычную тяжесть легкого пуховика с пистолетом в кармане. Во всех посольствах строжайше запрещено впускать посторонних с оружием.

В гостиной Сел сказал мне:

- Вот телефон. Можете позвонить исполняющему обязанности министра иностранных дел Виталию Чуркину.

- А где министр Андрей Козырев?

- Он сейчас собрался, кажется, вылететь из нашей страны в Москву.

- Разве Чуркин, ведая иностранными делами, полномочен обсуждать проблему конфронтации правительства и «Белого дома»?

- Взгляните на телефонный номер Чуркина дабы развеять сомнения.

Дипломат вручил мне бумажку с семью цифрами, из которых первые три были 206.

- Понятно? – спросил он.

- Да, это телефон в резиденции правительства на Старой Площади.

- Так звоните туда Чуркину.

Виталий Чуркин был знаком мне с 1985 года, когда я репортерствовал в Америке, а он, начинающий дипломат, служил скромно секретарем вашингтонского посольства СССР. Выпускник привилегированного Московского госинститута международных отношений проявил в догове империализма такую страстную преданность коммунистическим идеалам, что его перевели через два года в аппарат ЦК КПСС.

Но как только Ельцин запретил КПСС, Чуркин стал антикоммунистом и ярым ельцинистом. За это его возвели в замминистры иностранных дел России. Столь резкий карьерный взлет, как задокументировано сослуживцами Чуркина, надолго вскружил ему голову: «Виталий Иванович Чуркин внешне высокомерен, самоуверен, подвержен чувству собственной непогрешимости».

Телефонный разговор со мной Чуркин сразу начал бесцеремонно:

- Ну, что, Иона Ионович, ваши сообщники после их бандитизма в Останкино рассчитывают все же на милосердие?

- Давайте поговорим без оскорблений.

- Нет, давайте начистоту. Вы в «Белом доме» способны контролировать своих бандитов?

- Руководство «Белого дома» способно сейчас контролировать наших сторонников непосредственно вокруг парламента. Снова прошу воздержаться от оскорблений.

- Нечего корчить из себя балерину.

- Зря вы стараетесь меня подстрекать к ответным издевкам над вами. На это я не поддамся. Ведь речь идет не о нас двоих. Вы же знаете, что

скоро могут атаковать «Белый дом». И произойдет колоссальное кровопролитие. Погибнет много русских людей. Давайте о них позаботимся.

- Толкуете о русских, а сами-то зачем прибежали в американское посольство?

- Нет иного способа обратиться к вашему начальству. В посольстве знают, что я им не друг. Однако благодарен за их помощь. Сегодня ночью неуместны ваши мелочные придирки относительно американского посольства.

Чуркин недовольно хмыкнул. Моя последняя фраза сбила с него спесь. Он догадался, что рядом со мной сидит и внимательно все слушает влиятельный в кремлевских кругах мистер Сел, владеющий русским языком. Чуркин, сменив тон, заговорил, наконец, по-деловому:

- Что конкретно предлагаете?

- Срочную встречу, без каких-либо предварительных условий, между представителями правительства и руководством «Белого дома». Цель встречи одна — как избежать кровопролития.

- Это ваша личная инициатива?

- Я лишь посредник. А вы?

- У меня есть соответствующие полномочия свыше. Кто вас уполномочил?

- Хасбулатов и Руцкой. А вас?

- Это пока не основной вопрос.

- Нет, это чрезвычайно важно. Без этого наш разговор вообще теряет смысл. Назовите, пожалуйста, того, кто вами сейчас непосредственно руководит.

- Премьер-министр.

- Когда же ждать его ответа?

- А где вас найти через двадцать минут?

- Здесь же в посольстве по известному вам номеру телефона.

- Хорошо.

Чуркин позвонил пунктуально спустя 20 минут. И произнес твердо, но уже без издевок:

- Ваше предложение о встрече отвергнуто. Не будет больше ни встреч, ни переговоров с вашими предводителями. Передайте им наше безоговорочное требование: «Сложить оружие. Выйти из здания Верховного Совета».

- И это все?

- Да. Повторяю ответ нашего правительства всем заседавшим в «Белом доме»: «Сложить оружие, выйти из здания».

- Но ведь это окажется для нас наверняка неприемлемым....

Однако он сухо подытожил:

- Больше обсуждать нечего.

- Ну, так прощайте, Виталий Иванович.

- Прощайте.

Положив телефонную трубку, я услышал рядом голос Луиса Села:
- Мы очень сожалеем, что все кончилось столь скверно.

Да, это был для меня сокрушительный конец отчаянной попытки спасти «Белый дом» и предотвратить кровавую развязку. Память зафиксировала ночное время моего фиаско – 2 часа плюс 15 минут 4 октября.

Спустя две недели в Нью-Йорке газета «Ньюсдэй» подробно описала, как «националист и противник Ельцина депутат Андронов» попытался с помощью «высокопоставленного дипломата США» склонить Кремль к переговорам с «Белым домом» вместо бронетанкового штурма парламента. Итог штурма уже был общеизвестен – десятки мертвецов. Вину за это возложил Чуркин в американской прессе на меня:

«Все рухнуло, когда я задал Андронову единственный вопрос: что хотят обсудить с нами его руководители? Они хотели устроить очередную политическую дискуссию о том, какие указы надо бы аннулировать и каким образом организовать новые выборы. Но в то время, после начала боевых столкновений, оказалось уже слишком поздно и неслучайно начать в два часа ночи рассуждать о том, как сохранить Конституцию».

Чуркин солгал: я с ним не обсуждал по телефону ни отмену президентских указов, ни будущие выборы, ни способы сохранения Конституции.

Тем не менее выдумку Чуркина подхватили, проигнорировав меня, угрождавшие Кремлю московские газетчики. А я был тогда безгласен: все оппозиционные Ельцину газеты были силком закрыты до декабря. И только в конце 1993 года я сумел публично опровергнуть фальшивые оправдания пособника премьер-министра Черномырдина, загубившего последний шанс избежать убийства множества сограждан.

Этот давний инцидент и поныне у нас еще не позабыт абсолютно всеми. Осенью 1997 года Ельцин назначил Чуркина послом в Канаде, а по сему поводу пригласили посла в Государственную Думу и задали ему несколько вопросов, включая такой:

- У вас был телефонный разговор с Андроновым в трагические дни октября 1993 года?

- Да, у меня был тот телефонный разговор, - ответил Чуркин. - И потом была небольшая газетная полемика с Андроновым. Мой звонок ему 4 октября я согласовал с Черномырдиным. Дело было в два часа ночи. Суть состояла в том, что я был готов встретиться с Андроновым в любое время, в любом месте и как можно скорее, чтобы обеспечить выход из Белого дома тех людей, которые там находились. Но у меня не было полномочий обсуждать в два часа ночи конституционные вопросы, которые хотел обсуждать Андронов. Поэтому, к сожалению, контакт с ним не состоялся. Но я хотел установить этот контакт и получил на это соответствующие полномочия Черномырдина.

Ответ посла – тройной обман. Во-первых, его прежний вымысел – «конституционные вопросы» в ночном разговоре со мной. Во-вторых, не было речи о нашей встрече, так как оба являлись всего лишь посредника-

ми, которые никак не способны осуществить вдвоем сверхважные политические переговоры.

В-третьих, премьер-министр Черномырдин отверг, несомненно, мое мирное посредничество, ибо он заодно с Ельциным, как выяснилось теперь, требовал от армии испепелить «Белый дом», а не наладить с ним переговоры. Подчиненный в ту пору Черномырдину министр Михаил Полторанин ныне рассказывает, что премьер обзывал непокорных депутатов «погаными» и «дерьмом» и орал «матом-перематом»:

- Хер им, а не жалость!

Черномырдин бушевал 4 октября в его резиденции на Старой площади:

- Никаких переговоров! Надо перебить эту банду! Это же нелюди, зверье.

Когда я пришел в посольство США первый раз в полночь, то еще не знал, что поблизости на Арбате почти в это же время Ельцин и Черномырдин находились в здании министерства обороны и приказали генералам расстрелять из танков «Белый дом». Через четыре дня министр обороны Павел Грачев поведал столичным журналистам:

- Реально начать штурм можно было в 2 часа ночи. Но не пошли — не было необходимости спешить. Решили дожидаться рассвета. С 23 до 24 часов 3 октября на коллегии министерства обороны с участием президента и премьер-министра были поставлены боевые задачи войскам. Премьер-министр сразу организовал штаб в Кремле и второй штаб в министерстве обороны под моим руководством.

Вот почему я услышал по посольскому телефону продиктованный Чуркиным ультиматум Черномырдина, рассчитанный преднамеренно на наш отказ.

Прощаясь со мной, Луис Сел сказал:

- После вашего отчета руководству «Белого дома» вы можете обратиться опять к нам за помощью вам персонально.

Поблагодарив за любезно завуалированное предложение посольского убежища, я ответил, что останусь в парламенте до конца. Мы обменялись рукопожатиями. Мистер Сел и его младший напарник сожалеюще глядели на меня будто на покойника.

Впоследствии мой ночной визит в посольстве США настолько заинтересовал американскую прессу, что ко мне домой напросились в гости прилетевшие из Нью-Йорка и Мюнхена журналисты журнала «Вэни фэйр» и русскоязычной редакции радиостанции «Свобода». Потом я прочел в нью-йоркском журнале резюме ее корреспондента:

«После беседы с Андроновым и опроса подобных ему твердолобых я понял наконец-то, почему московская трагедия оказалась неизбежной: эти бескомпромиссные типы решили замарать кровью российскую демократию».

Еще хлеще облаяла меня американская «Свобода».

ШТУРМ

В три часа ночи 4 октября я почти израсходовал последний коробок спичек, пробираясь во тьме коридоров «Белого дома» к своему кабинету. Там у меня на столе я зажег тоже последний отгарок оплившей свечки. Беречь ее и спички уже не требовалось. Вскоре мог бы пригодиться только ночной подарок Хасбулатова — восемь патронов в обойме его пистолета.

В кабинете был узкий диванчик. На него я прилег, не сняв верхней куртки и шарфа. Кепку засунул в карман куртки. Разулся все же лишь потому, что хватило бы пары секунд одеть мои бесшнурочные башмаки. Я знал, что на исходе ночи у меня не будет ни минуты на сборы.

Страх накануне штурма был, как ни странно, столь невелик, а усталость такая мертвецкая, что я быстро уснул. Сказалась также, вероятно, долголетняя привычка с детства к бесконечным войнам: от ленинградских бомбежек и артобстрелов до фронтового ада афганских сражений. Когда после этого тебе остается всего-навсего полгода до пенсии, то даже перед боем одолевает сон.

Пробудил меня грохот пальбы и оглушительный звон разбитого стекла в окне моего кабинета на третьем этаже «Белого дома». Стреляли, судя по звуковой мощи, из тяжелых пулеметов. Я мигом сполз с дивана на пол и взглянул на ручные часы — без четверти семь утра.

Подобрался, пригнувшись, к окну и выглянул над подоконником наружу. Внизу въехали на площадь Свободной России три бронетранспортера и харкали пулеметными очередами. Вдобавок бухнула пушка ворвавшейся на площадь танкоподобной БМП — боевой машины пехоты.

Броневики уже разметали уличные баррикады и теперь расстреливали бегущих к «Белому дому» безоружных людей. Повсюду на площади лежали тела убитых и раненых.

На панцирях броневиков сверху сидели необычные десантники — мужчины в черных кожаных куртках и штатских брюках. Одетые цивильно штурмовики стреляли из разномастного оружия — короткоствольных карабинов, армейских автоматов, помповых ружей. Неужто, обомлел я, атакуют нас какие-то наемники? Кто они?

Передовых штурмовиков видели многие из окон «Белого дома», а потом рассказывали, что чернокурточники возглавили нападение на нас, так как ненавидели русских патриотов и были боевиками-сионистами. Но это объяснение оказалось неправдой. Спустя неделю обнаружилась при-

скорбная для меня истина: расстрел защитников «Белого дома» начали те, кого героизировал я, будучи журналистом, в годы афганской войны.

Командовал авангардом штурмовиков подполковник запаса Александр Котенев. С ним я познакомился впервые в 1989 году. Тогда Котенев создавал в Москве «Союз ветеранов Афганистана» – общественную организацию взаимопомощи отбоевавших участников закордонного похода. Однако благотворительность Котенева имела тайную изнанку. Да и сам он вовсе не фронтовой ветеран, а штабной политрук, прослуживший в Афганистане безотважно лишь пять месяцев.

«Союз ветеранов Афганистана» (СВА) возник благодаря личной поддержке тогдашнего шефа КГБ Владимира Крючкова. Формально в СВА председательствовал Котенев, но им руководил негласно генерал КГБ Владимир Зайцев, которого повстречал я ранее в Кабуле. Засекреченные офицеры КГБ работали в правлении СВА и были готовы по приказу Крючкова и Зайцева вооружить ветеранов «афганцев» в случае политических волнений и уличных беспорядков.

После ареста Крючкова в августе 1991 года Котенев обзавелся новым покровителем – кремлевским госсекретарем Геннадием Бурбулисом, фаворитом Ельцина. Весной 1992 года Ельцин даровал президентским указом «Союзу ветеранов Афганистана» льготные лицензии на беспоспешный экспорт нефтепродуктов, цветных металлов, древесины, минеральных удобрений без налогообложения валовой выручки в десятки миллионов долларов.

За столь сказочные барыши разбогатевший Котенев предоставил Ельцину для штурма «Белого дома» самых матерых ветеранов афганской войны.

Ударный отряд СВА состоял 4 октября из сотни бойцов. Они были сильны не количеством, а особым качеством: пристрастились в Афганистане громить мятежные кишлаки и убивать во время атаки любых подвернувшихся жителей. Точно так же «черная сотня» Котенева перестреляла возле «Белого дома» московских баррикадников.

Такая казнь гражданских бунтарей понадобилась в начале штурма, чтобы показательно воздействовать на психику остальных солдат, некроважных и еще необстрелянных. Им дали первый наглядный урок хладнокровного палачества. Их научили убивать соотечественников.

То проклятое утро отомстило мне за мое прежнее аллилуйство нашим войкам на афганской чужбине. Оттуда вернулось домой множество бездушных карателей. Если бы они угробили и меня, то мне бы, пожалуй, досталось по заслугам от собственного монстра Франкенштейна.

Вслед за «афганцами» Котенева начали штурмовать «Белый дом» двадцать тысяч солдат пехоты и мотопартиллерии. Парламентский дворец решетили из пулеметов и пушек броневика четырех дивизий – армейских Таманской, Кантемировской, Тульской и охранной дивизии МВД имени Дзержинского. Эту сводную рать дополняли автоматчики ОМОНа. 226

бронемашин окружили «Белый дом», гвоздили его шквальным огнем, а тем временем пешие стрелки ворвались в продырявленные подъезды нижнего этажа.

На третьем этаже я отполз от разбитого окна и вышел из своего кабинета в длинный коридор. Он вел к лестничной площадке. Там уже гремела перестрелка. Снизу наступали штурмовики, а их отгоняли редкими выстрелами наши ополченцы. У них было лишь два автомата и очень мало патронов.

Наши бойцы прятались от пуль за самодельным укрытием из сейфов и мебели. Они попросили меня сообщить поскорее в штаб обороны, что у них кончаются боеприпасы. Но когда из штаба к ним послали подкрепление, то выручить их не удалось. Тем местом уже овладели штурмовики. И продолжали захватывать другие лестницы и коридоры «Белого дома».

В десять часов утра дворец задрожал от разрывов оружейных снарядов. Палили по нам десять могучих танков Т-80. Они стояли перед фасадом «Белого дома» и крушили его прямой наводкой.

Шесть танков расположились на речной набережной, еще четыре — на соседнем мосту. Их бронебойные снаряды прошибали и поджигали этаж за этажом высотного здания. Оно заполыхало. Парламент умирал в пламени и копоти кошмарного пожара.

Позади четверки танков на мосту стоял черный лимузин «мерседес». Его хозяина прозвали москвичи «Пашей-мерседесом». Он был тогда министром обороны. Генерал Павел Грачев, афганский Герой Советского Союза, командовал расстрелом конституционной власти Советов, вскормившей его и Ельцина. Министр подзадоривал своих танкистов:

- Ну-ка, еб...те туда как следует!

Экипажи всех десяти танков состояли только из офицеров гвардейской Кантемировской дивизии. Каждому обещали выдать за бронебойный разгром парламента по 5 миллионов рублей. Однако «Паша-мерседес» обжулил его наймитов. И один из них — майор Валерий Гришин — цинично рассказывал потом столичным газетчикам:

- Это было заказное убийство. Но окончилось тем, что дали нам только по 200 рублей премиальных.

Больше подфартило другому танкисту — старшему лейтенанту Андрею Русакову. Его вознаградили звездочкой на погонах, сделав капитаном. На радостях 25-летний бесстыдник выступил после расстрела по телевидению:

- А нечего было им в «Белом доме» отсиживаться! Моя вот жена сидит дома и никуда не лезет.

Запомнившийся мне светловолосый офицерик возник опять на телеэкранах год спустя. На сей раз его упитанная мордашка вдруг исхудала, над ней торчали дыбом грязно-серые космы, впавшие щеки поросли щетиной, испуганные глаза слезились. А на его замызганном кителе уже не было никаких погон. Таким заснял телеоператор плененного танкиста Ру-

сакова далеко от Москвы в подвале иного «Белого дома», откуда правил Чечней из Грозного генерал Джохар Дудаев.

В отличие от генерала-летчика Руцкого авиа-генерал Дудаев припас достаточно противотанковых гранатометов, которыми чеченцы сожгли осенью 1994 года нагрянувшие в Грозный двадцать шесть российских танков. Среди плененных танкистов уцелел Русаков и четверо его кантемировских однополчан. Они, спалившие московский «Белый дом», продались вновь за 6 миллионов рублей каждому от исполнителя кавказской авантюры Ельцина – кремлевской Федеральной службы контрразведки.

Через месяц гранатометчики Дудаева уничтожили в Грозном еще 150 наших танков, напавших на город по приказу «Паши-мерседеса». Он смог одолеть с десятком танков только генерала Руцкого, хотя тот пригрозил накануне штурма парламента сжечь всю атакующую нас бронетехнику. А ведь десять расстрелявших «Белый дом» танков охраняла с тыла и флангов лишь малочисленная кучка милиционеров...

К двум часам по полудни 4 октября артогонь танков прожег насквозь верхнюю половину «Белого дома» и превратил ее в раскаленный костер. Нижние этажи захватили штурмующие войска почти повсюду за исключением небольшого островка остатков нашей обороны в фасадной части здания. Там мы еще удерживали на третьем этаже зал Палаты национальностей, примыкающие к нему холл и лестницу парадного подъезда, а над ними – апартаменты Хасбулатова на пятом этаже, где засели спикер и Руцкой с их охранниками.

Возле Палаты национальностей на мраморной лестнице, ведущей вниз к парадному входу, лежали за белокаменными перилами наши поредевшие бойцы. Они отгоняли пулями солдат, наседавших на нас с речной набережной. Этим последним оплотом сопротивления командовал генерал Макашов.

Он расстался со своим неразлучным мегафоном, предпочтя ему бесприкладный автомат. Но остался по-прежнему в черном берете Че Гевары и генеральской униформе с алыми лампасами.

Усатое лицо Макашова выражало суровую решимость и стальное спокойствие. Окружавшие его стрелки подчинялись генералу беспрекословно с очевидным почтением. Было ясно, что он готов умереть с автоматом в руках. Но вряд ли он подражал иноземцу Че Геваре. Глядя на Макашова, мне показалось, что он задумал войти навсегда в историю погибшим в неравном бою легендарным командиром второй советской Брестской крепости.

Прочие наши генералы в конце штурма растерянно ступевались и отстранились от военного руководства. Генерал Баранников облачился в штатское кожаное пальто, генерал Дунаев – в спортивную курточку, генерал Ачалов внезапно сказался больным и редко появлялся, прихрамывая и опираясь на трость. Назначенные парламентом «министры-

силовики» оказались в итоге тройкой слабаков на фоне генерала Макашова с автоматом.

Почти все депутаты провели день штурма внутри зала Палаты национальностей. Там нет окон, туда не залетали пули, а крепкие стены только вздрагивали от бронетанкового обстрела верхних этажей.

В полутемном зале, будто в катакомбе, тлели огоньки свечей. Было тесно и душно: сюда сошлось около сотни депутатов и триста оставшихся с ними и в «Белом доме» канцеляристов, секретарш, стенографисток, официанток парламентской столовой.

Помню, как в том сумрачном зале две женщины запели старинную русскую песню. Им подпевали хором. И снова пели. Однако голоса звучали печально. Кое-кто молился. Некоторые писали прощальные записки своим семьям. Но слез на лицах я не видел. Эти люди, пережив стойко двухнедельную блокаду, смирились как бы с ожиданием теперь самого худшего для них. И так похоронно тянулось тут время час за часом, пока продолжался штурм.

Кладбищенская аура переполненного зала тяготила меня и выталкивала оттуда. Самочувствие улучшалось, когда я выходил в соседний холл и общался подолгу с бойцами Макашова.

Дважды я поднимался на пятый этаж к Хасбулатову и Руцкому. В знакомом кабинете спикера все окна были разбиты пулеметной пальбой. Пули шелкали по стенам и потолку, а потому передвигаться там можно было только согнувшись до уровня подоконников. Ковер на полу усеяли осколки стекол и клочья штукатурки.

Хасбулатов сидел на стуле вне кабинета в закутке, защищенном стеной. Рядом с ним стояли двое автоматчиков в касках и бронежилетах. Спикер почему-то одел напоследок белоснежный плащ, похожий в тот день на саван. Хасбулатов держал в руке потухшую трубку.

- Ну, как, Руслан Имранович, выживем мы? - сорвалось у меня.

- Надеюсь, что вы и другие здесь останетесь живы, - промолвил он с его неизменной усмешкой. - А сам я не уверен, что хочу дальше жить.

Его слова о себе прозвучали отрешенно и без страха. Такое состояние европейцы обычно именуют депрессивным шоком. Но эта диагностика несовместима с врожденным характером Хасбулатова: он — выходец из чеченского клана мусульман с их непривычным для европейцев мышлением азиатского Востока.

Незадолго до штурма вроде бы обрусевший Хасбулатов побывал тем не менее паломником в аравийской Мекке, священной прародине ислама. А я повидал в мусульманском Афганистане, как моджахеды, поборники ислама, очутившись в плену, улыбались вызывающе даже перед их казнями. Бестрагедийно воспринимают смерть и буддисты, и индусы. Таков же был, по-моему, и фатальный настрой Хасбулатова в ожидании предначертанной ему кармы.

После штурма московские газеты насплетничали якобы со слов безымянной секретарши Хасбулатова: «В последние часы штурма он вообще отключился и просто не верил в происходящее».

Это вдвойне неверно. Он не «отключался», разговаривая со многими в моем присутствии. И не было рядом с ним никаких секретарш. Там были лишь вооруженные мужчины. ~~Взрослые женщины никогда не входят.~~ Все наши женщины отсиживались в Палате национальностей.

В кабинете Хасбулатова сидел на полу Руцкой под прикрытием массивного стола. Генерал оделся в боевой камуфляж, но обулся зачем-то в расшнурованные кроссовки белого цвета. Руцкой сжимал трубку радиотелефона и кричал, уговаривая кого-то:

- Прошу тебя, звони в посольства! Валера, они бьют из пушек, из пушек! Они не оставят нас живыми. Пускай иностранные послы едут сюда. Я тебя прошу, звони в иностранные посольства!

Потом Руцкой вручил радиотелефон лежавшему плашмя на полу депутату Олегу Румянцеву. Он позвонил в московское посольство Венгрии, но что говорил по-венгерски Румянцев я не разобрал.

Перед моим приходом проникли сюда же по приглашению Руцкого двое французских тележурналистов с переводчицей. Через несколько часов парижская телестанция Франс-2 продемонстрировала встречу Руцкого с его посетителями. Один из них сначала пояснил:

- Руцкой просил привести французских журналистов потому, что хочет сдаться.

Затем показали, как Руцкой в кабинете Хасбулатова сует французам автомат и обеспокоенно суетет:

- Говорят, что я стрелял. Осмотрите мой автомат, он совсем новый, в нем еще масло. Здесь никто еще не стрелял!

Далее он высказал причину вызова французов:

- Мы выйдем отсюда только в том случае, если посольство Франции или другой страны даст гарантии нам и Руслану Имрановичу.

Еще неделю назад самые ближайшие компаньоны Руцкого начали внушать ему бредовую надежду на спасение в иностранном посольстве. Кто это подсказывал – уже описано мной ранее.

Шестидневное зомбирование Руцкого завершилось ночью накануне штурма. Несколько раз подключались к его рации анонимные офицеры МВД и требовали: «Руцкого – к рации!». На вопрос о том, чего хочет незнакомец, следовал ответ: «Вешать Руцкого!».

Беспошадная расправа мерещилась навязчиво Руцкому, ибо сам он припугнул Ельцина виселицей 26 сентября в разговоре с пришедшим к нему из Кремля экс-депутатом и новым заместителем министра госбезопасности Сергеем Степашиным. Тот запомнил, как Руцкой сказал ему:

- Передай Ельцину – если он сейчас уйдет в отставку, то мы, может быть, подумаем о том, чтобы сохранить ему жизнь. Вы только в Кремле не спиливайте, пожалуйста, березы – они нам пригодятся.

В простреленном кабинете Хасбулатова я сел на пол рядом с Руцким и попросил его переориентировать радиотелефонные переговоры на самое неотложное – скорейшую эвакуацию женщин из горящего здания. Руцкой согласился, но тут же отвернулся от меня, давая понять, что я отвлекаю его от более срочных дел. Он был одержим лихорадочными поисками иностранного убежища. И я отстал от него.

Вернувшись с пятого этажа на третий, я услышал там крики наших ополченцев на парадной лестнице:

- Эй, никому не стрелять! Идет парламентар!

Этажом ниже вышел настороженно на лестничную площадку из бокового коридора худощавый офицер в зеленом комбинезоне, бронежилете и зимней шапке-ушанке. В обеих руках он держал, словно американский ковбой, два больших пистолета. Остановился, широко расставил ноги и прокричал:

- Кто тут старший? Выходи!

Наши бойцы заорали:

- Положи на пол оружие!

Он сложил перед собой пистолеты. И тогда вышел на площадку Макашов. Я наблюдал сверху, как на лестнице генерал сердито спорил о чем-то с парламентаром. Пришелец надулся недовольно, а генерал повернулся к нему спиной и ушел.

Вслед за тем офицер подобрал свои пистолеты и начал отступать к входу в коридор, откуда он явился. Вдогонку за ним я побежал вниз по лестнице. Наши стрелки встревожились:

- Стой! Не суйся туда!

Догнал я парламентаря в начале коридора и убедил не уходить. У него было молодое беззлобное лицо русского парня с карими недоверчивыми глазами. Показав ему депутатское удостоверение, я объяснил, что нужно с его помощью побыстрее эвакуировать женщин из «Белого дома».

Кроме меня подошел к парламентарю генерал в штатском Баранников и заговорил о воинском долге офицера подчиниться конституционным властям. Но я прервал агитацию:

- Прежде всего обезопасим женщин.

- Почему только женщин? – возразил парламентар. – Я пришел предложить всем вам прекратить бессмысленное сопротивление.

- Эта проблема сейчас в руках военных, - сказал я. – Давайте пока выводить из-под огня женщин.

- Согласен.

- Кто вы и как вас зовут?

- Капитан 119-го парашютно-десантного полка Андрей Емельянов.

- Куда вы эвакуируете наших женщин?

- Вокруг «Белого дома» такая сильная стрельба, что выходить наружу нельзя. Мы захватили уже целиком два нижних этажа. На первом эта-

же содержим пленных. Туда поместим и женщин до конца боя. Клянусь, что я лично буду их оберегать.

- А потом?

- Не знаю. Это решать командиру полка.

- Такая рискованная неопределенность может отпугнуть женщин. Пойдемте к ним со мной в Палату национальностей. Попробуйте их убедить в реальности ваших гарантий безопасности.

- Нет, не пойду туда.

- Почему?

- Не имею разрешения от начальства. Идите вы один и уговорите их.

- Без вас это вряд ли получится.

- Но я не пойду.

- Сколько минут вы будете ждать меня здесь?

- Десять.

- Нет, пятнадцать.

- Ладно.

В многолюдном зале Палаты национальностей я протиснулся к трибуне. Рядом с ней сидел за столом заместитель спикера Юрий Воронин. Ему доложил я вкратце о возможности эвакуировать отсюда всех женщин. Их было в зале не менее полутора сотен.

- Этим заниматься пока не надо, - сказал раздраженно Воронин.

- Наоборот, надо!

- Советую отказаться от опасной спешки.

Его совет я отверг. И не единожды. В тот же день штурм Воронин разговаривал в холле третьего этажа с генералами Баранниковым и Дунаевым, а они подозвали меня. Генералов интересовало мнение международного — как можно получить убежище в посольствах Ирака, Северной Кореи или Китая. Я ответил:

- Ни одно посольство в Москве не укроет вас во избежание дипломатического скандала между своим правительством и Кремлем. Для любого иностранного посла сегодня мы — политические трупы. И не нужны никому за границей.

К этой теме вернулся вскоре Воронин наедине со мной:

- Хотя вы пренебрегаете иностранными посольствами, но и у вас нет иного способа предотвратить арест.

А когда в Палате национальностей Воронин попытался отложить спешную эвакуацию женщин, то я заподозрил, что он и Руцкой, надеясь на иностранных спасителей, неслучайно медлят с капитуляцией и прячутся за живым щитом из женщин в «Белом доме». Допускаю, впрочем, что тогда я был не прав.

Взойдя на трибуну Палаты национальностей, я громко повторил предложение капитала Емельянова. Но зал отреагировал гробовым молчанием. Блокадники, прожившие 13 суток подряд на осадном положении, заразились, видимо, под конец «психозом бункера». Люди сидели, при-

жавшись друг к другу, в каменной западне под артобстрелом и жутко боялись, что уход оттуда — неминуемая гибель.

Опытный политик Воронин сразу уловил настроение зала и обратился к женщинам:

- Без обсуждения сказанного Андроновым пусть выйдут за ним из зала все желающие. И пусть сами встретятся с парламентаром десантников.

Пришлось мне покинуть трибуну и пойти по проходу между стульев к выходу из зала. Ни одна женщина не последовала за мной. Переступив дверной порог, я обнаружил позади себя лишь единственного попутчика — низкорослого шуплого мужчину. Он промямлил:

- У меня пятеро детей. Можно эвакуироваться?

Его привел я к десантнику Емельянову и сообщил о моей неудаче. Капитан раздосадовано попросился и вместе с эвакуантом скрылся за изгибом коридора.

Не успел я добрести вспять до дверей Палаты, как огорчился еще больше: навстречу мне вышли из зала несколько женщин и заявили, что они, поразмыслив и посоветовавшись, решили эвакуироваться!

В третий раз я бросился вниз по лестнице к коридору догонять ушедшего капитана. Но там уже стреляли. Меня отогнали отрезвляющим воплем:

- Уйди, придурок! Схлопочешь пулю!

Следующий час штурма запомнился отрывочно из-за непрерывной пальбы танков по фасаду «Белого дома». Пробив и спалив его верхние этажи, снаряды теперь буравили центр здания и нижнюю часть вплоть до шестого этажа. На нашем третьем тряслись стены. Огненная смерть приближалась к нам сверху.

У входа в Палату национальностей лежал раненый подросток-комсомолец и тихо стонал. Неподалеку молодой русский монах в черной рясе тоже опустился на пол, спасаясь от пулеметных пуль и брызг оконных стекол. Монах привлек мое внимание тем, что у него был раздобытый где-то радиотелефон. Церковник возбужденно причитал в телефонную трубку:

- Нас тут всех убьют! Позовите быстро митрополита Ювеналия. Нет его? Так отыщите!

С митрополитом Ювеналием познакомился я поздним вечером 2 октября, когда он по заданию Патриарха Алексия II посетил «Белый дом». Утром того же дня побывал в парламенте другой посланец Патриарха — митрополит Кирилл. Оба митрополита во главе с Алексием II руководили в то время миротворческими переговорами в Свято-Даниловом монастыре, куда позвали наших и кремлевских делегатов. Но двое суток спустя, в часы кровавой кульминации, никто из православных иерархов не пожелал откликнуться на телефонные мольбы о помощи из «Белого дома».

В разгар штурма четыре раза звонил при мне в московскую патриархию чернорясый иеромонах Никон. Ему отвечали из патриархии, что там нет и нельзя отыскать никого из вчерашних миротворцев. В их оправдание столичная патриархия опубликовала спустя две недели ее обманное коммюнике:

«Попытки представителей Церкви установить 4 октября телефонный контакт с Белым домом не увенчались успехом. Связь практически не работала».

До сих пор некоторые церковники и такие известные миряне, как киноактриса Наталья Варлей и ~~актер Евгений~~ режиссер Николай Губенко, упрекают Патриарха за то, что он не послал к «Белому дому» священников с иконами и хоругвями разьединить и усмирить соучастников братоубийственного побоища.

После штурма декан Свято-Иоанновского богословского университета диакон Андрей Кураев сокрушался:

- Лично я бы на месте Патриарха обязательно благословил клир стать перед танками. Это был единственный шанс остановить кровавую бойню.

Алексий II попытался лишь раз ответить на попреки. В январе 1994 года ему на молебне в Елоховском соборе целовали руку набожные прихожане, среди которых был юный семинарист Андрей Семенов, спросивший Патриарха:

- Можно задать вопрос Вашему Святейшеству?

- Пожалуйста, - улыбнулся приветливо Алексий II. - Что вас интересует?

- Почему Ваше Святейшество не благословило клир стать между танками и парламентом 4 октября 1993 года?

- Я не мог, - промолвил побледневший патриарх. - Я не могу вам этого объяснить...

И мгновенно двое дьячков оттолкнули дерзкого семинариста:

- Идите, идите, вам потом объяснят.

Пятью днями ранее Алексий II поручил епископу Арсению торжественно освятить отремонтированный после артобстрела «Белый дом», куда вселилось правительство Черномырдина. Премьер-министр занял на пятом этаже бывший кабинет Хасбулатова, привел туда епископа, а тот окропил святой водицей настенную свежую штукатурку, залатавшую пулевые выбоины. Епископ завершил церемонию передачей Черномырдину личного подарка Патриарха - иконы Божьей Матери.

Более ценный презент - позолоченную статуэтку Святого князя Владимира - преподнес Алексий II собственноручно Ельцину на президентских именинах. Патриарх елейно подсластил свой дар победителю парламента:

- Вы, Борис Николаевич, воистину наш новый Владимир Святой.

Ельцин отблагодарил патриархию Алексея II многократно и по-царски: позволил импортировать беспощлинно под видом «гуманитарной

помощи» из Западной Европы и распродавать прибыльно в России тысячи тонн табачных изделий, сотни тысяч бутылок иностранных вин, компьютерную аппаратуру, дамские шубки, куриные окорочка. Церковный бизнес окупился миллионами долларов. Не потому ли предали за тридцать библейских сребренников и распяли Христа, что он изгонял торгашей из храма?

Преданный патриархией в «Белом доме» иеромонах Никон был тогда сильно расстроен. Но не роптал, а кручинился о людях вокруг него. Он сказал мне, что тоже очень сожалеет о срыве эвакуации женщин с парламентом десантников Емельяновым. Однако не прошло и получаса, как кто-то из наших стрелков, оборонявших парадную лестницу, крикнул:

- Смотри, Андрионов, опять пришли парламентареры!

Внизу на лестничной площадке второго этажа возникли двое военных. У них в руках не было оружия. Одежда обоих не позволяла определить их род войск: необычные удлиненные бронежилеты прикрывали незнакомую мне униформу темно-оливковой расцветки. Один из них походил на космонавта: его голову и шею защищал округлый шлем с прозрачным забралом. Второй снял шлем и держал в руке кусок проволоки с привязанной тряпицей из белой марли.

К визитерам приблизились наши генералы – Баранников, Ачалов, Макашов. На них я уже не полагался доверчиво и подошел тоже к парламентарам. Статный шатен с беломарлевым флажком сказал нам:

- Я офицер антитеррористической спецгруппы «Альфа». У нас приказ штурмовать «Белый дом». Но мы решили предотвратить вашу гибель. Предлагаем вам прекратить бесполезное сопротивление.

Еще на афганской войне я много слышал об «Альфе», засекреченном спецназе КГБ. Советское вторжение в Афганистан началось с внезапного захвата «Альфой» в Кабуле президентского дворца и убийства всей его стражи и президента Хафизуллы Амина. Потом на территории СССР при правлении Горбачева штурмовики «Альфы» по-своему обезвреживали вооруженных сепаратистов в Прибалтике, Средней Азии, Закавказье.

Однако летом 1991 года «Альфа» не подчинилась кремлевскому ГКЧП и отказалась штурмовать российский парламент в «Белом доме». И вот это повторилось заново, хотя Ельцин лично продиктовал в Кремле командирам «Альфы» свой приказ атаковать резиденцию парламента.

- Нам дан приказ вести огонь на поражение, - разъяснил парламентар «Альфы». — Значит, почти все вы будете убиты. Если даже мы пощадим бы вас, то на такой случай милиция уже пропустила к «Белому дому» большую толпу лавочников и бандитов. Они линчуют вас. Против вас также подготовлены боевые вертолеты с ракетами. Поэтому лучше сдавайтесь.

- Кто вами командует? – спросил генерал Баранников.

- Начальник кремлевской охраны генерал Барсуков.

- Хорошо его знаю, - сказал Баранников. - Передайте ему, что я хотел бы с ним встретиться и обсудить ситуацию.

- Поздно. До штурма «Альфы» - двадцать минут. Сдавайтесь или погибнете.

- Прошу военных прервать полемику, - вмешался я. - И предоставить, наконец, право на решение парламенту. Готовы ли офицеры «Альфы» пойти со мной в зал Палаты национальностей и обратиться там к депутатам? Прежде всего надлежит вывести отсюда женщин и всех безоружных.

- Поддерживаю, - кивнул Баранников.

- Мы согласны обратиться к депутатам, - произнес старший парламентар и отдал мне проволоку с марлей.

- Как вас зовут? - спросил я.

- Можете звать меня условно Володей.

В депутатском зале вдоль стола президиума мы стали четверо - Баранников, офицеры «Альфы» и я. Первым выступил Баранников:

- Перед вами представитель подразделения «Альфа». Он положил оружие у входа.

Раздались аплодисменты. Но одновременно пожилая растрепанная женщина метнулась к авансцене президиума:

- Он убивал наших товарищей! Позор!

Ее я встречал раньше на наших уличных баррикадах. На ней было серое испачканное пальто, рваный головной платок и грязные башмаки с полуоторванными подошвами, которые она всегда показывала всем и пылко проклинала за это Ельцина. Ее нищенская патетика вызывала обычно сочувственные улыбки. Но на сей раз я обозлился:

- Уймись! Нечего закатывать истерику.

Баранников смог закончить выступление:

- Представитель «Альфы» пришел сюда по собственной воле со своим коллегой, чтобы поговорить с вами. Пожалуйста, выслушайте его.

Заговорил «Володя»:

- Наша спецгруппа «Альфа» не сделала ни одного выстрела по «Белому дому». Заявляю это авторитетно. Я один из командиров подразделения «Альфа». Сейчас наша задача - остановить кровопролитие любыми способами. Я положил оружие и пришел к вам самостоятельно. Все мои товарищи тоже не хотят кровопролития. Мы знаем - что это такое. У нас есть боевой опыт. 30 наших бойцов захватили кабульский дворец Амина и уничтожили охрану. В Вильнюсе мы захватили телебашню по приказу нашего правительства, а оно потом отмежевалось от нас. Я не политик. Я солдат. Мы в «Альфе» делаем свое дело. Но мы не хотим, чтобы вас перестреляли здесь. Мы годимся вам в сыновья, понимаете? Вместе с вами нужно принять решение немедленно! Предлагаю такой план: вы выйдете из здания, а бойцы «Альфы» образуют для вас защитный коридор и под-

гонят наши служебные автобусы. В них мы довезем вас до метро или куда хотите. Обеспечим максимальную безопасность.

- Нас арестуют? – крикнули из зала.

- Относительно последующих арестов не могу дать каких-либо гарантий.

- Объясните людям, - предложил я «Володе», - как вы сможете их защитить сегодня от расправы, если мы сдадимся.

- Никто не посмеет коснуться вас, - заверил он. – Возле «Белого дома» стоит штатская толпа и требует растерзать вас, но мы объявим, что если кто-то из них подойдет тут к фасадному подъезду и хотя бы коснется вас, то мы применим силу, применим оружие. То есть сделаем все для вашей безопасности.

- Нет, не сдадимся! – заголосила опять престарелая баррикадница. – Сдаваться бесчестно!

Но зал безмолвствовал.

Баранников заявил:

- Вас вы честно выполнили свой долг и можете с чистой совестью покинуть этот дом.

Слушатели по-прежнему молчали.

И тогда пришлось произнести мою последнюю парламентскую речь:

- Ясно, что мы здесь на пороге гибели. Ожидается ракетная атака вертолетов. Затем выпустят сюда толпу уличных головорезов. Превратят этот зал в кровавое месиво из наших трупов. Сопротивление уже бесполезно. Мы можем лишь выбрать одно из двух: решиться на коллективное самоубийство или уйти отсюда побежденными, но живыми и способными далее продолжать нашу политическую борьбу. Надо, по-моему, согласиться с офицерами «Альфы». Да или нет?

- Согласны! Мы согласны! – закричали из зала с явным облегчением.

На подиум президиума вступил заместитель спикера Агафонов:

- Наши возможности исчерпаны. Ради сохранения наших жизней, ради сохранения сил, чтобы дальше жить и работать, мы должны уйти отсюда.

Баранников обратился к парламентарам:

- Теперь поднимемся на пятый этаж к Хасбулатову и Руцкому.

Между тем офицеры «Альфы» известили по мини-рации свое командование о готовности парламента капитулировать. Бронетанковая канонада умолкла. Вместе с Баранниковым и парламентарями я отправился на пятый этаж.

Хасбулатов, Руцкой, Ачалов, Дунаев и Воронин уже сидели в креслах, а не на полу, в гостиной для приема важных персон. У разбитого окна примостился на стуле мой давний знакомый Владимир Тараненко – единственный оставшийся с Руцким из дюжины кремлевских телохранителей недавнего вице-президента.

Тараненко держал на коленях автомат и просигналил мне ладонью, чтобы я не загораживал от него офицеров «Альфы». Они предложили руководителям обороны «Белого дома» одобрить решение депутатов и отдать всем приказ сложить оружие.

Хасбулатов спросил:

- Верно ли, Иона Ионович, что депутаты и служащие парламента решили прекратить сопротивление и сдаться?

- Да, верно, Руслан Имранович. И это, несомненно, разумное решение.

- Так тому, выходит, и быть? — обратился Хасбулатов к остальным.

- Да, мы сдаемся, — сказал Руцкой парламентарам. — Но нам известно о секретном приказе из Кремля убить меня и Хасбулатова якобы в перестрелке или при нашей капитуляции.

«Володя» ответил:

- Мы клянемся офицерской честью не позволить никому убить вас. При вашем отъезде из «Белого дома» вас обоих будут охранять бойцы «Альфы». И потом сопровождать по городу в наших бронетранспортерах.

- Куда нас отвезут? — спросил Руцкой.

- Этого мы еще не знаем.

- Сможете ли довести до иностранного посольства?

- Пока не знаем.

В комнату стремительно вошел генерал Макашов и принялся сходу убеждать офицеров «Альфы» в незаконности полученного ими приказа штурмовать парламент. Хасбулатов охладил генерала:

- Ваши слова, Альберт Михайлович, уже несвоевременны.

«Володя» сказал:

- Нам пора в штаб командования. Мы вернемся сюда через полчаса. И тогда вы должны сложить оружие. До этого артобстрела не будет.

Когда он и его напарник ушли, Руцкой выпалил:

- Меня и Руслана все равно убьют, если мы не окажемся в иностранном посольстве! Этого надо добиться во что бы то ни стало.

Хасбулатов нахмурился:

- Зря надеяться, по-моему, на иностранные посольства. За эту тщетную попытку нас лишь опорочат в прессе.

- Но нет сейчас иного спасения от убийства! — воскликнул Руцкой.

Розовые пятна проступили на его вспотевшем лбу и щеках. Страх Руцкого не был беспричинным. Предыдущей ночью ему угрожали смертью не только по радиопередатчикам МВД. Той же ночью явился в «Белый дом» к Хасбулатову его тайный осведомитель из столичного штаба генерала Аркадия Баскаева, командующего Московским округом внутренних войск. Хасбулатов рассказал мне:

- Ельцин вызвал Баскаева в Кремль и дал задание — быть после штурма военным комендантом «Белого дома». Баскаев спросил: «Куда

конвоировать пленных?». Ельцин ответил: «В капусту всех, в капусту! Закройте этот вопрос».

Овощной приказ президента понятен любому жителю России: у нас перед засолкой капусты рубят ее на плоской деревяшке кухонным секачом.

Такая рубка называется шинковкой. От ее стука сотрясается на кухне вся посуда. А в «Белом доме» через пять минут после ухода «альфовцев» снова затряслись стены: возобновился бронетанковый обстрел. Кто-то жаждал зашинковать нас и сорвать неугодную ему нашу капитуляцию.

Изуродованное снарядами здание, казалось, вот-вот обрушится и раздавит людей своими руинами. К счастью, строят у нас все же не хуже, чем делают танки. Они утюжили «Белый дом» минут пятнадцать подряд. И как только вроде бы унялись, я спустился на третий этаж к парадной лестнице, усыпанной гильзами и битым стеклом. Там еще держали оборону наши вооруженные ополченцы.

Вдруг все обернулись на грозный выкрик:

- Бросай оружие!

Из темного жерла коридора, ведущего к Палате национальностей, вышли с карабинами наперевес роботоподобные фигуры в зеленых бронекольчугах и шаровидных шлемах с прозрачными пулестойкими намордниками. Это были штурмовики «Альфы». Их пальцы лежали на курках вскиннутых карабинов.

Наши бойцы застыли, но не бросили оружия. Они и «альфовцы» выжидающе глядели друг на друга. Никто не выстрелил первым. Никто не хотел умирать в последнюю секунду штурма.

Беззвучную паузу прервал голос Макашова. Генерал скомандовал:

- Сложить оружие.

Ополченцы подчинились, но стали яростно швырять на мрамор пола и ступеней лестницы свои автоматы, пистолеты, штыки, обоймы патронов. До сих пор в ушах этот оружейный звон и скрежет прощальных мгновений обороны парламента.

Генерал Макашов обернулся ко мне:

- Раньше я всегда, Андронов, считал правильными ваши действия и выступления. Но сегодня из-за вас совершена непоправимая ошибка. Вы сами пострадаете и пожалеете о содеянном.

- Зато, - ответил я, - живы вы, ополченцы и еще четыреста душ. Будущее покажет - кто прав: вы или я.

Он скривился и отвернулся. И опять скомандовал:

- Построиться! Приготовиться к выходу.

Ополченцы по двое в ряд образовали длинную колонну и начали выходить из здания под дулами конвоя «Альфы». Пленных с поднятыми руками обыскивали, выводили на набережную и заталкивали в автобусы. Затем увозили не к станциям метро, как посулили нам «альфовцы», а в милицеские участки. Там арестантов загоняли в зарешеченные камеры,

избивали, допрашивали и заново били, били, били. Но это я узнал впоследствии.

Расставаясь навсегда с «Белым домом», я зашел в Палату национальностей, где догорали свечи и депутаты обнимались перед разлукой. В этом овальном зале я провел немало часов депутатских дебатов, ораторских турниров, горячих перебранок и порой скуки. Здесь два года назад во время путча ГКЧП я сидел ночью, ожидая штурма, среди других депутатов, защищавших тогда «Белый дом» вместе с Ельциным, Хасбулатовым, Руцким. Та наша общая победа досталась в итоге единолично Ельцину.

И вот я стоял в зале моего поражения и наблюдал, как входит сюда распрошаться со всеми Хасбулатов.

- Дорогие депутаты, верные мои друзья! – сказал он. – Сохраните себя, сохраните разум, мужество, любовь к Родине, к народу. Нужно ли и мне сохранить себя? Я не уверен, что хочу остаться живым. Но уверен, что хочу, чтобы вы остались живы и чтобы встретили вас ваши семьи. Простите меня, что не сумел сохранить жизнь погибшим, не сумел остановить безумие Кремля, не отстоял парламент. Он был в России сердцевиной демократии. Теперь здесь сняты запреты на произвол.

Так началась моя новая жизнь в несветской России. Она сперва принудила меня сдать ее в плен. А так как пленных всегда обыскивают, то я перед уходом из Палаты национальностей оставил на полу подарок Хасбулатова – офицерский ПСМ. И вышел из зала к парадной лестнице, но позади услышал:

- Привет, Иона Ионович!

Окликнувший меня мужчина был одет в пятнистый зелено-коричневый камуфляж. Я узнал Александра Кулеша – бывшего телохранителя вице-президента Руцкого. Каким-то образом Кулеш заслужил доверие Ельцина и совсем недавно был зачислен в президентскую охрану. Кулеш спросил меня:

- А где Руцкой?

- Не знаю, – слукавил я. – Зачем он вам понадобился?

- Да попадись он мне – убью гада!

- За что?

- Сволочь он. Паскуда.

- Вы никогда так не говорили, когда его охраняли.

- Иона Ионович, вы сами знаете все про Руцкого. Вы не такой, как он. Я уважаю вас за честность. Зачем же вы остались здесь с руцкистами до конца?

- Разъяснять это сейчас не время. А известные вам кремлевские аппаратчики Руцкого давно сбежали отсюда. Никого не надо убивать. Тем более пленных. Руцкой уже сдался. Прошайте...

После этой встречи мне захотелось предостеречь Руцкого, но я не пошел к нему на пятый этаж, ибо побоялся, что Кулеш увяжется за мной.

Подстраховать Рущкого от возможного покушения отправились депутаты Олег Румянцев, Иван Шашвиашвили и пережившая с нами всю блокаду парламента Сажи Умалатова, депутат распущенного два года назад Верховного Совета СССР. Вот что узнал я позже со слов Умалатовой:

«Когда мы поднимались на пятый этаж, оттуда доносился какой-то непонятный мужской крик. Поднявшись, увидели Рущкого с раскаленными красными щеками. Его окружали военные. Он все время показывал им свой автомат. Говорил:

- Смотрите, я не стрелял! Даете ли вы гарантии, что сохраните мне жизнь?

Слушая этот торг, мне стало стыдно. Ведь он же генерал! Я быстро подошла к нему, схватила под руку и сказала:

- Александр Владимирович, мы за вами пришли, пойдемте.

Рущкой более менее успокоился. Мы спустились на третий этаж и вместе с Хасбулатовым прошли на первый этаж к главному подъезду. Рущкой опять начал кричать, требуя, чтобы его отвезли не куда-нибудь, а в турецкое посольство.

Он твердил об этом, не переставая. Тогда Хасбулатов к нему повернулся и говорит потихоньку:

- Успокойся, какое турецкое посольство. Что ты несешь?»

Конвоировал Рущкого полковник армейского спецназа Сергей Проценко. Рядом с Рущким шел депутат Шашвиашвили. Когда они задержались у парадного выхода из «Белого дома», Шашвиашвили услышал следующее:

- Рущкой спросил полковника: «Вы увезете нас в турецкое посольство?». Полковник ответил: «Нет, но жизнь вам я гарантирую».

Конвой спецназа вывел из «Белого дома» Рущкого, Хасбулатова, Макашова и посадил их в автобус с зашторенными окнами. Два броневика подъехали к автобусу спереди и сзади. Автокортёж укатил в тюрьму госбезопасности «Лефортово».

Из другого подъезда увезли тоже в «Лефортово» арестованных генералов Баранникова, Ачалова и Дунаева.

Тем временем полутысячную толпу остальных пленников согнали и окружили солдатами на уличной лестнице от фасада «Белого дома» к набережной. Там продержали нас часа полтора. Несколько раз из соседнего небоскреба мэрии стрелял пулемет, испуская светящиеся струи трассирующих пуль над нашими головами. Явно старались нагнать на нас побольше страха. Обещание «Альфы» обеспечить нам свободный отъезд отсюда оказалось ложным.

Когда стемнело, появились пьяные боевики ОМОНа и погнали нас, матерясь, по набережной направо к большому дому с пустым магазином на первом этаже. Туда нас завели и принялись бить. Мне досталось меньше других — лишь пара ударов прикладами по спине. От худшего

уберегла, быть может, моя седина. Депутатов моложе меня дубасили остревелом, валя наземь и ломая кости.

Двое автоматчиков ОМОНа опознали депутата Сергея Бабурина, отмолили прикладами и притиснули к стене. Один из карателей завопил: «Я шлепну его!»

Заслонить Бабурина попытался депутат Владимир Исаков, и был тут же нещадно избит. Такая же участь постигла второго защитника Бабурина — его депутатского помощника Алексея Сулова. И все же озверелые омоновцы не решились пристрелить Бабурина в присутствии многих свидетелей.

Молодой депутат Румянцев пострадал из-за своей чернявой бородки. Как это случилось, я не видел, а Румянцев впоследствии рассказал:

- Пьяный омоновец схватил меня за бороду: «Иди-ка сюда, жидовская морда!». Трижды ударил меня лицом о его колено. Потом меня общмонали. Денег не было, забрали маленькое радио «Сони». Несколько раз ударили по корпусу, по почкам. И в пах. Я потом неделю кровью мочился.

Депутат Вакиф Фахрутдинов взбесил омоновцем тем, что сказал им:

- Я депутат из суверенной республики Татарстан.

- Ах, ты, татарва! — взревели хмельные громилы и прикладами вышибли ему зубы, сломали нос, повредили глаз, причинили сотрясение мозга.

Грузин Шашвиашвили тоже разъярил милицейских ксенофобов. Они повалили его ударом автомата в поясницу и лупили сапогами до тех пор, пока он не потерял сознание.

Между тем других пленников и меня вытолкали после побоев во внутренний двор. Там было темно и со всех сторон гулко шелкали выстрелы. А спрятаться нигде. Только в боковом крыле дома на нижнем этаже светились электролампочки над тремя дверями. Туда и загоняли нас пальбой стрелки-невидимки.

Пригибаясь от пуль, я добежал до ближайшей двери. За ней на полумрачной лестничной площадке увидел опять омоновцев с автоматами и кучку таких, как я, горемык. Нас обыскали. Отняли деньги, документы, даже авторучки и обручальные кольца. И начали конвоировать по одному на верхнюю площадку второго этажа. Оттуда слышалась матерная брань, топот, стук и душераздирающие вопли. Так истошно кричат от дикой боли. Там продолжалась омоновская мясорубка.

Неожиданно спустились со второго этажа к нам двое парней в штатском. Их одежда и лица не имели каких-либо следов истязаний. Оба удивили меня бодрым видом и невозмутимым спокойствием. Они подошли к стоявшему рядом со мной омоновцу и прошептали что-то ему в ухо. Я подслушал его ответ:

- Будет сделано. Идите за мной.

Они втроем направились в непроглядную тьму тылового ответвления лестничной площадки. Они не почуяли, что я крадусь незаметно за ними. Омоновец остановился в тупике и приоткрыл там дверь на улицу. Оттуда прогремела пулеметная очередь. Когда она смолкла, прозвучал голос:

- Наш пулемет строчит тут вслепую для острастки вдоль улицы Николаева. На противоположной стороне — открытый с улицы двор. Там дом с одним освещенным подъездом. Это наш опорный пункт. Сейчас пулемет снова заработает, а как только кончит — перебегайте улицу.

Еще до этого напутствия я догадался, что двое неизбежных парней — парочка засланных в «Белый дом» и вернувшихся лазутчиков спецслужб.

Агенты дождались пулеметной паузы и побежали через улицу. Я проскочил вихрем мимо омовца и помчался за бегунами. Омоновец не выстрелил. Он опасался, вероятно, сразить не метким огнем автомата опередивших чуть-чуть меня прытких агентов.

Они вбежали с улицы на поросший кустами неогражденный двор. И устремились к нужному им освещенному подъезду, а я нырнул в кусты. Отдышался и затем поискал выхода с того двора. Но вокруг него на примыкавших улицах повсюду расхаживали военные патрули и стояли бронетранспортеры с зажженными фарами.

Зашел со двора наугад в затемненный подъезд жилого здания и разглядел на ступенях лестницы присевшего мужчину. Его лицо, кисти рук и разодранный свитер были в крови. Он скорчился и стонал. Я попытался с ним заговорить, но он только всхлипывал в полуобмороке.

Выше на лестничных площадках везде сидели на полу и лежали измученные битьем люди. Я дошел до последнего девятого этажа и обнаружил небольшой лаз на чердак. Там внутри слишком низкая крыша не позволяла выпрямиться, а ночная мгла вынуждала передвигаться лишь наощупь. Я задел какую-то железяку. Она звякнула. И сразу откуда-то зашипели:

- Тише! А то жильцы вызовут омовцев!

Чердак кишел беглецами из молотилки ОМОНа.

В боковой стенке чердака я заметил слабое мерцание и подобрался к нему. Это было вентиляционное отверстие наружу. Сквозь него я увидел пылающий «Белый дом».

На фоне черного неба алел колоссальный факел в двухстах метрах от меня. Под огненным куполом дворца как будто демоны лупцевали по барабанам — так громыхали там чьи-то пулеметы. Зачем? Кого убивали? Ведь мы капитулировали и покинули «Белый дом». Я еще не знал тогда, что не все сдались вместе с нами. Их добивали всю ночь, подвергнув «Белый дом» так называемой «зачистке».

Жуть зрелища с чердака настолько измотала меня, что спустя час я переместился обратно на лестницу. Вскоре на четвертом этаже сердобольная старушка приютила неприкаянного скитальца. Тетя Нина, моя благодетельница, впустила в свою однокомнатную квартиру. В ней уж

дремали на полу вповалку одиннадцать других депутатов. Тесноту восполняла с лихвой безопасность до утра от поимки нас омоновцами.

Спозаранку депутаты разошлись из квартиры тети Нины все порознь, чтобы не настораживать солдат на окрестных улицах. Мы не отличались от спешивших на работу горожан. Я миновал беспрепятственно четыре блокпоста с броневидами. И дошел до метростанции «Беговая». Через полчаса был дома.

Жена прижалась ко мне, сдерживая слезы. Весь вчерашний день она проплакала перед телевизором, где час за часом танки расстреливали «Белый дом», оравы пехотинцев штурмовали горящий дворец, а вокруг него валялись на асфальте мертвецы в гражданских куртках и плащах. Разглядывая убитых, моя жена дрожала от ужаса: вдруг один из них в моей одежде?

В тот страшный день телевидение помогло Ельцину гипнотически запугать множество людей в России. Всевластие ее царей и последующих генсеков извечно держалось на раболопном страхе.

Дома после душа и завтрака включил радио. Свежие новости бравадно оглашал московский корреспондент американской «Свободы». По приказу Ельцина войска остались в Москве, она стала на две недели зоной чрезвычайного положения, продолжалась ловля зачинщиков обороны сгинувшего парламента. Разыскивали для ареста коммуниста Анпилова и депутата Константинова. Упомянули по радио и меня:

- Исчез бывший депутат Иона Андронов, назначенный в «Белом доме» якобы министром иностранных дел. Нам сообщили, что он не появлялся в его квартире. Где он, еще неизвестно.

- Ну, и хорошо, что неизвестно, - сказал я жене. - Сложи-ка мне по быстрому в сумку чистое бельешко. Смотаюсь к друзьям пока кости целы.

Две недели чрезвычайного положения я прожил у своих приятелей. А под конец прочел в столичных газетах, что за время «чрезвычайки» побывали в милицейских кутузках сто тысяч человек! Большинство было избито и ограблено. Двоих угробили, двенадцать сильно покалечили.

Возвращаясь снова домой, я надеялся, что когда-нибудь аукнется плохо Ельцину его кровавый путч.

ТРИ ЭПИЛОГА

Недалеке от Кремля на берегу мутной речушки Яузы несколько сомкнутых домов с зарешеченными окнами окольцованы крепостной стеной шестиметровой высоты. Здесь со времен владычества Сталина до правления Ельцина сохранилось единственное, пожалуй, репрессивное учреждение, чей внутренний распорядок почти не изменился и ныне.

В тюрьме госбезопасности «Лефортово» теперь уже не пытаются узников, но стерегут их, как прежде, столь строго, что там не бывает никогда ни побегов заключенных, ни бунтов, ни нападений на надзирателей.

Наказание за мелкие нарушения тюремного режима «Лефортово» — карцерная одиночка с цементным лежаком. В многолетней истории тюрьмы был лишь один случай безнаказанного неповиновения: арестант, которого конвоировали из камеры на допросы, упрямо отказывался держать руки за спиной. Однако его не покарали карцером. Более того, начальник тюрьмы разрешил строптивцу ходить на допросы, взяв в руку книгу из тюремной библиотеки.

Подневольный книжник умудрился помимо обильного чтения в камере завершить свою полусделанную на свободе научную монографию «Мировая экономика». Один экземпляр 700-страничного фолианта хранится у меня дома с дарственной надписью автора — столичного профессора Экономической академии имени Плеханова и члена-корреспондента Российской Академии наук Руслана Хасбулатова.

22 ноября 1993 года заключенному Хасбулатову исполнился 51 год. На день рождения сделали ему поблажку — позволили на полчаса внеочередное свидание с женой. Вечером того же дня его чеченский родственник позвонил мне по телефону:

— Здравствуйте, это Абдулла. Сегодня там допустили к нему жену. И адвокат приходил. Мне поручено передать вам привет и благодарность. Решено пригласить вашего гостя. Сообщите ему об этом.

Осторожная иносказательность чеченца была вызвана недоверием к моему домашнему телефону. Абдулла Бугаев посетил меня еще накануне дня рождения Хасбулатова, а до этого я побывал на допросе в Генеральной прокуратуре, откуда предварительно прислали ко мне домой следователя с двумя понятыми.

Бугаев и Хасбулатов — близкие родственники и соплеменники из древнего клана чеченцев Харачой. Их наиболее известный родоначальник — князь Харачой — стал православным в конце XVI века и служил у мос-

ковских царей командиром полка. Его сын породнился с боярской семьей Михаила Романова, первого монарха трехсотлетней династии. На ее закате, однако, другой вожак клана Харачой — абрек Зелимхан — возглавил мятеж чеченцев против последнего императора Романова. Затем при советской власти Хасбулатовы не афишировали свое аристократическое прошлое, хотя его отголосок угадывается в полном имени их самого знаменитого отпрыска — Русланбека.

Ему было менее полутора лет, когда на исходе минувшей мировой войны Сталин депортировал всех чеченцев в казахские степи на стыке с Сибирью. Треть из сыльных 400 тысяч погибла от голода, сибирских морозов и тифа. Мать Хасбулатова разлучили с ее мужем, который вскоре умер. Но она все же выходила трех сыновей и дочку, работая дояркой в деревенском коровнике.

Малолетка Русланбек, утоляя голод, подбирал ничейные колоски ржи на скошенных полях. Потом, будучи подростком, заделался грузчиком и каменщиком. Вместе с тем отлично закончил школу. А в 1957 году чеченцам позволили вернуться на родину.

Три года спустя юный Хасбулатов поступил в Московский университет, где был избран секретарем комсомола и увлекся политикой, затянувшей его в итоге опять в неволю.

После ареста спикера российского парламента меня навестил его брат Асланбек, профессор истории Грозненского университета. Асланбек Хасбулатов попросил возбудить как-нибудь сочувствие за рубежом к тюремным невзгодам брата. Такую же просьбу высказал мне чеченский политик и бизнесмен Абдулла Бугаев, взявшийся обеспечить юридическую защиту родственника. Бугаев сказал:

— Руслан Иманович надеется, что вы сможете убедить иностранных журналистов в Москве разоблачить незаконность тюремного заточения руководителей Верховного Совета.

— Нельзя наивно надеяться, — возразил я, — что зарубежная пресса поддержит сегодня врагов ее любимца Ельцина. Так же ошибочно мы уже уповали на солидарность западных парламентов с нашими законодателями. Предлагаю иной конкретный замысел: пригласить в Москву для публичной защиты Хасбулатова популярного всемирно и знакомого мне американского адвоката Уильяма Канслера. Он способен вызвать такой международный скандал вокруг ареста бывшей жертвы сталинизма, что в Кремле многим придется очень сильно нервничать.

— А согласится ли американец защищать Хасбулатова? — спросил Бугаев. — И сколько это будет стоить?

— Канслер не раз защищал бесплатно арестованных в США бунтарей национальных меньшинств. Он супермастер политического паблисити. Большие деньги платят ему богатые клиенты. Но до его согласия требуется сперва согласие Хасбулатова.

Через четыре дня Бугаев известил по телефону меня, что Хасбулатов одобрил в тюрьме мой проект о вызове сюда на подмогу Уильяма Канслера.

Канслер был ярчайшей звездой американской адвокатуры. Либерал левого толка и энергичный противник расовой дискриминации, он часто отстаивал в судах непокорных властям диссидентов. Среди них — исторические личности: Мартин Лютер Кинг, активист общественного движения против интервенции США во Вьетнаме священник Филипп Берригэн, лидеры негритянской организации «Черные пантеры», вожди американских индейцев, молодежная группа так называемой «Чикагской семерки» — предводители студенческих волнений на улицах Чикаго в 1968 году. И каждый судебный процесс с участием Канслера превращался в сенсационное событие с громким эхом за пределами Соединенных Штатов.

Прославленный адвокат, как и его коллеги, иногда не брезговал, впрочем, ради заработка денежной клиентурой из преступного мира. Но даже Канслер не сумел спасти от тюрьмы сидящего по сей день за решеткой главаря нью-йоркской мафии Джона Готти. Тоже в тюрьме давно помер другой подзащитный Канслера — небезызвестный гангстер Джек Руби, застреливший соотечественника Ли Харви Освальда, предполагаемого убийцу президента Джона Кеннеди.

Впервые я познакомился с Канслером в далеком уже 1979 году. Тогда в Нью-Йорке он пригласил советского газетчика в свой двухэтажный особняк на Гэй-стрит в богемном районе Гринвич Вилидж. Помню его просторную гостиную с камином, диванами, настенными коврами и африканскими масками. Помню его обаятельную доброжелательность, непривычную для меня в те годы «холодной войны». Она как бы не затронула Канслера.

С ним я встречался позже неоднократно, а он побывал в Москве. Не став нашим другом, выдающийся юрист-интеллектуал, приверженец американской демократии, всегда относился приветливо к советским людям.

Кровавой осенью 1993 года я не рискнул рассказать по телефону Канслеру о всех злоключениях Хасбулатова и его чеченских сородичей: международное телефонирование из Москвы прослушивалось тогда спецслужбами. Отделаться от них помогла гостившая у меня в то время нью-йоркская приятельница Эллен Рэй. Она дружила с Канслером и жила по-соседству с ним.

Незадолго до разгрома нашего парламента Эллен и двое американских телевизионщиков получили интервью у Хасбулатова с моей помощью. А теперь Эллен помогла ему и мне, вернувшись в Нью-Йорк и детально изложив Канслеру нашу просьбу. Я позвонил Канслеру в начале декабря и заручился его согласием прилететь в Москву на выручку из тюрьмы нового клиента.

Канслер сказал мне, что будет адвокатствовать для Хасбулатова безвозмездно. Предупредил, что прилетит с женой, так как ему нужна ее

опека в его 75-летнем возрасте. Наши расходы на двух гостей свел он до минимума: только оплата авиабилетов и жилья в Москве. Деньги на это обязался предоставить Абдулла Бугаев.

Однако прилет Канстлера неожиданно затормозил один из двух московских адвокатов Хасбулатова. Главный из них – Владимир Фомичев – считал полезным приглашение американца. Но второй – Сергей Володин – пришел ко мне и принялся доказывать, что российский уголовно-процессуальный кодекс воспрещает иностранным юристам защищать в наших судах россиян, обвиненных в таких криминальных деяниях, какие инкриминированы Хасбулатову. Проверив это, я убедился, что в тексте кодекса нет вообще ни слова об иностранных адвокатах. А значит, допустимо то, что не запрещено.

В любом случае, как полагал я, Канстлер поможет Хасбулатову, если даже у нас судейское начальство отвергнет по указке Кремля вмешательство заморского адвоката. В ответ он возмущенно устроит здесь свою пресс-конференцию, на которую сбегутся наверняка аккредитованные в Москве зарубежные журналисты. И таким образом тюремные тяготы Хасбулатова обретут желательный ему международный резонанс.

Моя аргументация, как ни странно, напугала адвоката Володина. Он так запаниковал и расстроился, что выболтал истинную причину его тревоги. Оказалось, что он успел до ареста Хасбулатова получить благодаря ему новую квартиру, и сейчас боится, по его словам, лишиться ее, коли разгневет чем-либо кремлевское руководство. Вот кого ублажал, вероятно, мой оппонент. От его сомнительных услуг отказался Хасбулатов с опозданием, увы, на три месяца...

Хасбулатов захворал в тюрьме, и у него случился обморок в начале февраля 1994 года. Его жена Раиса Хасановна, его честный адвокат Фомичев и родственник Бугаев позвали меня и заново попросили подготовить скорейший приезд Канстлера. А он согласился прилететь в Москву 5 марта.

До этого за две недели для Канстлера и его супруги были загодя оплачены авиабилеты. Но они не понадобились: 23 февраля Государственная Дума объявила амнистию всем политзаключенным тюрьмы «Лефортово». В обмен на их свободу Кремль добился роспуска депутатской комиссии Госдумы по выявлению подлинных виновников кровопролития в октябре предыдущего года.

В день освобождения 26 февраля Хасбулатов позвонил мне и пригласил в гости. Мы расцеловались, впервые как друзья, за порогом его квартиры на улице Щусева. Худошавый Хасбулатов совсем усох в тюрьме – кожа да кости, а смуглое лицо поблекло и осунулось. Но остались прежними ироническая улыбка и всегдашняя трубка в углу рта.

Весь тот вечер Хасбулатов почти ничего не ел за обеденным столом с вкусной едой и бутылками шампанского. Рассказывал скупое и без жалоб о пятимесячной отсидке в «Лефортово», о допросах, своей болез-

ни, словесных стычках со следователями и приходившим к нему Генеральным прокурором Казанником. Лакопичные воспоминания перемежались витиеватыми тостами чеченской многочисленной родни. Кроме меня не было среди гостей других депутатов.

Через пару дней в московских газетах появились послетюремные интервью Хасбулатова. Он объявил, что решил уйти из большой политики и вернуться к академическому преподаванию мировой экономики. Однако эта новость, как обнаружилось быстро, была его отвлекающим маневром с целью ослабить круглосуточную слежку за ним кремлевских спецслужб. Они прощляли его отлет из Москвы в Грозный 2 марта.

В аэропорту Грозного сотни чеченцев восторженно встретили Хасбулатова как национального героя. Ему воздали почести седобородые старейшины, а молодежь салютовала стрельбой вверх из автоматов. Он въехал в город во главе длинной кавалькады автомобилей. Толпы на улицах скандировали его имя и тоже радостно палили в воздух. На каждой остановке возникал вокруг него стихийный митинг. Чеченцы кричали:

- Слава Аллаху, вернулся Руслан!

Он обосновался в родном селе Толстой-Юрт, названном так в память побывавшего там в прошлом веке Льва Толстого. Оттуда Хасбулатов приезжал во многие поселки республики и выступал перед местными жителями. Со всех окрестностей стекались послушать его десятки тысяч чеченцев. Они восприняли его как ниспосланного им умудренного страданиями мессию, который избавит их от губительных раздоров и военной разрухи. У них в ту пору гвардия диктатора Дудаева сражалась безуспешно против повстанцев в районах поймы реки Терек.

Хасбулатов проповедовал всеобщее примирение, созыв Чрезвычайного съезда народных представителей и демократические выборы административной власти – Комитета национального согласия. Он призывал к разоружению партизанских отрядов и бандитских шайк. Он сформировал из 12 самых уважаемых богословов ислама Миротворческую группу. И только он, единственный среди влиятельных политиков Чечни, убеждал сограждан сохранить на пользу им государственное единство с Россией.

Кавказский ренессанс выходца из «Лефортово» я наблюдал издали, читая столичные газеты. Они констатировали летом 1994 года, что большинство чеченцев уже симпатизирует Хасбулатову. Ему даже предрекали президентство в Чечне, но вместе с тем описывали, как этим озлоблены в Кремле и бояся его возврата в большую политику России на законных правах сенатора парламентского Совета Федерации. Еженедельник «Московские новости» осведомленно сообщал:

«Если это произойдет, то Ельцину придется встречаться лицом к лицу с Хасбулатовым. Такой вариант для Ельцина психологически непереносим».

15 октября 1994 года Кремль попытался одним махом нейтрализовать Хасбулатова и уничтожить Дудаева. Штаб российского гарнизона у

северной границы Чечни вооружил чеченских повстанцев на Тереке и отправил их штурмовать Грозный. Беспорядочная атака в тот же день захлебнулась и кончилась бегством ее неумелых участников.

Дудаев оказался победителем и легко внушил чеченцам, что он их наилучший защитник от нападений наймитов Москвы.

Хасбулатов примчался в приграничный штаб российских войск и принялся вразумлять наших генералов и присланного к ним из Кремля эмиссара Евгения Севостьянова:

- Любая попытка захватить Грозный приведет к одному результату – укреплению режима Дудаева. Не повторяйте ваших ошибок. Или вы губите нас. И потеряете навсегда Чечню.

В ответ Кремль, спустя месяц, снова погнал на захват Грозного чеченских пособников с Терека и 26 российских танков с экипажами московских танкистов. Все налетчики были разгромлены, пленены или убиты.

Еще через месяц Ельцин приказал бомбить и оккупировать Чечню. Погибли 80 тысяч чеченцев, русских горожан Грозного и наших солдат. Вторжение завершилось постыдным отступлением из Чечни. Хасбулатову не позволили миротворчески удержать его родину в составе России.

Теперь Хасбулатов опять профессорствует в экономической академии. У меня дома подаренные им книжки пополнились его автобиографической брошюрой. На обложке напечатано – «Чечня: мне не дали остановить войну».

* * *

Трое приятелей-москвичей сошлись 27 февраля 1994 года, чтобы вместе отпраздновать вчерашнее освобождение политзаключенных «Лефортово». По этому поводу друзья сговорились пообедать в кафе «Встреча» на улице Гиляровского в центре столицы.

Уютное кафе обычно посещала публика, чуждая политике. «Встреча», по сведениям городской прессы, являлась «местом свиданий для членов преступных группировок». Там как раз в том году четверо бандюг рассорились за обеденным столиком и застрелили одного из них. Остальные преспокойно расплатились с официантом и разъехались на своих иномарках.

Тем не менее поклонник одиозной «Встречи» – пожилой здоровяк в черноволосом парике – привел туда без опаски двоих новичков. Его уважали завсегдатаи кафе и никогда не смели ему угрожать. Он уже давно был очень знаменит и открыто общался с такими атаманами российской мафии, как «Япончик» (Вячеслав Иванов), «Тайваньчик» (Алимжан Токтахунов), убитый через месяц «Отарик» (Отари Квантришвили) и погибший ранее «Калина» (Виктор Никифоров).

В кафе «Встреча» гордились столь важным посетителем и сочувствовали искренне ему, когда он, поехав с женой в Израиль и на Кипр, подвергся арестам в обеих странах. А вдобавок отказались впустить его Соединенные Штаты и даже крохотная Новая Зеландия. Но более всего он осерчал на израильские власти и срамил их даже перед иностранными журналистами:

- Как же это может быть, что меня, еврея, чистого во всех поколениях, и мою жену, еврейку, чистую во всех поколениях, у нее даже ни одной кровинки смешения нет, посадили в грязные камеры, где до нас сидели только африканцы и латиноамериканцы?

Кончилось тем, что заместитель директора Федерального бюро расследований США Джеймс Моуди предложил официально московской «Комсомольской правде» опубликовать «Список лидеров преступных группировок», распознанных американцами с помощью российских следователей. В списке фигурировало 27 имен. Четвертое – «Иосиф Кобзон».

Вслед за тем в наших газетах напечатали выдержки из служебного меморандума контрразведки ФБР США о некой «организации Кобзона»:

«Ее главные криминальные действия – вымогательство, контрабанда оружия и наркотиков, подделка виз».

Все это отрицает категорически богатейший бизнесмен и эстрадный певец Иосиф Кобзон, советник по культуре мэра Москвы и нынешний депутат Государственной Думы.

Но не о том, конечно, велась речь в кафе «Встреча» за обедом, заказанным Кобзоном на троих. Его сотрапезниками были тогда освобожденный из тюрьмы сутки назад Александр Руцкой и его верный охранник Владимир Тараненко. Застольный разговор с Руцким пересказал Кобзон спустя два месяца зарубежному газетчику Александру Гранту:

«Мы встретились, чтобы пообедать и поговорить в небольшом кафе «Встреча» на улице Гиляровского. Руцкой выражал очень трезвые, очень взвешенные мысли.

- Понимаешь, - сказал он, - мое падение началось с того дня, когда команда Коржакова, начальника охраны Ельцина, не пустила меня, вице-президента, в мой рабочий кабинет в Кремле. Отправили меня в «Белый дом», а там я попал словно в банку с пауками, где меня ставили и окончательно пооссорили с президентом.

Руцкой сказал мне, что готов встретиться с президентом и объяснить, что он никакой вражды в нем не питает и не собирается соперничать с ним на выборах. Позже я попросил Лужкова, мэра Москвы, быть посредником в этой встрече».

- Удалось Лужкову свести Ельцина с Руцким? – спросил Грант.

- Пока нет, - ответил Кобзон.

После освобождения Руцкого я виделся с ним и беседовал трижды. Первый раз встретились в конторе патриотической организации «Российский общенародный союз» (РОС). Туда пригласили на совещание видных

политиков антиельцинской оппозиции. Но пришли лишь Руцкой с телохранителем Тараненко, командир отряда казаков во время прошлогодней обороны парламента Виктор Морозов и я.

Не явился даже председатель РОС депутат Сергей Бабурин. Он объяснил мне потом, что его единомышленники решили бойкотировать Руцкого за двуличие и сверхамбициозность.

Руцкой сходу заявил мне и казаку Морозову:

- Я готов руководить оппозиционерами политически и организационно. Установлю жесткую дисциплину. А если кто-то будет лодырничать – могу крепко высечь нерадивого!

Генеральское самодурство не излечила, к сожалению, даже тюрьма. Пришлось мне напомнить Руцкому, что он уже не в Кремле с лакейской свитой аппаратчиков вице-президента. Они предали его, когда он попытался свергнуть Ельцина, а теперь двое из них доходно обслуживают мультимиллионера Бориса Березовского, третий подвизается в крупном банке, а четвертый – наемный толкач политической рекламы для честолюбивых толстосумов.

- Незачем ворошить прошлое, - ответил мне Руцкой. - Перед штурмом «Белого дома» там остались только такие придурки, как мы с тобой.

- Там были не придурки, - парировал я, - а порядочные люди.

Казак Морозов, раненый шестью пулями в день штурма «Белого дома», обиженно воскликнул:

- Как это так – мы придурки? Да мы защищали до конца святое дело!

Не получилось у нас, в общем, дружеского воссоединения с генералом Руцким.

А у него не получилось закулисного замирения с Ельцины. И тогда он обратился за поддержкой к лидеру компартии Зюганову. Тот не оттолкнул Руцкого, но отверг претензии генерала на первенство среди вожаков оппозиции.

Раздосадованный Руцкой стал ругать вселюдно и руководство компартии, и Ельцина, предвещая наперекор им свою победу на следующих выборах президента России. С этой целью он начал создавать собственную партию «Держава».

Учредитель новой партии пожаловал однажды на собрание экс-депутатов разгромленного парламента. Несмотря на наше поражение, мы все еще были мозговым и энергетическим ядром оппозиции. Руцкой хотел вовлечь нас в свою «Державу». Но встретили его прохладно. Я обратился к нему:

- Вы стремитесь, Александр Владимирович, опять возглавить наше сопротивление режиму Ельцина. Поэтому мы вправе попросить предварительно вас проанализировать самокритично ваши ошибки по части обороны «Белого дома» и призыва захватить телецентр «Останкино». Это привело к убийству сотен наших товарищей. И подобное может повто-

риться, если ваша сопричастность к трагедии не изменила теперь вашего мышления.

- Я собирался, - сказал нам Руцкой, - высказаться на данную тему еще до вопроса Андропова. Мне каяться не в чем. Хотя у меня были промашки в «Белом доме». Но мы проиграли потому, что назначенные нами силовые министры-генералы оказались путливыми мужиками в бабских юбках.

Оправдательный сарказм Руцкого не вызвал в зале ни смеха, ни поощрительных хлопков, ни иных симптомов одобрения. Он ушел ни с чем от бывших соратников. Мы поумнели.

Осенью 1995 года Руцкой перед выборами в Госдуму нацелил свою партию на завоевание депутатских мандатов. Однако его «Держава» полностью обанкротилась. И вскоре зачахла.

Генерал без войска униженно припелся опять на поклон к коммунисту Зюганову в марте 1996 года. Зюганов милосердно принял поверженного Руцкого, поговорил с ним с глазу на глаз и вроде бы простил, но отнюдь небескорыстно: Руцкой объявил, что будет впредь агитировать за избрание Зюганова российским президентом. За это Зюганов обещал убедить сторонников компартии на родине Руцкого в Курской области избрать его губернатором.

Летом 1996 года Зюганов проиграл президентские выборы. А осенью все-таки помог Руцкому стать курским губернатором благодаря голосам тамошних коммунистов. С ними новый губернатор сразу же расквитался по-свойски: запретил в Курске профсоюзный митинг рабочих 5 ноября и коммунистическую демонстрацию 7 ноября в память революции 1917 года.

Однако курские коммунисты устроили 7 ноября уличную манифестацию, но на ней не позволил Руцкой выставить плакаты с лозунгами против Ельцина. Вслед за тем Руцкой гласно порвал с Зюгановым.

Генерал-губернатор добился в Москве аудиенций у премьер-министра Черномырдина и шефа президентской администрации Чубайса. После приема у премьера Руцкой сообщил столичным журналистам:

- Мы пожали руки друг другу, и я предложил Виктору Степановичу возобновить наши отношения с чистого листа.

Предыдущие листы Руцкой счел, очевидно, нечистыми, так как они пропитаны кровью жертв кремлевского путча 1993 года.

Руцкой пришел к Чубайсу с просьбой помочь ему встретиться с Ельциным. По словам Чубайса, курский губернатор смиренно мотивировал свое пожелание:

- Я хотел бы попросить прощения у президента.

Однако Ельцин не допустил к себе вечного перебежчика. И лишь послал ему формальную отписку с поздравлением по поводу избрания губернатором.

В 1998 году знакомый мне военный журналист – капитан армейского запаса Владислав Шурыгин – огласил в прессе свою переоценку его бывшего кумира – генерала Ружского:

«Когда-то он называл меня своим другом. И я гордился тем, что дружен с удивительным человеком, Героем Советского Союза, летчиком-«афганцем» Александром Ружким. Поэтому я с радостью брался исполнять его просьбы написать за него очередную статью или интервью в какой-нибудь журнал или газету. Но наша дружба была недолгой. Ружкой всех предал! И вновь приник к башмаку Ельцина. Ныне Ружкой горько сожалеет, что в октябре 93-го выступил против своего президента. Ружкой – существо без чести, без памяти, без совести. Предавший вся и всех. Выражаю Ружкому глубокое презрение.»

***

Любой турист в Москве, осматривая ее красоты, посещает обычно Воробьевы горы. Оттуда с высоченного речного утеса видны почти все исторические монументы нашей столицы – златоглавые храмы Кремля, крепостные башни и колокольня Новодевичьего монастыря, сталинские высотки, «Белый дом».

Да и сам утес Воробьевых гор знаменит исторически тем, что здесь полтора века назад двое великих мечтателей о демократии в России – Александр Герцен и Николай Огарев – поклялись друг другу вдохновить их бесправный народ на борьбу за всеобщую свободу, гражданское равенство, социальную справедливость.

Однако как раз на Воробьевых горах, где Герцен и Огарев грезили о будущей нашей демократии, генсек КПСС Никита Хрущев выстроил роскошные виллы для себя и вельмож его Политбюро. Их хоромы отгородили от простого люда неприступными стенами каменных заборов с будками для вооруженной охраны и ее сторожевых овчарок.

Этот бастион кремлевской знати унаследовал Борис Ельцин и разместил там свой банкетный «Дом приемов» и персональный «Президентский клуб» с танцевальными залами, бильярдными, саунами, бассейнами, теннисными кортами для ближайших друзей президента.

27 апреля 1994 года Ельцин пригласил 200 наиболее маститых спешников в «Дом приемов» на Воробьевых горах. Каждый гость получил в подарочном футляре новую книгу Ельцина «Записки президента» о его прошлогодней победе над российским парламентом. Автор книги объявил гостям без ложной скромности, что описанное им – «самое интересное в тысячелетней истории России».

Приглашенный на презентацию книги известный режиссер Марк Захаров получил заранее сочинение Ельцина для своей банкетной речи от имени деятелей искусства. Захаров сказал:

- Я читал эту книгу до трех часов ночи и удивлен ее великой простотой, той простотой, которую завещал нам Лев Толстой!

Столь же льстиво восславили книжку Ельцина бывший член Политбюро КПСС Александр Яковлев, главный редактор журнала «Огонек» Лев Гушин, директор Волжского автозавода Владимир Каданников. Вдобавок Каданников вложил президентский опус в скопированную обложку христианского Евангелия, а затем – в палехскую шкатулку. И преподнес сей богохульный дар разомлевшему от похвал Ельцину.

Газета «Московские новости», запевала прессы столичных демократов, приурочила к презентации книги Ельцина свои поздравления автору:

«Это подарок для читающей публики всего мира. Этой книге суждено стать бестселлером».

400-страничный «бестселлер» был напечатан по-русски в Финляндии на дорогой наилучшей бумаге с 97 цветными фотопортретами, но поступил в магазинную распродажу по очень низкой цене: 15 рублей за фолиант. Вскоре малый спрос на книгу вызвал ее уценку до 10 рублей. Тем временем за рубежом дошло до скандала: 30 июля 1994 года Ельцин презентовал свое произведение польскому президенту Леху Валенсе, а вслед за тем близ дома Валенсы нашли на помойке книгу Ельцина с его надписью на титульном листе: «Дорогому г-ну Леху Валенсе с уважением от АВТОРА!».

Московские подхалимы Ельцина, уподобив его Льву Толстому, вместе с тем отлично знали, что их новейший гений литературы не способен вообще написать самостоятельно даже примитивный политдоклад и уж тем более писательскую книжку. Бескультурный чинуша из провинциальной среды косных бюрократов, став российским президентом, декламировал свои публичные выступления по шпаргалкам кремлевских спичрайтеров. А его книжные мемуары строчил, как общеизвестно, наемный журналист – заместитель главного редактора «Огонька» Валентин Юмашев.

«Человек-невидимка» – так прозвали московские газетчики негласного творца двухтомной автобиографии Ельцина. Первый том – «Исповедь на заданную тему» – написал Юмашев вместо Ельцина в 1989 году, а четыре года спустя изготовил второй том – «Записки президента». За это Ельцин вознаграждал Юмашева частицей авторских гонораров, дал четырехкомнатную квартиру в президентском жилом доме на Осенней улице, сделал своим платным советником и затем главой администрации президента.

Услужливый писарь сумел подружиться с женой литзаказчика Нанной Иосифовной и властной дочерью президентской четы Татьяной Дьяченко. Она с тех пор зовет Юмашева за просто Валей, а он ее Таней. Ее сын и дочка Юмашева были отправлены вместе в Англию на учебу в аристократическом колледже Миллфилд. А в Кремле шустрый «невидимка» сделал компаньонами его подружки Тани двух своих приятелей - коммер-

сантов Бориса Березовского и Александра Волошина. Так сплотилась возле одряхлевшего президента кучка царедворцев, которые принялись тайно управлять Россией и получили у нас мафиозную кличку «Семья».

Оттертый «Семьей» от немощного Ельцина его главный телохранитель генерал Коржаков теперь претендует тоже на соавторство «Записок президента»:

- Книгу «Записки президента» надиктовал я, Коржаков, на девяносто процентов. Сам Борис Николаевич надиктовал лишь полтора-два процента от общего объема рукописи. Ее обработал литературно и «прилизал» домашний летописец президента Юмашев.¹²

А так как именно Коржаков по воле Ельцина спланировал бронетанковый расстрел парламентского «Белого дома», то жертвы побоища были опорочены посмертно в «Записках президента» множеством ругательств: «бандиты, террористы, психопаты, профессиональные убийцы, озверевшие политики, проклятые, оголтелые, распаленные ненавистью мятежники».

Такая брехня не могла одурачить всех отечественных читателей «Записок президента» и потому предназначалась в основном не им, а несведущей публике за рубежом. Там в демократических государствах Ельцин стремился оправдать кровавый разгром российского парламента. Лживую книжку издали в начале мая 1994 года вне России в 30 странах на 16 европейских и азиатских языках.

10 мая позвонил мне из Нью-Йорка знакомый американец Джозеф Маури:

- Сожалею, Иона, что вынужден тебя огорчить. Ты объявлен здесь фашистом.

- Кто это выдумал?

- Ельцин.

- Ты шутишь?

- Нет. Уже неделю продается англоязычная книга его мемуаров, где он называет тебя фашистом.

- Можешь выслать этот пасквиль мне авиапочтой?

- Завтра отправлю. Будь здоров и побереги нервы.

На глянцево-черной обложке книги из Нью-Йорка желтела опухшая физиономия алкаша под белыми буквами английского заглавия «Борис Ельцин. Битва за Россию». На оборотной стороне титульного листа было напечатано: «Авторское право принадлежит Борису Ельцину, 1994. Оригинал опубликован на русском языке под названием «Записки президента».

На странице 251 американского издания «Записок президента» я прочел по-английски о размышлениях автора накануне разгона им в Москве народных депутатов:

12 Примечание. Позже Юмашев и дот Ельцина Татьяна поженлись.

«Весьма вероятно, что они срочно провозгласят создание своего правительства с фашистом Ионой Андроновым в качестве министра иностранных дел».

Эта же фраза в русскоязычных «Записках президента» уязвляла меня ным эпитетом – «воинствующий Иона Андронов».

Но зачем понадобилось Ельцину только за рубежом превратить меня в фашиста?

Загадку могли бы прояснить американские публикаторы книжки Ельцина. Ее заокеанский дубликат имел наименования двух издателей – «Белка паблишинг компани» и «Рэндом хауз». Второе издательство было широко известно своей респектабельностью в книжном бизнесе Соединенных Штатов. А первое появилось впервые и озадачило меня его названием, ибо в английском языке нет слова «белка».

Тем не менее удалось разузнать, что в Нью-Йорке обрусевшая «Белка паблишинг» – это дочернее подразделение одноименной «Белка трейдинг корпорэйшн», российско-американской торговой фирмы. О ней сообщили мне в московском бюро британского пресс-агентства Рейтер:

«Американское издательство «Рэндом хауз» взялось опубликовать книгу Ельцина в сотрудничестве с «Белка трейдинг корпорэйшн», которая приобрела у Ельцина право издавать его мемуары во всех странах».

Иноземные журналисты снабдили меня также московским адресом здешней конторы «Белка трейдинг» – Большой Черкасский переулок, дом 4, строение 1. Однако там никакой «Белки» не обнаружилось. Кто же ее куда-то припрятал?

На сей счет столичный журналист Леонид Крутаков сослался на осведомленность генерала Коржакова:

- Коржаков однажды заявил, что «Белка трейдинг» напрямую связана с мужем Татьяны Дьяченко.

Это же подтвердил мне московский корреспондент нью-йоркской газеты «Уолл-стрит джорнэл» Эндрю Хиггинс. И поделился информацией его редакции:

- В Нью-Йорке «Белка трейдинг корпорэйшн» помогла Леониду Дьяченко, зятю президента Бориса Ельцина, открыть денежный счет в банке «Чейз Манхэттэн». В этом банке «Белка трейдинг корпорэйшн» представила Дьяченко как своего сотрудника. По запросу Дьяченко «Чейз Манхэттэн» рекомендовал его «Банку Нью-Йорка» для открытия там еще одного счета Дьяченко. На тот счет вносила деньги «Белка трейдинг корпорэйшн». В итоге зять президента Ельцина имеет в «Банке Нью-Йорка» два оффшорных счета, на которых аккумулировано 2 миллиона 700 тысяч долларов.

Все эти заграничные капиталы президентской родни и ее неуловимой «Белки», как оказалось, были нахапаны тайком на продаже российской нефти. А моя беличья охота, затянувшись надолго, не дала, однако, ниче-

го для нужного мне ответа на вопрос — за что же Ельцин обозвал меня фашистом?

Два месяца я обходил в Москве знакомых иностранцев и просил заказать в их столицах для меня изданные там мемуары Ельцина. Таким образом получил разноязычные «Записки президента» из Франции, Канады, Италии, Португалии, Японии, Англии. Везде напечатали идентичное оскорбление — «фашист Иона Андронов».

А потом с той же бранью лондонские «Записки президента» поступили сюда в магазин на Кузнецком мосту и в книжные лавки нескольких отелей. И тогда я решился на заведомо безуспешное дело — устроить против Ельцина судебный процесс.

Сейчас уже позабыли, как весной и летом 1994 года москвичи еще не очухались от массового шока и страха после погрома парламента и арестов его предводителей. Боязнь разозлить заново Ельцина сковала и коммунистов. В их ведущую газету «Советская Россия» я принес в марте свою статью с документированным перечнем беспрестанных запоев президента. Мою рукопись прочел опасливо и вернул мне главный редактор Валентин Чикин, член ЦК КПРФ и депутат Государственной Думы. Он сказал:

- Неужели, Иона, вы хотите, чтобы Ельцин опять, как полгода назад, закрыл нашу газету? Отложите, пожалуйста, вашу статью о нем до лучших времен.

Такой же испуг сработал, когда я попытался обзавестись солидным адвокатом для судебной схватки с Ельциным.

Боевитые антиельцинисты из русофильской газеты «Завтра» помогли мне обратиться к их единомышленнику — видному адвокату Михаилу Кузнецову. Он дружил и сотрудничал с коммунистическим депутатом Госдумы и знаменитым экс-прокурором Виктором Илюхиным. Газета «Завтра» расточала на своих страницах патетические комплименты Кузнецову — «бесстрашный витязь судебных баталий», «защитник патриотов», «наш д'Артаньян».

Но Кузнецов согласился на встречу со мной только один раз и трусливо уклонился от моей просьбы помочь юридически грамотно сформулировать иск против Ельцина.

Коллега и ближайший помощник Кузнецова — юрист Юрий Гусев — разъяснил мне причину паникерства «защитника патриотов»:

- Кузнецов является профессором Академии управления при Президенте России и боится увольнения из-за поддержки вашей судебной затеи.

Пришлось мне в одиночку написать судебный иск и отнести его в муниципальный суд Кунцевского района, где прописан формально гражданин Борис Николаевич Ельцин.

Мой иск о законной защите чести и достоинства имел двоякую цель. Первая — публично опровергнуть нанесенное мне оскорбление и потребо-

вать правовой сатисфакции. Вторая цель – приободрить побежденных Ельциным и запуганных им моих недавних соратников минувшей кровавой осенью.

А в целом я, бросая вызов бессильного пенсионера кремлевскому властелину, хотел как бы крикнуть громко Ельцину то же самое, что изрек в прошлом веке французский генерал перед гибелью его дивизии в битве при Ватерлоо: «Гвардия умирает, но не сдается».

Французский пафос, впрочем, смехотворно неуместен в наших полутрущобных судах районного уровня. Даже неподалеку от фешенебельного дома президента местный суд ютился в грязной и ветхой трехэтажке. Там, в заплыванном коридоре, я обнаружил на шербоной стене небольшую таблицу со списком здешних судей. Каждый из них обслуживал жильцов подведомственных ему окрестных улиц. Президентская Осенняя улица числилась в зоне полномочий районного судьи Анатолия Арефьева.

На втором этаже суда перед дверью кабинета Арефьева томились в длинной очереди его посетители. Некоторым посчастливилось занять стулья. Остальные стояли понуро, притулившись к стенам. В очереди я очутился 35-м и проторчал в ней пару часов.

Слушая разговоры очередников, я узнал, что судятся тут люди из-за домашних склок и драк, раздела имущества между разведенными супругами, неуплаты алиментов, хулиганства соседей, дележки наследства умерших родственников, штрафов за автодорожные аварии и прочей так называемой «бытовухи».

Судья закончил прием ходатаев до того, как мог настать мой черед. Спустя два дня я удачливей выстоял новую очередь и все же вошел 5 сентября в тесный кабинетик Арефьева, плечистого блондина лет сорока с простецким русским лицом.

Арефьев изумленно прочел мой иск против президента. А я выложил на стол перед судьей кипу заграничных изданий мемуаров Ельцина. Хотя Арефьев не владел иностранными языками, он не нуждался в переводе на русский увиденных им трех слов – «фашист Иона Андронов».

К моему удивлению, заурядный районный судья бестрепетно принял иск к Ельцину и не помчался немедленно к своему начальству за директивными указаниями. Арефьев сказал:

- До судебного разбирательства я обязан первоначально устроить собеседование обеих конфликтных сторон в моем присутствии. Это будет сделано 15 сентября.

- Значит, вы направите свой вызов ответчику?

- Да, конечно.

- А если он не явится?

- Если ни он, ни его адвокат не придут, то начнется судебное разбирательство.

Уходя от Арефьева, я молча пожал ему руку очень крепко. Впервые и единственный раз в моей жизни я встретил у нас настоящего судью.

8 сентября я устроил предсудебную пресс-конференцию. Нужно было скорее разгласить вызов Ельцина к районному судье, чтобы тому не успели бесшумно заткнуть рот угрозами из Кремля или еще какими-нибудь уловками.

Пресс-конференция заинтересовала корреспондентов зарубежных и московских газет, пресс-агентств, телевидения и радио. Причину их любопытства реалистично объяснила газета «Правда»:

«В истории СССР и России это первый случай, когда действующий руководитель государства привлекается к судебному разбирательству».

- Ельцин гнусно оскорбил меня, обозвав «фашистом», - сказал я на пресс-конференции. - Ельцин оклеветал меня, пережившего фашистскую блокаду Ленинграда, где погибли мои родственники и тысячи ленинградцев. Против фашистов мой отец вступил в народное ополчение бойцом-добровольцем. Я ненавижу фашизм так же люто, как все люди моего поколения в нашей стране. Раньше у нас никто не смел обзывать кого-либо «фашистом», потому что за такую подлость сразу же получал удар кулаком по зубам. Вот так я и сделал бы, не будь у Ельцина целого полка личной охраны. Вместо этого я вынужден возбудить против него иск в соответствии с Гражданским кодексом Российской Федерации. Пусть будет неповадно клеветать ему, охреневшему балбесу!

На следующий день газета «Московский комсомолец» напечатала статейку под заголовком «Иона Андронов: Ельцин - балбес охреневший!»:

«Андронов, не дожидаясь решения суда, назвал российского президента не кем иным, как «балбесом охреневшим». И заверил, что для доказательства этого у него имеется «достаточно документов». Так что ответного суда Андронов не боится».

Мое грубиянство было преднамеренным. Дабы вытащить на суд свирепого медведя из его кремлевской берлоги надлежало туда потыкать сперва острой и колкой рогаатиной.

Тем не менее никто из Кремля не явился к районному судье Арефьеву в назначенный им срок 15 сентября. Повторный вызов к судье 26 сентября Ельцин тоже проигнорировал. И тогда Арефьев послал официальную повестку Президенту с требованием участвовать в первом заседании суда 19 октября.

Такого никогда у нас еще не бывало, а посему вызвало снова много откликов в нашей и зарубежной прессе. Англоязычная «Москоу таймс» сообщила из районного Кунцевского суда:

«В юридической истории России и бывшего СССР произошло беспрецедентное событие - московский судья обязал своей повесткой президента Бориса Ельцина явиться в суд для защиты самого себя против обвинения в клевете. Судья Арефьев заявил, что должен установить первопричину иска - вызван ли он ошибкой при переводе за рубежом книги

Ельцина или оригинальный текст Ельцина содержал слово «фашист» и в таком случае за это будет виновен автор».

Утром 19 октября возле хибары Кунцевского суда я увидел уличную толпу. В ней разглядел немало знакомых лиц прошлогодних баррикадников, оборонявших «Белый дом». Они приветствовали меня, обнимали, жали руку.

Манифестанты держали плакаты с забавными виршами: «Борис, не бойсь, в суд явись!», «Борис, перед Ионой извинись!», «Иона, покарай Дракона!». Нарисованный дракон имел три головы президента на длинных, как у жирафа, шеях. Укротить такое страшилище смог бы только сказочный богатырь, но уж никак ни я.

Зал суда был переполнен. Люди сидели на скамьях и подоконниках, притиснувшись друг к другу. Стояли вдоль стен плечом к плечу. И все равно половина пришедших осталась в коридоре. Оттуда пропихнуться внутрь дали только мне и трем моим помощникам, среди которых один – Юрий Голик – стал в те дни моим адвокатом. Он, доктор юридических наук, был прежде депутатом Верховного Совета СССР. Ученый-правовед Голик не владел профессией адвоката, но иного судебного защитника мне не удалось заполучить.

Судья Арефьев в черной мантии, начав разбирательство, предложил мне устно изложить иск к Ельцину, а затем сам зачитал документ, доставленный ему вчера из Кремля. Документ с президентской печатью был подписан Ельциным собственноручно. Обращение Ельцина к суду гласило:

«Категорически отвергаю предъявленное мне обвинение. По мнению истца, оскорбительные сведения о нем распространены мною, поскольку я автор «Записок президента». Однако истец не учитывает, что:

1. Оригинал моей книги «Записки президента» впервые выпущен в свет в России на русском языке.

2. Зарубежные издания книги, распространенные в США, Канаде и Англии, вышли в переводе с русского на английский язык.

3. Сведения, оспариваемые истцом, имеются лишь в зарубежных изданиях моей книги и отсутствуют в ее оригинале.

4. Перевод зарубежного издания книги выполнен Кэтрин Фитцпатрик.

Все эти аргументы в совокупности убедительно, на мой взгляд, свидетельствуют, что я не являюсь ни автором, ни распространителем сведений, оспариваемых истцом. Его иск о защите чести и достоинства, предъявленный мне, лишен правового основания.

Судебное разбирательство прошу провести без моего участия.

18 октября 1994 г. Б. Ельцин».

Тем самым Ельцин переложил вину за оскорбление меня на заграничную переводчицу его «Записок президента» – американку Кэтрин

Фитцпатрик. Ее имя действительно значилось на титульных листах англоязычных мемуаров Ельцина: «Переведено Кэтрин Фитцпатрик».

Но обличитель переводчицы явно не знал, что она еще месяц назад переслала из Нью-Йорка свое письмо на русском языке судье Арефьеву. Фитцпатрик написала ему:

«Прошу Вас связаться со мной и дать мне номер факса, по которому я могу прислать Вам оригинал текста книги Ельцина, где Вы найдете на странице 385 рукописи слово «фашиствующий». Этот текст был передан нам для перевода. Дело не в ошибке перевода, а в том, что автор не представил нам поправку, сделанную в русском варианте книги, где слово «фашиствующий» заменили словом «воинствующий». Об этом нас не уведомили.

15 сентября 1994 г. Кэтрин Фитцпатрик».

Наивная американка не догадывалась, что международная связь с Америкой по факсу — это несбыточная фантастика в наших нищенских райсудах, где обычно нет ни факсов, ни денег на оплату заграничных коммуникаций, а есть лишь копеечное правосудие для российской бедноты.

И все же я вручил судье Арефьеву присланную из Нью-Йорка фотокопию страницы 385 авторской рукописи Ельцина на русском языке и сопроводительное письмо переводчицы Фитцпатрик. Ее второе письмо получила и опубликовала 17 сентября газета «Москоу таймс»:

«Решив высказаться по поводу судебного иска Андропова о его оскорблении Ельциным, я вместе с тем знаю, что традиционно в судебной системе или прессе России трудно доказать любому человеку, что он не верблюд. Однако в деле Андропова не существует ошибки перевода. Вы можете увидеть на приложенной здесь странице рукописи Ельцина, что оригинал русского текста книги «Записки президента» содержит определение «фашиствующий» в качестве характеристики Ионы Андропова. Правильный перевод этого термина на английский язык применительно к человеку — «фашист». Поэтому мой перевод достоверен грамматически.

Очевидно, что при отправке в типографию русского издания книги президента Ельцина было решено в последнюю минуту смягчить слово «фашиствующий» и заменить его словом «воинствующий». Но об этой подмене никогда не информировали нас.

Я призываю восстановить истину, так как помимо «чести и достоинства» кого-либо моя репутация как переводчика тоже задета.

С искренним уважением

Кэтрин Фитцпатрик,

фирма «Русские переводы и консультации»,

Нью-Йорк.»

- Прошу суд, - сказал я, - приобщить к делу кроме письменного свидетельства Фитцпатрик и присланной ею страницы русской рукописи Ельцина еще несколько улик — французское, итальянское, японское, пор-

тугальское издания «Записок президента», где на титульных листах напечатано, что данные книги тоже переведены с русского языка авторского оригинала. Это доказывает, что переводчики во многих странах, а не только одна Фитцпатрик, верно перевели на их языки клевету Ельцина обо мне.

В конце дня судья постановил: «Истребовать у ответчика оригинал его рукописи для зарубежных изданий. Обязать явку представителя ответчика. Слушание дела отложить на 9 ноября 1994 года».

Второе заседание суда ознаменовалось наконец-то появлением адвоката Ельцина. Его сопровождали трое кремлевских юрисконсульты и семь рослых охранников. Публика и журналисты опять теснились локоть к локтю в зале райсуда. Позже «Комсомольская правда» оповестила:

«Кремль бросил на этот суд все свои юридические силы».

Самоуверенная сила была заметна и во внешнем облике президентского адвоката Владимира Антипова. Статный, мускулистый, стриженный по-военному очень коротко, он выделялся даже меж его охранников особой выправкой кадрового офицера. Стальные глаза на скуласто-хищном лице придавали ему сходство с беспощадным снайпером спецназа. Столь странный адвокат насторожил меня сразу же.

Хотя я и мой адвокат Голик по требованию судьи сообщили с самого начала о наших профессиях и местах службы, президентский стряпчий Антипов отказывался долго и упрямо информировать суд о том же. Лишь после моих неоднократных жалоб на его незаконную конспирацию Антипов все-таки немного рассекретился:

- Я военнослужащий воинской части номер 11488. Должность – командир подразделения.

- Какой род ваших войск? – спросил я.

- Я сказал только то, – отчеканил адвокат, – что можно вам сообщить.

Потом удалось выведать его тайну: войсковой номер 11488 имела Служба безопасности президента Ельцина. Непосредственно командовал тогда Антиповым генерал Коржаков. У полковника-юриста был ежемесячный оклад в тысячу долларов – больше, чем у командующего армейским округом. Ельцин повелел своим валютным опричникам сокрушить в плебейском суде ничтожного задиру-пенсионера.

Судья Арефьев предложил кремлевскому адвокату:

- Предъявите авторскую рукопись книги президента.

- Этой рукописи нет, – ответил Антипов.

- Куда же она делась? –

- Ее не существует.

- Но ведь это невероятно!

- Нет, это достоверный факт, – заявил Антипов. – Президент Борис Николаевич Ельцин чрезвычайно занят государственными делами и потому в его работе над мемуарной книгой ему некогда было возиться с авторучкой и бумагой. Он печатал свою книгу на компьютере, вносил в не-

го последующие поправки, а в итоге на компьютерной дискете образовался тот окончательный текст, который опубликован в «Записках президента».

Всеобщий хохот разразился в зале суда. Кто-то насмешливо крикнул:

- Новое чудо – компьютерщик Ельцин!

Адвокат президента высокомерно осадил весельчаков:

- Нечего гоготать! Надо с почтением и доверием воспринимать изложенное мною со слов главы нашего государства Бориса Николаевича Ельцина.

Судья строго приказал прекратить смех и выкрики. И вновь спросил Антипова:

- Сохранил ли автор «Записок президента» записи сделанных им поправок в тот текст, который получили его зарубежные издатели?

- Нет, - сказал Антипов. – Автор не считал нужным записывать отдельно свои компьютерные поправки. Зарубежные издатели и их переводчики получили тот же самый текст, который напечатан по-русски в «Записках президента».

- Выходит по-вашему, что Ельцин в своей книге не назвал Андропова фашистом?

- Да, не назвал.

- Чем это можно вещественно доказать при отсутствии авторской рукописи и внесенных в нее поправок?

- Тем, что уже сообщил письменно суду Борис Николаевич Ельцин.

Адвокат из придворной стражи президента навязывал по сути суду незаконное новшество: верить слепо бездоказательным показаниям кремлевского ответчика вопреки инкриминированным ему наглядным уликам – его заграничным книгам, письмам американской переводчицы, странице его русской рукописи с клеветнической ложью.

Судья позволил мне обратиться к защитнику президента:

- Ваши голословные оправдания Ельцина документально опровергнуты свидетельскими уликами американской переводчицы Фитцпатрик. Признаете хоть это?

- Нет, не признаю, - фыркнул он презрительно. – Ни мне, ни суду неизвестно доподлинно – кто подписал, быть может, письма Фитцпатрик ее именем? Мог ли кто-то от ее имени прислать из Нью-Йорка сюда страничку будто бы из рукописи нашего президента? Все это сомнительно и неприемлемо юридически.

- Но легко проверить, - возразил я, - если судья вместе с вами побеседует по телефону с говорящей по-русски Фитцпатрик.

- А как проверить, что телефонные переговоры состоятся с Фитцпатрик, а не с другой какой-то дамой?

- Ну что же, ваши казуистичные сомнения можно быстро развеять: завтра попросим Фитцпатрик спешно заверить нотариально в Нью-Йорке ее свидетельские показания.

- Тем не менее сегодня, - настаивал Антипов, - я призываю суд отвергнуть неправомерный иск к моему высокочтимому доверителю Борису Николаевичу Ельцину!

Однако судья Арефьев не поддался нажиму агрессивного царедворца. Тяжба продолжалась до конца 1994 года, когда в Кремле изыскали способ отделаться от слишком независимого судьи. Адвокат Ельцина заслал в городской суд Москвы гневную жалобу на Арефьева за то, что тот не отверг иск против президента и якобы потворствовал сумасбродному истцу. Государев жалобщик потребовал от Мосгорсуда скорейшего «прекращения судопроизводства по иску И.И.Андропова».

В столичном «Дворце правосудия», престижной резиденции горсуда, назначили терминатором моего иска судью Валентину Емышеву. О ней я узнал из газет, что она ретиво пособничает высшим властям в притеснении ими рядовых граждан. Еще до начала ее судейства по моему делу кремлевский адвокат Антипов письменно продиктовал Емышевой свои инструкции и уведомил многозначительно о его аналогичных посланиях председателю Мосгорсуда и Генеральному прокурору. Таким образом судейская роль Емышевой была предначертана свыше.

Бывший сослуживец Емышевой горсудья Сергей Пашин, изгнанный из московского «Дворца правосудия» за чрезмерную принципиальность, сетовал журналистам на закулисные нравы его коллег:

- Суд у нас инквизиционный и связан мало с идеей справедливости. Нажать на суд можно всегда. Какой-нибудь большой начальник обращается к председателю суда, а тот расписывает важные дела своим доверенным судьям, испытанным друзьям и подружкам. Управляют нами не законы, а личное усмотрение начальства.

Исход судейства покорной начальству Емышевой я загодя предвидел, но решил по-прежнему использовать публичность суда для разоблачений бесчестия Ельцина. На первом же заседании во «Дворце правосудия» я зачитал вслух и отдал Емышевой четырехстраничный документ с круглой печатью. Внутри нее была буквенная гравировка: «Нотариус Уильям Х.Шаап, штат Нью-Йорк».

А рядом с той печатью – чернильная подпись нотариуса под его постскриптумом: «Письменное показание Кэтрин Фитцпатрик сделано ею под присягой в присутствии меня, нотариуса Уильяма Шаапа, штат Нью-Йорк, лицензия 02SC5037984». И сбоку – подпись Кэтрин Фитцпатрик.

На двух страницах американская переводчица «Записок президента» повторяла содержание ее предыдущих писем блюстителям нашего правосудия. Третья страница с номером 385 из авторской рукописи книги Ельцина имела перед моим именем слово «фашиствующий». Оскорбление было напечатано по-английски на четвертом листе – книжной странице 251 президентских мемуаров, опубликованных в США, Англии и Канаде.

Юридически безупречное доказательство клеветы Ельцина настолько обескуражило его адвоката, что он впервые онемел. Но и судья тоже про-

молчала, хотя ей полагалось бы теперь признать правоту иска к президенту. Вместо того Емышева вдруг ошарашила меня неожиданным вопросом:

- Истец желает закончить дело миром?

- Миром с Ельциным? — всполошился я. — Да ведь еще недавно он приказывал расстреливать из танков моих товарищей, меня, женщин и подростков в «Белом доме». И он...

- Говорите короче! — прервала меня Емышева. — Каковы ваши условия мирового соглашения?

- Об этом я не думал. Ельцин должен принести извинения за то, что он...

- Еще короче! Какие извинения — устные или письменные?

- Обязательно письменные и публичные.

- В каких средствах массовой информации? Конкретно!

- Пусть сам выбирает. Но должен извиниться публично.

- Значит, извиниться и все! На этом закончим дело?

- Нет, не согласен. Пусть он заплатит за нанесенный мне моральный ущерб. Я не возьму себе ни гроша из его денег, а раздам их семьям погибших 3 и 4 октября 1993 года. Или истрочу на памятник убитым по его вине.

- Деньги вам отдать?

- Их можно отдать в фонд для постройки памятника жертвам расстрелов осенью 1993 года.

- Значит, вы готовы окончить дело миром при условии денежной компенсации?

- Вопрос денег можно, вообще-то, оставить на усмотрение самого Ельцина. Желательно, чтобы у него хватило совести раскошелиться на памятник погибшим из-за него. Пусть хоть частично снимет грех с души за пролитую кровь. Но если не захочет, то так тому и быть.

Судья обратилась к Антипову:

- Представитель ответчика, вы согласны на таких условиях закончить дело?

- Конечно, нет! — ответил он. — Вины моего доверителя нет. Однако я мог бы обсудить с ним условия принесения извинения. Но только извинения. Если же будет речь о деньгах за возмещение морального вреда, то тогда мы прекращаем разговор о мировом соглашении.

Емышева подытожила:

- Предлагается двум сторонам встретиться и на основе предварительной договоренности выработать проект мирового соглашения. До его предоставления суду объявляю перерыв на десять дней.

Когда мы расходились из зала суда, я сказал Антипову:

- Чтобы условиться о встрече с вами, дайте номер вашего телефона.

- Я сам вам позвоню, — засекретился опять кремлевский офицер тайного спецвойска 11488.

В штабе 11488 явно знали все обо мне. И я уже так им насолил, что они наверняка сами подсказали Емышевой погасить многомесячный скандал вынужденным перемирием.

Спустя неделю Антипов позвонил мне:

- Сможете встретиться со мной завтра?

- Да. Где и когда?

- В скверике перед Большим театром в 13 ноль-ноль.

- Согласен.

Место предстоящего randevу меня, однако, слегка смутило: сквер перед фасадом Большого театра прозвали в ту пору «голубой плешкой». Там была главная тусовка столичных гомосексуалистов. Их развелось в Москве такое множество, что немало «голубых» служило даже в кремлевской администрации президента. Но его адвокат-оруженосец внешне, как мне казалось, ничем не походил на приверженцев однополой любви. Впрочем, говорят, в тихом омуте черти водятся...

Пришел я на «голубую плешку» за три минуты до назначенного свидания, чтобы подыскать в сквере еще незанятую гомиками пустую скамейку. Увидел такую, присел и нарочито отвернулся от кучки педерастов, фланировавших по-соседству возле гранитной чаши фонтана.

Вспомнился, кстати, бородатый анекдот про зашедшего сюда случайно иногороднего провинциала, которому пришлось отбиваться от здешних педиков. Он увидел в сквере милиционера и позвал его на помощь:

- Товарищ милиционер, спасите меня от нахальных извращенцев!

В ответ милиционер пролепетал тонким голоском:

- А ты, противный, не ходи в наш скверик.

От подобной порнухи избавил меня приход Антипова. Его появлению я обрадовался в первый и последний раз. Вдвоем на скамейке мы выглядели интимной парочкой и потому были вроде бы застрахованы от сексуальных домогательств.

Антипов вынул из папки лист бумаги, протянул мне и сказал:

- Вот такое мировое соглашение санкционировал президент.

Цитирую это сочинение дословно:

«В Московский городской суд

От Ельцина Бориса Николаевича – ответчика по гражданскому делу № 3-122/2-95 о защите чести, достоинства и деловой репутации по иску Андропова И.И.

ЗАЯВЛЕНИЕ

по вопросам, связанным с разбирательством дела

Принимая предложение Московского городского суда окончить указанное дело миром, полагаю, что мирный исход дела во многом зависит не столько от меня, сколько от истца.

Со своей стороны могу лишь выразить сожаление, что в некоторых зарубежных изданиях моего литературного произведения «За-

писки Президента» по недоразумению вкрался эпитет, не имеющий никакого отношения к истцу Андронову И.И., а также сообщить, что зарубежные издатели уже предприняли необходимые меры, чтобы в последующих изданиях книги «Записки Президента» за рубежом указанного эпитета не было.

Весь вопрос в том, достаточно ли этого для окончания дела миром? Решить его может только истец.

Б.Ельцин».

- Вы удовлетворены? – спросил Антипов.

- Нет. От Ельцина требуется не его «лишь сожаление» о некоем «эпите»^{те}, а внятное извинение за оскорбление.

- Таковую формулировку Борис Николаевич отвергнет и не изменит больше ни слова в его заявлении суду.

- Но судья объяснила вам, что проект мирового соглашения не пишется односторонне ответчиком или истцом, а составляется ими совместно и согласованно.

- То есть вы отвергаете предложенное президентом мировое соглашение?

- Это не соглашение, а ультиматум. И его отвергаю!

- Образумьтесь, Андронов, - процедил мой оппонент. - Вы уже раздули шумиху вокруг вашего дела. Возбудили напряженность. Не пора ли вам остановиться?

- Еще не пора.

- Уже позабыли о том, как покарали бы вас в недавнем прошлом за судебные придиры к главе государства?

- Не забыл. Раньше меня засадили бы в тюремную психушку. Однако теперь, к счастью, иные времена.

- Но и теперь у вас нет никаких шансов выиграть судебный процесс.

- Зато я умножаю в суде другие шансы для политического выигрыша в общественном мнении.

На этом закончился наш спор на скамейке «голубой плешки» и вскоре возобновился во «Дворце правосудия». После срыва моего примирения с Ельциным судья Емышева начала открыто подыгрывать адвокату президента. А я умышленно затягивал полемику с ними, чтобы нанести противникам побольше болезненных ударов.

- Почему судья позволяет гражданину Ельцину пользоваться здесь услугами адвоката за казенный счет? – укорял я Емышеву. – Ведь сочинение мемуаров президента не входит в его служебные обязанности, но тут защищает Ельцина вовсе не частный адвокат, а получающий государственную зарплату офицер Службы безопасности президента. Ответчик использует корыстно свое положение. Разве это законно?

Судья, усмехаясь, помалкивала.

- Мне предлагали мирно аннулировать мой иск, - продолжал я. - Готов это сделать, если Ельцин гласно признает, что он обманул читателей своей книги, купавших ее в России за 15 рублей, а за рубежом - за 25 долларов. Между тем общеизвестно, что мемуары Ельцина целиком написал другой человек - журналист Валентин Юмашев. Он получил за это 10 процентов авторского гонорара и прекрасную квартиру в президентском доме. А сам Ельцин не удосужился даже прочесть рукопись якобы его книги. Прошу вызвать в суд Юмашева для опроса в качестве свидетеля. Если он сознается в создании рукописи «Записок президента», то я отменю иск против Ельцина.

Судья опять игнорировала запрос истца. И я атаковывал ее заново:

- Суду полагается определить сумму денежной компенсации за нанесенное мне Ельциным оскорбление. Установить размер штрафа можно по объему рублевых и инвалютных гонораров автора «Записок президента». Однако эти сведения адвокат Ельцина уже не раз отказался сообщить суду. Вслед за публикацией мемуаров Ельцина депутат Государственной Думы Юрий Иванов заявил: «Судя по тиражу выпускаемых президентом литературных трудов, Ельцин сегодня один из богатейших людей нашей страны. Хотелось бы знать - платились налоги с его доходов? Имеет ли Борис Николаевич и члены его семьи счета за рубежом? В каких банках?»...

- Ну, хватит! - рассердилась Емышева. - Суд некомпетентен заниматься деньгами ответчика.

Но этим занялась пресса. Ее любопытство к заграничнымкладам Ельцина сильно растревожило Кремль. Там вновь захотели как-нибудь прекратить рискованную для президента судебную волокиту, которая тянулась уже почти год. И вот обо мне появилась в «Московском комсомольце» летом 1995 года грозная заметка с заголовком: «Сколько стоит череп Андропова?»:

«У бывшего депутата Ионы Андропова есть все основания опасаться нападения при входе в подъезд собственного дома. Неожиданному насилию может подвергнуться не только он сам, но и его родные и близкие. Андронов надеется выяснить: уплатил ли Ельцин налоги с полученной прибыли за его книгу».

Череп мне не проломили, только пуганули. Но вместе с тем лишили адвоката.

Мой защитник Юрий Голик жил прежде в Новосибирске. В Москве он обитал без прописки с семьей на птичьих правах в служебной квартире, предоставленной ему временно лишь на период его депутатства в Верховном Совете СССР. После распада СССР бывшего депутата принуждали освободить казенную квартиру. Он воспротивился, но без столичной прописки могли принудительно его выселить. Из-за этого, по моим догадкам, Голик весьма робко и вяло поддерживал меня на суде. А потом вовсе самоустранился, ибо закадычный друг Ельцина - управляющий

всеми хозяевами президента Павел Бородин – даровал Голику московскую прописку!

Выручила меня тогда пенсионерка Эльвира Миронова – мой новый адвокат. Она юрист высшей квалификации: бывший прокурор следственного управления Генеральной прокуратуры. Юридическое превосходство Мироновой над судьей Емышевой оказалось настолько велико, что судья, как потрепанная кошка под натиском львицы, улизнула от их дальнейшего поединка, объявив внезапно о прекращении разбирательства иска к Ельцину.

5 сентября Емышева огласила свой вердикт. Он был заранее известен адвокату президента. Перед оглаской вердикта Антипов, злорадно ухмыляясь, обратился ко мне и Мироновой:

- В ответ на ваши пространные речи в ходе судебных прений напомню на прощание меткое выражение Антона Павловича Чехова: «Если вам подадут чашку кофе, то не старайтесь искать в ней пива».

Судебный вердикт был столь же логически несуразен, как несовместимость кофе с пивом:

«Отказать в иске И.И.Андронову к Б.Н.Ельцину о защите чести, достоинства и взыскании морального вреда. Признать не соответствующим действительности выражение «фашиствующий», распространенное в отношении истца в книге Б.Н.Ельцина, изданной в США, Канаде и Англии».

Так я перестал быть фашистом, а Ельцин – клеветником. Самонадругательство московского правосудия породило ехидную поговорку еще двести лет назад: «Законы у нас святы, но исполнители лихие супостаты».

Однако моя неутомимая адвокатша Миронова, фанатичная законница, возмущенно обжаловала вердикт Мосгорсуда в Верховном суде России. И еще четыре месяца трое высших судей республики мурыжили мой безнадежный иск против кремлевского самодержца. На заключительном заседании 10 января 1996 года я сказал тройке верховных судей:

- Уже узаконено то, что я не фашист. Тем самым публично восстановлены моя честь и мое достоинство. Осталось наказать моего оскорбителя. Поэтому сегодня выяснится – обладает ли Верховный суд должной честью и достоинством для справедливого решения?

Приговор изумил Миронову, но не меня:

«Оставить без изменения решение Московского городского суда от 5 сентября 1995 года».

Запомнилась торжествующая улыбка президентского адвоката Антипова. И запомнилось, как неожиданно моя жена прошла сквозь публику в зале и очутилась перед тяжеловесным столом, за которым восседали судьи. Она крикнула им:

- Вы марионетки! Жалкие марионетки!

Двое судей безмолвно отшатнулись от нее. Третий сказал:

- Ну, ладно, уходите отсюда.

Я замер, испугавшись, что жену немедленно арестуют. Но она беспрепятственно подошла ко мне, и мы вместе с Мироновой ушли неспешно из судейского зала. Покидая его, я подумал, что выкрик жены завершился бы мгновенно ее арестом в тех заморских краях, где мы вдвоем прожили раньше одиннадцать лет. Если кто-нибудь посмел бы так же унижить судей Верховного суда США в их вашингтонской резиденции, то угодил бы надолго в тюрьму или психбольницу.

Только, пожалуй, у нас верховные судьи страны, попирая презрительно законы в угоду Кремлю, презирают втихомолку и себя.

Спустя полтора года в том же зале российского Верховного суда опять адвокатствовал мой недруг Антипов. За усердное противоборство со мной Ельцин назначил Антипова заместителем главы администрации президента. Однако вскоре Ельцин рассорился со своим главным телохранителем Коржаковым, военачальником Антипова, и выгнал обоих из Кремля. Более того, осердчавший президент уволил генерала Коржакова из вооруженных сил «за проступки, дискредитирующие часть офицера».

Обиженный изгой вчинил судебный иск к неблагодарному боссу о защите поруганной чести и достоинства охранника. Его адвокатом стал тоже опальный Антипов.

18 июня 1997 года вердикт Верховного суда не содержал особой новизны: иск Коржакова отвергли да еще обязали сутягу компенсировать Ельцину 8 миллионов рублей судебных издержек.

На следующий день я прочел в газете «Коммерсант» репортаж из зала Верховного суда:

«Огласка решения суда заняла не более двух минут. Генерал побагровел, а у Антипова даже навернулись слезы на глаза».

Антипов и словесно поплакался газетчикам:

- Сегодня мы убедились, что у нас в суде нет равенства между сторонами. Прежде я сам представлял в судах интересы президента, но когда стал защищать Коржакова, то сразу проиграл. Впервые в истории российского государства Ельцин воспользовался своим должностным положением, чтобы свести счеты с отдельным гражданином.

Лживый плакса закончил свою кремлевскую карьеру крокодиловыми слезами.

А хорошо смеется тот, кто смеется последним. Пока это Борис Ельцин. Он всех перехитрил, обманул и так или иначе победил. И меня, и сотни других его политических противников, и тысячи враждебных ему сограждан. Победил разгромленный им конституционный парламент, советскую власть, свою мамашу-компартию и даже тех кремлевских лакеев, которые хоть маленько его раздражали.

Каким же чудом все это удалось нешибко образованному сибиряку, редко трезвому, а потом совсем хворому и под конец почти маразматичному?

Феномен Ельцина кажется мне исторически закономерным, когда я вспоминаю свои прожитые годы — мое студенчество при власти Сталина и десятилетия журналистики во времена Хрущева, Брежнева, Горбачева. Эти генсеки считались великими вождями коммунистов, но ведь еще нестарый Сталин физически изничтожил подлинно идейных коммунистов-большевиков ленинской закваски. Вместо них Сталин создал новый правящий класс идолопоклонников его культа личности. Рабски покорная Сталину чиновничья элита получила свое бюрократическое наименование - номенклатура.

Хрущев, выдвигенец номенклатуры, избавил ее от сталинской дрсировки террором массовых арестов и казней. Однако Хрущев теребил и злил окрепшую номенклатуру кадровыми перебросками из насиженных кресел министров и партбюро в совнархозы, на целинные земли, кукурузные плантации, индустриальные новостройки. За десять лет эксцентричный Хрущев так измотал номенклатуру, что она свергла его.

Брежнев процарствовал до его кончины 18 лет совершенно спокойно, ибо обеспечил номенклатуре так называемый «застой» — безмятежное безделье и кайф на дармовых госдачах и охотничьих угодьях, в спецэлитных санаториях, магазинах, ателье, лечебницах. Взятки, спекуляция, казнокрадство повсюду процветали, но только мелкое жулье попадало за решетку. Номенклатура лелеяла и превозносила Брежнева даже в его предсмертные месяцы старческого слабоумия.

Горбачев продержался в Кремле лишь шесть лет, так как перепугал номенклатуру хаотичной «перестройкой» до такой степени, что оказался жертвой путча собственного Политбюро. Ельцин спас Горбачева, но сделал своим заложником и лишил президентской власти.

Став президентом, Ельцин отбросил его прежние обещания народу отнять у номенклатуры ее жирные привилегии. Наоборот, Ельцин озолил номенклатурных чиновников, позволив им «приватизировать», то бишь присваивать, государственное имущество — от казенных дач до городских зданий, промышленных предприятий, рудников, нефтепромыслов, торговых заведений, авиации, большегрузного автотранспорта, морских кораблей и портов.

К захвату общероссийского богатства подключились быстро теневые дельцы-аферисты и шайки мафии. Они слились с номенклатурой и сообща с ней хозяйничают ныне в России благодаря Ельцину. А он властью, опираясь на поддержку нашей криминально-буржуазной номенклатуры. Этот уродский гибрид называют на Западе сейчас «клептократией» - воровской властью.

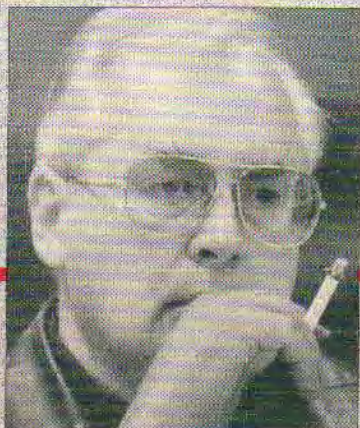
Вероятно, по-моему, что после правления Ельцина «клептократия» исчезнет вместе с ним. Она, очевидно, уже неистребима. И все же, как говорят у нас ради самоутешения, надежда умирает последней.

СОДЕРЖАНИЕ

Глава I	
Поминки у «Белого дома»	3
Глава II	
Преданы и забыты	20
Глава III	
«Голубчик, будьте спасителем!»	45
Глава IV	
Семь бед – один ответ	67
Глава V	
Рынок невольников	98
Глава VI	
Меж трех огней: Ельцин – КГБ – Руцкой	131
Глава VII	
Два попугая для вице-президента	152
Глава VIII	
Надежда на Аллаха	175
Глава IX	
«Мертвый сезон» на дороге в Ригу	195
Глава X	
Кремлевские самураи	206
Глава XI	
Накануне кровавой развязки	233
Глава XII	
Битва компроматов	258
Глава XIII	
В паутине шантажа	285
Глава XIV	
Агония Верховного Совета	316
Глава XV	
Янки и танки	343
Глава XVI	
Штурм	368
Глава XVII	
Три эпилога	388

Иона Андронов

Закулисная правда о недавних трагических событиях в России рассказана их соучастником.

Иона Андронов, журналист-международник с дипломом Московского университета, проработал 30 лет редакционным и зарубежным сотрудником журнала «Новое время» и «Литературной газеты». Опубликовал множество репортажей из стран Азии, Европы, Америки. Был фронтовым корреспондентом на войнах во Вьетнаме, Лаосе, Камбодже, Никарагуа, Афганистане. Помимо журналистики длительно занимался освобождением в Афганистане советских военнопленных.

Избранный народным депутатом России в 1990 году Андронов участвовал в обороне парламентского «Белого дома» во время московских путчей в 1991 году и кровавой осенью 1993 года.

Состоял в КПСС, не выходил из компартии, но после ее распада — беспартийный поныне. С 1995 года прекратил вообще политическую деятельность, приобретя, к ней стойкое отвращение. ~~И-таки~~ ~~сказал~~ ~~Россию~~